

В. М. Безотосный
Россия
в наполеоновских
войнах
1805–1815 гг.

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В. М. Безотосный

Россия
в наполеоновских
войнах
1805–1815 гг.

РОССПЭН
Москва
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
Б40

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Безотосный В. М.

Б40   Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. / В. М. Безотосный. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 664 с. : ил. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-1856-2

В монографии, являющейся своеобразным итогом многолетних изысканий автора, осмысливаются масштабные события эпохи 1812 года, по сути, являвшиеся первой мировой войной. Анализируется внешнеполитический выбор России на фоне бушевавшего в мире военного пожара, исследуются вопросы: с кем, зачем и почему Россия воевала против наполеоновской Франции; дается оценка роли России в международных отношениях в период наполеоновских войн и ее армии в кампаниях 1805–1815 годов, как ядра и главной опоры всех антинаполеоновских коалиций – от поражения при Аустерлице до триумфального взятия союзниками Парижа.

Издание сопровождается научными комментариями, библиографией и предназначено для историков, а также всех изучающих и интересующихся всемирной историей и историей Отечества.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-8243-1856-2

© Безотосный В. М., 2014
© Политическая энциклопедия,
2014

ВВЕДЕНИЕ

Сама тема книги продиктована эпохальностью исторических событий наполеоновских войн, в ходе которых решался вопрос о защите суверенитета и существования российского государства, особенно в 1812 г., когда Россия столкнулась с очень серьезным вызовом — наполеоновским нашествием. Судьбоносными, и не только для России, оказались и социально-политические последствия наполеоновских войн. Масштабность и противоречивость событий той эпохи объективно и по сей день создают объективные трудности в их изучении, поэтому в историографии остается много спорных и дискуссионных тем, требующих разрешения. Важно подчеркнуть и интернациональный характер наполеоновских войн, по сути, этот период можно назвать первой мировой войной, в орбиту которой оказались втянуты все государства Европы, а через колониальные владения почти все территории земного шара, исключая Китай и Японию. Поэтому нужно учитывать и международный аспект, и интерес к данной проблематике не только российских, но и зарубежных исследователей. Сегодня уже нельзя решать возникающие историографические проблемы только на основе российских источников и литературы, важно использовать иностранные документальные материалы и сравнивать результаты с достижениями зарубежной историографии. Это поможет избежать мифологизации истории, как в России, так и за ее пределами, поскольку эта тематика остается одной из самых востребованных в мире. Исторические традиции и работы историков сегодня широко привлекаются для обоснования современной политики, поэтому важно разобраться и дать характеристику сложившимся национальным школам историков и особенностям их научных традиций.

За последние 20 лет появилось большое количество авторов, «прислонившихся к истории» и интерпретировавших исторический процесс в самых неожиданных ракурсах: от ура-патриотических призывов на уровне пропагандистских клише до утверждений о гениальности Наполеона, жалости к его несчастной судьбе и полного оправдания действий великого корсиканца. Если ура-патриоты пытаются, часто чуть ли не в лубочном стиле, доказать уникальность военных успехов русского оружия (даже сокрушительные поражения пред-

ставляют почти победами, а если проиграли, то из-за иностранцев), то сторонники Наполеона уже отказывают в праве событиям «грозы двенадцатого года» именоваться Отечественной войной, мол, не существовало всеобщего подъема и единодушия на всей территории Российской империи, да и вообще, именно Россия и ее правители виноваты в развязывании самой войны, да и государство не выиграло эту войну, а, скорее проиграло¹. Собственно, это две оборотных стороны процесса откровенной подмены исторического анализа заранее выбранными подлогами в виде спекулятивных концепций, а, по сути, фальсификациями.

Данный труд является первым монографическим исследованием в отечественной историографии, обобщающим анализ участия России и ее армии в наполеоновских войнах, поскольку до сих пор не было специальной комплексной работы, целиком посвященной этой теме. В российской литературе при наличии микроисторических работ на сегодняшний день явно не хватало трудов по макроанализу войн против наполеоновской Франции. Если традиционно этот вопрос рассматривался на примере показа событий 1812 г., то в данной работе автор исходил из общеевропейского подхода и анализа сильных и слабых сторон России с точки зрения международной политики и военного искусства. Поэтому исследование ориентировано на ключевые моменты истории, на выяснение роли Российской империи и ее армии в описываемый период, на осмысление совокупности произошедших событий и процессов, а также их последствий в последующей истории России.

Войны наполеоновской эпохи стали окончательным проявлением государственных противоречий в самых различных сферах: социальной, экономической, идеологической и политической. С позиций современной источниковой базы и достижений историографии дается детальная оценка характера антинаполеоновских коалиций и рассматриваются причины участия России в войнах против Франции. Обоснован тезис о том, что даже после заключения Тильзитского мира в 1807 г. главным потенциальным противником для России оставалась наполеоновская империя. В соответствии с концептуальным замыслом исследования детально прослежено как на протяжении истории наполеоновских войн менялись основные тенденции и происходила эволюция русского военного искусства, а также показано, какие конкретные события существенно повлияли на эти изменения. Анализ хода военных действий рассматривается в тесном взаимодей-

---

¹ См.: *Безотосный В. М.* А была ли война Отечественной? // Родина. 2012. № 6. С. 4–8.

ствии с международной обстановкой и с ведением дипломатических переговоров.

Впервые в российской историографии проанализировано влияние опыта неудачных военных действий в 1805–1807 гг. на реформирование вооруженных сил России, прослежен процесс разработки и реализации военно-политических планов в 1805–1815 гг., особенно применительно к 1812 г. Большое внимание уделено личностному фактору — показаны столкновение мнений и амбиций в среде русского генералитета, борьба генеральских группировок во время военных действий и выявлена реальная роль императора Александра I, с одной стороны — основного виновника поражения в 1805 г., с другой — главного генератора идей и лидера коалиции в 1813–1814 гг., а также фактически теневого главнокомандующего союзными армиями. Анализируются внешнеполитические последствия войн — создание Венской системы, имевшей большое значение для мирного существования европейских государств до середины XIX в. Также представлено обобщающее комплексное изучение материальных, финансовых и людских потерь России, понесенных в 1805–1815 гг. Предметно рассмотрено влияние войн на российскую экономику и общественную жизнь после 1815 г. и ставится исследовательский вопрос: победа в войне ускорила или затормозила отмену крепостного права в России?

Автором была поставлена цель дать полную хронологическую, фактографическую и событийную реконструкцию войн России против наполеоновской Франции и на основе критического осмысления предшествующей историографии и интеграции точек зрения решить масштабную задачу — показ участия русской армии в наполеоновских войнах и выявление места и роли России в антинаполеоновских коалициях с точки зрения национальной и европейской истории, вписать историю Российской империи и ее армии в контекст европейской истории.

Собственно исследовательские задачи вытекали из поставленной цели — решить на основе современных методов исторического познания основные научные проблемы, стоящие перед российскими и зарубежными историками при осмыслении наполеоновских войн. Поэтому военные действия анализируются не изолированно, а в связи с основными событиями внутри и за пределами России на фоне дипломатической борьбы европейских государств.

Хронологические рамки исследования определяются событийной лентой наполеоновских войн и охватывают участие русской дипломатии в международной жизни и российских войск в боевых действиях против французской армии в 1805–1815 гг. Именно об этой суровой эпопее войн против Наполеона (целое военное десятилетие)

идет речь. Да и нельзя, осветив одно сражение или один год войны, составить представление об этом периоде в целом. Слишком сложное явление представляла собой эпоха наполеоновских войн, получившая в российской историографии название «эпоха 1812 года», поэтому при необходимости делались экскурсы за пределы хронологических рамок вглубь XVIII столетия или при анализе последствий наполеоновских войн привлекался материал из последующей истории России.

Историография. По истории наполеоновских войн за 200-летний период опубликован даже не значительный, а просто огромный объем литературы, а то, что сегодня называется «наполеоникой», даже не поддается подсчету. При этом историографический процесс находился в постоянном развитии. Истина не боится ревизий взглядов, пересмотра подходов и уточнения точек зрения. Каждое поколение исследователей упорно стремилось подняться на вершины, откуда лучше просматривались исторические горизонты прошлого.

В то же время как самостоятельная цельная тема «Россия в период наполеоновских войн» в силу ряда причин оставалась в тени и не рассматривалась отдельно в монографических исследованиях, а лишь затрагивалась в курсе отечественной и зарубежной истории или при описании жизнедеятельности российских или иностранных полководцев и императоров¹. Очевидно, что достаточно трудно вписать факты русской истории в контекст европейских военно-политических событий даже через биографию очень известной исторической персоны. В сравнении с зарубежной литературой это явный диссонанс, где подобных трудов (рассмотрение проблематики военной истории отдельной страны или региона в ракурсе всей международной политики) большое количество и они воспринимаются как историографическая норма.

---

¹ См., напр.: *Боданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. I–VI. М.; СПб., 1869–1871; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. I–IV. СПб., 1904–1905; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 1–2. СПб., 1912; *Дживелегов А. К.* Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915; *Пресняков А. Е.* Александр I. Пг., 1924; *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1936; *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1973; *Троцкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994; *Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т.* Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. М., 1995; *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998; *Анисимов Е.* Генерал Багратион: Жизнь и война. М., 2009; *Ивченко Л.* Кутузов. М., 2012.

Причин этому несколько. В первую очередь, если говорить о наполеоновской эпохе, в отечественной военно-исторической литературе приоритет долгое время отдавался изучению событий 1812 г. как «стержневому» сюжету российской национальной истории с четко очерченными хронологическими и географическими рамками. Безусловно, это было не рядовое событие. Но без анализа предшествующего и последующего периода множество вопросов остается без ответов, нельзя понять побудительных причин войны 1812 г., позиций отдельных государств в проведении своей долговременной политики. Да и сам феномен 1812 г. и его последствия и значимость останутся до конца непонятыми. Без последовательного освещения фактов и процессов на протяжении длительного периода нельзя составить полную картину, раскрыть взаимосвязи в цепи важнейших событий и понять значимость 1812 г. как основного эпицентра целой эпохи. Нет никакого сомнения в том, что событийный ряд 1812 г. был тесно связан с кампаниями 1805–1807 гг., а последовавшие затем заграничные походы проистекали из катастрофы наполеоновской армии в России. Кроме того, Отечественная война уже сразу после окончания очень быстро стала обрастать всевозможными мифами, а этот процесс активно поддерживался властными структурами на протяжении XIX–XX вв. и находился под воздействием государственной идеологии и «государственного интереса». Именно из этого проистекает желание современных историков произвести «демифологизацию» той эпохи, но они еще только определяют ориентиры новых мировоззренческих и концептуально-теоретических построений. В то же время историография Отечественной войны 1812 г. неоднократно становилась объектом для специальных исследований¹, что освобождает от необходимости тщательного историо-

---

¹ Анализ отечественной историографии см.: *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990; *Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 года: История темы. Саратов, 1991; *Безотосный В. М.* Рец. на кн.: Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года: История темы // Отечественная история. 1993. № 2. С. 202–207; *Шеш И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002; *Безотосный В. М.* О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005; *Агронов Л. В.* Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. Анализу иностранной историографии посвящено целое диссертационное исследование, см.: *Шустеров М. В.* Отечественная война 1812 года в зарубежной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009. Также см.: *Tulard J.* Les historiens de Napoléon. Paris, 2003. Для сравнения укажем только единственный обзор дореволюционной литературы о кампании 1805 г.: *Янов-*

графического рассмотрения именно данного хорошо изученного сюжета. Поэтому считаю целесообразным сосредоточить внимание на остальных военных кампаниях наполеоновской эпохи и на анализе особенностей национальных историографических школ.

Приступая к историографическому обзору предшествующей литературы, необходимо ясно отдавать отчет в невозможности в одной работе представить исчерпывающее описание всего историографического процесса в силу огромного ареала научных трудов и отдельных статей по самой разнообразной проблематике. Поэтому основное внимание сосредоточим лишь на основных и значимых работах исследователей.

Если сравнивать отдельные военные кампании 1805–1815 гг., то не трудно заметить огромный количественный и качественный дисбаланс соответствующих работ в отечественной историографии. На одном полюсе — море литературы, посвященной исключительно 1812 г. На другом — очень скромный список трудов о кампаниях 1805–1807 и 1813–1815 гг. Если сделать раскладку по времени написания работ из этого списка, то увидим, что в первой половине XIX столетия еще не было такого большого расхождения. Кроме ранних сочинений¹, иногда не лишенных публицистического налета, в этот период вышли основные капитальные работы тех, кого принято называть классиками военно-исторической историографии: Д. П. Бутурлина², А. И. Михайловского-Данилевского³, М. И. Богдано-

---

ский А. Д. Российская дореволюционная историография кампании 1805 года // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 2005. С. 3–19.

¹ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях в Венгрии, с подробным описанием похода россиян против французов с 1805 и 1806 года. Ч. I–II. М., 1808; Чуйкевич П. А. Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810; Поход августейшего императора Александра I в Германию и Францию и подвиги союзников его с описанием всех происшествий и достопамятнейших перемен. Ч. 1–4. СПб., 1814; Хатов А. И. Поход российских императорских войск в Пруссию 1806 года. СПб., 1839; Карцов А. П. Военно-исторический обзор войны 1813 года. СПб., 1858.

² Бутурлин Д. П. Картина осеннего похода 1813 г., в Германии, после перемирия, до обратного перехода французской армии чрез Рейн. СПб., 1830.

³ Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844; *Он же*. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846; *Он же*. Описание войны 1813 года. Ч. 1–2. СПб., 1840; *Он же*. Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1–2. СПб., 1836. Про одно из первых сочинений автора Ф. Булгарин в своих воспоминаниях написал: «Сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно

вича¹. Всех трех авторов в историографии относят к представителям монархического или официального направления, но в соответствии с требованиями того времени их труды были выполнены на высоком научном уровне. Хотя это были сочинения описательного характера в рамках военной истории, но весьма добротные; при их создании был освоен огромный массив фактического материала, включая значительную часть источников и литературы на иностранных языках.

Но эту высокую планку дореволюционные историки (либеральное направление) и их советские коллеги (марксистское направление) в дальнейшем так и не смогли преодолеть. Исключением являлись лишь труды военного теоретика Г. А. Леера, посвященные военно-историческому разбору кампании 1805 г.², военных историков Н. П. Михневича о действиях кавалерии в 1813 г.³ и Б. М. Коллюбакина о сражении при Прейсиш-Эйлау⁴. Нужно также отметить, что в начале XX столетия в трудах Н. К. Шильдера и великого князя Николая Михайловича была высказана точка зрения о невыгодности для России переноса боевых действий в пределы Европы в 1813 г., сделавшая их родоначальниками историографического спора, длящегося и по сей день⁵. Если сравнить очерки о кампаниях 1813–1814 гг. И. Андреева⁶, А. Г. Елчанинова⁷, Н. А. Орлова⁸

царствующий император не разрешил А. И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину» (*Булгарин Ф.* Воспоминания. М., 2001. С. 191).

¹ *Богданович М.* История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. I–II. СПб., 1863; *Он же.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1–2. СПб., 1865.

² *Леер Г. А.* Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года. М., 2012; *Он же.* Подробный конспект войны 1805 года. Ульмская операция. СПб., 1887.

³ *Михневич Н. П.* Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах. СПб., 1888.

⁴ *Коллюбакин Б.* Прейсиш-Эйлауская операция: Сражение при Прейсиш-Эйлау (26-го и 27-го января 1807 года). СПб., 1911.

⁵ См.: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. III. С. 186; *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 1. С. 128.

⁶ *Андреев И.* Атаманцы в Пруссии в 1807 г. Оттиск из газеты «Донская речь» за 1889 год.

⁷ *Елчанинов А. Г.* История военного искусства. Войны Бонапарта и Александра I. СПб., 1909.

⁸ *Орлов Н. А.* Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911; *Он же.* Низложение Наполеона в 1814 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911.

и П. М. Андрианова¹, написанные в начале XX в., то они имели очерковый и научно-популярный характер и не шли ни в какое сравнение с трудами классиков темы. В 6-м томе издания «Отечественная война и русское общество» (считающимся высшим достижением дореволюционной либеральной историографии) материал по заграничным походам оказался разбит по разным статьям, а обобщающее описание просто отсутствует². Можно назвать специальные работы очеркового характера немногих советских авторов — М. Н. Покровского³, И. И. Щолокова⁴, Н. А. Левицкого⁵, Г. П. Мещерякова⁶, Л. Г. Бескровного⁷, М. Люшковского⁸. Правда, в 1955 г. была защищена диссертация Г. В. Оксмана о русской армии в 1805 г.⁹ Отдельно стоит рассмотреть также главу из сочинения эмигранта А. А. Керсновского¹⁰. Текст был переиздан в России уже после «перестройки» по его книге издания 1933 г., написанной на основе лишь печатных источников. Содержание представляло собой взгляд наследника совсем иной, дореволюционной идеологии Российской империи. И именно этим его взгляд интересен для историографического рассмотрения. Кроме того, что Керсновский подчеркивал самобытность

---

¹ *Андрианов П. М.* Преддверие великой годовщины. Борьба России с Францией до Отечественной войны. Одесса, 1911; *Он же.* От Немана до Рейна. Война 1813 г. Борьба за освобождение Европы от ига Наполеона. СПб., 1913; *Он же.* Война 1814 г. от Рейна до Парижа. Одесса, 1914.

² Отечественная война и русское общество: 1812–1912. Т. 6. М., 1912. См., напр., засуживающие внимания статьи В. Н. Перцева «Союз России с Пруссией» и А. М. Васютинского «Европа и Наполеон».

³ *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 3–84. Это было переиздание дореволюционной работы автора, собственно научно-популярный очерк, больше посвященный анализу международных отношений, но освещающий события с точки зрения марксистской теории и экономического детерминизма.

⁴ *Щолоков И. И.* Аустерлиц 1805 года. М., 1932.

⁵ *Левицкий Н. А.* Лейпцигская операция 1813 года. М., 1934; *Он же.* Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.

⁶ *Мещеряков Г. П.* Общий курс истории военного искусства. Вып. 2. М., 1953.

⁷ *Бескровный Л. Г.* Действия русской армии против Наполеона в Восточной Пруссии в 1806–1807 гг. М., 1946; *Он же.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974.

⁸ *Люшковский М.* Полководческое искусство Кутузова в кампаниях 1805 и 1811 гг. М., 1943.

⁹ *Оксман Г. В.* Русская армия в кампании 1805 года: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955.

¹⁰ *Керсновский А. А.* История Русской армии. Т. 1. М., 1992. С. 194–292.

русского военного искусства (сам себя он считал сторонником национальной военной доктрины), особую ценность труду придает его неординарность. Все заграничные кампании 1805–1814 гг. рассмотрены им достаточно подробно и с большой долей зрелой критики лично Александра I, его европейской политики, гатчинских порядков и негативных тенденций, имевшихся в русской армии. Он признавал и объективно описывал поражения русских войск, при этом делая несколько важных выводов для нашей темы. Оценивая кампании 1805–1807 гг., автор полагал, что «русская армия опровергла легенду о непобедимости Наполеона», а заграничные походы, по его мнению, были «настоятельной государственной необходимостью», эти кампании имели «характер войны массовых армий, войны вооруженных народов»¹.

В современной российской историографии лишь в последние годы появились отдельные труды по кампаниям наполеоновской эпохи², которые, однако, не лишены недостатков, часто в работах на одну и ту же тему присутствуют совершенно противоположные и противоречащие друг другу исследователям выводы³. Необходимо также указать и на работы, анализирующие армии противников России в начале XIX в.⁴ В фокусе авторского внимания исследователей оказались самые различные аспекты нашей темы, а именно: отдельные периоды войн⁵, участие в кампаниях иррегулярных войск⁶, ополче-

---

¹ Там же. С. 208, 268, 277.

² *Шиканов В. Н.* Первая Польская кампания 1806–1807. М., 2002; *Соколов О.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I–II. М., 2006; *Мезенцев Е. В.* Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (Действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008; *Васильев И. Н.* Несостоявшийся реванш: Россия и Франция 1806–1807 гг. Т. 1–3. М., 2010; *Мозилевский Н. А.* Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; *Он же.* От Немана до Сены: Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012.

³ См. разбор противоположных мнений: *Безотосный В. М.* Наполеоновские войны. М., 2010. С. 55–56.

⁴ Укажу только лучшую, на мой взгляд, работу: *Соколов О.* Армия Наполеона. СПб., 1999.

⁵ *Жучков К. Б.* Военно-политическое противостояние России и Франции в декабре 1812 – феврале 1813 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

⁶ *Сапожников А. И.* Войско Донское в наполеоновских войнах: Кампании 1805–1807 гг. М.; СПб., 2008; *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012; *Рахимов Р. Н., Сидорова Н. И.* 1812 год: Сражаясь с Наполеоном. Народы Башкирии в российской армии. Уфа, 2012; *Ра-*

ния¹, военная политика России в начале XIX в.² Своеобразным итогом определенного направления в нашей историографии стала книга О. В. Соколова «Битва двух империй 1805–1812»³. В этой работе без особого труда можно увидеть авторские симпатии к Наполеону и ретанимированные почти забытые традиции французской историографии, а вина за развязывание военного конфликта перекладывается на Россию и лично на императора Александра I⁴.

В то же время, необходимо отметить, что отечественные историки за последние годы выпустили в свет большое количество справочной литературы, это в значительной степени облегчает работу исследователям по военно-исторической тематике⁵.

В отличие от военных кампаний, история дипломатии постоянно оставалась в центре внимания отечественных авторов. Поэтому отдельно рассмотрим внешнеполитическую проблематику на страницах российской литературы. В то же время отметим, что только классическая история дипломатии, в отрыве от всего комплекса проблем изучаемого времени (состояние вооруженных сил, внутренней политики, экономики, положение союзников и противников России и т. д.), не может дать ответа на многие вопросы. Это может сделать лишь комплексный анализ внешнеполитических вызовов России и анализа военных действий.

В свое время версия деятельности русской дипломатии и развертывании внешнеполитических событий была приведена в монографии С. М. Соловьева⁶, где господствовала идея борьбы Александра I («пастыря народов» и «гения мира») с Наполеоном («гением войны» и «врагом рода человеческого»). Позже вышел капитальный труд

химов Р. Н. Башкиры и калмыки в Прусском походе 1807 г. // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 76–91.

¹ *Лапина И. Ю.* Земское ополчение России 1812–1814 гг. СПб., 2007.

² *Бесов А. Г.* Военная политика России в XIX веке. М., 2001. С. 5–19.

³ *Соколов О.* Битва двух империй 1805–1812. М.; СПб., 2012.

⁴ См.: *Безотосный В. М.* Рец. на кн.: *Соколов О.* Битва двух империй 1805–1812. М.; СПб., 2012 // Российская история. 2012. № 6. С. 170–173.

⁵ *Подмазо А. А.* Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815). М., 1997; *Он же.* Большая Европейская война 1812–1815: Хроника событий. М., 2003; *Шиканов В. Н.* Генералы Наполеона: Биографический словарь. М., 2004; Отечественная война 1812 года: Энциклопедия М., 2004; Заграничные походы российской армии: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 2011; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. Т. 1–3. М., 2012.

⁶ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый. Политика — дипломатия. СПб., 1877.

А. Н. Попова о дипломатической предыстории войны 1812 г., также основанный на архивных материалах с подробным анализом внешнеполитических отношений России с Францией, Швецией, Турцией, Пруссией и Австрией¹. Особняком в литературе стоит 5-томное сочинение В. К. Надлера «Император Александр I и идея Священного Союза»². Автор, делая экскурсы в историю и анализируя религиозно-мистическую составляющую взглядов императора, рассматривал Священный союз как попытку организовать международные отношения «на чистых началах христианской нравственности». Сочинение В. К. Надлера на историческом материале было призвано показать, что создание Священного союза опередило свое время и не было понято современниками.

Долгое время в советской литературе основополагающей работой по внешней политике наполеоновского периода до 1812 г. являлась монография В. Г. Сироткина «Дуэль двух дипломатий», отличавшаяся обстоятельным изучением литературы и первоисточников. Автор этой интересной работы признавал основным содержанием российско-французских отношений того времени «столкновение агрессивных устремлений Франции и России»³. Другим исследованием, не утратившим актуальность и до сего времени, является монография А. М. Станиславской, которая смогла показать соперничество великих держав, выявить русско-британские противоречия и провести блестящий анализ проблем Средиземноморья до 1807 г.⁴ Можно указать и на другие работы того времени, посвященные региональным исследованиям по определенным периодам: А. Л. Нарочницкого⁵ Л. А. Зака⁶, А. Г. Власкина⁷, Е. И. Федосо-

---

¹ *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года: Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. Т. 1. М., 1905.

² *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1–5. Рига, 1886–1892.

³ *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966.

⁴ *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.

⁵ *Нарочницкий А. Л.* Политика России на Балканах в 1801–1812 гг. в свете новой документальной публикации. М., 1966. Этому же автору принадлежит большое количество статей по внешнеполитическим проблемам.

⁶ *Зак Л. А.* Англия и германская проблема. М., 1963; *Он же.* Монархи против народов: Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966.

⁷ *Власкин А. Г.* Национально-освободительное движение в Германии в 1813 г. и внешнеполитическая поддержка его Россией: дис. ... канд. ист. наук. М., 1964.

вой¹. К юбилейным датам кампании 1813 г. (150-летию и 175-летию) были выпущены совместные с восточногерманскими историками сборники статей², что только усиливало интерес к действиям российской армии на европейской территории. В отличие от своих дореволюционных коллег советские историки следовали традиции, заложенной в какой-то степени еще М. Н. Покровским: отвергали тезис о первостепенной роли императора Александра I в действиях российской армии и дипломатии за границей, заодно подчеркивая реакционный характер коалиций, нацеленный на восстановление феодальных порядков в Европе.

В то же время советские авторы исследовали широкий спектр международных связей и доказывали, что Россия участвовала в военных действиях против Франции не только из-за «монархической солидарности» и восстановления «пошатнувшихся тронов», но и реализовывала внешнеполитические задачи по укреплению своего положения в Европе, т. е. действовала исходя из национальных интересов государства. Уже в советское время стали появляться разные точки зрения на характер антинаполеоновской коалиции. Одной из таких попыток стала диссертация А. В. Ионова, в которой автор сделал вывод о сочетании элементов прогрессивности и реакционности антинаполеоновских коалиций и высоко оценивал роль русской дипломатии в 1813–1814 гг.³

Для современной литературы важную роль сыграла коллективная монография «История внешней политики России, первая половина XIX в.»⁴ Авторы попытались освободиться от многих догматических пут во взглядах на деятельность российской дипломатии. Был отброшен тезис о реакционном характере Венской системы и отмечалась важная роль Александра I как дипломата. Из-под пера ведущих специалистов, как плод многолетних трудов, вышли обобщающие углубленные работы по международным отношениям в разных регионах

---

¹ Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике первой империи во Франции. М., 1980.

² Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965; Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988.

³ Ионов А. В. Внешняя политика России в годы крушения наполеоновской империи (1812–1814 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

⁴ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. См. также: Достян И. С. Рец. на кн. История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995 // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 162–164.

Европы¹, что значительно расширяет горизонт исследований и позволяет взглянуть на события под другим углом, интегрирует сведения по отдельным вопросам и отдельным странам в единую общую картину. Были созданы и общие работы по отдельным проблемам историографии² и по истории внешней политики России³, в которых преобладает взвешенный взгляд на процесс международных связей России, ее политику и на итоги Венского конгресса. Контрастирует с этим мнение Н. А. Троицкого о характеристике антинаполеоновских коалиций в духе марксистской традиции («были гораздо более реакционными, чем освободительными»)⁴. Этот кардинальный для нашей темы вопрос был затронут в свое время в полемике с Троицким автором данной работы⁵.

В целом современные российские исследователи сегодня уже выступают против принижения личной роли Александра I в победе коалиционных сил, отсутствует и гипертрофированное внимание к «народной войне», историки стараются дать объективную оценку режиму Наполеона в Европе и проводимой им политике, отказываются от субъективных оценок эпизодов боевых действий только в пользу российских войск, хотя в отечественной историографии остается много спорных вопросов, вызывающих полемику.

Зарубежная историография. В целом период 1805–1815 гг., несмотря на кажущуюся изученность Отечественной войны 1812 года и некоторого забвения остальных кампаний наполеоновской эпохи, пока оставляет много вопросов, решать которые российские ученые

---

¹ См.: Александр I, Наполеон и Балканы. Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997; Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона: Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005; Искюль С. Н. Внешняя политика России и Германские государства (1801–1812). М., 2007; Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию: Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М., 2012.

² Додолев М. А. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М., 2000.

³ Ревякин А. В. История международных отношений в Новое время. М., 2004; Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004; Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи 1801–1914. М., 2006.

⁴ Троицкий Н. А. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: Смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук. 2004. № 12. С. 83.

⁵ См.: Безотосный В. М. Антинаполеоновские войны: борьба с прогрессом или агрессия? (Полемика с Н. А. Троицким) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. VII. М., 2008. С. 390–418; Он же. Антинаполеоновские коалиции и их противник // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 125–137.

сегодня пытаются с новых позиций, без влияния идеологических постулатов прошлого, и их стремления во многом продиктованы желанием пересмотра спорных положений, выдвинутых в советский период развития историографии.

В то же время, отметим, что в западноевропейской литературе наблюдался обратный процесс — там Русский поход Наполеона 1812 г. был не очень популярным, но уже с середины XIX в. появились научные исследования, посвященные отдельным кампаниям 1805–1815 гг. Отметим, что и среди первых иностранных историков начала XIX столетия было много участников боевых действий в наполеоновскую эпоху. Укажем, например, достаточно известные имена: Р. Вильсон¹, А. Фэн², К. Клаузевиц³, Ф. Ф. Гийом де Водонкур⁴, К. Плото⁵, Ф. К. Ф. Мюффлинг⁶, Ж. Ж. Пеле-Клозо⁷, Э. О. Одеleben⁸, Ч. Стюарт⁹, К. В. Г. Грольман¹⁰. Жанр этих трудов можно чаще всего определить как мемуары-«современные истории», в которых нашли отражение и личный опыт авторов и элементы конкретно-исторических исследований. Эти работы, как и сочинения многих их коллег, представляли определенную ценность, так как были написа-

---

¹ *Wilson R.* Brief remarks on the character and composition of Russian army and sketch of the campaigns in Poland in the years 1806 and 1807. London, 1810.

² *Fain A. J. F.* Manuscrit de mil huit cent treize. T. 1–2. Paris, 1824–1825; *Idem.* Manuscrit de mil huit cent quatorze. Paris, 1823.

³ *Клаузевиц.* 1806 год. М., 1938; *Klausewitz K.* La campagne de 1813 et la campagne 1814. Paris, 1900.

⁴ *Guillaume de Vaudoncourt F.* Histoire des campagnes de 1814 et 1815 en France. T. 1–4. Paris, 1826.

⁵ *Ploto C.* Tagebuch während des Krieges zwischen Russland und Preussen einerseits, und Frankreich andererseits, in den Jahren 1806–1807. Berlin, 1811; *Idem.* Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814. Bd. 1–3. Berlin, 1817–1818; *Idem.* Relation de la bataille de Leipzig. Paris, 1840.

⁶ *Müffling F. K. F.* History of the Campaign of 1815. London, 1816; *Idem.* Zur Kriegsgeschichte der Jahre 1813 und 1814. Bd. 1–2. Berlin, 1824. *Idem.* Betrachtungen über die grossen Operationen und Schlachten der Feldzüge von 1813 und 1814. Berlin, 1825.

⁷ *Pelet J. J.* Des principes operations de la campagne de 1813. Paris, 1827.

⁸ *Odeleben E. O.* Napoleons Feldzug in Sachsen in Jahre 1813. Dresden-Leipzig, 1816; *Idem.* Sachsen und seine Krieger in den Jahren 1812 und 1813. Leipzig, 1829; *Idem.* Napoleon's Feldzug in Sachsen im Jahre 1813. Eine treue Skizze dieses Krieges, des französischen Kaisers und seiner Umgebungen. Leipzig, 1840.

⁹ *Stuart Ch.* Narrative of the War in Germany and France in 1813 and 1814. London, 1830.

¹⁰ *Grolman K.* Geschichte des Feldzuges von 1814. Bd. 1–4. Berlin, 1842–1843.

ны не только на документальной основе, но и также базировались на личных впечатлениях и воспоминаниях, в силу чего отражали умонастроения и, в конечном счете, оценки событий целого поколения ветеранов войн, а их суждения повлияли на историографические концепции национальных школ. Многие из них занимали видные должности в армии и в обществе своих государств. С другой стороны, эти сочинения представляют собой переходный тип от мемуарной литературы к собственно научным исследованиям, поскольку их авторы при всем старании так и не могли отделаться от своих личных переживаний и в той или иной степени оставались пристрастными.

Исходя из логики развития, многообразия и национальной дробности всего историографического процесса зарубежной научной литературы следует отделить и прежде всего проследить формирование трех национально-ориентированных историографических школ: французской, немецкой и англо-американской. Становление и развитие каждой из них было обусловлено конкретными политико-идеологическими причинами, мало того, они взаимодействовали между собой и оказывали влияние на историографические традиции других европейских стран, в том числе и на российскую военно-историческую науку.

Французская историография. Французская историографическая школа сразу стала определенным европейским центром, и как более монолитная играла главную роль в представлении европейцев о наполеоновской эпохе. Французская литература надолго определила основные направления всей европейской историографии об этом периоде истории. В частности, именно она внедрила за свои границы в региональные и национально-ориентированные интерпретации истории европейских государств так называемую наполеоновскую легенду и сложившиеся в ее недрах стереотипы и мифы. В работах французских авторов широкими мазками на примере наиболее драматических моментов биографии полководца создавался привлекательный образ и романтический ореол непогрешимости Наполеона. К слову сказать, во французской историографии появлялись и работы противников бонапартизма, которые выступали против «наполеоновской легенды»¹. Это являлось борьбой и с «героической школой» наполеоновской историографии и с официальным культом наполеоновских традиций, но она была полностью проиграна, в XIX столетии французское общество не принимало таких критиков всерьез.

---

¹ См., напр.: *Лаифре П.* История Наполеона I. Т. 1–5. СПб., 1870–1877. Изложение материала доведено лишь до 1811 г. в связи со смертью автора.

Для французской историографии огромное значение имела публикация многотомной «Истории Консульства и Империи» Л. А. Тьера¹. Этот труд был написан живым и сжатым языком на основе глубокого изучения событий и лиц. Это фундаментальное сочинение, неоднократно переиздававшееся в разных странах, стало своеобразным памятником Наполеону (несмотря на наличие критики ошибок императора) и оказало огромное воздействие на всю последующую французскую и мировую историческую литературу, и даже не утратило своего значения до сего дня. Основная идея Тьера — Франция после революции вынуждена была защищать свои завоевания и постоянно вести оборонительные войны против европейских коалиций. Во всех войнах, в которых успех был на его стороне, Наполеон прав (император критикуется только за проигранные войны). Историографическая многотомная заданность Тьера и система подачи материала в последующем породили несколько поколений историков, старавшихся писать в этом же ключе и взявших за образец для подражания его структуру, и, несомненно, можно проследить влияние на их творчество этого великого историка. Достаточно назвать работы А. Сореля², Л. Мадлена³, Ж. Тири⁴.

В первую очередь из них стоит отметить труд А. Сореля «Европа и французская революция». Сам автор восторженно относился к Наполеону и считал, что Франция лишь отстаивала свои «естественные границы» (Альпы и Рейн), вела по внешнему виду наступательные, а, по сути — оборонительные войны. Его тезисы и доказательная база были приняты на вооружение многими французскими историками уже в XX в. Среди работ по истории внешней политики основополагающим стал труд ученика А. Сореля А. Вандаля, который на основе анализа значительного комплекса источников детально рассмотрел все этапы становления, функционирования и распада русско-французского союза в 1807–1812 гг.⁵ Он продолжил оправдательную линию политического поведения Наполеона. По его мне-

---

¹ *Thiers L. A. Histoire du Consulat et l'Empire. T. 1–21. Paris, 1845–1869.*

² *Sorel A. L'Europe et la Révolution française. T. 1–9. Paris, 1885–1911.*

³ *Madelin L. Histoire de Consulat et de l'Empire. T. 1–16. Paris, 1937–1953.*

⁴ См. характеристику работ этого автора, написанных с 1937 по 1976 г., в виде многотомной серии «Наполеон Бонапарт» (как самый продолжительный в истории наполеоноведения исследовательский проект) в статье: *Ададуров В. В. Тири Ж. // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. М., 2012. Т. 3. С. 443.*

⁵ *Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. I–III. СПб., 1910–1913.*

нию, император не был ни в чем виноват, также не повинен он и в развязывании войн против России.

Среди оригинальных работ, посвященных отдельным кампаниям и основанных на широком спектре документальных материалов, следует выделить труды конца XIX — начала XX в. А. Уссэ¹ и М. Вейля², Ф. Ребуля³. Их хорошо фундированные работы о кампаниях 1813–1815 гг., невзирая на серьезную критику, и до настоящего времени высоко оцениваются современными специалистами. Кампании 1805 г. были посвящены сочинения П. К. Аломбера и Ж. Колена⁴, Э. Дрио⁵. По большому счету, последние скрупулезные военно-исторические исследования были проведены на рубеже XIX–XX вв., а затем на Францию обрушились две мировые войны, которые надолго перетянули на себя почти все внимание военных историков. Неслучайно, что между двумя этими трагедиями было опубликовано всего несколько подобных исследований⁶, а после Второй мировой конкретно-научных исследований подобного уровня уже не появлялось, разве что по некоторым частным сюжетам наполеоновских войн. Важным моментом во французской историографии стал выход в свет в 1934 г. справочного двухтомника Г. Сиса о наполеоновских генералах⁷.

Последователями изучения военных аспектов наполеоновской эпохи стали А. Лашук, посвятивший свой труд «Наполеон. 20 лет кампаний» глобальным вопросам ведения войн и концептуальным принципам наполеоновской стратегии⁸. Также отметим работы

---

¹ *Houssaye H.* Iéna et la campagne de 1806. Paris, 1912; *Idem.* 1814: l'Histoire de la Campagne de France. Paris, 1888; *Idem.* 1815: Les Cent-Jours, Waterloo, La Terreur Blanche. Т. 1–3. Paris, 1893–1905.

² *Weil M. H.* Campagne de 1813: la cavalerie des armées alliées. Paris, 1886; *Idem.* La campagne de 1814. Т. 1–4. Paris, 1891–1895; *Idem.* Le Prince Eugène et Murat, 1813–1814. Т. 1–5. Paris, 1902.

³ *Reboule F.* Campagne de 1813: Les préliminaires. Т. 1–2. Paris, 1910–1912.

⁴ *Alombert P. C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Т. 1–5. Paris, 1902–1904.

⁵ *Driault E.* Austerlitz. La fin du Saint Empire (1804–1806). Paris, 1912.

⁶ *Foch F.* La bataille de Laon, mars 1814. Paris, 1921; *Tournès R.* La campagne de printemps en 1813. Lützen. Étude d'un manœuvre Napoléonienne. Paris, 1931; *Thiry J.* La Chute de Napoleon 1-er. Paris, 1938.

⁷ *Six G.* Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire. Т. 1–2. Paris, 1934.

⁸ *Lachouque H.* Napoléon, 20 ans de campagnes. Paris, 1964. В русском переводе книга вышла в 2004 г. под названием «Наполеон: Походы и битвы 1796–1815», но редакторы А. Ефремов и А. Васильев внесли от себя значительные добавления и вдвое увеличили текст. Отметим также, что он является авто-

Г. Блона, М. Р. Маффе и Ф. Уртуля, которым удалось ввести в научный оборот новые архивные документы¹.

Оценивая характер военных действий в 1805–1815 гг., французские авторы, как правило, полагали, что это являлось проявлением борьбы монархической Европы с наследником революции Бонапартом, как схватка Старого и Нового режимов, они очень высоко оценивали Великую армию, морально-волевые и профессиональные качества ее солдат, одерживавших постоянные победы над своими противниками. В годы «холодной войны» получил развитие тезис об органической враждебности интересов России и Европы, подобные мысли, например, проповедовал А. Фюжье². Что касается истории международных отношений, то стоит упомянуть труд о Венском конгрессе бельгийского историка Ж. А. Пиренна³, который утверждал, что осью мировой политики в тот период было англо-русское соперничество, и выдвинул тезис, что Александр I стремился к установлению мировой гегемонии России. Победителем в дипломатии Венского конгресса автор определил К. Меттерниха, который сумел воспользоваться разногласиями союзников союза и провести свою собственную политику.

С середины 80-х гг. XX в. во французской историографии стали появляться работы, в которых события наполеоновской эпохи стали рассматриваться в более широком контексте, с учетом политических и социальных аспектов. Это прежде всего связано с именем самого известного в мире на сегодняшний день специалиста по наполеонике Ж. Тюлара. Отечественному читателю он знаком по переведенным на русский язык двум книгам⁴. На Западе же он известен по многим работам, посвященным интересующему нас периоду, и как руководитель авторского коллектива дважды переиздававшейся энциклопедии «*Dictionnaire Napoléon*»⁵. Главную причину падения империи он

ром работы о кампании 1805 г. См.: *Lachouque H. Napoléon á Austerlitz*. Paris, 1961.

¹ *Blond G. La Grande Armée. 1804–1815*. Paris, 1979; *Mathieu M. R. Dernières victoires : 1814, la campagne de France aux alentours de Montmirail*. Paris, 1964; *Hourtoulle F. G. 1814. La campagne de France*. Paris, 1999.

² *Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien*. Paris, 1954.

³ *Pirrenne J. H. La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale*. Т. 1–2. Neuchatel, 1946–1949.

⁴ *Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе»*. М., 1996; *Он же. Мюрат или пробуждение нации*. М., 1993.

⁵ См., напр. *Tulard J. Le Grand Empire 1804–1815*. Paris, 1982; *Idem. Napoléon et la noblesse d'Empire*. Paris, 1979; *Idem. Dictionnaire Napoléon*. Т. 1–2. Paris, 1999.

видит в отказе доверия к Наполеону со стороны французских буржуа, которые в свое время привели его к власти, а также крупные ошибки самого императора: объявление континентальной блокады, авантюры в Испании и Русский поход.

Французская историография с конца XX в. постепенно начала выходить из тени «наполеоновской легенды». Новые тенденции и позитивные перемены нашли отражение в интересных по содержанию работах Г. Бертье де Савиньи¹, Ж. О. Будона², Ж. П. Берто³ и особенно Т. Ленца⁴. Многочисленные труды А. Пижара были посвящены наполеоновской армии как сложному социальному организму⁵, среди специальных работ отметим труды Ж. П. Мира о кампании 1814 г.⁶ Из последних работ стоит отметить книги М. П. Рей: об Александре I, выпущенную в 2009 г., и о кампании 1812 года, вышедшую в 2012 г.⁷ Обе работы базируются на обширнейшей библиографии и написаны на разнообразных источниках, в том числе использованы русские документы. Это, как и свободное владение достижениями европейской и российской историографии, выгодно отличает профессора Сорбонны М. П. Рей от предшествующих авторов. Не случайно в ее работах развенчиваются многие укоренившиеся устойчивые мифы французской историографии и ощутимо желание докопаться до истины во многих спорных вопросах. Это свидетельство того, что историческая наука во Франции за последнее время существенно раздвинула прежние ограниченные рамки.

Немецкая историография. Германская историографическая школа была не столь монолитной — она формировалась в условиях разобщенности немецких государств и отсутствия единого национального центра. Первоначально существовали разнообразные региональные интерпретации, которые дожили минимум до конца XIX столетия. На немецких авторов оказывало давление сложное

---

¹ *Bertier de Sauvigny G.* Metternich. Paris, 1986.

² *Boudon J. O.* Histoire du Consulat et de l'Empire 1799–1815. Paris, 2000.

³ *Bertaud J. P.* Le Consulat et de l'Empire 1799–1815. Paris, 2004.

⁴ *Lentz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. T. 1–2. Paris, 2002–2004. См. также переведенную на русский язык книгу: *Ленц Т.* Наполеон. М., 2008.

⁵ *Pigeard A.* L'armée napoléonienne. Paris, 1993; *Pigeard A.* Dictionnaire de la Grande Armée. Paris, 2002.

⁶ *Mir J. P.* La Grande impériale et et la campagne de 1814. Dictionnaire des officiers tués ou blessés au combat. Paris, 2002; *Idem.* La Bataille de Paris. 30 mars 1814. Paris, 2004.

⁷ *Rey M. P.* Alexandre I–er, le tsar qui vainquit Napoléon. Paris, 2009; *Idem.* L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris, 2012.

историческое прошлое. Достаточно не просто было найти объяснение, почему войска разных немецких государств воевали то против Франции, затем в рядах наполеоновской армии, а под конец снова против Наполеона. Это обусловило большее разнообразие немецкой традиции и ее внутреннюю пластичность, одновременно идеологическую податливость для воздействий различных «дискурсов власти». Важно отметить и огромное влияние на последующую германскую историографию наполеоновских войн трудов и творческих поисков прусского военного теоретика К. Клаузевица, собственно, он и определил основное направление немецкой исторической литературы с главным прицелом на прусские вооруженные силы.

Применительно ко второй половине XIX в. необходимо упомянуть германских историков, посвятивших свои труды в первую очередь участию прусских войск в наполеоновских войнах: В. Рюстова¹, Х. Бейцке², О. Леттов-Форбека³, В. Онкена⁴, Р. Фридриха⁵, Р. Кеммерера⁶, Х. Ульмана⁷. При этом для немецкой литературы характерно переплетение разных, порой противоречащих друг другу концепций. Если не брать в расчет многочисленную локальную литературу об участии в войнах отдельных контингентов войск Рейнского союза, то можно выделить преобладающие направления в тогдашней историографии, основные стереотипные положения и ценностные ориентации: об особой роли германских монархов (в первую очередь Гогенцоллернов) и о патриотическом подъеме в Пруссии, обеспечив-

---

¹ *Rüstow W.* Der Krieg von 1805 in Deutschland und Italien. Zürich, 1859.

² *Beizke H.* Geschichte der deutaschen Freiheitskriege in dem Jahre 1813 und 1814. Bd. I–II. Berlin, 1854–1858.

³ *Леттов-Форбек О.* История войны 1806 и 1807 гг. Т. 1–4. Варшава, 1896–1898.

⁴ *Oncken W.* Österreich und Preussen in Befreiungskriege. Bd. 1–3. Berlin, 1876–1879. В приложениях помещено большое количество первоисточников.

⁵ *Friederich R.* Geschichte des Herbstfeldzuges 1813. Bd. 1–3. Berlin, 1903–1906; *Idem.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Bd. 1–4. Berlin, 1911–1913; *Idem.* Die Schlacht an der Katzbach. Berlin, 1913. Р. Фридрих являлся начальником Военно-исторического отдела Генерального штаба (*Гельмерт Г.* Освободительная война 1813 г. в военно-исторической литературе прусского Генерального штаба // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 367).

⁶ *Caemmerer R.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Strategischer Überblick. Berlin, 1907; *Idem.* Geschichte des Frühjahrfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bd. 1–2. Berlin, 1909.

⁷ *Ulmann H.* Geschichte der Befreiungskriege 1813 und 1814. Bd. 1–2. München; Berlin, 1914–1915.

шем победу в войне за национальное освобождение всей Германии в 1813 г. Со временем стала доминировать «общенемецкая» точка зрения, что именно Пруссия избавила всю Германию от Наполеона, вдохнула «германский дух» и нашла «государственную германскую идею». Авторы полно и скрупулезно описывали все кампании в Европе, но, безусловно, наибольшее внимание уделяли участию Пруссии и Австрии в кампаниях 1813–1814 гг.¹, отдельным боям и сражениям², особенно «битве народов» при Лейпциге³, и ратовали за обретение германского единства. Естественно, приоритет отдавался известным патриотам и прусской армии во главе с ее вождями. Акцент делался на героизме и стойкости немецких воинов⁴. Роль России, Александра I и русских войск в событиях тех лет, особенно в 1813 г., в лучшем случае уходила в тень немецкого героизма. Не слу-

---

¹ *Sporschil J.* Die grosse Chronik. Geschichte des Krieges des verbündeten Europa gegen Napoleon Bonaparte in den Jahren 1813, 1814 und 1815. Bd. 1–7. Leipzig, 1838–1843; *Holleben H.* Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Berlin, 1904; *Osten-Sacken und von Rhein O.* Militärisch-politische Geschichte der Befreiungskriege im Jahre 1813. Bd. 1–2. Berlin, 1903, 1906; *Pflugk-Hartung J.* Illustrierte Geschichte der Befreiungskriege. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1913; *Rehtwisch Th.* Geschichte der Freiheitskriege 1812 bis 1815. Bd. 1–3. Leipzig, 1910; *Mundt A.* Die Freiheitskriege in Bildern. München–Leipzig, 1913; Oesterreich in den Befreiungskriegen. Bd. 1–10. Leipzig; Wien, 1911; *Holz G.* 1813–1815. Oesterreich in den Befreiungskriegen. Vienna, 1912; *Drexl F.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Regensburg, 1913.

² *Aster C. H.* Die Kriegereignisse zwischen Peterswalde, Pirna, Königstein und Priesten im August 1813 und Schlacht bei Kulm. Dresden, 1845; *Mirus R.* Das Treffen bei Wartenburg am 3 Oktober 1813. Berlin, 1863; *Naumann K.* Die Völkerschlacht bei Leipzig. Leipzig, 1863; *Pallmann R.* Die Schlacht bei Grossbeeren und General von Bülow. Berlin, 1872; *Quistorp B.* Geschichte der Nord Armee im Jahre 1813. Bd. I–II. Berlin, 1894; *Treuenfeld B.* Das Jahr 1813. Bis zum Schlacht von Gross Görschen. Bd. 1–2. Leipzig, 1901; *Osten-Sacken und von Rhein O.* Napoleon bei Bautzen. Napoleonische Strategie in den Tagen vor Bautzen und Napoleonische Schlachtenleitung bei Bautzen. Berlin, 1905; *Rehtwisch Th.* Groß-Görschen 2 Mai 1813. Leipzig, 1912; *Idem.* Bautzen 20 und 21 Mai 1813. Leipzig, 1912; *Leonard K. C.* Geschichtliche Darstellung der Schlacht bei Hanau am 30 Oktober 1813. Hanau, 1913.

³ *Aster C. H.* Die Gefechte und Schlachten bei Leipzig im Oktober 1813. Bd. 1–2. Dresden, 1852–1853; *Wuttke H.* Die Völkerschlacht bei Leipzig. Berlin, 1863; *Bleibtreu C.* Die Völkerschlacht bei Leipzig. Leipzig, 1907; *Carlowitz W. J.* Die Völkerschlacht bei Leipzig vom 16–19 Oktober 1813. Leipzig, 1913; *Schulte A.* Die Schlacht bei Leipzig. Bonn, 1913; *Pflugk-Hartung J.* Leipzig, 1813. Aus den Akten des Kriegsarchivs des grossen Generalstabes. Gotha, 1913.

⁴ См., напр.: *Förster.* Geschichte der Befreiungskriege 1813, 1814, 1815. Bd. 1–3. Berlin, 1856–1861.

чайно еще в середине XIX столетия известный и ярый критик трудов классиков военной литературы И. П. Липранди с горечью и сарказмом писал о германской исторической литературе: «Наши военные литераторы равнодушно допускали всех немецких писателей приписывать все себе в продолжение 1813 и 1814 годов. Русские ставятся ими в их описаниях не только что на втором, но часто на третьем плане, а иногда и вовсе не упоминают об них, и в тех битвах, где русские выносили всю Германию на себе: русские им, дескать, во многом мешали; они одни распорядились бы лучше, т. е. опять впустили бы в свои столицы французских военных генерал-губернаторов, а в крепости наполеоновские гарнизоны»¹.

После Второй мировой войны под влиянием советской историографии оформился восточногерманский взгляд на кампанию 1813 г. Историки ГДР акцентировали внимание на выдающейся роли русской армии в борьбе с наполеоновской империей, а также на выяснении характера классово-политической борьбы в рамках немецкого общества². Западногерманские авторы делали упор на организующей роли немецких государей и князей, в основном акцентируя внимание на участии отдельных контингентов земель. После объединения Германии интерес к наполеоновским кампаниям почти совсем пропал. Возможно, в 200-летний юбилей Освободительной войны 1813 г. немецкие историки подарят своим читателям произведения, посвященные наполеоновской эпохе³.

Англо-американская историография. По другую сторону Ла-Манша от Франции, в Англии сформировался первоначально отличный от «континентального» взгляд на войны в Европе в наполеоновский период. Англо-саксонский взгляд рождался под влиянием корреспонденции с мест событий генерала Р. Т. Вильсона и многотомного

---

¹ Липранди И. Как был взят город Соассон 2/14 февраля 1814 года // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 916.

² Leipzig 1813. Die Völkerschlacht im nationalen deutschen Völkes. Leipzig, 1953; Stulz P. Fremdherrschaft und Befreiungskampf: Die preussische Kabinettspolitik und die Rolle der Volksmassen in den Jahren 1811 bis 1813. Berlin, 1960; Das Jahr 1813. Berlin, 1963; Straube F. Frühjahrsfeldzug 1813: Die Rolle der russischen Truppen bei der Befreiung Deutschlands vom Napoleonischen Joch. Berlin, 1963.

³ В отечественной литературе только однажды появилась историографическая статья относительно роли немцев в кампании 1813 г. и освещавшая тему с определенных идеологических позиций. См.: Канн С. Б. Освободительная война 1813 г. в немецкой исторической литературе // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 130–141.

сочинения знаменитого писателя В. Скотта¹, который создал свой труд для широкой публики без документальной достоверности. Но тоновая окраска текста была наполнена английским патриотизмом и враждебностью к Наполеону. Англо-американская интерпретация истории брала свое начало от наполеонофобии (традиция, сложившаяся в Великобритании в годы войн) и дошла в своем логическом продолжении до геополитических доктрин американского контр-адмирала А. Т. Мэхэна². Историография Англии в меньшей степени испытала на себе давление и влияние ветеранов войн, поскольку военные действия в Восточной и Центральной Европе происходили почти без участия британских контингентов. В какой-то степени этим был обусловлен и достаточно широкий плюрализм мнений английских историков.

В то же время англо-саксонская традиция почти с самого начала несла на себе печать высокомерия по отношению ко всем европейцам, что было свойственно викторианской идеологии после долговременного проведения предшествующего курса «блестящей изоляции» от других европейских стран. Очень быстро главный интерес англичан переместился на исключительно «британскую» военную тематику: Трафальгарское морское сражение, действия на Пиренейском полуострове, кампания 1815 г. и, в особенности, сражение при Ватерлоо (главное поворотное событие всей эпохи) и биографическая литература о Г. Нельсоне и А. Веллингтоне. И этот интерес, как и в российской литературе о 1812 г., не утихает и ныне³.

Лишь к середине XIX в. появились крупные произведения о наполеоновской эпохе. В книге А. Алисона и сочинениях-мемуарах Дж. Каткарта⁴ (сына британского посла в России лорда У. Ш. Каткарта) проявилась характерная черта английской историографии —

---

¹ *Scott W. Life of Napoleon. Vol. 1–9. Edinburg, 1827* (в рус. переводе: *Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов. Ч. 1–9. СПб., 1832*).

² *Мэхэн А. Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793–1812). Т. 1–2. М.; Л., 1940.*

³ Англоязычная литература о 1815 г. — это огромный историографический пласт. С одной стороны, она является темой отдельного исследования, с другой стороны, в этой кампании российские войска принимали минимальное участие. В связи с этим мы не рассматриваем историографические сюжеты 1815 г., поскольку все наши оценки будут поверхностными.

⁴ *Alison A. History of Europe from the Commencement of the French Revolution to the Restoration of the Bourbons in 1815. Vol. 1–16. London, 1847–1854; Cathcart G. Commentaries on the War in Russia and Germany, 1812 and 1813. London, 1850.*

учет эмоционально-психологических аспектов поведения воинов в кампаниях наполеоновской эпохи. Дань психологическому анализу в действиях Наполеона отдал и бывший премьер-министр Великобритании А. Розбери¹, а У. Фитчетт издал книгу с очень характерным названием «Как Англия спасла Европу»². Неоднократно переиздавалась работа британского полковника Ф. Н. Мауда о Лейпцигской битве³, кампаниям 1813–1814 гг. были посвящены книги Ф. Л. Петра⁴. Первая мировая война показала: Великобритания не сможет остаться в стороне от европейских проблем. Периодом, с которого в британской историографии начинается усиленное изучение вопросов внешней политики, можно считать издание в 1922–1923 гг. «Кембриджской истории британской внешней политики»⁵. Авторы этой коллективной монографии старались точно излагать факты, а главной идеей, которую они при этом отстаивали, являлось доказательство неизменности целей и принципов британской внешней политики, несмотря на смену консервативных и либеральных правительств у руля государства. Эта монография остается незаменимой при изучении внешней политики Великобритании первой половины XIX в., так как в ней собран обширный архивный материал.

Историческая наука в Америке уже с конца XIX столетия стала развиваться в силу языковой близости на основе английской историографии. Причем почти до начала 1990-х гг., под термином «история» в США понималась прежде всего европейская история, основанная на богатой мемуаристке (особенно, англо-саксонской), а не на архивных исследованиях. В России широкую известность получил американец В. Слоон, после перевода и публикации его книги о Наполеоне⁶. Работы историков США в основном повторяли документальный ряд и оценки, сделанные английской историографией. В то же время на американском континенте появилась многотомная фундированная книга Т. Доджа «Наполеон. История искусства

---

¹ *Rosebery A.* Napoleon. The last Phase. London, 1900.

² *Fitchett W. H.* How England Saved Europe. London, 1899.

³ *Maurde F. N.* The Leipzig Campaign: 1813–Napoleon and the «Battle of the Nations». London; N. Y., 1908.

⁴ *Petre F. L.* Napoleon's Campaign in Poland 1806–1807. London, 1907; *Idem.* Napoleon's Last Campaign in Germany, 1813. London, 1912; *Idem.* Napoleon at Bay, 1814. London, 1914.

⁵ The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919. Vol. I–III. Cambridge, 1922–1923.

⁶ *Sloane W.* Life of Napoleon Bonapart. Vol. 1–4. London; N. Y., 1896; рус. издание: *Слоон В.* Новое жизнеописание Наполеона I. Т. 1–2. СПб., 1896.

войны»¹. В целом же историки Британии и Америки повторяли тезис, что именно Англия спасла Европу от гегемонии Наполеона, а после его падения именно английская политика защитила Европу от нашествия «варварских орд» с Востока. Не случайно британский историк Ч. Петри в 1941 г. (по аналогии с прошлым веком) почти дословно повторил название своей книги «Когда Британия спасла Европу»², взяв за образец уже упомянутое ранее сочинение У. Фитчетта 1899 г.

Интерес в англо-американской историографии к наполеоновской эпохе с новой силой возник после окончания Второй мировой войны и начала противостояния двух мировых систем. В центре внимания оказались не только военные действия в Европе, но и стратегия антинаполеоновских коалиций³, появились работы, ставившие целью исследовать природу «русской силы»⁴. В 1946 г. был опубликован труд англичанина Х. Николсона о Венском конгрессе, в котором проводились параллели с новым раскладом политических сил в Европе⁵, а американка П. К. Гримстед посвятила свой труд российской внешней политике при Александре I⁶.

«Холодная война» наложила отпечаток на работы англоязычных авторов, в первую очередь американцев. Особенно это было характерно для Х. Т. Паркера, написавшего книгу «Три сражения Наполеона»; в первой части рассмотрено сражение при Фридланде 1807 г., при этом он использовал главным образом многотомную «Переписку Наполеона» (*Correspondance de Napoléon Ier*)⁷, и для Д. Р. Элтинга, который преклонялся перед «наполеоновским» гением, как главной силой, направленной на победоносные кампании Запада против «варварских орд» Востока, постоянно сравнивая Великую армию, ее образование и различные отделения с современной ему армией США⁸. Основной пик творчества означенных исто-

---

¹ *Dodge T. A. Napoleon. A History of the Art of War. Vol. 1–3. Boston; N. Y., 1906.*

² *Petrie Ch. When Britain Saved Europe: the Tale and the Moral. London, 1941.*

³ *Craig G. Problems of Coalition Warfare: The Military Alliance Against Napoleon, 1813–14. Colorado Springs, 1965; Sherwig J. Guineas and Gunpower. British Foreign Aid in the Wars and France, 1793–1815. Cambridge, 1969.*

⁴ См., напр.: *Jackson W. Seven Roads to Moscow. London, 1957.*

⁵ *Nicolson H. The Congress of Vienna. London, 1946.*

⁶ *Grimsted P. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825. Berkeley; Los Angeles, 1969.*

⁷ *Parker H. T. Three Napoleonic Battles. Durham, 1944 (2-е изд. 1983).*

⁸ *Elting J. R. Swords Around a Throne: Napoleon's Grande Armée. London, 1988.*

риков пришелся на 1960–1980-е гг. и, таким образом, наложил своеобразный отпечаток идеологии конфронтации. Обычно исследователи отмечают также работу профессора Гарвардского университета и государственного секретаря США Г. Киссинджера «Восстановление мирового порядка. Меттерних, Каслри и проблемы мира в 1812–1822 гг.»¹ Автор считал, что система легитимизма и европейского равновесия была создана австрийским министром К. Меттернихом и британским министром иностранных дел Р. Каслри (доказывая их прозорливость), роль же России сведена на нет. Чуть позже английский историк Ч. Уэбстер, напротив, писал, что на Венском конгрессе Александр I был единственным, кто проявлял сочувствие к либеральным идеям, остальные государственные деятели Европы (включая Великобританию) считали эти взгляды анархическими или революционными². Перипетиям европейской дипломатии К. Меттерниха посвящена монография американского профессора Э. Э. Крейе, написанная с привлечением широкого круга источников³.

В то же время именно в этот период увидела свет фундаментальная монография Д. Чандлера «Кампании Наполеона»⁴, во многом предопределившая дальнейшее развитие англо-американской историографии. Можно только сожалеть, что она слишком поздно была переведена на русский язык, поскольку при широте охвата политических и военных событий в ней воплотились лучшие черты английской историографической школы и были сделаны очень важные и сбалансированные оценки и выводы.

К концу XX столетия появилось много работ, посвященных военно-историческим аспектам: серия замечательных трудов С. Боудена⁵, Г. Нафзигера⁶ и целый ряд других исследований⁷. Нельзя

---

¹ *Kissinger H. A. A World Restored. Metternich, Castlereagh, and the Problems of Peace. 1812–1822.* Boston, 1957.

² *Webster Ch. K. The Congress of Vienna. 1814–1815.* London, 1963.

³ *Крейе Э. Э. Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814.* М., 2002.

⁴ *Chandler D. G. The Campaigns of Napoleon.* London, 1966. Русский перевод: *Чандлер Д. Военные кампании Наполеона: Триумф и трагедия завоевателя.* М., 1999.

⁵ *Bowden S. Napoleon's Grande Armee of 1813.* Chicago, 1990; *Idem. Napoleon and Austerlitz.* Chicago, 1997.

⁶ *Nafziger G. Napoleon at Dresden. The Battle of August 1813.* Chicago, 1991; *Idem. Napoleon at Lutzen and Bautzen.* Chicago, 1992; *Ibidem. Napoleon at Leipzig.* Chicago, 1996.

⁷ *Lawford J. Napoleon: The Last Campaign, 1813–1815.* London, 1976; *Muir R. Britain and the Defeat of Napoleon, 1807–1815.* New Haven; Londres, 1996;

не отметить и появление большого списка биографической литературы, особенно о российском императоре Александре I¹ и о русских полководцах². В ряде общих работ об истории России имеются также главы, посвященные военной тематике наполеоновской эпохи³. К началу нашего столетия заметно расширились тематические рамки исследований и источниковая база, стала модернизироваться историографическая традиция. В то же время в англо-американской историографии можно выявить попытки исследовать стратегию противников и выработать многофакторный обобщающий взгляд на природу наполеоновских войн, учитывая связь международной политики, экономики, идеологии и социального развития европейских государств. В этом отношении характерны работы Ч. Д. Исдейла⁴ и К. Д. Холла⁵. Продолжали выходить работы и по отдельным кампаниям, сражениям и по истории внешней политики⁶. Отметим появление среди американских историков выходца из СССР А. Микаберидзе, работы которого базируются на русскоязычных источниках и в первую очередь на российской литературе⁷.

Horne A. How far From Austerlitz? Napoleon 1805–1815. London, 1996; *Westmortland J. F.* Military Operations, 1813–1814. Tyne Wear, 1996; *Duffy C.* Austerlitz 1805. London, 1999; *Riley J.* Napoleon and the World War of 1813. Lessons in Coalition Warfighting. London, 2000.

¹ *McConnell A.* Tsar Alexander I: Paternalistic Reformer. New York, 1970; *Palmer A.*, Alexander I: Tsar of War and Peace. London, 1974; *Hartley J.* Alexander I. London, 1994.

² *Parkinson R.* The Fox of the North. Life of Kutusov, general of War and Peace. London, 1976; *Josselson M.*, *Josselson D.* The Commander. A Life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980.

³ *Keep J.* Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia 1462–1874. Oxford, 1985; *Fuller W.* Strategy and Power in Russia 1600–1914. N. Y., 1992; *LeDonne J.* The Grand Strategy of the Russian Empire 1650–1831. Oxford, 2004.

⁴ *Esdail Ch. J.* The Wars of Napoleon. London, 1995; русский перевод: *Исдейл Ч. Дж.* Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997. Повторное и расширенное его издание см.: *Esdail Ch. J.* Napoleon's Wars. An International History 1803–1815. London, 2009.

⁵ *Hall C. D.* British Strategy in the Napoleonic War 1803–1815. Manchester, 1992.

⁶ *Smith D.* 1813. Leipzig. Napoleon and the Battle of the Nations. Greenhill, 2006; *Leggiere M. V.* Napoleon and Berlin: The Franco-Russian War in North Germany, 1813. Stroud, 2002; *Idem.* The Fall of Napoleon. T. 1. The Allied Invasion of France. Cambridge, 2007; *Adams M.* Napoleon and Russia. London, 2006.

⁷ См. напр.: *Mikaberidze A.* The Russian Officer Corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792–1815. Staplehurst, 2005.

Наконец, выделим особо книгу Д. Ливена о борьбе России с Францией в 1807–1814 гг.¹ Она написана на основе использования широкого круга источников и литературы, в значительной степени русских, не случайно повествование ведется с точки зрения России, а не Наполеона. На фоне западной историографии, не использующей русские источники и литературу, работа Д. Ливена выглядит очень выигрышно, а автор продемонстрировал великолепное знание вопроса. В его труде нашли удачное сочетание достижения англоязычной литературы, свежие историографические подходы с обилием и знанием русских документов и исследований. Это сказалось на сделанных им выводах. Он справедливо подверг критике всех российских историков, изучавших в основном события 1812 г., в ущерб заграничным кампаниям 1813–1814 гг., что фактически означало доминирование в мировой историографии в этих вопросах эгоизма французской и немецкой исторических школ и привело к принижению огромного вклада российской армии в деле разгрома Наполеоновской империи. Ливен также отверг толстовский миф о победе в 1812 г., которую одержал простой народ, — этому тезису он противопоставил личные профессиональные качества всего российского генералитета и Александра I. Одной из важнейших причин поражения Наполеона автор назвал превосходство российской кавалерии (именно лошадь, по его мнению, победила в войне), уделил много места экономическим факторам в военных действиях, вопросам снабжения войск всем необходимым, постарался показать работу тыла, что всегда было малопривлекательным делом для специалистов вне зависимости от их национальной принадлежности. Книга наглядно показывает роль России и ее армии в заключительный период наполеоновских войн. Если говорить о фактологической составляющей, то автор продемонстрировал способность извлекать из изученных материалов максимум информации, систематизировать и обобщать собранные по крупицам данные из разнообразных источников и умело сводить их воедино. Это исследование очень быстро получило большой резонанс профессиональной критики на Западе, многие ведущие исторические журналы опубликовали положительные рецензии, а издание сразу же было отмечено рядом престижных премий: Вольфсоновской премией (Великобритания) за лучшую историческую книгу 2009–2010 гг.; премией фонда Наполеона (Франция) за лучшую книгу по теме наполеоновской эпохи на иностранном языке 2010 г.

---

¹ *Lieven D. Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814.* London, 2009. В русском переводе: *Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814.* М., 2012.

Из других национальных историографий отметим очень сильную польскую школу историков, а также итальянскую, швейцарскую, бельгийскую, голландскую, шведскую историографию. В последние десятилетия по нашей теме стали выходить работы исследователей Украины, Белоруссии и стран Балтии¹.

В настоящий момент можно констатировать высокую степень мобильности информационных потоков, создающих атмосферу современного историографического пространства, в связи с чем оно быстро и принципиально меняется. Точки зрения исследователей разных стран на основе расширения источниковой базы сближаются, во всяком случае, они стараются найти общий язык и взаимопонимание для решения спорных вопросов. Уходят в прошлое и мифологические конструкции, имевшие, как правило, политически ангажированное или идеологическое происхождение.

В заключение историографического обзора считаю нужным упомянуть собственные труды. Данный труд является плодом многолетней работы по данной проблематике. Уже работая над кандидатской диссертацией «Французская и русская разведка и планы сторон в 1812 году»², был вынужден, так или иначе, выходить за тесные рамки хронологии, ограниченной одним годом. Затем, увлекшись историей российского генералитета и изучая биографии отдельных генералов³, у меня сложилось стойкое впечатление, что эпоха 1812 г. включает в себя участие России во всех антинаполеоновских кампаниях 1805–1815 гг. Об этом свидетельствовал жизненный путь и карьера генералов. Лишнее подтверждение этому дала моя работа по редак-

---

¹ Работы исследователей этих стран по истории 1812–1814 гг. частично разбираются в статье о зарубежной историографии во втором томе упомянутой энциклопедии «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов» (С. 73–76).

² Позднее она была опубликована. См.: *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

³ См.: *Безотосный В. М.* Российский титулованный генералитет в войнах против наполеоновской Франции в 1812–1815 годах // Отечественная история. 1998. № 2. С. 178–189; *Он же.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999; *Он же.* Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 60–71; *Он же.* Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2002. С. 7–46; *Он же.* Армейский генералитет в правление императора Александра I // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. III. М., 2004. С. 27–59; *Он же.* Французы в составе российского генералитета в 1812 году // Французский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 143–147; Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М., 2011.

тированию и руководству написанием энциклопедий «Отечественная война 1812 года», «Заграничные походы 1813–1815 годов», «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов»¹, а также редактированию сборников ГИМ «Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография»². Все мои последние монографии оказались посвящены военно-историческим событиям 1805–1815 гг.³ Собственно, и представленный труд является обобщающей работой, написанной на основе моих последних публикаций.

Источники. Положенные в основу работы источники, можно разделить, поскольку речь идет о вооруженной борьбе Франции и России, на две части — наполеоновский и российский комплексы⁴. В свою очередь, документальный материал необходимо разграничить по структурно-тематическому делению: источники, относящиеся к ведению международной политики, источники предвоенного и текущего планирования противоборствующих армий и источники, отражающие ход военных действий. Также все источники многие историки делят на опубликованные и хранящиеся в архивах⁵. С точки зрения критики, использованные документальные комплексы подразделяются на следующие группы — материалы официального делопроизводства, документы личного происхождения и публицистика. При этом стоит учитывать, что почти все опубликованные документальные сборники по нашей тематике содержат, как правило, видовое разнообразие источников, разных по своему происхождению и назначению, что затрудняет классификацию и не дает возможно-

---

¹ См.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия М., 2004; Заграничные походы российской армии: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 2011; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. Т. 1–3. М., 2012.

² См.: Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. I–X. М., 2002–2012.

³ См.: *Безотосный В. М.* Наполеоновские войны. М., 2010; *Он же.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия или геополитика. М., 2012; *Он же.* Все сражения русской армии 1804–1814: Россия против Наполеона. М., 2012; *Безотосный В. М., Яновский А. Д., Петров Ф. А.* Александр I — Napoléon. М., 2012.

⁴ Документальный материал, связанный с историей Австрии, Пруссии, Великобритании и других европейских государств, отдельно не разбирается, а включен на время войн России и Франции или в российский, или в наполеоновский комплексы.

⁵ При написании работы были использованы 233 дела из 26 фондов 9 архивохранилищ страны.

сти исследователю полностью отнести каждый сборник только к одному типу источников.

Наибольшей по объему является первая группа — **официально-документальные материалы**. Их также можно разделить на несколько подгрупп. Но прежде чем приступить к характеристике каждой подгруппы, крайне необходимо ретроспективно представить процесс рождения и прохождения документов по бюрократическим каналам в те времена. Создание, эволюция и функционирование всех государственных органов регламентировалось и направлялось различными нормативными актами, инструкциями, приказами правительств, министерств и армейского командования сторон. Образованные и действующие на основе этих документов службы накапливали собственное делопроизводство. Также необходимо отметить, что процесс движения документов особенно во время боевых действий в военной или дипломатической сферах происходил в обстановке строгой секретности и хранения военной и государственной тайны каждой из сторон. Это обуславливало, в отличие от бюрократической практики мирного времени, выход отдельных материалов в ограниченном количестве, без права дублирования, уничтожение документов после прочтения или по истечении определенного времени, передачу приказов и информации в устной форме. Этим объясняются большие пробелы в документации. Архивной сохранности не способствовал и быстро текущий характер боевых действий во время войн, доклады и сообщения о которых составлялись часто задним числом, а также временный характер многих воинских подразделений, упраздненных после выполнения боевой задачи. Образовавшиеся в процессе их деятельности фонды в дальнейшем передавались в различные учреждения, а чаще всего рассредоточивались и были подвержены уничтожению из-за несоответствия профилю этих ведомств.

Исходя из определения темы, целей и плана исследования, весь комплекс официально-документальных материалов можно подразделить на следующие подгруппы: законодательные материалы; директивные документы высших инстанций (приказы, задания, запросы и инструкции), военно-оперативная документация (текущие дела, входящая и исходящая переписка с высшими и низшими инстанциями и другими ведомствами, отчетно-финансовые документы, информативные материалы); материалы по личному составу; планы военных действий, дипломатическая переписка. Поскольку схема движения документов была примерно одинаковой для обеих сторон, то все российские и наполеоновские источники целесообразно рассмотреть в сравнении.

Законодательные материалы. В России право издания новых законов и назначение на ключевые посты в государстве принадлежало императору¹. В законодательной сфере первое место принадлежало манифестам, которые издавались в связи с важнейшими событиями. Они печатались массовым тиражом в виде обращения монарха к своим подданным, а их стиль отличался витиеватостью. Наиболее известные манифесты 1812–1815 гг., вышедшие из-под пера А. С. Шишкова, позднее были собраны автором и опубликованы отдельным изданием². Другой вид законодательных материалов представлен высочайшими указами, которые делились на три вида — именные, объявленные из Сената и сенатские, два последних — состояли из подготовленного текста и резолюции императора «Быть по сему». К этому же типу документов относились и именные рескрипты императора. Важнейшим законодательным актом стало «Учреждение для управления Большой действующей армии»³. Оно было выпущено накануне 1812 г. и оказало самое положительное влияние на ведение военных действий и систему управления русских войск. Для историка важно даже просто знание основных положений «Учреждения» для правильного понимания, какую должность занимал тот или иной человек, круг его обязанностей и меру ответственности, а проще — кто кому подчинялся и за что отвечал. Законодательные материалы по внешнеполитическим вопросам — международные договоры России с другими государствами были в 1874–1909 гг. собраны Ф. Ф. Мартенсом. Он работал по поручению российского МИД и издал труд под названием «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» (15 томов), который принес ему мировое признание⁴. Мартенсу было разрешено пользоваться всеми необходимыми архивами и, публикуя международно-правовые акты, он предварял каждый том (посвящен договорам России с одной страной) историческим введением, настолько обширным, что, в сущности, представлял собой самостоя-

---

¹ Как правило, все законодательные материалы позже были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (далее — ПСЗРИ).

² Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.

³ Учреждение для управления Большой действующей армией. СПб., 1812; ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XXXII. № 24975.

⁴ Нами было использовано несколько томов в этом издании, см.: *Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*. Т. III, VII, XI, XIII, XIV. СПб., 1874–1909 (далее: *Собрание трактатов и конвенций...*).

тельный исторический очерк. Этот труд не потерял своего значения и в наше время. Международные договоры, заключенные Францией в этот период, были собраны во 2-м томе издания Ж. де Клерка¹, в котором публиковались все договоры за период с 1803 по 1815 г., а недавно увидел свет сборник договоров Наполеона с другими государствами с 1804 по 1815 г., собранных и прокомментированных М. Керотре².

Директивные документы высших инстанций. В России этот вид документации был введен Павлом I под названием «Высочайших приказов о чинах военных», которые содержали повеления по военному ведомству (различные распоряжения, производство в чины, назначения на должности, увольнения от службы, объявления о наградах и отпусках). При Александре I они рассылались по местам и публиковались в газетах «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Другой вид документации подобного рода — указы по армиям, издававшиеся от имени главнокомандующих (с 1812 г. — типографским способом), т. е. материалы официального характера, с которыми предполагалось ознакомить всю армию или ее командный состав. Эти указы — разновидность армейской делопроизводственной документации, дающие возможность восстановить реальную картину воинской жизни, представить систему управления, эволюцию организационной и хозяйственной структуры армии, выявить кадровые перемещения, оценить моральный фактор и многие другие вопросы. Эти документы разбросаны по разным архивам, основные комплексы директивных документов хранятся в различных фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)³, книжном фонде Российской государственной библиотеки (РГБ)⁴, и в отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)⁵. Автор данного исследования в свое время опубликовал указы по 1-й Западной

---

¹ Clercq J. de. Recueil des traités de la France. Т. II. Paris, 1880.

² Kerautret M. Le grands traités de l'empire. Т. 2–3. Paris, 2004.

³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208в. Св. 55. Д. 5/44; Оп. 3/209г. Св. 51. Д. 55; Ф. ВУА. Д. 3520, 16865.

⁴ Непрономерованные печатные и рукописные листы, переплетенные в один фолиант («Высочайшие указы о чинах военных» за 1812–1813 гг.), который не соответствует профилю книжного фонда, а по архивным правилам должен храниться в РО РГБ.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 177, 180.

армии за 1812–1813 гг.¹ как раз на основе выявления материалов в фондах этих архивов. Также существовали приказы военного министра, приказы по артиллерии, инженерному и интендантскому ведомству, приказы по корпусам и т. п.

Также нужно учитывать, что если во Франции директивные документы направлялись, как правило, от императора к подчиненным, то в России — наоборот: сначала приближенные разрабатывали и подавали проекты на утверждение царю, а после его подписи они приобретали директивный характер. Французские директивные документы представлены, в первую очередь, опубликованной во времена Второй империи перепиской Наполеона с высшими чинами и военачальниками империи (32 тома)². Как правило, в документах были выражены самые различные мысли императора и ставились конкретные задачи своим подчиненным. Стиль переписки, выраженный четкой военной фразеологией, носил категорический характер. На основе указаний Наполеона соответствующими лицами разрабатывались и осуществлялись военные операции или проводились дипломатические переговоры. В настоящее время во Франции Фондом Наполеона осуществляется полное собрание переписки Наполеона, ведется работа в двухстах архивах 130 стран. На сегодняшний день издано 10 (не изданы Т. 10 и 11) томов. Последний вышедший том посвящен Русскому походу 1812 г., где впервые были помещены послания императора, перехваченные казаками при отступлении французов. Автор этой книги по просьбе французских коллег принимал участие в работе над этим томом, в частности, написал статью об организации российской армии в 1812 г.³, но для удобства ссылки на переписку Наполеона даются в основном на издание XIX в., поскольку новая публикация еще не закончена и охватывает не весь хронологический период нашего исследования.

Военно-оперативная документация. Это очень важная для нашей темы и наибольшая по объему подгруппа официальных источ-

---

¹ *Безотосный В. М.* Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. 1996. Вып. VII. С. 59–146.

² *Correspondance de Napoléon I-er.* Т. 1–32. Paris, 1858–1870. Публикация содержала около половины материала, продиктованного или написанного рукой Наполеона. Многие тексты напечатаны в сокращенном виде. После этого многотомного издания вышло в свет, по крайней мере, еще восемнадцать публикаций документов Наполеона (см.: *Собуль А.* Герой, легенда и история // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. 1969. М., 1971. С. 236; *Безотосный В. М.* Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года // История СССР. 1990. № 3. С. 213), из них в работе использована военная переписка Наполеона (*Correspondance militaire de Napoléon I-er.* Т. 7–8. Paris, 1895–1897).

³ См.: *Bezotosnyi V.* L'organisation de l'armée russe (1810–1812) // *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale.* Т. 12. Paris, 2012. P. 1377–1388.

ников, зафиксировавших и отразивших события того времени. К этому типу документов относится вся служебная документация, различная по своему характеру и способу фиксации информации: диспозиции, рапорты и реляции о сражениях, журналы военных действий, протоколы военных советов, материалы о прохождении службы, представления к наградам и полковая документация, военно-судные дела, отчетные документы и различная служебная переписка. Подавляющее большинство этих материалов находится в фондах Российского государственного военно-исторического архива¹. Отметим в первую очередь фонды 846 (Военно-ученого архива; ВУА), 29, 103 и 474. Значительный материал по военной истории накоплен в ОПИ ГИМ, в первую очередь фонде 160. Копийный материал сохранился в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (РО РНБ) в фондах историков К. А. Военского (Ф. 152), А. И. Михайловского-Данилевского (Ф. 488), Н. К. Шильдера (Ф. 859). Многие из этих документов увидели свет в опубликованных сборниках. Укажем только существенные для нашего исследования. Специально кампании 1805 г. в российской литературе был посвящен только один документальный сборник, выпущенный в 1951 г. в Вильнюсе, где был опубликован 241 документ из дел, хранившихся в архиве Литвы в фонде «Канцелярии Виленского генерал-губернатора»². Туда они попали в бытность М. И. Кутузова виленским генерал-губернатором. Исследователи также широко привлекают относящийся к этой теме сборник документов «Фельдмаршал Кутузов»³, 2-й том из пятитомника документов сборника «М. И. Кутузов»⁴ и раздел (всего два документа) сборника «Генерал Багратион»⁵. Военные действия в 1806–1807 гг. в России вообще оказались обойденными вниманием (компактно не издавались), а документальные материалы по этой войне публиковались лишь отдельно в исторических журналах. Это было связано не только с неудачным окончанием войны, а с тем, что главнокомандующим тогда являлся генерал Л. Л. Беннигсен, отношение к которому среди российских историков и общества чаще всего было негативным. Зато тематике

---

¹ О судьбе этих фондов подр. см.: *Шейн И. А.* Издание и описание документов Военно-ученого и Лефортовского архивов накануне столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. // Отечественные архивы. 2002. № 1; *Мальшикин С. А.* Судьба архивных документов русской армии эпохи Отечественной войны 1812 года // Отечественная история. 2008. № 2.

² Документы штаба М. И. Кутузова: 1805–1806. Вильнюс, 1951.

³ Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов. М., 1947.

⁴ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. М., 1951.

⁵ Генерал Багратион: Сб. документов. М., 1945. С. 36–41.

1812 г. было посвящено большое количество публикаций. Помимо именных (уже упомянутых нами), в начале XX столетия была предпринята грандиозная попытка издать к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года материалы Военно-ученого архива, и тогда смогли опубликовать 21 том¹. Первые двенадцать томов охватывали подготовку к войне с 1810 г., и документы были снабжены комментариями, а к томам приложены указатели. Начиная с 14-го тома, в связи с приближавшимся юбилеем, выпуск осуществлялся в ускоренном темпе уже без комментирования и указателей, а с 17-го тома документы печатались не в хронологическом порядке, а бессистемно, целыми делами. Много документов было опубликовано в издании бумаг П. И. Щукина², сборниках материалов собственной Е. И. В. канцелярии³, в издании документов 3-й Обсервационной армии⁴. После 1917 г. увидели свет документальные публикации о М. И. Кутузове⁵, об отдельных сражениях⁶, об участии ополчения⁷, донских казаков⁸, калмыков⁹, башкир¹⁰. Действия союзников в

---

¹ Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. I–XXI. СПб., 1900–1914.

² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. I–X. М., 1897–1908.

³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 1. СПб., 1876; Вып. 2. СПб., 1889; Вып. 3. СПб., 1890; Вып. 4. СПб., 1891; Вып. 10. СПб., 1898; Вып. 11. СПб., 1902; Вып. 13. СПб., 1906; Вып. 14. Ч. 1. СПб., 1913; Вып. 14. Ч. 2. СПб., 1913; Вып. 16. СПб., 1917.

⁴ Двенадцатый год: Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западной армиею, генерала от кавалерии А. П. Торماسова. СПб., 1912.

⁵ Фельдмаршал Кутузов: Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995.

⁶ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962; Бородино: Документальная хроника. М., 2004; Подвиги офицеров и солдат русской армии в сражении при Бородино. Сб. документов. М., 2012; Малоярославецкое сражение 12/24 октября 1812 года: Документы. Воспоминания. Дневники. Письма. Калуга, 2012.

⁷ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962.

⁸ Донские казаки в 1812 году: Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1954; Донское казачество в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: Сб. документов. Ростов-на-Дону, 2012.

⁹ Участие калмыков в наполеоновских войнах: Сб. документов и материалов. Элиста, 2012.

¹⁰ Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: 1812–2012. Уфа, 2012.

Германии в 1813 г., в том числе русских войск, целенаправленно освещают три тома документов Военно-ученого архива, выпущенных в начале XX столетия¹, и солидный документальный сборник, вышедший в советское время², кампании 1814 и 1815 гг. только дожидаются публикации всех материалов.

Перейдем к характеристике типовой документации. К реляциям о сражениях историку стоит относиться критически, так как военачальник всегда, подавая информацию о сражениях императору или высшему начальству, был заинтересован приукрасить действительность и затушевать негативные моменты, особенно в случае неудачи. Обычная практика реляций и рапортов — завышение численности противника и занижение собственных сил, участвовавших в боях, лакировка и искажение сути происходивших боевых действий в угоду начальству или общественному мнению. Приведем характерный пример — после Лютценского сражения, представленного публике как победа, русская армия начала отступление. Начальник Главного штаба генерал-адъютант П. М. Волконский, уезжая, из коляски, прокричал А. И. Михайловскому-Данилевскому: «Напиши в реляции, что мы идем фланговым маршем!» Тот впоследствии посетовал по этому поводу: «Какова должна быть история, основанная на подобных материалах, а, к сожалению, большая часть историй не имеет лучших источников»³. Да и сам император, не стеснялся требовать двойную бухгалтерию и сообщать ложные сведения. Так, будучи свидетелем поражения при Аустерлице, он 22 декабря 1805 г. в рескрипте к М. И. Кутузову потребовал от того составления двух реляций, «одну единственно для сведения моего, в коей вы по чистой совести и совершенной справедливости изложите мне действие и поведение как лично генералов, штаб- и обер-офицеров, так и вообще полков, которые в сей день отличили себя в честь или поношение их... Другую же реляцию для публикации, в коей поместите вы между прочим и те обстоятельства, кои были нам препоною к удаче»⁴. В своих записках А. П. Ермолов о первом боестолкновении с французами в царствование Александра I при Ламбахе сделал примечательную запись о том, как составлялись боевые донесения: «Потеряно одно орудие конноартиллерийской роты полковника Игнатьева, под которым

---

¹ Война 1813 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. I–III. СПб., 1914. Изданию последующих томов помешала Первая мировая война.

² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сб. документов. М., 1964.

³ *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 337.

⁴ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 234.

лопнула ось от излишней экономии в коломази. Начальство точной причины не узнало, а полковник Игнатъев в донесении своем рассудил за благо подбить его неприятельским выстрелом»¹. Также можно рассмотреть реляцию о сражении под Аустерлицем генерала Ф. Ф. Буксгевдена, командовавшего в тот день 1-й и 2-й колоннами. Рапортуя, Буксгевден явно противопоставил героические действия 1-й колонны (при которой он сам находился) «разбитой» неприятелем 2-й колонны, но «разбитой» в некоторой степени и по его собственной вине, а затем фактически им брошенной на произвол судьбы. Это было сделано, чтобы избежать критики со стороны недовольного им командовавшего 2-й колонной генерала А. Ф. Ланжерона². Даже многие из современников отдавали себе отчет в том, что нельзя верить реляциям, что сообщаемая в них информация очень далека от действительности. Например, князь А. Б. Куракин после Фридландского сражения больше верил участникам этой битвы, с которыми беседовал, а в письме к императрице Марии Федоровне он вопрошал: «Что бы ни говорили официальные донесения, но наши раненые утверждают, что поражение наше было полное и что мы должны были потерять убитыми и ранеными около 20 000 человек. Беннигсен же определяет нашу потерю только в половину...» Чуть позже в письме тому же адресату он прямо написал: «Вы предаетесь надеждам на основании донесений Беннигсена; но все его донесения государю лживы, состоят из общих мест и не говорят ничего такого, что бы дало государю положительное и обстоятельное показание о действительном числе его войск и о их постепенной убыли убитыми, ранеными и бежавшими»³.

Другой вид официально-делопроизводственной документации — журналы военных действий. Они велись во время войны в штабах соединений и отдельных подразделений (от армий до самостоятельно действовавших отрядов) на основе поступавших от командования приказов, донесений и рапортов с мест, составленных диспозиций. Поденные записи производились, как правило, офицерами свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части. В них ежедневно в обобщенном виде фиксировались сведения о произошедших боях (с кратким описанием и оценками), о расположении и передвижениях войск, о действиях отдельных отрядов и полученных данных о противнике, о важнейших персональных переменах в командовании войск, о поте-

---

¹ Записки А. П. Ермолова 1798–1826. М., 1991. С. 36.

² См.: Аустерлиц: Реляции генералов от инфантерии Голицычева-Кутузова и графа Буксгевдена // Военный сборник. 1903. № 9.

³ Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 171, 194.

рях, пленных, трофеях и т. п. Собранные сведения на практике затем использовались для составления различных справок и отчетов, написания реляций и наградных списков, а также для публикаций официальных известий из армии в прессе (сокращенно и в отредактированном виде помещались в прибавлениях к газете «Санкт-Петербургские ведомости» под названием «Известия из армии»¹). Вообще, этот тип источников близок к публицистике, так как во многом был рассчитан на информирование войск и населения с официальной точкой зрения, т. е. печатался с пропагандистскими целями. Так одна из первых работ анонимного автора «Поход августейшего императора Александра I в Германию и Францию и подвиги союзников его с описанием всех происшествий» была написана на основе и фактически повторяла журналы военных действий, там же были опубликованы манифесты, воззвания, прокламации, приказы союзников². Большая часть журналов ныне хранится в РГВИА в фондах 103 и 846 и РГИА в фонде 1409. Значительная часть из них публиковалась почти сразу по окончании военных действий³ или же позже кусками включалась в различные сборники документов.

Протоколы военных советов — крайне редкий тип документов, поскольку при единоначальных решениях, принятых в практике управления российской императорской армии, во время быстро меняющейся обстановки военный совет собирался при экстремальной ситуации лишь по инициативе высшего командира, когда тот желал выслушать мнения своих подчиненных. Самый известный исторический случай — военный совет в Филях 1 (13) сентября 1812 г., когда

---

¹ Характеристику «Известиям» см. ниже в разделе «Публицистика». Наиболее полную публикацию за 1812 г. см.: Известия о военных действиях российской армии против французов 1812 года. СПб., 1813.

² См.: Поход августейшего императора Александра I в Германию и Францию и подвиги союзников его с описанием всех происшествий и достопамятнейших перемен. Ч. 1–4. СПб., 1814. При желании данную публикацию можно отнести к публицистике, и это не будет грубой ошибкой.

³ Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, т. е. с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. СПб., 1807; Журнал военных действий войск, состоявших под начальством генерал-майора графа Каменского 2-го с 14 апреля по 27 июня 1807 года. СПб., 1809; Журнал военных действий Западной армии со времени принятия над нею начальства генералом от инфантерии Барклаем де Толли до заключения перемирия в Силезии. Б. м и г.; Журнал военных действий российской императорской и королевско-прусских армий в 1813 году. СПб., 1829; Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции, в мае 1814 года. Ч. 1–2. СПб., 1837.

речь шла о судьбе древней столицы России. Но протокола заседания совета не велось, за что Кутузов получил фактический выговор в виде постановления Комитета министров от 10 сентября 1812 г., и лишь задним числом полковником К. Ф. Толем был составлен краткий протокол, который нашел отражение в журнале военных действий¹. Поэтому у историков до сих пор остаются невыясненные до конца спорные вопросы (даже о составе участников совета), а их работы главным образом базируются на мемуарных свидетельствах.

Материалы о прохождении службы, представления к наградам и полковая документация также играли важную роль при написании работы. В истории российской императорской армии, как и в любой армии мира, часто вспыхивали генеральские споры и имела место борьба группировок. Почему это происходило? Ответы на эти вопросы можно найти, привлекая такой редко используемый источник, как погодные списки генералитета по старшинству². Они ежегодно составлялись военным ведомством (сначала инспекторской экспедицией, а с 1810 г. — инспекторским департаментом) на какую-либо четко зафиксированную дату и затем оперативно издавались карманным форматом типографским способом. Фамилии генералов, находившихся на службе, помещались не по алфавиту одна за другой, а следовали по старшинству в чине от генерал-фельдмаршалов до генерал-майоров. На каждого точно указывались год, месяц и число, с которого отсчитывалось старшинство, чаще всего совпадающее со временем производства в последний чин, но иногда фиксировалась другая дата. Например, в случаях получения воинского звания «за отличие» в конкретном боевом эпизоде старшинство считалось с даты этого сражения. После возвращения из отставки или перехода из гражданской службы старшинство также изменялось (чтобы не обижать тех, кто оставался служить, особенно младших в чине)³, оно

---

¹ См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 5. Л. 229–230; М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. VI. Ч. I. М., 1954. С. 220–221, 274; Журналы Комитета министров. Т. II. СПб., 1891. С. 94. О том, что на военном совете в Филях «мнения генералов не были внесены в протокол», писал Александру I в письме от 19 января 1813 г. генерал Л. Л. Беннигсен (Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 246).

² Историки редко использовали этот источник. В литературе только недавно появилась статья с разбором списков. См.: *Подмазо А. А.* Списки генералов по старшинству, как источники // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Факты. Малоярославец, 2003. С. 12–18.

³ Приведем случай с генералом А. П. Ермоловым, вышедшем в отставку, а в 1831 г. принятым на службу. Главный штаб при возвращении на службу

сдвигалось на время, проведенное вне службы, или, иногда, как тогда писали, старшинство исчислялось по Высочайшему манифесту 18 февраля 1762 г. и тогда фамилия генерала записывалась в конец списка того или иного чина. При выходе в отставку военнослужащий получал (как правило) чин на класс выше, однако при повторном поступлении на военную службу ему (как правило) возвращался чин, который он имел до отставки. Как указывалось в 3-м пункте Высочайшего манифеста 1762 г.: «Кто будучи в отставке некоторое время, или после военной находятся в статской и других службах пожелает паки вступить в военную службу, таковые приняты будут, если их достоинства окажутся теми же чинами, в каковых они состоят, с переименованием военных чинов, но старшинством младшими пред теми, кои с ними, когда они из военной службы уволены, в одних рангах состояли. Если же таковые все уже повышены будут, то может и определяющийся в военную службу старшинство получит с того дня, как определится, сие для того постановляется, дабы служащие пред неслужащими выгоду и пользу имели»¹.

Правда, иногда следовал приказ императора о принятии с чином, который генерал имел в отставке, но без указания старшинства. В этом случае возвращалось прежнее старшинство, но оно считалось по младшему чину (полный генерал значился в списках генерал-лейтенантов, а генерал-лейтенанты — среди генерал-майоров). Даже для современников были трудно объяснимы все нюансы такой противоречивой ситуации (несоответствие логики службы со старшинством), возникавшей только из-за волевого решения монарха.

Типографские экземпляры рассылались (возможно, частично распродавались) как руководящие документы в штабные структуры и ведомства, где проходили службу генералы. Каждый список был действителен до выхода последующего, а затем терял силу. Но в течение этого срока всегда происходили изменения и передвижки, поэтому на многих дошедших до нашего времени списках можно найти краткие рукописные вставки, пометки и зачеркивания, внесенные прямыми пользователями на основании полученных приказов (о кончи-

---

установил, «что старшинство генералу от инфантерии Ермолову в настоящем чине за вычетом 3-х лет и 11 месяцев бытности его в отставке, следует считать с 21 января 1822 года. По генеральскому списку он состоит между генералов: от артиллерии князя Яшвиля и инфантерии Капцевича; до увольнения же от службы стоял между генералов князя Волконского и Эссена» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 859. Л. 4). То есть, его старшинство было сдвинуто на 3 года и 11 месяцев, до этого старшинство определялось с момента производства в чин 20 февраля 1818 г.

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1, ст. 1817 г. Д. 388.

нах, отставках, отпусках, изменении названий должностей, номера приказов). Большинство экземпляров, видимо, затем за ненадобностью выбрасывалось. Лишь этим можно объяснить слабую сохранность списков даже в главных библиотеках страны¹.

Для повседневной жизни генералитета ежегодно издаваемый список являлся важнейшим документом, в котором на определенный момент четко и наглядно регистрировалась иерархическая структура (старшинство в чинах) высшего командного состава. На основе этих широко распространяемых списков определялась система подчиненности младших перед старшими, от этого зависело возможное назначение на открывающиеся вакансии, производство в следующий чин и даже в соответствии со списком рассадка гостей во время великосветских приемов. Не вызывает сомнения, что каждый генерал очень внимательно следил не только за тем, какое место он сам занимал, но и за положением своих, особенно младших в чине, коллег. Резкий карьерный взлет последних или назначение на высшую должность вызывали не просто болезненное недовольство, а бурю возмущения, и зачастую могло привести «обиженных» к массовому написанию прошений об отставке. Именно этот источник имеет важнейшее значение для понимания генеральских споров и конфликтов, которые велись на основе сложившегося принципа старшинства службы. Среди генералитета господствовал устойчивый стереотип, что старшинство в чине — выше старшинства в должности, по крайней мере, чин должен был соответствовать должности. Но на практике это не всегда выдерживалось. Например, если младший в чине генерал получал в командование корпус, а старший оставался дивизионным командиром (а такие случаи были нередкими и в 1812 г.), то это воспринималось как нарушение субординации и устоявшихся негласных норм. Можно припомнить имевший громкий резонанс инцидент с казачьим генерал-майором И. К. Красновым, которого во время боев под Смоленском в 1812 г. подчинили младшему в чине генерал-майору И. Г. Шевичу. Получивший от своего подчиненного рапорт, возмущенный атаман М. И. Платов сделал А. П. Ермолову запрос, составленный фактически в виде жалобы: «Обида, Господином Красновым

---

¹ В работе использовались списки на разные годы правления Александра I: Список генералитету по старшинству [по 19 июня 1803]. СПб., 1803; Список генералитету по старшинству [по 18 января 1808 года]. СПб., 1808; Список генералитету по старшинству [по 24 июня 1812 года]. СПб., 1812; Список генералитету по старшинству [по 30 августа 1814 года]. СПб., 1814; Список генералитету по старшинству [по 7 августа 1820 года]. СПб., 1820; Список генералам, с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах [по 19 июня 1825 года]. СПб., 1825.

описываемая, ...не только для него, но и для меня и даже всего войска, очень чувствительна... прошу Вас приказать в подобных случаях по военному списку выправляться о старшинстве Господ Генералов, во избежание обиды, от подчинения старшего младшему чувствуюемой»¹.

Самый громкий резонанс в среде высших военачальников вызвало производство 20 марта 1809 г. за отличие из младших генерал-лейтенантов в генералы от инфантерии П. И. Багратиона и М. Б. Баркляя де Толли. Например, Д. С. Дохтуров тут же по горячим следам подал прошение об отставке. В письме к императору он не скрывал мотивов своего поведения: «Производство моих сверстников было мне весьма чувствительно». Лишь личная просьба царя заставила Дохтурова остаться в армии. «Милостивые строки вашего величества оживили и утешили огорченное мое сердце, я увидел, что благорасположение ваше ко мне продолжается», — писал он императору². Обычно, исследователи интерпретируют спор о старшинстве Баркляя и Багратиона, приводя иногда самые неожиданные аргументы. Необходимо четко обозначить, что Багратион был старше Баркляя в чине — оба произведены одним приказом от 20 марта 1809 г. Но в списке по старшинству он стоял впереди, следовательно, мог требовать подчинения себе младшего по чину в тех случаях, когда не имелось высочайшего приказа о назначении единого главнокомандующего. Он же добровольно подчинился младшему Баркляю. Юридически это подчинение никак не было зафиксировано. Парадокс заключался в том, что, в отличие от всех предыдущих военных регламентов, предусматривавших подчинение, исходя из принципа старшинства, Учреждение для управления Большой действующей армией 1812 г. наделяло их абсолютно равными правами. Каждый в своей армии являлся полноправным хозяином и нес ответственность только перед императором. Об этом неоднократно упоминал Багратион в своей переписке: «Я хотя старее министра и по настоящей службе и должен командовать, о сем просила и вся армия, но на сие нет воли Государя и я не могу без особенного повеления на то приступить»³. Учитывая это обстоятельство, бездоказа-

---

¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 66; Русский архив. 1874. Кн. 1. Стлб. 1098–1099; Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 340; Приложения к запискам А. П. Ермолова. Ч. 1. М., 1865. С. 206–207.

² Переписка русских генералов с императором Александром I // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2002. С. 218–219.

³ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 97. В другом письме он писал: «Отнять же команду я не могу у Баркляя, ибо нет на то воли Государя» (Там же. С. 99).

тельно звучит мнение некоторых историков, что Барклай возглавил войска, поскольку являлся военным министром¹. Если проанализировать списки и сравнить за разные годы, то становится ясно, что в 1812 г. большинство корпусных начальников до 1809 г. были старше в чине Барклая. Именно этот факт служил одним из побудительных моментов недовольства генералитета главнокомандующим 1-й Западной армии.

Другими важными источниками о прохождении службы являются «Формулярные списки о службе и достоинстве», своеобразный прообраз современных личных дел. Самый большой массив формулярных списков и полковой документации за период 1812–1815 гг. сосредоточен в фонде № 489 РГВИА². Составленные в виде ответов на вопросы анкеты, формулярные списки содержат сведения о возрасте³, социальном происхождении, вероисповедании, данные о прохождении службы, участии в боевых действиях, ранениях, наградах, знании иностранных языков и т. д. К формулярам близки по форме кондуитные списки, представлявшие прообраз современной характеристики личных и деловых качеств военнослужащего.

Анализ всего массива формулярных списков генералов позволяет обрисовать социальный и национальный облик российского генералитета на тот период, что дает возможность выявить причины конфликтов в среде русских военачальников.

В работе использовались и такие источники, как представление к наградам или к повышению в чине, где кратко и в обобщенном виде характеризовалась деятельность отдельных лиц. Представления к наградам или наградные списки довольно стандартны (использовалась одинаковая фразеология), а действия военнослужащих изображены в приукрашенном виде и подводились под соответствующую статью орденового статута. Списки, как правило, прикладывались к рапортам командиров подразделений о боевых действиях. Этот тип

---

¹ К примеру, даже такой маститый историк, как Н. А. Троицкий, писал, что, «как военный министр Барклай был вправе от своего имени или даже от имени царя давать указания командующим другими армиями». (*Троицкий Н. А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 92*).

² Формулярные списки можно найти в самых различных архивных фондах, но компактно на генералов они представлены в нескольких делах РГВИА, ОПИ ГИМ, АВПРИ. См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058, 7060, 7062; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238; АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464.

³ Сведения о возрасте являются наиболее противоречивыми, как самые подвижные данные (изменялись каждый год) и подверженные писарским ошибкам. Выявление достоверного года рождения возможно лишь путем сравнительного анализа нескольких формуляров и других источников.

документов сохранился больше всего в фондах ВУА, 29, 103 РГВИА, а наградные документы за Бородинское сражение в 2012 г. были опубликованы в отдельном сборнике¹. Близкими к наградным делам являются разного рода прошения о наградах, пенсиях, денежных выплатах и т. д. Просители (военнослужащие, гражданские лица, родственники умерших) описывали и часто давали оценку действий во время войн. Ценность этих свидетельств заключалась в том, что прошение вызывало со стороны военного ведомства запросы в различные инстанции и проверку сообщаемых сведений. Поэтому сохранилось большое количество дел, где вместе с просьбой хранились и рожденная ею последующая переписка, разбор сути заявления и официальное заключение о деятельности того или иного лица. Такого рода документы отложились в первую очередь в фонде Инспекторского департамента (РГВИА. Ф. 395). В этом же фонде и в фонде Главного военно-судного управления (РГВИА. Ф. 801) хранится большинство военно-судных дел. Весьма показательным делом о разжаловании в рядовые генерал-майора И. А. Лошакова за оставление поля боя и самовольную отлучку от полка в день Аустерлицкого сражения (в 1811 г. восстановлен в чине)². Например, перед началом войны в 1812 г. под судом находились 11 генералов, а двое из них уцелели в военных действиях и были оправданы³.

Полковая документация представлена прежде всего в фонде 489 РГВИА. Различные служебные документы можно найти также в некоторых личных фондах русских генералов⁴. Служебная переписка, представленная лицами разного уровня, содержится как в опубликованных сборниках документов, так и в отдельных исторических журналах⁵.

---

¹ Подвиги офицеров и солдат русской армии в сражении при Бородино: Сб. документов. М., 2012.

² РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 1793. Подр. см.: *Подмазо А. А.* «Преступление и наказание». Дело генерала Лошакова (к 200-летию Аустерлицкого сражения) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005. С. 7–22.

³ Подр. см.: *Безотосный В. М.* Армейский генералитет в правление императора Александра I // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. III. С. 43.

⁴ См., напр.: РГИА. Ф. 660 (А. А. Закревского); ГАРФ. Ф. 1711 (М. Ф. Орлова); Ф. 877 (Воейковых). Оп. 1. Д. 341 (формулярный список А. В. Воейкова); РГВИА. Ф. 216 (А. В. Воейкова); РО РНБ. Ф. 836 (А. И. Чернышева).

⁵ См., напр.: Письма Императора Александра I адмиралу Чичагову // Военно-исторический сборник. 1912. № 2–3; Письма адмирала Чичагова к императору Александру I // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 6. СПб., 1871. С. 1–73; Переписка императора Александр-

Комплекс военно-оперативной документации французского командования во время войн достаточно обширно представлен в публикациях документов. Укажем наиболее значимые, помимо уже упомянутой переписки Наполеона. Было издано несколько сборников, в которых представлены документы по нескольким кампаниям или в целом войнам Наполеона¹. Также отдельно кампаниям 1805 г. и кампаниям 1806–1807 гг. посвящено несколько сборников документов². Более внушительно в материалах представлены события 1812 г., несмотря на дискуссию в советской литературе (сохранился или нет архив Великой армии?)³. Подготовительный период к войне со стороны Наполеона можно проследить до конца марта 1812 г. по публикации Л. Маргерона⁴, материалы этого же периода дополняются так называемыми бумагами, отбитыми у «неприятеля»; частично они опубликованы русскими историками⁵. Большое количество трофейных документов продолжает храниться в российских архивах, но до сих пор они не введены в научный оборот⁶. Ответ на вопрос о существовании архива Великой армии дает многотомная публикация

ра I и Барклая де Толли в Отечественную войну после оставления государем армии // Военный сборник. 1903. № 11–12; 1904. № 1, 6–8; Письма Беннигсена императору Александру I в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 233–246. См. также переписку Беннигсена в 1813 г. с разными лицами: К биографии графа Л. Л. Беннигсена // Военный сборник. 1905. № 2, 4–12. Служебную переписку часто на практике всегда трудно отделить от личной переписки, если корреспонденты были хорошо знакомы друг с другом, или являлись друзьями или приятелями.

¹ *Lobard J. W. Materialien zur Geschichte der Jahre 1805, 1806 und 1807.* Frankfurt, 1808; *Ficatier. Campagnes mémoragles, des armées françaises en Egypte, Italie, Allemagne jusqu' en 1815.* Paris, 1847; *Correspondance du maréchal Davout, prince d'Eckmühl, ses commandements, son ministère (1801–1815).* T. 1–4. Paris, 1885.

² *Alombert P. C., Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne.* T. 1–6; *Foucart P. Campagne de Pologne.* T. 1–2. Paris, 1882.

³ См.: *Абалыхин Б. С., Дунаевский В. А.* Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 года. М., 1983. С. 17–18.

⁴ *Margueron L. Campagne de Russie.* T. I–IV. Paris, 1895–1906.

⁵ Отечественная война 1812 года. Отд. II. Т. I. СПб., 1903; *Симанский П.* Перед войной 1812 года. СПб., 1906.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3380, 3381, 3465, 3597, 3604–3611, 3613; РГАДА. Ф. 30. Д. 196–287; РО РНБ. Ф. 152, 859. Подр. см.: *Васильев А. А.* Обзор французских документов-трофеев Отечественной войны 1812 г., хранящихся в фонде и коллекциях Военно-ученого архива // Документальные реликвии российской истории: 200-летие Военно-ученого архива. М., 1998. С. 123–134.

Г. Фабри, в которой собран и прокомментирован значительный массив военно-оперативной переписки во время Русского похода¹. Сборники документов о кампаниях 1813–1815 гг. в основном уже связаны с деятельностью французских военачальников, отдельных сражений и воинских соединений в этот период². Служебная переписка Э. Богарне во время его нахождения во главе Великой армии в начале 1813 г. представлена в публикации его потомка герцога Лейхтенбергского³.

Проекты и планы военных действий специально выделены в отдельную подгруппу официально-делопроизводственной документации. Применительно к 1812 г. этот комплекс материалов и документы предвоенного планирования достаточно подробно охарактеризованы в моей монографии «Разведка и планы сторон в 1812 году»⁴. Кратко остановимся на некоторых планах других военных кампаний.

Важно помнить, что это были коалиционные войны европейских держав против Наполеона. Так, например, военный план кампании 1805 г. очень долго согласовывался европейскими кабинетами, в первую очередь Вены и Петербурга, после заключения международных договоров между странами⁵. План был согласован австрийским ко-

---

¹ *Fabry G.* La campagne de Russie (1812). T. I–V. Paris, 1900–1903; *Idem.* La campagne de Russie. Documents relatifs à l'aile gauche. Paris, 1912; *Idem.* La campagne de Russie. Documents relatifs à l'aile droite. Paris, 1912.

² *Fabvier Ch. N.* Journal des opérations du 6-e corps pendant la campagne de France en 1814. Paris, 1819; *Grouchy E.* Lettres, ordres, decrets de Napoléon I-er de 1812, 1813 et 1814, non insérées dans la Correspondance. Paris, 1897; *Chuquet A.* Ordres et Apostilles de Napoléon I-er (1799–1815). T. 1–4. Paris, 1911–1912; Rapports du maréchal Berthier à l'Empereur pendant la campagne de 1813. T. 1. Paris, 1909; Befreiungskrieg 1813 und 1814. Bd. V. Wien, 1913; Correspondance du prince Joseph Poniatowski avec France. T. 3–5. Poznan, 1828–1829; *Fabry G.* Etude sur les opérations du maréchal Macdonald; Katzbach. Paris, 1910; *Idem.* Etude sur les opérations du maréchal Oudinot du 15.08. au 4.09.1813. Paris, 1910; *Idem.* Etude sur les opérations de l'Empereur du 5.09. au 21.09.1813. Paris, 1913; *Idem.* Etude sur les opérations de l'Empereur du 22.09. au 3.10.1813. Paris, 1913; *Foucart P.* Bautzen (un bataille de deux jours) 20–21 mai 1813. T. I–II. Paris, 1897–1901.

³ *Лейхтенбергский, герцог.* Принц Евгений-Наполеон Богарне во главе Великой армии 4 (16) января–19 апреля (1 мая) 1813 года // Военный сборник. 1904. № 1. С. 1–30; № 2. С. 1–54; № 3. С. 1–56; № 4. С. 1–38; № 5. С. 1–44; № 7. С. 1–30; № 8. С. 1–24.

⁴ См.: *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 18–21.

⁵ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. II. М., 1961. С. 496–499, 505–506.

мандованием (Гофкрикстратом) с русским представителем генерал-адъютантом Ф. Ф. Винцингероде и подписан в Вене 4(16) июля 1805 г. Элементы этого плана можно найти в опубликованном межгосударственном протоколе, хотя это был скорее план передвижения армии М. И. Кутузова по австрийской территории и касался больше вопросов снабжения войск, экономических проблем и обязательств сторон¹. Пояснением к плану может считаться и рескрипт Александра I Кутузову с пространной инструкцией о ведении войны против Франции². План может свидетельствовать только о намерениях союзников в 1805 г., так как из-за ошибок австрийцев и быстроты действий армии противника он не был воплощен в жизнь. То же самое можно сказать и о планах союзников в 1806 г., поскольку после разгрома пруссаков в битвах при Йене и Ауэрштедтом, русские войска вынуждены были действовать по обстоятельствам, а в 1807 г. можно говорить только об отдельных локальных планах наступления на противника.

Самым важным проектом союзников по 6-й антинаполеоновской коалиции во время военных действий в Германии, которым они руководствовались, стал план, принятый в Трахенберге 30 июня (12 июля) 1813 г. Текст его был опубликован в 1864 г.³ Среди отечественных историков (хотя об этом плане писали мало) отсутствует единство мнений по поводу авторства его составителей. М. И. Богданович, в свое время давший подробные комментарии о разработке и содержании плана, отдавал пальму первенства русскому генералу К. Ф. Толю⁴, В. В. Рогинский в недавно вышедшей работе, опираясь на свидетельства современников, счел нужным назвать главным автором шведского наследного принца Карла-Юхана⁵.

Вообще разработка и корректировка окончательных планов военных действий происходили часто в устной форме при сохранении военной тайны, истинные планы, которыми руководствовались военачальники сторон, можно реконструировать лишь при помощи анализа всей военно-оперативной документации. Приказы командования, в которых ставились задачи, отражающие общий замысел, вызывали

---

¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 3–18.

² Там же. С. 20–29.

³ *Angeberg. Le Congrès de Vienne et les traits de 1815*. Т. 1. Paris, 1864. P. 25–26.

⁴ См.: *Богданович М.* История войны за независимость Германии по до-
стоверным источникам. Т. I. СПб., 1863. С. 456–458.

⁵ *Рогинский В. В.* Указ. соч. С. 370–371.

к жизни целую серию штабных документов вплоть до рапортов о выполнении этих приказов¹.

Отсутствие первоисточников при наличии порожденных ими документов, несущих необходимую для исследователя информацию, позволяет восстановить смысл военных планов сторон. Кроме того, военно-оперативная документация содержит материалы о полученных различными способами разведывательных данных во время боевых действий. Это позволяет лучше понять основания высших военных инстанций при принятии решений и степень информированности сторон о своем противнике.

Во Франции, в отличие от других государств Европы, в начале XIX в. был лишь один полководец, являвшийся к тому же французским императором, от которого целиком зависел процесс планирования боевых действий. Груз славы одержанных побед и удачное совмещение в одном лице монарха и военачальника сделали его авторитет военного вождя непоколебимым. Зарождение планов и их реализация были монополией Наполеона и не подлежали утверждению или контролю. Концентрация власти в руках одного человека имела положительный момент — давала возможность принять и осуществить любой дерзкий замысел. В то же время бонапартистский казарменный централизм и отсутствие критики таили в себе явную опасность — вероятность катастрофы в случае просчета руководителя.

Каждый раз, начиная военные действия, Наполеон не связывал руководство войсками с заранее расписанным в мелочах планом, основанным на географических и математических расчетах. Только для себя одного в уме он набрасывал замысел войны, имея в запасе несколько вариантов, и раскрывал детали лишь некоторым своим помощникам и исполнителям. Будучи талантливым военным организатором и имея хорошо работающие и налаженные штабные органы, Наполеон накануне войны отдавал приказы и ставил поэтапные задачи своим маршалам. Операционный план действий фактически оформлялся в последний момент и легко менялся в зависимости от обстоятельств. Основное внимание уделялось доскональному знанию обстановки и трезвому анализу ситуации. При четком исполнении его воли рождались быстрые победы, основанные на смелых импровизациях и дерзких решениях, так как суть его планов всегда сво-

---

¹ Анализируя военно-исторические источники, В. Т. Логин разделил их на первичные и вторичные. Из его классификации была заимствована мысль о выделении документов, «которые обуславливают появление ряда других» (Логин В. Т. Дialeктика военно-исторического исследования. М., 1979. С. 98).

дилась к быстрому поиску боя при невыгодных для противника условиях¹. Но благодаря военно-оперативной документации и переписке Наполеона со своими военачальниками можно представить не только механизм управления, но и замыслы французского императора во время боевых действий, реконструировать оперативные планы и их эволюцию.

Дипломатическая и межгосударственная переписка составляет последнюю подгруппу официальных источников. В первую очередь для нас были интересны письма, которыми обменивался российский император с европейскими монархами в этот период. Александр I переписывался со многими адресатами: в частности с Наполеоном², королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III³, шведским наследным принцем Карлом-Юханом⁴. Содержание этих писем в зависимости от адресата далеко выходило за рамки протокола, иногда с соблюдением дипломатического этикета, являясь частью сложной политической игры, а порой и в виде доверительного и дружеского обмена мнениями. В качестве корреспондентов российского императора представляют интерес и некоронованные особы, но занимавшие видные посты в своих государствах.

Основным источником по дипломатической переписке этого периода является многотомная публикация документов российского МИД «Внешняя политика России»⁵. Для межгосударственной переписки был очень важен выход в свет в 1905–1914 гг. капитального семитомного издания великого князя Николая Михайловича «Дипломатические сношения между Россией и Францией»⁶, получившего тогда высокую оценку рецензентов, придерживавшихся самых разных взглядов. Было издано около тысячи важнейших документов (на языке оригинала, как правило, на французском), касавшихся многих перипетий русско-французских отношений после

---

¹ См., напр.: *Балк*. Наполеоновская подготовка сражений и управление ими // Варшавский военный журнал. 1901. № 4. С. 365.

² См.: *Tatischeff S. Alexandre Ie et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801–1812*. Paris, 1891.

³ См.: *Bailleu P. Correspondance inédite Frédéric-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I-er d'après les originaux des archives de Berlin et de Saint-Pétersbourg*. Leipzig, Paris, 1900.

⁴ См.: Россия и Швеция: Документы и материалы, 1809–1818. М., 1985.

⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. I–VIII. М., 1960–1972.

⁶ *Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения между Россией и Францией по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона*. Т. I–VII. СПб., 1905–1914.

Тильзита и позволяющих обрисовать позицию будущих противников в 1812 г. Хотя из-за начавшейся Первой мировой войны великий князь не смог опубликовать 8-й том, но своим изданием он продолжил традицию публикации дипломатических материалов, начатую еще до него в сборниках Императорского русского исторического общества¹. Ценным источником являются документы, изданные потомком К. В. Нессельроде², игравшего важную роль в русской дипломатии в конце наполеоновского периода.

Мемуаристика, дневники и частная переписка. Большой группой источников являются документы личного происхождения: воспоминания и дневники, а также личная переписка участников событий; они достаточно широко использовались при написании этой работы.

Мемуары в значительной степени дополняют официальную документацию. Воспоминания, как исторические источники, весьма субъективны, но они позволяют ощутить аромат времени. Помимо информации о событиях, мемуаристы делали собственные выводы и давали оценку фактам, действиям и личную характеристику персоналиям, что позволяет исследователям дополнить картину изучаемых явлений и получить важные сведения, не отраженные в официальных источниках. В то же время воспоминания, как носители ретроспективной информации, имеют свои недостатки: субъективизм в оценках, ошибки и искажения при сообщении фактов в связи с временным разрывом между описываемыми событиями и моментом создания мемуаров. Сборники мемуаров участников войн с российской стороны неоднократно публиковались. Можно обозначить лишь основные публикации: В. В. Каллаша³, собранные А. И. Михайловским-Данилевским и изданные В. И. Харкевичем⁴, собрание

---

¹ Сборник Императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 21. СПб., 1877; Т. 82. СПб., 1892 (Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I); Т. 83. СПб., 1893 (Политическая переписка генерала Савари во время его пребывания в С.-Петербурге в 1807 г.); Т. 89. СПб., 1893 (Посольство графа П. А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг.: От Тильзита до Эрфурта); Т. 121. СПб., 1906 (Бумаги А. И. Чернышева в царствования императора Александра I).

² *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1850.* Т. III. Paris, 1909.

³ *Каллаш В. В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912.

⁴ *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1–4. Вильна, 1900–1907.

русских и иностранных мемуаров, изданные К. А. Военским в 1912 г.¹, выявленные и опубликованные А. Г. Тартаковским², найденные в ОПИ ГИМ³. Большое количество воспоминаний, русских и иностранцев, было опубликовано в самых различных сборниках и на страницах исторических журналов. В свое время комплексы российских и французских мемуаров участников событий были очень полно и доброту исследованы А. Г. Тартаковским⁴ и Ж. Тюларом⁵. Хотя в последующее время появились публикации неизвестных ранее воспоминаний современников, работы этих авторов не потеряли значения и актуальности, так же как и основные выводы, сделанные ими. Это позволяет, сославшись на них, акцентировать внимание лишь на особенностях мемуаристики касательно разных исторических периодов и национальной принадлежности авторов воспоминаний.

Если проанализировать данные, суммированные А. Г. Тартаковским, то выясняется, что опубликованных на 1980 г. воспоминаний, специально посвященных 1812–1814 гг. (293 наименования), значительно больше, чем воспоминаний с более обширными хронологическими рамками (118 наименований)⁶; не включая в их число найденные им 46 архивных мемуаров о 1812 г. Частично это объясняется обращением в 1836 г. известного историка А. И. Михайловского-Данилевского, писавшего историю войн, к участникам боевых действий с просьбой составить мемуары. Но главная причина, безусловно, заключалась в том, что именно 1812 г. оставил неизгладимую память у современников, поэтому каждый старался оставить потомкам свои собственные записи об этом судьбоносном периоде и тем самым увековечить свое имя и личное участие.

Воспоминаний, связанных с кампаниями 1805–1807 гг., не так много, так как в России не любили вспоминать неудачные войны. И стоит обратить внимание на то, что среди авторов оказались многие генералы, которые брались за перо, чтобы по разным поводам задним числом оправдаться в глазах современников. Это и достаточно подробные воспоминания А. Ф. Ланжерона о кампании 1805 г.

---

¹ См. современное переиздание: *Военский К.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011.

² 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

³ 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

⁴ См.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

⁵ См.: *Tulard J.* Bibliographie critique des Mémoires sur le Consulat et l'Empire. Genève, 1971.

⁶ *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 265–297.

(впал в кратковременную немилость за Аустерлиц)¹, и записки Ф. В. Остен-Сакена (отдан под суд за «бездействие» в 1807 г.)², и воспоминания о своей жизни А. К. Денисова (опального войскового атамана Войска Донского)³, да и главнокомандующего Л. Л. Беннигсена, оставшегося не у дел после окончания военных действий в 1807 г.⁴ Напротив, в большинстве французских воспоминаний преобладает описание всех военных кампаний, в которых военнослужащий принимал участие, хотя, без сомнения, у выживших в Русском походе 1812 год был самым страшным и бедственным испытанием; поэтому и география мемуаров, связанных с историей Великой армии, охватывает огромный ареал — от Португалии до России.

Французские воспоминания представлены мнением самого Наполеона, вернее, они представляют собой записки, сделанные с его слов приближенными, последовавшими за ним в изгнание⁵. В целом негативно оценивая российскую армию, он дал высокую оценку лишь казачьей кавалерии⁶. Думаю, сделано это было сознательно, поскольку именно наличием казаков и неблагоприятными природными условиями («генерал-зима») официально объяснялись причины катастрофы Русского похода. Позже эти тезисы получили дальнейшее развитие во французской мемуаристике и историографии. В случае с Наполеоном нужно отдавать себе отчет, что его действия преследовали конкретную цель — воздействия даже не на современное ему общество, а оправдания перед будущими поколениями и историками. И именно эти записки послужили основанием для возникновения «наполеоновской легенды», которая продолжает жить и в наше время. Помимо Наполеона, свои воспоминания оставили многие французские маршалы и видные генералы⁷, также в работе использо-

---

¹ Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 г. // Военный сборник. 1900. № 9.

² Из записок фельдмаршала Сакена // Русский архив. 1900. № 2.

³ Записки донского атамана Денисова. СПб., 2000.

⁴ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900. Эти записки Беннигсен сразу стал писать после окончания военных действий. В письме генералу А. Б. Фоку он сообщал в 1808 г.: «Много работаю над историей последней войны. Это сочинение приобретает большой объем, нежели я первоначально предполагал» (Из семейного архива генерала А. Б. Фока // Военный сборник. 1905. № 5. С. 173–174).

⁵ *Las Cases E. A. D. Mémoires de Saint-Hélène*. Paris, 1968; *Наполеон Бонапарт*. Максимумы и мысли узника Святой Елены. СПб., 2000.

⁶ Оценку казаков Наполеоном см.: *Наполеон Бонапарт*. О военном искусстве: Избранные произведения. М., 2003. С. 703–704.

⁷ *Mémoire justificatif du maréchal Marmont, duc de Raguse*. Amsterdam; Paris, 1830 (рус. перевод: Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени.

вались мемуары нескольких наполеоновских офицеров¹ и известного французского дипломата Ш. М. Талейрана².

С русской стороны главные его противники Александр I и Кутузов, как известно, не успели оставить воспоминаний. Записки других русских главнокомандующих «в годину бед, годину славы» М. Б. Барклая де Толли³, П. В. Чичагова⁴, Л. Л. Беннигсена (оформленные в виде писем генералу А. Б. Фоку)⁵ имели узко временной и оправдательный характер. Менее известны воспоминания Беннигсена о 1813 г., написанные в виде писем Фоку; фактически повествование доведено до Плейсвицкого перемирия, а также помещены два письма о Лейпцигской битве и дается обширная переписка Беннигсена в период заграничных походов с Александром I, Карлом-Юханом, К. Шварценбергом и П. М. Волконским⁶. Прекрасные и информативные мемуары генералов корпусного уровня А. Ф. Ланжерона и Е. Вюртембергского⁷ до сих пор полностью не переведены на русский язык, и поэтому, в какой-то степени, одни из самых лучших военна-

---

М., 2003); *Souvenirs du maréchal Macdonald, duc de Tarente*. Paris, 1892; Взгляд маршала Сен-Сира на кампанию 1812 года // Военный журнал. 1846. Кн. 3; *Коленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943; *Souvenirs du lieutenant-général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1836*. Т. 3. Paris, 1839; Мемуары князя Сангушки // Исторический вестник. 1898. № 8; Воспоминания генерала Ван-Дедема о кампаниях 1812 и 1813 г. // Исторический вестник. 1900. № 7.

¹ *Labauve E.* Relation complète de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1820; *Soltyk R.* Napoléon en 1812, mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris, 1836; Записки генерала Колачковского о войне 1812 года // Военно-исторический сборник. 1911. № 2; Из записок генерала Яна Вейссенгофа // Военно-исторический сборник. 1912. № 2; Из записок графа Филиппа Сегюра // Русский архив. 1908. № 3; Иностранцы о войне 1812 года // Исторический вестник. 1894. № 10.

² *Талейран.* Мемуары. М.; Л., 1934.

³ Разбор так называемых оправдательных записок Барклая, как мемуаров в форме документов служебного пользования, см.: *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996.

⁴ Из записок адмирала Чичагова // Русский архив. 1869. № 7–8; *Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. Campagnes de la Russie en 1812*. Berlin, 1855; *Mémoires de l'amiral Tchitchagoff*. Paris, 1909.

⁵ *Беннигсен Л. Л.* Письма о войне 1812 г. Киев, 1912.

⁶ К биографии графа Л. Л. Беннигсена // Военный сборник. 1905. № 4–12. Письма-мемуары помещены: № 4. С. 27–42, № 5. С. 1–22, № 6. С. 27–42.

⁷ *Mémoires de Langeron, general d'infanterie dans l'armée russe: Campagnes de 1812, 1813, 1814*. Paris, 1902; *Memoiren des Herzogs Eugen von Württemberg*. Vol. 1–3. Frankfurt, 1862.

чальников русской армии остаются малоизвестными персонажами в нашей военной истории. Правда, самым популярным и цитируемым источником среди историков являются воспоминания известного острослова своего времени генерала А. П. Ермолова¹. Желчный и злой на язык по отношению к своим коллегам-генералам, Ермолов оставил очень ценные наблюдения не только о ходе военных действий в 1805–1807 и 1812–1814 гг., но и об атмосфере и интригах в высших военных кругах. Из генералов дивизионного уровня заслуживают внимания полные воспоминания А. Г. Щербатова², воспоминания и дневные записи М. С. Воронцова³ и мемуарный отрывок о 1812 г. И. Ф. Паскевича⁴.

В то же время было опубликовано большое количество мемуаров молодых и грамотных младших офицеров, сражавшихся с армией Наполеона. Особо интересны для нашей темы воспоминания сотрудников штабов, офицеров гвардии и служивших адъютантами у знаменитых генералов. Их кругозор не был ограничен только полковыми интересами, поскольку они находились в эпицентре армейских событий, лучше знали и понимали реальную обстановку и на их глазах происходили закулисные штабные интриги (многие становились не только свидетелями, но и их прямыми участниками). Из созвездия этой штабной молодежи прежде всего стоит выделить будущего военного историка А. И. Михайловского-Данилевского⁵, в силу его близости в свое время к М. И. Кутузову и Александру I. В его воспоминаниях (чаще всего публиковавшихся на определенный год, хотя есть и посвященные отдельным событиям) содержится большое количество фактов, не отраженных в официальных источниках. Среди

---

¹ Записки А. П. Ермолова 1798–1826. М., 1991.

² Щербатов А. Г. Мои воспоминания. М., 2006.

³ Записки генерала М. С. Воронцова // 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М., 1992. С. 269–314.

⁴ Паскевич И. Ф. Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 72–105.

⁵ Записки А. И. Михайловского-Данилевского: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10; Михайловский-Данилевский А. И. Вход российской армии в Париж марта 19-го 1814 года // Сын Отечества. 1816. № 48; Он же. О пребывании русских в Париже в 1814 году // Русский вестник. 1819; Представители России на Венском конгрессе в 1815 году (Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского) // Русская старина. 1899. № 6. С. 627–650; Записки А. И. Михайловского-Данилевского: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7. С. 175–207.

прочих нужно отметить записки М. Ф. Орлова¹, В. И. Левенштерна², Н. Б. Голицына³, Д. В. Давыдова⁴, С. Г. Волконского⁵, И. И. Лажечникова⁶, Н. И. Лорера⁷, М. М. Муромцева⁸, П. Х. Граббе⁹, А. Б. Голицына¹⁰, братьев Норовых¹¹ и других, в том числе армейских и ополченческих офицеров¹². Нужно также упомянуть весьма информативные мемуары союзных военачальников: генерал-квартирмейстера Силезской армии пруссака К. Мюффлинга¹³ и шведского генерал-фельдмаршала К. Л. Б. Х. Стединга¹⁴, до 1811 г. он был послом Швеции в России, а в 1813 г. возглавлял шведские войска в Германии.

При сравнении французской и русской мемуаристики становится ясно, что без критического анализа использовать эти источники нельзя, поскольку они представляют, как по объективным, так и субъективным причинам, военные события «со своей колокольни».

---

¹ Капитуляция Парижа 1814 г. (Из записок М. Ф. Орлова) // Военный сборник. 1864. № 6. С. 287–309; Капитуляция Парижа в 1814 году. Рассказ М. Ф. Орлова // Русская старина. 1877. № 12. С. 633–662.

² Ф. О. Орлова // Русская старина. 1877. № 12. С. 633–662.

³ Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Н. Б. Голицына // Отечественная война в воспоминаниях современников. М., 2008.

⁴ Давыдов Д. Военные записки. М., 1940.

⁵ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991.

⁶ Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. СПб., 1820.

⁷ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

⁸ Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 3.

⁹ Граббе П. Х. Из памятных записок // Русский архив. 1873. Кн. 1; Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873.

¹⁰ Записки о войне 1812 года князя А. Б. Голицына // Военный сборник. 1910. № 12.

¹¹ Норов В. С. Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 1–2. СПб., 1834; Воспоминания Авраама Сергеевича Норова // Русский архив. 1881. Кн. 3.

¹² Список материалов, помещенных в исторических журналах до 1906 г., см.: Военский К. Отечественная война в русской журналистике: Библиографический сборник статей, относящихся к 1812 году. М., 2007.

¹³ Müffling C. Aus meinem Leben. Berlin, 1851; The memoirs of baron von Müffling: A prussian officer in the Napoleonic wars. London, 1997. Мюффлинг также являлся автором большого количества военно-исторических работ.

¹⁴ Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. T. I–III. Paris, 1845–1847.

Если взять любое сражение, то, как правило, картина, обрисованная французскими мемуаристами, будет разительно отличаться от мнения авторов русских воспоминаний. Особенно для французской мемуарной литературы характерны апологетика Наполеона, восхваление своей армии, преувеличение собственных заслуг и личное хвастовство. Лучший пример классического хвастовства — воспоминания барона М. Марбо¹, относящиеся к числу лучших и наиболее известных памятников «наполеоники». Сам же французский император, знакомый с его бойким пером, именно ему оставил по завещанию 100 тыс. франков и наказ: «Продолжить писать в защиту славы французских армий и дать отпор их клеветникам и отступникам»². Наказ был выполнен, даже с лихвой. Поскольку его мемуары были недавно изданы на русском языке, любой желающий может оценить литературный талант автора и заодно их историческую достоверность. Не случайно, многочисленным ошибкам и двусмысленностям этого мемуариста была посвящена целая статья в эмигрантском журнале «Военная бль»³. Другим самым известным мемуаристом-хвастуном Великой армии прослыл полковник Ж. Серюзье⁴. Если верить автору, то Наполеон перед каждым крупным сражением встречался с этим тогда неизвестным офицером, спрашивал «у старины Серюзье» совета и, прислушавшись к нему, потом поступал в соответствии с его советами.

Русские мемуаристы в целом были гораздо скромнее, но, хотя редко, можно найти в их рядах хвастунов. Примером этого являются воспоминания С. И. Маевского⁵. Автор имел крайне завышенную самооценку. На страницах его сочинения явно прочитывается безудержное желание прорекламировать себя и увековечить свою славу, можно также найти откровенное самовосхваление — его советов спрашивали все знаменитые военачальники, ну а храбрость его стала образцом для подражания всей российской армии.

Для полноты картины всей мемуаристики упомянем лиц, непосредственно не воевавших, но игравших важную роль в дипломатии и в управлении государств. Это воспоминания адмирала А. С. Шиш-

---

¹ Мемуары генерала барона Марбо. М., 2005.

² Там же. С. 728.

³ См. *Сагацкий И.* «Перлы» и «клюква» мемуаров барона де Марбо // *Военная бль*. 1965. № 73. С. 36–38.

⁴ *Mémoires militaires du baron Sérurier colonel d'artillerie légère*. Paris, 1894.

⁵ См.: *Мой век или история генерала Маевского* // *Русская старина*. 1873. № 8. С. 125–157; № 9. С. 253–305.

кова¹. Они дают возможность понять суть борьбы в высших эшелонах власти по вопросу о необходимости в конце 1812 г. переноса военных действий в Европу, а в конце 1813 г. — перехода через Рейн. Весьма информативны мемуары В. Р. Марченко² и К. В. Нессельроде³. Также важны записки Я. И. Санглена⁴, руководителя русской контрразведки, А. Чарторыйского⁵, фактического руководителя русского внешнеполитического ведомства до 1806 г. Из иностранных публикаций отметим мемуары барона Э. Ф. О. Витроля⁶, роялиста, встречавшегося с Александром I с целью убедить того двинуть армии на Париж, критически оценившего действия Наполеона барона Д. Прадта⁷, главы австрийского МИД К. Меттерниха⁸.

Дневники современников близки к мемуарам, они более достоверны, чем мемуарная литература, так как писались по горячим следам и воспроизводили сиюминутную реакцию на произошедшие события. Но их сохранилось гораздо меньше, чем воспоминаний. Так, о ранних кампаниях можно судить только по недавно опубликованному дневнику 1807 г. В. И. Григорьева, служившего офицером в Санкт-Петербургском милиционном батальоне стрелков и участвовавшего в сражении при Фридланде⁹. 1812 г. и более позднее время отражены в сборниках. В 1990 г. усилиями А. Г. Тартаковского была издана подборка неопубликованных весьма ценных дневников¹⁰

---

¹ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. Берлин, 1870.

² Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011. С. 7–64.

³ Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 491–534.

⁴ Записки Я. И. де Санглена // Русская старина. 1883. № 3. С. 539–558.

⁵ *Czartoryski A. Mémoires du prince Adem Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I-er.* Paris, 1887; *Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912; Из записок князя Адама Чарторыйского: Русский Двор в конце XVIII и начале XIX столетия. 1795–1805. М., 2007.

⁶ *Mémoires et relations politiques du baron de Vitrolles.* T. I. Paris, 1884.

⁷ *Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812,* par M. De Pradt. Paris, 1817.

⁸ *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état.* T. 1–2. Paris, 1880.

⁹ Поденный журнал во время похода из С. Петербурга за границу в Прусские владения 1807 года февраля с 23 по 25 августа // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VII. С. 315–324.

¹⁰ 1812 год... Военные дневники. М., 1990.

(Н. Д. Дурново, Д. М. Волконского, В. В. Вяземского, И. П. Липранди, А. А. Щербинина, А. И. Михайловского-Данилевского), в 1992 г. увидели свет дневники, хранившиеся в ОПИ ГИМ¹ (Ф. Ф. Шуберта, А. А. Лернера, А. Д. Черткова, И. Ф. Соловьева). Ценные сведения можно почерпнуть из дневниковых записей за 1813–1814 гг. поручика квартирмейстерской части С. Г. Хомутова², находившегося при генерале К. Ф. Толе. Недавно также был опубликован дневник за 1812–1813 гг. известного литератора Г. В. Геракова³, который дает представление о жизни в Петербурге и реакции дворянского общества на происходившие драматические события. Из иностранных источников этого типа очень любопытны выдержки из дневников прусской графини Фосс⁴, записывавшей свои наблюдения об Александре I и его окружении, а также военного писателя К. Плото⁵, оставившего дневник за 1806–1807 гг. Очень ценными являются дневниковые записи за 1812–1813 гг. английского представителя при Главной квартире российских войск Р. Т. Вильсона⁶.

Отдельной группой очень ценных источников является частная переписка. Эпистолярные источники, как материалы личного происхождения, близки к мемуарам. Они, правда, имеют ряд особенностей: крайний субъективизм, отрывочность сведений. Достоверность же и степень полноты отражения интересующих нас фактов и явлений зависели от занимаемого автором служебного положения и от близости отношений с адресатом. Письма, написанные под свежим впечатлением событий, так же, как и дневники, дают ощущение почти сиюминутного восприятия реальности современниками.

Сохранилось огромное количество писем того времени. Часть из них издана и помещена в отдельные сборники⁷, при этом оговоримся,

---

¹ Дневники офицеров русской армии // 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М., 1992. С. 315–487.

² Дневник свитского офицера // Русский архив. 1869. Стлб. 219–304; 1870. Стлб. 161–174.

³ Дневник 1812–1813 гг. Г. В. Геракова // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005. С. 125–215.

⁴ Из дневника графини Фосс обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 465–488.

⁵ *Ploto C. Tegebuch während des Kriges zwischen Russland und Preussen einerseits, und Frankreich anderseis, in den Jahren 1806–1807.* Berlin, 1811. Сочинения именно этого автора Наполеон взял с собой в Русский поход, чтобы читать в дороге.

⁶ *Вильсон Р. Т. Дневник и письма 1812–1813.* СПб., 1995. С. 41–116.

⁷ *Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.).* СПб., 1882; *Он же. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I.* СПб., 1883; *Chuquet A. Lettres de 1812. I série.* Paris, 1911.

что личные письма часто соседствуют со служебными, да и на практике очень сложно бывает определить разницу между ними. В них включались письма различных военных и гражданских лиц. Ценность подобного рода источников заключается в том, что они были написаны не для печати, поэтому содержат такие подробности, которые не встретишь ни в официальной документации, ни в мемуарной литературе. В письмах были зафиксированы и взгляды авторов на происшедшие события. Кроме того, по переписке можно судить о степени близости отношений между интересующими нас историческими личностями. Большое количество писем того времени можно найти в исторических журналах, в приложениях работ историков. Поэтому, учитывая огромный пласт письменных материалов, ограничимся особенностями этого вида источников и упоминанием самых важных из них для нашей темы.

Отдельно опубликована достаточно большая переписка, которую вел Александр I в первую очередь с членами своей семьи¹, с иностранцами², со своим ближайшим окружением³ и генералитетом⁴. Эти письма в совокупности дают понятие об информированности российского императора об общественных настроениях внутри страны и общей ситуации в Европе. Особенно в этом отношении важна переписка с вдовствующей императрицей Марией Федоровной и сестрой великой княгиней Екатериной Павловной.

Большой интерес имеют и письма российских подданных к родственникам императора⁵, личная переписка генералов со своими

---

¹ Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1. С. 129–172; *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.

² См., напр.: Александр I и королева Гортензия. Одиннадцать писем к императору Александру I // Русская старина. 1908. № 2; *Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I-er.* Т. I–II. Neuchâtel, 1979.

³ Из переписки императора Александра I с графом Салтыковым // Русская старина. 1881. № 11. С. 662–665; Шесть писем императора Александра I к княгине Зинаиде Александровне Волконской // СИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 310–316; Письмо императора Александра I к графу Н. П. Румянцеву // Русский архив. 1869. Стлб. 609–614; *Czartoryski A. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I-er.* Paris, 1887; *Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. М., 1912.

⁴ См. уже упомянутую нами переписку с высшим командным составом: П. В. Чичаговым, Л. Л. Беннигсеном, М. Б. Барклаем де Толли.

⁵ См., напр.: Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 23–86, 162–

близкими и знакомыми¹, переписка различных лиц между собой². При работе с этими источниками нужно также учитывать, что в России письма часто подвергались перлюстрации, поэтому многие, не доверяя государственной почте, старались передавать послания с надежной оказией, а если не было такой возможности, старались не изливать свои откровения в письмах. Причем постоянно трудившийся «черный кабинет» не делал никаких исключений, наоборот, чем выше была должность человека, тем больше существовало вероятности, что содержимое его писем докладывалось Александру I. Например, перлюстрировалась не только переписка российских подданных, на стол к императору в свое время попало все эпистолярное наследие за 1812 г. английского комиссара в русской армии генерала сэра Р. Вильсона. Благодаря этому обстоятельству, уже переведенные и переписанные от руки писарями копии писем британского комиссара в русской армии были позже опубликованы Н. Дубровиным и стали бесценным источником³. Необходимо также отметить письма, отправляемые из С.-Петербурга по разным адресам очень тонким и информированным наблюдателем Ж. де Местром⁴, посланником Сардинского королевства. Что касается переписки воинов Великой армии, то кроме уже указанного сборника А. Щюке, нужно помнить об оперативной публикации русскими властями перехваченных в большом количестве французских писем⁵, позже было

239; Письма из Вены от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне. 1807 год // Русский архив. 1869. Стлб. 385–518.

¹ См., напр. переписку П. И. Багратиона и Н. Н. Раевского: 1812–1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. С. 170–266; Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1090–1131; *Росточкин Ф. В.* Письма к своей супруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8; Из архива А. М. Римского-Корсакова: Письма Л. Л. Беннигсена к Римскому-Корсакову (1805–1807) // Русская старина. 1898. № 6–7; Из семейного архива генерала А. Б. Фока: М. И. Платов – А. Б. Фоку // Военный сборник. 1905. № 5. С. 167–174.

² См., напр.: Письма И. П. Одентяля к А. И. Булгакову // Русская старина. 1912. № 5–11; *Безотосный В. М.* Письма А. А. Закревского к братьям К. Я. и А. Я. Булгаковым // Российский архив. 2003. Вып. XII. С. 29–53; СИРИО. Т. 73. СПб., 1890 (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского).

³ См.: *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882; *Вильсон Р. Т.* Дневник и письма 1812–1813. С. 117–245.

⁴ *Де Местр Ж.* Петербургские письма: 1803–1817. СПб., 1995.

⁵ См., напр.: Извлечения из перехваченных писем из французской армии ко многим лицам в разные места о нынешнем ее состоянии. Б. м., 1813; Извлечение из писем разных чиновников французской армии, перехваченных

издано несколько подборок таких писем¹, а С. Н. Искюль подготовил к публикации письма вестфальских солдат на родину², захваченных генералом А. И. Чернышевым во время набега на Кассель в 1813 г.

Публицистика. Она составляет последнюю группу источников. Военной публицистике в свое время была посвящена монография покойного А. Г. Тартаковского³, книга которого и до сего времени не утратила актуальности. В. Г. Сироткин⁴ рассмотрел и сделал сравнительный анализ организации, приемов и методов работы наполеоновской и русской официальной военно-политической публицистики 1804–1815 гг. В работе, помимо отдельных брошюр⁵, были использованы подборки популярных в тот период журналов «Сын Отечества» за 1812–1814 гг., издаваемого Н. И. Гречем, и «Вестник Европы» за 1813 г. под редакцией М. Каченовского, где публицистические материалы находили широкое отражение.

Более подробно рассмотрим такой редко привлекаемый историками материал, как «Известия о военных действиях», о которых уже выше упоминалось. Иногда они назывались «Военные известия», «Известия из армии», «Известия об армии», «Известия Главной армии», а дословный перевод с французского языка — «Официальные известия из армии» («Nouvelles officielles de l'armée»). Их возникновение имеет прямую аналогию со знаменитыми бюллетенями

на дороге от Дрездена к Лейпцигу и писанных в августе и сентябре 1812 года. М., 1813.

¹ См.: *Беляев В.* К истории 1812 г.: Письма маршала Бертье к принцу Евгению-Наполеону Богарне, вице-королю Итальянскому. СПб., 1905; *Гречев В. И.* Письма французского офицера из Смоленска в 1812 году. Смоленск, 1911; 1812 год: Мемуары современников и очевидцев // Русская быль. Вып. XI. М., б. г. С. 124–140; *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812, publiées d'après les pièces communiquées par S. E.M. Goriainov.* Paris. 1913.

² *Искюль С. Н.* Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 104–110.

³ *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

⁴ *Сироткин В. Г.* Официальная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея: К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 222–243.

⁵ Рассуждение об участии, приемлимом Россиею в нынешней войне, сочиненное другом политической свободы и взаимной независимости всех народов. Кельн, 1807; *Зиновьев Д.* Набат по случаю войны с французами. Казань, 1807; *Гераков.* Чувства верноподданного излившиеся при чтении манифеста о милиции от 30 ноября 1806 года. СПб., 1807.

Великой армии Наполеона и, безусловно, в противовес им (в 1812 г. многие называли их «русскими бюллетенями»)¹, так как первоначально прямо преследовали цель информирования русского общества о военных событиях в нужном для правительственных кругов русле и создания определенного общественного мнения. Печатались они как в виде отдельных листовок, так и в качестве приложения («Прибавления») по вторникам и пятницам к «Санкт-Петербургским ведомостям» с 21 июня 1812 г. (первый № 50). Разница в датах между отправкой первоначального текста в Петербург и днем его выхода в печать первоначально составляла 4–6 дней, затем увеличилась до 20 суток. Частично они были ориентированы и на заграничную аудиторию, поскольку с 5 июля 1812 г. параллельно с русским текстом стал появляться и перевод на французский язык («Прибавление» № 54: «Nouvelles officielles de l'armée»). Не совсем ясен, даже сегодня, механизм их создания. Но можно сделать по этому поводу ряд предположений. Первоначально тексты писались в армейских штабах (как журналы о военных действиях), а затем направлялись в Петербург, где уже окончательно дорабатывались и корректировались с учетом политической конъюнктуры.

Особенности этого рода источника — сухость стиля, минимум информации, патриотическая заданность, откровенная тенденциозность и определенная сглаженность в освещении хода военных действий (исходя из соображений секретности), на первый взгляд делают «Известия» малоинтересными для историков. Достоверность многих сообщаемых ими фактов (так же как и французскими бюллетенями) исследователь обязан ставить под сомнение. Но уверенно можно утверждать, что к окончательному выходу в свет этих текстов имели отношение высшие русские сановники (в роли кураторов и выпускающих цензоров) и их читал сам император. И с этой точки зрения эти источники военно-политической информации как раз очень любопытны и заслуживают внимания, как отражение не просто официального, а сиюминутного взгляда на происходившие события (вынужденную быструю реакцию, хоть зачастую по многим причинам и выхолощенную) высших лиц государства, а также как и о чем они хотели или же, наоборот, не желали оповещать русское и европейское общество и таким образом направлять «народное мнение».

Необходимо также рассматривать «Известия» и как важную составную часть пропагандистской машины, и как разновидность во-

---

¹ В журнале «Сын Отечества» известия из армии прямо противопоставлялись наполеоновским бюллетеням: «Известия из армии, которые скромностью своею, совершенно противоположны французским бюллетеням» (Сын Отечества. 1812. Ч. II. № IX. С. 93–94).

енной публицистики 1812 г., у истоков создания которой оказались многие лучшие представители дворянской молодежи (предоставившие правительству «перо свое»). Тут можно отметить тезис, высказанный еще в 1967 г. А. Г. Тартаковским, что «издание военно-агитационной литературы, тесно увязанное с политико-стратегическими планами, было сугубо конспиративным и для постороннего взгляда малоприметным»¹. В данной работе использована мысль о связи между планами и публицистикой в 1812 г. Во всяком случае, можно закономерно предположить, что в том или ином виде публицистика, как и в целом вся пропаганда, должна была корреспондироваться и подчиняться определенным задачам, вытекавшим из логики стратегических целей планирования военных действий. Например, об этом прямо писали А. С. Кайсаров и Ф. Э. Рамбах, предложившие в 1812 г. завести при войсках военно-походную типографию для издания «ведомости» на двух языках: «В сей ведомости будут заключаться военные реляции, отличные подвиги русских воинов, повеления Его Императорского Величества, опровержения ложных известий неприятеля, распространение тех идей, которые угнетенным народам знать нужно»².

Для нашей темы особенно важны первые официальные документы начала войны, т. е. выраженные в печатном виде взгляды правящего слоя империи и объяснение принятой ими программы действий в той непростой ситуации для всех россиян. По мнению А. Г. Тартаковского, тогда «Известия» выходили «непосредственно из свиты Александра I и составлялись особо приближенными к нему лицами», редактировались же они самим императором и А. А. Аракчеевым³. Хотя круг авторов очерчен Тартаковским предположительно, бесспорно, что они, как высшие чиновники, действовали в русле понимания ситуации самим Александром I и под его контролем. Можно привести по данному поводу лишь один характерный пример. Так, в конце кампании 1812 г. от командования полевых войск был отстранен маркиз Ф. О. Пауллуччи, а одна из основных причин, как потом ему объяснили, заключалась в том, что «он представлял по начальству странные и неудобные для опубликова-

---

¹ Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. С. 10.

² Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 147.

³ Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 55–56. Отметим, что цензурная политика над всей печатной продукцией с 1811 г. курировалась Министерством полиции.

ния бюллетени»¹. Можно только сделать предположение, что ключевую роль в информационной политике того времени мог играть А. А. Аракчеев. О чем прямо свидетельствует запись в его автобиографических заметках: «Июня 17-го дня 1812 г. в городе Свенцянах призвал меня Государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с онога числа вся Французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора»². Известия публиковались весь 1812 и 1813 г.³, а завершились изданием подобных материалов за 1814 г.⁴ Для сравнения укажем, что бюллетени Великой армии, многие из которых, как считает большинство исследователей, составлялись самим Наполеоном, были опубликованы несколько раз⁵.

В целом, рассмотренная нами источниковая база исследования, несмотря на некоторые пробелы, отражает все аспекты нашей темы. Во многих случаях в различных типах документов содержатся сведения об одних и тех же событиях, явлениях или фактах. Это взаимодополняет одни источники другими и дает возможность сравнить их, чтобы выявить истину.

---

¹ Рига и рижский отряд в октябре–декабре 1812 г. // Военный сборник. 1906. № 1. С. 39.

² Автобиографические заметки графа Аракчеева // Русский архив. 1866. Кн. 6. Стлб. 925–926.

³ См.: Известия о военных действиях российской армии против французов 1813 года. СПб., 1814.

⁴ Известия о военных действиях российской армии против французов, второй половины 1813 г. и до окончания войны 1814 года. СПб., 1814.

⁵ См.: *Bulletins officiels de la Grande Armée, recueillis et publiés par A. Goujon*. Т. 1–4. Paris, 1820–1821; *Pascal A. Les bulletins de la Grande Armée, précédés des rapports sur l'armée française depuis Toulon jusqu' à Waterloo*. Т. 1–6. Paris, 1841–1844.

ГЛАВА 1. УЧАСТИЕ РОССИИ В КАМПАНИЯХ 1805–1807 гг. И НАЧАЛО РЕФОРМ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ

§ 1. Россия и Европа. Влияние геополитических факторов на причины и характер наполеоновских войн

Ход мировой истории в первой четверти XIX в. во многом определяли события, происходившие на европейском континенте. Этот важный отрезок времени начала столетия, наполненный калейдоскопическим изобилием событий, принято именовать по-разному: эпоха наполеоновских войн или наполеоновская эпоха; эпоха коалиций; эпоха конгрессов. Без всякого сомнения, это был, в силу значимости важных событий и брожения общественных идей, переломный момент в истории человечества, в том числе и России, поскольку именно в этот период глобальных и масштабных конфликтов великих европейских государств определялась судьба будущего мироустройства. Она решалась как на полях сражений, так и в ходе закулисных дипломатических переговоров.

Цикл явлений военно-политической жизни начала XIX столетия, как единого исторического периода, среди отечественных авторов получил в последнее время название «эпоха 1812 года», западные исследователи продолжают употреблять устоявшийся старый термин — «наполеоновские войны», и вряд ли откажутся от него. Хронология этого эпохального периода определяется рамками от начала века до 1815 г. включительно, когда было окончательно сокрушено могущество созданной Наполеоном империи. В целом это была цепь важнейших событий европейской и русской истории, непосредственно и тесно связанных между собой. По сути, наполеоновские войны можно назвать первой мировой войной, хотя основные события происходили на европейском континенте, но, отклик имел место во всех частях земного шара. Несомненно, это был не просто военный конфликт двух мощных лагерей противников, создался фронт идеологического противостояния, шла борьба умов и идей, заложившая основы развития на будущие десятилетия и даже столетия. Если раньше война имела характер военных столкновений небольших профессиональных армий, то в наполеоновскую эпоху войной оказались уже пронизаны все сферы общественной и государственной

жизни стран-участниц. Изменился и характер вооруженных сил, они стали превращаться в массовые армии. Это неизбежно повлекло за собой изменения в отношениях между государственными и общественными институтами.

Россия в эпоху 1812 года — тема масштабная и многоплановая. На смену социальным бурям и потрясениям Французской революции в конце XVIII столетия в Европе в начале XIX в. очень быстро пришла эпоха наполеоновских войн. Скорость политических решений и допущенных государственными правителями ошибок и просчетов во многом диктовались и объяснялись быстроменяющейся ситуацией. Историкам очень трудно кратко описывать происходившие факты и процессы, так как они не просто цеплялись друг за друга, но и находились в тесной взаимосвязи, оставляя враждующим сторонам достаточно много аргументов для взаимных обвинений, а также для объяснений и оправданий собственных шагов на международной арене. Политики должны были очень быстро реагировать на события, подталкивающие их к войне, и оказывались заложниками чрезвычайных обстоятельств. В результате — Европа не успела оглянуться, как за каких-то лишь десять лет оказалась крепко скованной наполеоновскими цепями. И чем яснее становились контуры разрастающейся как на дрожжах наполеоновской империи, чем дальше заходили французские войска от своих границ, тем больше возникал интерес к политике у представителей разных сословий, а сама жизнь заставляла втягиваться широкие слои населения всех стран Европы в водоворот политических событий.

Существует несколько точек зрения на характер наполеоновских войн и на причины, их вызвавшие. Назовем лишь несколько из них: продолжение революционных войн Французской республики, плод непомерного честолюбия одного человека (Наполеона), стремление «старорежимных» государств уничтожить этого человека (Наполеона), продолжение многовекового противостояния Франции и Англии за преобладание в мире, борьба идеологий Нового и Старого режимов. В какой-то степени историки, даже абсолютизирующие лишь одну причину, для доводов без труда находят свои существенные резоны, но столь многосложное международное явление имеет, безусловно, более замысловатую подоплеку и многие каверзные зацепки. Например, советские историки, без всяких сомнений, возводили в положительный абсолют события Великой Французской революции, рассматривали их как неизбежную борьбу передового капитализма с отсталым феодализмом и в какой-то степени революционные идеалы переносили на Наполеона Бонапарта, как наследника славной революции (не забывая одновременно называть его душителем революции). Но такая позиция вскоре оказалось

двойственной и достаточно уязвимой. Советские идеологи со временем стали проповедовать не только интернационализм, но и советский патриотизм. Появилось стремление обелить внешнюю политику России того периода, что мало соответствовало марксистскому формационному подходу к истории. Нужно было оправдать участие крепостнической России (во главе с российским самодержцем) в войнах против наполеоновской Франции. Но это было не единственное противоречие в марксистско-ленинской доктрине. На практике данная нелогичность даже не затушевывалась, ее просто не замечали, или делали вид, что ее не существует. Собственно, доказательства брались не из области формальной логики, а использовались пропагандистские и мифотворческие методы. В этом таилась очевидная слабость идеологизированной исторической науки.

Такая ситуация, сложившаяся в советский период, привела в постперестроечной России к повышенному интересу к наполеоновской Франции и к незаурядной личности самого французского императора (собственно, подспудно такой интерес всегда существовал в СССР, а недостаток и отсутствие научной литературы его только подогревали). В немалой степени этому способствовал массовый выброс на книжный рынок в 90-е годы большого количества переводной книжной продукции. Но вновь оказалась реанимирована наполеоновская легенда, а в исторической литературе четко обозначился перекосяк в литературе в пользу французского императора и откровенных симпатий к нему.

Франция наполеоновская и Россия самодержавная в начале XIX в.

Для того чтобы охарактеризовать внешнеполитическую ситуацию в Европе, начнем с прихода к власти в 1799 г. во Франции путем правительственного переворота (18 брюмера) честолюбивого генерала Наполеона Бонапарта. Ведь последующий период истории назван по его имени и прочно вошел в анналы как эпоха наполеоновских войн.

Первое время Н. Бонапарт по акту об учреждении Исполнительной консульской комиссии номинально являлся одним из трех временных консулов. Но уже по принятой новой конституции 13 декабря 1799 г. (конституция VIII года) Бонапарт стал первым консулом, назначенным на десять лет с правом переизбрания. Фактически же он тогда прибрал к рукам всю власть в стране и имел больше полномочий, чем было у французских королей. Но этим дело не ограничилось. В 1802 г. он был провозглашен пожизненным первым консулом. После этого 18 мая 1804 г. сенатским указом «великому человеку» был поднесен титул императора французов, а это решение утвержде-

но проведенным народным плебисцитом. Таким образом, мы затронули только основные этапы юридического оформления Наполеоном своего статуса в государстве (за каких-то пять лет известный генерал превратился в императора), не касаясь внутривосточных и международных событий. Но во Франции в этот период железной рукой установилось при полной апатии народных масс диктаторское правление в форме наследственной монархии со всеми ее атрибутами: двором, титулами, этикетом, наградами и т. п.

Появление Наполеона в качестве главного государственного деятеля Франции по времени почти совпало с воцарением на российском престоле его будущего основного соперника по европейской славе — императора Александра I. К власти он также пришел в результате государственного переворота, когда 11 марта 1801 г. в С.-Петербурге группой гвардейских офицеров-заговорщиков был убит в Михайловском замке его отец — император Павел I. Сам факт цареубийства во многом омрачил правление нового императора, который не только знал о заговоре, но и дал согласие на него под обязательством лишь отречения отца от власти. Александр I, воспитанный в либеральном духе, не стал преследовать заговорщиков, мало того, большинство участников событий 11 марта на протяжении всего его царствования занимали видные должности, особенно в военной сфере. Императора-либерала больше в начальный период царствования занимали проекты реформ («дней Александровых прекрасное начало»), большинство из которых так и остались проектами. В России (в отличие от Франции) железной руки у власти тогда абсолютно не чувствовалось, несмотря на самодержавный способ правления.

Большая европейская игра

Таким образом, мы обрисовали двух главных действующих лиц, двух лидеров (одновременно антиподов) в период наполеоновских войн. Что же составляло главное содержание этих войн? Почему они велись? Какие интересы преследовали противоборствующие стороны?

Историки сегодня справедливо полагают, что наполеоновские войны явились прямым продолжением войн Французской революции. Фактически в этот период развернулась первая в истории мировая война, а главным театром военных действий, как и в XX столетии, стала Европа, хотя боевые действия происходили и на других континентах — в Америке, Азии, Африке. Но втянутыми в войны оказались все европейские государства. Большинство исследователей сегодня признают, что главными игроками на европейской арене тогда выступали наполеоновская Франция и «владычица морей» и

«мастерская мира» — Великобритания. Непрерывное соперничество между этими державами началось с 60-х годов XVII в., а противоречия между ними диктовали основное содержание войн. Неслучайно, известный французский историк А. Вандаль дал следующее определение нахождению у власти Н. Бонапарта: «Царствование Наполеона — не что иное, как двенадцатилетнее сражение, данное англичанам на пространстве всего света»¹. В Европе можно было выделить еще три крупных государства, способных тогда влиять на расстановку сил: Россию, Австрию и Пруссию. Остальные, в силу своей периферийности или малых размеров, не являлись полностью самостоятельными игроками, в той или иной степени не могли проводить независимую политику без оглядки на сильных соседей и находились в орбите воздействия пяти самых мощных стран. Из трех последних выделенных государств Россия стояла на особом месте, так как бесспорно являлась великой европейской державой, обладая огромной территорией, значительными людскими и материальными ресурсами. Она не только приближалась по значимости к Франции и Англии, но ее мощь была сопоставима с ними. В раздробленной на мелкие государственные образования Центральной Европе роль периферийных полюсов притяжения всегда играли Австрия и Пруссия. Вокруг них традиционно группировались мелкие владения, хотя всегда были сильны и конкурентные австро-пруссские противоречия, что облегчало Наполеону проведение его политики в этом регионе. Но, в отличие от Австрии и Пруссии, находившихся всегда в зоне возможных прямых ударов со стороны Франции, Россия, как и Англия, была менее уязвима, что давало ей большую самостоятельность и свободу маневрирования. От ее позиции и поведения зависело тогда очень многое, а географически она находилась не в центре Европы и могла выбирать союзников. Россия оставалась единственной крупной континентальной державой, с мнением которой Наполеон вынужден был считаться.

У России как государства существовали свои предпочтения и имелись свои серьезные интересы на Балтике, в Польше и Германии, на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Собственно, Российская империя в тот период могла предпочесть три модели реагирования на происходившую в Европе борьбу: во-первых, поддержать Францию, т. е. вступить с ней в союз против Англии; во-вторых, оставаться нейтральной, в данном случае можно было выбрать разные способы поведения — от самоизоляции до политики «свободных

---

¹ Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. I. СПб., 1910. С. V.

рук»; в-третьих, вместе с Англией выступить против Франции и попытаться втянуть в антинаполеоновский союз как можно больше европейских стран.

Забегая вперед, укажем, что во внешней политике России в 1800–1815 гг. были опробованы все три указанные модели поведения. Но второй вариант стал со временем существовать как теоретический, так как полностью исключался для такой крупной державы, как Россия. Она не могла, подобно средневековому Китаю, затвориться в скорлупу самоизоляции или закрыть глаза на происходящее, тем самым позволив другим странам принимать вместо себя принципиальные решения. Результат такого поведения нетрудно было предсказать любому политику. Отказ от защиты своих государственных интересов означал потерю немалого влияния в Европе и статуса великой державы. Также важно признать, что к этому времени антиреволюционный идеологический бульон, который некоторый период варили многие европейские государства, уже выкипел. Разыгрывалась другая антифранцузская карта — борьба с агрессивным курсом Наполеона, представлявшим реальную угрозу многим европейским странам.

Хотя Александр I в самом начале своего царствования хотел бы оставаться нейтральным, реализовать подобный вариант просто не сумел. Тогдшний друг царя А. Чарторыйский следующим образом резюмировал главные принципы внешней политики России в начале царствования Александра I: «Быть со всеми державами в хороших отношениях и не вмешиваться в европейские дела, чтобы не увлечься и не зайти дальше, чем следовало, словом, тщательно избегать недоразумений, не роняя в то же время своего достоинства». Однако, по его мнению, «с течением времени пассивную систему мирной политики... становилось все труднее и труднее поддерживать. Страна... не могла довольствоваться незначительной и второстепенной ролью, хотя эта роль и обеспечивала надолго бесперывное внутреннее благополучие». «Новая политика России продолжалась до тех пор, пока инстинктивно отношения ее к первому консулу не стали все более и более охлаждаться, и дипломатические сношения приняли тон, ясно говоривший, что о взаимных уступках уже не может быть речи»¹.

Существование такого крупнейшего государства, как Россия, уже было немислимо вдали от общеевропейских интересов и от них уже невозможно было абстрагироваться. А поскольку война превратилась во всеобщее явление, она уже не могла оставаться в стороне от

---

¹ См.: Из записок князя Адама Чарторыйского: Русский Двор в конце XVIII и начале XIX столетия. 1795–1805. М., 2007. С. 146, 174, 195–196, 200.

бушевавшего пожара. Диапазон возможных приоритетов (с кем и против кого «дружить») был невелик. Оставался лишь выбор в пользу Франции или Англии.

Россия в геополитическом пространстве Европы

Зададимся вполне естественным вопросом — почему все-таки Россия в 1805–1807 и 1812–1815 гг. выступила совместно с Англией, а в 1807–1812 гг. находилась в союзе с Францией? Почему столь кардинально менялась ее позиция? Есть и другие проблемы, связанные с этой темой и часто неоднозначно трактуемые историками.

Доминирующий взгляд в нашей отечественной историографии считает англо-русскую борьбу с постреволюционной Францией вполне естественной политикой, вытекавшей из угрозы завоевания европейского господства Н. Бонапартом. Другая точка зрения — идея закономерной и жизненной необходимости союза Франции и России из-за отсутствия непримиримых противоречий — была обоснована во времена расцвета русско-французского союза конца XIX в. историками А. Вандалем и А. Трачевским¹. В какой-то степени подобных позиций придерживался и их современник С. С. Татищев². В советской историографии приверженцем этого взгляда выступил А. З. Манфред, талантливо интерпретировавший идею наличия общности интересов и объективной заинтересованности сторон при отсутствии территориальных споров между ними³. Справедливости ради отметим, что до последнего времени даже среди советских исследователей, несмотря на большой авторитет Манфреда, это концептуальное положение не получило поддержки среди серьезных ученых⁴. Из современных авторов подобную точку зрения с некоторыми оговорками высказывал О. В. Соколов⁵.

---

¹ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. I–III; *Трачевский А.* Франко-русский союз в эпоху Наполеона // Исторический вестник. 1891. № 6.

² *Татищев С. С.* Мировой раздел: От Тильзита до Эрфурта // Русский вестник. 1890. № 3, 4; 1891. № 2, 9, 11, 12; *Он же.* Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890.

³ *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971.

⁴ См.: *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990. С. 179; *Шейн И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 147–149.

⁵ *Соколов О.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. М., 2006. С. 78–79, 96, 127, 128, 131, 140.

Сегодня назрела необходимость пристальней взглянуть на проблеме объективности геополитического и стратегического союза России и Франции. Если даже считать за аксиому геополитический фактор, как данный нам раз и навсегда беспристрастный критерий, возникают вопросы: почему русские войска сражались с французскими в 1799, 1805–1807, 1812–1815 гг.? Почему в указанные временные отрезки этот фактор «не работал»? По каким причинам робкие ростки политического союза Франции и России так быстро гибли, не выдерживая в этот период даже краткие испытания временем?

Начнем с того, что Франция и Россия были крупными централизованными европейскими государствами, но с разными экономическими, социальными, идеологическими и религиозными устоями. Самое главное — Россия была тогда крепостническим государством. Основу ее экономики составляло крепостническое сельское хозяйство. Товарооборот во внешней торговле почти полностью ориентировался на Англию. Экономический фактор был, бесспорно, очень важен, но не менее важными являлись социальные и идеологические аспекты.

Главной социальной базой и цементирующим стержнем самодержавия являлось дворянство, оно же тогда было единственной общественной силой, единственным сословием, имеющим в империи политическое значение. Только полные идеалисты могли считать, что царь повелевал Россией в одиночку. Не опираясь на господствующий класс (другой опоры у самодержавия не было, отсюда происходило и проведение внутренней и внешней политики с ориентацией на интересы этого слоя), император не был в состоянии править страной¹. Русское дворянство быстро лишало его этой возможности, если политический вектор изменялся не в пользу этого сословия. Монархи могли потерять не только корону, но и жизнь.

Что же могла предложить Франция на рубеже двух веков русскому императору, России и в первую очередь российскому дворянству, благополучие которого напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи о свободе, равенстве и братстве (очень актуально для крепостников!), отрицание религии, лозунг «Смерть королям!» (читай, и дворянам тоже) и в придачу французскую гегемо-

---

¹ Можно привести мнение одного из самых талантливых отечественных историков А. К. Дживелегова, который считал, что в России «господствующим классом было дворянство, держащее при дворе и в бюрократии свои передовые отряды», а русский деспотизм он называл «щитом обороняющегося феодального дворянства» (*Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915. С. 27, 29.*)

нию в Европе! И, что же, после этого дворянство, поставлявшее империи управленческие кадры, полностью осознав прогрессивные интересы французских буржуа, должно было убедить свое правительство, что Франция — это единственный и естественный союзник России?

Напротив, дворянство тогда очень хорошо осознавало, что революционная «зараза» представляет вполне реальную угрозу их положению. Ведь еще не прошло и 30 лет со времени Пугачевского бунта, а испытанный тогда ужас сохранялся в воспоминаниях нескольких поколений господствовавшего класса. Даже дошедшая до нашего времени переписка представителей дворянства в 1812 г. наполнена свидетельствами откровенного страха перед Наполеоном, который мог пообещать вольность крепостным. О том, что русские дворяне боялись Наполеона «как носителя идеи свободы и прежде всего крестьянской свободы», в свое время писал историк А. В. Предтеченский, а это, по его мнению, в свою очередь способствовало тесному единению дворян, как класса, вокруг трона¹. Поэтому Россия крепостническая очень четко определяла Францию, даже сохранявшую к тому времени лишь тень революционных традиций, как своего главного идеологического противника².

Идеи революции всегда опасней ее штыков (при условии массового потребительского спроса на эти идеи). Сегодня историки сколько угодно могут рассуждать, что Франция при Наполеоне переродилась усилиями своего императора. Проблема состояла в том, что русские дворяне продолжали пребывать в убеждении, что наследник революции «безродный» Наполеон Бонапарт мало чем отличался от французских безбожников-санкюлотов³. Для них он по-прежнему оставался «новым Пугачевым». Не случайно Н. И. Казаков, вслед за

---

¹ Предтеченский А. В. Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 227, 229.

² Приведем точку зрения на это О. В. Соколова: «Общественное мнение России, за исключением, конечно, салонов, где господствовали эмигранты, не слишком переживало из-за усиления Франции» (Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. С. 95). Вряд ли подобное утверждение соответствовало действительности.

³ А. В. Предтеченский писал, что только в первые годы XIX в. и только в либеральных кругах отношение к Наполеону было благожелательным и не враждебным: «Общий либеральный дух, царивший тогда в части дворянской общественности, накладывал свой отпечаток на отношение к Наполеону» (Предтеченский А. В. Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. С. 222). Положение это, правда, вскоре очень быстро изменилось даже у либеральной интеллигенции, особенно после расстрела герцога Энгиненского и дальнейших внешнеполитических шагов Н. Бонапарта.

В. И. Семевским, отмечал, что «особенно “высоким” пафосом ненависти к Наполеону отличались в 1812 г. русские помещики»¹.

Да, русское дворянство было неоднородным, различалось по знатности, богатству, общественному положению. Существовал верно-подданный чиновно-сановный Петербург, «столица недовольных» — Москва, где проживали фрондирующие опальные отставники и крупные помещики центральных губерний (очаг дворянского вольномыслия и цитадель сословной оппозиции), присутствовала родовая аристократия, негласно претендовавшая на властные полномочия в государстве, крупное столбовое поместное дворянство и бедные беспоместные чиновники и офицеры, получившие за службу право приобщиться к благородному сословию. Имелись внутри дворянства и общественные группировки, или, как их тогда называли, «партии», ориентированные и защищавшие разные модели развития страны: «английская»², «русская»³, с некоторыми оговорками — «немецкая»⁴. Но вот о существовании «французской партии» в источниках можно найти только искаженные отголоски⁵. Правда, в пе-

---

¹ См.: *Казаков Н. И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 4. С. 42.

² Англофильские настроения в российском обществе того времени, особенно в среде аристократии, проследил А. В. Предтеченский. И он пришел к выводу: «В период наполеоновских войн до Тильзитского мира английское влияние достигает своего апогея» (*Предтеченский А. В.* Англомания // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 44). Аристократы-англофилы получили тогда в русском обществе клички «англоруссов» и «торристов», по аналогии с консервативной партией в Великобритании.

³ См.: *Безотосный В. М.* Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. С. 16–22. А. Чарторыйский в начале XIX в. называл «главным двигателем русской партии» генерал-адъютанта князя П. П. Долгорукова (см.: *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. С. 324).

⁴ П. Г. Дивов именовал ее «лифляндской партией при дворе, в челе которой была обер-гофмейстера графиня Ливен, действующая чрез внушения, чинимые ею матери императора» (Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное // Русская старина. 1899. № 10. С. 88.). Историк С. С. Татищев полагал, что «Будберг и Ливен считались глазами “немецкой шайки”, со времени возвращения Александра из Аустерлицкого похода и сближения его с Пруссией, получившей при дворе большой вес и значение» (*Татищев С. С.* Мировой раздел: от Тильзита до Эрфурта // Русский вестник. 1891. № 12. С. 11).

⁵ К ней относили немногочисленный кружок братьев графов Румянцевых, князя А. Б. Куракина и М. М. Сперанского, хотя сторонников Франции

реписке 1812 г. у некоторых русских патриотов в качестве давнишнего пугала фигурировали «иллюминаты» и «мартинисты» (чаще всего под них подходили масоны), правда, больше как некие фантомы и агенты Наполеона. О связях мартинистов с Наполеоном очень любил, например, высказываться Ф. В. Ростопчин, правда, не приводя особых доказательств. «Я уверен, — писал он, — что Наполеон, который все направляет к достижению своих целей, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном»¹. Но эти термины («иллюминаты» и «мартинисты») больше использовались как жупелы, а также козырь для бездоказательных обвинений в пронаполеоновской ориентации и в стремлении заключить мир с Францией в адрес некоторых высокопоставленных лиц в окружении Александра I. Подобные абсолютно вздорные подозрения выдвигались против многих сановников, и их беспочвенность была очевидной даже для властей. Принадлежность к иллюминатству некоторые приписывали не только историку Н. М. Карамзину, но даже самому главному «обличителю» — Ф. В. Ростопчину². При этом стоит отметить, что в начале XIX в. Франция по-прежнему в поведенческом отношении оставалась Меккой всей дворянской аристократической культуры и являлась законодательницей мод.

Н. И. Казаков и В. Я. Гросул привели интересную подборку мнений и отзывов (в основном, отрицательных) представителей русского общества о французском императоре и проводимом им внешнеполитическим курсе³. В целом же правительственная политика по отношению к Франции пользовалась поддержкой и не вызывала общественного недовольства. А таковое периодически возникало, причем с откровенно антифранцузской направленностью: Тильзитский мир 1807 г., Русско-шведская война 1808–1809 гг., кампания 1809 г. против Австрии.

или Наполеона среди них найти было нельзя, скорее их можно было назвать сторонниками мирного развития событий в отношениях с Францией.

¹ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 81. См. также его письма к другим адресатам 1810 г.: Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 374; 1881. Кн. 3. С. 221.

² См.: *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. П., 1918. С. 309.

³ См.: *Казаков Н. И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3–4; *Гросул В. Я.* Общественные настроения в России во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов // Российская история. 2012. № 6. С. 117–128.

Будучи императором Александр I должен был, по мнению некоторых сторонников геополитической теории, вступить в союз с Наполеоном ради национальных интересов своей империи. Обычно для доказательства приводят пример первой крупной попытки франко-русского сближения в самом конце правления императора Павла I. Пример, правда, самый неудачный, ибо он опровергает выдвинутый тезис и доказывает совершенно обратное. Даже американский профессор Х. Регсдейл в свое время сделал вывод, противоречивший традиционным версиям. Он доказывал, что союз 1801 г. «не более чем миф», его фактически не существовало, «и если остальная Европа боялась его, то ни французы, ни русские не питали в этом отношении никаких иллюзий. Союз не состоялся не вследствие убийства Павла. Дело было в непримиримых политических разногласиях»¹. Император заплатил жизнью за забвение истины, выраженной словами графа Н. П. Румянцева, что русский деспотизм «ограничен дворянскими салонами»². Причем подавляющее число русских дворян ликovalo, узнав о смерти Павла. Неслучайно, А. Чарторыйский назвал заговор против Павла I «всеобщим»: «Можно сказать не ошибаясь, что заговор был составлен при почти единодушном согласии высших классов общества и преимущественно офицеров»³.

Александр I прекрасно понимал расклад внутривнутриполитических сил и очень хорошо знал, какое сословие надо особо выделять на фоне социального пейзажа России, на кого необходимо ориентироваться в своей политике, чтобы сохранить не только власть, но и жизнь. Внешнеполитические устремления государства тогда полностью определялись интересами дворянства, которое уже четко определилось, что с Францией Бонапарта ему не по пути. В этом и заключалось идеологическое обоснование курса Александра I и мотивов государственного эгоизма, определяемого, помимо прочего, экономической, финансовой и политической пользой страны.

Дворянство в то время являлось единственной социальной и общественной силой, способной определить, сформулировать и выразить свои политические интересы, т. е. говорить от имени всей империи. В данном случае уместно привести суждение о значении этого

---

¹ Регсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 гг. // Отечественная история. 2001. № 3. С. 13–15, 23. Автор, правда, оговорился, что этот вывод он сделал на основании изучения документов дипломатических ведомств Сардинии, Неаполя, Швеции, Дании, Пруссии, так как он в свое время не получил доступа к российским архивам.

² Цит. по: Шибунин А. Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 51.

³ Из записок князя Адама Чарторыйского. С. 108, 131.

сословия в России известного историка Н. М. Карамзина: «Дворянство есть душа и благородный образ всего народа»¹. Остальные социальные группы оставались безмолвными, даже духовенство и купечество, не говоря уже о крестьянстве или о других малочисленных сословиях. Поэтому можно с уверенностью говорить, что проводимая политика имела вполне внятную и логичную мотивировку, а не диктовалась эгоистической «личной неприязнью» Александра. Любая государственная политика — вещь прагматичная, она всегда направлена на соблюдение определенных интересов. В данном случае российский император очень отчетливо определял цель государственной деятельности и выдерживал свой курс, исходя из идеологических, социальных и экономических приоритетов русского дворянства.

Этого требовал от российского императора и сухой анализ расклада политических сил в Европе, даже с точки зрения основ геополитики. Географический компонент действительно дает основания предполагать, что Франция и Россия при определенных условиях являлись естественными союзниками. Они не имели до 1807 г. общих границ и никаких точек соприкосновения, но между ними располагались, помимо Пруссии, земли многочисленных немецких государств. Это была огромная территория, где как раз прямо сталкивались тогда французские и российские интересы. В конце XIX в. после образования мощной Германской империи геополитический фактор сработал очень четко. Франция и Россия, несмотря на различия в государственном и политическом устройстве, вступили в союз против Германии. Император Александр III, наверно, самый твердый самодержец из династии Романовых, вынужден был на официальных встречах с французским президентом стоя слушать французский гимн «Марсельезу». Можно только догадываться, что творилось в тот момент в душе этого убежденного и последовательного противника революций, но все его идеологические предубеждения перевешивала государственная необходимость.

В начале XIX в. германской угрозы в Европе еще не существовало. Следовательно, не имелось и прямой необходимости в союзе между Францией и Россией против Германии. Даже поборник русско-французского союза А. Вандаль, отдавая должное политическому фактору в отношениях между двумя империями, писал в предисловии к своему труду: «Несмотря на то, что природа расположила оба государства так, как бы предназначала их для союза, политика нагромодила между ними противоречивые интересы»². Британские

---

¹ Карамзин Н. М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Л., 1984. С. 221.

² Вандаль А. Указ. соч. Т. I. С. I.

острова территориально находились в стороне от континента, и у России не было даже малейшей надобности объединяться с кем-либо, а тем более с Францией, против Англии. Наоборот, все пять великих европейских держав в первую очередь боролись в то время за преобладание и влияние в немецких землях. И самой реальной тогда была угроза французской гегемонии в Германии, а это — центр континента, поэтому речь шла о будущем всей Европы. Например, Д. Ливен полагал, что для контроля Европы «требовалось покорить ее каролингское ядро — иными словами, Францию, Италию, Германию и Нидерланды. В этом Наполеон преуспел. Но после этого будущий европейский император столкнулся с двумя грозными периферийными центрами силы в лице России и Великобритании. И та, и другая, естественно, рассматривали каролингское ядро Европы как угрозу для своей безопасности и стремились победить его. Поэтому Наполеону, в роли наследника Карла Великого, было затруднительно добиться прочного мира»¹.

Если проанализировать состав всех коалиций, то можно без труда заметить, что, помимо бессменного «банкира» союзников — Англии, их участниками (правда, с периодическим выбыванием) являлись Австрия, Пруссия, Россия, по выражению Э. Э. Крейе, «альянс фланговых государств против центра»². Главная проблема заключалась в обилии мелких немецких государственных образований, которые потенциально легко могли стать жертвой Франции. Эта постоянно возрастающая угроза в глазах государственных деятелей обоснованно персонифицировалась с именем Наполеона, которого некоторые историки пытаются изображать в образе чуть ли не голубя мира. А вот как характеризовал ситуацию и политику Наполеона один из известнейших тогда отечественных литераторов П. А. Вяземский: «Гнетущее давление наполеоновского режима чувствовалось во всех уголках Европы. Кто не жил в эту эпоху, тот знать не может догадаться, как душно было жить в это время. Судьба каждого государства, почти каждого лица, более или менее, так или иначе, не сегодня, так завтра зависела от прихотей тюильрийского кабинета или боевых распоряжений наполеоновской Главной квартиры. Все жили как под страхом землетрясения или извержения огнедышащей горы. Никто не мог ни действовать, ни дышать свободно»³.

---

¹ См.: *Ливен Д.* Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 35.

² *Крейе Э. Э.* Указ. соч. С. 86.

³ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882. С. 442–443.

Именно поэтому в рассматриваемый период и возникли антинаполеоновские коалиции, несмотря на колебания европейских правителей, порождаемые боязнью перед мощью французской военной машины. Дабы не быть голословным, приведем аналогичное мнение А. Чарторыйского, критически относившегося к России, но давшего в своих воспоминаниях взвешенную оценку европейской ситуации до 1805 г.: «Чтобы понять политическое движение этой эпохи и горячность, с которой Европа принялась бороться с Наполеоном, несмотря на страх, внушаемый им, следует припомнить общественное мнение о Наполеоне, преобладавшее в Европе. ...Вся вера в Наполеона, всякая иллюзия исчезла, как только он встал во главе правительства Франции. Каждое его слово, каждый поступок убеждали всех, что он думает действовать только силой штыков и массой войск»¹. Создание коалиций являлось осознанным выбором государств, видевших реальную опасность для своих интересов и своего суверенитета со стороны Франции. Разыгравшийся аппетит агрессивного полководца заставлял монархов опасаться за свои троны, а государства «запуганной» Европы искать пути к объединению сил против Наполеона, как «врага всемирного спокойствия». Очень метко написал об этом В. В. Дегоев: «Словно играя с судьбой и испытывая пределы своего могущества, Наполеон не разрушал, а собирал антифранцузскую коалицию»².

Поначалу Александр I даже, вероятнее всего, симпатизировал Н. Бонапарту. Но чем больше он присматривался к политическим шагам первого консула, тем явственнее в деятельности этого человека вырисовывалась прямая угроза для России. Со временем Александр I только убеждался в правильности своего первоначального мнения и в последующем превратился в принципиального противника Наполеона и стал активно проводить антифранцузский курс, что в целом соответствовало взглядам на сложившуюся ситуацию в Европе русского дворянства.

Как раз с точки зрения основ геополитики англо-русский союз имел тогда гораздо больше шансов на реализацию, несмотря на существовавшие разные подходы сторон при решении конкретных задач европейской политики. Такой союз был вполне закономерен, так как оба государства имели сходные интересы в отношении

---

¹ Из записок князя Адама Чарторыйского. С. 208–209.

² Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 136. Подобные мысли можно найти и в книге Ч. Д. Исдейла, см.: *Исдейл Ч. Д.* Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997. С. 50–51.

Центральной Европы, им оставалось только договориться между собой.

§ 2. Начало наполеоновских войн и складывание 3-й антифранцузской коалиции

Когда в 1799 г. генерал Н. Бонапарт пришел к власти, Франция находилась в состоянии войны со 2-й антифранцузской коалицией. Новый правитель был заинтересован в укреплении своей власти, а для этого был нужен мир, чего удалось достичь французской дипломатии после военных успехов в Европе. В результате Амьенского договора, заключенного Францией и ее союзниками (Испанией и Батавской республикой) с Великобританией 27 марта 1802 г. наступила краткая мирная передышка. По статьям подписанного договора Франция и ее союзники получали захваченные у них колонии, но французы обязывались вывести войска из Египта, Центральной и Южной Италии, а Англия передать о. Мальту ордену Св. Иоанна Иерусалимского (мальтийским рыцарям). Камнем будущего преткновения послужила проблема о. Мальты. Англичане в ответ на действия Н. Бонапарта в Европе отказались очистить остров и выдвинули ряд дополнительных требований, что и стало поводом к новой войне, которую объявила Англия Французской республике 22 мая 1803 г. В противовес Наполеон направил в порты Ла-Манша до 160 тыс. бойцов, таким образом, была создана Английская армия, предназначенная для вторжения на Британские острова, французские войска захватили Ганновер (единственное владение английского короля на континенте) и вошли в Неаполь. В Европе вновь стал разгораться военный пожар. Но война в основном носила морской характер, и другие континентальные державы первое время старались держаться от конфликта в стороне.

Для нас, безусловно, интересна в первую очередь позиция, занятая в тот период российской дипломатией. Александр I, получив в руки власть, сразу отказался от крайностей во внешней политике, характерных для правления его отца. Первоначально были восстановлены отношения с Англией и ликвидирована реальная опасность абсолютно бесцельной войны с ней, а также продолжены переговоры о заключении мирного договора с Францией. В июле 1801 г. Александр I продиктовал инструкции дипломатам, в которых определялись основные задачи внешней политики — отказ от завоеваний и охрана европейского политического равновесия. «Если я подниму оружие, — начертал император, — то это единственно для обороны от нападения, для защиты моих народов или жертв честолюбия, опас-

ного для спокойствия Европы. Я никогда не приму участия во внутренних раздорах, которые будут волновать другие государства, и каковы бы ни были правительственные формы, принятые народами по общему желанию, они не нарушат мира между этими народами и Моею Империей, если только они будут относиться к ней с одинаковым уважением. При восшествии своем на престол я нашел себя связанным политическими обязательствами, из которых многие были в явном противоречии с государственными интересами, а некоторые не соответствовали географическому положению и взаимным удобствам договаривающихся сторон. Желая, однако, дать слишком редкий пример уважения к публичным обещаниям, я наложил на себя тяжелую обязанность исполнить, по возможности, эти обязательства»¹.

Намерения императора нашли подтверждение в принципах, сформулированных 10 (22) июля 1801 г. на заседании Негласного комитета, в состав которого входили молодые друзья Александра I: «Быть очень искренними при переговорах; не принимать никаких обязательств по договорам по отношению к кому бы то ни было; по отношению к Франции — стараться обуздать ее честолюбие, но никоим образом не компрометируя себя, с Англией — установить хорошие отношения, поскольку эта страна является нашим естественным другом»². Фактически речь шла о проведении политики нейтралитета, в то же время поддерживая равные отношения как с Англией, так и с Австрией, с Пруссией и с Францией. Но реально империи было очень сложно в тех условиях придерживаться такой политики, поскольку Россия, как верно обозначил Александр I, имела обязательства с сардинским и неаполитанским королевскими домами, а также перед многочисленными германскими родственниками императора.

Собственно, уже в инструкциях своим послам в Европе Александр I очень четко обозначил вектор, который мог помешать России придерживаться мирной политики. Об этом свидетельствует инструкция посланнику в Берлине А. И. Крюденеру от 5 (17) июля

---

¹ Соловьев С. Император Александр Первый. Политика — дипломатия. СПб., 1877. С. 15.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 1. М., 1960. С. 62. Этот сформулированный внешнеполитический тезис (правда, в другом переводе) привел и М.И. Богданович: «Быть искренними в иностранной политике, но не связывать себя никакими договорами; стараться обуздать Францию, не принимая крайних мер, и быть в согласии с Англией, потому что англичане — наши естественные друзья.» (цит. по: *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. М., 1869. Приложения. С. 41).

1801 г. Сделав анализ общей ситуации на континенте и касаясь русско-французских отношений, император вынужден был сделать следующую установку для дипломата: «Если первый консул Французской республики будет продолжать связывать поддержание и укрепление своей власти с раздорами и волнениями, потрясающими Европу; если он не признает, что могущество, основанное на несправедливости, всегда непрочно, ...если, наконец, он будет надеяться только на свою фортуна, — война может продолжаться, Германия и Италия поочередно подпадут под гнет республики... Последующие действия консула определяют мое суждение по этому предмету, которое вполне законная осторожность не позволяет мне еще вынести»¹. Ясно, что Александр I ставил в зависимость от конкретных шагов Н. Бонапарта выбор своей внешнеполитической концепции, но у российского императора уже имелись обоснованные сомнения, что сей государственный муж выберет «систему благоразумия и справедливости».

Тем не менее российская дипломатия пошла на подписание мирного договора с Францией 26 сентября (8 октября) 1801 г., декларации и секретных конвенций от 28 сентября (10 октября) 1801 г. Мало того, Россия и Франция, как гаранты Тешенского договора 1779 г. (по которому оба государства гарантировали соглашение между Пруссией и Австрией о баварском престолонаследии), выступили совместно в проведении плана индемнизации (от фр. *indemniser* — возмещать убытки) в Германии. Речь шла о земельной компенсации германским князьям, потерявшим владения на левом берегу Рейна, в связи с присоединением этой территории к Франции. Тон в этом процессе, к сожалению, задавала французская дипломатия. Русское же внешнеполитическое ведомство было заинтересовано в стабильности в этом регионе, а также в том, чтобы не допустить лидерства в Германии Австрии или Пруссии, а, кроме того — укрупнить мелкие государственные образования, которые могли стать легкой добычей Франции. Все проблемы, связанные с индемнизацией, были решены к весне 1803 г.² Но достигнутые результаты для России скорее можно назвать проигрышными, так как резко возросло французское влияние в этом регионе.

В 1803 г. как раз возобновились военные действия между Англией и Францией. Первоначально Россия заняла позицию нейтралитета, не желая втягиваться в этот конфликт. Как писал в одном из писем

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 1. С. 51–53.

² О проблеме индемнизации см.: *Искуполь С. Н.* Внешняя политика России и Германские государства (1801–1812). С. 20–63.

из Петербурга в июле 1803 г. Ж. де Местр: «У российского императора всего лишь две идеи: мир и бережливость»¹. На самом деле Александр I присматривался к политическим шагам первого консула. Но уже тогда явственно вырисовывалась прямая угроза для Европы и России в деятельности этого человека. Так, в частном письме к Ф. Лагарпу 7 июля 1803 г. русский монарх достаточно критически оценивал провозглашение Наполеона пожизненным консулом, и было очевидно, что он уже потерял всякие иллюзии по отношению к нему, так же как померк окружавший его ореол республиканца. Вот цитаты из этого письма: «пелена спала с его глаз», по его мнению, Бонапарт имел уникальную возможность работать «для счастья и славы родины и быть верным конституции, которой он сам присягал» (сложить с себя власть через десять лет), а «вместо этого он предпочел подражать европейским дворам, во всем насилуя конституцию своей страны», поэтому он видит теперь в нем «одного из самых знаменитых тиранов, которого производила история»². Ясно, разочарование было связано и с либеральными воззрениями Александра I, в которые будущий французский император («тиран») никак не вписывался. В такой ситуации российский император стал проводником активной антифранцузской политики.

Определенным катализатором событий стал арест на территории Бадена (владения тестя российского императора), а затем скороспелый суд и расстрел 21 марта 1804 г. герцога Энгиенского, младшего отпрыска династии Бурбонов. Русское общественное мнение буквально взорвалось от негодования. Чем бы ни были продиктованы действия Наполеона (в частности, роялистскими заговорами), они воспринимались в Петербурге как акт вопиющего произвола. Русский двор демонстративно надел семидневный траур³. Стороны обменялись резкими нотами, причем Наполеон позволил себе оскорбительный для Александра I намек на его причастность к смерти императора Павла I. Хотя разрыв официальных дипломатических от-

---

¹ *Де Местр Ж.* Петербургские письма: 1803–1817. С. 24.

² *Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I-er.* Т. II. Neuchâtel, 1979. P. 44–45.

³ Атмосферу и настроение царской семьи по поводу расстрела герцога Энгиенского лучше всего передают письма императрицы Елизаветы Алексеевны своей матери. Прочитируем письмо от 5 (17) апреля 1804 г.: «Невозможно предать вам мои чувства при этом известии и общее об этом впечатление. Весь день я была сама не своя, тем более, что полученные газеты пишут, что преступление было совершено с согласия моего деда» (*Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. СПб., 1909. С. 127).

ношений последовал чуть позже, бороться с возрастающим влиянием Франции только с помощью средств дипломатии уже оказалось безнадежным делом.

Некоторые исследователи полагают, что гибель герцога Энгийенского явилась поводом, а отнюдь не причиной возникновения новой коалиции. И эти суждения во многом справедливы — русская дипломатия еще до казни Энгийенского уже зондировала почву по созданию нового антинаполеоновского союза. Хотя трудно было бы ожидать другой реакции от крупной державы с монархическим способом правления и с легитимистскими умонастроениями в обществе. В правительственных кругах, несмотря на имевшиеся различные группировки и подходы, произошел резкий поворот в сторону войны.

Российская императорская армия в начале XIX столетия

В России при проведении активной внешней политики всегда очень важная роль отводилась армии. И тут встает вопрос — насколько адекватно оценивали в то время боеспособность вооруженных сил своей страны император и его ближайшие помощники, направляя в бой русские полки? Мало кто из историков обращал свой взор на деятельность Александра I в начальный период царствования. Причины этого понятны — основные события, связанные с историей русской армии, произошли, начиная с 1805 г., и оставили в тени первые годы правления этого монарха. Тем не менее, в этот период в военной сфере предпринимались некоторые попытки преобразований, и необходимо их проанализировать.

Важно отметить, что в области военного искусства в Европе тогда активно боролись две тенденции. После Семилетней войны на протяжении второй половины XVIII столетия законодательницей военной моды оставалась прусская военная система Фридриха Великого (организация, дисциплина, построение, маршировка, выправка, единообразие), и доминировали разработанные пруссаками тактические постулаты (линейная тактика, маневрирование, действие конницы, ведение «малой войны» и т. д.). Прусская армия считалась образцовой, а прусские теоретики оказывали влияние на сознание военачальников всей Европы, включая и Россию. В то же время ростки новой военной доктрины (получившей в литературе название «тактика колонн и рассыпного строя»), рожденной энтузиазмом борьбы за независимость североамериканских колонистов и французской революции, практически не воспринимались. Громкие победы французского оружия тогда объяснялись специалистами случайными причинами. Очевидные преимущества новой передовой военной си-

стемы стали активно осмысляться в европейских армиях лишь после сокрушительных поражений противников Франции в начале XIX столетия.

В России из этих двух главных направлений военного дела на рубеже веков явное предпочтение отдавали прусской системе, о чем наглядно свидетельствовало все царствование Павла I. Причем положительный национальный опыт практически не обобщался, а приоритет безоговорочно отдавался прусским веяниям, хотя многие отечественные образцы ведения военных действий еще в XVIII столетии более поздними исследователями определялись как элементы тактики колонн и рассыпного строя. Не были вовремя учтены и наглядно проявившиеся негативные тенденции во время боевых действий 1799 г. российской императорской армии против французских войск. Из трех театров военных действий, где сражались русские войска, неудачи последовали на двух — в Голландии и Швейцарии. Лишь благодаря воинскому таланту А. В. Суворова и его победам в Италии русская армия была полностью реабилитирована. В то же время Швейцарский поход Суворова 1799 г. официально превозносился властями как бесспорная победа, что вряд ли можно оценивать подобным образом. Учитывая печальные результаты, резонно было говорить лишь о том, что Суворову в тяжелейших и драматических обстоятельствах удалось спасти честь и не уронить престиж русского оружия. Слава же выдающегося русского полководца затмила военные неудачи и не позволила задуматься над их причинами.

Какую же позицию по отношению к армии занимал Александр I в начале своего царствования? За плечами российского императора была пройденная им в юности школа изощренного лавирования между салоном бабки — властолюбивой Екатерины II и гатчинской казармой вечно подозрительного отца — Павла I. Но военное воспитание Александр I получил под непосредственным руководством отца, а его великая бабка никак не мешала этому. Многие современники отмечали, что гатчинский дух и традиции оставили в нем глубокий отпечаток, и в первые годы царствования он никак не следовал по стопам «победного века Екатерины». Так, адмирал А. С. Шишков, весьма негативно сравнивая военную преемственность царствований Екатерины и ее внука, писал в своих мемуарах: «Все то, чего при ней не было, и что в подражание пруссакам введено после нее, осталось ненарушенным: те же по военной службе приказы, ежедневные производства, отставки, мелочные наблюдения, вахтпарады, экзерциргаузы, шлагбаумы и проч., и проч.; та же раздача орденов лекарям и монахам. Одним словом, Павлово царствование, хотя и не с тою строгостью, но с подобными же иностранцам подражаниями и ново-

введениями еще продолжалось»¹. Другой современник П. Г. Дивов также отмечал печать конца прошлого столетия (Павла I) на военной политике государства: «Направление, данное военному департаменту в царствование покойного государя, осталось по-прежнему, следовательно, и все бремя мелочного разбирательства осталось предметом заботливости самого государя, отъемлющей драгоценнейшее время, потребное на рассмотрение и внимание других государственных соображений»². Укажем, что за время павловского правления было уволено семь генерал-фельдмаршалов, 363 генерала, 2156 офицеров³.

Тем не менее изменения в военной сфере все же происходили и в начале правления Александра I. Уже 29 марта 1801 г. император вернул полкам прежние исторически сложившиеся названия. Затем последовали другие перемены, в первую очередь это касалось формы одежды и воинских атрибутов. В 1801 г. с офицерских знаков убрали изображение Мальтийского креста, а с 1803 г. нижние чины стали носить погоны на обоих плечах. С 12 марта 1802 г. по «Табелю мундирных, амуниционных и оружейных вещей» в обиход вводились новые образцы головных уборов — гренадерская, фузелерная и фуражная шапки, а также мушкетерские шляпы. С 1803 г. для формирующихся полков введены новые знамена образца 1803 г.⁴ В целом можно констатировать, что павловская военная система даже внешне оставалась почти без изменений, нововведения лишь слегка изменили внешний вид армии и были продиктованы военной модой или личными пристрастиями нового монарха.

Но изменения все же происходили не только в форме одежды. В армейские ряды стали возвращаться многочисленные отставники. Одновременно Александр I начал расставлять на ключевые военные посты угодных ему людей. Не оставляет сомнения и тот факт, что новый император при расстановке кадров ориентировался на старых военачальников и руководствовался принципом старшинства службы. Об этом свидетельствуют назначения на важные административные и командные посты в полевые войска последних остававшихся в живых «екатерининских орлов»: И. В. Гудовича, М. И. Кутузова,

---

¹ Цит. по кн.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1904. С. 42.

² Повествование о царствовании императора Александра I, для него одно-го писанное // Русская старина. 1899. № 10. С. 81.

³ *Морозов Н.* Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 73.

⁴ См.: *Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1996.

И. И. Михельсона, А. А. Прозоровского, М. Ф. Каменского, Ф. Ф. Буксгевдена и др. Был возвращен в 1803 г. на службу и восстановлен в должности инспектора артиллерии фаворит прежнего царя А. А. Аракчеев, который в дальнейшем пользовался абсолютным доверием императора.

В области высшего военного управления также произошли некоторые изменения, но и они первоначально носили лишь внешний характер. Либеральные реформы в гражданской сфере начала царствования Александра I почти не затронули армейскую сферу. Несмотря на создание 8 сентября 1802 г. Министерства военно-сухопутных сил, в его структуре продолжала функционировать Военная коллегия. На должность министра был назначен генерал от инфантерии С. К. Вязмитинов (бывший вице-президент Военной коллегии). Многие современные исследователи рассматривают власть тогдашнего министра как абсолютную. На самом деле, хотя под контролем министра находились важнейшие функции (инспекторские, хозяйственные, текущее делопроизводство), он не имел права вмешиваться в полевое управление войск и крупные военачальники ему не подчинялись. Кроме того, все нововведения и Высочайшие приказы продолжали исходить от начальника Военно-походной канцелярии императора молодого генерал-адъютанта Х. А. Ливена. Современники сравнивали его по значимости с военным министром (часто даже называя его так), поскольку он играл не менее важную роль в решении армейских дел. Дуализм же вряд ли можно отнести к эффективным способам ведения военных дел, поскольку лучшим механизмом для этого всегда считалось единоначалие. Но именно такая ситуация устраивала Александра I, она давала ему возможность контролировать армию, силу, очень опасную для трона Романовых.

В целом же основным законом, регламентирующим управление и деятельность полевых войск, оставался введенный еще Петром I «Устав воинский» 1716 г., а главными документами для обучения и боевой подготовки в полках являлись выдержанные в прусском духе павловские уставы и инструкции. В частности, для пехоты — «Воинский устав о полевой пехотной службе», принятый в 1796 г., еще в самом начале царствования Павла I. Он предусматривал лишь линейные построения, в то же время отсутствовало даже упоминание о рассыпном строе, каре и колоннах, а главное внимание уделялось подготовке к вахтпарадам, правильному и точному держанию дистанции и интервалов, мелочной и педантичной регламентации всех частных случаев¹. На этой основе строилась боевая подготовка войск.

---

¹ Баиов А. К. Военное дело в эпоху императора Павла I // История русской армии и флота. Т. III. М., 1911. С. 17–18.

Прежний армейский бытовой уклад, плац-парадность, красота строя и равнения в рядах, шагистика и муштра продолжали господствовать и определять повседневную жизнь войск в начале нового царствования. В итоге — полки успешно демонстрировали высоким начальникам свою выправку и маршировку, но в минимальной степени оказались готовыми к боевым действиям.

У Александра I, без сомнения, имелись собственные взгляды на армию. Свидетельством того, что он подспудно осознавал необходимость изменений в армейской среде, стала деятельность учрежденной им 24 июня 1801 г. «Воинской комиссии для рассмотрения положения войск и устройства оных» под руководством великого князя Константина Павловича. Правда, данный орган рассматривал в основном организационные и хозяйственные проблемы армии и не затрагивал боевую подготовку войск. Комиссии было «высочайше указано» не касаться «строевого учения и школьной тактики». Причем ставилась и задача экономии средств, отпускаемых на военные нужды¹. Комиссия пришла к выводу о необходимости увеличения в первую очередь количества пехотных частей «по отношению к силам соседственных держав». С 1802 по 1805 г. было сформировано двенадцать новых мушкетерских, три егерских, шесть драгунских, два уланских, один гусарский полк, а также один пионерный и один понтонно-артиллерийский полки. В 1801 г. расформированию подверглись девять артиллерийских полков, в 1803 г. они были вновь возрождены, а в 1806 г. снова расформированы. 30 апреля 1802 г. были введены новые штаты, согласно которым гренадерские полки состояли из одного гренадерского и двух фузелерных батальонов, мушкетерские — из одного гренадерского и двух мушкетерских, егерские — из трех егерских батальонов (4-ротного состава). В Лейб-гренадерском полку все три батальона оставались гренадерскими. Примерно на 25 % была увеличена численность инженерных подразделений. Обращает на себя внимание тот факт, что были усилены егерские части (за счет увеличения численности личного состава в полках) и приоритет стал отдаваться легкой кавалерии — гусарам и уланам, эффективно используемым для разведки, боевого охранения и действий в отрыве от главных сил. Увеличение драгунских полков (кавалерия общего назначения — «ездящая пехота») было достигнуто по рекомендациям комиссии за счет уменьшения числа элитных ударных подразделений (кирасир). Недостаток численности регулярной кавалерии по отношению к пехоте, по мнению комиссии,

---

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XXVI. № 19926; М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. I. С. 667.

должен был компенсироваться наличием иррегулярной конницы, основу которой составляли казацьи войска, традиционно несшие службу по своим исторически сложившимся «обрядам». Именно тогда было принято принципиальное решение на постепенное сближение правил управления и регламентации несения воинской службы казаками по образцу регулярных войск.

Тут важно отметить другой момент: одним из факторов будущих поражений стал стратегический просчет, допущенный Комиссией 1801 г. в выводах, ибо она посчитала, что Россия не будет вести три войны одновременно. А в 1805–1809 гг. русские войска сражались на трех театрах военных действий, с 1809 по 1813 г. — воевали на суше с тремя (с 1812 г. — с двумя) противниками, не считая «бездымной» войны с Англией. В результате неправильной стратегической оценки ситуации вооруженные силы России перестраивались на ходу, воюя в 1805 г. с Персией, Турцией и Францией (в 1808–1809 гг. ее заменила Швеция).

Преобразования не затронули полевую организацию войск. В мирное время полки распределялись, как и при Павле I, по 14 инспекциям (военно-территориальным округам, подчинявшимся трем инспекторам по родам оружия: по пехоте, кавалерии, артиллерии). Большая часть войск была сосредоточена на границах. Лишь в случае войны на основе инспекций предполагалось создание полевых армий (разделенных на бригады, колонны и корпуса не постоянного состава) произвольным механическим соединением частей различных родов войск. Заметим, что до 1805 г. в русской армии высшим тактическим соединением фактически по-прежнему оставался полк. Таким образом, даже теоретически, построенные на сплошной импровизации высшие тактические соединения, не имевшие четкой структуры, строгой подчиненности и быстрой взаимозаменяемости, имели массу недостатков, явственно обозначившихся уже в военное время.

В целом приходится признать, что российская императорская армия являлась составной частью крепостнического государства. Рядовой состав комплектовался на основе рекрутских наборов и системы «очередности» — более 50 % это были бывшие крепостные крестьяне, остальные выходцы из государственных крестьян и мещанских обществ. Для населения империи это была самая тяжелая «подать». Причем чаще всего в рекруты попадали люди, от которых в первую очередь по разным причинам стремились избавиться помещики или крестьянские и мещанские общины («буйные и ненадежные элементы»). Небольшой процент поступления в армию давали так называемые «солдатские дети» (кантонисты) — дети, рожденные

солдатами в браке, считавшиеся собственностью военного ведомства. Потомственные дворяне составляли более 80 % офицерских кадров. Причем значительная часть офицеров являлась беспоместными дворянами. Идея службы Отечеству являлась ключевым элементом политического сознания этого сословия, хотя по законам империи (Манифест 1762 г.) его представители могли и не служить. На службу дворяне поступали добровольно, причем предпочтение отдавалось не гражданской, а именно военной службе, приоритет которой был несравненно выше. Это рассматривалось как почетная обязанность каждого дворянина; служба являлась по существу сословно-образующим признаком дворянства. Лишь 10–15 % заканчивали военно-учебные заведения и поступали в войска уже офицерами, подавляющая часть начинала служить нижними чинами, затем унтер-офицерами (в среднем от 1 до 3 лет), а лишь потом получала патент на офицерский чин. Хотя среди офицеров имелся, судя по формулярным спискам, значительный процент выходцев из сословия «обер-офицерских детей» (в армейской практике они почти приравнивались к дворянам), т. е. потомков солдат, получивших за многолетнюю службу офицерский чин благодаря грамотности и, чаще всего, храбрости на полях сражений. Необходимо указать, что для рядового солдата имелась реальная возможность при удачном раскладе получить (после 12 лет «беспорочной» службы в унтер-офицерском чине или за проявленную храбрость) офицерские знаки отличия и перейти в разряд так называемых «бурбонов» (получить права на личное дворянство, не имея соответствующего происхождения).

В армейских полках к 1805 г. продолжало еще служить значительное количество солдат и офицеров, свидетелей и носителей славных суворовских традиций («чудо-богатырей»), несмотря на господствовавший тогда «плац-парад». Армия имела явные плюсы — являлась профессиональной (служба продолжалась 25 лет) и мононациональной, основу составляли православные — русские, украинцы, белорусы; большинство инородцев освобождалось от службы в регулярной армии. Отметим и минусы — крайне тяжелые условия службы, постоянное нахождение в сфере действия жесткой дисциплины и наказания за провинности приводили к частым побегам, в войсках была высокая смертность из-за скудного питания. В российской армии к этому времени господствовала полковая система, накладывавшая на армейские порядки особый дух. Полковая система заключалась в крайне развитых формах корпоративности, когда каждый, от нижнего чина до полковника или генерала, ощущал себя членом определенной полковой семьи, существовавшей по жестким иерархическим

законам. Эта атмосфера позволяла создавать и поддерживать специфические традиции и обычаи, присущие как всей армии в целом, так и определенному полку. Основой для существования со временем становилось полковое и артельное самосознание, характерное для выходцев из крестьянской общины. Принадлежность к полку и полковая артель (ведение общего хозяйства) воспитывали дух полкового и боевого товарищества, честь полкового мундира. Солдаты чаще руководствовались примером товарищей (прежде всего ветеранов), а не призывами о защите Бога, Царя и Отечества, хотя этот официоз также воздействовал на солдатскую массу. Элиту армии составляли гвардейские полки, где проходили службу на офицерских вакансиях представители российской аристократии и богатые дворяне (бедные из-за неимения средств переводились в армейские полки), а нижние чины подбирались из высоких солдат хорошего и благонаправленного поведения. Особый род войск представляли иррегулярные формирования, служившие по образцу донских казачьих полков: кроме донцов, черноморские, терские, астраханские, бугские, чугуевские, уральские, оренбургские, сибирские казаки, а также национальные полки башкир, калмыков, тептярей, мещяриков, крымских татар и др. Иррегулярные полки по существу являлись настоящей легкой конницей, так как в отличие от регулярной кавалерии не имели колесных обозов, были неприхотливы в походах и использовали дедовскую тактику степняков, необычную для европейских армий.

Необходимо отметить, что в то время российская армия обладала многими пороками, свойственными армиям «старорежимных» государств Европы в области обучения войск, организационного построения и ведения тактики военных действий. В данном случае приходится признать, что Александр I в большей степени ориентировался лишь на предшествующие успехи, добытые русскими штыками, чем на объективную оценку. Император по поводу военной сферы находился в плену представлений, внушенных ему отцом. Армия ему представлялась как идеальный марширующий механизм, четко исполняющий все регламенты и приказы своего императора. О том, что война это более сложное явление — с кровью, потом, миллионов случайностей, не говоря уже о новых тенденциях в военном деле, он не задумывался; все его представления об армии и его опыт командования войсками исходили из многочисленных и красочных прохождений полков церемониальным шагом. Но не только он один, а, по видимому, все общество все еще тогда находилось в определенной эйфории от славных викторий победного века Екатерины и ожидало от чтения в газетах новых победоносных реляций об успехах русского оружия. Во всяком случае, личные представления Александра I о войне и армии сыграли негативную роль во внешней политике, так

как русский монарх был очень высокого мнения о мощи собственных вооруженных сил и на этом строил свой курс по отношению к потенциальным союзникам и противникам. Исходя из этого, он решился на военную конфронтацию с Францией, во главе которой стоял, без преувеличения, лучший тогдашний полководец Наполеон Бонапарт.

Складывание 3-й антифранцузской коалиции

Можно констатировать, что с 1803 г. давнишнее недовольство правительственных кругов России стало приобретать антинаполеоновские контуры, что вело к военному столкновению. В обстановке взаимного недоверия любые шаги враждебных кабинетов на международной арене уже стали восприниматься будущими противниками как вызовы и угрозы своей безопасности. Таким образом, складывались новые альянсы против Франции, завязались те узлы, развязать которые можно было лишь при помощи пушечных выстрелов.

В качестве примера можно привести знаменитую миссию члена Негласного комитета Н. Н. Новосильцева в Англию 1804–1805 гг., о которой, как правило, упоминают все исследователи истории внешней политики. Сначала она даже замышлялась и преподносилась чуть ли ни как акт европейского посредничества между Лондоном и Парижем. Однако, несмотря на первоначальные благие цели, именно эта миссия послужила началом складывания очередной антинаполеоновской коалиции. Правда, до посреднической миссии в Париже дело так и не дошло, виновницей чего, в немалой степени, стала политика Наполеона.

1804–1805 гг. называют «золотым временем» англо-русских отношений. В какой-то степени это так и не так. У России с Англией имелись серьезные противоречия, в первую очередь в Балтийском и Средиземноморском регионах, и преодолеть их было не просто. Именно в этот период молодые друзья императора Александра I разработали теоретически план политического переустройства Европы, который возвращал Францию в старые границы и, по их мысли, гарантировал бы невозможность попыток дальнейших французских завоеваний. Ставилась задача восстановить «равновесие в Европе, утвердить ее безопасность и спокойствие на прочной основе», избавить континент от «тирании Бонапарта» и «унизительного поражения», лишь вскользь говорилось о реставрации Бурбонов на троне, но если того пожелают сами французы. Фактически были предложены план создания европейской лиги (прообраз современной «соединенной Европы») и кодекс нового международного пра-

ва¹. Безусловно, этот план, предложенный в теории, тогда не мог иметь шансов на реализацию, так как англичане, поддерживая в целом идею о борьбе с Францией, преследовали свои конкретные цели, которые отнюдь не соответствовали русскому плану. А главное, англичане не только опасались усиления русского влияния на континенте, но всеми силами старались этого не допустить. Эти моменты (политическая ревность, противоречия и разные политические подходы) со временем превратились в ахиллесову пяту новой коалиции.

Тем не менее на основе переговоров Новосильцева с У. Питтом 30 марта (11 апреля) 1805 г. в Петербурге была заключена союзная конвенция «О мерах установления мира в Европе», документ ставший основой для создания коалиции². В целом это была победа английской дипломатии, так как Великобритания выходила из долговременного периода европейской изоляции и приобретала на суше мощного союзника. Еще 2 (14) января 1805 г. Россия заключила конвенцию со Швецией о совместных действиях по защите Северной Германии³. Затем 11 (23) сентября 1805 г. был заключен оборонительный русско-турецкий договор⁴, впрочем, турки впоследствии не принимали участие в боевых действиях, но обязались пропустить русские суда с войсками через Босфор, а также дали согласие на усиление русского контингента на Ионических островах, базе русского флота.

Третья коалиция складывалась с огромным трудом. Слишком много имелось противоречий и у потенциальных коалиционеров. Россия и Англия очень надеялись, что к ним присоединятся Австрия и Пруссия, два важных игрока на европейской арене. Но монархи и правительства этих двух государств проявляли колебания. Они не без оснований опасались ввязываться в очередную войну, в которой их армии имели все шансы потерпеть новые поражения. Чувствуя реальную угрозу своему существованию, они готовы были заключить с Россией оборонительный союз, но отнюдь не наступательный. Кроме того, шел торг будущими территориями, причем весьма заманчивые предложения Пруссии и Австрии исходили и от Наполеона.

Эти обстоятельства затормозили формирование коалиции, но решающим фактором стали внешнеполитические шаги самого

---

¹ Очень хорошо, хотя и с идеологических позиций 1960-х гг. и с соответствующей критикой западной историографии, этот вопрос осветила еще М. М. Станиславская (*Станиславская М. М.* Указ. соч. С. 355–358).

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. С. 355–377.

³ Там же. С. 262–271.

⁴ Там же. С. 584–594.

Наполеона, вынудившие Австрию решиться присоединиться к противникам Франции. Австрийцы сначала даже признали за Наполеоном императорский титул и старались занять нейтральную позицию. Но в дальнейшем уже речь пошла о реорганизации Итальянской республики. Республика эта, президентом которой являлся Наполеон, по сути, являлась дочерним владением Французской республики. Но, скроенная по французскому лекалу и развиваясь по французской схеме, она повторила материнскую судьбу — из республики превратилась в монархию. Вслед за коронацией в Париже 2 декабря 1804 г. уже последовала коронация Наполеона в Милане 26 мая 1805 г. Французский император добавил к своему титулу еще титул короля Италии. Но этим дело не ограничилось. 30 июня 1805 г. в состав Французской империи была принята Лигурийская республика (естественно, по ее просьбе, но по французской подсказке). А земли Лукки и Пьомбино превратились в княжество и оказались переданы младшей сестре Наполеона, новоиспеченной принцессе Элизе.

Эти шаги Наполеона в Италии ясно показывали вектор развития и будущего направления его политики. Они прибавили решительности австрийскому правительству. 28 июля (9 августа) оно пошло на подписание союзного трактата¹. Затем к союзу присоединилось Неаполитанское королевство. Все попытки склонить на свою сторону Пруссию довольно долго оставались тщетными, она предпочитала сделать выбор — кто больше предложит. С большим трудом, так или иначе, коалиция сформировалась. Россия была готова отправить в поход 180 тыс. чел., Австрия — 250 тыс. чел. Контингенты других стран выглядели скромнее: Швеция дала 16 тыс. чел., Неаполь обязался выставить до 20 тыс. чел., Англия, помимо флота, высказала намерение выделить всего лишь 5 тыс. чел. Впрочем, европейцы в начале XIX в. имели крайне низкое мнение по поводу боеспособности английских войск. Помимо этого, в зависимости от выставленных контингентов, Великобритания выделяла своим союзникам немалые деньги (1250 тыс. фунтов стерлингов за каждые 100 тыс. чел., а также часть выплат по мобилизационным расходам), выступая банкиром коалиции. Это обстоятельство давало возможность французам утверждать, что союзники «продались» за английское золото и только поэтому воевали с Наполеоном. Действительно, у европейских держав — противников Франции — денег в казне на войну катастрофически не хватало, и они, бесспорно, надеялись на английские субсидии. В то же время, несмотря на значительность обещанных сумм, деньги выплачивались англичанами с большим опозданием, да и то

---

¹ Там же. С. 497–499.

не всегда. Всего воинских сил, которые действительно могли выставить союзники по коалиции (а не на бумаге и в планах), насчитывалось примерно 380 тыс. бойцов. Кроме того, потенциально союзники рассчитывали на присоединение к ним 100 тыс. пруссаков, чего, как мы увидим, не произошло.

Наполеона подготовительные мероприятия союзников застали в Булонском лагере, где в течение двух лет оказались сосредоточены лучшие части французов. Уже в августе 1805 г. на основе получаемой информации император сделал вывод о приготовлениях союзников и большой вероятности войны. Это кардинально меняло его планы. Главные силы Наполеона были развернуты на побережье против Англии, где он готовился к исполнению дерзкого плана покорения «коварного Альбиона». В результате Наполеон вынужден был окончательно отказаться от претворения своих давних замыслов поставить Англию на колени. Сейчас весьма сложно определить, в какой степени открытие военных действий на континенте спасло Англию от вторжения французов. Было бы безумием осуществлять подобную операцию, зная, что против тебя готовятся выступить две мощные континентальные державы — Россия и Австрия. В любом случае это давало возможность Наполеону сохранить лицо — ведь не мог же он до бесконечности держать армию вторжения в Булонском лагере.

Рождение Великой армии

Наполеон, узнав о приготовлениях своих противников, решительно взялся за дело и не дал застать себя врасплох. В конце августа еще до перехода австрийцами границ он развернул подготовительные мероприятия по рекогносцировке будущего театра военных действий, подготовке тыла и начал переброску основных войск на Рейн, даже не зная возможных направлений движения австрийцев. Уже 26 августа 1805 г. впервые им был употреблен термин «Великая армия» (официально получила название 29 августа). Она должна была кратчайшими путями двигаться в Баварию. Все это делалось для решения основной задачи, которую перед собой поставил Наполеон, — разбить силы австрийцев еще до подхода русских войск.

В то время Наполеон имел для реализации своего плана лучшую в Европе (да и в мире) армию. Это заключение можно сделать на базе фактического материала и сделанных из него выводов недавно вышедших монографий, в которых, надо отметить, очень подробно дана характеристика Великой армии на момент ее создания¹. Попробуем,

---

¹ См.: *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона: Триумф и трагедия завоевателя. М., 1999. С. 217–248; *Лашук А.* Наполеон: Походы и битвы 1796–

хотя бы кратко охарактеризовать ее. Численность Великой армии определялась на тот период примерно в 180 тыс. чел. Она получила новую организационную структуру, созданную на основе опыта революционных войн. И как показали последующие события, эта организация оказалась наиболее оптимальной для ведения боевых действий на широком пространстве, во всяком случае, значительно превосходившей организационные структуры других европейских армий. Первоначально она делилась на семь корпусов, каждый из которых (15–25 тыс. чел.) состоял из двух-четырех пехотных и одной кавалерийской дивизий с приданной артиллерией. Кроме того, для решения стратегических задач создавался кавалерийский резерв (свыше 20 тыс. сабель и конной артиллерии). Тогда же началось формирование артиллерийского резерва. Кроме того, у Наполеона оставалась императорская гвардия, состоявшая из элитных пехотных, кавалерийской и артиллерийских частей, насчитывавшая примерно 12 тыс. чел. Для эффективной системы управления войсками был создан императорский штаб, многоотраслевой орган (делившийся на отделы и подотделы), во главе с маршалом А. Бертье. Штабной аппарат насчитывал в 1805 г. более 400 офицеров и 5000 рядовых. Эта была универсальная по тому времени система военного управления, одновременно, и мозговой центр армии.

Личный состав Великой армии до 1805 г. имел хорошую боевую подготовку. Примерно четверть рядового и унтер-офицерского состава составляли испытанные ветераны, участвовавшие еще в революционных войнах, примерно 40 % имели за своими плечами хотя бы одну военную кампанию. Свыше 50 % солдат оказались зачисленными в ряды после 1801 г. Армия имела превосходные офицерские кадры с немалым боевым опытом. Средний возраст лейтенантов был 37 лет, полковников — 39 лет, генералов — 41 год. При назначении первых восемнадцати маршалов в 1804 г. их средний возраст составлял всего лишь 44 года.

В целом, в 1805 г. Великая армия представляла мощную и мобильную силу, на голову превосходившую вооруженные силы государств Европы по опыту, организации и по применению новой тактики военных действий. Главное, этой армией руководил выдающийся полководец, одновременно являвшийся и талантливым государственным деятелем, умевшим для решения стратегических задач своей волей концентрировать усилия державы на выбранном направлении.

1815. М., 2004. С. 171–183; *Соколов О.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. С. 156–160.

§ 3. Кампания 1805 г. и изменение международной ситуации

Планы сторон

После лета 1805 г. войска будущих противников начали движение к театру военных действий. Союзниками, собственно, австрийским командованием (Гофкрикрат) в лице генералов К. Шварценберга и К. Макка фон Лейбериха и русским генерал-адъютантом Ф. Ф. Винцингероде, еще в Вене 4 (16) июля 1805 г. был предварительно разработан план действий сухопутных войск на континенте, получивший название «Военная конвенция». Этим планом предусматривались несколько театров военных действий с учетом возможного присоединения к коалиции Дании и Пруссии¹.

1) На Север Германии, в частности — в шведскую Померанию, направлялся русский корпус генерала П. А. Толстого (16 тыс. чел.), он должен был совместно со шведами (16 тыс. чел.) и, возможно, с английским контингентом, а также с пруссаками, действовать в направлении захваченного французами Ганновера и далее. 2) В Южной Германии предполагалось задействовать 120 тыс. чел. австрийцев и примерно 80–90 тыс. русских войск. 3) В Северной Италии сосредотачивалось более 100 тыс. австрийских войск. 4) В Южную Италию должно было быть направлено 45 тыс. русских, англичан, а к ним должны были присоединиться неаполитанские войска².

Бросив взгляд на принятый союзниками план, сразу становится ясным, что Северная Германия и Южная Италия рассматривались как вспомогательные направления. Лишь в случае, если бы к коалиции присоединилась Пруссия, можно было ожидать движение прусских войск в сторону Рейна. Главными направлениями для союзников являлись второе и третье. Причем австрийское командование полагало, что основным театром военных действий Бонапартом будет выбрана Италия. Весьма странное предположение, когда собранные силы Наполеона находились тогда в Булонском лагере. По ав-

---

¹ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. С. 496–499, 505–506; М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 3–18, 20–29.

² В 1955 г. Г. В. Оксман нашел и опубликовал отдельные цитаты из письма М. И. Кутузова к Александру I, в котором содержался план самого Кутузова с предложениями действовать наступательно. Им также рассматривались различные варианты действий, в зависимости от участия Пруссии в составе коалиции (см. подр.: *Оксман Г. В. Марш-маневр М. И. Кутузова в кампании 1805 г. // Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955. С. 54–58*). Но эти сообщения и предложения не были учтены.

стрийскому замыслу, после занятия Баварии и Северной Италии союзные армии должны были соединиться в Швейцарии и оттуда двинуться на территорию Франции. Отметим, что несколько похожий план (движение в Швейцарию) потерпел полное фиаско в 1799 г. Командовать этими армиями должны были даже не австрийские генералы, а австрийские эрцгерцоги. Командующим в Южной Германии был номинально назначен имевший мало военного опыта эрцгерцог Фердинанд (чтобы не отдавать командование русскому генералу), а в Северной Италии эрцгерцог Карл, один из лучших австрийских военачальников. Без особого труда можно вычленил в этом австрийский умысел — захват территорий для себя, а не разгром противника. Да и реализация плана была трудноисполнимой из-за характера местности (в значительной части горной или гористой), в которой предстояло действовать войскам. Кроме того, весьма сомнительна была и польза от дальних отвлекающих диверсий — высадки союзников в Северной Германии и в Неаполе, как почти бесполезной траты сил и средств вместо их концентрации для достижения основной цели.

Напротив, план Наполеона со стратегической точки зрения выглядел простым и логичным. Оставив без внимания возможные уклады союзников против Ганновера и Неаполя, а в Северной Италии поставив чисто оборонительные задачи маршалу А. Массена, имевшему в распоряжении лишь 50 тыс. чел., французский полководец главные силы переориентировал от Ла-Манша на Дунай и далее к Вене. Он поставил задачу — вывести из строя Австрию, разрезать ее владения на две части, тем самым не только помешать соединению с русскими войсками, но и расколоть территорию Австрийской империи, что затруднило бы возможность помощи одной австрийской армии другой. Успех на этом направлении гарантировал ему дальнейшее обладание и Италией и Германией и являлся лучшей защитой этих территорий.

Уже в самом начале при реализации принятого плана союзников возникли затруднения и отклонения от первоначальных замыслов. Во-первых, были допущены промахи чисто политического свойства. 25 августа 1805 г. из Радзивиллова в сторону Австрии двинулись русские войска — Подольская армия (около 50 тыс. чел.) под командованием М. И. Кутузова. Она должна была соединиться с австрийцами на Дунае и потом начать действовать в Южной Германии. Австрия же, не дожидаясь русских, решила действовать самостоятельно, и ее войска 11 сентября вступили на баварскую территорию, надеясь, что сила штыков заставит присоединиться к коалиции Баварию. Но на деле произошло противоположное — баварцы заявили о своей лояльности Наполеону и примкнули к нему. Так же поступили и владельцы других южногерманских земель. Их контингенты

усилили Великую армию и в дальнейшем воевали бок о бок с французами. В 1805 г. Наполеон сумел создать (усилиями Австрии) против союзников свою собственную коалицию. На стороне Франции, помимо Испании и французских государств-сателлитов (Италия, Швейцария, Голландия и др.), выступили Бавария, Вюртемберг и Баден (выставили 30 тыс. чел.). Лишь ландграфство Гессен-Дармштадтское отказалось подписать союзный договор с Наполеоном, но разрешило проследовать через свою территорию французским войскам. Присоединение южнонемецких государств не только увеличило силы Наполеона, но дало возможность создать надежный тыл для действий Великой армии.

К концу сентября австрийские войска заняли Баварию, вошли в ее столицу Мюнхен, а их основные силы выдвинулись к Ульму, не дожидаясь подхода русских войск¹. Все это было сделано по замыслу генерала барона К. Макка фон Лейбериха, злого гения австрийской армии. Первоначально номинально австрийцами на Дунайском театре командовал эрцгерцог Фердинанд, но его начальник штаба генерал Макк был в фаворе у императора. Фердинанд получил приказание руководствоваться и выполнять все директивы своего начальника штаба. Естественно, между первыми лицами возникли неурядицы и непонимание. Именно по замыслу фактического главнокомандующего Макка австрийские войска оказались растянутыми от Боденского озера до г. Ингольштадт, а основные силы австрийцев расположились у Ульма и на рубеже р. Иллер, ожидая там появления французов. Причем никаких конкретных разведсведений о французах у австрийского командования не имелось и они неверно судили о соотношении сил, полагая, что у французов против них действовали примерно 70 тыс. чел. (на самом деле их было минимум 160 тыс. чел.). Дислокация войск была сделана по наитию генерала Макка и развернута фронтом на запад. Но именно такое расположение устраивало Наполеона, и он надеялся воспользоваться стратегическими просчетами своего противника².

---

¹ Кутузов, по мнению Г. В. Оксмана, в плане, предложенном Александру I перед началом кампании, предупреждал о преждевременности выдвижения австрийцев к Ульму: «Армия же австрийская должна непременно дожидаться нас, до тех пор пока армия наша будет подходить к Праге, тогда она переходить должна реку Ин и прямо через Мюнхен идти одною или двумя колоннами, держась более к Ульму...» (*Оксман Г. В. Марш-маневр М. И. Кутузова в кампанию 1805 г. С. 54–58*). Даже из процитированного отрывка, видно, что его предложения отличались от принятого плана войны.

² О составе, организации, дислокации и передвижениях к Ульму французских корпусов Великой армии см.: *Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. С. 151–171.*

Ульмская катастрофа

Наполеон решил обойти с Севера правый фланг Макка, отрезать его коммуникации от Австрии, а затем окружить его войска. 25 сентября французы форсировали Рейн, а 30 сентября солдатам было зачитано обращение Наполеона к войскам¹. Корпуса Великой армии, разбросанные веером на фронте более 200 км, начали по заранее составленным маршрутам быстрые самостоятельные фланговые движения, а конница И. Мюрата сделала несколько демонстраций в направлении Ульма с целью удержать австрийцев на занимаемых позициях. Ульмский маневр Наполеона был разыгран как по нотам, ему все удалось, хотя и при исполнении можно найти шероховатости и ошибочные решения французских маршалов и генералов, порожденные быстроменяющейся обстановкой. В будущем эта операция стала классикой при изучении стратегии и военного искусства. Но при наличии такой личности, как генерал Макк, она теряет определенную ценность. Ибо трудно даже предположить, что найдется еще такой один самоуверенный схоласт, подобный Макку, пребывавший в настроении полного оптимизма, не знавший силы и намерения своего противника и так уверенно загонявший бы себя в ловушку. Вместо того чтобы отступить, осознав опасность, когда французские корпуса достигли Дуная, он остался маневрировать в районе Ульма, хотя можно было еще попытаться прорваться и избежать возможной катастрофы. Причем как-то рационально объяснить поведение Макка в те дни истории могут с большим трудом. Он находился в плену неверных политических сведений, получал какие-то почти фантастические данные о восстаниях во Франции, высадке англичан в Булони, и как ни парадоксально, постоянно ожидал повального бегства французов, даже тогда, когда для австрийцев складывалась безнадежная обстановка.

7 октября французские полки вышли к Дунаю в районе г. Донауверт и переправились на другой берег. Произошло несколько боев, а 14 октября после взятия моста на Дунае у Эльхенгема маршалом М. Неем австрийцы окончательно отступили к Ульму и оказались там полностью блокированы французами. 16 октября эрцгерцог Фердинанд и ряд генералов предложили осуществить прорыв, но Макк не поддержал это решение. Кульминацией событий на Дунае стал день 20 октября, когда основные силы Макка капитулировали. Оружие сложили до 30 тыс. солдат и офицеров, 18 генералов, а в руки французов попало 63 пушки и 40 знамен. Когда к Наполеону привели пленного Макка, тот, словно оправдываясь, заявил: «Император

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 11. P. 263–264.

Австрии не хотел этой войны, она была навязана Россией». На что вопросом отреагировал французский император: «В таком случае, вы уже не великая нация?»¹ Из австрийской армии в Баварии только 10 тыс. из отряда генерала М. Кинмайера, оттесненного французами от Донауверта, отошли в австрийские владения, да 5-тысячный левофланговый отряд генерала Б. Ф. Иелачича прорвался в Тироль. Правда, несколько тысяч австрийских кавалеристов выскользнули из котла и направились в Богемию, но позднее были разбиты при преследовании и вынуждены сдаться. Лишь небольшой конный отряд во главе с эрцгерцогом Фердинандом смог добраться до австрийской границы.

Первый этап кампании Наполеон выиграл даже без генерального сражения, благодаря четко продуманному и исполненному плану, быстрым передвижениям своих корпусов, численному преимуществу, а также парадоксальной самоуверенности Макка. Но события в Европе не во всем складывались благоприятно для Наполеона. 21 октября 1805 г. у мыса Трафальгар на атлантическом побережье английской эскадрой адмирала Г. Нельсона был уничтожен франко-испанский флот. Эта победа на многие годы обеспечила господство Англии на морях и окончательно похоронила идею Наполеона о французском вторжении на британские острова. Теперь не только с географической, но и со стратегической точки зрения Англия становилась неуязвимой для наполеоновских орлов. В какой-то степени для Франции Трафальгар уравновесил Ульм. Но континент лежал у ног французского императора.

Вступление в войну России

Дальнейший путь Великой армии вглубь исконных провинций Австрии преграждали лишь жалкие остатки австрийских войск и подошедшая армия М. И. Кутузова. Это была не единственная армия, которую обязалась выставить Россия. Кроме того, что в Померанию для совместных действий со шведами в Ганновере был направлен отряд генерала П. А. Толстого (16 тыс. чел.), а на Ионические острова и в Неаполь десантный отряд генерала Р. К. Анрепа (25 тыс. чел.), у Бреста находилась армия генерала Ф. Ф. Буксгевдена (30 тыс. чел.) и корпус генерала И. Н. Эссена (50 тыс. чел.), а в районе Гродно корпус Л. Л. Беннигсена (48 тыс. чел.). Эти последние войска были собраны на прусской границе для того, чтобы заставить Пруссию демонстрацией силы примкнуть к коалиции. Не исключался и вариант

---

¹ Цит. по кн.: *Кастело А.* Наполеон. М., 2004. С. 36.

заставить ее это сделать силой оружия — этот сценарий развития событий серьезно обсуждался¹. Сохранился разработанный план 1805 г. на случай военных действий против Пруссии, где были расписаны маршруты движения по немецкой территории трех войсковых колонн при поддержке действия флота, а также выполнении инструкций самого императора². За это втайне ратовал и руководитель российской внешней политики А. Чарторыйский, поскольку значительная часть Польши тогда входила в состав Прусского королевства. Он надеялся, что война с пруссаками станет началом возрождения польской государственности под скипетром Александра I³. Первоначально Пруссия, стараясь выторговать у Наполеона за свой нейтралитет новые территориальные приобретения, категорически отказалась пропускать русские войска через свои границы для прохода в Австрию. Но быстро изменяющаяся обстановка внезапно приобрела совершенно другой поворот.

3 октября 1805 г. во время движения французских войск к Дунаю французские части пересекли прусский анклав Анспах и тем самым нарушили нейтралитет Пруссии. Наполеон посчитал, что может себе позволить такое, а пруссаки не будут в обиде. Но этот инцидент произвел неприятное впечатление на прусский двор, армию и общество. Естественно, при наличии антифранцузской партии, это было воспринято как оскорбление. Вслед за этим, согласие на проход русских войск в Австрию было получено. Кроме того, в Пруссию 13 (25) октября прибыл лично Александр I, с королевской четой он был в самых дружеских отношениях⁴. Он смог даже уже после капитуляции

---

¹ См.: *Искюль С. Н.* Внешняя политика Россия и Германские государства (1801–1812). С. 92–94, 102–103.

² *Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки.* СПб., 1901. С. 154–161.

³ Еще в 1804 г. А. Чарторыйским была составлена «Записка об устройстве европейских дел, в случае удачного окончания войны», в ней, в частности, говорилось: «Русский император, приняв титул царя Польского, получает все земли, принадлежавшие Польши до ее первого раздела, включая и так называемое Прусское королевство, таким образом, новая граница России пройдет от Данцига до истоков Вислы и оттуда, вдоль Карпатских гор, до истоков Днестра» (*Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 59).

⁴ В какой-то степени Александр I и Фридрих-Вильгельм III были родственными душами, оба чересчур увлекались мелочами воинской службы. Вот какую характеристику оставил прусскому монарху граф С. Р. Воронцов в 1802 г.: «По несчастью и слабости этот добрый король занимается исключительно своим гвардейским полком и не пропускает ни одного парада и ни

Макка (с другой стороны — победы при Трафальгаре) уговорить прусского короля Фридриха-Вильгельма III подписать 22 октября (3 ноября) конвенцию о совместных действиях против Франции (т. е. о намерении вступить в антинаполеоновскую коалицию)¹. Но этот договор оказался обставлен несколькими оговорками, делавшими его условным. Пруссия должна была выставить заведомо невыполнимые и ультимативные требования Наполеону, а после этого через месяц выступить против Франции и выставить 180 тыс. чел., причем за это в итоге ей пообещали, помимо положенных денег за участие в военных действиях, компенсацию в виде получения Ганновера или Голландии. Прусское корыстолюбие и на этот раз проявилось очень ярко. Причем договор Пруссия так и не выполнила и в коалицию не вступила, даже несмотря на то что этот союз был подкреплен клятвой в вечной дружбе королевской четы и Александра I над гробом Фридриха Великого.

Но вернемся к армии Кутузова, единственной силе, которая могла противостоять Великой армии. По плану первоначальный маршрут армии Кутузова шел от Радзивиллова к г. Браунау на р. Инн (Лемберг, Тарнов, Тешен, Кремс)². Это был длительный марш длиной в 900 верст. Армия была разбита на шесть колонн (из всех родов оружия), передвигаясь на расстоянии одного перехода³. После того как русские полки за 28 дней достигли г. Тешен, пройдя в общей сложности до 700 верст (скорость движения равнялась 23–26 верст в день), австрийский Гофкригсрат решил ускорить их движение, и под это дело были выделены около 2 тыс. подвод. На них была посажена пехота, и армия уже шла форсированным маршем до Браунау (45–60 верст в день). Передовая колонна генерала П. И. Багратиона уже 29 сентября (11 октября) достигла Браунау, а 10 (22) октября вся армия Кутузова подошла туда, на расстояние более 240 верст от Ульма, но ничем помочь австрийцам в Баварии не могла⁴. Да и на следую-

---

одного учения, но тактика настоящая, великая ему недоступна» (см.: Из дневника графини Фосс обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 467).

¹ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. С. 613–621.

² См.: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 3–18.

³ Как показало исследование А. И. Сапожникова, из шести донских казачьих полков, которые решили взять в поход, по настоянию австрийцев оставили только три, а Кутузов лишь по прибытии в Браунау затребовал еще шесть казачьих полков (*Сапожников А. И. Указ. соч. С. 45–47*).

⁴ Первые сведения о неудачах и критическом положении австрийцев Кутузов докладывал Александру I еще 7 (19) октября (М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 97–99).

щий день к Кутузову прибыл виновник Ульмской катастрофы — отпущенный французами генерал Макк¹. Вот как позднее не без сарказма описал это событие А. П. Ермолов: «Узнавши все подробности происшествия, генерал Кутузов, поблагодарил г[енерала] Мака за известие, с ним расстался. Кажется, никому лучше нельзя было поверить в сем случае. Генерал Мак и то заслужил удивление, что скорости путешествия своего предупредил и самую молву. Австрийская армия не имела на сей раз расторопнейшего беглеца»². Стратегическая обстановка резко изменилась. Кутузов, силой обстоятельств, должен был принять на себя командование, включая немногочисленные австрийские войска — всего примерно 55–58 тыс. чел.

Отступление русской армии М. И. Кутузова

С этими небольшими силами русский главнокомандующий оказался в весьма трудном положении. Его войска, не имея никаких резервов, оказались в полосе наступления корпусов Великой армии. Советчиков же у русского полководца было в избытке, некоторые, как русские (в том числе и П. И. Багратион), так и австрийские генералы, предлагали даже начать наступление на Мюнхен³. А австрийский император сразу же потребовал защитить Вену, к этому же сводились и рекомендации Александра I⁴. Вот как сам Кутузов оценивал сложившуюся ситуацию в рапорте Александру I от 10 (22) октября 1805 г.: «Соделавшись теперь, так сказать, единственною защитою для самой Вены, если вдамся вперед, могу быть отрезан неприятелем, который троекратно сильнее меня, оставаясь здесь, равномерно должно ожидать, что буду атакован, и легко быть может, что принужденным найдусь ретироваться к самой Вене. Я буду соображаться с движениями неприятеля и теми сведениями, какие получу об армии эрцгерцога, чтобы принять решимость о движениях, кои мне нужно будет учинить»⁵. Прибытие австрийских подкреплений из Тироля и Италии было маловероятно и ожидалось не скоро. Кутузову в тех условиях в первую очередь важно было сохранить армию, а затем со-

---

¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 112–113, 115–118.

² Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 35.

³ *Кочетков А. Н.* О так называемом «плане М. И. Кутузова» 1805 г. // Исторический архив. 1956. № 6. С. 153–161; М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 527–528.

⁴ Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов. С. 91; М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 122–123, 125, 130–131, 144–146.

⁵ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. С. 56.

единиться с шедшими из России войсками Буксгевдена. С фронта же надвигался грозный и имевший, по крайней мере, трехкратное превосходство сил, противник. Кутузов резонно решил отступить. Отход русских войск в направлении г. Линца после уничтожения мостов на р. Инн начался 13 (25) октября¹. На военном совете в г. Вельсе с участием австрийского императора русский главнокомандующий предложил «не упорствовать в удержании Вены, отдать ее французам, только действуя неторопливо»². Кроме того, Кутузова очень беспокоило отсутствие сведений о движении армии генерала Ф. Ф. Буксгевдена. В одном из писем А. Чарторыйскому он прямо спрашивал, не задержана ли она по каким-либо дипломатическим соображениям, и объяснял свою просьбу: «Положение, в котором я нахожусь сейчас, особенно настоятельно требует, чтобы я знал, находится ли эта армия позади меня или нет, чтобы согласно этому я мог принять свои решения»³.

Наполеон же, видя перед собой войска нового противника, решил навязать свою стратегию. В первую очередь он ставил цель не допустить соединения русских войск и разбить их по частям. Для этого он решил двигаться на Вену. Он надеялся, что для ее защиты Кутузов вынужден будет втянуться в сражение или позволит окружить свои войска — в итоге потерпит поражение и повторит участь Макка. Обеспечив тыл и свой фланг против Тироля, Наполеон основные силы французов бросил против Кутузова. Кроме того, был образован 8-й корпус из четырех дивизий под командованием маршала А. Э. К. Ж. Мортье. Он должен был действовать на северном берегу Дуная и угрожать коммуникациям Кутузова. Для содействия Мортье создавалась флотилия на Дунае.

---

¹ Как ни странно, но после того как русские войска покинули г. Браунау, австрийские власти не удосужились уничтожить хранившиеся там огромные запасы продовольствия, боеприпасов, ружей и даже крепостную артиллерию из 45 пушек. Все это досталось французам (см.: *Correspondance de Napoléon I-er*. Т. 11. Р. 367.). По окончании кампании генерал-адъютант князь П. П. Долгоруков писал: «С момента вступления наших войск в Баварию были сделаны все, какие можно было только придумать препятствия военным действиям наших войск. Везде мы были лишены необходимейшего, тогда как в распоряжении французов оставались склады, покинутые австрийцами» (М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 292).

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. С. 86.

³ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 121.

Первое боевое столкновение с французами произошло у Ламбаха на р. Траун 19 (31) октября¹. Это был бой русского арьергарда генерала П. И. Багратиона. После этого русские войска продолжили отступление по долине Дуная к Кремсу, а австрийцы генерала М. Мерфельдта после боя у г. Штейер начали отход к Вене. Затем 24 октября (7 ноября) последовало довольно жаркое дело под Амштеттенем, где арьергард П. И. Багратиона, подкрепленный полками генерала М. А. Милорадовича, выдержал бой с французской кавалерией И. Мюрата и гренадерами Н. Ш. Удино². Уже в этот период начались проблемы со снабжением армии, что повлекло за собой появление мародеров, о чем свидетельствуют записки А. П. Ермолова³. У Кутузова была возможность выбрать очень удобную оборонительную позицию у Санкт-Пельтена, для того чтобы защитить Вену (на этом настаивали австрийский и российский императоры и на это рассчитывал Наполеон). Но русский главнокомандующий отказался от этой перспективы. Слишком очевидным, прими он такое решение, было бы окружение русских войск. К тому же он предполагал (что подтвердилось перехваченной у французов корреспонденцией), что австрийцы уже вступили в тайные переговоры с Наполеоном⁴. Кроме того, именно в Санкт-Пельтене Кутузов узнал о движении корпуса Мортье по северному берегу Дуная к Кремсу, тем самым создавалась угроза не только потери сообщения с войсками Буксгевдена, но и окружения его армии. Русские войска от Санкт-Пельтена резко повернули на север и 26–27 октября (9–10 ноября) перешли Дунай. Как позднее, в 1806 г., писал про это сам Кутузов: «Я предвидел, что

---

¹ В своих записках об этом эпизоде А. П. Ермолов оставил следующую запись: «В городе Ламбахе армия остановилась один день, дабы тягостям дать время удалиться. Здесь достиг нас авангард неприятельский, и мы в царствование Александра I в первый раз сразились с французами» (Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 36).

² См. рапорты М. И. Кутузова Александру I об арьергардных сражениях: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 139–140, 146–147. См. также французские документы: *Alombert P. C., Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne*. Т. 4. Р. 507–515. Также см. два письма И. Мюрата к Наполеону, опубликованные Ж. Тюларом (*Тюлар Ж. Мюрат или пробуждение нации*. С. 126–127).

³ «К тому же в продовольствии был ужаснейший недостаток, который дал повод войскам к грабежу и распутствам; вселились беспорядки и обнаружилось неповиновение. От полков множество было отсталых людей, и мы бродягам научились давать название мародеров: это было первое заимствование нами от французов» (Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 38).

⁴ О тайных переговорах австрийцев можно также судить на основании опубликованной переписки Наполеона с Францем II. См.: *Correspondance de Napoléon I-er*. Т. 11. Р. 376–377, 396.

неприятель не упустит напасть на мои коммуникации позади Кремса, занять мост через Дунай и зажать меня между ним и его главной армией, если я не предупрежу его. Эти соображения привели меня к решению, несмотря на все настояния (австрийцев. — *В. Б.*), покинуть через два дня позицию в Сен-Пельтене и маршировать на Кремс»¹. Теперь Дунай стал преградой, отделявшей русских от французов. Кутузов, уничтожив мосты, благополучно выскользнул из подготовленной ему мышеловки. В целом русское отступление в очень сложных условиях можно назвать образцовым, и Кутузов показал себя как опытный и очень мудрый полководец, сумевший прекрасно решить трудную стратегическую задачу.

Сражение под Кремсом

Мало того, в результате этого маневра русской армии в тяжелое положение сразу же попал находившийся на северном берегу Дуная корпус Мортье. Кутузов, прекрасно осведомленный от лазутчиков о силах этого корпуса², сразу же отдал приказ атаковать. Командовавший французским авангардом Мюрат, увидев, что армия Кутузова переправилась через Дунай и его отделяла мощная водная преграда, не получив санкции Наполеона, решил совершить бросок на Вену, так его прельщали лавры завоевателя австрийской столицы. События под Кремсом, или как часто их называют в историографии, бой под Дюренштейном 30 октября (11 ноября), в отечественной литературе в основном представлены как безусловная русская победа. Но во французской военно-исторической литературе это сражение также рассматривается как несомненный героизм сводного корпуса Мортье, сражавшегося с превосходящими русскими силами и достойно вышедшего из опасного положения. Только в одной отечественной монографии О. В. Соколова подробно, по источникам описан сам ход военного столкновения и сделаны выводы, с которыми стоит согласиться³.

По диспозиции русской армии на этот день, составленной уроженцем г. Кремса австрийским фельдмаршал-лейтенантом Г. Шмидтом, русские войска должны были с разных направлений атаковать передовую французскую дивизию генерала О. Т. М. Газана (6 тыс. чел.), шедшую по узкой дороге вдоль берега Дуная⁴. Главная

---

¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 351.

² См.: Там же. С. 150.

³ Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. С. 233–248.

⁴ См.: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 152–153.

роль отводилась колонне генерала Д. С. Дохтурова (21 батальон), которая должна была совершить обходной маневр через горы и отрезать путь к отступлению. Причем сам генерал Шмидт «вызвался завести войско в тыл Газановой дивизии»¹. Для обхода через горы у с. Эгельзе с фронта дивизии Газана предназначался Бутырский мушкетерский полк генерала Ф. Б. Штрика. Для основного удара с фронта предполагались войска под командованием генерала М. А. Милорадовича (первоначально всего пять батальонов!). Скорее всего, Кутузов до появления колонны Дохтурова не хотел демонстрировать превосходство в силах. Остальные войска оставались в резерве или прикрывали северное направление. В результате атаки Милорадовича русские сначала продвинулись вперед, а потом были отброшены противником, несмотря на то что им на помощь с фланга успели подойти батальоны Бутырского мушкетерского полка, совершившие обходное движение, а также брошены части резерва.

Колонна Дохтурова в 2 часа утра вышла для обходного движения, но расчеты, что в 7 часов утра она достигнет поставленной цели, не оправдались. Дохтурову предстояло пройти в общей сложности до 10 верст, чтобы выйти французам в тыл. Но движение по узкой горной дороге оказалось очень трудным, марш затянулся, причем пришлось оставить артиллерию и отказаться от прохода кавалерийских частей, как и части пехоты. Лишь к 4 часам дня девять батальонов Дохтурова вышли в долину Дуная и оказались в тылу дивизии Газана, из них только семь батальонов двинулись в направлении Дюренштейна, а два батальона Вятского мушкетерского полка были развернуты в сторону подходившей дивизии генерала П. Дюпона. Но в наступающей темноте Мортье удалось организовать построение полков дивизии Газана в колонну и прорваться в центре войск Дохтурова. Оставшиеся два батальона оказались атакованными дивизией Дюпона (французы даже захватили 50 пленных и два русских знамени), и в ночной темноте французы соединились. Уже позднее на подошедших лодках обе дивизии были перевезены на другой берег Дуная. Французы потеряли убитыми, ранеными и пленными от 3,5 до 5 тыс. чел., пять пушек и даже три орла (знамени)², а в плен по-

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. С. 100–101.

² В литературе постоянно идет путаница по поводу трофейных знамен. Если в русской армии символом чести полка являлось знамя, то в наполеоновской — орел полка (введены в 1804 г.), а полотнище не представляло большой ценности в глазах французов. Кроме того, у французов имелись батальонные и ротные значки (с 1809 г. — фаньоны). В русских же документах,

пал один генерал¹. Но и среди русских войск урон в тот день оказался не мал (2,5 тыс. чел.), а среди погибших был и автор сложного обходного маневра австрийский генерал Шмидт, доверенное лицо австрийского императора.

Особое мнение, диссонирующее с доминирующими оценками в историографии по поводу Кремского сражения, выразил Е. В. Мезенцев. Он привел почти фантастические цифры французских потерь — в совокупности 12 тыс. чел.: «почти 4 тыс. убито и утонуло, более 5 тыс. попало в плен (из них 4 тыс. ранено) плюс еще 3 тыс. раненых, которых французы смогли доставить в свои госпитали». По его мнению, «французские авторы совершенно исказили ход битвы», подсунули «фальшивую версию» о встречном прорыве дивизий Дюпона и Газана, а ее «к сожалению, некритично восприняли и многие российские историки, причем даже такие видные, как Г. А. Леер, А. И. Михайловский-Данилевский и др.» Укажем, что, по мнению очень уважаемых историков, численность всего корпуса Мортье едва превышала 10 тыс. чел. (а одна дивизия практически не принимала участие), поэтому цифры, приведенные Мезенцевым, любому непредвзятому исследователю покажутся фантастическими. Кроме того, им дана крайне любопытная трактовка последствий Кремского сражения: «Ульмская победа Наполеона была теперь как бы перечеркнута, и это вызвало некоторый упадок духа и разочарование у французских солдат», а в международном плане колебавшаяся Пруссия «решилась выступить против Наполеона на стороне России и Австрии»². Нужно полагать, что Пруссия руководствовалась все-таки несколько иными соображениями, да и падение Вены через два дня как раз затмило русскую победу. Разномасштабные события Ульма и Кремса (даже по последствиям) вообще трудно сравнивать, а у историков нет каких-то оснований говорить и о «некотором упадке духа и разочаровании французских солдат» в тот период. «Фальшивую версию» сражения французские авторы не подсовывали, а она базируется на имеющихся французских источниках. К сожалению, Е. В. Мезенцев не провел даже сопоставительного анализа

часто упоминаются захваченные в бою знамена, без всякой расшифровки их принадлежности.

¹ Сохранилось только краткое донесение М. И. Кутузова об этом сражении, впервые опубликованное в 1880 г. Оно было отправлено императору 2 ноября, когда ситуация резко изменилась, поэтому Кутузов писал: «Свидетель бог, что не имею свободной минуты войти в подробное донесение» (Бумаги П. П. Бекетова // Русский архив 1880. Кн. 3. С. 362–363).

² Мезенцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году. С. 129–131.

русских и французских документов, поэтому его версия вряд ли будет принята серьезными историками на веру, так же как его цифры французских потерь. Несмотря на то что в наполеоновской армии военная статистика была поставлена несравненно лучше, чем в русской (мы берем в расчет не наполеоновские бюллетени, а войсковую документацию), подсчет же велся автором на основе мнений русских военачальников и мемуаристов (а также таких авторов, как О. Михайлов и Л. Н. Пунин). Поэтому говорить о достоверности и объективности цифр Мезенцева — не приходится.

Необходимо согласится, что с тактической точки зрения русской стороной бой был организован крайне неудачно, а ход сражения свидетельствовал, что французские генералы очень умело использовали особенности местности, создавали численный перевес (в целом имея намного меньше войск) на главных участках боя, проявляли большую инициативу. Несмотря на свойственную русским солдатам отвагу, результаты боя нельзя признать вполне удовлетворительными. Русское командование в минимальной степени смогло использовать открывавшийся шанс для полного разгрома отдельного французского корпуса, что и дало возможность противнику уйти от полного поражения. Бесспорно, русские генералы и сам Кутузов в рапортах представляли Кремскую баталию как победу, и это действительно можно назвать успехом. Австрийский император, войска которого терпели одно поражение за другим, на радостях тут же наградил Кутузова орденом Марии-Терезии 1-го класса¹. Но достигнутые половинчатые результаты могли быть и более внушительными, и добытыми не столь внушительными потерями.

Наполеон же в очередной раз доказал себя мастером быстрых импровизаций. Чтобы не дать возможности армии Кутузова для необходимого отдыха, в мозгу французского полководца созрел новый план. Сделав суровый упрек Мюрату², он тут же приказал ему во что

---

¹ См.: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 1158–159. До этого из русских данный орден имели только А. В. Суворов и великий князь Константин.

² Наполеон написал И. Мюрату, сравнив его с «вертопрахом»: «Русские вместо того, чтобы прикрывать Вену, переправились через Дунай у Кремса. Это чрезвычайное обстоятельство должно было бы вас навести на мысль, что следует подождать новых указаний: дело несомненно стоило того. Не зная ни планов противника, ни моих намерений при изменившемся положении вещей, вы заставляете мою армию продолжать двигаться к Вене. Между тем вы получили приказ, переданный генералом Бертье: преследовать русских, держа нож у их горла. Странная манера преследовать — удаляться от них ускоренным маршем... вы заставили меня потерять двое суток, ибо вами руково-

бы то ни стало захватить австрийскую столицу, избежав разрушения мостов¹. 1 (13) ноября, находясь под стенами Вены, шурина Наполеона хитростью и без единого выстрела овладел австрийской столицей, а главное – в целостности заминированными Таборским и Шпицким мостами через Дунай. А все благодаря уловке и неразберихе о якобы начавшихся мирных переговорах, которые на самом деле тайно продолжались. В результате в руки французов попало значительное количество боеприпасов, оружия и продовольствия, приготовленное для австрийской армии.

За полтора месяца Великая армия, форсировав Рейн и Дунай, вклинилась между австрийцами в Баварии и русскими, пришедшими к р. Инн, одних окружила, других оттеснила ниже по Дунаю, заняла Тироль, затем Венецию, вытеснила войска двух австрийских эрцгерцогов из Италии, заставив их уйти в Венгрию. 20 дней французам понадобилось на поход с берегов Атлантики до Рейна, примерно 40 дней – от Рейна до Вены. Причем Наполеон вынужден был рассредоточить свои корпуса, что было достаточно опасно из-за возможности контрударов противника. Но импульс этим корпусам давала действовавшая в центре могучая группировка под личным командованием французского полководца. Именно эта группировка корпусов проводила основные операции или угрожала главным скоплениям противника. Происходившие события на флангах, даже в случае неудачи, можно было поправить и скорректировать, и таким образом рассредоточение корпусов на большом пространстве превращалось в умелое распределение сил для решения поставленных задач. Бескровное занятие столицы Габсбургов открывало перед Наполеоном широкие перспективы, он получил возможность беспрепятственно нанести удар во фланг и тыл немногочисленной русской армии. И через Вену уже 2 (14) ноября во фланг русской армии устремились французские корпуса маршалов Мюрата, Сульта и Ланна.

В очередной раз деморализованный союзник России оказался не на высоте положения, или, по словам Кутузова, это был «случай, которого нельзя было ожидать»². Вновь австрийцы поставили русскую армию в тяжелейшее положение. Кутузов теперь должен был думать, как избежать окружения и полного поражения. Очень быстро узнав о взятии важнейших стратегических мостов через Дунай у Вены, рус-

---

дило лишь мелочное тщеславие, забота о том, как первому войти в Вену» (Correspondance de Napoléon I-er. Т. 11. Р. 392–393; *Тюлар Ж.* Мюрат или пробуждение нации. С. 129–130).

¹ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 11. Р. 395.

² М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 531.

ский главнокомандующий тотчас направил свои войска по дороге на Цнайм, оставив, по обычаю того времени, всех тяжелораненых на великодушие французов¹. Он решил не отступать прямо в Богемию, а идти на соединение с подходившим из России корпусом Буксгевдена². В качестве же бокового заслона на пересечении путей из Цнайма и из Вены по проселочным дорогам был направлен отряд Багратиона (силой в 6 тыс. чел.) в качестве флангового арьергарда с задачей любой ценой задержать здесь противника и дать возможность главным силам уйти из-под возможного удара. 2 (14) ноября Кутузов прямо писал российскому императору: «Я не скрываю от себя, что на сем марше могу потерять, может быть, до тысячи человек, но спасти должно целое, буде возможно будет»³. 3 (15) ноября арьергард Багратиона после ночного перехода вышел к Голлабруну и позади него занял оборонительную позицию за деревней Шенграбен. В 10 верстах от этой деревни находилась дорога на Цнайм, по которой двигались основные силы русской армии.

Тайны Шенграбена

Багратиону было важно выиграть время, даже пожертвовав своим отрядом. Тем более что австрийские части генерала И. Ностица (один гусарский полк и два батальона пехоты), приданные отряду Багратиона и находившиеся впереди в боевом охранении, после встречи с наполеоновскими частями снялись с позиций и беспрепятственно ушли на север, поверив французам, что между их государ-

---

¹ Бумаги П. П. Бекетова // Русский архив 1880. Кн. 3. С. 363. А. П. Ермолов вспоминал в своих записках: «Мы отступили из Кремса. Не имея средств увести раненых, мы оставили их, и один из офицеров с письмом ожидал неприятельского начальника, великодушию которого они поручались» (Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 47).

² Приведем мнение Л. Л. Беннигсена о ситуации, сложившейся после сражения при Кремсе. Этот генерал в то время находился в Варшаве и оттуда, правда, с временным опозданием следующим образом оценивал обстановку в письме А. М. Римскому-Корсакову от 15 ноября 1805 г.: «Я еще не представляю себе ясно, каким образом Кутузов соединится с Буксгевденом, который только 2-го числа этого месяца миновал Тропау. Взгляните немножко на карту, чтобы уяснить себе положение этих двух генералов при условии прибытия французов к Никольсбургу» (Из архива А. М. Римского-Корсакова // Русская старина. 1898. № 6. С. 121).

³ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. С. 121.

ствами уже заключен мир¹. После небольшого боестолкновения появились парламентары, причем каждая из сторон их присылку приписывала своему противнику. Но в результате переговоров было заключено перемирие между русским генерал-адъютантом Ф. Ф. Винцингероде и командующим французским авангардом И. Мюратом².

Отечественные авторы упоминают об этом как о простом перемирии, лишь один О. В. Соколов утверждает, что Винцингероде предложил капитуляцию русских войск, именно поэтому у Мюрата «от торжества тщеславия атрофировался разум», а на простое перемирие он бы не согласился, и в этом необычайном документе состоит «тайна» Шенграбена³. Вывод сделан на основании заголовка данного документа по копии на французском языке, хранящейся в архиве исторической службы французской армии. Возможно, в тогдашнем французском языке термин «капитуляция» трактовался достаточно вольно и имел более широкий смысл, но в русском языке это слово однозначно переводилось как прекращение вооруженного сопротивления, сдача крепостных сооружений и оружия противнику или пленение. Не могу точно утверждать, почему у Мюрата «атрофировался разум». Но любого русского военачальника, представлявшего армию, еще не проигравшую на тот момент ни одного сражения, предложи он такое противнику, французы сочли бы за ненормального человека. Максимум, о чем мог вести переговоры Винцингероде, — это о прекращении боевых действий и свободном уходе русских войск за границу. В противном случае ему бы не поверил легкомысленный Мюрат, даже при наличии у него всем известного тщеславия. Да и Кутузов прямо писал по горячим следам императору 3 (15) ноября: «Я послал Винценгерода и князя Долгорукова, генерал-адъютантов, с ним переговаривать, чтобы чрез несколько дней перемирия хотя мало выиграть время, поручив им и кондиции, ежели возможные и нас ни к чему не привязывающие, поставить...»⁴ Скорее всего, шурин Наполеона сам попался на удочку, подобную той, которую он сотво-

---

¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 160–161. Генерал-адъютант князь П. П. Долгоруков писал впоследствии: «Уход австрийского корпуса под командованием графа Ностица поставил русскую армию у Шенграбена в самое опасное положение, какое можно только представить и из которого удалось выйти лишь благодаря беспримерной доблести русских войск» (М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 292).

² См. текст заключенного перемирия: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 173.

³ Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. С. 264–265.

⁴ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 161.

рил с австрийцами при взятии Вены. Но, по мнению Соколова, коварные русские обманули Мюрата, заявив о капитуляции, причем на полном серьезе им сравнивается «болтовня, которой французы ввели в заблуждение австрийских генералов», с официально подписанной капитуляцией. Поэтому, мол, русские ее поскорее постарались забыть¹.

Во-первых, не стоит представлять многоопытного человека и маршала Франции этаким «недоумком». Если бы он являлся таковым, то вряд ли стал королем и маршалом. Потом куда смотрел Наполеон, назначая своим заместителем такого «простачка»? Во-вторых, самое главное, не русские расторгли перемирие, а французы, и тогда даже с юридической точки зрения их вины здесь нет никакой, и поведение русского командования в этом случае даже нельзя сравнивать с откровенным обманом французскими маршалами австрийцев у стен Вены. Мюрата никто не зомбировал, он в здравом уме принимал решение о перемирии. Если это был промах, то допустили его французы, а русские тут ни при чем — на войне легче всего списывать ошибки на коварство и хитрость противника. Другое дело, Наполеон считал, что русские провели его шурина, как тот австрийцев незадолго до этого. Как пишут все авторы, он оказался взбешен поступком своего подчиненного и тут же отправил категорическое приказание о немедленной атаке русских. Но факт остается фактом — при подавляющем преимуществе французский авангард (примерно до 30 тыс. чел.) с 3 по 4 (15 по 16) ноября неподвижно простоял против отряда Багратиона (6 тыс. чел.). За это время армия Кутузова 4 (16) ноября прошла Цнайм, а утром 5 (17) ноября достигла Погорлица, после чего главнокомандующий уже мог вздохнуть спокойно. Дорога к соединению с войсками Буксгевдена оказалась свободной, кризис был преодолен, а французские корпуса потеряли время и возможность отрезать путь отступления или нанести фланговый удар на марше русских полков.

Наполеон сразу же понял уловку Кутузова и устроил разнос Мюрату, которому тут же написал: «Не могу подыскать выражений, чтобы выразить вам свое неудовольствие. Вы начальствуете только моим авангардом и не имеете права заключать перемирия без моего приказанья. Немедленно уничтожьте перемирие и атакуйте противника»². Мюрат, получивший после полудня приказ Наполеона,

---

¹ С разбором и критикой этих соображений О. В. Соколова выступили Е. В. Анисимов и А. И. Сапожников (см.: *Сапожников А. И.* Указ. соч. С. 52–55; *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 155–158).

² Обзор кампании 1805 года в Германии и Италии. СПб., 1889. С. 177. Полный текст этого письма привел в своем труде Ж. Тюлар (*Тюлар Ж.* Мюрат или пробуждение нации. С. 135).

уведомил русских о разрыве перемирия и постарался срочно исправить положение. В 4 часа дня французы пошли в атаку. После чего французские части попытались обойти русскую позицию с флангов, и Багратион начал медленное отступление к Цнайму. Французы упорно преследовали русский арьергард шесть верст, но невольным союзником Багратиона стала наступающая темнота, хотя русским полкам часто приходилось штыками прокладывать себе дорогу. Бой продолжался до 11 часов вечера, после чего русский арьергард оторвался от преследователей. Отряд Багратиона понес большие потери — свыше 2,5 тыс. убитыми, ранеными и попавшими в плен, потерял при отступлении восемь орудий, но с честью выполнил возложенную на него задачу¹.

Армия Кутузова уже 7 (19) ноября у Вишау соединилась с подошедшими колоннами Буксгевдена. Отступление русских войск от Браунау в условиях численного превосходящего и опытного противника было проведено Кутузовым мастерски, и, без всякого сомнения, делает ему честь. Участники этого похода в своих воспоминаниях отдавали дань справедливости Кутузову. «Сия ретирата по справедливости поставляется в числе знаменитых военных событий нынешнего времени»², — считал А. П. Ермолов. А И. Бутовский, откровенно восхищаясь стратегией Кутузова, писал: «Подлинно наше отступление похоже на волшебство: на пространстве четырехсот верст от Браунау до Ольмюца Кутузов как будто дразнил завоевателя; то выжидал его, то избегал, то сам задира и ускользал, как некое привидение»³.

Ситуация, сложившаяся на момент соединения русских сил, казалась в целом благоприятной для сил коалиции. Наполеон в начале кампании 1805 г. проявил себя, бесспорно, как мастер маневра, но не смог поймать в свои сети Кутузова. В то же время французские войска, оторванные от своих тылов, проделав за короткий отрезок времени такой большой путь, нуждались в отдыхе. Кроме того, Наполеона, безусловно, заботила слишком длинная коммуникационная линия, в силу чего он вынужден был выделить значительное количество войск для ее охраны и страховки флангов. Непосредственно против войск Кутузова, у которого под знаменами оказалось свыше 80 тыс. чел. (из них 15 тыс. австрийцев), у Наполеона на-

---

¹ См. рапорты П. И. Багратиона и М. И. Кутузова о сражении: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 164–165, 170–172.

² Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 50.

³ *Бутовский И.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и в начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I с Наполеоном. СПб., 1858. С. 69.

ходилось в строю всего лишь 55 тыс. чел. Несколько изменилось и положение в Северной Германии, где французы занимали в Ганновере города Гаммельн и Минден. На помощь шведским войскам и русскому корпусу генерала П. А. Толстого Великобритания после победы под Трафальгаром готовилась отправить десант в устье Эльбы под командованием генерала У. Каткарта (24 тыс. чел.). Численность сил коалиции в этом регионе достигла бы свыше 50 тыс. чел., и они реально бы могли угрожать не только Ганноверу, но и Голландии¹. Учитывая армию Пруссии, которая могла двинуть часть сил в Германию, а другую направить на помощь союзникам в Австрии, перспектива для Наполеона вырисовывалась не слишком радужная. Не могло не вызывать тревоги у французского императора и положение дел в Италии. В Неаполь, после того как французские войска генерала Л. Гувьон Сен-Сира ушли на север воевать с австрийцами, прибыла эскадра союзников и был высажен англо-русский десант (около 20 тыс. чел.). В Северной Италии, первоначально были сосредоточены главные австрийские силы под командованием эрцгерцога Карла. В начале войны австрийцы действовали достаточно пассивно и фактически уступили инициативу маршалу А. Массена. После сражения при Кальдьеро 29 октября, где французов все-таки удалось остановить, эрцгерцог Карл, узнав об Ульмской катастрофе, принял решение идти спасать «наследственные провинции». Оставив сильный гарнизон в Венеции и надеясь тем самым сковать Массену, он начал отступление из Италии, и вскоре ему повезло оторваться от французов. Это создавало реальную опасность всему правому флангу Великой армии и угрожало захватом Вены. До австрийской столицы оставалось войскам Карла пройти 200 верст.

Несмотря на победы Великой армии и захват огромной территории, силы коалиции еще не были окончательно подорваны. Их положение в этот момент нельзя было назвать критическим, скорее наоборот, учитывая общий численный перевес. При целенаправленной деятельности союзников на всех участках борьбы к достижению единой поставленной цели их усилия могли принести успех.

Перед Аустерлицем

Соединенные войска Кутузова продолжили отступление и расположились в позиции у г. Ольшаны. «Между соединившимися армиями, — как писал А. П. Ермолов, — была чрезвычайная разность.

---

¹ См.: *Олейников Д.* Бенкендорф. М., 2009. С. 66–69.

Пришедшая из России была совершенно сбережена и в наилучшем устройстве. Наша, напротив, потерпела от продолжительных трудов, изнемогла от недостатка продовольствия, от ненастного времени, глубокой осени. Одежда войск истреблена была на бивуаках, обуви почти вовсе не было. Самые чиновники были в различных и даже смешных одеждах»¹.

Русский главнокомандующий был не прочь по возможности продлить кампанию, выжидание на тот момент было самым предпочтительным и рациональным способом действий. На подходе находились корпус генерала И. Н. Эссена и корпус Л. Л. Беннигсена. А в идеале лучше всего было дожидаться вступления Пруссии в войну и прибытия армии эрцгерцога Карла. Противник был серьезный, которым нельзя пренебрегать. Вероятно, он, не будь при нем монарших особ, продолжил бы далее отступление, поскольку хорошо понимал, что такой оборот событий не очень понравится Наполеону.

Французский полководец также в полной мере почувствовал утомление своих войск и дал им кратковременный отдых. Потом впервые за всю кампанию Великая армия уступала в численности войскам противника. Одновременно он занялся устройством новой коммуникационной линии от г. Брюнна на Иглау и далее через Богемию на Рейн (хотя полностью сохранялись и коммуникации с Веной). Фактор времени подстегивал Наполеона, все рассчитав, он надеялся не дать сконцентрировать силы союзников, расправиться со своими противниками поодиночке, в первую очередь с русской армией. Как обоснованно считал Г. А. Леер, «из оценки положения Наполеона на всем театре вообще и на главном в частности ...наиболее всего желательна была для него оборона»².

Кутузов, несмотря на то что к нему 13 (25) ноября подошла русская гвардия и силы его возросли, предложил остаться на ольшанской позиции, или начать отступление к Карпатам, в случае наступления Наполеона. В русском лагере делались и другие предложения в подобном роде. Генерал П. К. Сухтелен высказывался за начало движения в Венгрию на соединение с эрцгерцогом Карлом и формировавшимся венгерским ополчением, а генерал А. Ф. Ланжерон ратовал за движение в Богемию на соединение с корпусом эрцгерцога Фердинанда, а также подходившими русскими корпусами из Силезии, что должно было ускорить вступление Пруссии в войну против Наполеона. Против последнего предложения выступали ав-

---

¹ Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 50.

² Леер. Г. А. Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года. С. 4.

стрийцы, так как опасались восстания поляков в Галиции, оставленной без прикрытия и без войск¹.

При любом раскладе предложенные варианты имели под собой реальные основания, но предпочтение было отдано мнению молодых генерал-адъютантов, рвавшихся в бой и выступавших за наступление². Над Кутузовым уже стояли два монарха — австрийский, жаждавший вернуть захваченное Наполеоном, и молодой царь, первый из русских императоров после Петра I, самолично прибывший на театр военных действий. Собственно, поводом для различных предложений послужил чувствительный недостаток продовольствия из-за нераспорядительности австрийцев³. Голод породил многочисленные факты мародерства, наблюдался грабеж деревень, от чего в первую очередь страдало местное население, а привыкшие к порядку австрийские гражданские власти проявляли откровенное неудовольствие⁴. Но явившийся за военной славой Александр I не хотел ждать, его активно поддерживали австрийцы и молодые генерал-адъютанты, а

---

¹ Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 г. // Военный сборник. 1900. № 9. С. 16. А. П. Ермолов на страницах своих записок представил различные версии позиций командного состава, а в конце подытожил: «По малому значению, или лучше сказать, по совершенному назначению моему в армии, не мог я знать точных намерений начальства; но общая молва была, что государь не согласен с мнением генерала Кутузова и склонился на предложение австрийцев» (Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 52–53).

² По мнению адмирала А. С. Шишкова, «возгоревшаяся с Францией война воспламеняла всех молодых людей гордостью и самонадеянием. Поскакали все, и сам государь, на поле сражения: боялись, что французы не дождутся их и уйдут, но, по несчастю, они не ушли и доказали им, что в подобных случаях лучше терпеливая опытность, нежели неопытная опрометчивость» (Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 95).

³ Генерал-адъютант князь П. П. Долгоруков писал впоследствии: «В этом состоянии армия оставалась очень долго парализованной, не двигаясь с места под предлогом, что нет никаких способов для ее снабжения, тогда как французская армия в той же стране существовала великолепно, без всяких лишений, не имея никаких магазинов... Наконец, увидели себя перед альтернативой: или умереть от голода из-за отсутствия продовольствия или маршировать, чтоб атаковать французов, что и привело к сражению от 20 [ноября]» (М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 292).

⁴ А. Чарторыйский в письме к посланнику в Берлине М. М. Алопеусу прямо писал «о решении, принятом... е. и. вел-вом, двигаться вперед, чтобы снова перейти в наступление. Выполнение этого решения стало тем более неотложным, что полное отсутствие продовольствия и фуража в окрестностях Оломоуца делало абсолютно невозможным дальнейшее пребывание русской

также ряд высших генералов, в числе их был великий князь Константин, П. И. Багратион¹. Императорская свита создала в Главной квартире атмосферу наступательного духа. Русская армия была обречена на самое наихудшее командование — командование двора. Кутузову ничего не оставалось делать, как подчиниться. Он был не только опытным полководцем, но и гибким царедворцем, только что недавно находившимся в полуопале и свыше трех лет руководившим не войсками, а запутанным в долгах хозяйством в своих имениях. На тот момент у полководца не было «кредита доверия» при дворе, да и настаивать на своем у него не хватило гражданской смелости. Но момент этот стоит зафиксировать особо — Кутузов потерял фактическую власть над армией.

На первую позицию вышел Александр I и его советники, особенно генерал-квартирмейстер австриец Ф. Вейротер, о котором очень высокого мнения были оба императора². Он даже в австрийской армии заслужил не вполне лестную репутацию типичного выскочки. Вейротер смог найти влиятельных союзников в царском окружении и убедить Александра I, что у него есть потрясающий план, с помощью которого Наполеон потерпит поражение. Суть его состояла в большом маневре в обход Великой армии с целью отрезать ее от венской дороги, прижать к Силезии, лишить коммуникационных линий, а затем окончательно разгромить. Эти идеи оказались весьма соблазнительными для союзных монархов. Конечно, против партии «наступления» выступали не только русские генералы, но и часть австрийского генералитета. Правда, все было напрасно, мнение молодого русского императора являлось решающим³. В результате

армии в этом районе» (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. С. 646).

¹ См. : Анисимов Е. Указ. соч. С. 167.

² А. Чарторыйский в своих мемуарах вспоминал, что по пути российского императора в Австрию «полковник Вейротер, назначенный начальником генерального штаба, провел с нами некоторое время в Пулавах и сумел приобрести большое влияние на образ мыслей Александра» (*Чарторыйский А. Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I*. Т. 1. С. 358).

³ После Аустерлицкого сражения шведский посол в Петербурге граф К. Л. Б. Х. Стединк считал, что в проигрыше битвы нет вины Кутузова, а в этом виноват император, его брат великий князь Константин и молодые генерал-адъютанты, ратовавшие за сомнительные планы (*Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk*. Т. III. Paris, 1847. P. 310).

12 (24) ноября военный совет в Ольмюце постановил наступать¹, и 15 (27) ноября армия двинулась в направлении на Брюнн².

Этого как раз и ожидал французский император, надевшийся в решительном столкновении поставить победную точку в кампании, рассчитывая в первую очередь на ошибки противника. Мало того, он искусственно имитировал слабость собственных сил. Причем сделал вид, что вынужден отступить, провоцируя наступление союзников. 16 (28) ноября под Вишау русский авангард сходу атаковал слабую французскую гусарскую бригаду генерала А. Ф. Ш. Трейяра (выполняла роль приманки) и выбила ее из города. По словам командующего авангардом князя Багратиона, «везде настигаемый неприятель превращался в бегство и был истреблен при сем преследовании»³. Причем было захвачено более сотни пленных. Сам российский император присутствовал при бое, а после решил объехать поле сражения, впервые увидев тела убитых во время боевых действий. Этот легкий успех под Вишау окончательно вскружил молодые головы в царском окружении, после чего курс на генеральное сражение стал окончательным⁴.

Масла в этот наступательный порыв подлили две поездки посланца французского императора генерала Р. Савари в главную квартиру союзной армии (с предложением о перемирии и личной встрече Наполеона с Александром I). Наполеону было важно выиграть время — ему нужно было три дня для сосредоточения войск. Появление Савари и высказанные им предложения (заклучить перемирие хотя бы на 24 часа) восприняли как боязнь и неуверенность Наполеона в своих силах. Российский император в ответ также направил к Наполеону своего генерал-адъютанта князя П. П. Долгорукого, который считался лидером «русской партии» в военных кругах и одним

---

¹ И. Бутовский в своих воспоминаниях написал о совете в Ольмюце: «В военном совете почти все изъявили желание — обратиться на неприятеля. Кутузов был противного мнения: он объявил, что затрагивать Наполеона еще рано и предложил отступать.» (*Бутовский И.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и в начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I с Наполеоном. С. 37).

² М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 199, 203–207; Документы штаба М. И. Кутузова: 1805–1806. С. 196–198, 201–207.

³ Документы штаба М. И. Кутузова: 1805–1806. С. 213.

⁴ Как считал Г. А. Леер, отступление французов от Вишау было «результатом не только малочисленности французского отряда, но и прежде всего делом глубокого расчета со стороны Наполеона» (*Леер Г. А.* Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года. С. 14).

из главных сторонников наступления¹. Это знаменитая встреча в том или ином виде описана почти всеми историками, как достоверный «анекдот». И на самом деле Долгорукий вел себя настолько надменно и вызывающе по отношению к «маленькому человечку, очень грязному и чрезвычайно смешно одетому» (в котором не сразу признал французского императора) и выдвинул такие требования, что прикинувшийся смиренной «овечкой» Наполеон, позднее вспоминая о беседе с этим «ветреником» и «шалопаем», рассказывал с улыбкой, что русский посланец «говорил с ним, как с боярином, с которого сейчас снимут шубу и сошлют в Сибирь». Откровенное притворство, показной страх и колебание также были восприняты как свидетельство безнадёжной ситуации французской армии. Долгорукий доложил, что Наполеон боится русских и «довольно нашего авангарда, чтобы его разбить»; «наш успех несомненный»; «стоит только идти вперед, и неприятель отступит, как отступили они от Вишау»².

Самое парадоксальное, что после событий под Вишау прямого наступления на французов не последовало. Случись такое, это наверно стало бы благом для союзников. Но 17 (29) ноября русско-австрийская армия вместо того чтобы прямо двинуться и атаковать неприятеля (до него оставалось 20 верст, т. е. один переход), свернула с большой дороги на Ольмюц и двинулась влево в обход Брюнна с целью отрезать французов от коммуникационной линии на Вену³. И целых три дня продвигалась, утопая в грязи, без продовольствия, проделав не более 40 верст по дурным проселочным дорогам, но кое-как вышла к Аустерлицу. Эти невероятные и путанные маршруты для колонн и распоряжения для маршей были составлены австрийцем Вейротером. При этом, добавим, царила постоянная путаница из-за перетасовки полков из одной колонны в другую, что дало повод русскому командному составу не только для обоснованного недовольства, но и для обвинений в измене австрийского генерал-квартирмейстера. Об этом свидетельствуют многие русские мемуаристы⁴.

---

¹ О миссиях Р. Савари и князя П. П. Долгорукова см.: *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. С. 470–472; *Driault E.* Austerlitz. La fin du Saint Empire (1804–1806). P. 265–267.

² *Николай Михайлович, вел. кн.* Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. С. 17. Разговор Долгорукова с Наполеоном приведен в кн.: *Соловьёв С.* Указ. соч. С. 92–94.

³ См. диспозицию наступления союзных армий 15 ноября 1805 г. (М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 203–207).

⁴ Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 53.

Присутствовавший при этих маневрах противник «наступления» А. Чарторыйский вспоминал, что за нашими передвижениями внимательно следили неприятельские офицеры¹. Можно также только согласиться с мнением Г. А. Леера, что, достигнув Аустерлица, «армия союзников вовсе не обошла правого фланга Наполеона, а только сосредоточила главную массу войск против этого фланга. Цели же обхода последнего предполагалось достичь в день сражения»².

Эти три потерянных дня дали возможность Наполеону хорошо подготовиться и подтянуть к Брюнну два корпуса (более 20 тыс. чел.), приказав их командирам Даву и Бернадотту, не теряя времени, идти форсированным маршем на соединение к главным силам. Причем дивизии Даву прибыли из-под Вены только-только к началу сражения. В результате численность французских войск увеличилась до 75 тыс. чел., армия же Кутузова лишь незначительно превосходила эти силы, насчитывая до 85 тыс.

Стоит отметить, что каждый из противников был уверен в грядущей победе. Вообще в литературе бытует мнение, что Наполеон еще задолго до генеральной баталии заблаговременно подобрал для нее место, а заодно с этим разработал план, ставший затем после реализации образцовым и классическим для всех наполеоновских сражений. В данном случае стоит усомниться в подобной прозорливости, тем более что французский полководец известен в первую очередь как мастер мгновенных импровизаций, умевший лишь по действиям противной стороны предугадывать обстановку и быстро комбинировать на полях сражений. Да и вряд ли он мог предвидеть, что все сложится так, как произошло на самом деле, и на том самом месте, поскольку положение сторон постоянно изменялось.

Умение добиваться военного успеха напрямую было связано с искусством почти мгновенного расчета³. Наполеон, безусловно, рассчитывал возможные ходы и почти молниеносно реагировал на все действия своего противника, а вот противник допустил ряд явных оплошностей и грубых ошибок. Хотя возможно, что французский полководец задолго наметил удобную для него позицию под Аустерлицем, но окончательно выбрал место генерального сражения все же случай или стечение обстоятельств. Как свидетельствуют ис-

---

¹ *Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 360.

² *Леер.* Записки стратегии. СПб., 1877. С. 93.

³ Как писал в апреле 1806 г. А. Чарторыйский Александру I: «В Европе один только Бонапарт знает цену времени, и этого достаточно, чтобы успех всегда был на его стороне» (*Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 102).

точники, приведенные в монографии О. В. Соколова, Наполеон по генеральной диспозиции, подписанной им вечером 19 ноября (1 декабря) 1805 г., т. е. буквально накануне сражения, намеревался нанести главный удар не в центре (как имело место), а по северному флангу войск Кутузова, и соответственно этому были сконцентрированы его силы¹. Он сознательно отдал союзникам Праценское плато (доминирующую над всей равниной возвышенность в центре позиции) и первоначально решил, по-видимому, нанести удар в направлении правого фланга противника, чтобы сбить его с дороги Брюнн — Ольмоц, разорвать коммуникации и затем попытаться окружить его войска в районе Праценской высоты или же заставить отступить в любом направлении. Лишь передвижения русских войск ночью 20 ноября (2 декабря) заставили Наполеона устными распоряжениями изменить дислокацию своих войск и направить на свой правый фланг часть сил для противодействия русским.

Замысел же союзников являл полную противоположность наполеоновскому. Об этом можно судить по диспозиции, разработанной Вейротером и утвержденной Александром I. Вейротер исходил из того, что французы, имея в строю всего 40–50 тыс. чел., будут оставаться абсолютно пассивными и полностью предоставят инициативу союзникам. Поэтому предполагалось, что войска П. И. Багратиона и И. Лихтенштейна на правом фланге скуют силы Наполеона, а основной удар нанесут четыре колонны (55 тыс. чел.) с Праценских высот против левого фланга в районе Кобельниц–Сокольник–Тельниц, а затем эти четыре колонны начнут согласованное движение в северном направлении в район Беллавиц–Шпаниц. Русская гвардия же оставалась в качестве резерва. В диспозиции ничего не говорилось о целях, к которым должна стремиться армия в случае развития успеха, лишь только можно предположить, что войска четырех колонн после выполнения первой задачи совершат десятиверстное обходное движение (конечно, соблюдая при этом равнение на головы колонн), зайдут во фланг неприятельской позиции и перережут Наполеону дорогу на Брюнн (заодно и на Вену), даже в одной из копий содержалась оговорка «о преследовании неприятеля в горы», а при успешном завершении дня Главная квартира должна была расположиться за г. Брюнном². То есть, все-таки предполагалось поражение Великой армии. Парадоксален другой факт — армия Кутузова действовала в центре союзной Австрийской

---

¹ Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. II. С. 22–28.

² См.: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 224–226.

империи, но у командования не имелось каких-либо достоверных сведений о Великой армии¹, а о замыслах противника судил крайне самоуверенный выскочка Вейротер, уже составлявший диспозиции сражений при Арколе и Гогенлиндене, т. е. дел, с треском уже проигранных австрийцами. Факт предательства или злого умысла со стороны Вейротера не находит подтверждения в источниках. Можно лишь с трудом объяснить сложившуюся ситуацию политическими, придворными и карьерными моментами, ведущими свое начало от русского и австрийского дворов.

Вызывает особый интерес, каким образом эта диспозиция была доведена до начальствующего состава союзных войск. Высшие военачальники были собраны непосредственно перед сражением у Кутузова примерно в два часа ночи 20 ноября (2 декабря)². Вейротер зачитал русским генералам (Ф. Ф. Буксгевдену, Д. С. Дохтурову, А. Ф. Ланжерону, М. А. Милорадовичу, И. Я. Пржибышевскому, отсутствовал Багратион) диспозицию по-немецки. Правда, там находились и австрийские генералы. Если же рассматривать русских военачальников, то только Буксгевден являлся прибалтийским немцем, но если верить мемуарам Ланжерона, а это один из немногих источников об этом совещании высшего состава, вряд ли даже он понимал, о чем докладывал Вейротер, остальные тем более, так как для них немецкий язык не являлся родным. Кутузов, задремавший во время чтения, «совсем заснул», а, проснувшись, около трех часов ночи отпустил генералов поспать. После чего диспозиция за ночь была переведена К. Ф. Толем на русский язык, размножена рукописным способом, а роздана русским генералам в ограниченном количестве экземпляров лишь к 6–8 часам утра (по разным источникам) в день сражения. Фактически командный состав не имел времени не только осмыслить, но и ознакомиться с ее основными положениями, ведь начало движения колонн по диспозиции было назначено на 7 часов утра.

---

¹ Как по свежим следам событий писал об обстоятельствах Аустерлицкого сражения А. Чарторыйский, «несмотря на то, что мы находились в дружественной стране, у нас совсем не было осведомителей» (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. С. 647).

² Интересно мнение А. Чарторыйского, который написал следующее: «Если бы генералу Кутузову дали возможность действовать самостоятельно, он не дал бы таких полномочий начальнику своего штаба Вейротеру и сам бы руководил в сражении и вверенной ему армией» (*Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 116).

Излишне говорить о схоластичности этой малопонятной диспозиции, об этом уже не раз писали все историки, касавшиеся сражения. В сущности, это был в лучшем случае план проведения маневров, а не генерального сражения. Но поскольку он был одобрен Александром I, все русские генералы приняли его как данность, которую уже нельзя было оспорить. Лучше других, видимо, это понимал главнокомандующий, который и решил продемонстрировать крепкий сон вместо бесплодных возражений. В этом, по словам Г. А. Леера, «и выразилась, в этом случае, вся оппозиционность плану»¹. Отметим, во время совещания был задан только один вопрос — Ланжероном. Для наглядности и, чтобы не быть голословным, приведу абзац из его воспоминаний, касающийся процедуры этого совещания: «Пришел генерал Вейротер... и прочел нам диспозицию возвышенным тоном и с самодовольным видом, обнаруживавшими внутреннее убеждение в своих заслугах и в нашей бездарности. Он походил на профессора, читающего лекцию молодым школьникам; может быть, мы были действительно школьниками, но зато он был далек от того, чтобы быть профессором. Кутузов, сидевший и наполовину дремавший, когда мы собирались, кончил тем, что перед нашим отъездом совсем заснул. Буксгевден слушал стоя и, наверно, ничего не понимал. Милорадович молчал. Прибышевский держался сзади, и только один Дохтуров внимательно рассматривал карту. Когда Вейротер кончил разглагольствовать, то один только я просил слова. Я сказал: “Ваше превосходительство, все это очень хорошо, но если неприятель откроет наше движение и атакует нас близ Працена, то что мы будем делать? Этот случай не предвиден”. Он лишь отвечал: “...вы знаете дерзость Бонапарта; если бы он мог нас атаковать, он сделал бы это сегодня”. “Значит вы не считаете его сильным?” — “Много, если он имеет 40 000 человек”. “В таком случае он идет к погибели, ожидая атаки с нашей стороны; но я считаю его слишком искусным, чтобы быть столь неосторожным, потому что если, как вы этого хотите и этому верите, мыотрежем его от Вены, то у него останется только путь отступления через горы Богемии. Но я предполагаю у него другую идею: он погасил огни, слышен сильный шум из его лагеря”. — “Это потому, что он отступает или меняет позицию и, даже предполагая, что займет позицию у Тураса, избавляет нас от большого труда, и диспозиция остается та же”»². В последних словах Вейротер озвучил опасения сторонников партии «наступления», что

---

¹ Леер Г. А. Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года. С. 34.

² Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 г. // Военный сборник. 1900. № 9. С. 23–24.

Наполеон может сняться с позиций и отступить, поскольку во французском лагере перед полночью стало зажигаться большое количество огней и раздавался мощный гул (это французские солдаты приветствовали своего императора).

Самое главное, что по утвержденной диспозиции силы союзников дополнительно растягивались на левом фланге, ослабляя середину расположения и абсолютно игнорируя возможность нанесения противником контрудара именно в центре их позиции, т. е. в месте, оказавшемся весьма уязвимым для возможного прорыва. В данном случае уместно привести замечания Ланжерона на диспозицию Вейротера: «Простого взгляда на карту и одного изложения диспозиции достаточно, чтобы каждый военный мог судить, насколько она была неосуществима и даже нелепа, имея противниками искусного полководца и его опытных помощников, умеющих маневрировать как это следует на войне, а не на параде; противника, численно равного и сосредоточенного, нельзя растягивать фронт почти на восемь верст (два французских лье) от левого фланга до правого, не рискуя быть повсюду прорванным, что в действительности и случилось»¹.

Стоит упомянуть, что как раз когда русские генералы в три часа ночи разъехались, чтобы хоть немного поспать, Наполеона разбудили, он отправился на аванпосты и тогда принял последние и очень важные коррективы в свой план действий, в частности, усилил войска на своем правом фланге, против которого русские собирались нанести главный удар.

Битва трех императоров

Около 6 часов утра 20 ноября (2 декабря) французские войска (почти все в парадной форме) выдвинулись на исходные позиции. На левом фланге поперек дороги на Брюнн расположились войска маршала Ж. Ланна (дивизии Л. Г. Сюше и М. Ф. О. Кафарелли), опираясь на лесистые холмы Моравии, особенно на бугор, прозванный солдатами-ветеранами Египетского похода «Сантон» (перевод с фр. — дервиш). Его занимал 17-й легкий полк, с приказом сражаться до последнего человека и ни в коем случае не оставлять этот стратегически важный пункт. Позади Ланна находилась гренадерская дивизия генерала Ш. Н. Удино, чуть дальше корпус маршала Ж. Б. Ж. Бернадотта, а еще глубже — императорская гвардия. Четыре кавалерийских дивизии под общим командованием И. Мюрата располагались между левым флангом и центром. В центре у деревень

---

¹ Там же. С. 27.

Пунтовиц и Гиршковиц были выдвинуты две дивизии (генералов Л. В. Ж. Л. Сент-Илера и Д. Ж. Р. Вандама) из корпуса маршала Н. Ж. Сульта в направлении предполагаемого главного удара. Третья дивизия из корпуса Сульта (генерала К. Ж. А. Леграна) должна была побригадно защищать деревни Тельниц, Сокольник и Кобельниц. Это была достаточно обширная местность, поэтому позади них для поддержки расположилась кавалерийская бригада генерала П. Маргарона. Чуть позднее в этот район для усиления подошли войска маршала Л. Н. Даву — только что прибывшие из-под Вены дивизии генералов Л. Фриана и Ф. А. Л. Бурсье.

Ясно, что Наполеон с самого начала не собирался ограничиваться только оборонительными действиями. Но для обороны он выбрал прекрасную позицию и создал для этого все необходимые условия. На Севере он имел в качестве опорного пункта укрепленный бугор Сантон, а на противоположном фланге французские войска, опираясь на пруды Зачан и Мениц, могли защищать лишь проходы через ручей Гольдбах у Тельница, Сокольника и Кобельница. Такое расположение Великой армии давало возможность Наполеону прикрывать своим левым флангом на севере дорогу на Брюнн, а на правом фланге — на Вену и добиться преимущества в оборонительном бою. Кроме того, выбранная позиция должна была побудить союзников, увидевших реальные трудности обойти или прорвать позиции противника на севере, попытаться нанести главный удар там, где у французов имелись проходы и бреши между прудами (фактически слабо прикрытое пространство) и таким образом попытаться занять дорогу на Вену. Парадоксально, что союзники приняли именно это решение, даже не произведя маломальской рекогносцировки сил противника. То есть показательная демонстрация в какой-то степени была со стороны Наполеона даже напрасной. Другое дело — французский полководец интуитивно понял и правильно рассчитал, что противник будет придерживаться подобного плана.

Три русские колонны, которым предстояло атаковать Тельниц и Сокольник, пришли в движение в 7 часов утра. Ими непосредственно командовали генералы Дохтуров (1-я колонна), Ланжерон (2-я колонна) и Пржибышевский (3-я колонна), а общее руководство осуществлял генерал Буксгевден, находившийся с войсками Дохтурова. Именно эти войска составляли левый край союзных порядков и должны были первыми вступить в бой. Пока русские полки Дохтурова выдвигались на исходные позиции для атаки, его авангард, состоявший из австрийской пехоты и кавалерии под командованием генерала Кинмайера, успел сделать несколько безуспешных попыток взять штурмом деревню Тельниц и там закрепиться. Все три

колонны явно запаздывали, поскольку с самого начала возникла неразбериха в движении войск и русские полки совершали ошибочные марши.

Только в половине девятого утра к Тельницу подошли войска Дохтурова и активно поддержали австрийцев. Примерно в 9 часов они взяли Тельниц, и проход через болотистый ручей Гольдбах был обеспечен. Но не развили достигнутый успех по горячим следам. Буксгевден решил слепо выполнить принятую диспозицию и дожидаться занятия Сокольника второй колонной Ланжерона, ведь по плану Вейротера движение вперед одной колонны должно выравниваться на голову второй. Буксгевден, по его выражению, «наблюдая во всем данную диспозицию»¹, ограничился лишь тем, что на равнину за Тельницем бросил немногочисленную австрийскую кавалерию Кинмайера, которой противостояла легкая кавалерия генерала Маргарона. Колонна Ланжерона, подошедшая к 9 часам утра к Соколице и развернувшаяся в боевые порядки, также не спешила атаковать противника, поскольку справа запаздывала с выдвиганием третья колонна Пржибышевского. Лишь с появлением опоздавших войск Пржибышевского в начале десятого утра Ланжерон атаковал позиции французов у Сокольника и смог овладеть проходами через ручей Гольдбах.

Но в это время на подмогу противника подошли две дивизии корпуса маршала Даву. Первоначально они должны были выдвигаться к центру Великой армии. Но, совершая свой марш и услышав справа от своего движения шум боя, пришли на помощь полкам Леграна и Маргарона, тем самым хоть как-то нивелировали подавляющее преимущество союзников в численности на этом участке. Дивизии Фриана и Бурсье успешно контратаковали войска Буксгевдена (даже временно захватили Тельниц и Соколицу), помешали русским закрепить успех и развернуться для последующего движения в тыл и во фланг противника. Русские генералы вовремя не смогли использовать благоприятный момент, когда слабый правый фланг французов был полностью смят, поскольку каждая колонна теряла драгоценное время, ожидая прибытия соседней. Хотя проходы через ручей уже находились в руках союзников, это мало что им давало, все их усилия оказались бесплодными. На пути дальнейшего продвижения вперед им продолжали противостоять французские войска, удерживающие высоты за ручьем. Тем самым более половины сил союзни-

---

¹ Аустерлиц: Реляции генералов от инфантерии Голенищева-Кутузова и графа Буксгевдена // Военный сборник. 1903. № 9.

ков оказались скованы на этом фланге значительно уступавшим в численности противником¹.

Четвертая колонна под командованием австрийского генерала И. К. Коловрата состояла из четырех русских полков под командованием генерала Милорадовича и 15 австрийских батальонов. Но она была сознательно первоначально задержана на Праценских высотах самим Кутузовым². После 9 часов туда прибыли со свитой императоры Александр I и Франц и увидели, что многие части даже не были построены в походный порядок, а их ружья стояли в козлах. Вопреки распространенному среди советских историков мнению российский император все же не командовал войсками в этот день, лишь один раз поторопил Кутузова. Обычно, упоминая этот факт, все цитируют знаменитый разговор между ними, приведенный А. И. Михайловским-Данилевским: «Михайло Ларионович! Почему не идете вы вперед?» На что Кутузов ответил: «Я поджидаю, чтобы все войска колонны собралась». Император, находясь в прекрасном настроении, вскользь парировал: «Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки». Кутузов же попытался лишь слабо возразить: «Государь! Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете»³.

И приказ последовал. Войска четвертой колонны начали движение к Кобельницу. В низине же напротив Праценского плато у д. Иржиковицы и Пунтовица стояли уже давно готовые к броску вперед дивизии Сент-Илера и Вандама из корпуса Сульта. Построения французов еще окутывала пелена тумана, и их сосредоточение не было видно союзникам. Причем французские генералы проявляли нетерпение атаковать. Но их порыв до времени сдерживал сам Наполеон.

Появившийся внезапно ветер после 9 утра начал разгонять туман, показалось солнце. То было знаменитое «лучезарное солнце

---

¹ По расчетам Г. А. Леера: «У Буксгевдена — 42 000 (38 000 пехоты и 4000 кавалерии); у французов — 12 500 (10 000 пехоты и 2500 кавалерии)» (*Леер Г. А. Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года. С. 64–65*).

² «Кутузов был того мнения, что не следует атаковать неприятеля, пока с точностью не будет известно его расположение; следовательно, он высказывался в пользу того, чтоб утром 2 декабря держать армию сосредоточенно и составить диспозицию на поле сражения, согласно обстановке; далее он требовал избегать сложных маневров» (*Rüstow W. Der Krieg von 1805 in Deutschland und Italien. S. 363, 379*).

³ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. С. 181–182.

Аустерлица». Союзники вскоре могли увидеть французские полки¹. Ждать уже не было смысла. Французские батальоны Сент-Илера и Вандама пошли вперед. В этот момент совпали два движения противоборствовавших армий. В авангарде четвертой колонны без всякого боевого охранения шли три батальона Новгородского и Апшеронского мушкетерских полков во главе с генералом М. А. Милорадовичем. Из-за беспечности начальства, даже не побеспокоившегося о проведении маломальской рекогносцировки, всю колонну подставили под фланговый удар противника. Французы внезапно атаковали их. Это было полной неожиданностью для русских полков, солдаты шли с незаряженными ружьями — никто не предполагал противника так близко. Как позднее написал Кутузов в реляции: «Два батальона мушкетерские Новгородского полка не держались немало и, обратившись в бегство, привели всю колонну в робость и замешательство»². В рядах союзников возникла растерянность, а потом и паника, солдаты побежали. Дивизии Сент-Илера и Вандама быстро развили первоначальный успех, деревня Працен в половине десятого утра оказалась в руках французов, а центр позиции союзников прован. Кутузов (раненный тогда в щеку шальной пулей), многие генералы, да и сам российский император безуспешно пытались остановить бегущих. Лишь с подходом австрийской пехоты и двух задержавшихся полков второй колонны генерала С. М. Каменского (Фанагорийский гренадерский и Ряжский мушкетерские полки) с большим трудом удалось восстановить какое-то подобие порядка и даже попытаться контратаковать французов. Но сбросить две французские дивизии со склонов Працена им не удалось³. Положение союзников было еще поправимым, если хотя бы часть сил из колонн Буксгевдена, бесцельно продолжавших стоять у Тельница и Сокольника, своевременно перебросили для того, чтобы отбить Праценское плато у пока еще малочисленного противника. Можно сказать, что система управления союзного командования в тот момент оказалась дезорганизованной, все решала инициатива частных начальников, но чаще всего их реакция была запоздалой, да и действия отдельных частей оказывались

---

¹ Есть свидетельство А. П. Ермолова, проливающее свет на это обстоятельство: «Колонны пехоты, состоявшие из большого числа полков, не имели при себе ни одного человека конницы, так что нечем было открыть, что происходит впереди, или узнать, что делают и где находятся ближайшие войска, назначенные к действию. Генерал Милорадович на моих глазах выпросил по знакомству у одного шефа полка двадцать гусаров для необходимых посылок» (Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 54).

² М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 265.

³ *Леер Г. А.* Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года. С. 41.

без внутренней связи между собой. Кутузов же после 11 часов успел только отдать приказ Буксгевдену об отступлении из низин Тельница и Сокольница¹, но уже в тот момент войска третьей колонны оказались в тесном окружении французских частей, а путь отступления первой и второй колонны по надежной дороге к Аустерлицу был отрезан.

На северном участке сражения войска Багратиона, Лихтенштейна и русской гвардии после девяти часов утра перешли в наступление, но затем были скованы атаками корпусов Ланна, Бернадотта и кавалерией Мюрата. Отобрав при помощи войск правого фланга Праценские высоты и исправить допущенную ошибку уже было невозможно. Несколько героических атак лейб-улан и конногвардейцев не исправили положения. Под давлением противника Багратион начал медленно отступать. Гвардия сместилась ближе к Праценскому плато и попыталась отбить центр позиции. Войскам Наполеона на этом участке пришлось пережить несколько неприятных и критических моментов. Но после ожесточенных схваток с французами великий князь Константин, командовавший гвардейскими полками, также был вынужден отходить к Аустерлицу, и приказал после часа дня только что прибывшим на поле сражения кавалергардам и лейб-казакам контратакой прикрыть отход. После скоротечной рубки с конными частями наполеоновской гвардии русские окончательно были выбиты с Праценских высот и начали общее отступление к Аустерлицу.

Захватив Праценские высоты, Наполеон не только разрезал союзную армию на две части, но и навис над тылом войск Буксгевдена, который ничего не предпринимал несколько часов и находился в полной бездеятельности. Французы, усиленные частями императорской гвардии, начали планомерно продвигаться к Сокольницу и Ауэзду, и первоначально в окружение попали войска третьей колонны Пржибышевского (уже переправившиеся через р. Гольдбах) и часть полков Ланжерона из второй колонны, скованные боем с дивизией Фриана. Лишь часть войск Пржибышевского (3–4 тыс. чел.) попыталась прорваться к Кобельницу в северном направлении (по диспозиции этот пункт уже должен быть захваченным четвертой колонной), но она была настигнута и сдалась вместе с Пржибышевским в плен. Не менее драматично сложилась судьба первой колонны

---

¹ Сам же Буксгевден в реляции написал: «Во 2 часу пополудни получил я от Вашего Высокопревосходительства известие, что все прочие колонны, будучи разбиты, уж отступили...» (см.: Аустерлиц: Реляции генералов от инфантерии Голенищева-Кутузова и графа Буксгевдена // Военный сборник. 1903. № 9).

Дохтурова и остатков войск Ланжерона. Буксгевден принял наконец решение пробиваться к Аустерлицу через Ауэзд на глазах нескольких французских дивизий и самого Наполеона, уже стоявших на отрогах Праценского плато. Правда, Буксгевдену удалось, выставив 24 орудия под командованием полковника графа Я. К. Сиверса¹, при помощи артиллерии успешно отбить атаки французских драгун. Но затем лишь два головных батальона успели переправиться через мост на реке Литаве, с этими батальонами Буксгевден со своим штабом и отступил к Аустерлицу. Мост же вскоре рухнул под тяжестью орудий, а оставшиеся войска атаковала дивизия Вандама при активной поддержке артиллерии, стрелявшей с короткой дистанции. Уже была примерно половина четвертого дня. Среди оставшихся русских солдат возникла сумятица и паника. Неорганизованная солдатская масса (частично уже без оружия) пыталась перейти каналы или бросилась к покрытому тонким слоем льда пруду Зачан, но и там их доставал град ядер и картечи. Люди застревали по колено в грязи рядом с каналами или проваливались под лед на пруду, хотя глубина здесь была не более одного метра.

Поломка моста и захват дивизией Вандама Ауэзда заставили подходившие оставшиеся полки первой колонны искать другое направление для отступления. Оказавшийся здесь старшим генерал Дохтуров повел войска обходным путем и смог найти проход между французами и прудами Зачан и Мениц. Его части прошли по берегу Зачана, и у прохода перед прудом Мениц Дохтуров организовал на возвышенности эффективный заслон против наступавшего противника со стороны Тельница и Сокольница и возможного удара со стороны Ауэзда. Упорное сопротивление арьергарда Дохтурова дало возможность большей части его полков продолжить отступление, хотя многим, не успевшим вовремя выйти к плотине, пришлось переправляться по льду пруда Мениц, где лед также проваливался и люди оказывались в ледяной воде. Правда, широко распространенная в литературе версия о том, что десятки тысяч русских солдат провалились и утонули в двух прудах, не раз опровергалась имеющимися чешскими документами. Позднее воду из прудов спустили и утопленников не обнаружили, кроме конских трупов². Было около 5 ча-

---

¹ Как сказано в реляции Буксгевдена, «артиллерии полковник граф Сиверс... сбил двукратно сильные на высотах устроенные неприятельские батареи и своею артиллериею наносил чувствительные всеми видной вред неприятельской артиллерии» (Аустерлиц: Реляции генералов от инфантерии Голенищева-Кутузова и графа Буксгевдена // Военный сборник. 1903. № 9).

² *Лантева Л. П.* Правда о «катастрофе на Моравских прудах» в Аустерлицком сражении // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 203–206.

сов вечера, когда сражение закончилось, поскольку наступило темное время суток.

Нельзя оспорить то, что Аустерлицкое сражение в литературе считается классическим в истории наполеоновских войн и, без сомнения, составляет славу французского оружия и является самой яркой победой Наполеона. Но, анализируя ход и результаты этой битвы, даже сегодня трудно с точностью определить размеры постигшей русские и австрийские войска катастрофы¹. Совершенно ясно одно, что это был разгром союзной армии; ее потери оказались громадными — до 35 тыс. чел., а по данным первого русского историка этой войны А. И. Михайловского-Данилевского: у русских — свыше 21 тыс. убитых, раненных и пленных, у австрийцев — 6 тыс. чел. Общее число пленных, опять же по разным данным, составило от 11 до 20 тыс. чел. В плен также попали восемь русских генералов и более 300 офицеров. Французами было захвачено до 197 (в литературе их количество разнится, позднее из них была сооружена Вандомская колонна в Париже) орудий², от 14 до 17 полковых знамен. Это, не считая других трофеев, огромного количества лошадей, артиллерийских подвод и значительного количества военного имущества. Урон французов в этот день не превышал 10 тыс. убитых, раненных и без вести пропавших, а русскими был захвачен только один орел (4-го линейного полка).

Опять же стоит отметить особую точку зрения Е. В. Мезенцева. У него в книге фигурируют какие-то полуфантастические цифры французских потерь — 21 тыс. чел. На основании этого сделан вывод, что «обе стороны потеряли в битве примерно равное число погибших и раненых», «наполеоновская армия в определенном смысле “надорвалась”, оказавшись на грани физического и нервного истощения», а через два дня после Аустерлица русская армия «была снова готова к решительному сражению» — помешали «австрийцы, пошедшие на преждевременный мир с Наполеоном»³. Система же подсчета осталась прежней — не анализ французских источников, а мнения русских и австрийских военачальников, опрос пленных, свидетельства чешских историков. Вообще в его работе очень хорошо заметны под-

---

¹ Лучший критический разбор по фазам сражения был сделан Г. А. Леером; им же проведен анализ ошибок русского командования с точки зрения теории и практики военного искусства (*Леер Г. А. Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года. С. 36–67*).

² По ведомости о потерях артиллерии в 1805 г., составленной на основании строевых рапортов, значилось: 160 орудий, 198 зарядных ящиков и 64 фуры (М. И. Кутузов: *Сб. документов. Т. II. С. 237–238*).

³ *Мезенцев Е. В. Указ. соч. С. 247, 250–251, 255.*

гонка цифр, выгодных для престижа русской армии, завышенная оценка численности французских войск и их потерь, и наоборот, заниженная убыль русских войск, чувствуется авторская установка на оправдание любых действий русской армии, цитирование вырванных из контекста фраз (особенно Наполеона) о беспримерной доблести русских. Такой подход очень чувствуется и в описании Аустерлицкого сражения, почти во всех эпизодах русские действуют героически и победоносно (иногда, правда, бегут австрийцы), под конец, однако, неясно, как, побеждая, русские все-таки проиграли. В какой-то степени — это антипод монографии О. В. Соколова, оправдывающего все действия и откровенно превозносящего Наполеона, а заодно и героизм французской армии. В данном случае лишь стоит отметить, что в нашей историографии сама тема 1805 г. долгое время представляла лагуну, незаполненную исследованиями, одна же единственная книга А. И. Михайловского-Данилевского увидела свет еще в 1844 г. Но в последнее время появились две монографии (Соколова и Мезенцева) по истории 1805 г., каждая, к сожалению, написана с заранее избранных позиций, что не способствует поискам правды, а только затуманивает историю. Эти две полярные точки зрения, откровенно страдающие необъективностью, когда все события освещаются тенденциозно, по сути, олицетворяют две крайности в исторической литературе, а истина находится где-то посередине.

После Аустерлица

Состояние русской армии после Аустерлица можно, без всякого преувеличения, охарактеризовать как катастрофическое. Герой отступления от Аустерлица генерал Д. С. Дохтуров писал сразу после сражения жене: «О нашем несчастном деле ничего не пишу: до сих пор еще не опамятуемся, разбиты совершенно... эта несчастная кампания отучит нас полагаться на немцев, которые гораздо более нам неприятели, нежели французы»¹. Только войска Багратиона и части гвардии сохранили при отступлении порядок и могли быть боеспособны на следующий день. Все, кто ранее входил в состав первых четырех колонн и выбрался из Аустерлицкой мышеловки, больше напоминали толпу, чем армию. Все перемешалось, царил всеобщий бес-

---

¹ Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1092. Можно привести и выдержку из письма М. И. Кутузова жене: «Ты слышала, конечно, об наших нещастиях. Могу тебе сказать в утешение, что я себя не обвиняю, хотя я к себе очень строг» (М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 229).

порядок, ни о какой организации или дисциплине даже не шло и речи, каждый спасался, как мог. Люди, часто в одиночку или группами, просто убегали от грозившей опасности. Не было продовольствия, есть было нечего, поэтому грабили лежавшие на пути следования деревни. Об этом свидетельствуют немногочисленные мемуаристы, запечатлевшие в своих воспоминаниях не только сражение, но и ужасное состояние армии после него. Свидетель отступления А. Чарторыйский описал это достаточно безжалостно: «В союзных войсках не было больше ни полков, ни главного корпуса; это были просто толпы, бежавшие в беспорядке, грабившие и тем еще больше увеличившие безотрадность этого зрелища»¹.

Оба императора, российский и австрийский, как и большинство, бежали с поля боя. После краха призрачных иллюзий о мощи своей армии Александр I находился в тяжелом моральном состоянии. Император Франц считал за благо побыстрее договориться с Наполеоном и отправил к нему в ночь на 21 ноября (3 декабря) князя И. Лихтенштейна с предложением о перемирии на 24 часа и с обещанием быстро подписать мир. Кроме того, Франц поручил сообщить Наполеону о своем желании встретиться с ним у аванпостов, с чем французский император согласился². Несмотря на то что между двумя монархами, потерпевшими поражения, складывались прохладные отношения, Франц решил нужным посоветоваться с Александром I, прежде чем отправиться на встречу с Наполеоном. Русский император категорически отверг свое участие в переговорах, но они договорились, что австрийский император предложит заключить мир, поскольку его дальнейшая борьба с Францией стала невозможной, и будет настаивать на том, чтобы французы дали возможность беспрепятственно вывести русские войска с территории Австрии. Для русской армии это был в тот момент, учитывая ее весьма плачевное состояние, коренной вопрос.

После окончания сражения Наполеон должен был организовать эффективное преследование противника, тем более что в его распоряжении имелись дивизии, которые понесли минимальные потери и к нему уже подошли свежие части, не участвовавшие в решающей битве. Но в победной эйфории маршал Мюрат, который традиционно возглавлял авангард Великой армии, сделал неверное предположение, что русские уходят по дороге на Ольмюц. Поэтому именно туда на преследование армии Кутузова отправились кавалерия

---

¹ Чарторыйский А. Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 365.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. С. 647.

Мюрата и корпус Ланна. Им посчастливилось захватить значительное количество обозов, но остатки русской армии обнаружить не удалось. Лишь на следующий день, 21 ноября (3 декабря), французы точно установили, что русские отступают в Венгрию по дороге на Гединг. Поэтому для преследования в этом направлении был послан маршал Даву, находившийся ближе всех к этой дороге и усиленный свежей дивизией генерала Ш. Э. Гюдена. Этот маршал имел все шансы настигнуть отступающую в полном беспорядке армию союзников и отрезать ей пути к отступлению. Уже 22 ноября (4 декабря) его дивизии вышли к Гедингу. Даву был полон решимости довершить полный разгром союзников. Но он получил собственноручные записки от Александра I, а потом и Кутузова, что австрийский император встречается с Наполеоном и будет заключено перемирие¹. И действительно, в это время 24 ноября (6 декабря) состоялась двухчасовая беседа Наполеона и Франца, после чего перемирие было заключено, по условиям которого русские войска должны были покинуть Австрию в течение месяца². 23 ноября (5 декабря) к императору Александру I был послан все тот же генерал Р. Савари, чтобы узнать мнение российского монарха на этот счет и получить гарантии по выполнению соглашения. После этого он прибыл к Даву с приказом Наполеона прекратить преследование русских. Перемирие фактически спасло русские войска от дальнейших неприятностей и, возможно, от пленения остатков уже недееспособной армии. Зная характер Даву, недаром его прозвали «железным маршалом», такого исхода событий вполне можно было ожидать.

В этот момент русские войска остановились для того, чтобы хоть как-то перевести дух и попытаться организовать роты, батальоны, полки. Для этого нужно было перейти через узкий мост р. Марх и встать за Гедингом. Но тут опять вмешался Вейротер и приказал всем оставаться на правом берегу. В случае атаки французов русских войск последствия были вполне предсказуемые. Позицию, выбранную Вейротером, генерал Ланжерон назвал «верхом безумия», он вообще считал, что «новое распоряжение этого генерала в столь критических обстоятельствах окончательно убедило многих из нас, что он хотел докончить свою работу и предать нас французам»³. Вскоре Кутузов отменил это решение, да и Вейротеру российский император отказал в доверии, правда, несколько поздно. Официально соглаше-

---

¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 274–277.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. С. 698. Текст соглашения см.: *Clercq J. de. Recueil des traités de la France*. Т. II. P. 134–135.

³ Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 г. // Военный сборник. 1900. № 11. С. 48.

ние о перемирии было подписано 24 ноября (6 декабря), и русские войска через Венгрию направились в Россию.

Причин поражения союзников можно насчитать много: политических, чисто военных и даже личностных. Безусловно, Наполеон ярко проявил себя в 1805 г., а созданная им Великая армия получила боевое крещение. В какой-то степени Франция в 1805 г. нагляднейшим образом продемонстрировала перед континентом все преимущества своей армии, доказала Европе необходимость перемен. В разных европейских государствах это подстегнуло правительства, и они дали старт для проведения реформ в самых разных областях — от военных до политических. Неудачные военные действия обнажили кризис коалиционного ведения войн, вместо сплочения государств против общей угрозы они продемонстрировали эгоистичность поведения отдельных держав. Ведь во многом победы Наполеона строились на слабостях коалиции и откровенной подозрительности стран друг к другу, а французский император очень искусно умел играть на противоречиях союзников.

Как военачальник Наполеон оказался на голову выше своих противников при решении как стратегических, так и тактических задач, поскольку ему никто не мог помешать в исполнении разработанных планов. Для достижения победы он выбирал самый прямой путь, основываясь на собственной интуиции и мыслях. В то же время его окружали инициативные помощники и исполнители, имевшие огромный боевой опыт и на которых он мог положиться при реализации задуманных идей. Им была создана передовая по тем временам система военного управления, четкая организационная структура армии, усовершенствованы тактические формы ведения боевых действий, а в наследство от революции получен массовый человеческий материал, из которого ковались овеянные славой наполеоновские ветераны, солдаты-ворчуны, благодаря которым в итоге и достигались изумительные победы в начале XIX в.

В чем же кроются причины поражения союзников, в первую очередь русской армии, в этой кампании? Если делать выводы из сравнительного анализа действий французских и русских войск в 1805 г., то, безусловно, объективный исследователь подведет итоги не в пользу армии России и сделает вывод, что эта битва высветила язвы армейской жизни и боевой подготовки. Российская армия была построена и воевала на основе устаревшей линейной тактики. Организационная структура была крайне архаичной и не отвечала требованиям времени. Так, первоначально армия М. И. Кутузова, направленная в Австрию, была разделена на шесть колонн по 6–8 тыс. чел. в каждой. На колонны делились войска и при Аустерлице. Их даже нельзя было рассматривать как войсковые организмы, ибо они,

по существу, являлись случайным соединением полков, что чрезвычайно затрудняло управление войсками во время боя. По мнению многих авторитетных специалистов и исследователей, Аустерлицкая катастрофа была порождена во многом организационными пороками русской армии. Приведем письменные свидетельства лишь двух самых маститых дореволюционных корифеев военно-исторической науки. Так, профессор кафедры военного искусства Николаевской академии Генерального штаба А. К. Баиов считал, что «капитальные промахи против основных начал организации» стали главными причинами поражения в 1805 г.¹ Более пространную характеристику организационных огрехов 1805 г. дал Г. А. Леер: «Одна из главных причин отсутствия взаимной поддержки и связи в действиях союзников под Аустерлицем — все сражение, со стороны союзников... распадается на целый ряд хотя и блестящих, но отдельных эпизодов, без всякой внутренней связи между собой, — заключается в ошибочной организации их колонн (игравших роль корпусов), не имевших в составе своем кавалерии, т. е. грешивших опять-таки против основного принципа самостоятельности»². Неслучайно, основываясь на уроках Аустерлица, по горячим следам в 1806 г. в армии была спешно введена дивизионная система.

В кампанию 1805 г. в Австрии во время отдельных сражений и боев многие воинские соединения, отряды и полки российской императорской армии проявили себя с лучшей стороны и показали образцы мужества, а стойкость и упорство русской пехоты были оценены по достоинству самим Наполеоном, как некогда на это же обратил внимание Фридрих Великий. Но подготовка (плохая индивидуальная стрельба, медленное развертывание), боевые порядки и тактика ведения боя в целом не соответствовали более передовой французской военной практике. Исключение составляла лишь артиллерия, не уступавшая французской ни по материальной части, ни по тактической подготовке.

Огромным недостатком (и наиболее слабым звеном) российской армии в то время было отсутствие хорошо налаженной системы штабного управления. Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, заменявшей уничтоженный Павлом I Генеральный штаб, оставалась лишь вспомогательным органом и не могла даже в минимальной степени удовлетворять потребности штабного управления в военное время, поскольку большинство ее

---

¹ Баиов А. Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. СПб., 1913. С. 42.

² Леер Г. А. Прикладная тактика. Вып. 1. СПб., 1877. С. 20.

чинов не имело соответствующего опыта и квалификации, являясь по сути лишь хорошими чертежниками. Фактически высшее звено штабного управления в 1805 г., как и во времена кампаний А. В. Суворова в 1799 г., было отдано австрийцам. Большая часть штабной документации первоначально писалась на немецком языке, а потом переводилась на русский. Не самым лучшим образом дела складывались и в среднем звене штабного управления. Из-за обобщенного недоверия большинства русских военачальников к офицерам квартирмейстерской части (ввиду их неподготовленности, отсутствия опыта службы в войсках, оторванности от армейской жизни) вся штабная работа велась разными чинами «дежурств» (подобие штабов при старших начальниках) и через генеральских адъютантов.

Подводя итоги, можно назвать, не рассматривая в данном случае личностный фактор (действий Александра I, М. И. Кутузова и других представителей генералитета), несколько главных причин поражения при Аустерлице, вытекающих из предвоенного состояния русской армии:

1) приверженность и слепое следование устарелым и застывшим формам прусской линейной тактики;

2) чрезмерное увлечение «фрунтовой» службой и слабая боевая подготовка войск;

3) фактическое отсутствие на тот период организационной структуры полевых войск в боевых условиях;

4) явно неудовлетворительное состояние, а иначе и фактическое отсутствие хорошо отлаженной системы штабного управления.

Кто же ответил за допущенные промахи? Ведь, по сути, виновниками являлись высшие лица, допустившие сражение и так бездарно организовавшие войска и столь же бездарно действовавшие¹. Ничуть не бывало. В результате Кутузов был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени, а одна из его дочерей (Дарья) получила фрейлинский вензель². Сам же Александр I отказался получить от Георгиевской думы орден Св. Георгия 1-го класса (мол, не заслужил высшую полководческую награду — «разделял с войсками опасность, но не командовал ими») и лишь милостиво нашел приличным принять орден Св. Георгия 4-го класса (всего лишь как простой участник битвы), а затем носил его всю оставшуюся жизнь. Багратион действительно за умелое руководство войсками был отмечен орденом

---

¹ Анализ и критика действий М. И. Кутузова как главнокомандующего при Аустерлице лучше всего на сегодняшний день представлена Е. В. Анисимовым: *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 195–200.

² Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов. С. 99–100.

Св. Георгия 2-го класса, великий князь Константин, Милорадович, Витгенштейн и еще десять военачальников (из них пять генерал-адъютантов, в том числе и «вертопрах» князь П. П. Долгоруков¹) получили 3-й класс этого ордена, а тридцать два штаб- и обер-офицеров (из них половина служила в гвардии) были награждены орденом Св. Георгия 4-го класса. Все гвардейские офицеры (без исключения) за участие в Аустерлицкой битве оказались награжденными орденами, а нижним чином гвардии раздали по рублю на человека². В общем, все понятно — армия воевала, отличившихся надо награждать и поощрять, а гвардию особенно³, не говоря уже о генерал-адъютантах. Но если читать тогдашние газеты и реляции русских военачальников о событиях 2 декабря 1805 г., то с огромным трудом можно узнать, что русские войска под их командованием потерпели сокрушительное поражение⁴.

В отступающей армии в конце 1805 г. получили распространение антиавстрийские настроения, вплоть до разговоров об измене, поэтому Кутузов вынужден был издать приказ о запрете антиавстрийских разговоров⁵. Общественное же мнение России возложило всю вину за Аустерлицкий погром на австрийцев, и его негодование против них не знало пределов⁶. Справедливости ради отметим, что от публи-

---

¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. С. 18.

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. С. 253–254.

³ Только что произведенный в офицеры гвардейской артиллерии И. С. Жиркевич принял участие в Аустерлицком сражении (был при вторых зарядных ящиках и стоял вне выстрелов), а в 1806 г., как сам он честно написал, «вовсе неожиданно в числе прочих я получил орден Св. Анны на шпагу — за что и сам не знаю» (Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М., 2009. С. 23, 29).

⁴ «Санкт-Петербургские ведомости» лишь сообщили о перемирии и о предстоящем возвращении императора в Петербург. Об Аустерлицком сражении — ни слова (Санкт-Петербургские ведомости. 29 декабря 1805 г. № 104).

⁵ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 294.

⁶ Показательно в этом смысле «возмущение подлым поведением австрийцев, которым мы обязаны этой неудачей», как писала в письме 11 (23) декабря 1805 г. своей матери императрица Елизавета Алексеевна. Такое чувство, что она даже не старалась выбирать выражения («нет слов для негодования при виде трусости, предательства и тупоумия целой нации»). В письме она рассказала матери об эпизоде после сражения, когда Александру I (больному) приближенные австрийского императора отказывались дать красного

ки скрывали долгое время масштабы катастрофы и правдивую информацию о происшедшем¹, хотя версия «австрийской измены» не могла получить официального характера². Козлами отпущения за 1805 г. в российской армии сделали генералов с иностранными фамилиями. Вернувшийся из плена в 1807 г. командующий третьей колонны генерал Пржибышевский попал под следствие и по решению Государственного совета в 1810 г. был разжалован на месяц в рядовые и затем отставлен от службы, да командующий второй колонной генерал Ланжерон был, как он написал в своих мемуарах, задержан по службе в прохождении в чинах (на самом деле из-за нежелстного отзыва о нем Буксгевдена). Император приказал составить две реляции о проигранной битве (одну для опубликования, другую только для него), а также, по-видимому, устно дал указание Кутузову «узнать беспристрастную истину относительно до деяний тех высших и нижних чинов, кои в день Остерлицкого сражения покрыли себя бесславию». Но главнокомандующий, как человек заинтересованный в первую очередь в том, чтоб не обвинили его, особо не доискивался до причин, лишь представил списки, тех, кто отлучился «от своих команд» под видом легких ранений³. В результате из высших чинов по решению суда разжаловали в рядовые генерал-майора И. А. Лошакова за оставление поля боя и самовольную отлучку от полка в день сражения (в 1811 г. восстановлен в чине)⁴. Всем офицерам Новгородского мушкетерского полка было приказано носить шпаги без темляков, всем нижним чинам полка не иметь тесаков, к сроку их службы прибавлялось пять лет, а вскоре полк был расформирован⁵.

вина: «Вот как австрийцы обращаются с государем, жертвующим ради спасения союзников своей армией!» (*Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. С. 176–177).

¹ Приведем цитату из одной из публицистических брошюр 1807 г. про Аустерлиц. Со ссылкой на журнал «Русский вестник» были приведены данные о численности сторон: «Французов было 120 тысяч. Русских и немецких 60 тысяч». А далее следовал пассаж о последствиях: «Русские пошли обратно в Отечество, — ни которая сторона не может присвоить себе победы» (*Зинovieв Д.* Набат по случаю войны с французами. С. 19–20).

² Все грехи австрийцев подробно были перечислены в письме генерал-адъютанта князя П. П. Долгорукова к великому князю Константину. См.: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 291–293.

³ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. II. С. 265–266.

⁴ *Подмазо А. А.* «Преступление и наказание». Дело генерала Лошакова (к 200-летию Аустерлицкого сражения) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. С. 7–22.

⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 145.

Весомых выводов из неудач русскими «верхами» не было сделано, вернее, они только-только начали задумываться, что с армией далеко не все в порядке. Но в истории российской армии Аустерлицкую битву можно назвать второй «Нарвой». Без этого унижительного проигрыша не было бы и будущих побед. Во всяком случае, стали со всей очевидностью проявляться огрехи и недостатки предшествующего периода подготовки войск и высшего командного состава, необходимость военных реформ.

Политические последствия Аустерлица

Победа Наполеона при Аустерлице стала для него не только личным триумфом, но и решающим событием, завершившим кампанию 1805 г., поскольку именно она привела к полному краху третьей коалиции. Можно сказать, что французскому императору удалось разрубить гордиев узел коалиции. Известие о сокрушительном поражении привело к тому, что Россия и Великобритания решили больше не рисковать своими воинскими контингентами в Ганновере и Неаполе и незамедлительно вывели их оттуда. Неаполитанские Бурбоны вынуждены были бежать на Сицилию, находившуюся под защитой английского флота. Пруссия, уже готовившаяся вступить в войну на стороне союзников, сразу же резко поменяла свою позицию. Прусского посланца графа Х. Г. Гаугвица Наполеон сознательно заставил долго ждать аудиенции, а когда она состоялась в Шенбрунском дворце в кабинете императрицы Марии-Терезии, прусский дипломат вместо вручения ультиматума (как было условлено Потсдамским договором) поздравил французского императора с впечатляющей победой (по словам Наполеона, «фортуна переменяла адрес на поздравлении»¹). Фактически Наполеон предъявил ультиматум Пруссии (или война, или тесный союз) и 3 (15) декабря тут же заключил с Гаугвицем договор в Шенбруне об оборонительном и наступательном союзе². Причем Пруссия уступала территории герцогств Клеве, Ансбах и княжества Невшатель, но присоединяла к себе владения, принадлежавшие английскому королю, Ганновер и Лауэнбург. Подобная комбинация вбивала клин в и так непростые англо-прусские отношения. Наполеон очень удачно сыграл на алчности и близорукости прусского кабинета. Расчет был сделан на «прусскую жадность», и она победила, получив в «залог» Ганновер. С необыкновенной легкостью Пруссия поступилась честью и обменом

---

¹ *Driault E.* Austerlitz. La fin du Saint Empire (1804–1806). P. 274–275.

² *Соловьев С.* Указ. соч. С. 99–102. Текст договора см.: *Clercq J. de.* Op. cit. Т. II. P. 143–144.

няла новое владение на торжественное обещание своего монарха Александру I. Бесспорно, лично Гаугвиц, как государственный деятель, проявил в тех непростых условиях просто чудеса изворотливости, лишней раз доказав, насколько политика может быть лживой и двуличной в зависимости от обстоятельств. Однако через несколько недель Бонапарт заявил Ш. М. Талейрану, что он против увеличения территории Пруссии, поскольку это делает ее «более опасной» для Франции¹.

Наполеон, заключив союз с Пруссией, быстро вывернул руки уже побежденной Австрии, оказав на нее давление этим договором. 14 (26) декабря между Францией и Австрией был заключен Пресбургский мир², по достаточно жестким условиям которого Австрия лишалась всех своих территорий в Германии, отдавала Тироль, Венецианскую область, Истрию и Далмацию, т. е. теряла шестую часть своих подданных (около 4 млн чел.). Причем все территории переходили во владение союзников Франции — Италии и южногерманских государств. При этом Бавария и Вюртемберг по воле Наполеона становились королевствами, как было сказано в 33-м бюллетене Великой армии, «за их дружбу и преданность к нему». По сути это означало и полную потерю всякого влияния Габсбургов в германских делах, где они доминировали в течение последних 300 лет. Мало того, представители 16 германских государств поставили свои подписи под договором с Францией 12 июля 1806 г., оформившим образование Рейнской конфедерации, протектором которой был провозглашен Наполеон. Поэтому вскоре император Франц отказался от титула императора Священной Римской империи Германской нации, отлично понимая, что реально эта империя уже не существовала, он остался всего лишь императором австрийским.

Все это свидетельствовало о резком изменении ситуации на европейском континенте и новом соотношении сил. Роль французской империи неизмеримо возросла. Это были прямые последствия Аустерлица. Косвенным свидетельством этого стала активная семейная матримониальная политика Наполеона — брачные альянсы его родственников с августейшими коронованными особами, потомками древних домов Германии и Италии. По словам русского историка С. С. Татищева: «Старая монархическая Европа беспрекословно признала братьев его королями, родственников и слуг — владельческими

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 11. Р. 562.

² Ш. М. Талейран за подписание этого договора был пожалован титулом князя Беневентского (*Талейран*. Мемуары. С. 283).

князьями и герцогами. Древние династии вступали в брачные союзы с членами его дома»¹. Наполеон в первую очередь решил женить своего пасынка Э. Богарне (вице-короля Италии) на баварской принцессе Августе-Амалии. Правда, принцесса уже была обещана баденскому наследнику. Но это препятствие скоро устранили (территориальные приращения и новый королевский титул Баварии), и брак быстро состоялся 14 января 1806 г. Чтобы не обижать баденского наследника Карла, ему в жены предложили Стефанию Богарне (племянницу Жозефины и приемную дочь Наполеона), и он не отказался. Чуть позже Жером, младший брат Наполеона, по его настоянию женился на дочери вюртембергского короля Екатерине. Таким образом, военно-политический союз Франции с тремя главными государственными образованиями Южной Германии (Баварией, Баденом и Вюртембергом) оказался подкреплен и брачными узами. Именно через эти обласканные им государства Наполеон добивался усиления французского влияния в германских делах, доказывая, насколько выгоден союз с ним, и в то же время благодаря своим сателлитам последовательно извлекал преимущества из последних побед. Прямым следствием Аустерлица стало объявление в 1806 г. двух братьев Наполеона королями: Жозефа королем неаполитанским, Луи — королем голландским, а образованное великое герцогство Бергское было отдано И. Мюрату, мужу сестры французского императора Каролины².

Российские правящие круги в новом раскладе сил в Европе оказались особенно обеспокоены двумя моментами — потерей Пруссии, как потенциального союзника, и выходом французов к границам Османской империи на Балканах. Особенно волновало последнее обстоятельство, поскольку видели угрозу создания реальных предпосылок захвата балканских провинций Турции стремительно набравшей обороты могущественной империей Наполеона. А в сохранении этого «слабого соседа» Россия тогда была кровно заинтересована. Французские же войска под командованием генерала Г. Ж. Ж. Молитора постарались быстро завладеть всей Далмацией, но все же не успели занять самую южную точку на Адриатике, которую австрийцы обязались передать французам, — Которскую бухту с первоклассным портом. Рядом находились Ионические острова, на которых оказались сосредоточены российские войска, эвакуированные из Неаполя, а также находилась русская эскадра под командова-

---

¹ *Татищев С. С.* Мировой раздел: от Тильзита до Эрфурта // *Русский вестник.* 1890. № 4. С. 20.

² См.: *Соловьев С.* Указ. соч. С. 110–111.

нием адмирала Д. Н. Сенявина. Возглавивший русские вооруженные силы в этом районе, Сенявин, получая разноречивые и постоянно запаздывающие указания из Петербурга, решил без всяких санкций правительства самостоятельно занять Котор (Бокко-ди-Катторо), используя помощь обеспокоенных ситуацией черногорцев. Что он и сделал 5 марта 1806 г., высадив десант, поддержанный черногорцами, а австрийцы предпочли сдать крепость русским без сопротивления. Это событие с, одной стороны, резко изменило ситуацию в регионе в пользу России, но с другой — чуть не стало поводом новой войны между Францией и Австрией, поскольку Наполеон обвинил австрийцев в попустительстве русским и в невыполнении международных договоров. Венский кабинет, опасаясь нового разгрома, стал упрашивать Александра I вывести из Котора войска, угрожая в противном случае войной уже с Россией, поскольку многие в австрийском кабинете полагали, что «Россия менее опасна, чем Франция»¹.

Интересы России требовали спасения обломков старой Европы. В то же время она старалась выйти из специфических обстоятельств, сложившихся в Европе, на почетных условиях, без потери лица. Но даже бывшие союзники по коалиции уже с трудом находили общий язык друг с другом. Великобритания же (позже к ней присоединилась Швеция) в ответ на занятие прусскими войсками Ганновера вообще объявила войну Пруссии, блокировала ее порты и захватила ее торговый флот (свыше 400 судов). Россия же попала в несколько двусмысленное положение. Юридически она продолжала находиться в состоянии войны с Наполеоном, но поскольку Россия и Франция не имели общих границ или территорий, где бы они могли вести боевые действия (кроме внезапно появившегося Котора), фактического состояния войны не было. Еще в январе 1806 г. Александр I созвал высших чинов империи на совещание, обсудившее вопрос о мире и войне, вопрос, вызвавший разногласия в правящей среде. Но именно после этого совещания русская дипломатия провела неофициальный зондаж через оставшегося в Петербурге французского генерального торгового консула Ж. Б. Б. Лессепа. Англия также проявила готовность начать переговоры с французами. Поэтому с целью выиграть время в Париж из Петербурга в апреле 1806 г. направился бывший секретарь русского посольства, а затем и поверенный в делах во Франции статский советник П. Я. Убри². В его задачу входила подготовка официальных переговоров о мире, а предлогом послужила судьба русских военнопленных. Причем его миссия была согласова-

---

¹ См.: Соловьев С. Указ. соч. С. 111–112.

² См.: АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3317.

на с англичанами, но единая выработанная платформа отсутствовала, поэтому русские и английские дипломаты должны были лишь советоваться и взаимно поддерживать друг друга, поскольку Наполеон отказался вести коллективные переговоры с союзниками, так как предпочитал договариваться с каждой страной отдельно. Переговоры оказались трехсторонними.

Убри получил трудновыполнимые инструкции и имел полномочия подписать договор, «соответствующий чести и выгодам России». Будучи второстепенным дипломатом, он, попав в сложное положение, невольно учитывал и самые разные веяния в среде российской верхушки. Убри же имел дело с самим Ш. М. Талейраном, возглавлявшим французское внешнеполитическое ведомство. Опытный Талейран сразу понял, что русский посланец не имел четких указаний, и без труда разыграл свою собственную партию¹. Угрожая срывом русско-французских переговоров, он добился 8 (20) июля 1806 г. подписания мирного договора, фактически продиктованного французской дипломатией, но крайне невыгодного для России². Этот договор не был одобрен специально собранным для рассмотрения этого вопроса совещанием высших сановников империи и не ратифицирован Александром I, посчитавшим, что он «противен чести и обязательствам России в рассуждении союзников ее, безопасности государства и общего спокойствия Европы»³. Убри же уволили со службы «за превышение полномочий», правда, позднее простили.

Обстановку в Европе внезапно и радикально изменило прусское «прозрение». Пруссия, находясь между двумя империями (Францией и Россией), постоянно вела двойную игру, давая определенные посылы сразу на два фронта, а в итоге результат оказался плачевным. С Францией в 1806 г. у нее складывались далеко не безоблачные отношения. На прусского короля Фридриха-Вильгельма III влияли разные придворные группировки, сам же он, колеблясь между чувствами алчности и откровенным стыдом за содеянное, позволил себе при ратификации Шенбрунского договора внести в текст некоторые поправки. Чтобы утрясти эти изменения, в Париж был направлен все тот же Гаугвиц, но Наполеон заставил Пруссию заплатить за Ганновер новыми уступками, в том числе пруссаки вынуждены были признать

---

¹ В своих воспоминаниях Талейран написал: «Император Александр... отправил в Париж Убри для подготовки примирения. Я убедил его заключить договор... Русский император, не желавший еще идти так далеко, отказался ратифицировать его и подверг опале того, кто его подписал» (*Талейран*. Мемуары. С. 286).

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 226–231.

³ Там же. С. 258; СИРИО. Т. 82. СПб., 1892. С. 459–461.

свержение Бурбонов в Неаполе. Новый франко-прусский договор был подписан 3 (15) февраля 1806 г. Одновременно в Россию прусским королем был послан престарелый герцог К. Брауншвейгский, который согласился на заключение союзного оборонительного договора, по которому Россия брала на себя обязательства гарантий целостности Пруссии¹.

12 июля 1806 г. была создана Рейнская конфедерация, первоначально из 16 южногерманских государств. Пруссии, которая не могла безучастно смотреть на то, что творится рядом с ее границами, Наполеон в виде компенсации предложил создать аналогичный союз из северогерманских государств. Но вот реальных возможностей для реализации этого предложения у представителей Гогенцоллернов не имелось, учитывая скрытое противодействие этому процессу французской дипломатии и продолжавшуюся англо-шведскую блокаду побережья Пруссии. В это же время до Берлина начали доходить слухи, что на англо-французских переговорах Наполеон предложил вернуть Ганновер английскому королю. Это была всего лишь еще одна дипломатическая комбинация французского императора, в которой Ганновер становился очередной разменной картой. Правда, договоренности об этом Наполеон не достиг, но сам факт свидетельствовал о том, сколь мало Наполеон считался с Пруссией². Пруссию обманывали и унижали, и в будущем она попадала в неловкое положение (по словам К. Клаузевица, «перспектива недостойным образом приобретенный Ганновер потерять еще более недостойным образом»), оскорбительное для ее политической чести. Предав своих потенциальных союзников, Пруссия осталась в Европе без друзей и фактически оказалась в результате своей политики в изоляции, один на один со своими проблемами³. Воистину, Берлин пожинал плоды того, что посеял. По словам К. Клаузевица, «своим отчаянным положением в 1806 г. Пруссия обязана только своей плохой политике»⁴. Наполеон действительно уже ни в грош не ставил пруссаков, решил,

---

¹ Визит К. Брауншвейгского привел к обмену мнениями (записками) с двух сторон и письмами между Александром I и Фридрихом-Вильгельмом III, но четкого союзного акта подписано не было, а переговоры продолжали дипломаты уже в Берлине. Подр. см.: *Искуполь С. Н.* Внешняя политика Россия и Германские государства (1801–1812). С. 107–117.

² *Соловьев С.* Указ. соч. С. 119.

³ В 1812 г. в журнале «Сын отечества» ретроспективно публиковался материал о кампании 1806 г., и уже тогда там было написано: «Договор с Францией, о вымене Ганновера, довершил бесславию и погибель Пруссии, лишив ее всех союзников» (Сын Отечества. 1812. Ч. I. № III. С. 9).

⁴ *Клаузевиц.* 1806 год. С. 72.

что, заключив мир с русскими (что не оправдалось), а затем, договорившись с англичанами, уломать Пруссию не составит труда. Французский император, на войне бивший противников поодиночке, и в международной политике старался разобраться с ними по отдельности, а именно на этом методе строились многие успехи его дипломатии.

Только когда Берлинский кабинет осознал гибельность последствий предшествовавшего курса, все колебания были отринуты, и он совершил внезапный поворот во внешней политике и вспомнил про наличие последнего козыря, который имелся в распоряжении, — овеянную славой Фридриха Великого армию. В Европе она до 1806 г. имела незапятнанную репутацию, отчасти потому что ей еще не доводилось воевать против Наполеона. Но тогда в европейских кругах ее почитали как грозную военную силу, а прусский офицерский корпус, воспитанный и слишком долго почивавший на лаврах XVIII столетия, не просто горел желанием, а уверенный в том, что прусское оружие ждет великие победы, постоянно оказывал давление на своего осторожного короля.

Но прежде, почти одновременно, прусская дипломатия сразу вспомнила про Россию и про ее монарха, всегда выражавшего дружеские чувства к прусской королевской чете. Фридрих-Вильгельм III резко пошел на сближение с Россией, обменявшись с российским императором декларациями в июле 1806 г. и дав согласие готовиться к войне против наполеоновской Франции¹. Тем самым был нейтрализован прежний договор Пруссии с Францией. В августе 1806 г. пруссакам при помощи русской дипломатии удалось урегулировать отношения со Швецией и Великобританией, последняя даже обещала денежные субсидии за участие в войне против Наполеона². Таким образом, предшествующая позорная и неудачная политика, зашедшая в тупик, заставила задуматься прусскую элиту, почувствовать угрозу реальной потери государственного суверенитета и решительно взяться за оружие. Вот как писалось в прусском манифесте по поводу французского императора: «Относительно намерений Наполеона не могло быть больше никаких сомнений. Он хотел внести войну в Пруссию или навсегда лишить это королевство способности братья за оружие, доводя его от унижения к унижению до такой степени политической деградации и ослабления, при которой ей,

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 242, 330; *Bailleu P.* Correspondance inédite Frédéric-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I-er d'après les originaux des archives de Berlin et de Saint-Pétersbourg. P. 114–115, 122–125.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 714.

лишенной своих оплотов, не оставалось бы ничего другого, как подчиниться воли своего грозного соседа»¹. Во всяком случае, пруссаки не захотели подчиниться чужой воли. И им удалось за несколько месяцев до войны сделать многое; по словам К. Клаузевица, открывалась хотя бы перспектива «оказаться на арене борьбы не в полном одиночестве»². Так создавались прямые предпосылки к образованию новой уже четвертой коалиции. Это была прямая реакция на наполеоновские планы закладки фундамента новой европейской империи.

§ 4. Кампании 1806–1807 гг. («Польская война») и начало военных реформ

Россия на перепутье войны и мира

Поражение русских войск в 1805 г. вызвало в определенных дворянских кругах ожидаемую критику проводимой политики. Сразу после Аустерлица специальную записку о положении международных дел подал князь А. Б. Куракин, один из видных сановников и близкий человек к вдовствующей императрице Марии Федоровне³. В первую очередь автор проанализировал новый расклад сил в Европе после Пресбургского мира («Австрия пала, и оную уже ни в какой щет класть не следует») и охарактеризовал состояние союзников России, в частности Пруссии (можно «нам на Пруссию полагаться, только в одних мерах оборонительных») и Англии («Не подчинены союзу нашему с Англией наши связи на твердой земле и обстоятельства, в коих мы на оной находиться имеем»). Кроме того, было обращено внимание на те опасности, которые, скорее всего, возникнут для империи ввиду полного поражения Австрии. Мало того, Россия фактически будет вынуждена вести эту борьбу без союзников. Отсюда вытекали и предложения этого знатного вельможи послать при посредничестве Пруссии к Бонапарту «не гласного полномочного» для ведения переговоров, а затем еще больше, не просто договориться с ним, а обещать, что Россия «вступит в союз с Францией». Приведем еще одну цитату из записки, при всей витиеватости стиля Куракина, звучащей в унисон современным геополитикам: «Неоспоримая истина, что Россия и Франция, своими мест-

---

¹ Цит. по: *Клаузевиц*, 1806 год. С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Записка, поданная князем А. Б. Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения // Русский архив. 1869. Стлб. 1125–1138.

ными положениями, находясь на двух краях Европы и в величайшем друг от друга расстоянии, в обыкновенном порядке вещей, в видах и пользах своих нелегко и не скоро друг с другом столкнутся и друг другу вредить могут». Безусловно, эта записка выражала настроения определенных кругов русской бюрократии. Добавим, что к некоторым положениям Александр I прислушался уже в 1806 г., а Куракину впоследствии пришлось проводить в жизнь многие мысли, изложенные в этой бумаге.

Критика раздавалась не только в великосветских салонах, но и затронула членов императорской семьи. Об этом наглядно свидетельствует одно из немногих сохранившихся писем вдовствующей императрицы Марии Федоровны своему сыну императору от 18 апреля 1806 г. Она прямо писала о том, что «недовольство существует и в столице и в провинции», и по пунктам перечислила причины, их порождающие. Далее она кратко очертила безрадостную для России международную ситуацию: «После несчастного Пресбургского мира горизонт все более и более омрачается. Германия потрясена. Италия всецело подчинилась Франции. Голландия будет уделом брата Бонапарта... папскому владычеству грозит переворот, а Далмация и Истрия, перейдя во владение Франции, служат местом сосредоточения значительной армии, которая с минуты на минуту может угрожать нам вторжением в Молдавию и Валахию. Австрия обессилена и идет ни в счет, а Пруссия достаточно вероломна, чтобы обогатиться за счет державы, с которой она была готова заключить союз... Англия, в конце концов, остается единственною державою, которая борется с Французским колоссом, и ее мы можем считать солидарною с нами в политических интересах, потому что ей это выгодно». Далее она сделала неутешительный вывод: «Говорят, политическое состояние России в опасности, она утратила свое влияние и уважение, которым пользовалась. Она не в счет на весах Европы: она потеряла своих союзников».

Но еще более резко императрица обрушилась с критикой на армейскую сферу: «Слава наших войск потерпела самое ужасное поражение; уверенность в непобедимости, приобретенная в царствование покойной императрицы, поддерживаемая в царствование покойного императора Суворовым, разрушена, и никогда потерянное сражение не имело более ужасных последствий. Наш солдат уже не тот: он потерял веру в своих офицеров и генералов. Дух военный изменился. Словом, армия расстроена». Мало того, она попыталась проанализировать настоящее состояние и дать советы на будущее: «Наши войска на границе; прекрасно, но кто намечает план действий? Военная молодежь, окружающая императора, ему предана; но есть ли у нее знания и необходимый опыт, чтобы справиться с работой, требующей

людей поседевших и испытанных, рисковавших своей жизнью и пользующихся доверием нации? И так, где же таковые? Нет среди окружающих императора ни одного, который пользовался бы общим доверием». Императрица считала, что «необходим разумный план действий, обдуманый со всем хладнокровием опыта, принимающий в расчет столько же возможность успеха, как и неудачи, чтобы не терять головы в случае неудачи». Мария Федоровна предлагала сделать конкретные шаги, чтобы ликвидировать недовольство в обществе: «Император выказал большую доблесть, но военное искусство требует изучения в великой школе опыта, а потому ему необходимо советоваться с людьми, прошедшими эту школу. Почему же он себя не окружает ветеранами, одни имена которых прекратили бы ропот, раз стало бы известно, что он с ними советуется, чтобы установить план действий, настойчиво вызванный обстоятельствами и требующий от них всей силы и предусмотрительности, чтобы предохранить Государство от бедствий, скажем прямо, от позора?»¹

Мария Федоровна продемонстрировала несомненные знания и понимание политики, а также высказала недовольство, возникшее у части элиты². Вокруг императрицы группировались многие видные генералы и сановники, придерживавшиеся консервативных взглядов и пытавшиеся через нее влиять на молодого императора. Тем не менее не случайно она обратила внимание на «ветеранов» и призвала привлечь их к участию в управлении государством и выработке важнейших политических решений.

Помимо критики министерств и министров, а также личного поведения императора, Мария Федоровна очень четко определила одну из главных мишеней дворян-консерваторов: «Кого больше всего ненавидят в обществе, это князя Чарторыйского»³. Прошло совсем немного времени, и 17 (29) июня 1806 г. отставку получил фактический глава внешнеполитического ведомства России А. Чарторыйский. Таким образом, он стал ответственным в глазах русского общественного мнения за провал планов третьей коалиции в 1805 г. Чарто-

---

¹ Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1. С. 144–146.

² Интересную характеристику Марии Федоровне дала прусская графиня Фосс во время посещения Петербурга в 1809 г.: «Царица-мать во всех отношениях женщина, имеющая великие заслуги; но она слишком любит, чтобы слушали, как она говорит, и всегда и во всем желает играть большую роль» (Из дневника графини Фосс обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 485).

³ Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1. С. 150.

рыйский был известен как противник русско-прусского сближения, а, кроме того, находясь в дружеских отношениях с императором, позволял себе критиковать многие его действия. Добавим, что он в апреле 1806 г. также подал записку с резкой критикой пропрусской политики, с перечислением ошибок российского императора и собственным видением ситуации¹. Но его отставка означала уменьшение влияния «молодых друзей» (членов Негласного комитета) на императора, фактически взявшего с этого момента под свой прямой контроль ведение внешней политики. Министром иностранных дел был назначен генерал от инфантерии барон А. Я. Будберг. Союз с Пруссией стал основой дальнейшей русской политики.

«Странное почтение» к соседнему государству объясняется военным воспитанием Александра I в гатчинском духе и всем периодом правления его отца, когда российская армия строилась на прусский манер и господствовали прусские военные порядки². Прусская армия в глазах Александра I оставалась до 1806 г. образцом для подражания. Не случайно даже императрица Мария Федоровна порицала своего сына за фронтонию: «С грустью видят, что Вы отдаете слишком много времени мелким ежедневным упражнениям, которыми должны заниматься субалтерные офицеры, а не сам Государь. Порицают неправильное распределение часов Ваших занятий»³. По поводу дружеских чувств можно сказать, что они, как в прошлом, так и сейчас, играли определенную роль в личностных взаимоотношениях, но отнюдь не главную, ибо на этом уровне всегда принимаются решения, исходя из приоритетов государственных задач. Даже самодержавному монарху приходилось не забывать об этом, чтобы в итоге не потерять свое могущество и влияние. 1806 г. не являлся исключением. Поэтому дружить Россию и Пруссию заставляла жизненная необходимость. Не случайно даже сторонник франко-русского сбли-

---

¹ См.: *Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 96–122.

² С. А. Тучков следующим образом охарактеризовал систему военного управления: «При Александре двор его сделался почти совсем похож на солдатскую казарму. Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одетые для образца разных войск, солдаты, с которыми проводил несколько часов, делая заметки мелом своей рукой на мундирах и исподних платьях, — наполняли его кабинет вместе с щетками для усов, сапог, дощечками для чищения пуговиц и другими подобными мелочами» (Записки Сергея Алексеевича Тучкова 1766–1808. М., 2011. С. 350).

³ Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1. С. 153.

жения князь А. Б. Куракин называл прусского короля «другом и естественным и первым союзником» российского императора¹.

Весь 1806 г. российские правящие круги находились на перепутье — продолжать войну с Наполеоном или идти на заключение мира с ним, склоняясь больше к первому варианту. Но для России вести военные действия, не имея, помимо Англии, союзником ни одной крупной континентальной державы, практически не имело смысла². Обретя в качестве «верного друга» Пруссию, Россия окончательно решила этот вопрос, и уже 30 августа (11 сентября) 1806 г. был издан манифест «О предстоящей войне с Францией»³. В нем содержалось подробное объяснение причин этой войны (за восстановление «общего спокойствия»), еще раз подчеркивались политические принципы («правила» и «начала»), из которых исходило российское правительство. Много говорилось о приверженности к миру, а вся вина же за будущую войну, естественно, перекладывалась на Наполеона: «Мы желаем мира; но если мир прочный и на взаимных пользах основанный не совершится, тогда уже перейдя все степени мирных соглашений, Мы обязаны будем честью Российского имени, безопасностью Нашего Отечества, святостью наших союзов, общим спасением Европы, поступить к усилиям, какие по всем сим уважениям представляются Нам необходимы».

После окончания кампании 1805 г. Наполеон расположил главные силы Великой армии в Южной Германии. В 1806 г. его части успели отдохнуть и получить значительные пополнения. Численность вооруженных сил Франции колебалась тогда около цифры в 500 тыс. чел., из которых 40 тыс. находились в Неаполе, 50 тыс. в Северной Италии, 20 тыс. в Далмации, 5 тыс. в Голландии и 170 тыс. в Великой армии (самые боеспособные части) в Германии. Не исключая вступления Австрии в войну против него, он усилил группировку войск в Северной Италии, а также создал надежные заслоны на Атлантическом побережье от английских десантов. 12 сентября 1806 г. Наполеон направил письмо Фридриху-Вильгельму III с требованием во избежание войны прекратить военные приготовления в

---

¹ См.: Записка, поданная князем А. Б. Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения // Русский архив. 1869. Стлб. 1135.

² В Петербурге прошло несколько государственных совещаний по разработке политики в изменившихся условиях, выявивших несколько точек зрения (см.: *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. С. 26–31, 38–39).

³ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXIX. № 22256.

Пруссии¹. Прусский король отвечал, что не верит французским обещаниям, привел целый перечень бесцеремонных действий Наполеона на европейской арене, а закончил словами: «Мы могли бы договориться на условиях, которые сохранили бы за Вами всю Вашу славу, но которые сохранили бы за другими народами их честь и положили бы в Европе конец той кампании страха, в которой никто не может положиться на будущее и определить свой долг»².

Кампания 1806 г. Разгром Пруссии: Йена и Ауэрштедт

Что касается Пруссии, то все историки отмечали поднявшуюся волну патриотического воодушевления, ярко тогда проявлявшуюся в рядах офицерской молодежи. Армия Пруссии тогда насчитывала свыше 200 тыс. чел., но ее военная, организационная подготовка застыла на уровне времен Фридриха Великого, никакие нововведения не поощрялись, господствовал догматизм и закостенелость. Одним из главных недостатков армии было то, что она не участвовала в крупных войнах с 1762 г., не считая неудачного похода против французов в 1792 г. Средний возраст генералитета составлял 60–70 лет. Деятельность штабов и вся структура управления были организованы на неудовлетворительном уровне³. Силы, предназначенные для ведения военных действий, были разбиты на три части. Главную армию (70 тыс. чел.) возглавлял престарелый герцог К. Брауншвейгский. Второй армией (50 тыс. чел.) командовал принц Ф. Л. Гогенлоэ, а третьей (30 тыс. чел.) — генерал Э. Ф. В. Рюхель. Еще оставался резерв (15 тыс. чел.). Значительные воинские контингенты были оставлены в гарнизонах крепостей. Из ближайших союзников к Пруссии присоединились лишь Саксония (18 тыс. чел.) и герцог Веймарский (1 тыс. чел.).

К прусской армии должны были присоединиться шведские и русские войска. В первую очередь из России должен был направиться корпус генерала Л. Л. Беннигсена. Причем пруссаки попросили, чтобы он направился в Силезию, дабы оказать давление на Австрию с целью присоединения к силам коалиции, аналогично тому, как союзники действовали на Пруссию в 1805 г. Вообще сценарий кампании

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 13. Р. 207–209.

² Цит. по: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 714. Письмо Наполеона из Парижа отвез М. Марбо, он же привез в Париж ответ прусского короля (Мемуары генерала барона Марбо. С. 173).

³ См. соответствующие главы в книге К. Клаузевица о моральном состоянии армии и правительства и характеристику ответственных лиц: *Клаузевиц*. 1806 год. С. 9–56.

1806 г. во многом оказался схожим (как будто в зеркальном отражении) с событиями 1805 г. Так же, как и австрийцы, прусские генералы не стали дожидаться подхода русских войск. В данном случае имелся меркантильный и откровенный политический подтекст. Прусские военные явно не доверяли русским, да и боялись их в силу многочисленности (ведь их надо кормить — такие огромные расходы!). Пруссия самоуверенно считала, что ее армия нанесет поражение «французским санкюлотам» и без русской помощи¹.

Основные силы пруссаков были выдвинуты в Саксонию и ожидали приказа о начале войны². С августа 1806 г. в Пруссии непрерывно заседали военные советы, но так и не смогли выработать план предстоявшей войны. Но, еще не начав военных действий, прусские дипломаты стали выдвигать предложения по отторжению территорий и обсуждать их с русскими коллегами. В Берлине лишь опасались ухода Наполеона за Рейн. Но в отличие от 1805 г. французскому полководцу не предстояло даже преодолевать значительных расстояний, его войска были сконцентрированы и находились в нескольких переходах от противника.

Берлинский кабинет предъявил 1 октября 1806 г. Наполеону ультиматум, предлагая дать ответ не позже 8 октября. Но Наполеон не стал дожидаться объявления войны и двинул свои войска вперед с целью разгромить прусские армии еще до подхода русских, как и в 1805 г. Собственно, самая активная и решающая фаза французской кампании против пруссаков продолжалась одну неделю. Корпуса Великой армии, построенные в передвижное «батальонное каре» (примерно 60x60 км), чтобы один корпус мог быстро прийти на помощь другому, совершили через Франконский лес Йенский маневр, обходное движение с юго-востока против левого фланга пруссаков, грозя отрезать их от Берлина. Причем оба противника весьма смутно представляли силы и передвижения другого. Но если среди пруссаков возникла полная неразбериха после уже первых столкновений с французами, то Великая армия, управляемая железной волей Наполеона (хотя и он, по мнению историков, не единожды ошибал-

---

¹ Вот как оценивал ситуацию в своих воспоминаниях М. Марбо: «В 1806 году эти же самые пруссаки, которые за год до этого могли бы помешать разгрому австро-русской армии, присоединившись к ним, не только сами объявили войну, в то время как мы находились в состоянии мира с венским кабинетом, но, повторяя ошибку, они атаковали нас, опять-таки не дождав русских» (Мемуары генерала барона Марбо. С. 173).

² Лучший критический обзор кампании 1806 г. в Пруссии дан К. Клаузевицем. В данном случае использован его фактический материал и выводы (см.: *Клаузевиц*, 1806 год).

ся), все же действовала осмысленно, а ее корпуса возглавляли опытные и инициативные командиры, что сказалось на конечном результате.

Феноменальная развязка наступила 14 октября 1806 г. Главные силы Наполеона в тот день атаковали и полностью разбили 50-тысячную прусско-саксонскую армию принца Гогенлоэ, для которого это сражение стало полной неожиданностью. Причем Наполеон оставался до конца дня уверен в том, что против него действовали главные силы герцога Брауншвейгского. Каково же было его удивление, когда по окончании дня адъютант маршала Даву доложил ему, что этот корпус в одиночку нанес поражение как раз армии герцога Брауншвейгского. Сначала он даже не поверил, но это действительно было так. Корпус Даву был послан для осуществления флангового марша, чтобы выйти на пути отхода противника и под Ауэрштедтом столкнулся с армией герцога Брауншвейгского, где находился и прусский король. Даву не стал отступать и смело вступил в бой. Как раз прусские генералы решили, что перед ними главные силы французов, и даже побоялись ввести в дело имевшиеся резервы. Победе способствовала и гибель герцога Брауншвейгского, а затем и заменившего его фельдмаршала Р. Меллендорфа, а после этого прусский король отдал роковой приказ об отступлении, и прусская армия стала разваливаться на глазах¹.

Итогом этого дня стал полный разгром двух прусских армий — примерно свыше 100 тыс. чел.² Это было даже не повторение сценария 1805 г., а достижение в двух полноценных сражениях полного триумфа. Пруссаки были полностью деморализованы и бежали. В результате их энергичного и быстрого преследования военная мощь Пруссии была полностью сокрушена: толпы солдат попадали в плен, небольшим кавалерийским отрядам без сопротивления сдавались мощные крепости с многотысячными гарнизонами. Такая же судьба постигла и столицу королевства Берлин. Туда французы без боя вошли 25 октября. Последние крупные остатки прусских войск под командованием упрямого генерала Г. Л. Блюхера сдались под Любеком 7 ноября 1806 г. Вся Саксония и территория Пруссии до р. Одер была занята французами, и они продолжили свое движение в Польшу и Восточную Пруссию. Но окончательно ставить победную точку в военных действиях 1806 г. Наполеону было еще рано.

---

¹ См.: *Лашук А.* Указ. соч. С. 236–260.

² «На полях Ауэрштетских и Иенских погребена Прусская монархия и слава знаменитой армии, основанной Великим Фридрихом. Поражение было совершенное!» (Сын Отечества. 1812. Ч. I. № III. С. 95).

Впереди его ждала русская армия, правда, так же, как и в 1805 г., ей предстояло действовать фактически уже без союзника.

Итоги прусской кампании для «старого режима»

Пруссия понесла в кампании 1806 г. огромные потери, и они с трудом (в литературе приводятся цифры со значительными расхождениями) поддаются подсчетам: примерно 25 тыс. убитых и раненных, 140 тыс. пленных, а в руках победителей оказалось 2000 орудий, все вооружение прусской армии, огромное количество боеприпасов, провианта, которым можно было прокормить французскую армию в течение одной кампании, 20 тыс. лошадей, не разрушенные перво-классные крепости. И все это произошло в течение одного месяца. Главное, после предвоенного взрыва патриотического воодушевления в Пруссии наблюдался полный упадок духа, он затронул не только войска, но и все государственные институты Пруссии. И так же, как австрийский император после Ульма, 21 октября 1806 г. прусский король Фридрих-Вильгельм III вступил в переговоры с Наполеоном и предложил тому заключить перемирие. Но французский полководец выдвинул настолько жесткие требования, что прусский король счел за благо продолжить борьбу.

Он мог это сделать, лишь опираясь на русские силы, тем более что Александр I, как только узнал о печальных обстоятельствах, сразу подтвердил своему союзнику все ранее взятые на себя обязательства. Только примерно 15 тыс. пруссаков под командованием генерала А. В. Лестока оказались в Восточной Пруссии и смогли соединиться с русскими войсками, в конце октября вступившими на прусскую территорию. Но в распоряжении у прусского короля оставалась лишь небольшая часть восточной территории его королевства, а сам он к началу 1807 г. перебрался в пограничный с Россией город Мемель. Как записала тогда в своем дневнике прусская обер-гофмейстерина графиня Фосс: «Все надеются только на одну Россию, но еще ничего верного неизвестно»¹.

Военная катастрофа Пруссии стала полным потрясением для всей Европы. Такого никто не ожидал — за один день крупнейшее европейское государство потерпело неслыханное поражение и фактически было поставлено на колени. Лучшее всех кратко и емко выразил по этому поводу знаменитый Генрих Гейне, и его слова любят приводить историки: «Наполеон дунул на Пруссию, и она перестала существовать». Война обнажила все пороки, как армии, так и королевства,

---

¹ Из дневника графини Фосс обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 470.

слишком долго жившего за счет памяти славного прошлого. Историк С. М. Соловьев даже позволил себе сделать уничижительное и ироническое замечание: «Труп, отлично сохранившийся в безвоздушном пространстве, рассыпался при выносе на свежий воздух»¹.

Эта была не только военная победа над прусской армией, Йена и Ауэрштедт стали приговором Старому режиму. Необходимо было не просто что-то подправлять, но и задуматься, что и как делать дальше для сохранения старого мироустройства. Во всяком случае, в военной сфере, не Аустерлиц 1805 г., а именно события 1806 г. поставили точку и подвели окончательные итоги развития линейной тактики.

Александр I и поиск стратегических истин

Трудно сказать, в какой степени эти события повлияли на Александра I. Одно несомненно, что по его взглядам на армию и на войну был нанесен очередной удар. Он с юности мечтал о военных подвигах, и ему хотелось, блистая полководческими решениями, превзойти старых генералов. Поэтому в 1805 г. он стал первым русским монархом после Петра I, присутствовавшим на театре военных действий. Но тогда «военное ребячество» было противопоставлено гению первого полководца Европы. Отправляясь на войну, он надеялся погреться в лучах русских побед, а затем стал свидетелем катастрофического поражения при Аустерлице. Испив в полной мере горечь неудач, Александр I вынужден был сделать вывод, что первым полководцем в Европе всегда будет его противник. Феноменальные события Йены и Ауэрштедта должны были его лишний раз убедить в этом. Поэтому он выбрал для себя иную сферу и все силы направил в область высокой политики. Как дипломат российский император показал себя мастером политического расчета, в чем ему отдавали должное многие современники. «Это — истинный византиец, — высказывался о нем сам Наполеон, — тонкий, притворный, хитрый»².

Вот только вопрос — насколько далеко российский император решил отойти от военной деятельности, ведь до конца жизни он пристальнее всего следил за своей армией. Но с 1805 г. до окончания наполеоновских войн он постоянно находился в затруднении — в поисках хороших полководцев, готовых успешно противостоять Наполеону. Сам он не видел таких военачальников среди русского генералитета (не раз об этом говорил), часто искал таланты среди заграничных мэтров военного дела. Надо сказать, что результаты поиска не всегда были положительными. Для поднятия собственного

---

¹ Соловьев С. Указ. соч. С. 126.

² Цит. по: Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 305.

уровня военной подготовки и для освоения теоретических основ военного искусства Александр I принял в декабре 1806 г. на русскую службу К. Л. Фуля¹, который в чине полковника участвовал в сражении при Ауэрштедте. Фуль в прусских военных кругах считался теоретиком, поэтому был приглашен преподавать царю азы военной стратегии. Это все же свидетельствует о том, что, возможно, император не оставлял мысли о приобретении навыков полководца. Но выбор педагога можно назвать несколько странным, учитывая, какими словами ругали генерала Фуля русские военные круги в 1812 г. Но именно такие схоласты-иностранцы, умевшие облечь в наукообразную форму стратегические истины, очень импонировали русскому монарху. Оговоримся, что для него круг людей для выбора был ограничен наличием императорского статуса. Чаще всего он производил в генеральские чины за беспорочную службу людей, которых, как правило, знал лично, это были выходцы из гвардии (кузница генеральских кадров), но все равно самыми яркими представителями военной сферы России оказывались герои, выдвинутые военной жизнью из армейской среды.

Россия — опасения верхов

У современного историка невольно должны возникнуть вопросы: почему после полного разгрома Пруссии Россия должна была воевать снова против французов и даже не на своей территории, почему должна была помогать потерпевшему поражение союзнику? Дело тут не только в союзнических обязательствах. Налицо и прагматическая заинтересованность России. Вот как, например, это обстоятельство объяснял сам Александр I в беседе с прусским посланником А. Ф. Ф. Гольцем: «Пруссию необходимо было поднять и привязать к себе, иначе она непременно становилась в руках Наполеона орудием против России относительно самых важных русских интересов, относительно восточного и польского вопросов»².

В 1806 г. ситуация для России складывалась очень не простая. Сразу же после поражения пруссаков трое «молодых друзей» императора (А. Чарторыйский, Н. Новосильцев, П. Строганов — их называли «неразлучными»), обеспокоенные возможным крайне неблагоприятным вариантом развития событий (опасались восстановления

---

¹ См. письмо Александра I Фридриху-Вильгельму III: *Bailleu P. Correspondance inédite Frédéric-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I-er d'après les originaux des archives de Berlin et de Saint-Petersbourg*. P. 135–136.

² Цит. по: *Соловьев С. Указ. соч. С. 130.*

Польского королевства под скипетром Наполеона или его брата, а также и иноземного вторжения), 11 ноября 1806 г. подали императору общую записку. В ней они предлагали «великие и сильные меры, мудро продуманные и с возможною скоростью в исполнение проводимые»¹. Какие там завоевательные планы! О них даже речи не шло. Записка начиналась словами: «Россия в опасности, в опасности великой, необыкновенной». Предлагалось неотложно осуществить экстренные меры, в том числе создание руководящего центра для мобилизации всех ресурсов страны и создание временного ополчения в помощь регулярным войскам. Налицо возникла прямая угроза потери собственных территорий. Мало того, правительственные круги явно не были уверены в том, что русские войска смогут остановить победную поступь наполеоновских войск. Власть боялась, что кошмар Ульма, Аустерлица, Йены и Ауэрштедта повторится в очередной раз. Это подтверждал в своих письмах Ж. де Местр, передавая настроения, царившие в правящих кругах: «В надежном месте мне было сказано, что военная слава России теперь в прошлом и она накануне потери нескольких провинций»².

Именно этим можно объяснить появление (по совету «молодых друзей») манифеста 30 ноября 1806 г. «О составлении и образовании поместных временных ополчений или милиции», численность которых должна была составить 612 тыс. чел.³ Цель создания ополчения определялась предшествующим опытом Австрии и Пруссии: «Жребий их решился потерюю нескольких сражений, после которых неприятель, не встречая преграды и не опасаясь сопротивления от безоружных жителей, с стремительностью ворвался в пределы их и, грабительствами и наглыми насильствами распространяя опустошения и ужас, истребил рассеянные корпуса войск и ниспроверг целую монархию». Поэтому, если «ворвется неприятель где-либо в пределы империи, принуждают нас прибегнуть к сильным способам для отвращения оной, составив повсеместные временные ополчения или милиции; готовые повсюду и мгновенно на подкрепление армий регулярных и могущие представить неприятелю на каждом шагу непреодолимые силы в верных сынах отечества, соединенных на оборону драгоценнейших своих выгод»⁴. Затем последовали инструкции о дальнейших действиях по организации ополчения военным и граж-

---

¹ Записка трех товарищей министров императору Александру I // Русская старина. 1894. № 8. С. 212–216.

² *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 63.

³ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXIX. № 22374.

⁴ Там же. № 22374. См. также: Именной указ от 15 января 1807 г. № 22428; Столетие Военного министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1902. С. 18–35.

данским губернаторам, губернским предводителям дворянства, областным начальникам земского войска¹. Да и вся русская публицистика того времени разом заговорила об угрозе нападения на Россию. Преподаватель кадетского корпуса В. Г. Гераков опубликовал 4 декабря 1806 г. брошюру с примерами из истории (в первую очередь 1613 г.) по отражению вражеских нашествий. В частности, он писал: «Ныне же Отец, собирает чад своих, да спешат не допустить кичливого, лютого врага вторгнуться в пределы России»². Анонимный автор, издавший свою работу на русском и французском языках в Кельне в самом начале 1807 г., исходя из тезиса, что «Франция ведет войну завоевательную», утверждал: «Завоевательная война по своему существу есть бесконечная и одни только внешние обстоятельства могут положить ей пределы»; он также писал: «Французское правительство твердо держится своего правила, то есть, чтобы по завоеванию одного государства, стремится завоевать другое — чтобы по низложению Пруссии, сделать нападение на самую Россию»³.

Не менее парадоксальным являлся и текст Указа от 13 декабря 1806 г. «О обязанности духовенства при составлении Земского войска или милиции, и о чтении по церквям сочиненного Синодом по сему случаю объявления»⁴. Верующих призывали содействовать ополчению, а во всех церквях Наполеон провозглашался предтечей антихриста, лжемессией, вероотступником («проповедовал алкоран Магометов»), гонителем веры и «тварью... достойной презрения», который «в исступлении злобы своей угрожает свыше покровительствуемой России вторжением в ее пределы». В целом в своем рвении церковные толкователи не пожалели красок для негативной политической сакрализации образа врага, ему приписывались страшные преступления и небывалые кощунства, которые должны были воспламенить религиозные чувства низших сословий. Хотя в данном случае, надо сказать, власти чрезмерно перестарались «в усилиях великих и твердых» — сбор ополчения оказался меропрятием излиш-

---

¹ Народное ополчение 1806 года // Русский архив. 1895. Кн. 2. С. 405–409.

² *Гераков*. Чувства верноподданного излившиеся при чтении манифеста о милиции от 30 ноября 1806 года. СПб., 1807. С. 14.

³ Рассуждение об участии, приемлемом Россиею в нынешней войне, сочиненное другом политической свободы и взаимной независимости всех народов. Кельн, 1807. С. 6, 8, 62.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXIX. № 22394.

ним и почти бесполезным¹. Но сам по себе «государственный» испуг был закономерен. Два предшествующих печальных сценария (австрийский и прусский) не устраивали Россию. Вполне очевидно, что в 1805–1807 гг. русские войска в Австрии и Пруссии защищали подступы к собственной территории и их действия в целом носили даже по тактической направленности (чаще всего им приходилось отступать) оборонительный характер. В данном случае Россия преследовала определенные цели (спасение «обломков» прежней Европы) и стремилась не допустить распространения пожара войны к своим границам.

Начало континентальной блокады

В конце 1806 г. после разгрома Пруссии произошло несколько важных событий, имевших важное значение для европейской политики. 21 ноября, находясь в Берлине, Наполеон подписал свой знаменитый декрет о континентальной блокаде Великобритании². Наполеон попытался реализовать идею «завоевать море мощью земли»³ — так он написал в письме к брату. Какая-либо торговля и все сношения с британскими островами были запрещены, чтобы строго наказать «нацию лавочников». Французский император полагал, что именно интриги коварного Альбиона провоцируют европейские государства⁴ на военные действия против него. Поскольку Англия оставалась недоступной для наказания силами его армии, Наполеон решил задуть ее в экономических объятиях, перекрыв поставки продукции промышленности и тем самым лишив ее европейского рынка сбыта. Необходимо отметить влияние Берлинского декрета на всю последующую историю Европы. Англия организовала морскую блокаду континента, чтобы воспрепятствовать любой

---

¹ Позже, после сражений под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, Александр I уменьшил численность ополчения с 612 тыс. чел. до 252 тыс. чел., но ратники не были отпущены по домам по окончании военных действий, а превращены в рекруты — 177 тыс. чел. (см.: ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXIX. № 22496; Столетие Военного министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. С. 35).

² Correspondance de Napoléon I-er. Т. 13. Р. 555–557.

³ Ibid. Т. 14. Р. 28.

⁴ Автор анонимной брошюры 1807 г. высказал мысль, что Наполеон «старается ныне уверить, что причиною сей войны есть Английский кабинет, составивший против Франции четвертую коалицию, несмотря на то, что до сих пор продолжают переговоры о мире между Англией и Пруссией» (Рассуждение об участии, приемлемом Россией в нынешней войне, сочиненное другом политической свободы и взаимной независимости всех народов. С. 22).

торговле ее врагов, а Франция, в свою очередь, предприняла вооруженный захват континента, отвечая на морскую блокаду сухопутной.

Но для решения французской стратегической программы необходимо было заставить придерживаться этой экономической политики все государства Европы, а сделать это Наполеону можно было только силой оружия или угрозой его применения. Таким образом, началась и экономическая война «суши» и моря», но изначально победить в этой борьбе шансов у французского императора не было. Большинство исследователей эпохи, полагало, что Наполеон допустил глобальную ошибку, заставляя Европу придерживаться установленных им правил континентальной блокады, и в результате именно этот курс привел его к потере власти. Наполеон считал, что он нащупал ахиллесову пяту Великобритании, но, возможно, наоборот, именно проведение долговременной континентальной блокады и стало одной из основных причин его падения, ведь подрывалась не только экономика Англии, но и всех европейских государств. В 1806 г. почти вся Европа уже была под его контролем, под влиянием и диктатом Наполеона не находилось лишь несколько государств — Португалия, Швеция, Пруссия и, главное, Россия, один из основных торговых партнеров Англии. Поэтому приоритетной задачей для Наполеона являлось любым способом приручить «русского медведя» и встроить российскую политику в фарватер своего политического курса.

Для решения этой проблемы Наполеон, с целью дополнительного давления на Россию, попробовал собрать антирусский блок восточных государств — российских соседей. Дело в том, что с 1804 г. русские воевали с Персией на Кавказе, а в конце 1806 г. при активной помощи французских дипломатов была спровоцирована война с Оттоманской Портой. Под впечатлением событий Аустерлица и Йены турецкий султан Селим сразу превратился в друга Франции, а Наполеон стал предлагать ему наступательный военный союз. Натравливая и сталкивая турок с русскими, французский император добился своих целей — Россия дробила свои силы, а восточный вопрос создавал у нее дополнительные проблемы с Австрией, которая не могла равнодушно смотреть на русское присутствие у своих границ. Если Персия оттягивала на себя небольшое количество войск, то для войны против Турции от России потребовалось значительное напряжение сил. Затянувшаяся война целых шесть лет доставляла головную боль российским правящим кругам. Другое дело, что, несмотря на усилия французских дипломатов, скоординировать действия этих двух государств не удавалось, поскольку по отношению

друг к другу они выступали конкурентами и на прямой союз между собой идти не желали.

Польский вопрос

В конце 1806 г. взоры Александра I и Наполеона вновь обратились к Австрии. От позиции этого государства зависело очень многое. Ее территория соседствовала с будущим театром военных действий, поэтому каждая из сторон (особенно французы) опасалась, что австрийцы могут нанести внезапный удар по их флангу. Кроме того, на повестке дня оказался актуальным польский вопрос, поскольку значительная часть польских земель входила в состав прусского королевства, а именно там должны были разворачиваться военные действия. Для Наполеона важно было получить гарантии нейтралитета Австрии, а для русских – добиться ее участия в войне на стороне четвертой коалиции. Александр I в ноябре 1806 г. предложил Францу I разработать совместный план действий против Наполеона. Для ведения переговоров в Вену был направлен полковник К. О. Поццо ди Борго. Поскольку Галиция, преимущественно населенная поляками, составляла часть австрийской империи, Поццо ди Борго должен был отстаивать перед австрийцами непреложную истину, что «Бонапарт намерен вырвать Польшу из-под власти ныне владеющих ею государей и создать из нее в какой бы то ни было форме державу, независимую от него и постоянно и неизменно враждующую с Россией и Австриею». При этом русская дипломатия отнюдь не испытывала уверенности в том, что «удрученная Пруссия» в ближайшее время не заключит сепаратный мир с французами (для такого вывода у русских имелись веские основания), но Россия в этом случае была готова продолжить войну и рассматривать прусскую территорию «как открытую для войск обоих императорских дворов». В то же время в инструкции полковнику говорилось: «Необходимость, интересы и сама природа вещей настоятельно требуют объединения усилий российского и венского дворов, и е. и. в-во не считает уместным ставить в зависимость от мелочной политики смелые и благородные чувства, которыми должны вдохновляться оба государя в борьбе за свои права и взаимное спасение»¹.

В свою очередь, французы, предчувствуя, что Польша может стать камнем преткновения в австро-французских отношениях и поводом к войне, также предложили австрийцам союз и даже вызывались обменять Галицию на Силезию. Вообще Силезия являлась лакомой

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 378–380.

приманкой. Она была отобрана у австрийцев Фридрихом II. Такое возмещение явилось бы не только унижением Пруссии, это был обычный метод наполеоновской дипломатии — предлагать завоеванную территорию потенциальному противнику, чтобы он потом не смог найти союзников. Но Австрия только стала отходить от последствий Аустерлица, ее правящие круги очень боялись повторения катастрофы, поэтому, несмотря на соблазны с двух сторон, сочли за благо сохранять нейтралитет. Австрийцев, без сомнения, волновал польский вопрос, и когда 15 декабря 1806 г. император Франц отклонил предложение о союзе с Францией, им была сделана оговорка, что его государство сохраняет «полную свободу оставить за собою Галицию или же обменять всю эту провинцию или часть ее на Силезию»¹. Нетрудно заметить, что Австрия в данном случае во многом фактически копировала и повторяла поведение Пруссии в 1805 г.

Польский вопрос приобрел остроту не случайно, поскольку последующий русско-французский военный конфликт получил в литературе название «Польская кампания», хотя далеко не все военные действия в 1807 г. происходили на землях, населенных поляками. Но появление французов в регионе р. Вислы ставило на повестку дня вопрос о восстановлении польской государственности. Поляки в результате трех разделов Польши проживали на территории трех государств: Австрии, России и Пруссии. В составе французской армии еще в 1796 г. были сформированы и успешно действовали во времена первой итальянской кампании Н. Бонапарта польские легионы. Осенью 1806 г. французский император вызвал в Берлин генерала Я. Х. Домбровского для формирования польских войск. Польша же встретила французских солдат как своих освободителей, питая определенные надежды на будущее. Вот что писал Л. Л. Беннигсен своему другу генералу А. М. Римскому-Корсакову 7 декабря 1806 г.: «Вчера я возвратился из Варшавы, пруссаки потеряли там голову, а поляки радуются в надежде, что к ним скоро придут французы»². Безусловно, Наполеон активно эксплуатировал энтузиазм поляков, но официально никаких конкретных обещаний по восстановлению польского государства не давал, отделяваясь лишь туманными фразами. Поляки желали, чтобы Наполеон провозгласил независимость, а он отговаривался тем, что они сначала должны ее заслужить. Разыгрывая «польскую карту», он действовал очень осторожно, по-

---

¹ *Леттов-Форбек О.* История войны 1806 и 1807 гг. Т. 3. Варшава, 1896. С. 10.

² Из архива А. М. Римского-Корсакова // Русская старина. 1898. № 6. С. 129.

скольку не был заинтересован в ухудшении отношений с Австрией, чтобы не подтолкнуть ее к войне и получить удар в спину, а, кроме того, не хотел бесповоротно поспориться из-за поляков с Россией, с которой надеялся в ближайшем будущем заключить мир, в чем он и видел свою стратегическую задачу.

Начало Польской кампании

Война 1806–1807 гг. лишь в последнее время стала привлекать внимание отечественных исследователей. Можно выделить несколько причин. В первую очередь, участниками событий не являлись такие значимые личности, как Александр I и М. И. Кутузов, а русские успехи или неудачи оказались связаны во многом с именем Л. Л. Беннигсена, которого обычно отечественные авторы квалифицировали как наемника и в целом негативно оценивали его деятельность. Биографическая литература и значительная по объему дореволюционная полковая историография акцентировали внимание лишь на отдельных событиях и фактах, связанных с биографией героев или полковой тематикой. Да и сама эта война была по разным причинам явно не выигрышной. Поэтому как всю кампанию, так и отдельные ее сражения часто именуют «неизвестными», что в целом отражает действительное положение в изучении этой тематики.

22 октября (3 ноября) 1806 г. русские войска пересекли прусскую границу. Они были готовы это сделать значительно раньше, но прусские власти попросили задержать выступление, поскольку ими своевременно не были заготовлены продовольственные запасы. Забегая вперед, скажем, что в 1806–1807 гг. продовольственное снабжение армии будет всегда весьма острой проблемой для русской армии, действовавшей на территории Пруссии. В ноябре 1806 г. в район р. Вислы выдвинулось около 70 тыс. русских войск под командованием генерала барона Л. Л. Беннигсена, а на подходе еще находились корпуса генералов графа Ф. Ф. Буксгевдена (55 тыс. чел.) и И. Н. Эссена (37 тыс. чел.). Но ни один из противников не торопился полностью занять восточно-прусские и польские земли. Французы осторожно продвигались вперед от Одера к Висле, поскольку значительная часть их войск еще была задействована на западе. А у русских первоначально оказалось слишком мало сил, чтобы контролировать столь большую территорию.

Необходимо сказать, что в какой-то степени опыт Аустерлица для русской армии не пропал даром. В самом начале 1806 г. на основе инспекций были созданы соединения постоянного состава — дивизии, куда обязательно входили пехотные, кавалерийские и артиллерий-

ские части, в некоторой степени повторяя организационную структуру французской армии¹.

Русские войска в Пруссии получили название Заграничной армии, а во главе ее был поставлен генерал-фельдмаршал граф М. Ф. Каменский. «Что заставило государя назначить его главнокомандующим? — Писал в своих воспоминаниях Ф. Булгарин. — Все терялись в догадках, и опытные люди говорили, что это сделано для возбуждения народного духа, для того, чтобы припомнить славные времена Екатерины Великой, которой память была священна для народа»². Каменского можно было отнести к плеяде «екатерининских орлов», в когорте которых в свое время он занимал далеко не последнее место, даже являлся конкурентом по славе с самим А. В. Суворовым. Но современники дружно давали ему отнюдь не лестную характеристику, как человеку взбалмошному, жестокому и обладавшему мелочным и крутым нравом. Последний раз войсками на полях сражений он командовал в 1791 г., генерал-фельдмаршальский чин получил из рук Павла I не за ратные заслуги, а за то, что подвергся опале в последние годы при Екатерине II. Ему было в 1806 г. 68 лет, а последние десять лет он провел в отставке, поэтому значительно «отстал от службы». По словам Н. К. Шильдера: «Подражая Суворову, граф Каменский стремился быть оригинальным, юродствовал и тем привлекал на себя внимание»³. Александр I, видимо, плохо представлял возможности старого военачальника или лукавил, когда писал о нем: «Во всех отношениях он способен к должности, которую я на него возложил: с обширными военными познаниями он соединяет большую опытность, пользуется доверием войска, народа и моим»⁴. Вспомним, что его мать императрица Мария Федоровна как раз настаивала на привлечении опытных «ветеранов» для управления военными делами. На самом деле у российского императора была очень короткая «скамейка запасных» для замещения вакансий на такие должности — практически выбирать из высшего генералитета было некого. И 8 (20) ноября 1806 г. Каменского назначили под давлением общественного мнения, как «полководца

---

¹ См.: *Турусов В. П.* Развитие дивизионной системы в русской армии начала XIX в. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. VII. С. 55–58.

² *Булгарин Ф.* Воспоминания. С. 250.

³ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 155.

⁴ Цит. по: *Соловьев С.* Указ. соч. С. 131.

опытного, состарившегося на бранях»¹. Флигель-адъютант А. Х. Бенкендорф позднее вспоминал: «Армия была в восторге от этого выбора, не слишком, правда, понимая, чем он был мотивирован. Фельдмаршал был известен лишь жестокостями, которые чинил в Молдавии, Польше и Финляндии, но считался твердым и жестким всегда, и такая репутация, казавшаяся свидетельством строгости и силы характера, заставляла смотреть на него как на единственного человека, способного противостоять Наполеону и обеспечить так необходимую сплоченность армии, состоявшей из генералов, завидующих друг другу, из юных офицеров и почти необстрелянных солдат»².

Вызванный из своего орловского имения, престарелый и больной старик Каменский через месяц 7 (19) декабря прибыл к армии и на него сразу обрушился поток рутинных забот, связанных с повседневным управлением, от чего он совершенно отвык. Да и его методы управления оказались своеобразны — через головы прямых начальников посылал приказы их подчиненным. Никакого плана военных действий у «спасителя отечества» не было. Еще до прибытия к армии из Вильно и Гродно, он, помимо просьб о деньгах для армии и для себя, жаловался императору, что в войсках Буксгевдена «вместо 55 тысяч показанных мне по ведомости находится только 40 тысяч человек, и что в некоторых полках нет и патронов»; а про планы спрашивал лишь указаний: «Однако неприятеля пускать не должно в наши границы, а резервная армия еще не собралась, то испрашиваю воли Вашей пресекать-ли мне ему путь и рисковать баталию? Которая может многое поправить, но иметь опасные следствия, в ожидании которой войски останутся в той позиции, о которой доносит Вашему императорскому Величеству ген. Буксгевден»; помимо этого, он признавался в своей физической немощи: «Истинно слабым себя чувствую к защищению столь обширного края и к командованию столь многочисленным войском не только, что в рассуждении неспособности моей к долгой езде верхом, но по усилившейся слабости зрения, так что с нуждой мог докончить сие мое донесение»³. К армии глав-

---

¹ К. В. Нессельроде глухо упоминает об этом: «Назначая Каменского, император не совсем охотно сдался на заявления доходивших до него толков» (Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 506–507).

² Воспоминания А. Х. Бенкендорфа. Зимняя кампания 1806–1807 // Император. 2007. № 11. С. 4.

³ Из бумаг канцелярии генерал-фельдмаршала графа Каменского за 1806 год // Военный сборник. 1907. № 4. С. 245–249; № 5. С. 273–278.

нокомандующий ехал долго¹, а по прибытии его указания о передвижениях корпусов оказались настолько противоречивыми, что ставили в тупик русских генералов и даже противника, ожидавшего какого-нибудь мудреного подвоха. В зависимости от настроения и самочувствия вождя русской армии боевой пыл сменялся унынием и наоборот. Кроме того, он буквально бомбардировал императора просьбами об отставке, упоая на свои многочисленные недуги. Многие историки называли данный период командования «странным», некоторые из современников прямо объявляли главнокомандующего сумасшедшим². А поскольку «вверху» царил полный хаос, то спасло русских (пока французы ничего не понимали) только то, что в ночь с 13 (25) на 14 (26) декабря, через семь дней нахождения во власти, Каменский отбыл от армии, сдав командование старшему в чине генералу Буксгевдену и предварительно разослав приказы об отступлении к русским границам. Историки еще долго будут строить предположения, чем мотивировал свои непредсказуемые действия Каменский, даже разрешил, при необходимости, бросить пушки и обозы³. С таким главнокомандующим Заграничную армию без сомнения в будущем ожидал бы новый Аустерлиц.

После краткой паузы войска обоих противников вошли в боевое соприкосновение. Еще до прибытия Каменского Беннигсен решил задержать французское продвижение на Висле, расположив свои передовые части на правом берегу. Но удержать наступающие широким фронтом французские корпуса было сложно. 16 (28) ноября кавалерия Мюрата без боя вошла в Варшаву и затем заняла ее пригород Прагу. Потом прусский корпус Лестока оставил Торн⁴. Прибывший к войскам Наполеон задумал совершить Пултуский маневр, смысл которого заключался в быстром наступлении ударной группы корпусов от Торна на правый фланг рассредоточенной русской армии и одновременно с этим южная группа корпусов, действуя от Варшавы, должна была обойти русских и захватить переправу через р. Нарев у Пултуска. Таким образом, русские оказались бы окруженными и

---

¹ «Каменский, — сообщил К. В. Нессельроде, — спешил медленно, он точно предчувствовал ожидавшую его катастрофу» (Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 507).

² Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 507.

³ Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 97–98; Васильев И. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 33.

⁴ Первые боевые столкновения противников достаточно подробно освещены И. Н. Васильевым (См.: Васильев И. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 11–17).

припертыми к правому берегу Нарева. Он подготавливал повторение ульмской операции, но уже в 1806 г. в первой линии у Наполеона находилось до 80 тыс. чел. и примерно столько же находилось на подходе.

Судя по действиям русских генералов, у них не имелось продуманного стратегического плана, поэтому они полностью отдали инициативу в руки Наполеона и занимали оборонительное положение. Беннигсен попробовал договориться с Буксгевденом, чтобы сблизить два корпуса в районе Пултуска, но прибывший Каменский решил заменить сосредоточение армии разбросанными дивизиями по р. Вкре. 11 (23) декабря на этой реке в районе Колозomba и Сохочина войска корпуса маршала Ш. П. Ф. Ожеро атаковали русский авангардный отряд под командованием пока еще никому неизвестного генерала М. Б. Барклая де Толли. В тот же день отряд генерала А. И. Остермана-Толстого на юге оборонял занятые позиции у Чарнова против войск маршала Л. Н. Даву, а на севере части маршала Ж. Б. Бессьера с успехом отбили попытку прусского отряда овладеть Бажунью. Авангарды, выдвинутые Каменским вперед, были удалены от главных сил на расстояние от 25 до 40 верст и фактически приняли встречный бой с частями Наполеона. Французы в этих трех местах переправ через р. Вкру везде имели численное преимущество. Они в целом достигли успеха и, переправившись, получили возможность маневрировать. Но русские авангардные отряды, отступая и обороняясь, значительно затруднили темп продвижения французских войск, не случайно Остерман-Толстой получил в награду за свои действия орден Св. Георгия 3-го класса, а Барклай приобрел репутацию храброго военачальника.

Кроме того, в Польше французы столкнулись с новыми проблемами — польской грязью и полупроходимыми дорогами, а также с нехваткой еды. Все мемуары участников похода Великой армии переполнены жалобами на ненастье, польскую грязь и отвратительные дороги. Недостаток продовольствия в бедной Польше явственно обозначился даже в Варшаве. Французы привыкли в Европе, что война должна кормить армию. На польских землях этот принцип не работал, во-первых, в силу бедности страны, во-вторых, французы не могли вести как в завоеванной стране, поскольку пытались сделать поляков своими союзниками. Наполеоновские корпуса в конце 1806 г. потеряли скорость, которой всегда славились. Природные условия зимней Польши привели к медленному передвижению частей и лишили их кавалерию возможности оперативно получать сведения о противнике. 12 (24) декабря непогода (оттепель, мокрый снег) дала возможность русским авангардам оторваться от против-

ника. А вечером 13 (25) декабря вообще разыгралась буря. Немало сбивало с толку французские штабы и блуждание русских частей из-за противоречивых приказов Каменского.

В этой обстановке Наполеон ошибочно предположил, что главные силы русских сосредоточились у Голымина. Поэтому он приказал корпусу маршала Ж. Ланна захватить переправу у Пултуска, а основные силы двинул на север как для широкого обходного маневра слева русской позиции у Голымина, так и для лобового столкновения. Наполеон готовил ловушку — отбросить русских к р. Нарев, где у единственной переправы у Пултуска их должен был уже ожидать Ланн. Это была главная идея Наполеона, которую он попытался реализовать. Но на самом деле основные силы Беннигсена 13 (25) декабря уже оказались стянуты к Пултуску¹. В результате движения основных сил Великой армии на Голымин состоялся бой за этот городок 14 (26) декабря. Здесь утром оказались случайно собравшиеся войска из двух корпусов под командованием генерала князя Д. В. Голицына и генерала Д. С. Дохтурова (примерно 10–15 тыс. чел.). Причем единого командования, как утверждают очевидцы, не было, просто многие части примыкали к позициям русских войск во время боя, а военачальники распоряжались, руководствуясь интуицией. Но в литературе закрепилось мнение, что командовал Голицын (хотя он был младше в чине Дохтурова), поскольку большинство неприкаянных полков присоединилось к его дивизии. Голицын же действовал на свой страх и риск, не имея никаких указаний от высших начальников. Но русские целый день удерживали позиции и отражали атаки превосходящих сил неприятеля (более 30 тыс. чел.), а вечером с наступлением темноты организованно отступили через Голымин в направлении Остроленки. Плохая погода помогла им оторваться от противника². Вероятно, русские понесли меньшие потери (не менее 1000 чел.), чем французы (свыше 1200 чел.). Это обстоятельство объясняется тем, что у русских было преимущество в артиллерии — французские пушки по пути следования завязли на дорогах.

Сражение под Пултуском

Основные события 14 (26) декабря произошли под Пултуском. Корпус маршала Ланна (примерно 15 тыс. чел.) в этот день, выполняя приказ Наполеона, форсированным маршем вышел к Пултуску

---

¹ *Васильев И. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 33.

² *Petre F. L.* Napoleon's Campaign in Poland 1806–1807. P. 111; *Шиканов В. Н.* Первая Польская кампания 1806–1807. С. 69–71.

и столкнулся с основными силами Беннигсена (примерно 40–45 тыс. чел.), уже построеными перед городом в боевой порядок, вытянутый примерно на пять километров. Левый фланг его упирался на р. Нарев и на мост через нее, а правый фланг на Мошинский лес. Беннигсен предполагал, что перед ним находились главные силы Великой армии под личным командованием Наполеона. Поэтому он занял оборонительную позицию и решил действовать в зависимости от обстоятельств, сразу отказавшись от проявления какой-либо инициативы.

Ланн же пребывал в ошибочном заблуждении, что перед ним войска корпуса Буксгевдена, но он имел приказ взять Пултуск и сходу бросил свои войска в атаку. Главный удар он нанес в направлении левого фланга (ближе всего находившегося к переправе — главной цели Ланна), который защищали войска под командованием генерала К. Ф. Багговута. Ланн намеревался прорваться к реке и захватить переправу, чтобы опрокинуть русские позиции и тем самым поставить противника перед угрозой поражения. Поле сражения превратилось в море грязи, солдаты с большим трудом шли в атаку, завязая в вязкой жиже. У русских в избытке имелась артиллерия (у французов же считанные орудия небольшого калибра), и они прикрыли фронт обороны плотным огневым заслоном. Тем не менее французские войска, выстроенные в три колонны, смогли отбросить русских и даже войти в город. Но Беннигсен, поняв замысел Ланна, своевременно предпринял фланговую контратаку и отбросил противника на исходные позиции.

На правом фланге войска под командованием генерала Баркляя де Толли также стойко выдержали несколько атак противника, а затем контратаковали. Наступал явный перелом в пользу русских, а у Ланна почти не оставалось свежих сил, чтобы изменить ход боя. Но после полудня на помощь французам спешно прибыла 3-я дивизия из корпуса Даву под командованием генерала Ж. О. Ф. Дольтана (5 тыс. чел.) и вступила в бой за Мошинский лес против солдат Баркляя. И под давлением противника тот вынужден был отвести войска назад, пока Беннигсен для спасения положения на своем правом фланге не ввел в дело пехотные резервы, а потом и кавалерию, с помощью которых продвижение Дольтана было остановлено¹. После этого русские предприняли еще несколько атак, но были отбиты. Только темнота ночи и разыгравшаяся вьюга прекратили сражение².

---

¹ *Petre F. L. Napoleon's Campaign in Poland 1806–1807. P. 101.*

² *Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 110.*

Войска Ланна отступили от города. После совещания генералов, собравших Беннигсеном, было решено оставить город, и русские войска на следующий день через мост ушли на другой берег Нарева и далее продолжили отступление к Остроленке.

Это было обоснованное решение с учетом событий под Голымином, поскольку дорога от этого пункта на Пултуск стала открыта для главных сил Великой армии и защищать город уже не имело смысла. Даже нанести поражение войскам Ланна на следующий день шансов у Беннигсена объективно уже не имелось, а вот разгромить его, остаться он в этой позиции, французам было по силам с учетом возможности движения их корпусов от Голымина к Пултуску. Как писал позднее сам Беннигсен в своих записках, он только вечером 14 (26) декабря узнал об отступлении всех корпусов: «Те войска, которые я ожидал, двинулись уже по направлению к нашим границам, чтобы перейти их. Спрашиваю, при подобных обстоятельствах, что же мне оставалось делать? Конечно, не что иное, как самому исполнить те же самые приказания фельдмаршала, потому что иначе чему бы я мог подвергнуться, оставаясь один на позиции в Пултуске»¹.

Как водится, каждая из сторон сразу же уверенно заявила об одержанной победе, затем эти точки зрения перекочевали соответственно в российскую и французскую историографию. Как всегда, общие потери сторон оцениваются в литературе неадекватно: у русских — 3–5 тыс. чел., у французов — 3–7 тыс. чел. В данном случае нет резона говорить о чьей-то окончательной победе, так как сражение не стало решающим, а по результатам оказалось ничейным. При этом трудно установить позиционный проигрыш, так как положения сторон к концу боя практически остались неизменными. Следует признать явно преувеличенными оценки французскими авторами одержанной Ланном победы при Пултуске (около половины войск Беннигсена простояло в резерве), мнения же отечественных историков всегда больше склонялись в сторону ничейного результата (хотя тоже встречаются ура-залихватские о разгроме Ланна). Также нельзя признать обоснованными досужие рассуждения французских историков о том, что ужасный климат, польская зима, грязь и ужасные дороги лишили Великую армию возможных побед — условия были одинаковы для обеих сторон. Можно только отметить, что французам при Пултуске, несомненно, пришлось тяжелей, поскольку их противник имел явное численное преимущество (почти в два раза), а у русских, что очень важно, кроме того, было явное превосходство в артиллерии. Упомянем, у французов, как всегда, на высоте оказались инициатив-

---

¹ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 66.

ность и профессионализм высшего командного состава, а также лицо было и тактическое превосходство. Но события уже показали, что русские войска, если сравнивать их с австрийскими или прусскими, могли достойно противопоставлять себя французским. Можно упомянуть нерезализованные возможности Беннигсена, который побоялся ввести в дело все резервы (использовал в бою 37 из 66 батальонов), мог прорвать французские позиции в центре, используя численное преимущество, или даже нанести полное поражение Ланну.

Отметим главное — план Наполеона по разгрому русских был отложен до лучших времен. Можно провести сравнение сражений под Йеной и Ауэрштедтом с боями под Голымином и Пултуском, а вот результаты были отличные от предыдущих, видимо, дело было в том, что им противостояли другие войска. Во всяком случае, русские, хотя действовали не совсем удачно, имели полное право заявить, что их не разгромили.

В нашей литературе стало считаться хорошим тоном ругать действия Беннигсена и его самого. Но необходимо вспомнить, что этот генерал получил ночью перед сражением от главнокомандующего указание начать отступление к своим границам¹. Он не исполнил этот преступный приказ, проявил самовольство и должен быть за это отдан под суд (если строго по закону), тем более что с другим, новым номинальным главнокомандующим у него установились далеко не лучшие отношения. Во всяком случае, поведение Буксгевдена в тот день можно назвать двусмысленным, он с частью своих войск в день боев под Голымином и Пултуском находился в Макове примерно в 15 верстах от обоих мест и остался совершенно безучастным к происходившим событиям². Тут попахивало преступной небрежностью, и

---

¹ В 1818 г. А. И. Михайловский-Данилевский записал рассказ Беннигсена о сражении при Пултуске; «Я полагаю, — сказал Беннигсен, — что сражение под Пултуском есть мастерское мое произведение (mon chef d'oeuvre), потому что я маневрировал в присутствии Наполеона, точно так, как бы на учебном месте; я переменял даже фронт моего правого крыла. Неприятель был бы совершенно разбит, если бы граф Буксгевден, находившийся от меня в семи верстах, пришел ко мне на помощь вопреки фельдмаршалу Каменскому, который велел ему отступить. Сей последний сошел тогда с ума... Он не хотел, чтобы я встретил неприятеля под Пултуском, и, дав мне письменное повеление не принимать сражение, уехал из армии прежде начатия сей битвы» (Записки А. И. Михайловского-Данилевского: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7. С. 192).

² Сам же Беннигсен по горячим следам в письме к А. М. Римскому-Корсакову от 23 декабря 1806 г., комментируя приказ Каменского об отступлении, написал следующее: «Он приказал генералу Буксгевдену бросить

сказался факт соперничества между Буксгевденом и Беннигсеном. Другое дело — искусно составленная реляция о Пултуском сражении с элементами откровенной лжи (сам Наполеон чуть ли не побежден?) оказалась весьма долгожданной и очень важной для Петербурга. Государству были крайне необходимы позитивные новости, и они их получили. Ф. Булгарин так описывал реакцию в Петербурге на получение реляции: «Быстро разнеслась по городу радостная весть и произвела самое благоприятное впечатление. Во всех церквях служили сперва благодарственный молебен, а потом панихиду по убитым воинам. Столица была иллюминирована. Вся Россия торжествовала эти победы»¹.

Александр I недолюбливал Беннигсена (ему было за что), но тут и он на время забыл свои «неудовольствия» и вынужден был щедро наградить «победителя» (орден Св. Георгия 2-го класса и 5 тыс. червонцев). И сделал это император, думается, с огромной радостью после стольких военных и кадровых неудач². Забрехала хотя какая-то надежда, наконец нашелся человек, которому по плечу успешно бороться с самим Наполеоном. По словам К. В. Нессельроде, «гул Пултуского сражения... громко раздался по Петербургу; в Беннигсене стали видеть человека, могущего быть противопоставленным Бонапарту»³. И, как следствие этой радости, был назначен новый главнокомандующий Заграничной армией, конечно же, Беннигсен, а старшего в чине Буксгевдена для пользы службы отозвали из армии. Так вместо военного суда генерал занял место главнокомандующего, словно подтверждая правило — победителей не судят. Но в условиях

все и отступать за нашу границу, и сам бросил армию. Генерал Буксгевден, наступающий со всеми своими силами, чтобы придти ко мне на помощь, находясь от меня всего в семи верстах, к несчастью, вследствие подобного совета, предположил, что моя армия совершенно разбита и опрокинута. Он остановился в ту минуту, когда мог еще присоединиться ко мне в течение самого дня сражения; конечно, не будь этого обстоятельства, день Пултуска получил бы гораздо большее значение, может быть, решающее для всей Европы» (Из архива А. М. Римского-Корсакова // Русская старина. 1898. № 6. С. 132).

¹ Булгарин Ф. Воспоминания. С. 255–256.

² Выбор Беннигсена на этот пост был очень сложен для Александра I, о чем свидетельствует его письмо от 3 января 1807 г. П. А. Толстому: «Трудно описать затруднение, в котором я нахожусь. Где у нас тот человек, пользующийся общим доверием, который соединил военные дарования с необходимой строгостью в деле командования? Что касается меня, то я его не знаю» (цит. по: Сапожников А. И. Указ. соч. С. 89).

³ Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 508.

разразившегося кризиса армейских «верхов» конца 1806 г. необходимо признать, что русские войска благополучно выпутались из создавшейся ситуации, последствия которой могли быть более печальными для армии. Разобиженный Буксгевден после отозвания его в Ригу не только нажаловался царю на Беннигсена, но и вызвал того на поединок 11 марта 1807 г. (намек на события 11 марта 1801 г.) в Мемель. Правда, генеральская дуэль так и не состоялась, а жалоба на Беннигсена осталась без исследования¹.

Выбор нового главнокомандующего оказался оптимальным для тогдашней России. При всей ставшей традиционной критике отечественными историками неоднозначной фигуры Беннигсена, он оказался способным мыслить стратегически и имевшим все задатки быть полководцем. Хотя многие критические замечания исследователей в его адрес, безусловно, являются справедливыми. С другой стороны, необходимо признать, что другие представители его поколения в среде русского генералитета (кроме Кутузова, который находился не в чести), как кандидаты еще в меньшей степени подходили под эту роль «противоборца» с Наполеоном. Во всяком случае, его действия в конце 1806 г. свидетельствовали о незаурядности, а многие его недостатки являлись порождением пороков всей повседневной практики российской армии.

Кампания 1807 г.

«Польская зима» заставила Наполеона принять решение о прекращении активных операций против русской армии, во всяком случае, он понимал и сделал выводы, что это не лучшее время для действий Великой армии. Французы встали на зимние квартиры, и их корпуса были расквартированы в районе р. Вислы. Сам Наполеон отправился в Варшаву, как раз вскоре в это время у него случился роман с «польской женой» — красавицей Марией Валевской. Вот только его солдатам было не до романов с прекрасными польками. Все мемуары, письма и даже служебная переписка пестрят упоминаниями о бедствиях среди французов в 1807 г. Оказалось, что лучше двигаться, чем стоять на постое, поскольку на зимних квартирах есть было нечего.

Надо сказать, что аналогичная ситуация наблюдалась и в рядах русской армии, о чем упоминалось в самых разных источниках² (они,

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 139.

² Даже прибывший на театр военных действий в Пруссию донской генерал А. К. Денисов сразу отметил: «Такой недостаток виделся в хлебе, что в

как и французские, буквально «кричат» об этом¹). В рядах двух противоборствовавших армий насчитывалось не только большое количество больных, но и появилась масса дезертиров, банды мародеров наводнили театр военных действий, а население подвергалось повальному грабежу. Даже официальный историограф этой войны А. И. Михайловский-Данилевский вынужден был осторожно признать, что в этот период «голод породил небывалое в русской армии зло — бродяжничество»². Командование французских и русских частей вынуждено было прибегать к весьма суровым мерам, вплоть до расстрела, но они не могли в полной мере восстановить дисциплину среди своих голодных солдат³.

Обычные упреки в адрес Беннигсена, что он оказался не в состоянии в тот период обеспечить продовольствие русских войск. Думается, этот явный грех русского главнокомандующего не совсем его, так как армия находилась в 1807 г. на территории Пруссии, и будь он даже гениальным администратором, он не смог бы переломить ситуацию к лучшему, особенно учитывая традиции отечественных провиантмейстеров, постоянно наживавшихся на поставках. А. И. Михайловский-Данилевский дословно привел его разговор с Беннигсеном в 1818 г.: «Вы не можете себе представить невежество наших офицеров и дурного устройства армии в войну 1806 и 1807 гг.; в этом походе у меня все было, кроме трех вещей: денег, продовольствия и войск»⁴. Да и пример Наполеона, безусловно, являвшегося в современном понимании талантливым администратором, только подтверждает это мнение. Гений и энергия французского императора оказались бессильны перед объективными факторами голода в небогатой и разоренной стране.

самих трактирах онаго для дороги нельзя было сыскать» (Записки донского атамана Денисова. С. 154).

¹ Участник войны князь А. П. Оболенский позже вспоминал зиму и весну 1807 г.: «Войска стояли месяца два на одном месте, жителей во многих селениях не было, все в оных разграблено. Передовые войска претерпевали большой недостаток в провианте, ...дороги были непроходимы, на них аршин было жидкой грязи. Фуры, посылаемые за хлебом, останавливались на дороге, лошади, слабая, не могли их вытаскивать и сами тут же издыхали» (Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 93).

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 131.

³ Там же. С. 138; *Леттов-Форбек О.* История войны 1806 и 1807 гг. Т. 3. С. 262.

⁴ Записки А. И. Михайловского-Данилевского: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7. С. 195.

Беннигсен отлично осознавал, что, получив назначение на высший пост армии, должен оправдать доверие. И он почти сразу приступил к активным военным действиям и не дал возможности французам долго засиживаться на зимних квартирах. В его распоряжении оказалось примерно 100 тыс. чел. Оставив против Варшавы для прикрытия корпус генерала И. Н. Эссена, основные силы новый главнокомандующий перевел в Восточную Пруссию. Он первоначально нацелил свои наступательные действия против отдаленных левофланговых французских корпусов маршалов Ней и Бернадотта, надеясь разбить их по частям, а затем освободить от блокады Данциг. 4 (16) января русская армия под прикрытием лесных массивов двинулась из района Бялы на запад, чтобы нанести поражение разбросанным по бивуакам французам, рассчитывая на эффект внезапности. Удачное наступление могло кардинально изменить ситуацию на р. Висле и создать условия, чтобы очистить всю территорию до р. Одер от противника. Но Ней ввиду недостатка продовольствия при расквартировании своего корпуса нарушил приказ Наполеона (не вести наступательных действий) и совершил поиск в район Гутштадта-Гейльсберга, за что позже подвергся от своего императора форменному разносу («растревожил асиное гнездо»). Но внезапности не получилось, первым о русском наступлении узнал Ней и успел предупредить Бернадотта, а тот смог подготовиться к встрече с противником. После боев под Либштадтом и Морунгеном 12–13 (24–25) января, где стороны понесли примерно равные потери (примерно по 2 тыс. чел.) Бернадотт решил отступить. К этому его обязывал и полученный от Наполеона приказ. Таким образом, Беннигсен упустил благоприятный момент — нанести поражение отдельным французским корпусам. Как позже заметил историк-эмигрант А. А. Керсновский: «Отлично задуманный план был донельзя скверно выполнен»⁵.

Французский император только 14 (26) января узнал о движении главных сил Беннигсена. Вряд ли его обрадовали такие новости, но не в его характере было уклоняться от нападения противника. В его мозгу сразу же созрел план, по которому Бернадотт должен и дальше продолжить отход к Торну, чтобы растянуть коммуникации русской наступающей армии и тем самым подставить ее с юга под фланговый удар главных сил Наполеона. Французские войска были сосредоточены с удивительной быстротой. Уже 16 (28) января все корпуса получили приказ о выступлении. Наполеон рассчитывал, что этот маневр пройдет незамеченным противником⁶.

---

⁵ Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 1. С. 224.

⁶ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 14. Р. 245, 249–250.

Но уже 20 января (1 февраля) русские разъезды перехватили несколько депеш французского императора (всего было перехвачено семь депеш), из которых становилось ясно содержание его плана — отрезать русские войска от Кенигсберга, отбросить их к морю или в район нижней Вислы. Беннигсен срочно прекратил преследование войск Бернадотта. 22 января (3 февраля) он развернул свою армию с запада фронтом на юг и сосредоточил ее у Янково, прикрыв дорогу на Либштадт. Наполеона крайне удивило появление русской армии на его пути, в тот день под его рукой оказались лишь гвардия, кавалерия Мюрата и пять дивизий из корпусов Сульта и Нея. На подходе были корпуса Даву и Ожеро. Он отложил главную атаку на следующий день, но в то же время в целях ее подготовки принял решение захватить Бергфридскую переправу. Три дивизии должны были сковать силы противника с фронта, а двум дивизиям Сульта предстояло захватить мост на р. Алле у с. Бергфрид, зайти в тыл левого фланга Беннигсена и перерезать дорогу на Кенигсберг. Ожесточенные бои 22 января (3 февраля) разгорелись за обладание мостом. Здесь отличились в этот день три русских полка (особенно Углицкий мушкетерский полк) под командованием генерала Н. М. Каменского¹. Сопrotивление полков Каменского, не позволившее Сульту сходу захватить этот стратегически важный мост, сорвало план Наполеона. Беннигсен же не стал рисковать, да и он опасался обходного движения. Ночью русские покинули позицию у Янково и тремя колоннами отошли на север, с целью присоединения не успевших подойти к Янкову частей князя Багратиона и прусского корпуса Лестока.

После ухода русских из-под Янково Наполеону снова стало ясно, что и на этот раз подготовленная ловушка не сработала. Но французский полководец не оставил мысли перерезать путь Беннигсену. Он приказал корпусам Сульта и Даву совершить обход русских, направляясь на Гутштадт и Гейдельберг, Нею двигаться влево на Либштадт и отрезать путь соединения корпуса Лестока с Беннигсеном, корпусу Ожеро с резервной кавалерией оказывать давление на главные русские силы, а корпусу Бернадотта, далеко отделившегося по его же желанию, приказал поспешить к главным силам Великой армии (что выполнить тот уже никак не успевал). Фактически Наполеон хотел осуществить двойной обхват русской армии, а численное преимущество французских войск давало ему на это надежду.

Последующие три дня 23–25 января (4–6 февраля) были отмечены ожесточенными схватками в арьергардных боях, в которых отли-

---

¹ См.: *Вершини* А. А. Углицкий полк. 1708–1918. Ярославль, 2008. С. 47–49.

чилились командовавшие боковыми отрядами русского прикрытия: генералы М. Б. Барклай де Толли и К. Ф. Багговут, а также князь П. И. Багратион (только что прибывший на театр военных действий), осуществлявший общее руководство тремя арьергардами. Очень тяжелые бои выдержал арьергард Барклая (5 тыс. чел.) 25 января (6 февраля) под Хофом¹. Судя по сложившейся ситуации, фактически он должен был принести свой отряд в жертву, чтобы дать возможность Беннигсену собрать войска в Лансберге, где тот первоначально намеревался дать сражение. Почти все полки Барклая понесли огромные потери (особенно 1-й егерский и Костромской мушкетерский полки), а французы в качестве трофеев захватили четыре русских знамени. Но позиция под Лансбергом имела много недостатков, и Беннигсен затем отступил от этого города. Барклай и его войска выполнили свой долг и мужественно отражали атаки противника; только наступившая темнота и глубокий снег, мешавший быстрому продвижению французов, спасли их от полного уничтожения. Потери Барклая были значительные (свыше 2 тыс. чел.), но и у противника — не меньше². 26 февраля (7 февраля) уже на подступах к Прейсиш-Эйлау русский арьергард под командованием Багратиона также создал все условия, для того чтобы Беннигсен успел подготовить новую позицию позади этого города. После многочасового боя лишь после полудня Багратион отступил к городу, где удар на себя приняли уже полки под командой Барклая, который во время боя получил тяжелое ранение. К ночи город окончательно перешел в руки французов³.

В литературе бытует мнение, что 26 января (7 февраля) Наполеон вовсе не хотел занимать Прейсиш-Эйлау, поскольку в его распоряжении было еще мало сил — поэтому он не желал слишком далеко выдвигать свой центр, до прибытия корпусов Даву и Нея. Обоснование этой версии можно найти в мемуарах наполеоновского

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 178–182.

² После боя при Хофе М. Б. Барклай де Толли написал: «Мне и сотоварищам моим, в сем деле храбро сражавшимся, остается успокоиться тем, что удержана была наша позиция и через то армия от внезапного наступления сил неприятельских была защищена: таково было наше назначение и вся цель наша, и если сие удалось, то вознаграждены все жертвы» (цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 182).

³ См.: Рабинович Я. Н. Неизвестное сражение при Прейсиш-Эйлау 26 января 1807 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2007. Т. 7. С. 28–33.

офицера М. Марбо. Если верить ему, то в бой за город в этот день французы ввязались из-за того, что императорский обоз с багажом Наполеона неосторожно обосновался на линии передовых постов у самого города, а русский патруль чуть его не захватил. Сначала вспыхнула перестрелка, потом она переросла в столкновение уже в самом городе¹. Конечно, воспоминания Марбо очень интересно читать, но верить ему безоглядно нельзя, слишком уж вольно он обращался с фактами. Тем удивительнее, что такие авторитетные ученые, как Д. Чандлер и А. Лашук, посчитали описанный случай правдивым и изложили эту версию в своих работах без всякой критики². Наверно, ни одно сражение эпохи наполеоновских войн так не окутано мифами, как события при Прейсиш-Эйлау. Но на данный момент источники не подтверждают этого рассказа, этому противоречит и логика происходивших событий. Штурм города французами начался сразу же, как через него прошли войска Багратиона. И вряд ли обоз мог очутиться впереди или на уровне боевых частей. Город несколько раз переходил из рук в руки и только к ночи окончательно был взят французами. Более убедительным необходимо признать мнение современного историка В. Н. Шиканова, посвятившего отдельную книгу кампании 1806–1807 гг., который полагает, что командование тогда просто утратило контроль над ситуацией³. Солдаты обеих армий слишком долго ночевали на бивуаках в холоде и без пищи, поэтому надеялись найти крышу над головой, тепло и еду в городе, чем во многом объясняется ожесточенный характер боестолкновений в Прейсиш-Эйлау. Сам же Беннигсен в своих записках утверждал, что в десять часов вечера он сам отдал приказ «очистить город со всевозможною тишиною»⁴.

Сражение при Прейсиш-Эйлау

Цель, которую давно уже ставил себе Наполеон, была очевидной — разгромить русскую армию при Прейсиш-Эйлау, или отбросить ее к прусской границе. Задачи, стоявшие перед Беннигсеном, не являлись столь амбициозными, он хотел лишь соединиться с корпусом Лестока и защитить Кенигсберг. Да и необходимость сражения для русского главнокомандующего стала очевидной. При отступлении армия несла слишком большие потери отставшими и дезертира-

---

¹ Мемуары генерала барона Марбо. С. 202–203.

² Чандлер Д. Указ. соч. С. 333–334; Лашук А. Указ. соч. С. 279–280.

³ Шиканов В. Н. Первая Польская кампания 1806–1807. С. 138.

⁴ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 140–141.

ми, а общее настроение войск требовало битвы. Продолжение отступления без боя грозило полным разладом дисциплины. Этого требовало и стратегическое положение. Прейсиш-Эйлау был расположен на развилке двух дорог — на Кенигсберг и на Фридланд (путь в Россию). Отдать этот пункт Беннигсен просто так не мог. Этого ему не простил бы и Петербург.

Силы сторон, участвовавшие в сражении, были равными — примерно по 70 тыс. чел., хотя в литературе ведутся, естественно, споры, у кого было больше (от 60 до 90 тыс. чел. в каждой армии)¹. Единственно, что можно признать, это явное преимущество русских по количеству артиллерийских орудий. Длина фронта расположения русских войск достигала пяти верст от селения Шлодиттен на правом фланге до селения Серпален на левом. В первой линии были выстроены четыре дивизии, правым флангом командовал генерал Н. А. Тучков, центром — генерал Ф. В. Остен-Сакен, левым флангом — генерал А. И. Остерман-Толстой. Главным резервом из двух дивизий командовал генерал Д. С. Дохтуров, 14-я дивизия генерала Н. М. Каменского составляла резерв левого фланга. Особый отряд генерала К. Ф. Багговута был выдвинут уступом впереди левого фланга у с. Серпален. Кавалерией, рассредоточенной по всему фронту, командовал генерал Д. В. Голицын. Артиллерия (под началом генерала Д. П. Резвого) в значительной степени была массирована в три батареи (60–70 орудий в каждой) или находилась в интервалах полков. Беннигсен, кроме того, ожидал прибытия прусского корпуса Лестока. Густое построение войск было рассчитано на отбитие атак противника, т. е. преследовались чисто оборонительные задачи.

Наполеон же, наоборот, делал ставку на атаку. В то же время он не спешил начать дело, стараясь дождаться подхода в первую очередь корпуса Даву, а также корпуса Нея. Собственно, с помощью этих двух фланговых корпусов он надеялся совершить двойной обхват и отрезать отступательное движение русских как на Кенигсберг, так и на Фридланд. Но в самом начале сражения у него под рукой имелись лишь корпуса Сульта и Ожеро, многочисленная конница Мюрата и императорская гвардия, которая как всегда была поставлена в резерв, но находилась в зоне поражения русской артиллерии. Поэтому корпусам Сульта и Ожеро была поставлена задача сковать своими действиями русский правый фланг и центр и тем самым облегчить задачу корпуса Даву, которому предстояло нанести главный удар против

---

¹ Подробнее см.: *Панченко А. А.* Эйлау 1807 года: точки зрения на соотношение сил, ход и итоги сражения // *Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи.* М., 2005.

левого фланга русской армии. Затем корпус Нея, не допустив соединения пруссаков Лестока с Беннигсеном, должен был нанести завершающий удар уже против правого фланга русских.

Сражение началось примерно в 8 часов утра. Наполеон же явно не торопился. Утром войск в его распоряжении перед фронтом противника первоначально было слишком мало, и он всерьез опасался атаки главных сил Беннигсена (чего тот не предпринял), особенно на флангах. Поэтому завязалась активная артиллерийская дуэль, причем в результате многочасовой перестрелки русским, видимо, доставалось больше, учитывая их скученное построение, фронт же французов был более растянут и скрыт за господствовавшими высотами, хотя и они пострадали. Так, даже пехота императорской гвардии, стоявшая на кладбище Прейсиш-Эйлау и не вступившая в тот день в бой, понесла от русского артиллерийского огня потери свыше 10 % своего состава (до 400 чел.)¹. Попытки маршала Сульта при поддержке кавалерии сковать русские полки на правом фланге в целом оказались неудачными, они были отбиты и окончились русской контратакой. Но главные события развернулись на левом русском фланге. Около 10 часов утра Наполеон наконец-то получил ободряющее известие о подходе передовых сил корпуса Даву по дороге из Бартенштейна. Он тотчас приказал дивизии Сент-Илера из корпуса Сульта при поддержке кавалерии войти в контакт с передовой дивизией Даву, а корпусу Ожеро выдвинуться на исходные позиции и атаковать противника в стык русского центра и левого фланга. Этим он хотел отвлечь внимание русских и облегчить ввод в бой корпуса Даву. Две дивизии Ожеро развернулись в боевой порядок и пошли в атаку в тот момент, когда на поле сражения разыгралась снежная буря (снег бил прямо в лицо французам, «так, что в двух шагах ничего не было видно»), а помимо этого, их накрывала и русская картечь. В условиях плохой видимости французы потеряли ориентиры (как тогда говорили «дирекцию»), взяли влево и в результате вышли на центр русской позиции. Они оказались прямо против 70-пушечной батареи под командой генерала К. Ф. Левенштерна, и огонь этих орудий буквально смел первые ряды французов, а затем при артиллерийской поддержке в контратаку устремились русская пехота и кавалерия. Так позднее описал это событие А. Х. Бенкендорф: «Огонь был сильный и хорошо направлен, что в одно мгновение опрокинул весь корпус маршала Ожеро; колонны пришли в расстройство и отступили в полном беспорядке. Наша пехота преследовала французов вплоть до городских улиц. Эйлау можно было бы тогда захватить,

---

¹ *Васильев И. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 6.

как и всю французскую позицию с фланга, если бы генерал Тучков получил приказ наступать; он запросил распоряжение генерала Беннигсена, но его не могли найти»¹.

Большинство отечественных и иностранных авторов единодушны в том, что после этого корпус (15 тыс. чел.) был почти полностью разгромлен. Многие мемуаристы, описывая этот эпизод, называли его «побоищем». Менее чем за полчаса целые французские полки были выбиты, пулевое ранение в руку получил сам Ожеро, один дивизионный командир (Ж. Дежарден) получил смертельное ранение, другой (Э. Эделе) также был тяжело ранен. Об этом событии можно прочитать в мемуарах того же Марбо, который являлся адъютантом Ожеро и оставил рассказ об этих драматических событиях. Предоставим ему слово: «Корпус Ожеро был уничтожен почти полностью. Из 15 тысяч бойцов... к вечеру осталось только 3 тысячи под командованием подполковника Масси. Маршал, все генералы и все полковники были ранены или убиты»². Особенно пострадал 14-й линейный полк, он оказался отрезанным на одном из холмов, и затем был почти полностью уничтожен — иностранные авторы всегда описывали героическую гибель его солдат, благодаря воспоминаниям выжившего свидетеля этого подвига барона Марбо. Русские полки, преследуя остатки корпуса Ожеро, вышли к Прейсиш-Эйлау и уже стали угрожать непосредственно ставке Наполеона. Ему срочно требовалось заткнуть образовавшуюся брешь в центре и остановить русских в этот критический момент. У него же под рукой оставались только гвардия и резервная кавалерия. Но своей гвардией французский император не захотел рисковать (был использован только батальон гренадеров), а приказал всей коннице Мюрата контратаковать русских и затем послал ему в помощь и гвардейскую кавалерию³. Об этой грандиозной атаке, сметавшей все на своем пути, пишут детально все иностранные авторы, поскольку французская кавалерия не только нанесла русским большой урон (ее потери также были достаточно велики) и стабилизировала положение в центре сражения, но и значительно облегчила положение Даву, дивизии которого постепенно прибывали на поле боя.

Дивизия генерала Л. Фриана первой атаковала отряд Багговута и при поддержке дивизий генералов Л. В. Ж. Сент-Илера и Ш. А. Л. А. Морана выбила его из с. Серпален. Затем к Даву подошла

---

¹ Воспоминания А. Х. Бенкендорфа. Зимняя кампания 1806–1807 // Император. 2009. № 12. С. 23–24.

² Мемуары генерала барона Марбо. С. 205.

³ Колюбакин Б. Указ. соч. С. 20–21.

дивизия генерала Ш. Э. Гюдена, и в 14 часов его корпус овладел с. Кляйн-Заусгартен, несмотря на то что в бой со стороны русских уже втянулись полки генерала Н. М. Каменского, прикрывшего отступление отряда Багговута, а также дивизии Остермана-Толстого. С большими усилиями и постоянно подвергаясь контратакам, корпус Даву продвигался вперед, ему удалось взять мызу Ауклапен (ранее здесь располагалась главная квартира Беннигсена) и дойти до с. Кушитен на правом фланге. Он сбил русских с дороги на Фридланд, но дальше пройти не смог, так как его войска уже понесли значительные потери, до трети состава.

Это был самый кризисный момент сражения для русской армии: левый фланг оказался опасно развернут почти на 90 градусов на север, все резервы уже были введены в дело, а среди высших генералов стали раздаваться голоса о необходимости отступления, так как в этот момент главнокомандующий отсутствовал в штабе целый час — заблудился, поехав лично встречать корпус Лестока. А. Х. Бенкендорф вообще написал в своих воспоминаниях: «Генерал Беннигсен на протяжении нескольких часов не появлялся на поле битвы; зная его храбрость, мы посчитали, что он попал под одну из кавалерийских атак»¹. Фактически никто не осуществлял командование русской армии в тот момент. Спасло положение прибытие переброшенных с правого на левый фланг трех конноартиллерийских рот. 36 русских орудий так удачно начали обстрел полков Даву, что позднее историки их назовут «конноартиллерийской контратакой». Но именно их огонь позволил русским отбить мызу Ауклапен².

В этот момент (примерно в 16 часов) наконец-то к русским подошел корпус Лестока (примерно 6 тыс. чел., в его составе находился и Выборгский мушкетерский полк). Ему удалось оторваться от Нея, и он сходу атаковал с. Кушитен³. Выбив оттуда противника, Лесток, при поддержке русской конницы, занял березовую рощу перед с. Кляйн-Заусгартен. После чего Даву удалось восстановить порядок в войсках и закрепиться в этом селении при помощи установленной там батареи.

Уже вечером Беннигсен отправился к войскам правого фланга генерала Тучкова, собираясь организовать атаку противника на своем правом фланге. Но тут были получены известия, что в тылу у русских на правом фланге появились головные части Нея, которм уда-

---

¹ Воспоминания А. Х. Бенкендорфа. Зимняя кампания 1806–1807 // Император. 2009. № 12. С. 25.

² Колюбакин Б. Указ. соч. С. 26–27.

³ Там же. С. 27–28.

лось взять с. Шлодиттен¹. Правда, русские очень скоро отбили это селение, но атаку на правом фланге пришлось отменить. После 10 часов вечера стрельба полностью прекратилась.

Так закончилось ничейным результатом сражение при Прейсиш-Эйлау, победу в котором главнокомандующие стали оспаривать каждый в свою пользу. Беннигсен не стал рисковать (его обеспокоило появление Нея) и после совещания с генералами приказал армии отходить к Кенигсбергу. Причем главнокомандующему пришлось столкнуться с оппозицией высших генералов. За сражение на следующий день выступил практически весь штаб Беннигсена: Б. Ф. Кнорринг (помощник главнокомандующего), Ф. Ф. Штейнгель (генерал-квартирмейстер) и П. А. Толстой (дежурный генерал). Дело едва не дошло до поединка между двумя полными генералами — Кноррингом и Беннигсеном, они чуть ли «не бросились друг на друга со шпагами», едва их удалось присутствовавшим примирить². Позже Толстого заменили, а Кнорринга отозвали из армии. К слову сказать, Наполеон также обсуждал в своей Главной квартире возможность отступления, но решил подождать до утра, а ночью узнал, что русские начали отход от Прейсиш-Эйлау. В войсках при движении возникли беспорядки, появилось много отставших, но эффективного преследования Наполеон организовать уже не мог³.

Русское отступление к Кенигсбергу дало затем весомый повод для Наполеона утверждать, что именно он победил в этой ужасной битве⁴. Чтобы убедить всю Европу в этом, он даже пробыл в Прейсиш-Эйлау девять дней, а затем отвел армию за р. Пассаргу. Задачи, стоявшие как перед Наполеоном, так и перед Беннигсеном, оказались нерешенными. Французский полководец не смог окружить и разгромить русских, мало того, сам находился на волоске от поражения.

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 205.

² Из записок фельдмаршала Сакена // Русский архив. 1900. № 2. С. 173; Сапожников А. И. Указ. соч. С. 90.

³ Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 508.

⁴ Все общественное мнение России было убеждено в обратном — что французы потерпели поражение. Даже через шесть лет один из авторов журнала «Вестник Европы», комментируя высказывания Наполеона о победах в России и вспомнив о Прейсиш-Эйлау, как о своем успехе, был, по-видимому, искренне удивлен и писал: «Это еще страннее того, что он почитал себя победителем под Прейсиш-Эйлау; ибо хотя всем известно, что и там его побили, но по крайней мере следствия того сражения давали хвастовству его некоторый вид вероятности» (Вестник Европы. 1813. № 1–2. С. 105).

Войска Беннигсена, хотя и обескровили противника, сами уже не могли наступать. Активного преследования русских не последовало. Об этом образно позднее написала адъютант Багратиона Д. В. Давыдов: «Французская армия, как расстрелянный военный корабль, с обломанными мачтами и с изорванными парусами, колыхалась еще грозная, но не способная уже сделать один шаг вперед ни для битвы, ни даже для преследования»¹. Ему вторил и А. Х. Бенкендорф: «Неприятель нас не преследовал; все сообщения доказывали, что он разбит при Эйлау и продолжать военные действия не в состоянии»².

Русская армия понесла большой урон: по официальным данным, 7 тыс. убитых и 18 тыс. раненых, из них девять генералов. Но потери Великой армии также были велики, даже по заниженным данным: свыше 2 тыс. убитых и почти 18 тыс. раненых. Погибло или смертельно ранено восемь генералов, а ранено два маршала и тринадцать генералов. Необходимо сказать, что после сражения огромное количество раненых, включая французов, умирало несколько дней, в основном от холодов, даже если им была оказана медиками Великой армии помощь. Не было помещений (не говоря уже о теплых домах), где бы их можно было разместить и ухаживать, фактически они медленно умирали на улицах. Зрелище медленно замерзающих искалеченных раненых производило ужасное впечатление. Об этом можно судить по дошедшим до нас мемуарам современников, видевших происходящее своими глазами.

У французов полностью был расформирован корпус Ожеро, потерявший боеспособность. К тому же Великая армия за два дня боев лишилась пяти орлов и не захватила ни одного русского знамени. Обе армии были обескровлены и не испытывали особого желания продолжить сражение на следующий день. Беннигсен также опасался очередного быстрого маневра Наполеона, ожидавшегося подхода свежего корпуса Бернадотта, а у русских не было на подходе никаких подкреплений. Для французов скорее удивительным оказалось то, что они не смогли одолеть русских. Наверно, впервые Великой армии не удалось добиться победы. Мало того, наполеоновские генералы отлично понимали, что сами находились на волосок от поражения. Видимо, у русских было то, что отсутствовало в других армиях, а именно стойкость и мужество, как раз те качества, с которыми они могли на равных соревноваться с французами.

---

¹ Давыдов Д. Военные записки. С. 105.

² Воспоминания А. Х. Бенкендорфа. Зимняя кампания 1806–1807 // Император. 2009. № 12. С. 26.

Можно приводить и сравнивать достаточно противоречивые данные о потерях, но нельзя заявлять, что русские войска потерпели поражение. Но главным и самым значимым после окончания битвы являлось представление европейскому общественному мнению результатов сражения. Тут Наполеон и Беннигсен явно соревновались друг с другом. Правда, Наполеону пришлось убеждать Европу своим бюллетенем (составлен самим императором 2 марта 1807 г.), что сделать ему в полной мере не удалось, поскольку общественные круги уже привыкли к его потрясающим победам, а побоище при Прейсиш-Эйлау было воспринято как явная заминка в его успехах. Резкий обвал ставок на бирже в Париже свидетельствовал именно об этом. Наполеон потерял свой ореол непобедимости после Прейсиш-Эйлау. Спустя три недели по инициативе Наполеона в Париже срочно провели конкурс на большое живописное полотно на тему этого сражения с призом в 16 тыс. франков. Нужно было пресечь слухи о поражении и прославить великодушного победителя. В объявлении на конкурс задача для художников была сформулирована следующим образом: «Следующий день после битвы при Эйлау, когда император обходит поле сражения и в порыве человечности приходит на помощь, и дарит утешение героическим жертвам вчерашней битвы»¹. В конкурсе приняли участие ведущие художники Франции. Победителем стал А. Ж. Гро, а Ш. Менье получил первую дополнительную премию. Их полотна имеют схожую композицию — конный Наполеон в окружении своего штаба едет по заснеженному полю, на котором в большом количестве лежат раненые и умершие русские воины. Наполеон уже тогда очень хорошо понимал роль искусства как важнейшего средства пропаганды.

Перед Беннигсеном же стояла задача поскромнее — стать «победителем непобедимого», а для этого необходимо было убедить в победе российского императора, для чего он представил реляцию, где красочно расписал эпизоды и результаты, а в завершении эффектно попросил отставки. С реляцией в Петербург, по мнению Е. В. Анисимова, был отослан флигель-адъютант А. Х. Бенкендорф, а следом за ним Беннигсен отправил для личного свидания с императором князя П. И. Багратиона². Бенкендорф был адъютантом генерала П. А. Толстого и должен был на словах сообщить точку зрения этого генерала, не одобрявшего деятельность Беннигсена. Но главнокомандующий сразу после сражения предусмотрительно направил с

---

¹ Наполеон и Лувр: Из собраний музеев Франции. Выставка в Государственном историческом музее. М., 2010. С. 106.

² Анисимов Е. Указ. соч. С. 269–271.

рапортом и с пятью захваченными знаменами (в реляции — 12) флигель-адъютанта М. Ф. Ставицкого, который первым прибыл в Петербург. Бенкендорф же опоздал. В Петербурге уже всюду праздновали победу, поэтому среди всеобщего ликования посланца Толстого встретили холодно, так же как и переданное на словах негативное мнение этого генерала¹. Как говорится, плох тот генерал, кто не умеет грамотно составлять реляции и не успевает вовремя подать их. А Беннигсен сумел! Иначе за что бы он получил высшую награду империи орден Св. Андрея Первозванного, 12 тыс. рублей пенсии и милостивое письмо от императора от 8 февраля 1807 г., в котором был сплошной елей от восторга победы, и, естественно, отставка не принималась².

Для нижних чинов вскоре после Прейсиш-Эйлау была введена самая популярная среди солдат награда — знак отличия Военного ордена (в просторечии — георгиевский крест), первые награждения получили как раз за это сражение. А всем офицерам-участникам этой битвы были вручены золотые прейсиш-эйлауские кресты (наподобие георгиевского) для ношения в петлице. Уже 5 (17) февраля Великая армия отступила от Прейсиш-Эйлау за р. Пассаргу. Ее преследовали казаки. Беннигсен в письме к генералу А. М. Римскому-Корсакову от 18 февраля 1807 г. следующим образом описывал увиденный им путь отступления французов: «На всех дорогах, по которым мы проходили, можно видеть потери и ужасный разгром французской армии, все они покрыты их повозками»³. «Обратное шествие неприятельской армии, — вспоминал Д. В. Давыдов, — несмотря на умеренность стужи, ни в чем не уступало в уроне, понесенном ею

---

¹ См.: *Олейников Д. И.* Бенкендорф. С. 77–78.

² Александр I написал: «Вы легко можете представить себе, генерал, радость, испытанную мною при вести о счастливом исходе сражения при Прейсиш-Эйлау. Вам, генерал, уготована была слава быть победителем того, кто до сих пор еще никогда не был побежденным. Для меня очень приятно выразить вам и свою благодарность и благодарность всего отечества... Признаюсь вам, генерал, что я лишь, к сожалению, узнал о вашем решении отступить, но облекши вас своим доверием, представляю вам распорядиться, как укажут вам ваши таланты и ваша опытность. Вы сумеете определить момент, когда вы должны будете двинуться и воспользоваться своей победой. ...Продолжайте только, как вы начали, и вы обессмертите свое имя. Что касается меня, то я желаю только убедить вас как можно более в доверии, которое я питаю к вам» (Копия с собственноручного письма Александра к генералу Беннигсену // Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 565–567).

³ Из архива А. М. Римского-Корсакова // Русская старина. 1898. № 7. С. 465.

пять лет назад при отступлении из Москвы к Неману... Везде встречали мы сотни лошадей, умирающих или заваливших труппами своим путь, по коему мы следовали, и лазаретные фуры, полные умершими или умирающими и искаженными в Эйлауском сражении солдатами и чиновниками. Торопливость в отступлении до того достигла, что, кроме страдальцев, оставленных в повозках, мы находили многих из них выброшенных на снег, без покрова и одежды, истекающих кровию. Таких было на каждой версте не один, не два, но десятки и сотни. Сверх того, все деревни, находившиеся на нашем пути, завалены были большими и ранеными, без врачей, пищи и без малейшего призора»¹.

После затишья

После Прейсиш-Эйлау наступило трехмесячное затишье, главные силы сторон нуждались в отдыхе и реорганизации. Продолжались бои местного значения на всем периметре театра военных действий, но они не имели характера стратегического изменения в расстановке сил. Наполеон предложил даже Беннигсену заключить перемирие, а прусскому королю — сепаратный мир, но получил отказ². Правда, в этот период войны у русских получила развитие «малая война», т. е. партизанские действия и поиски кавалерийских отрядов. Основную роль здесь играли донские казачьи полки (подкрепленные регулярными частями), совершавшие рейды и нападения на передовые посты и слабые отряды противника³.

Для Наполеона же вынужденная пауза создавала возможность ликвидировать давние «занозы» — затянувшиеся осады нескольких прусских крепостей в Силезии и на Балтийском взморье, главной из которых была Данцигская цитадель. Нахождение на флангах и в тылу прусских гарнизонов создавало проблемы для его операционной линии, оттягивало значительные силы и таило потенциальную угрозу в будущем, в случае перехода русских в наступление в направлении Силезии или Балтийского побережья. Но только 15 (27) мая гарнизон Данцига вынужден был согласиться на почетную капиту-

---

¹ Давыдов Д. Указ. соч. С. 106.

² Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 509; Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 221–225.

³ Как писал Н. Морозов, «открылась партизанская война, в которой казаки приобрели решительный перевес и положили начало своей славы» (Морозов Н. Бои у Гутштадта и Гейльсберга: Май 1807 года // Военный сборник. 1907. № 5. С. 2).

ляцию после 52-дневной осады¹, а некоторые прусские крепости так и не сдались до конца войны. Но главное состояло в том, что французы окончательно утвердились на нижней Висле, а для действий против русских освобождался целый корпус.

В целом положение Наполеона в Европе оставалось чрезвычайно сложным. Наоборот, Россия и Пруссия 14 (26) апреля заключили новую союзную конвенцию в Бартенштейне, имевшей целью «упрочить в Европе общий и твердый мир, обеспеченный ручательством всех держав». Если отбросить декларативные статьи договора, то союзники заявляли о своей решимости вести войну до победного конца и не заключать сепаратного мира. Кроме того, говорилось об обязательном возврате Пруссии ее прежних владений, непризнании Рейнского союза, необходимости возвращения земельных владений Австрии, восстановления Сардинского и Неаполитанского королевств². С точки зрения долгосрочных перспектив такие заявления были оправданы. Но провозглашение глобальных задач новой конвенции мало согласовывалось с реальной обстановкой и было направлено на вовлечение Австрии в состав четвертой коалиции, а также на активизацию действий Англии и Швеции.

После заключения конвенции Александр I отправил майора Ф. В. Тейля фон Сераскеркена с письмом австрийскому императору, в котором предлагался даже конкретный операционный план совместных военных действий³. Но Австрия предпочла оставаться нейтральной, предложив лишь посредничество. Великобритания же опять пообещала высадить 30-тысячный десантный корпус, которого так и не выделила, кроме того, отказала в содействии получения займа в 6 млн фунтов стерлингов, да и обещанные финансовые субсидии поступали крайне нерегулярно. Осуществить на практике положения этой конвенции оказалось невозможно, так же как и организовать новую наступательную войну. Планы активизации и увеличения состава коалиции остались эфемерными. В этом можно увидеть политический просчет российского императора.

Для поддержания духа войск в марте 1807 г. Александр I отправился в армию. Вслед за ним прибыли на театр военных действий и все части пополненной после Аустерлица гвардии. Проинспектировав войска вместе с прусским королем 29 апреля (11 мая), император

---

¹ См.: *Щербатов А. Г.* Мои воспоминания. С. 51–56.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 561–564.

³ Там же. С. 573–576. Об этом плане см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 257–258.

оставил армию. Необходимо отдать ему должное, наученный горьким опытом, на сей раз он оставил все военные дела на усмотрение главнокомандующего, заявив перед отъездом Беннигсену: «Я вверил вам армию и не хочу мешаться в ваши распоряжения. Поступайте по усмотрению»¹.

За период затишья обе армии заметно усилились. Великая армия достигла численности примерно 175–200 тыс. бойцов, из них свыше 30 тыс. находилось под командованием маршала А. Массена на р. Нарев. Необходимо отметить, что в составе этих войск уже появились польские, баварские, вюртембергские, саксонские части и контингенты мелких германских государств, чаще всего выполнявшие функции охраны коммуникаций и блокады крепостей. У Беннигсена же, с учетом пополнений² и гвардии, насчитывалось примерно 105–120 тыс. чел., из них 20 тыс. противостояло войскам Массены. Таким образом, на главном театре военных действий Наполеон располагал численным преимуществом почти в два раза. Беннигсен постоянно просил прислать подкрепление, но их подход задерживался по многим причинам. По словам Н. Морозова, некогда самоуверенный главнокомандующий сам не верил в успех и писал генералу Михельсону: «Мои надежды на будущее весьма ничтожны и только неисчерпаемые милости нашего высокочтимого Государя и его настоятельное желание заставляют меня оставаться во главе армии, хотя моя военная слава в предстоящую новую кампанию подвергнется большому риску»³.

Наполеон намеревался 29 мая (10 июня) начать военные действия. Но его на пять дней опередил Беннигсен. Утром 24 мая (5 июня) союзниками одновременно были атакованы аванпосты корпусов Бернадотта (у Шпандена), Сульта (у Ломиттена) и Нея (у Гутштадта). В русском штабе решили осуществить старый план. Поскольку у Беннигсена сил в распоряжении имелось мало, нельзя было и мечтать о глубоком наступлении. Но генералы уже давно предлагали разгромить отдаленный от главной группировки Наполеона корпус Нея, находившейся под Гутштадтом. По разработанному плану вой-

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 275–276.

² Беннигсен весь 1807 г. постоянно просил Александра I подкрепления, но русский монарх в ответ обещал прислать в начале марта гвардию, а резервные войска надеялся по мере их подготовленности выделить не раньше мая (см.: Копия с собственноручного письма Александра к генералу Беннигсену // Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 566–567).

³ Морозов Н. Бои у Гутштадта и Гейльсберга: Май 1807 года // Военный сборник. 1907. № 5. С. 8.

ска П. И. Багратиона должны были нанести фронтальный удар, а части генерала А. И. Горчакова, переправившись через р. Алле южнее Гутштадта, атаковали бы противника с тыла. Отряды Ф. В. Остен-Сакена и М. И. Платова, должны были широкими обхватывающими движениями слева и справа выйти на коммуникации и отрезать Нея от соседних корпусов. Для того чтобы полностью лишить Нея поддержки соседей, решено было одновременно атаковать на р. Пассарге корпусом Д. С. Дохтурова войска маршала Сульта у Ломиттена, а пруссаки должны были сковать корпус маршала Бернадотта у Шпандена. План предусматривал высокую степень согласованности между отдельными отрядами, что на практике всегда оказывалось сложно осуществить русским генералам. Что касается отвлекающих ударов, то 24 мая (5 июня) нападение пруссаков было отбито, правда, войска Дохтурова в этот день после упорного боя захватили у авангарда Сульта тет-де-пон у Ломиттена и отбросили его за р. Пассаргу.

Войска Багратиона, выполняя поставленную задачу, с боем заняли селение Альткирх и ожидали появления отрядов Сакена и Горчакова, но они появились значительно позднее. Ней же перебросил в район Альткирха подкрепление, и войска Багратиона в течение шести часов вели бой в одиночестве, пока у соседнего селения Вольфсдорф в больших силах не появился Остен-Сакен, угрожая флангу противника, но так и не перерезав его коммуникации. Одновременно Нею стало известно, что с юга на Гутштадт начал наступать Горчаков, а затем вошел в него. Во второй половине дня Ней, фактически уже оказавшись в окружении, организованно начал отход. Ночь его войска провели в Анкендорфе (посередине дороги из Гутштадта к Дешпену на р. Пассарге), а утром русские генералы решили фланговыми маневрами перерезать путь отступления Нея, но не смогли осуществить даже грамотного преследования¹.

У Беннигсена в тот момент было до 60 тыс. солдат против 15 тыс. французов. Но Ней действовал хладнокровно, отбивал атаки и сам контратаковал, и под конец вышел к Дешпену под защиту водной преграды, где соединился с главными силами Наполеона. Даже русские мемуаристы свидетельствовали о слаженности действий корпуса Нея, хотя он и потерял около 500 чел. убитыми и ранеными, а также 1500 попало в плен, в том числе раненый генерал Ф. Роге. Урон армии Беннигсена также оценивался примерно в 2 тыс. чел. Русские официальные известия, конечно же, представили дело под Гутштадтом как очередную победу, и многие генералы получили на-

---

¹ См.: Шиканов В. Н. Первая Польская кампания 1806–1807. С. 207–220.

грады¹. Но Беннигсен надеялся на большее и понимал неудовлетворительность реализации плана. В причинах русских неудач он обвинил генерала Остен-Сакена, «как намеренно действовавшего против его приказаний», а, кроме того, он «умышленно опоздал, и тем дал Нею уйти»². Сакен был отдан под суд. В 1810 г. он был признан виновным, и лишь события 1812 г. вернули его в строй.

Нападение на Нея заставило Наполеона быстро сосредоточить свои корпусы и начать ответное наступление. Уже 26–27 мая (7–8 июня) французы перешли р. Пассаргу. Первоначально Беннигсен решил дать сражение французам под Гутштадтом (там даже начали строить укрепления), но после рекогносцировки местности он приказал отступить к Гейльсбергу, где русские уже имели хорошо подготовленную позицию и еще весной были возведены земляные укрепления на обоих берегах р. Алле (на левом — три редута). Сражению 29 мая (10 июня) при Гейльсберге предшествовали ожесточенные арьергардные бои сначала под командованием генерала Н. М. Бороздина (под Лаунау), а затем П. И. Багратиона (под Беверником).

Наполеон наступал по левому берегу р. Алле. И Беннигсен, первоначально уверенный в том, что Наполеон будет его атаковать в обход левого фланга (т. е., с правого берега), все же успел перебросить основные силы (семь дивизий) против противника. У русских было явное преимущество в численности. У французского императора же под рукой, помимо кавалерии Мюрата, имелся только корпус Сульта, остальные лишь приближались к городу. Но вышедшие к 6 часам вечера к русским редутам Гейльсберга французские пехотные колонны начинали штурм! Мало того, в 7 часов вечера они смогли взять редут № 2. Русские предприняли яростные контратаки и отбили редут. Везде французы понесли большие потери, все их атаки на редуты № 1 и 3 были отбиты. Позднее к французам подошел корпус Ланна и части Нея, также предпринявшие бесполезные атаки на русские позиции. Участник сражения князь А. П. Оболенский позже в своих воспоминаниях следующим образом описал ход дела: «29 мая густые колонны гренадер, одна за другою, шли в удивительном порядке на нашу позицию. Встречали их от 24 орудия сперва ядрами, а потом картечью, и когда до половины уменьшенные выбитыми из фронта колонны доходили под наши батареи, тогда спускалась на них наша

---

¹ Н. Морозов считал, что «результаты операции по сравнению с замыслом оказались ничтожными» (*Морозов Н.* Бои у Гутштадта и Гейльсберга: Май 1807 года // Военный сборник. 1907. № 5. С. 14).

² *Леттов-Форбек О.* История войны 1806 и 1807 гг. Т. 4. Варшава, 1898. С. 245; Из записок фельдмаршала Сакена // Русский архив. 1900. № 2. С. 174.

пехота. Та и другая встречались на самом близком расстоянии, стреляла одна за другую беглым огнем, топталась на одном месте, и ни одна не решилась ударить в штыки. Французы не могли долго выдержать столь сильный огонь, пошли, хотя в порядке, назад, и тут более потеряли народа. Мы сохранили поле сражения»¹. В 11 часов вечера сражение было закончено, безусловно, с тактическим перевесом в русскую пользу. Урон французов был велик — около 12 тыс. чел., русские потери оказались значительно меньше — 6–8 тыс. чел.

Возникает вопрос, почему Беннигсен не использовал выгодную для него ситуацию и не перешел в наступление, тогда бы у русских имелся реальный шанс нанести поражение Наполеону? Неофициально считается, что Беннигсен в этот день был подвержен приступам «каменной» болезни, в силу чего не смог принимать правильные решения — «он несколько раз сходил с лошади, ложился на землю и даже упал в продолжительный обморок»². Даже если так, то можно с сожалением констатировать, что во всей русской армии не нашлось генерала, который мог бы заменить главнокомандующего на его посту.

На следующий день бой не возобновился, хотя к Наполеону уже подошли остальные корпуса и гвардия. Он очень хорошо понимал бесперспективность лобовых штурмов редутов и предпочел посредством маневров против правого фланга Беннигсена заставить русских покинуть выгодные оборонительные позиции. Он приказал войскам Мюрата, Сульга и Даву (свыше 55 тыс. чел.) начать движение на Кенигсберг, поскольку это был главный узел коммуникаций, а также последний оплот прусского короля. Необходимость защитить союзника и свои тылы должна была вынудить Беннигсена оставить Гейльсберг. Наполеон также мало опасался, что он тем самым фактически оголил собственные тылы, поскольку был уверен, что русские не решатся ударить по ним — перед ними стояли совершенно другие задачи.

В целом французский полководец не ошибся. Первоначально Беннигсен приготовился к новой атаке. Но, узнав об обходных движениях, вечером 30 мая (11 июня) русские войска стали переходить

---

¹ Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. С. 94–95.

² Назаров Д. А. Наполеоновские войны: Первые две войны императора Александра I с Францией // История русской армии и флота. Т. III. М., 1911. С. 78. Н. Морозов считал, что он «был болен водянкой» (Морозов Н. Бои у Гутштадта и Гейльсберга: Май 1807 года // Военный сборник. 1907. № 5. С. 22).

на правый берег р. Алле и далее двинулись на север, чтобы выйти к р. Прегель и защитить в первую очередь свои коммуникации с Россией. Кенигсберг, видимо, Беннигсена все же интересовал меньше, хотя до этого он отправил в поддержку корпуса А. В. Лестока, защищавшего город отряд генерала Н. М. Каменского¹. «Кровопролитное сражение под Гейльсбергом» сам Беннигсен в письме к В. С. Ланскому от 31 мая 1807 г. описал следующим образом: «Вообразите, что Бонапарт имел сумасшествие атаковать меня всеми своими силами — свыше 70 000 человек — мою укрепленную позицию на левом берегу Алле... Бонапарт делал невозможное, чтобы сбить меня с позиции, вводя в дело все резервы, но он был повсюду отброшен картечью, кавалерией и наконец штыками нашей пехоты и преследуем на протяжении семи верст»².

После Гейльсберга Беннигсен прибег к помощи великого князя Константина, изложил ему положение русской армии и проанализировал возможные варианты, и тот был отправлен к императору в Тильзит³. Обратимся к запискам главнокомандующего, вернее, к тому, как он позже интерпретировал события: «Мне предстояло одно из двух: или покинув нашу укрепленную позицию, доставившую нам накануне славную победу, двинуться на неприятеля, хотя и более нежели вдвое превосходящего нас своею численностью, и атаковать его на высотах, по которым он направлял свое движение. Этим, без сомнения, наши войска обрекались, несмотря на их храбрость, почти на верное поражение, а, следовательно, только самое отчаянное положение дел могло побудить нас решиться на подобное действие. Несмотря на нашу относительную малочисленность, мы отнюдь не находились в отчаянном положении. Или же можно было решиться на следующее: следовать за французской армиею, чтобы воспрепят-

---

¹ Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, т. е. с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. С. 236.

² Из архива А. М. Римского-Корсакова // Русская старина. 1898. № 7. С. 480.

³ Эффект от прибытия в Тильзит Константина засвидетельствовал князь А. Б. Куракин в письме к императрице Марии Федоровне от 3 (15) июня 1807 г.: «Внезапный приезд его выс-ва великого князя произвел сильное впечатление. Предположили и не ошиблись, что он прибыл, чтобы энергически и верно представить государю картину настоящего положения нашей армии и ее оставшихся ресурсов. Мысли всех соединились в одно общее желание успеха представлениям великого князя, когда узнали, как он жалеет о бесполезной потере стольких храбрых генералов, офицеров и солдат и когда услышали высказанное им желание мира» (Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 83).

ствовать ей приближение к Кенигсбергу. Но это мероприятие было еще опасней первого, так как мы скоро были бы принуждены вступить в сражение, при неблагоприятных для нас условиях местности и при том в сражение генеральное, исход которого мог быть только пагубен для нас и обошелся бы дорого, вследствие затруднительного отступления. Но был еще и третий исход, именно: покинуть нашу занимаемую позицию, стать позади реки Прегеля, выждать дальнейших действий нашего противника, а вместе с тем находиться несколько ближе к спешившим к нам значительным подкреплениям, которые значительно увеличивали силы нашей армии и давали возможность снова перейти в наступление, не подвергая судьбу армии опасности, вследствие ее малочисленности. Получив от меня заверение, что с этого момента я буду избегать всякого серьезного столкновения с неприятелем, его высочество вызвался ехать немедленно к его величеству и довести до его сведения как о состоянии армии и занимаемой ею позиции, так и о причинах, меня побуждающих предпринять отступление за реку Прегель»¹.

Даже если отбросить порыв Беннигсена оправдаться в своих записках, то ясно, что он исходил из понимания неравенства сил армий и из желания дожидаться подкреплений, находившихся тогда еще на русской территории. Он также отлично осознавал, что имел возможность отрезать движением на Пассаргу Великую армию от ее коммуникаций, но объяснял дерзкое решение Наполеона, подставлявшего под удар свои тылы тем, что тот отлично знал состояние и возможности русских войск. В целом стратегическое понимание сложившейся обстановки (правда, задним числом) у Беннигсена было абсолютно правильное, как и тактика на затягивание военных действий. Единственное, на что он мог решиться в тех условиях, — это удар по изолированному корпусу наполеоновских войск, если позволит обстановка.

Фридландское сражение

Начав движение своих войск на Кенигсберг, Наполеон сначала выделил лишь корпус Ланна в сторону Домнау, а потом Фридланда, чтобы обезопасить себя от удара с фланга². Авангард Ланна 1 (13) июня первым достиг города (это были саксонские драгуны), что обеспокоило Беннигсена. Русская армия двигалась по правому берегу р. Алле в направлении Велау, и французы могли перерезать

---

¹ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 242–243.

² Correspondance de Napoléon I-er. Т. 15. Р. 330–331.

путь ее движения, поэтому русская кавалерия под командованием генерала Д. В. Голицына получила приказ выбить противника из города. Пленные показали, что они входили в состав авангарда корпуса Ланна, стоявшего у Домнау, а Наполеон с основными силами направлялся к Кенигсбергу¹. Вечером к Фридланду прибыл сам Беннигсен и первоначально перевел на западный берег только две дивизии под командованием Д. С. Дохтурова. Мало того, сам Беннигсен ночевал во Фридланде, так как не нашел достойного помещения для себя на правом берегу р. Алле. А. И. Михайловский-Данилевский в своем труде со ссылкой на «очевидцев» повторил их мнение, что «Беннигсен, одержимый болезнью, не переходил бы Алле, следовательно и не случилось бы Фридландского сражения, если б нашел на правом берегу жилище, необходимое для временного его успокоения»². Объяснение очень странное. Тем более что позже главнокомандующий не раз давал понять, что и вовсе не намеривался давать здесь решительный бой, а лишь хотел дать дневку уставшим от длительных переходов войскам! Тем более что он обещал незадолго до этого великому князю Константину вообще избегать больших сражений!³ Но вряд ли причину историки будут искать только в генеральской мочекаменной болезни, хотя необходимо признать, что мотивация событий до сих пор не прояснена. Лишь профессор А. К. Баиов полагал, что, основываясь на непроверенных сведениях о противнике, «Беннигсен решил атаковать Ланна у Домнау, разбить его и затем двинуться к Кенигсбергу»⁴. Предположение интересное, но оно не было подкреплено источниками.

Дело в том, что одна из дорог, ведущая в Алленбург и Велау (туда намеривался вести Беннигсен армию), в г. Фридланде пересекает реку Алле и далее уже идет параллельно правому берегу Алле (другой путь шел по левому берегу). Поэтому в город русской армии наверно нужно было войти, но не для того чтобы быстрее попасть в Велау, а для того чтобы задержать противника под Фридландом. По всей вероятности, русский главнокомандующий полагал, что корпус Ланна представлял боковое прикрытие Великой армии,двигающейся на Кенигсберг, поэтому он все же решил или отбросить, или нанести ему поражение. Во всяком случае, тогда он мог всегда оправдаться перед любыми обвинениями в свой адрес, если бы французы захва-

---

¹ *Булгарин Ф.* Воспоминания. С. 317–319.

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 324.

³ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 249.

⁴ *Баиов А.* Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. С. 263.

тили Кенигсберг, что он сделал все он него зависящее. Примерно такую версию позднее изложил Беннигсен в журнале военных действий: «Приказал я в то время части армии, около 25 000 человек, перейти немедленно реку Алле, дабы атаковать сей корпус (Ланна. — В. Б.), подать тем вспомоществование Кенигсбергу и прикрывать дорогу, ведущую на Велау»¹.

В какой-то степени эти предположения оказались верны, поскольку Наполеон действительно больше внимания уделял в тот день движению на Кенигсберг и только к вечеру получил сведения о появлении русских во Фридланде. Но он не торопился перебрасывать на поддержку конницу Мюрата и другие корпуса, поскольку главное для него состояло в том, чтобы выяснить местонахождение и намерения Беннигсена. Но уже вечером он отдал приказ о переброске конницы генералов Э. Груши и Э. М. А. Нансути к Фридланду. Так началось движение с противоположных сторон к Фридланду французских и русских войск.

Фридланд был расположен на левом берегу р. Алле, в этом месте река как раз делала изгиб, образуя своеобразный треугольник, обрамляющий город. По дуге вокруг города находились три деревни: на севере — деревня Генрихсдорф, через нее проходила дорога на Кенигсберг; строго на запад — деревня Постенен, через нее тянулась дорога на Домнау, а южнее — деревня Сортлак. Неудобство русской позиции заключалось в том, что от д. Постенен до самого Фридланда протекал в глубоком овраге ручей Мюленфлюс, образующий у северной окраины города большой пруд. Этот ручей разрезал русское расположение на две части, а замыкали тыл позиции крутые берега р. Алле. Правда, были построены три понтонных моста на р. Алле, а затем после переправы русские войска попадали в теснину, образуемую рекой и ручьем Мюленфлюс, что имело печальные последствия в конце сражения. Кроме того, русские занимали достаточно открытую позицию без опорных пунктов для обороны и все их передвижения были видны как на ладони.

Уже ночью разгорелся бой авангардов. Русские смогли отеснить противника от д. Сортлак и занять Сортлакский лес, деревня Постенен осталась за французами. За д. Генрихсдорф развернулась настоящая кавалерийская битва, с обеих сторон приняли участие до 10 тыс. всадников. Но после многочисленных сшибок после 3 часов ночи только что прибывших драгун Груши и кирасир Нансути с примерно 60 эскадронами русской конницы французы сумели удержать

---

¹ Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, т. е. с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. С. 244.

и эту позицию. После ночного боя авангардов около 4 часов утра русские войска заняли вокруг города обширную дугу, примыкавшую своими оконечностями на р. Алле. Левый фланг под командованием Багратиона (две дивизии) опирался на д. Сортлак; центр расположился перед д. Постенен, а правый фланг под общим командованием генерала А. И. Горчакова (четыре дивизии и основная часть кавалерии) перед д. Генрихсдорф и Боткеймским лесом. Причем необходимо указать, что к утру Беннигсен успел перевести на левый берег Алле большую часть армии (45–50 тыс. чел.). На другом берегу перед городом у русских остались только одна 14-я дивизия и часть артиллерии, которая могла бы своим огнем через реку поддержать действия главных сил¹.

Рано утром у Ланна было примерно (по разным подсчетам) от 10 до 15 тыс. солдат, и его задача заключалась в том, чтобы сковать русские силы и втянуть их в бой. Причем его войска были растянуты на пять верст, но он ясно видел уязвимость позиции Беннигсена. Именно по его просьбе Наполеон двинул к Фридланду все свободные корпуса: Мортье (прибыл в 9 часов утра), Ней (после 12 часов), Виктор (в 4 часа дня) и гвардия (после полудня). И около часа появился сам Наполеон.

А русские войска в первую половину дня действовали на удивление очень вяло. Дело ограничивалось перестрелкой в передовых цепях, артиллерийской канонадой и отдельными атаками, не имевшими определенной цели. Складки местности, лесные массивы и утренний туман позволяли Ланну скрывать свою малочисленность. Но после 9 часов утра силы французов уже стали превышать 30 тыс. чел. В 10 часов утра их численность увеличилась примерно до 40 тыс. бойцов. После полудня она постепенно достигла цифры в 80 тыс. против примерно 50 тыс. русских. Историки могли только догадываться, о чем думал в это время Беннигсен. Предположительно можно утверждать, что он отказался решительно атаковать противника², но одновременно не хотел и отходить, «ибо честь нашей армии

---

¹ Достаточно подробно расстановка сил и ход сражения отражены в: *Шуканов В. Н.* Первая Польская кампания 1806–1807. С. 240–277; *Васильев И. Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 46–74.

² Участник сражения князь А. П. Оболенский в своих мемуарах вспоминал, что когда он доложил Л. Л. Беннигсену ситуацию на правом фланге и убыли войск от действия артиллерии французов, то главнокомандующий ему ответил: «Скажите от меня генералу Дохтурову, чтоб он не раздражал неприятеля, ибо он уверен, что он не намерен давать сражение» (Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. С. 95).

не позволяла уступать поле сражения». Но вскоре русские офицеры с колокольни собора во Фридланде стали доносить своему главнокомандующему о подходе с запада со стороны Прейсиш-Эйлау густых колонн противника, а о прибытии к войскам Наполеона можно было судить по приветственным крикам французов. Но Беннигсен уже даже не мог произвести глубокую разведку, поскольку основную часть донских полков он давно отправил в сторону Велая¹. Концентрация сил Великой армии происходила быстро и незаметно; она оказалась неожиданным сюрпризом для русского командования. Описывая сражение задним числом, Беннигсен признался: «Мы были при том в неведении о приближении всей французской армии»².

Наполеон, осмотрев позицию под Фридландом и узрев невыгодность расположения русской армии, сначала подозревал Беннигсена в неких тайных умыслах, что он где-то скрытно поставил резерв. Им были специально посланы офицеры для обозрения местности и разведки окрестностей. Многие в его окружении предлагали перенести сражение на следующий день, дождавшись подхода войск Мюрата и Даву, о чем им уже был послан приказ. Но французский полководец опасался, что ночью русские снимутся с позиций и уйдут, поэтому он решил использовать явную ошибку противника и атаковать.

Уже после 14 часов он продиктовал диспозицию фридландского сражения. Согласно ей на юге выстроились войска Нея, в районе Постенена и Генрихсдорфа полки Ланна и Мортье. В резерве остались корпус Виктора и гвардия. Кавалерия равномерно была распределена между корпусами. К 5 часам вечера французы заняли боевую линию. Суть плана Наполеона заключалась в следующем. Главный удар должен был нанести Ней против левого русского фланга Багратиона, оттеснить противника за ручей и захватить переправы через р. Алле³. Ланну нужно было поддержать атаку и сковать русских в центре. Корпус Мортье должен был оставаться на месте, поскольку его использовали в качестве «неподвижной точки опоры» и «оси захождения». В результате произведенного маневра (принципа «закрывающейся двери») на Мортье планировалось отбросить разгромленные русские войска⁴.

---

¹ См.: *Сапожников А. И.* Указ. соч. С. 175.

² Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 253.

³ Багратион предсказывал близкую атаку противника и доложил Беннигсену, но тот остался глух к этому предупреждению (*Морозов Н.* Фридланд: 2-го июня 1807 года // Военный сборник. 1907. № 6. С. 14).

⁴ *Чандлер Д.* Указ. соч. С. 355; *Лашук А.* Указ. соч. С. 308.

Примерно около 17 часов Беннигсен после длительного бездействия наконец-таки осознал опасное положение своих частей, повернутых спиной к реке и имевших перед собой главные силы Наполеона. Он разослал военачальникам приказы об отступлении из города, как он писал позднее: «Я незамедлительно приказал всю нашу тяжелую артиллерию перевести через город на правую сторону реки Алле и разослал нашим генералам приказания немедленно отступить по мостам, устроенным для этой цели»¹. Но это решение оказалось запоздалым и неожиданным для высших начальников. Командовавший центром и правым флангом Горчаков посчитал, что ему легче будет сдерживать натиск французов до ночного времени, чем пятиться назад на глазах противника². Багратион же просто уже не мог полностью выполнить этот приказ, а лишь частично (стали переправляться только войска, находившиеся у него в тылу). Войска Нея начали в 17 часов атаку на его позиции. К 18 часам пехота Нея сначала вытеснила русских егерей из Сортлакского леса и взяла д. Сортлак. Но затем, пытаясь развернуться для новой атаки, пехота была накрыта губительным огнем русской артиллерии. Французские войска понесли потери и вдобавок подверглись атакам русской конницы, многие полки пришли в полное расстройство, дальнейшее продвижение вперед застопорилось, а выполнение плана Наполеона оказалось под угрозой.

Тогда французский полководец, чтобы спасти положение, вынужден был на поддержку Нея выделить одну дивизию из корпуса Виктора. Но пока она выдвигалась, ситуацию, грозившую осложнениями, кардинально изменил генерал А. А. Сенармон, командующий артиллерией корпуса Виктора. 36 его орудий на рысях выдвинулись на передовую позицию и с дистанции 400 метров открыли ураганный огонь сначала по русским батареям, а затем (после их подавления) уже с расстояния 200 метров (а после и с 120 метров) обрушили шквал артиллерийского огня на русские боевые порядки. Такое выдвижение орудий многим казалось чересчур опасным (их легко мог захватить противник быстрой атакой), но своими умелыми и слаженными действиями, помимо нанесения непоправимого урона русским, они дали возможность оправиться войскам Нея, а затем вновь перейти в наступление. Фактически пушки Сенармона своим перемещением организовали артиллерийское наступление, что в итоге решило судьбу сражения в пользу французов. Все контратаки русских на

---

¹ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 251.

² Морозов Н. Фридланд: 2-го июня 1807 года // Военный сборник. 1907. № 6. С. 19.

орудия оказались тщетными и привели только к большим потерям. Русские линии дрогнули и начали отступление к городу. Но зажатые в перешейке между рекой и оврагом ручья Мюленфлюс плотные солдатские массы вновь стали легкой добычей артиллеристов Сенармона, ни один их заряд не пропал даром и всегда находил свои жертвы. Историки всегда любят приводить цифры: за короткий промежуток времени 36 орудий батареи сделали 2516 выстрелов, из них только 368 ядрами, остальные — картечью. Французы перешли ручей Мюленфлюс и уже после 20 часов вечера ворвались в горящий Фридланд. Войска Багратиона отступили к мостам, которые, по словам А. П. Ермолова, «уже были зажжены по ошибочному приказанию». Отступающие превратились в беспорядочную толпу, переходили через Алле по уже горевшим мостам, переправлялись вплавь, или при помощи кавалеристов.

Когда французская артиллерия перенесла огонь из-за ручья на тылы русского центра, то уже и Горчаков понял катастрофичность ситуации и приказал своим войскам отступать, правда, когда уже шел бой за обладание городом. Он направил две дивизии в пылающий Фридланд, но отбить город ему не удалось, да и мосты уже догорели. Порядок был нарушен и в полках Горчакова, многие солдаты бросались в реку, чтобы ее переплыть. Наконец, его войскам, отбиваясь отседавших французских частей, удалось найти броды на р. Алле к северу от Фридланда и перейти на другой берег. Как записал о беспорядочном отступлении через Алле в своем «поденном журнале» участник сражения (там раненный) офицер В. И. Григорьев: «Едва только некоторые успели перебежать по мосту через реку Аллер, как онный зажжен; оставшиеся же на той стороне переправились через отысканный по реке брод и защищались от нападавших холодным оружием и прикладами; ввечеру от всей нашей армии собрались только тысяч до тринадцати... разложили огни, а пищи вовсе никакой не было; французы же, остановясь на противоположном берегу, нас не преследовали далее, опасаясь наших сикурсных свежих войск, которых однако же тут вовсе не было»¹. «Так, — по словам А. П. Ермолова, — вместо того, чтобы разбить и уничтожить слабый неприятельский корпус, которому за отдалением не могла армия дать скорой помощи, мы потеряли главное сражение»². По словам князя А. Б. Куракина: «Все единодушно обвиняли Беннигсена в том, что он

---

¹ Поденный журнал во время похода из С.-Петербурга за границу в Прусские владения 1807 года февраля с 23 по 25 августа // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VII. С. 355.

² Записки А. П. Ермолова 1798–1826. С. 106.

проиграл битву при Фридланде и погубил наши лучшие войска вследствие своих дурных распоряжений, несообразных с самыми основными правилами военного искусства»¹.

Практически все русские пушки удалось переправить на левый берег (потеряли всего 9 орудий). Но людские потери армии Беннигсена были большими, по подсчетам русских авторов — 10–15 тыс. чел., у иностранных историков эта цифра несколько выше — 20–25 тыс. чел. Были убиты два генерала — И. И. Сукин и Н. Н. Мазовский. Урон французов оценивался в 8–10 тыс. чел., притом, что в бою не участвовала гвардия и две дивизии из корпуса Виктора. Но Наполеон одержал долгожданную и решительную победу. Следствием этого стала сдача 4 (16) июня Кенигсберга, где французы нашли большое количество запасов, а также около 8 тыс. русских раненых. Русские войска очень быстро очистили всю Восточную Пруссию. Под прикрытием казачьих полков основные силы Беннигсена перешли р. Неман у Тильзита, а 7 (19) июня, после поджога моста через реку, на русскую территорию переправились последние казачьи отряды. Как сказано было в журнале армии Беннигсена, «в сем месте прекратились военные действия, и неприятель, видя армию нашу усиленную вышеупомянутыми подкреплениями к ней присоединившимися, немедленно принял предложенное ему перемирие, за которым вскоре заключен и мир»².

Можно сравнивать полководческое мастерство военачальников в тот период. При анализе наступательных операций Великой армии в 1807 г. возникает такое чувство, что уверенный в себе и в своей армии Наполеон, даже допуская ошибки, всегда был твердо убежден, что в ближайшие дни сможет нанести поражение русским. Его уверенность базировалась и на численном преимуществе и в применении верной стратегии и тактики. На Беннигсена же, безусловно, воздействовало и давило бремя наполеоновской славы. Он, в целом правильно понимая стратегическую обстановку, постоянно испытывал цейтнот, не успевал парировать удары и адекватно реагировать на действия своего противника. Торопился опоздать и опаздывал, боялся совершить фатальную ошибку и допустил ее, ввязавшись в ненужное сражение при Фридланде. И немаловажный аспект — личное недоверие Александра I к своему главнокомандующему в конце его пребывания в этой должности, что не прибавляло уверенности

---

¹ Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 170–171.

² Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, т. е. с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. С. 274.

Беннигсену в его действиях¹. Звезда Беннигсена закатилась, поскольку многие источники засвидетельствовали крайнее недовольство и раздражительность Александра I в отношении русского главнокомандующего².

Да, недостатков у русских войск хватало с лихвой: организационная отсталость, несовершенство тактической и боевой подготовки, явные пороки в снабжении и множество других недочетов и изъянов. По большинству показателей русские проигрывали французам, как по качеству войск, так и по опыту. Но если взять Польскую кампанию, то семь месяцев армия Беннигсена (достаточно немногочисленная) смогла в целом относительно успешно держаться между Вислой и Неманом и противостоять французам. В основном, русские успешно вели арьергардные и оборонительные бои, а наступательных операций практически и не было. Возникает вопрос, а был ли шанс у русской армии одержать победу в 1807 г.? Если проанализировать все составляющие процесса военных действий, то можно сделать неутешительный вывод, что вероятность подобного исхода была крайне мала в силу уже перечисленных причин, вытекавших из недостатков русской армии и достоинств французской. Кроме того, важное значение играл фактор побед французского оружия, он довлел над всеми противниками Наполеона, сковывал их инициативу, опасаясь неординарных шагов французского полководца, заставлял их отказываться от активной роли и обрекал на оборонительный характер действий.

Но опыт, даже неудачный, был сам по себе очень важен. Он заставил правящие круги обратить внимание на военную сферу как на область отставания. Неслучайно, что после кампаний 1805–1807 гг. на-

---

¹ Приведем выдержку из письма князя А. Б. Куракина от 22 мая (3 июня) 1807 г. :«Государь, кажется, переменял мнение, которое он имел, о великих способностях Беннигсена; по крайней мере, он его не принимает к себе и оставляет при вверенном ему командовании, без сомнения, только вследствие трудности его заменить с выгодою. Он его считает весьма коварным и сознался, что ему очень неприятно с ним видиться вследствие воспоминаний о прошлом. Государь сказал еще, что подчиненные все единодушно его не уважают, солдаты не могут иметь к нему привязанности и доверия, потому что он не в состоянии говорить с ними на их языке; что у него в войске очень плохая дисциплина и что он ослабляет ее из личных видов, думая тем заслужить больше любви» (Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 49).

² Например, графиня Фосс в июне записала в своем дневнике «Царь страшно раздражен против Беннигсена, но тем не менее оставляет его главнокомандующим» (Из дневника графини Фосс обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 475).

чинается постепенный, но интенсивный процесс обновления высшего командного состава, выдвижения на генеральские должности в полевых войсках способных и талантливых офицеров не за выслугу лет по старшинству, а за отличие на полях сражений. Именно это поколение «отличившихся» молодых генералов и офицеров позднее, в 1812–1815 гг., и привело армию к окончательной победе над Наполеоном¹.

Поражения не только выдвинули на авансцену генералов-практиков, но заставили правительство взяться за военное реформирование, многие элементы которого являлись прямым заимствованием военного дела у французов, а также обратить пристальное внимание на тактику и военную организацию Наполеона². Уже в 1806 г. после Аустерлица была введена, хотя и чисто схематически, дивизионная система организации. Главное же, что все обучение и боевая подготовка войск постепенно стали строиться по французским канонам. Это очень точно после 1807 г. подметил посол Наполеона в С.-Петербурге А. Коленкур в своих докладах в Париж: «Музыка на французский лад, марши французские; ученье французское». Особенно ощутимо это влияние сказалось на военной форме русских сухопутных войск. Тот же Коленкур по данному поводу заметил: «Все на французский образец: шитье у генералов, эполеты у офицеров, португеи вместо пояса у солдат...»³ Александр I предпочел начать реформы с того, чем традиционно всегда все мужские представители династии Романовых занимались с особой любовью — с изменения униформы. Будущий герой 1812 года генерал Н. Н. Раевский писал из Петербурга в конце 1807 г.: «Мы здесь все перефранцузили, не телом, а одеждой — что ни день, то что-нибудь новое»⁴. Действительно, наполеоновская униформа в то время диктовала во-

---

¹ Подр. см.: *Безотосный В. М.* Армейский генералитет в правление императора Александра I // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. III. С. 38–42.

² См.: *Баиов А.* Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. С. 2–3; *Тотфалушин В. П.* Влияние французской военной доктрины на развитие русской армии и русского военного искусства // Новая и новейшая история: Проблемы общественной жизни. Саратов, 1991. С. 25–33; *Безотосный В. М.* На пути к реформам: русская армия в начале царствования Александра I // Россия и Франция в начале XIX столетия: Просвещение. Культура. Общество. М., 2004. С. 116–127.

³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императора Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. IV. СПб., 1908. С. 3.

⁴ Архив Раевских. Т. I. СПб., 1908. С. 66.

енную моду в Европе, и переобмундирование русских войск лишь знаменовало переход к новым подходам к военному делу. Изменения коснулись и других сфер: среди офицерской молодежи стало модным изучение работ молодого военного теоретика наполеоновской эпохи А. Жомини, в боевой и повседневной жизни армии стали активно применяться элементы тактики колонн и рассыпного строя, до 1812 г. были внедрены новые уставы и практические инструкции по обучению и боевой подготовке войск, усовершенствовали дивизионную и ввели постоянную корпусную систему организации армии, разительные перемены произошли в высшем и полевом управлении сухопутных войск. Успели сделать многое (хотя и не все): подгонял страх потерпеть большое поражение, от которого можно было и не оправиться.

Выводы к 1-й главе. Участие России в антинаполеоновских коалициях в 1805–1807 г. диктовалось агрессивным внешнеполитическим курсом империи Наполеона, угрожавшим спокойствию в Европе и русскому влиянию в этом регионе. Политический курс России полностью отражал национальные и геополитические интересы страны. Эти интересы определяло русское дворянство — единственный социальный слой, имевший тогда политическое значение и являвшийся главной опорой самодержавия.

Наполеон в 1805 г. создал Великую армию, эффективный армейский организм, при помощи которого он одерживал победы над союзниками и расширял границы своего могущества и влияния в Европе. Как показали события 1805 и 1806 гг., Великая армия очень легко и быстро расправилась с армиями Австрии и Пруссии, а затем долго и уже с большими трудностями достигала победы над русскими войсками. Нужно объективно признать, что русская армия оказалась в 1805–1807 гг. значительно слабее французской по многим показателям. При этом важно понимать, что русские вели боевые действия на чужой территории и воевали даже не за себя, а за своего союзника. Отметим, что всегда участвовал в войне лишь ограниченный контингент русских войск. И в 1805 и в 1806 гг. выделенные русские войска в обоих случаях первоначально рассматривались как вспомогательные, а под влиянием неблагоприятной обстановки превращались в основные. Нетрудно сделать вывод, что русская армия (после сравнения с австрийской и прусской) являлась единственной силой на европейском континенте, которая тогда реально могла противостоять Наполеону, других достойных и заслуживавших внимания противников на суше у него на тот период уже не было. Главное — после поражений при Аустерлице и Фридланде российские правящие круги обратили внимание на отставание России в военной сфере и приняли курс на реформирование армейской жизни.

ГЛАВА 2. ЭРА ТИЛЬЗИТА

§ 1. Военно-политический союз с Францией. Тильзитская политика Александра I

В свое время П. Г. Дивов, современник событий, очень метко охарактеризовал грядущую военную ситуацию для России после 1804 г.: «Тут начинается эпоха великих злополучий»¹. Отправляясь на войну в 1805 г., Александр I надеялся погреться в лучах славы русских побед над Наполеоном. Сделать этого ему не удалось. Но в истории российской армии Аустерлицкую битву можно назвать второй «Нарвой». Без этого унижительного проигрыша не было бы и будущих побед. После Фридланда наполеоновские полки остановились на р. Неман, а боевые действия были прекращены. Это была вторая крупная знаковая неудача русской армии.

Правда, положение России нельзя в тот момент охарактеризовать как критическое. Имелись воинские резервы, чтобы быстро подкрепить и восстановить численность действующей армии, да и время, пространство и близость тылов играли бы на руку русским в случае продолжения боевых действий. Например, Беннигсен, докладывая о результатах сражения под Фридландом, лишь «заклучал свое донесение мнением о необходимости вступить в переговоры с неприятелем, чтобы выиграть несколько времени, нужного для вознаграждения потерь, понесенных армиею»². Тот же Беннигсен во время переговоров в частном письме к А. М. Римскому-Корсакову от 18 (30) июня 1807 г. описывал ситуацию в бравурном тоне: «Уверяю вас, что обстоятельства складываются совсем не так дурно для нас, в эту минуту, даю вам честное слово. Если Бонапарт не заключит мира, ...вы увидите, насколько обстановка изменится прежде всего в нашу пользу... уверяю вас, что через 14 дней я буду в состоянии заставить

---

¹ Повествование о царствовании императора Александра I, для него одно-го писанное // Русская старина. 1899. № 10. С. 85.

² Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах, по высочайшему повелению. С. 346–347.

трепетать Бонапарта»¹. Но военные неудачи, непомерные финансовые расходы, сложная политическая ситуация (Россия одновременно вела еще войны с Турцией и Персией), боязнь внутренних потрясений в результате наполеоновской пропаганды, союзнический «эгоизм» англичан (бездеятельность и отказ от реальной военной и финансовой помощи)² и усиление русско-британских разногласий³, да и неуверенность генералов в возможном успехе на полях сражений, заставили российского императора Александра I вступить с Наполеоном в переговоры о мире. В какой-то степени у России на тот момент были исчерпаны средства (но не силы) борьбы с Наполеоном. Но затяжная война слишком многим в петербургских верхах казалась делом рискованным и бесперспективным.

Вот как, например, оценивал причины заключения Тильзитского мира дореволюционный специалист по внешней политике С. С. Татищев, считавший, что поражения России в этот период были обусловлены во многом руководством русской дипломатии «инородцами по происхождению»: «Как ни разнообразны причины побудившие императора Александра заключить мир в Тильзите и вместе с тем изменить всю политическую систему, не подлежит сомнению, что в числе их было и убеждение в бесплодности политики, которой он придерживался дотоле, истощая все силы России для защиты неблагодарных и завистливых союзников, жертвуя им притом и нашими существеннейшими государственными интересами»⁴. Можно только частично согласиться с подобными выводами. В свое время советский историк В. Г. Сироткин, проанализировавший мнения трех основных придворных группировок в царском окружении 1807 г., пришел к выводу, что, несмотря на разногласия в подходах, в целом «еще до Фридланда в русских правящих кругах и обществен-

---

¹ Из архива А. М. Римского-Корсакова // Русская старина. 1898. № 7. С. 474.

² Из Тильзита, еще до начала переговоров с Наполеоном, князь А. Б. Куракин в письме к императрице Марии Федоровне писал: «Даже самые ревностные защитники Англии не могут объяснить в хорошую сторону ее поведения в отношении нас и ничтожность пособий, которые она до сих пор выставила, и ею по справедливости все недовольны» (Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 48–49).

³ Об обострении разногласий между союзниками, росте антибританских настроений в русском обществе и крайнем недовольстве России английской политикой см.: *Станиславская А. М.* Указ. соч. С. 475–488.

⁴ *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии. С. 19.

ном мнении отчетливо прослеживалась тенденция к мирному завершению вооруженного конфликта с Францией»¹.

В такой обстановке в маленьком провинциальном городе Тильзите 9 (21) июня 1807 г. между сторонами было подписано военное перемирие на один месяц, которое Александр I ратифицировал 11 (23) июня, после чего последовал калейдоскоп важных событий. Они мгновенно и круто изменили внешнеполитический курс российского государственного корабля.

Значительное число высших чиновников из ближайшего окружения императора и сановной элиты в тот момент находилось под свежим впечатлением громких наполеоновских побед. В то время у многих явно складывалось ощущение неудержимости французского императора, казалось, что его полководческому мастерству нет пределов — ему все под силу. В правительственных кругах опасались того, что русские войска в очередной раз не смогут удержать стремительный порыв французских полков. Вследствие этого боялись и возможности пропаганды со стороны Наполеона, народных бунтов, провоцирования восстания поляков, симпатизировавших «галлам» и всегда готовых поддаться «инсurreкции». Кроме того, Александр I также понимал, что армия понесла большие потери среди нижних чинов, а главное — из строя выбыло большое количество боевых генералов, а вновь прибывшие строевики также могли наделать ошибок и привести войска к новым поражениям². Кроме того, к этому времени Александр I потерял всякое доверие к главнокомандующему, но, вероятно, не знал, кого можно поставить вместо Беннигсена.

Тайны Тильзита

Обе стороны тогда наглядно продемонстрировали свое стремление к окончанию войны. В русском лагере стало ясно, что французский император готов заключить не только перемирие, но и мирный договор на почетных условиях и без территориальных уступок со стороны России. Наполеон уже сразу после подписания соглашения о перемирии заявил русскому представителю генералу князю

---

¹ *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. С. 77; *Кузнецова Г. А.* Александр I и Наполеон в Тильзите // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 245.

² «Мы потеряли страшное количество офицеров и солдат, — говорил Александр Куракину, — почти все наши генералы, а именно лучшие, — ранены или больны; в армии осталось пять-шесть генерал-лейтенантов, не имеющих ни опытности, ни военных талантов» (цит. по: *Соловьев С.* Указ. соч. С. 150).

Д. И. Лобанову-Ростовскому, что «взаимные интересы России и Франции диктуют необходимость союза этих двух держав»¹, он также направил к российскому монарху генерала Ж. К. М. Дюрока с предложением встретиться. 13 (25) и 14 (26) июня 1807 г. состоялись личные встречи недавних противников. Поскольку при отступлении казаки сожгли все мосты через Неман, первое свидание двух императоров было организовано на специально оборудованном французскими понтонерами плоту, где в построенном павильоне два венценосных монарха беседовали с глазу на глаз². Затем, на протяжении двенадцати дней, они часто встречались как на официальных приемах, так и во время пеших или конных прогулок. Содержание многих их личных бесед осталось неизвестным. Позже историки назвали их «тайнами Тильзита». Параллельно с 15 (27) июня происходили встречи членов их дипломатических делегаций. С французской стороны уполномоченными по ведению переговоров были назначены министр иностранных дел Ш. М. Талейран и начальник Главного штаба Наполеона маршал А. Бертье. С российской — известный дипломат князь А. Б. Куракин и генерал Д. И. Лобанов-Ростовский. Можно сказать, что Александр I с трудом нашел в своем ближайшем окружении нужных людей для столь резкой перемены курса, почему он и предпочел лично договариваться с Наполеоном. Против ведения Александром I переговоров с Наполеоном выступила тогда даже его любимая сестра великая княгиня Екатерина Павловна³.

Тильзитские переговоры, проводившиеся в необычных, военнопольных условиях, узким составом дипломатов и военных, закончились в беспрецедентно короткий срок. Первая встреча императоров состоялась 13 июня, а уже 25 июня (7 июля) были подписаны основные документы: русско-французский договор о мире и дружбе, договор о наступательном и оборонительном союзе и соглашение о передаче

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 618.

² Наполеон тотчас написал об этой встрече своей жене Жозефине: «Я только что имел свидание с императором Александром. Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый император; он гораздо умнее, чем думают» (*Вандаля А. Указ. соч. Т. I. С. 61*). Много позже в Петербурге Александр I высказался более дипломатично послу Р. Савари про первую встречу с французским императором: «Ни к кому я не чувствовал такого предубеждения, как к нему, но после беседы, продолжавшейся три четверти часа, оно рассеялось как сон» (*СИРИО. Т. 89. С. XXXVII*).

³ См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 17–20.

Франции Котора и Ионических островов¹. В очень трудных условиях, после военных неудач российский император в прямых переговорах с Наполеоном смог найти и верный тон, и нужные аргументы, проявить необходимую гибкость, чтобы, сохраняя положение равноправного партнера, прийти в короткий срок к удовлетворяющему обе стороны компромиссу.

Россия не понесла территориальных потерь, даже прирастила свои владения за счет Белостокской области. Собственно, договоренности зафиксировали определенный раздел сфер влияния. Франция узаконила полное господство в южной и центральной Европе. Россия взамен получала свободу действий на северо-западных границах и на Дунае. Хотя Пруссия — русская союзница — сохранила государственную независимость, ее территория оказалась значительно урезанной, она потеряла ранг великой державы и уже не могла служить противовесом Франции. Было образовано герцогство Варшавское, фактически оказавшееся под протекторатом Наполеона. Это создавало неблагонадежную границу между двумя империями, поэтому в будущем герцогство стало плацдармом для дальнейшего наступления Франции на русскую территорию в 1812 г. Россия потеряла все свои прежние позиции в Средиземноморье (да и Ионические острова были полностью отрезаны в связи с войной против Турции). Самым же тяжелым для Российской империи был пункт, предусматривавший в будущем ее участие в направленной против Англии континентальной блокаде. Это ударило по экономическим интересам государства и дворянства. Тем не менее большинство авторов оценивало Тильзит как компромисс русской дипломатии и лично Александра I. Россия получила очень важную для нее передышку почти на пять лет перед решающим военным столкновением с наполеоновской Францией в 1812 г.

При анализе Тильзитских договоренностей возникает ряд вопросов. Один из них — почему русские пошли на заключение союза? Ведь Россия в 1807 г. отнюдь не стояла на коленях. В тех условиях Александр I вполне мог ограничиться лишь простым мирным договором. Для Наполеона это была вполне приемлемая программа-минимум. Стоит сказать, что в 1807 г. французские войска были истощены не меньше (а может быть, и больше), чем русские, и он в любом случае вынужден был бы согласиться пойти на мировую с российским императором. Например, именно такое решение позже в 1811 г. считал более правильным Н. М. Карамзин: «Надлежало за-

---

¹ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. СПб., 1902. С. 309–326.

быть Европу, проигранную нами в Аустерлице и Фридланде, надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т. е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англией и воевать с Швецией в противность святейшим уставам человечества и народным»¹.

Но Россия в 1807 г. воевала не одна, а в союзе с Пруссией, а почти вся прусская территория оказалась захваченной французами. Собственно, главный дипломатический торг тогда велся вокруг этого фактически уже не существовавшего королевства. Война, по мнению С. Соловьева: «Велась... из-за Пруссии, чтоб не дать этому государству исчезнуть с карты Европы и не сблизить русские границы с границами Наполеоновой империи»². Русская дипломатия стремилась, как становится понятно из инструкций Александра I представителям на переговорах, разменять русско-английский союз на восстановление Пруссии. По мнению российского императора, «Франция должна придавать исключительное значение расторжению этого союза, которое фактически произойдет, как только Россия заключит сепаратный мир». Из инструкций также становится ясным, что российская сторона сначала действительно предполагала лишь заключение мирного договора с Францией и не видела необходимости в союзе³. Александр I в результате переговоров смог настоять на том, чтобы Пруссия, хотя ее территория сократилась почти вдвое, сохранилась на географической карте Европы. Можно полностью и безоговорочно согласиться с мнением компетентного специалиста по взаимоотношениям России с немецкими государствами С. Н. Исколем: «Позиция Александра I накануне и во время переговоров во многом определялась стремлением сохранить Пруссию как государственную единицу», и это сохранение, «хотя и в урезанном виде, безусловно, следует считать успехом российской внешней политики»⁴.

Для российского императора это имело важное значение. Наполеон явно не хотел делать такой уступки и пошел на этот шаг

---

¹ См.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 53–54.

² *Соловьев С.* Указ. соч. С. 149.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 755, 758.

⁴ *Исколь С. Н.* Внешняя политика Россия и Германские государства (1801–1812). С. 131, 145. В инструкциях уполномоченным вести переговоры в Тильзите Александр I очень четко указал: «Вопрос, интересующий меня превыше всего — это восстановление короля прусского в его владениях» (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 756).

только потому, что Россия заключала с Францией союз¹. И так, для Наполеона и для Александра Тильзит стоил сохранения Пруссии как государства. В тексте статьи IV Тильзитского договора прямо и недвусмысленно указывалось, что Наполеон «из уважения к Его Величеству Императору Всероссийскому и во изъявление искреннего своего желания соединить обе нации узами доверенности и непоколебимой дружбы» согласился возвратить прусскому королю, хотя и в изрядно урезанном виде, его владения². Сам же прусский король, как записала в дневнике графиня Фосс, был «возбужден и разгневан»³. Крайнее недовольство тильзитскими договоренностями демонстрировали и прусский двор и прусские министры. Но дело было сделано.

Конечно, и в прошлые, и в нынешние времена всегда найдутся обличители российского самодержца: действовал-то он в интересах Пруссии (будущей Германской империи!). Важно понять, что Александр I, заботясь о сохранении Пруссии, защищал интересы ближайшего будущего своего государства, прогнозируя, что, рано или поздно, именно пруссаки станут его союзниками в борьбе с Наполеоном. А Германская империя создавалась гораздо позже — уже при его племяннике Александре II. Точно прогнозировать будущие изменения в международной ситуации на столь большой срок даже сегодня при наличии компьютерного моделирования пока еще не под силу ни одному историку или политическому аналитику. Но суть состояла даже не в сохранении Пруссии, а в том, что Россия старалась проводить политику, направленную на соблюдение равновесия в Европе. Тут можно только согласиться с Н. И. Казаковым, который даже в советские времена критически отзывался об идеологах «национального эгоизма» и непонимании ими простой политической истины, что «Александр I, борясь за сохранение самостоятельности Австрии, Пруссии и других стран, тем самым объективно боролся за целостность своей собственной империи»⁴.

---

¹ Куракин писал, что Россия «делается Ангелом-хранителем короля Прусского, который в нашем государе находит себе спасителя и из его рук получает снова большую часть своих владений, которых он сам не умел сбереечь и защитить» (Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 204).

² См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 632, 638.

³ Из дневника графини Фосс обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 476.

⁴ Казаков Н. И. Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год. М., 1962. С. 15.

Кому был выгоден Тильзит?

Обычно Тильзитские договоренности сторонники франко-русского сближения ставят как пример объективной неизбежности такого союза. Но, как ни парадоксально, союз 1807 г. был заключен вопреки аксиомам геополитики и вызван был совсем иными причинами. Начнем с того, что после создания герцогства Варшавского (бастион Франции против России) Наполеон получил прямой выход к русским границам. А это, в соответствии с азами геополитики, противоречило постулату о естественном характере союза, поскольку такое соприкосновение таило потенциальную угрозу и резко увеличивало вероятность прямого военного столкновения в будущем. В германском регионе, в геополитическом плане самом интересном для России, в 1807 г. она фактически потеряла свое влияние. Наполеон в Германии мог безнаказанно делать все, что хотел. Сохранить хотя бы остатки бывшего русского влияния (и чтобы не пострадали многочисленные родственники царя) было возможно только в рамках военнополитического союза с Наполеоном. Прагматизм русской политики по отношению к Германии в данном случае очевиден. Например, современный исследователь Д. Ливен полагает, что «Россия в 1807–1814 гг. была в значительной степени вынуждена выбирать между союзом с Великобританией и союзом с Францией. Реального нейтралитета России не допустили бы даже англичане, не говоря о Наполеоне». В другом месте своей статьи он высказался, что «Александр всегда полагал, что любой мир с Наполеоном окажется лишь перемирием»¹.

Но, с точки зрения основ геополитики, подобный прагматизм также не сулил ничего хорошего франко-русскому союзу, а только создавал почву для будущего разрыва союзных отношений. Для России Тильзит стал временным компромиссом, договор был продиктован вынужденной необходимостью, но, как минимум, создавал возможность для изменения русских границ в Финляндии и на Балканах, и тем самым можно было обеспечить стратегические фланги будущего театра военных действий в грядущем столкновении с наполеоновской империей.

Другой вопрос: существовало ли осознание общности своих геополитических и стратегических интересов двумя высокими договаривавшимися сторонами в Тильзите и после него? Попробуем даже несколько упростить задачу, сформулировав вопрос по-иному: насколько заключенный союз отвечал и соответствовал долговремен-

---

¹ См.: *Ливен Д.* Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. С. 36, 56.

ным интересам каждого государства? Собственно, в дипломатии, политике и экономике этот критерий и определяет прочность любых соглашений. Заключенный договор действует до тех пор, пока устраивает партнеров, если же выгода односторонняя или другая сторона вынуждена была заключить соглашение под давлением каких-либо обстоятельств, то всегда существует угроза досрочного расторжения достигнутых договоренностей.

Был ли выгоден союз в Тильзите Франции? Бесспорно — да. Наполеон был крайне заинтересован в упрочении альянса, так как он давал ему возможность решать основную внешнеполитическую задачу — эффективно бороться с главным противником и попутно решать другие локальные проблемы в Европе, имея со стороны России защищенные тылы. Сразу же возникает другой очень важный вопрос: отвечал ли союз в Тильзите долгосрочным российским интересам? Неужели буржуазно-аристократическая Англия для России, как и для Франции, была тогда главным врагом? Возможно, если геополитики действительно правы, было бы лучше русскому царю «зажмуриться» и вступить в настоящий альянс с Наполеоном против Англии? Но отвечал бы этот по-настоящему заключенный (а не вынужденный, как в Тильзите) союз российским интересам? Даже учитывая все англо-российские противоречия и британские «грехи» перед Россией, ответ на последний вопрос будет отрицательным. В поддержку приведем мнение французского историка К. Грюнвальда: «Союз между двумя державами мог быть долговечным, если бы он соответствовал реальным потребностям обоих народов и получил поддержку общественного мнения. Обе договаривающиеся стороны должны быть достаточно сильными, чтобы выполнять до конца принятые на себя обязательства. Наконец, союз мог быть прочным лишь при наличии общего врага. Тильзитский договор, рожденный под несчастливой звездой, не отвечал ни одному из указанных условий»¹.

Давайте опять же представим себе гипотетический результат такого франко-российского «брака»: в борьбе с туманным Альбионом Наполеон при помощи (или нейтралитете) русских оказался бы победителем. Даже не важно — экономическими средствами или военным путем французы поставили бы Британию на колени. Что получили бы русские в итоге? Они оказались бы без союзников, один на один с могущественной империей, политически и экономически безраздельно доминирующей в Европе. Нетрудно предугадать, куда после Англии была бы направлена победная поступь наполеоновских орлов — против единственной оставшейся крупной державы в

---

¹ Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 75.

Европе, т. е. против России. Такова объективность реалий и стратегических последствий подобного решения. Вряд ли Александр I не прочитывал такую ситуацию.

Война Англии была объявлена Россией лишь на бумаге. Хотя раздражение предшествующей политикой Англии и ее «эгоизмом», безусловно, в 1807 г. имело место в русских правящих кругах. Но военные действия оказались закамуфлированными рядом мероприятий по прекращению прямой торговли, по задержанию английских судов и аресту имущества британцев в России, по увольнению с флота английских подданных и тому подобных мер. Фактически война носила формальный характер, во всяком случае, «странной» или «бездымной» ее назвать нельзя¹. Да и как можно иначе квалифицировать военные действия ввиду практически их полного отсутствия? Официально эта война продолжалась пять лет, но для обеих сторон она оказалась почти бескровной. Обе страны стремились без лишней надобности не обострять конфликт и не провоцировать эскалацию лишь номинально объявленной войны.

Лишний пример тому — действия русской эскадры адмирала Д. Н. Сенявина в Лиссабоне в 1807 г. Эскадра Сенявина была направлена из Адриатики действовать совместно с французскими войсками в Португалии, но после того как она была блокирована британским флотом в Лиссабоне, русский адмирал, не желая драться с англичанами, фактически саботировал французские директивы. Мало того, он предпочел договориться с противником. Корабли эскадры были отданы «единственно в залог вскоре восстанавливаемых старинных и дружественных России с Англиею сношений», с условием возвращения экипажей на родину через некоторое время².

Введение континентальной блокады в России также осуществлялось без особого рвения и с явными нарушениями. Вредить себе и собственной экономике Россия не желала, и постепенно происходил отход от исполнения условий Тильзита под маркой торговли с судами «нейтральных стран»³. Но, безусловно, российская экономика

---

¹ «Бездымной» эту войну назвал известный русский историк Н. Ф. Дубровин. См.: *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 9. С. 449–450.

² Подр. см.: *Нечаев С. Ю.* Почему вице-адмирал Сенявин отказался помогать генералу Жюно, и чем это для него закончилось // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. II. М., 2003. С. 7–41; *Орлов А. А.* Пребывание эскадры Д. Н. Сенявина в Англии в 1808–1809 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. III. С. 7–26.

³ Особенно Россия была заинтересована в нейтральной американской торговле, товарооборот с США увеличился в этот период в 10 раз, но заме-

терпела ущерб: резко сократился экспорт традиционных статей вывоза, значительно уменьшился приток таможенных отчислений в русскую казну, значительные убытки понесли купцы и дворяне-предприниматели. В начале XIX в. Россия была главным поставщиком хлеба на всемирном рынке, поэтому приведем пример русского вывоза пшеницы за границу: в 1801 г. — 6836 тыс. пудов, в 1810 г. — 1734 тыс. пудов. Вывоз уменьшился в четыре раза, так как Великобритания составляла наибольшую и важную часть хлебного рынка. Например, в 1820 г. вывоз составил 13 873 тыс. пудов¹. Урон был нанесен и русской морской торговле (британские торговые суда до 1807 г. вывозили и ввозили более 60 % экспорта и импорта товаров)², поскольку одним из результатов блокады стали каперские действия английского флота, захват или уничтожение русских торговых кораблей³. Добавим, что сухопутная торговля была делом дорогостоящим и экономически почти невыгодным из-за больших издержек. Сказывалось также падение курса рубля. Кроме того, Франция больше ввозила, чем вывозила из России (это создавало пассивный торговый баланс), а ассортимент французских товаров по объему не шел в никакое сравнение с английским и даже в минимальной степени не мог их заменить на русском рынке⁴.

Смею предположить, что Александр I в 1807–1812 гг. всегда реалистично полагал, что главным врагом для него была не Англия, а Франция. У России и Франции в тот период были обозначены слишком разные приоритетные задачи и в то же время отсутствовали общие интересы. Российский монарх в этот период считал, что Россия будет успешнее противодействовать гегемонистским планам Наполеона, находясь с Францией в союзе, нежели в прямой конфронтации, а заодно сможет решить свои стратегические задачи. В свое время известный историк А. Е. Пресняков резонно считал, что «новый союз только прикроет блестящим покровом прежнее сопер-

---

нить англичан американцы все равно не смогли (см.: *Сучугова Н.* Дипломатическая миссия Джона Куинси Адамса в 1809–1814 годах. М., 2007. С. 49).

¹ *Гулишамбаров С. О.* Всемирная торговля в XIX в. Участие в ней России. СПб., 1898. С. 39, 41.

² *Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 28.

³ Русская и английская политика в этот период проанализирована в недавно вышедшей монографии А. А. Орлова (*Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона: Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. С. 124–214).

⁴ См.: *Тарле Е. В.* Континентальная блокада // Соч. Т. III. М., 1958. С. 344–367.

ничество и подготовку сил к новой решительной борьбе»¹. Англичане же все это время оставались потенциальными русскими союзниками, так же, как и русские для англичан. Примечательно, что сразу после Тильзита русский министр иностранных дел барон А. Я. Будберг заявил перед разрывом с Великобританией английскому послу в России Д. Левесон-Гоуэру, что «император продолжает считать Англию своим лучшим союзником», а, предвидя последующие события, добавил: «Все то, что сейчас заключено с Францией, сделано по необходимости и не имеет будущего»². Поэтому Александром I учитывались самые различные конкретные факторы в оценках политической конъюнктуры и текущих процессов при принятии решений, в том числе и не в пользу существовавшего русско-французского союза. Можно сказать, что, несмотря на наличие Тильзитского договора, русский стратегический курс продолжал в 1807–1812 гг., как и прежде, оставаться неизменным и был нацелен на будущую борьбу с Наполеоном.

Закат эры Тильзита

Охлаждение союзной «дружбы» началось почти сразу же после того, как два императора разбежались в разные стороны из Тильзита. Еще такой знаток русских внешнеполитических сюжетов, как Ф. Ф. Мартенс, задавался скептическими вопросами, в которых уже содержались ответы: «Возможно ли было вообще сохранение согласия между Наполеоном и Александром? Не скрывался ли в самих тильзитских соглашениях зародыш раздора и разрыва?»³ Дипломатические разногласия обнаружились довольно скоро во многих актуальных для каждого из государств вопросах, которые ставили на повестку дня повседневные политические реалии. Стратегического партнерства как-то не получилось, особенно это стало заметно для посторонних наблюдателей уже в 1809 г. Имперские интересы двух «друзей и союзников» стали буквально «наткаться» друг на друга. Не всегда партнерам удавалось решить даже мелкие неурядицы, не говоря уже о главных европейских политических проблемах. Не случайно Наполеону еще 9 декабря 1808 г. была подана аналитическая записка «Сжатое изложение общего положения в Европе в конце 1808 г.» После анализа проводимой политики в отношении других стран был сделан однозначный вывод:

---

¹ Пресняков А. Е. Александр I. Пб., 1924. С. 118.

² Цит. по: Грюнвальд К. Указ. соч. С. 92.

³ Мартенс Ф. Ф. Александр I и Наполеон: Последние годы их дружбы и союза // Вестник Европы. 1905. № 2. С. 609.

«С.-Петербургский кабинет является на Севере пособником и коммиссионером Великобритании»; «союз Англии и России с каждым днем становится все менее сомнительным», а «франко-русский союз — фальшивый, противоестественный союз, противоречащий прямым интересам тюильрийского кабинета»¹.

Александр I долгое время старался формально не нарушать достигнутых договоренностей. Вероятно, он также был уверен в том, что его партнер и союзник рано или поздно допустит стратегический просчет². Ждать ему долго не пришлось — в 1808 г. Наполеон ввязался в испанскую авантюру и завяз в клубке им же созданных проблем на Пиренейском полуострове. Насильственная замена, пусть, может быть, отвратительного, но легитимного короля Испании (союзника Франции с 1804 г.) на старшего брата Наполеона, вряд ли могла порадовать российского монарха. Перед встречей в Эрфурте, на которую Александр I поехал с недоверием в сердце, он имел в Кенигсберге аудиенцию с прусским министром Г. Ф. К. Штейном, и тот записал следующее: «Он видит опасность, грозящую в Европе, вследствие властолюбивых замыслов Бонапарта, и я думаю, что он согласился на свидание в Эрфурте только для того, чтобы еще на некоторое время сохранить мир»³. Уже сама встреча в 1808 г. двух императоров в Эрфурте свидетельствовала о том, что дух Тильзита начал стремительно испаряться. Стараясь застраховать свои тылы, Наполеон просил Александра I помочь ему в случае вероятной войны с Австрией. Российский же император позволил себе проявить несговорчивость, хотя и был вынужден в итоге согласиться на совместные действия против австрийцев, но только в случае их нападения на Францию. В то же время Александр I счел возможным заверить австрийского посланника К. Ф. Шварценберга в том, что Россия не нанесет удара по Австрии: «Я даю великое доказательство доверия, обещая Вам, что сделано будет все человечески возможное, чтоб не нанести вам ударов с нашей стороны; мое положение так странно, что хотя мы с вами стоим на противоположенных линиях, однако я не могу не желать вам успеха»⁴.

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. IV. М., 1965. С. 686–689.

² Приведем мнение А. Н. Шебунина о принятой Александром I тактике после Тильзита: «Война не окончена, она только принимает новые формы, она объявлена договором о мире и союзе» (*Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925. С. 42).

³ Цит. по: *Грюнвальд К.* Указ. соч. С. 83–84.

⁴ Цит. по: *Соловьев С.* Указ. соч. С. 190.

Когда же в 1809 г. Австрия, желавшая реванша, объявила войну Франции, лишь по уже достигнутой договоренности Россия вынуждена была участвовать на стороне Наполеона. Формально Россия объявила войну Австрийской империи, но фактически дальше этого Александр I не пошел, предупредив Наполеона, что силы России задействованы в других войнах (с Турцией, Персией, Швецией, Англией). Выделенный для этой цели 30-тысячный русский корпус под командованием генерала С. Ф. Голицына сначала долго сосредотачивался, затем очень медленно стал продвигаться в Восточной Галиции. Оболвмившись, что российская армия вступила на австрийскую территорию только по прошествии 53 дней после открытия военных действий¹. При этом русские и австрийцы «дружески маневрировали», «встречались только по недоразумению» и в целом договорились не ввязываться в бои. В общем, с обоюдного согласия разыгрывалась пародия на военные действия. Русские никак не хотели воевать, и фактически их поведение можно было охарактеризовать только как умышленное бездействие. Корпус Голицына при этом избегал взаимодействия с поляками, не помогал, а больше мешал и вредил действиям польских войск, действительно воевавших с австрийцами. Узнав о подобных эпизодах, Наполеон пришел в негодование и квалифицировал эти факты как «Предательское поведение!»². Россия никоим образом не была заинтересована в разгроме Австрии³. В результате у французского императора возникли обоснованные подозрения в саботаже войны со стороны русских. Это также лишь доказывало, что Россия и впредь не будет послушной защитницей его интересов. По словам А. Вандаля, для Наполеона, уже в 1809 г. убежденного в недееспособности союза, было, тем не менее, «еще более важно, чтобы вся Европа верила в союз, в котором он разочаровался»⁴.

В 1899 г. Н. К. Шильдер опубликовал два чрезвычайно важных письма. Мать Александра I, вдовствующая императрица Мария Федоровна, вокруг которой группировалось большое количество консервативно настроенных сановников, решила призвать своего сына накануне Эрфурта под любым предлогом отказаться от свидания с Наполеоном, опасаясь также за его судьбу, что с ним могут поступить как с испанским королем. Она 25 августа 1808 г. написала ему пространное письмо, в котором изложила свой взгляд на сложившее-

---

¹ Вандаль А. Указ. соч. Т. II. СПб., 1911. С. 105.

² Там же. С. 107.

³ См. подр.: Мартенс Ф. Ф. Александр I и Наполеон: Последние годы их дружбы и союза // Вестник Европы. 1905. № 4. С. 566–570.

⁴ Вандаль А. Указ. соч. Т. II. С. 100.

ся положение, критически оценивая не только политику Наполеона, но и русский внешнеполитический курс¹. Перед отъездом в Эрфурт сын все же решил письменно объяснить с матерью², и его ответ проливает свет не только на многие жгучие вопросы тогдашней политики, но и разъясняет личное понимание событий и отношение российского императора к ситуации.

В первую очередь Александр I высказался об интересах России («были и постоянно останутся для меня более дорогими, чем все остальное в мире»; «исключительный предмет всех моих забот»), а потом был дан анализ расклада сил в Европе. Приведем несколько цитат из этого письма: «После несчастной борьбы, которую мы вели против Франции, последняя осталась наиболее сильной из трех еще существующих континентальных держав, и по своему положению, по своим средствам, она может одержать верх не только над каждою из них в отдельности, но даже над обеими взятыми вместе. Не является ли в интересах России быть в хороших отношениях с этим страшным колоссом, с этим врагом, поистине опасным, которого Россия может встретить на своем пути?» Становится ясно, что русский монарх отнюдь не заблуждался насчет своего союзника, считая его главным потенциальным врагом. Далее в письме последовал разбор текущей прагматической политики России: «Для того, чтобы было позволено надеяться с достаточным полным основанием, что Франция не будет пытаться вредить России, нужно, чтобы она была заинтересована в этом; одна лишь польза является обычным руководящим началом в политической деятельности государств. Нужно, чтобы Франция могла думать, что ее политические интересы могут сочетаться с политическими интересами России; с того момента, как у нее не будет этого убеждения, он будет видеть в России лишь врага». Именно поэтому, «чтобы сохранить свое единение с Францией», российский император и проявил «готовность примкнуть на некоторое время к ее интересам»³.

Все письмо говорит о том, что Тильзит рассматривался русским монархом как крайне необходимый для России тайм-аут, чтобы «иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и си-

---

¹ Шильдер Н. К. Накануне Эрфуртского свидания 1808 года // Русская старина. 1899. № 4. С. 4–17.

² Александр I писал также матери из Веймара, а после приезда из Эрфурта первым делом посетил ее в Гатчине (Из записной книжки Коленкура // Русский архив. 1908. № 4. С. 474).

³ Шильдер Н. К. Накануне Эрфуртского свидания 1808 года // Русская старина. 1899. № 4. С. 18–19.

лы. Но мы должны работать над этим среди глубочайшей тишины, а не разглашая на площадях о наших вооружениях, наших приготовлениях и не гремя публично против того, к кому мы питаем недоверие»¹. В этих словах — внутренняя установка Александра I, если хотите, программа действий. Именно поэтому он пишет матери, что необходимо ехать в Эрфурт, поскольку того желает Наполеон, и не отказываться от участия в делах, «имеющих столь существенное значение для интересов России». Он даже прямо говорит в письме о надежде не просто спасти Австрию, но и «сохранить ее силы для подходящего момента, когда ей окажется возможным употребить их для всеобщего блага»².

Наполеон очень долго, до последнего момента надеялся, что различными способами — уступками, уговорами, давлением или угрозами, — сможет заставить Россию придерживаться союзных обязательств на континенте. До 1812 г. в ухудшении отношений между двумя империями, как видно из его переписки, он винил не лично Александра I, а Англию, английских агентов, представителей «английской партии» при русском Дворе, дурно влиявших на принятие царских решений.

Наполеона обманывали в течение пяти лет как в хорошо поставленном спектакле, по театральному профессионально, убедительно и изящно. Не случайно А. Е. Пресняков, характеризуя отношения России и Франции в период тильзитской дружбы, написал: «Настала длительная “интермедия”, мнимый перерыв все той же борьбы, ушедшей в подполье глухой интриги, дипломатической игры и подготовки новых сил»³. Один из самых лучших биографов Александра I великий князь Николай Михайлович полагал, что российский император после Тильзита, без сомнения, «вел строго обдуманную линию» и у него «явилось определенное желание обойти и сломать мощь непрошенного союзника»⁴.

Кратко упомянем, что Наполеон в 1808 г. сделал интересное предложение Александру I — раздел Турции и совместный поход в Индию. Русский монарх прямо не стал отказываться, но фактически «утопил» этот вопрос в переговорах и в очередной раз показал себя искусным игроком в дипломатических играх⁵.

---

¹ Там же. С. 20.

² Там же. С. 20–21.

³ *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 113. По его мнению, Александром I «интермедия союза и дружбы была разыграна превосходно» (Там же. С. 115).

⁴ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. С. 88.

⁵ Весьма подробно этот вопрос разобран в: *Безотосный В. М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия или геополитика. С. 167–176.

Реакция в России на Тильзитский союз

Проблемы, затронутые в личном письме Александра I, волновали не только его родственников, но и всех мыслящих людей России. Как показывает критическая позиция Н. М. Карамзина, примерно так думали и понимали ситуацию многие представители русской образованной элиты. Можно привести его мнение, выраженное в 1811 г., в котором он поднимал те же вопросы: «Пожертвовав союзу Наполеона нравственным достоинством великой империи, можем ли мы надеяться на искренность его дружбы? Обманем ли Наполеона? Сила вещей неодолима. Он знает, что мы внутренне ненавидим его, ибо боимся; он видел усердие в последней войне австрийской, более, нежели сомнительное»¹. Историк Карамзин, в отличие от императора, мог разрешать себе называть вещи своими именами и даже затрагивать моральный аспект и справедливо оценивать его не в пользу России. Достаточно откровенно и критично о политике Наполеона по «расширению своего владычества до конца Европы» могли себе позволить высказаться и многие русские сановники. Например, в декабре 1807 г. в письме к Александру I только что назначенный послом в Париж генерал граф П. А. Толстой, как старый солдат, честно и без дипломатических уверток оценивал французского императора не как друга, а как врага России: «Надежда восстановить с сим правительством долговременный и основательный мир есть обман, коим ослепляются слабые умы, не чувствующие в себе никакой силы сопротивления, теряя тем время и самые способы приуготовить себя к обороне»². Генерал постоянно предупреждал об угрожающей России будущей опасности, предугадывал многие шаги французского императора и предлагал деятельно готовиться к войне.

Необходимо учитывать, что Тильзитский договор был встречен в России неодобрительно и порицался, мало того, он породил скрытую оппозиционность не только в общественных кругах, но даже в среде высшей бюрократии. Желчный мемуарист Ф. Ф. Вигель так характеризовал царившие в обществе настроения: «От знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата, все, повинувшись, роптало от негодования»³. К чувству небывалого унижения от Тильзитского мира присоединялись материальные последствия от войн и проведения континентальной блокады. Все это только усили-

---

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 54–55.

² Цит. по статье: Мартенс Ф. Ф. Александр I и Наполеон: Последние годы их дружбы и союза // Вестник Европы. 1905. № 2. С. 632.

³ Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. 3. С. 3.

вало недовольство в разных социальных слоях, в первую очередь в дворянской среде. Можно привести большое количество высказываний на этот счет из отечественных мемуаров. Ограничимся в данном случае мнением Ф. Булгарина: «Главное в том, что наше народное самодлюбие было тронуто и что война с Англией не могла возбудить энтузиазма, не представляя никаких польз и видов, и лишая нас выгод торговли. Вот что породил общий ропот. Слава Наполеона, так сказать, колола нам глаза — и мы уже доказали, что не боимся ни страшных сил завоевателя, ни его искусных маршалов, и можем даже с меньшими силами не только противостать ему, но и бить его знаменитые легионы. Неудачи наши, как всегда и везде бывает, приписывали мы нашим генералам (что отчасти была и правда), и непременно хотели еще раз сразиться с Наполеоном, во что бы то ни стало. Таково было общее мнение в Петербурге и в целой России. Свидетельствуюсь современниками...»¹

Сегодня историки не располагают вполне достоверными данными в пользу того, что в недрах правящего класса зрели замыслы по свержению Александра I. Например, в донесениях иностранных дипломатов из Петербурга имелись намеки и предположения о заговоре в пользу умной и честолюбивой великой княжны Екатерины Павловны («тверской полубогини») или вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Жена Александра I императрица Елизавета Алексеевна уже в письме своей матери от 28 августа (10 сентября) 1807 г. писала, что Мария Федоровна «громко порицала политику сына, стараясь унижить всех, кто оказался связан с окончанием этой войны... она встала в позу вождя фронды; вокруг нее собираются все недовольные, которых здесь большое количество, и они восхваляют ее. Никогда ее двор не был так великолепен, никогда не съезжалось к ней в Павловск столько визитеров, как в этот год»².

Сведения дипломатов о заговоре перемежались свидетельствами о недовольстве дворянства правительственной политикой. Англичане же перед разрывом отношений в конце 1807 г. прямо заявили русскому представителю М. А. Алопеусу, что, по их сведениям, в Петербурге составлен заговор против Александра I³. В противовес этому неизвестный французский дипломат составил записку в 1808 г., в которой

---

¹ Булгарин Ф. Воспоминания. С. 364.

² Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. С. 256.

³ См.: Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. Т. II. Paris, 1845. P. 352–358; Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императора Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. III. СПб., 1905. С. 32, 145–146; Внешняя политика Рос-

утверждал, что российский монарх постоянно подвергается опасностям: «Он может в определенный момент стать жертвой благих намерений, если английское министерство сочтет необходимым произвести в С.-Петербурге кровавую революцию, подобную тем, какие не раз происходили в России за последние полвека»¹. Французский посланник в Петербурге Р. Савари даже взял на себя добровольно функции русского министра полиции, он не только доносил царю о критических высказываниях в обществе, но и предлагал Александру I удалить из правительства оппозиционно настроенных сотрудников². В одном из таких разговоров с Савари (доложенных в письме Наполеону) Александр I выразил недоверие к сообщаемым сведениям и заявил: «Меня беспокоит только одно: это Беннигсен, которого можно, в известном смысле, назвать предателем и способным возглавить партию против меня»³.

Общая молва выдвигала на передний план Екатерину Павловну, поскольку, по мнению С. К. Богоявленского, в аристократических слоях общества полагали, что «заменить Александра одним из братьев нельзя — они более солдаты, чем правители, императрица-мать неспособна к правлению, и только вел. кн. Екатерина Павловна способна восстановить славное прошлое»⁴. Но ей все же не суждено было войти в русскую историю под именем императрицы Екатерины III. Сделанный на основании косвенных и второстепенных источников вывод о реальном существовании тогда заговора в ее пользу был бы преждевременным⁵. Хотя отметим, и А. Коленкур отмечал «прорусские» настроения великой княжны: «Она старается быть более русской, чем ее семья, или по вкусам, или по обычаям...»⁶ Да и знаток тогдашних петербургских настроений Ж. де Местр прямо писал, что «многие уповают лишь на азиатское средство», но сам автор не верил в то, что подобное возможно. Мало того, комментируя по-

---

сии XIX и начала XX века. Т. IV. С. 90; *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. С. 115–116.

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. IV. С. 687.

² *Вандаль А.* Указ. соч. Т. I. С. 128–129.

³ СИРИО. Т. 83. С. 61.

⁴ *Богоявленский С. К.* Император Александр I и великая княжна Екатерина Павловна // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. М., 1994. Т. V. С. 189–190.

⁵ Анализ всех источников подобного рода лучше всего отражен в: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957. С. 219–223.

⁶ Из записной книжки Коленкура // Русский архив. 1908. № 4. С. 467, 470; № 5. С. 6.

лучение поста военного министра А. А. Аракчеевым в 1808 г., он точно назвал одной из причин этого назначения стремление Александра I обеспечить прочный тыл. Поскольку император не мог не видеть «происходящего брожения», в противовес дворянской оппозиции «он заготовил на всякий случай первосортное пугало»¹.

Александр I явно рисковал и мог в результате потерять всякое доверие не только салонов, но и всего общества. Например, английский историк Ч. Исдейл утверждал, что Александр I, начав проводить политику в духе Тильзита, «бросил, в сущности, вызов всему дворянству, чья ненависть к Наполеону могла тягаться только со страхом потерять огромные прибыли, выпадавшие на его долю от продажи в Британию зерна, леса, льна и пеньки, и таким образом рисковал повторить судьбу своего отца, убитого в результате дворцового заговора»². Ведь многие, даже не отставные, а высокопоставленные сановники, находившиеся на государственной службе, неофициально позволяли себе критические высказывания как по поводу самой Тильзитской системы, так и в адрес союзника России — Наполеона. Иногда это проявлялось в поступках и действиях второго эшелона управления во властных структурах. Яркий показатель таких настроений — дело племянника знаменитого полководца А. В. Суворова генерала А. И. Горчакова. В 1809 г. он, находясь в Галиции в составе русских войск, направленных против Австрии, вступил в переписку с австрийским главнокомандующим эрцгерцогом Фердинандом. В письме он выразил уверенность, что в будущем «с нетерпением» ожидает времени, когда на поле чести русские присоединятся к австрийцам. Его послание было перехвачено и попало к наполеоновским войскам. Разразился скандал — вместо ведения боевых действий родственник Суворова мечтал «соединиться» с противником. По словам А. Вандаля, письмо «дышало страшной ненавистью к Франции». После того как посол Наполеона в Петербурге А. Коленкур лично сообщил Александру I его содержание, тот вынужден был оправдываться. Мало того, российский император затем долго ублажал Коленкура и даже, как написал французский посол: «Его Величество соблаговолил обнять меня»³. Генерала, конечно же, сначала арестовали, а потом быстро по суду уволили со службы⁴. Но сам факт был весьма показателен и свидетельствовал о том, что в армии

---

¹ *Де Местр Ж.* Петербургские письма. 1803–1817. С. 99, 114.

² *Исдейл Ч. Д.* Указ. соч. С. 60–61.

³ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. II. С. 92–93.

⁴ См.: *Поливанов М. Д.* Дело генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 2. С. 1–10.

и обществе по-прежнему господствовал стойкий антинаполеоновский настрой. Интересен и показателен тот факт, что властные структуры в период франко-русского союза, если и не поощряли, то и активно не пресекали антифранцузские настроения. О подобных явлениях в обществе и о том, что власти закрывали на них глаза, например, свидетельствовал в 1807 г. такой тонкий наблюдатель, как Ж. де Местр: «Здесь все умы в великом смятении: национальная гордость оскорблена заключенным миром. В некоторых домах французов не принимают. Император выразил по сему поводу крайнее неудовольствие, но поскольку никто и не подумал переменить сей образ действий, полагают, что это лишь комедия»¹.

Необходимо упомянуть и о поисках женихов для великих княжон, так как этот вопрос в этот период стал весьма актуален и в какой-то степени от него зависели внешнеполитические шаги России. В первую очередь возникла проблема с любимой сестрой Александра I Екатериной Павловной, как тогда утверждали «красой царского дома». Ей в 1807 г. исполнилось 19 лет. Решение также оказалось связанным с императрицей Марией Федоровной, она, правда, считала нужным учитывать мнение самой великой княжны. Император не лукавил, как показывает его переписка, когда говорил, что вопрос замужества его сестер зависит от его матери. В 1806 г. через дипломатические каналы ее руки просил наследник баварского престола Людвиг Карл Август, но получил отказ². В 1807 г., когда еще шли военные действия с французами, Мария Федоровна поручила поиск подходящего кандидата в мужа для своей дочери близкому человеку в царской семье князю А. Б. Куракину, который специально для этой цели получил должность посла в Австрии. Дело в том, что в апреле 1807 г. овдовел австрийский император Франц I, и она посчитала, что это достойный жених, тем более что именно тогда Россия была крайне заинтересована в сближении с Австрией. Но кандидатуру не поддержал Александр I, он не считал его достойной парой своей сестре; нарисовал крайне несимпатичный портрет и дал весьма нелестную характеристику Францу I³. И как писал императрице князь А. Б. Куракин: «Государь не согласен со мной и в том, что этот брак может быть для нас полезен в политическом отношении; несмотря на все мои доводы, он утверждает, что ее высочество — его сестра и Россия ничего этим не выигрывает, что, напротив, отношения, кото-

---

¹ *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 83.

² *Искюль С. Н.* Внешняя политика России и Германские государства (1801–1812). С. 117–118.

³ См.: *Йена Д.* Екатерина Павловна: Великая княжна, королева Вюртемберга. М., 2006. С. 63–64.

рые начнутся тогда между Россией и Австрией, будут мешать нам выражать как следует наше неудовольствие Австрии всякий раз, когда она поступает дурно, а так она часто поступает»¹. Правда, все эти доводы не смущали Екатерину Павловну, она горела желанием стать австрийской императрицей². Вопрос разрешился сам собой — по приезде в Вену Куракин лично убедился в иллюзорности этого брака, а, кроме того, стало известно, что австрийский император уже выбрал новую супругу, остановив взор на своей двоюродной сестре Беатрисе Моденской. Но список обсуждаемых претендентов на руку Екатерины Павловны был тогда достаточно большим — австрийские эрцгерцоги Фердинанд и Иоанн (Франц I был против), принц Леопольд Кобургский, принц Генрих Прусский, принц Вильгельм Вюртембергский. Но выбор свой императорская семья в лице Екатерины Павловны остановила на принце Георге Ольденбургском³. Поторопил это событие, скорее всего, никто иной, как сам Наполеон. Еще в Тильзите, действуя через Талейрана, он намекал, что неплохо было бы закрепить договоренности брачным союзом. Судя по секретной переписке посла во Франции П. А. Толстого с графом Румянцевым в 1807–1808 гг. имя Екатерины Павловны фигурировало в парижских слухах, как невесты французского императора⁴. Во время Эрфуртского свидания Наполеон решил прозондировать позицию Александра I по поводу своего возможного брака с одной из великих княжон⁵. Это ускорило ее свадьбу с Г. Ольденбургским, которая состоялась 18 апреля 1809 г.

А в конце 1809 г. императорской семье пришлось решать похожие дела уже с великой княжной Анной Павловной, так как именно ее возжелал взять в жены Наполеон после развода с Жозефиной. Этот вопрос не являлся сугубо семейным, речь шла о дальнейшем союзе с

---

¹ Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 58.

² См. выдержки из переписки Александра I с Марией Федоровной и Екатериной Павловной: Тимошук В. Брачные проекты великих княжен Екатерины Павловны и Анны Павловны // Русская старина. 1911. № 3. С. 523–529.

³ См.: Данилова А. Пять принцесс: Дочери императора Павла I. Биографические хроники. М., 2001. С. 295–299; Собко Е. М. Великая княгиня Екатерина Павловна // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 136.

⁴ СИРИО. Т. 89. С. 241, 280, 455, 496–497, 525–527.

⁵ Д. Йена утверждал, что речь шла о Екатерине Павловне, а конечный выбор кандидатуры Г. Ольденбургского «был частью сложной политической стратегии, проводимой императором Александром I после встречи в Тильзите» (Йена Д. Екатерина Павловна: Великая княжна, королева Вюртемберга. С. 82–85).

Францией. Причем Наполеон увязывал свою женитьбу на Анне Павловне с русско-французскими переговорами по польскому вопросу (договор так и не был заключен)¹. Нужно сказать, что Александр I и его мать сразу заняли отрицательную позицию и решали только как отказать. Причем осознавали все пагубные последствия отказа и рассматривали этот вопрос в двух плоскостях — с точки зрения государства и личности великой княжны. Как передавала в письме свой разговор с сыном Мария Федоровна, с личной точки зрения это было «несчастье» для этого ребенка, «если бы она вышла замуж за такого изверга, для которого нет ничего священного и который не знает никакой узды, так как он не верит даже в Бога? Принесли ли бы эта тяжелая жертва благо России? На что было бы обречено мое дитя?» На вопрос Марии Федоровны о последствиях для политики России («послужит поводом к войне» или «ускорит ее» и «позволяет ли ему состояние его финансов вести войну») Александр I ответил: «Наша граница беззащитна, у нас нет с этой стороны ни одной крепости, что касается войска, то у меня на границе двести тысяч человек... Состоится ли этот брак или нет, я того мнения, что войны не миновать... Полный застой в торговле так тягостен для государства, что если он не прекратится, то нам волей-неволей придется устранить все препоны, так как государство не в состоянии этого долго вынести. Момент будет критическим и может вовлечь нас в войну с Наполеоном»². О «невозможности “русского” брака Наполеона напрямую в то время писал российский император и своей сестре Екатерине Павловне: «Принимая во внимание все неприятности и придирки, а также недоброжелательство и злобу, с какой относятся к этому человеку, лучше ответить отказом, нежели дать согласие против воли...»³ Александр I потянул время с ответом. Он был уклончив (просили подождать до совершеннолетия Анны Павловны), но это было равносильно отказу. Да и Наполеон не имел намерения ждать, собственно, еще не дождавшись ответа из России, он принял решение о женитьбе на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе.

---

¹ См.: *Йена Д.* Екатерина Павловна: Великая княжна, королева Вюртемберга. С. 126–127.

² Цит. по: *Тимошук В.* Брачные проекты великих княжен Екатерины Павловны и Анны Павловны // Русская старина. 1911. № 3. С. 533–536.

³ Цит. по: *Данилова А.* Пять принцесс: Дочери императора Павла I. Биографические хроники. С. 413.

Внутриполитические изменения в России после Тильзита

Нельзя не отметить в это время и такого явления в Европе, как резкий рост национализма, в первую очередь в Германии. Это была ответная реакция на французское господство. Россию этот процесс также не обошел стороной. То, что можно охарактеризовать как патриотический дух, стало обычным для дворянского общества и распространилось на другие социальные слои. Русское дворянство тогда являлось и культурной элитой страны. Интеллектуалы-консерваторы стали идеологами патриотизма (или консервативного традиционализма) с ярко выраженной антифранцузской направленностью. Именно в этот период начинается и борьба с французским воспитанием и галломанией, которая сводилась не только к искоренению французского языка из повседневной речи дворян, но и распространялась вплоть до политических мнений и пристрастий. Это выразилось и в появлении подчеркнуто русских литературных кружков и периодических журналов. В обществе стало входить в моду все русское и отрицалось все иностранное, т. е. в первую очередь — французское¹.

На тильзитский период пришлось проведение в России некоторых важных реформ, как в военной сфере, так и по гражданской части. Если военные преобразования, выдержанные в профранцузском духе, не подвергались критике, то робкое реформирование государственного аппарата и новые правила для чиновников были с крайним осуждением встречены дворянством. Все нововведения связывались в обществе с личностью «безродного» М. М. Сперанского². Его деятельность сразу же нашла массу противников, которые усматривали в ней опасность революции, а его самого стали обвинять в предательстве в пользу Наполеона. Самым известным критиком стал талантливый литератор и историк Н. М. Карамзин, выступивший с «Запиской о древней и новой России», в которой обосновывал незыблемость самодержавия как наиболее подходящей и исторически сложившейся формы правления. Угрозу он видел в реализации идеи представительной монархии. Фактически это был манифест русского политического консерватизма. Карамзин в концентрированном виде выразил мнение дворянской оппозиции, направленное против либеральных реформ, и призывал отказаться от каких-либо нововве-

---

¹ О борьбе с галломанией см.: Орлов А. А. Галломания в России (кон. XVIII — нач. XIX в.) // Франция и Россия в начале XIX столетия: Просвещение. Культура. Общество. М., 2004. С. 20–29.

² Подр. о проектах М. М. Сперанского и реакции на его деятельность см.: Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 160–210.

дений¹. Собственно, из запланированных в тот период реформ удалось воплотить в жизнь 1 января 1810 г. лишь идею создания Государственного совета. Сам проект разрабатывался в условиях, почти секретных. Но к 1812 г. положение Сперанского стало шатким.

Как бы в противовес французскому влиянию, особенно после военных неудач 1805–1807 гг., стали раздаваться голоса, призывавшие к борьбе с иноземными заимствованиями, в первую очередь с галломанией. Военные поражения во многом истолковывались наличием иностранного воспитания и отсутствием патриотизма. Рупором этих мощных общественных настроений стал граф Ф. В. Ростопчин, считавший, что окружавшие царя люди были, по его словам, «набиты конституционным французским и польским духом», а реформы Сперанского «несообразны с настоящим делом». В результате дворцовых интриг весной 1812 г., когда всем стало ясно, что война с Францией уже неизбежна, Александр I сделал выбор в пользу дворянской оппозиции, Сперанский был отправлен в ссылку. Обстоятельства падения великого русского реформатора до сих пор остаются полностью не выясненными². По словам великого князя Николая Михайловича, история падения Сперанского «стала слыть за легендарную сказку, покрытую какой-то таинственной завесой»³. Его обвиняли в преклонении перед всем французским, в государственной измене, в заговоре в пользу Наполеона и т. д. Ясно, что это были абсолютно надуманные поводы для опалы, а на самом деле российский император перед войной решил пожертвовать непопулярной фигурой в высшей администрации и сделать ставку на патриархально-консервативные силы. Таким образом, восходящая звезда русской бюрократии Сперанский стал жертвой для успокоения «встревоженных умов»⁴.

---

¹ См.: *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. С. 196–276; *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 200–202.

² Йена считал, что душой заговора против Сперанского являлись Екатерина Павловна и близкий к ней круг консерваторов (см.: *Йена Д.* Екатерина Павловна: Великая княжна, королева Вюртемберга. С. 134–139).

³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. С. 89.

⁴ Д. П. Рунич в своих воспоминаниях писал о том, что против Сперанского был составлен «обширный заговор», а во главе его стояли «вдовствующая императрица со своей дочерью, герцогиней Ольденбургской», далее он перечислил второстепенных участников: Г. М. Армфельда, Ф. В. Ростопчина и А. Д. Балашова (см.: Из записок Д. П. Рунича // *Русская старина.* 1901. № 2. С. 356).

Решение об изменении внешнеполитического курса сказалось и на внутривластной ситуации, так как сопровождалось важными кадровыми перестановками внутри правящей элиты. Александр I выдвинул на ключевые государственные должности «по обстоятельствам момента» двух известных полупопальных вельмож, представителей «старых русских екатерининского времени» — А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина. Имена обоих сановников четко олицетворялись в обществе с национально-патриотическими тенденциями. Фактически сменивший Сперанского на посту государственного секретаря адмирал Шишков воспринимался как страж чистоты русского языка, поборник старины и ревностный патриот, а возглавивший «первопрестольную» Москву Ростопчин, находившийся тогда в зените своей литературной славы, получил в свое время известность как обличитель французомании. Ф. В. Ростопчин на эту должность был рекомендован Екатериной Павловной как участник ее «тверского салона»¹. На пост государственного секретаря первоначально Александр I решил назначить Н. М. Карамзина, но его генерал-адъютант А. Д. Балашов указал ему на А. С. Шишкова как человека, обратившего на себя внимание всего общества после речи «О любви к Отечеству»². При личной встрече император, по словам Шишкова, сказал ему: «Я читал ваше рассуждение о любви к отечеству. Имея таковые чувства, вы можете ему быть полезны. Кажется, у нас не обойдется без войны с французами...»³ Российский самодержец очень чутко умел ловить сигналы, посылаемые ему от дворянства, а его решения стали результатом суммарных векторов умонастроений общества.

Эти действия российского императора являлись не просто уступкой дворянскому консерватизму или отказом от либеральных ценностей, а свидетельствовали о том, что власть перед грядущим военным столкновением пыталась найти в будущих, чреватых бедами обстоятельствах новую опору в дворянском обществе. Это был весьма расчетливый ход правительства. Двух известных критиков предшествовавшей профранцузской политики привлекли к сотрудничеству. В 1812 г. значительное распространение получили ростопчинские «афиши», а правительственные манифесты и рескрипты составлялись Шишковым. По мнению С. Т. Аксакова, «писанные им манифе-

---

¹ См.: *Кизеветтер А.* Исторические отклики. М., 1915. С. 85–88; *Ростопчин Ф. В.* Ох, французы! М., 1992. С. 12.

² См.: *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1902. № 11. С. 211.

³ См.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 121, 123.

сты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей»¹. Да и вскоре почти вся русская журналистика и публицистика в том или ином виде заговорила слегка архаичным и одическим шишковским языком. Примечательно, как только военные действия закончились в 1814 г., оба (Шишков и Ростопчин) были уволены от занимаемых должностей и «в воздаяние долговременной службы и трудов, понесенных в минувшую войну» получили назначение состоять членами Государственного совета.

***Annus mirabilis*² —
«На начинающего Бог»**

О будущей войне Наполеона против России многие проницательные аналитики заговорили сразу после женитьбы Наполеона на Марии-Луизе³. Этому предшествовал отказ Наполеона ратифицировать уже подписанную конвенцию о невосстановлении Польского королевства, а также одновременно неудачное сватовство и переговоры о его возможном браке с великой княжной Анной Павловной.

Две европейские империи проводили принципиально разную долгосрочную политику, их цели и стоящие перед ними задачи становились диаметрально противоположными, поэтому на встречах парах они приближались к военному столкновению. Спорные вопросы и проблемы накапливались, откладывались в долгий ящик, аккумуляровались, но не решались. В отношениях между двумя империями повис, как дамоклов меч, груз непримиримых противоречий. «С этих пор, — писал Н. К. Шильдер, — при обстановке, созданной

---

¹ Аксаков С. Т. Собр. соч. Т. 2. М., 1955. С. 306–307.

² Поразительный год (лат.). Это выражение пророчески употребил Ж. де Местр в одном из своих писем еще в апреле 1812 г.: «Может быть, с большим основанием год 1812 наречется *annus mirabilis*» (*Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 204).

³ Например, об этом оставили письменные свидетельства К. Меттерних и Ш. М. Талейран (см.: *Шедивы Я.* Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 135, 139). В данном случае необходимо отметить, что большинство государственных деятелей европейских держав (потенциальных союзников России — Австрии, Пруссии, Швеции, Англии) скептически оценивало перед 1812 г. шансы Александра I на успех и были уверены, что после ряда поражений русские пойдут на заключение мира. Именно этим во многом объясняется тот факт, что в 1812 г. англичане и шведы не спешили с реальной помощью России.

браком Наполеона, полный разрыв между тильзитскими друзьями становился только вопросом времени»¹.

Война была принципиально решена в умах правителей, и никто уже не хотел отступать от принятой программы действий. Обе державы, предвидя эту роковую неизбежность, с 1810 г. почти одновременно взяли курс на подготовку к войне, уже лишь формально поддерживая видимость союзнических отношений. Из-за необратимого процесса обострения нараставших противоречий с этого момента стала рушиться политическая архитектура Тильзита. Как снежный ком нарастали претензии и требования, с двух сторон один контрвыпад следовал за другим, усиливая не только атмосферу взаимного недоверия, но и приближая события к военной развязке, хотя императоры все продолжали обмениваться любезностями и заверениями в верности духу Тильзита. Но в Петербурге и в Париже уже отдавали себе отчет, что это был политический блеф. Так, Ж. де Местр писал уже в декабре 1810 г.: «Охлаждение между двумя императорами началось уже давно и мало-помалу нарастало вследствие тысяч всяких обстоятельств, неизвестных публике. Александр слишком осведомлен, чтобы не подозревать о замыслах и приуготовлениях другого, ведь для подобных вещей не нужно никаких доказательств. Наполеон не может смириться с самостоятельной Россией. Ему совершенно необходимо напасть на нее и покорить своей воле. Поэтому все сведущие люди, и, прежде всего главные военачальники, уверены в неизбежности войны с Францией»².

16 марта 1810 г. министр иностранных дел Ж. Б. Шампаньи написал Наполеону секретную аналитическую записку (правда, ее текст очень скоро стал известен в Петербурге) о положении дел в Европе, в которой предлагалось уже «смотреть на Россию как на естественную союзницу Англии и приготовиться бороться на континенте с последствиями сближения между этими двумя державами»³. Сразу оговоримся, оригинальный текст записки так и не был найден во французских архивах, возможно, записка являлась фальшивкой, проданной за деньги Ш. М. Талейраном русскому дипломату. Но господствующей

---

¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. С. 14.

² Де Местр Ж. Указ. соч. С. 158.

³ Текст записки Ж. Б. Шампаньи был опубликован на французском языке в: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. III. С. 471–483. Копию записки в Париже в апреле 1810 г. приобрел через Талейрана К. В. Нессельроде (*Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1850.* Т. III. Paris, 1909. P. 245).

шая идеология во французских коридорах власти сделанного доклада была выражена напрямую, и в этом ключе строилась дальнейшая политика Франции в отношении России. Почти одновременно, 2 марта 1810 г., в российской столице на стол императора легла записка военного министра М. Б. Барклая де Толли «О защите западных пределов России», в которой анализировались возможные будущие действия против армии Наполеона¹. Этот документ для русской стороны стал фактическим планом подготовки войны с наполеоновской Францией. В 1810–1812 гг. из-под пера Барклая выйдет еще несколько планов ведения военных действий, как превентивного, так и оборонительного характера.

В начале 1812 г. даже французские и русские дипломаты, Наполеон и Александр I открыто обсуждали между собой возможности возникновения военных действий, мало сомневаясь, что такой перспективы удастся избежать². Важно понять, чем в этот период руководствовались и из каких посылок исходили оба императора, вставая на путь подготовки к войне. Для Наполеона важнейшим фактором всей его внешнеполитической конструкции являлась экономическая блокада Англии: все государства, которые тайно или явно поддерживали торговые связи с туманным Альбионом, автоматически становились и врагами Франции, а любой отступник должен был быть наказан. Собственно, вся континентальная Европа в это время поддерживала блокаду Британии, в первую очередь под угрозой применения силы. Россия, одна из ведущих европейских держав, с 1807 г. считалась главным партнером Франции в борьбе с Англией. Ее отказ от союзного курса на практике означал крах антибританской политики Наполеона, так как давал очень нежелательный пример другим странам. Логика существования континентальной блокады не могла допустить ни одного исключения, поскольку в таком случае пропал смысл ее проведения. 6 марта 1812 г. Наполеон в речи перед Государственным советом прямо заявил, явно имея в виду Александра I: «Всякий, кто протягивает руку Англии и прорывает континентальную блокаду, объявляет себя врагом императора...»³ Вернуть же Россию на рельсы антибританской политики можно было

---

¹ Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. I. Ч. 2. СПб., 1900. С. 3–5.

² См., напр., разговор русского посла А. Б. Куракина с Наполеоном 13 апреля 1812 г., где прямо говорилось о начале войны (*Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года: Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. С. 173–187).

³ Цит. по: *Валлоттон А.* Александр I. М., 1991. С. 149–150.

только военным путем¹. Это была основная стратегическая задача Наполеона в кампании 1812 года. Фактически к этому времени он загнал себя в тупик, и кардинально изменить ситуацию французский император мог только при помощи победоносной армии. С этой точки зрения странно звучит заявление французского историка А. Вандаля, что «ответственность за разрыв падает, главным образом, на русского монарха»². Почему Россия вопреки своим национальным интересам должна была во всем поддерживать Наполеона?

Александра I всегда очень тяготили «тильзитские оковы». Да и при проведении реальной политики имелось слишком много точек, где пересекались в то время интересы России и Франции: Балканы, Польша, германские государства — ведь в последних проживало слишком много родственников русского царя, а сам он являлся главой Ольденбургского дома (герцогство Ольденбургское было присоединено к французской империи в нарушение Тильзитского договора). Постоянным раздражающим фактором оставались внешнеполитические шаги Наполеона, многие из которых были откровенно и прямо нацелены против России. В этот период перед русской дипломатией стояли очень сложные задачи. Ведь на карте континентальной Европы тогда можно было отыскать лишь несколько независимых государств: Швеция, Дания, Пруссия, Австрия, Турция; остальные — в той или иной степени оказались подконтрольными или подчиненными наполеоновскому диктату. В этой комбинации Россия не могла реально рассчитывать на их помощь, каждое из этих государств исходило из собственных возможностей и думало лишь о своих интересах. Хотя Пруссии и Австрии делались предложения о совместном выступлении против Франции, но они предпочли в этой ситуации присоединиться к Наполеону. Справедливости ради укажем, что, к примеру, еще ноябре 1811 г. маршал Л. Н. Даву представил Наполеону план войны с Пруссией. Французские части должны были вторгнуться в Пруссию под вымышленным предлогом, что русские дивизии уже перешли прусские границы. Также планировалось сфабриковать в четырех экземплярах подложный франко-пруссский

---

¹ Ж. Тюлар, оценивая борьбу с Англией как краеугольный камень политики Наполеона, считал, что «любое государство, не участвующее в континентальной блокаде, превращалось во врага: невозможно было сохранять нейтралитет в том противостоянии, которое Наполеон навязал “океанократам”». По его мнению: «Разрыв с Францией, к которому стремился русский царь, отвечал политическим и экономическим интересам России» (*Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе»*. С. 170, 316).

² *Вандаль А. Указ. соч. Т. I. С. IX.*

договор для предъявления комендантам прусских крепостей, чтобы побудить их сдать французам¹.

Наполеон решил включить в 1812 г. в состав Великой армии австрийский и прусский контингенты со своим командованием. Возможно, что он преследовал сразу несколько целей. По дипломатическим соображениям для него было важно использовать бывших русских союзников, тем самым он показывал России, что ей уже не на кого и не на что рассчитывать. 2 (15) августа 1811 г. в разговоре с русским послом Куракиным Наполеон говорил: «Пруссия не забыла, что вы взяли у нее Белосток, а Австрия помнит, что для округления границ вы охотно отрезали у нее несколько округов Галиции»². Французскому императору нужно было окончательно рассорить Пруссию и Австрию с Россией, запачкать их русской кровью так, чтобы они уже никогда в будущем не создали коалиции против него. Возможно, он также полагал, что таким образом страхует свои тылы — эти корпуса становились заложниками верности Наполеону их собственных монархов. Но размещение этих корпусов на флангах в 1812 г. явилось его ошибкой, правда, это стало очевидным лишь в финале кампании.

В стратегическом плане положение России облегчалось тем, что на другом конце Европы существовала неизлечимая для Наполеона «испанская язва». Фактически же в 1812 г. французская империя вынуждена была держать два фронта, значительный контингент наполеоновских войск продолжал воевать на Пиренеях с англичанами и испанцами³. Успехом же русской дипломатии стали договоренности о нейтралитете Турции (Бухарестский мирный договор) и союз со Швецией, хотя последняя в 1812 г. так и не приняла участия в боевых действиях. Что касается Швеции, то России, несомненно, повезло с Бернадоттом, или же российская дипломатия смогла подобрать ключи к шведскому наследному принцу. Во всяком случае негативные последствия для Швеции ее войны в 1808–1809 гг. никак не сказались для России в 1812 г. Русские же получили возможность без каких-либо опасений перебросить из Финляндии войска в 1812 г. и усилить свою группировку на северо-западном театре военных дей-

---

¹ Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива. Отд. II. Т. I. СПб., 1903. С. 165–171.

² *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года: Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. С. 95.

³ См.: *Нечаев С. Ю.* В 1812 г. Наполеону пришлось несладко не только в России // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. V. М., 2006. С. 23–43.

ствий. Важнейшим же последствием Бухарестского мирного договора стал переход в 1812 г. сил Молдавской армии на Украину и в Белоруссию, усилившую там во второй период войны южную группировку русских войск.

Сам Александр I проявлял дипломатическую активность, в первую очередь по отношению к Пруссии. После переговоров в 1811 г. с пруссаком Г. Шарнгорстом даже был подготовлен проект военной конвенции¹. Но она не обеспечивала безопасность Пруссии, и Фридрих-Вильгельм III не ратифицировал этот договор. Можно говорить в данном случае о прусском «эгоизме», но ясно, что уже в начале войны Пруссия, заключив военный союз с Россией, как государство была бы стерта с географической карты французскими войсками². В данном случае «эгоизм» был продиктован интересами сохранения государственности, а пруссакам не оставалось иного выбора, как «под пушками корпуса Л. Н. Даву» выставить воинский контингент против России после заключения договора с Францией 24 февраля 1812 г.³ Так же поступили и австрийцы, подписав договор с Францией 14 марта 1812 г.⁴ Но отплатили примерно той же монетой, что и Россия в 1809 г. Их корпус не превышал 30 тыс. чел. (его действия, обещали австрийские дипломаты, «по возможности будут ограничены»), русско-австрийская граница оставалась статичной и неприкосновенной для сторон, а правительства согласились даже поддерживать тайные контакты во время войны⁵. В сложившейся тогда ситуации это более или менее устраивало Россию. Весьма примечательно было то, что ни Пруссия, ни Австрия — не объявляли войну России⁶.

---

¹ См.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. СПб., 1885. С. 24–37.

² См.: *Терешкина Е. А.* Прусский вопрос во внешней политике России // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007. № 5.

³ *Kerautret M.* Le grands traités de l'empire (1810–1815). Т. 3. Paris, 2004. P. 35–47.

⁴ Ibid. P. 53–57.

⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VI. С. 377–380, 757, 760–761; *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года: Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. С. 490.

⁶ *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1859. С. 77.

Война 1812 года была превентивной?

Говоря о начале кампании 1812 г., часто возникает вопрос о превентивном характере войны Наполеона против России¹. Мол, французский император очень не хотел этой войны, но вынужден был первым перейти границу в силу существования реальной русской угрозы. Сохранилось достаточно много высказываний самого французского полководца на этот счет. Например, в мае 1812 г. Наполеон в письме к русскому послу во Франции А. Б. Куракину, помимо многих обвинений и угроз в адрес Александра I и России, поместил следующую фразу: «Мне нужен покой, я не хочу войны; благо моих народов требует моих забот, поэтому я жажду спокойствия»². Ранее он также прямо говорил Куракину: «Я не хочу воевать с вами, но вы сами вызываете меня»³. Графиня С. Шуазель-Гуфье в своих воспоминаниях «процитировала» следующие слова Наполеона, сказанные якобы им в Вильно в начале кампании 1812 г.: «Я с сожалением начал эту войну, благодаря которой прольется много крови; император Александр, не соблюдавший условий Тильзитского трактата, принудил меня начать войну»⁴.

При желании перечень таких высказываний можно увеличить. Попробуем разобраться в этом поподробнее. Необходимо заметить, что разведки сторон очень внимательно следили за передвижениями и концентрацией войск своего будущего противника. Например, сотрудник русской военной разведки поручик П. Х. Граббе, видевший все своими глазами, упоминая о концентрации сил Наполеона («Все дороги Германии покрылись войсками со всех концов Европы к границам России направленными»), сделал заключение в своих воспоминаниях: «Не было нужды в тайне. Напротив, лучшим средством принудить Россию без борьбы покориться всем уничижительным условиям поработительного союза с Наполеоном, казалось показать ей это неслыханное ополчение против нее всей Европы»⁵. При тогдашнем несовершенстве средств связи при передаче разведанных сведений поступали с некоторым опозданием, но, тем не менее, и

---

¹ См., напр.: *Соколов О.* Погоня за миражом: Политическая обстановка и план Наполеона накануне войны // *Родина.* 1992. № 6–7. С. 18–21.

² В мае 1812 года // *Русская старина.* 1912. № 5. С. 434.

³ Цит. по: *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. С. 46.

⁴ Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Софии Шуазель-Гуфье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 2007. С. 65.

⁵ Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. С. 6–7.

Наполеон и русское командование приблизительно представляли себе общую ситуацию с войсками противника на тот или иной момент¹. Три русских армии к началу войны на западной границе имели в своих рядах 200–220 тыс. чел. У Наполеона только в первом эшелоне было сосредоточено 450 тыс., а во втором — более 150 тыс. бойцов. Какой военный специалист поверит, что такие силы были собраны французским полководцем для обороны? Такая мощнейшая группировка сил не могла быть собрана за несколько дней, ее создание требовало колоссальных организационных и финансовых издержек, и она явно предназначалась для ведения активных наступательных действий. Российские верхи отлично знали об этом, так как разведка работала неплохо. Поэтому вполне понятно, что Александр I в манифесте о рекрутском наборе 23 марта 1812 г. заявлял, готовясь к военным действиям: «Настоящее состояние дел в Европе требует решительных и твердых мер, неусыпного бодрствования и сильного ополчения, которое могло бы верным и надежным образом оградить Великую империю НАШУ от всех могущих против нее быть неприятных покушений»².

Так была ли для французского императора война превентивной? Конечно, всегда можно по-разному ответить на этот вопрос, взяв за точки отсчета различные исходные моменты. Выскажу лишь личное мнение. Учитывая численное соотношение сил сторон, вряд ли русские войска в июне 1812 г. представляли угрозу Европе. Скорее наоборот, Великая армия Наполеона нацелилась на Россию. К тому же, никто силой не заставлял французского императора отдавать приказ о переходе границ. Логика принятия решения в данном случае оказалась проста — все пружины колоссального военного маховика были взведены и приведены в действие. В такой ситуации невозможно дать команду «отбой» запрограммированной на войну «машине». Не наказывать Россию за отказ проводить профранцузскую политику — значит проявить не только непростительную слабость на глазах всей Европы, но и распрощаться с надеждой в будущем победить своего главного соперника — Англию. Да и как по-иному можно оправдать все поистине грандиозные предвоенные усилия по организации и концентрации огромных людских и материальных средств? А просто финансовые затраты? Наполеону необходимо было начинать войну в любом случае. И он ее начал первым! Поэтому французский импе-

---

¹ О деятельности разведок подр. см.: *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году.

² Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. С. 1.

ратор перед началом кампании в 1812 г. даже не удосужился подыскать и грамотно преподнести общественному мнению маломальский правдоподобный «casus belli». Явно неубедительно звучало объяснение причин войны и в воззвании Наполеона к войскам накануне перехода через Неман: «Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои»; «Россия увлекается роком, да свершится судьба ее!»; «Мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему неуместному влиянию России на дела Европы»¹. Это была слабая риторическая попытка самооправдания и апелляция к року и судьбе, специально для европейцев приправленная соусом под названием «исконная русская агрессивность». Но в 1812 г. не существовало никакой «русской угрозы», наоборот — была реальная «западная угроза» России, что и подтвердили дальнейшие события.

Это был, с политической точки зрения, первый просчет Наполеона в кампании 1812 г. Причем он заранее попытался нивелировать эту ситуацию. Еще в мае 1812 г. в Вильно к Александру I был направлен с военно-дипломатической миссией генерал-адъютант Наполеона Л. Нарбонн с заявлениями о миролюбии французского императора, о его нежелании воевать, а наоборот, поддерживать с Россией дружеские отношения². Конечно, это было лишь политической игрой. Российский император оказался не меньшим любителем такого рода постановок. Он ответил подобным же театральным жестом уже после начала военных действий, послав с подобной миссией своего генерал-адъютанта А. Д. Балашова в расположение Великой армии, занявшей Вильно. Там французский император и принял русского генерала. В письме к Наполеону Александр I ни мало ни много предложил своему противнику вывести войска из России, и тогда можно будет приступить к переговорам («достижение договоренности... будет возможно»)³. Конечно, предугадать ответную реакцию было нетрудно.

Лицедейство на троне

Излишне говорить о специальной политической направленности этих военно-дипломатических миссий сторон. Сегодня, ретроспективно, можно лишь утверждать, что дипломатический «театр» Александра I оказался более успешным, поскольку роли, сыгранные

---

¹ Цит. по: Великие императоры Европы: Наполеон I и Александр I. М., 2000. С. 194.

² ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 295. Л. 3.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VI. С. 442.

русскими, были убедительнее. Это был красивый демонстративный жест в адрес Европы, снимавший с российского императора ответственность за развязывание войны. Конечно, сам Александр I в успех поездки Балашева не верил ни одну минуту. Отправляя своего генерал-адъютанта к Наполеону, прямо заявил ему об этом: «Хотя, впрочем, между нами сказать, я и не ожидаю от сей присылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем ее не мы». Наполеон, конечно, отклонив русское предложение, ответил: «Даже Бог не может сделать, чтобы не было того, что произошло»¹. С практической точки зрения обе миссии, правда, были использованы для сбора разведывательных сведений о своем противнике².

Александра I многие историки любят выставлять как мягкого, податливого и безвольного человека, на которого оказывали влияние самые различные силы и личности, особенно иностранцы: то либералы и гуманисты, то консерваторы и реакционеры, то англоманы, то франкофилы, то мистики. Не перечислить всех тех поименно, кто в исторической литературе завладевал его волей, навязывал какие-либо идеи и принимал за него решения. Реальный пример — кто только не числился, по мнению историков, автором «настоящего» плана военных действий в 1812 г. В зависимости от ситуации и исторических реалий его рисуют то либералом, то консерватором, то мистиком, то холодным прагматиком. Возникает даже вопрос — как такой безвольный и слабый император, да еще легко поддающийся посторонним влияниям, смог стать победителем Наполеона? Безусловно, исторической личности иногда благоприятствовало везение, но судьба не могла каждый раз подавать ему помощь, да еще в такой долговременной борьбе с безусловно талантливым противником. Наверно, что-то зависело и от Александра I и от его способностей. Внимательно изучая факты, лишний раз убеждаешься, что рос-

---

¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. III. С. 85; Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. С. 131–132. Правда, до начала военных действий Александр I не раз предлагал сесть за стол переговоров, об этом свидетельствует и его письмо к Наполеону, написанное 11 июня 1812 г., но не отправленное по назначению в связи с началом войны (см.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. III. С. 82).

² Подр. см.: Безотосный В. М. Эпизод из истории русской разведки // II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997; Гартаковский А. Г. «Бюллетень» М. Ф. Орлова о поездке во французскую армию в начале войны 1812 г. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.

сийский монарх умел добиваться поставленных целей. На самом деле император был сознательным и активным борцом, умело пользовавшимся в разное время, в зависимости от складывавшейся ситуации, различными театральными масками, в том числе и маской смирения и безвольности. Скрытность и умение артистически играть выбранную роль всегда вводили в заблуждение современников. Когда было крайне необходимо, он проявлял твердость, умел доводить дело до конца. Об этом наглядно свидетельствуют хотя бы кампания 1812 г. и последующие события. Слушал всех, а поступал так, как ему было нужно. Неслучайно, один из лучших биографов Александра I, великий князь Николай Михайлович дал ему следующую характеристику: «Умом Александр мог всегда похвастаться, и умом тонким и чутким. Кроме того, он имел дар особого чутья познавать скоро людей, играть на их слабостях и всегда подчинять своим требованиям»¹.

Шаблонное и наивное противопоставление «доброго» Александра I кому-либо и подчинение его каким-то злым или прогрессивным силам не выдерживает критики. Чаще всего он успешно использовал эти силы в своих целях, в то же время старался отвести от себя всякую ответственность перед современниками. Ближайшие сотрудники были для него лишь орудиями для выполнения поставленных государством задач. Александр I на политической сцене Европы проявил себя как отменный лицедей, и в этом качестве он мог успешно поспорить с самим Наполеоном (таким же талантливым «актером на троне»). Российский император любил театрально обставлять многие события. Например, начало военных действий в 1812 г. Значительное число мемуаристов оставили воспоминания, как он, застигнутый врасплох на балу в Закрете неожиданным известием о переходе французами р. Неман, вел себя спокойно. Сегодня в нашей историографии уже хорошо известно, что русская разведка заблаговременно узнала о точной дате начала войны и примерно указала возможные пункты форсирования Немана. Если об этом были осведомлены многие русские генералы (эти сведения фигурировали в предвоенной переписке), то уж Александр I, выполнявший тогда роль фактического главнокомандующего, не мог этого не знать. Но сам факт неожиданного и вероломного нападения необходимо было зафиксировать в общественном сознании. Можно предположить, что для этой цели как нельзя лучше подходил организованный генерал-адъютантами императора (безусловно, с его согласия или по его подсказке) бал в Закрете. Жизнь услужливо предоставляла правдопо-

---

¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. С. 262.

добные декорации для подобного спектакля. Этот хорошо срежиссированный театральный акт (а их было много в жизни российского императора), затем отраженный в мемуарах, сыграл очень важную роль в дальнейших событиях. На эту театрализованную уловку Александра I даже попался хорошо информированный Ж. де Местр. В июне 1812 г. он писал своему королю: «Война началась к концу июня... а император (можете ли вы поверить сему, Ваше Величество?) еще ждал формального объявления войны по всем правилам старинных обычаев. Никто в этом отношении не хочет ни исправляться, ни научиться»¹. А вот, как, например, описала в своих воспоминаниях бал в Закрете графиня С. Шуазель-Гуфье: «Кто бы подумал, при виде любезности и оживления, проявленных Александром, что он как раз во время бала получил весть, что французы перешли Неман и что их аванпосты находятся всего в десяти милях от Вильны! ...Шесть месяцев спустя Александр говорил мне, как он страдал от необходимости проявлять веселость, от которой он был так далек. Как он умел владеть собой!»² Этот театрализованный акт российского императора был рассчитан на усиление среди русского и европейского общественного мнения тезиса о том, что Россия стала жертвой, а Наполеон — агрессором³. И в 1812 г. и позже общественное мнение России и Европы оказалось на стороне Александра I. В плену его театрального таланта очутились и воззрения будущих историков.

§ 2. Военная подготовка и предвоенные планы сторон в 1812 г.

Гигантские приготовления Наполеона

С 1810 по 1812 г. две империи провели колоссальную подготовительную работу к решающему столкновению. Обе державы в течение этого периода осуществили огромный комплекс военных, политических и экономических мероприятий: формировались новые части и соединения, войска концентрировались к границам, создавались операционные линии, проводилась подготовка тыла, велась строитель-

---

¹ *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 208.

² Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Софии Шуазель-Гуфье. С. 58.

³ Например, А. Трачевский прямо считал, что эти шаги делались лишь с тем, чтобы «Европе было известно, что не мы начинаем войну» (*Трачевский А.* Новая история. Т. II. СПб., 1908. С. 364).

ство инженерных сооружений и крепостей. Шел интенсивный процесс поиска союзников. Резко активизировали свою деятельность разведки сторон, началась «война перьев», вылившаяся вскоре в пропагандистские кампании.

Мнения большинства историков о подготовительных мероприятиях Франции можно свести к одному — ни к одной военной кампании Наполеон не готовился так долго, тщательно и продуманно, с учетом многих деталей (организационных и технических), как к русскому походу. По высказыванию А. И. Попова, была проведена «гигантская подготовительная работа»¹. В течение двух лет была подготовлена операционная линия в Германии, созданы огромные запасы продовольствия, фуража, амуниции, боеприпасов и вооружения, усилены наполеоновские гарнизоны прусских и польских крепостей, а главным складом и опорным пунктом Великой армии стал Данциг. Именно с целью защиты будущей коммуникационной линии и борьбы против нарушения континентальной блокады 1 (13) декабря 1810 г. к французской империи были присоединены Ганзейские города и все побережье Северного моря, бывшие земли князей Рейнского союза, в числе которых было и Ольденбургское герцогство, владение немецких родственников царя. Самим Наполеоном скрупулезно изучались карты и литература о России, а его штабными офицерами особый упор был сделан на сбор материалов о русских приграничных губерниях. Французский император очень скоро пришел к выводу, что для успешного завершения похода ему потребуются свыше полумиллиона войск, а скудные возможности редконаселенной России не смогут их прокормить. Именно этим можно объяснить масштабность его приготовлений и мобилизацию всех ресурсов французской империи и ее сателлитов.

С 1810 г. Наполеон стал осуществлять план усиления своих войск в Германии, «чтобы при первой же тревоге прийти на Вислу раньше русских», а уже за Эльбским наблюдательным корпусом маршала Л. Н. Даву собрать «вчетверо больше». Три дивизии Даву, составляя костяк будущей армии (самый большой по численности 1-й армейский корпус), пополнялись в течение двух лет путем непрерывного, незаметного прилива людей в уже существующие кадры. По мере наполнения из излишков личного состава создавались другие дивизии, так из трех дивизий позднее было создано семь. Таким же образом были увеличены кавалерия, артиллерия, вспомогательные тыловые части, гарнизоны Данцига и крепостей на Одере. Кроме этого,

---

¹ Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 53.

Наполеон сконцентрировал две другие группы войск, предназначенных для будущей войны. Одну — в Голландии (Утрехтский и Булонский лагеря — в 1812 г. 2-й и 3-й корпуса маршалов Удино и Нея), другую — в Северной Италии (в 1812 г. — 4-й корпус Э. Богарне). Для концентрации войск к русским границам Наполеон выбрал зимнее время, когда трудно вести боевые действия. В феврале 1812 г. 4-й (итальянский) корпус, как самый отдаленный от театра предстоящей войны выступил первым, перейдя Альпы и вступил в Баварию. Далее — 2-й, 3-й, 6-й баварский, 7-й саксонский (по мере приближения к Саксонии), 8-й вестфальский корпуса продолжили движение через Германию на левом фланге Э. Богарне примерно в одну линию. Перемещение этих шести корпусов осуществлялось сначала к Эльбе, затем к Одеру и, наконец, к Висле. За ними следовала гвардия. Даву все это время всегда находился на один эшелон (или реку) впереди; его корпус служил прикрытием этого движения от возможного превентивного удара русской армии¹.

Движение армейских колонн сопровождало более 200 тыс. животных, большое количество транспортных средств. Несмотря на значительные усилия по обеспечению системы снабжения войск, наличие обозов и заготовленных провиантских магазинов, трудности в этой сфере возникли еще задолго до начала войны. Сначала проход войск по районам Германии и достаточно бедной ресурсами Польши, а затем их концентрация и длительное нахождение у русских границ выявили огромные недостатки и нужду во всем необходимом. Солдаты страдали от скудного питания, конница от малого количества фуража, в районах войсковых сосредоточений дороговизна во всем была необычайно высокой, но иногда даже за большие деньги невозможно было купить необходимое. Резко стала падать дисциплина, стали учащаться случаи мародерства, увеличивалось число дезертиров. Еще до начала войны стали активно проявляться симптомы, с которыми армия Наполеона должна была напрямую столкнуться уже во время военных действий.

Формирование соединений Великой армии, предназначенных для войны с Россией, началось фактически в феврале 1811 г., а 3 марта 1812 г. Наполеон окончательно определил состав ее корпусов. Силы, которые должны были сконцентрироваться между Вислой и Одером, разделялись на три группировки: первая под непосредственным командованием самого императора (гвардия, 1-й, 2-й и 3-й армейские корпуса, 1-й и 2-й корпуса кавалерийского резерва — около 220 тыс. чел.), вторая группа под командованием его пасынка вице-

---

¹ См.: *Вандаль А.* Указ. соч. Т. III. С. 67.

короля Италии Э. Богарне (4-й и 6-й армейские корпуса, 3-й корпус кавалерийского резерва — всего 80 тыс. чел.) и третья группа под командованием его младшего брата вестфальского короля Жерома (5-й, 7-й и 8-й армейские корпуса, 4-й корпус кавалерийского резерва — около 80 тыс. чел.), на флангах должны были действовать австрийские (30 тыс. чел.) и прусские (20 тыс. чел.) войска.

В первую очередь вызывает вопрос выбор командующих группировками из числа близких родственников, хотя, возможно, Наполеон тем самым хотел избежать трений в среде маршалов, чей опыт и подготовка была выше, чем, например, у его младшего брата Жерома. Также нужно отметить, что сам Наполеон ни в одной предшествующей кампании никогда не командовал армией больше чем в 200 тыс. чел. В 1812 г. управление такими огромными массами войск при несовершенстве средств связи требовало четкой координации и понижения задач со стороны командующих лиц.

Изменился личный состав Великой армии по сравнению с кампаниями 1805–1807 гг. Из французских частей, не считая кавалерии, ветеранами были укомплектованы лишь 1-й армейский корпус и частично 4-й корпус. 2-й и 3-й корпуса состояли из новобранцев. В лучшем случае лишь половину численности Великой армии составляли французы, остальные части были укомплектованы немцами, итальянцами, поляками, швейцарцами, испанцами, португальцами, бельгийцами, голландцами, австрийцами, хорватами. В целом недостаток качества должно было заменить количество. Эта разноплеменность и разнородность являлись слабыми сторонами Великой армии, хотя ее командный состав имел за своей спиной серьезную боевую школу и обладал огромным опытом ведения военных действий, а в целом солдаты (особенно французы и поляки) беззаветно верили своему императору. Можно только согласиться с мнением Д. Чандлера, что «в русскую кампанию получившие приказ на марш соединения составили величайшую армию, какой Европа не видела уже много столетий»¹.

Подготовка России к войне

В отличие от Франции у России, как у крепостнического государства, мобилизационный потенциал был ограничен, но необходимо сказать, что власти смогли за предвоенный период извлечь максимум возможного. С 1810 г. подготовкой к войне стали заниматься Военное министерство и занявший пост министра с января того же года гене-

---

¹ Чандлер Д. Указ. соч. С. 463.

рал М. Б. Барклай де Толли, имевший богатый опыт боевой практики. Подготовка к войне стала проводиться Барклаем по всем направлениям. Подготавливался будущий театр военных действий, проводились значительные мероприятия по обеспечению армии запасами продовольствия, фуража, амуниции, боеприпасами и оружием. В этот период произошло реформирование вооруженных сил. Стали применяться новые принципы обучения войск и создавались воинские резервы. Армия получила четкую организационную структуру. Она строилась на основе французских образцов и в некоторой степени превосходила их. Была усовершенствована дивизионная система — каждая пехотная дивизия (всего двадцать семь) состояла из четырех пехотных и двух егерских полков, каждая гренадерская из шести гренадерских полков, два полка составляли бригаду, в каждую дивизию входила артиллерийская бригада (одна батарейная и две легкие артиллерийские роты). Укажем, что соотношение линейной и легкой пехоты было выдержано как 2:1. Это наиболее подходило для применения тактики колонн и рассыпного строя. Две дивизии составляли корпус, всего было организовано восемь номерных пехотных корпусов. Не считая гвардии, в полевой армии находилось 14 гренадерских, 96 пехотных, четыре морских и 50 егерских полков. Были созданы на постоянной основе дивизионные и корпусные штабы. Кавалерия также была организована в корпуса. Перед войной было создано четыре резервных кавалерийских корпуса (правда, больше напоминавших дивизии), каждый состоял из 5–6 кавалерийских полков (делились на бригады из двух полков) и конноартиллерийской роты. Помимо приданных дивизиям и корпусам артиллерийских бригад и рот, были сформированы десять резервных и четыре запасные артиллерийские бригады. Достаточно много внимания уделялось подготовке резервов. Они создавались как на основе запасных батальонов и эскадронов полков, так и рекрутскими депо. Отметим, что в отличие от наполеоновских войск армия в России являлась практически однопациональной, исключения составляли уланские полки, где много было поляков, и полки национальных формирований иррегулярных войск — башкиры, тептяри, мишари, калмыки, крымские татары.

Перед войной была упорядочена штабная служба, вернее, служба офицеров свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В предвоенный период она была реорганизована возглавлявшим ее генерал-адъютантом П. М. Волконским исходя из французского опыта. Именно офицерами свиты в 1812 г. были в основном укомплектованы все штабные должности в армейских структурах. В значительной степени было модернизировано на со-

временный лад полевое высшее управление. Перед войной был введен в действие очень важный документ, по которому выстраивались вся штабная жизнь армии и взаимоотношения различных командиров разных уровней — Учреждение для управления Большой действующей армии, в том или ином виде повторявшее французскую систему управления Великой армией.

Театром военных действий на европейской территории России являлось огромное пространство от Немана и Западного Буга на Западе до Москвы на Востоке, от Риги на Севере до Луцка на Юге. В природно-географическом плане оно разделялось на две части районом Полесья, изобиловавшим лесами и труднопроходимыми болотами. Главные события развернулись в северном регионе, где в первый период войны определились четыре основных операционных направления: Тильзит–Рига–С.-Петербург; Ковно–Вильно–Полоцк–Витебск–Смоленск–Москва; Вильно–Минск–Смоленск–Москва и Белосток–Слоним–Бобруйск–Могилев–Смоленск–Москва. Естественными оборонительными линиями на этом участке являлись реки: Неман, Западная Двина (ее устье запирали Динамюндская и Рижская крепости, в среднем течении располагалась недостроенная Динабургская крепость), Днепр (в его верхнем течении) и Березина (на ней стояла Бобруйская крепость). Особое стратегическое значение в качестве узловых пунктов приобрели в 1812 г. Вильно, Минск, Борисов, Смоленск и Москва. Южный участок имел второстепенное значение, и там в течение 1812 г. оказались задействованы незначительные силы противников (главным опорным пунктом и тыловой базой российских войск на этом участке являлась Киевская крепость).

Барклай, как видно из его плана подготовки к войне, написанного в феврале 1810 г., предполагал развернуть активное строительство укреплений по всему периметру западных границ и создать оборонительную линию по рекам Западная Двина и Днепр¹. Но из-за нехватки денежных средств правительству пришлось резко ограничить фортификационную подготовку будущего театра войны и сосредоточить внимание лишь на узловых пунктах — Риге, Динабурге, Дриссе, Бобруйске, Борисове и Киеве, где крепости могли послужить как опорные пункты для действий армии. Но и то, удалось лишь укрепить Ригу и Киев, сыгравшие важную роль в сдерживании противника на флангах, а также построить и оснастить всем необходимым Бобруйскую крепость, которую наполеоновские войска так и не

---

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. I. Ч. 2. С. 2.

смогли взять в 1812 г. Динабург, Дриссу и Борисов по разным причинам русским пришлось оставить уже в начале кампании.

Численность вооруженных сил России к 1812 г. достигала примерно 620 тыс. чел. Из них на западной границе было сосредоточено около 210–220 тыс. чел., помимо двух резервных корпусов. К началу военных действий это был максимум, что могла себе позволить тогда Россия. Против войск Наполеона было развернуто три армии. 1-я Западная армия (примерно 120 тыс. чел., 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й пехотные, 1-й, 2-й и 3-й резервные кавалерийские корпуса) под командованием генерала М. Б. Барклая де Толли находилась позади р. Немана в растянутом положении от Лиды до Россиен. 2-я Западная армия (примерно 45 тыс. чел., 7-й, 8-й пехотные и 4-й резервный кавалерийский корпус) во главе с генералом П. И. Багратионом занимала открытый промежуток между Неманом и Бугом. Созданная накануне войны (из резервных войск и путем отделения части 2-й Западной армии) 3-я Обсервационная армия в числе примерно 45 тыс. чел. была поручена заботам генерала А. П. Тормасова, она находилась на Волыни и в Подолии и была отделена от двух западных армий болотами р. Припять. Во второй линии за тремя армиями были сосредоточены два резервных корпуса у Торопца (под командованием генерал-адъютанта Е. И. Меллера-Закомельского) и у Мозыря (под командованием генерала Ф. Ф. Эртеля), а также под Ригой были стянуты резервные войска под командой генерала И. Н. Эссена.

Назначение главнокомандующих и подбор кандидатов на другие высшие военные посты всегда оставались прерогативой Александра I. И в этом вопросе он столкнулся с большими проблемами, поскольку после неудач русских войск император имел весьма критическое мнение о своем генералитете. «Екатерининских орлов» почти не оставалось, или они были безнадежно стары. Ситуация же диктовала необходимость вверить судьбу армии в руки молодых генералов. Первоначально войска на западной границе делились на две большие, примерно равные по численности армии. Точно известно, что командовать 2-й Западной армией русский самодержец решил дать генералу Н. М. Каменскому, считавшемуся учеником А. В. Суворова и имевшему в обществе «победную репутацию». Но он скоропостижно умер, а «скамейка запасных» оставалась почти пустой. Поэтому на эту должность император вынужден был назначить в 1811 г. П. И. Багратиона, у которого лично с царем сложились не очень простые отношения (в первую очередь из-за его романа с великой княжной Екатериной Павловной). Вероятно, главнокомандующим 1-й Западной армии всегда планировался Барклай, но на этот

пост он получил назначение лишь 19 марта 1812 г., 23 марта он выехал к войскам из Петербурга, а официально вступил в командование лишь 31 марта¹. В мае 1812 г. срочно начала формироваться 3-я Обсервационная армия и ее возглавил один из старых генералов А. П. Тормасов, до этого вообще не воевавший с Наполеоном. Причем при формировании ее усилили за счет армии Багратиона. Фактически численность 2-й Западной армии урезали вдвое, передав еще 6-й пехотный корпус генерала Д. С. Дохтурова в состав 1-й Западной армии. Нетрудно заметить в этих назначениях и перемещениях личную предубежденность российского императора, который, правда, вынужден был считаться со старшинством генералов и их боевой репутацией. Причем он шел на большой риск. Полководческий опыт (но не боевой) Барклая и Багратиона все же можно назвать минимальным, а Тормасов, даже командуя на Кавказе, в последнее время занимал больше военно-административные должности. Правда, на посты корпусного уровня в основном получили назначения генералы, имевшие богатый опыт и выдвинувшиеся в последних войнах против Наполеона — П. Х. Витгенштейн, К. Ф. Багговут, А. И. Остерман-Толстой, Н. А. Тучков, Д. С. Дохтуров, Н. Н. Раевский, П. П. Пален и др. То же самое можно сказать и о командирах дивизионного уровня, среди которых имелось много молодых и перспективных генералов. Трудности возникли с замещением высшего штабного звена, в частности, с подбором кандидатов начальников армейских штабов, генерал-квартирмейстеров и дежурных генералов, причем на эти должности из-за кадрового голода вынуждены были назначать даже не генералов, а полковников.

Наполеоновские планы

Планам противников в 1812 г. посвящена обширная литература, но до сих пор среди историков ведутся споры, и даже историографический анализ этой проблемы представляет огромный интерес, так как это ключевой момент, помогающий ответить на встающие затем вопросы. И один из главных таких вопросов — как Наполеон, при такой невероятно гигантской армии и таких масштабных приготовлениях, умудрился с треском проиграть Русский поход? Этот вопрос для наших соотечественников звучал, правда, в иной тональности — неужели это мы победили гениального Наполеона?

---

¹ Институт русского языка и литературы. Ф. 265. Оп. 2. Д. 124. Л. 50; *Безотосный В. М.* Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. Вып. VII. С. 62.

Наполеон как опытный полководец отлично понимал, что война не начнется раньше весны 1812 г., но длительное время исходил из предпосылки, что русские первыми начнут военные действия вторжением в герцогство Варшавское и Пруссию. Такой сценарий для французского императора был предпочтителен, поскольку тогда у него появлялись шансы, используя громадное численное преимущество, победоносно решить в Пруссии и Польше исход войны, провести быстротечную кампанию, даже не вторгаясь на русскую территорию. Да и с политической точки зрения Наполеон в глазах европейцев выглядел бы в лучшем свете — жертва русского нападения, войны никак не желал, а защитил Европу от нашествия русских варваров. В соответствии с этим он строил все передвижения своих войск в Германии, пока они не достигли Вислы. В случае перехода русскими границ их должен был сдержать заслон на Висле, а главные силы Наполеона нанесли бы мощный удар с севера из Восточной Пруссии.

Сегодня трудно говорить однозначно о конечных стратегических замыслах Наполеона. Французский полководец имел обыкновение не раскрывать всех карт до конца игры. Возможно, он надеялся на то, что после поражения русских войск он навяжет совместную экспедицию через русскую территорию (через Кавказ или Среднюю Азию) в Индию, дабы одним ударом с тыла покончить с величием Англии¹. Возможно, он также намеревался отрезать от России западные области и попытаться воссоздать Польское государство. Разыгрывая «польскую карту», Наполеон не был оригинален, а использовал традиционную и для его предшественников политику. Не случайно поэтому в первом воззвании к своим войскам французский император оперировал термином «Вторая польская война» по аналогии с войной 1806–1807 гг. Хотя в польском вопросе он должен был действовать с оглядкой и учитывать негативную позицию своих неблагонадежных союзников — Австрии и Пруссии. Вариантов возникало много, но окончательный выбор он мог сделать в зависимости от достигнутых побед, т. е. его стратегические цели обуславливались и зависели от тактических успехов. Таким образом, ростки грядущего крушения Великой армии в России просматривались уже в стратегической модели Наполеона.

---

¹ Сотрудник русской военной разведки П. Х. Граббе так вспоминал свои впечатления о ситуации в Европе перед 1812 г.: «Наполеон казался наверху насильственного могущества и в иступленном воображении против России, особенно против Англии, мысленно поглащал мимоходом первую и помышлял об Индии» (Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. С. 0125).

Среди французских предложений о ведении войны против России необходимо указать проект Э. Биньона, в котором разбиралась стратегическая концепция. Цель похода 1812 г., по его мнению — это подготовка экспедиции в Индию, а Россия «присоединится или добровольно, или вследствие законов победы будет привлечена к великому движению, которое должно изменить лицо мира». Он даже представил детальное изображение будущих действий: в глубину Азии будет направлен контингент «из трети или четверти европейской армии, идущей нанести смертельный удар Англии, между тем остальные разместятся на берегах Вислы, Двины и Днепра, чтобы гарантировать тыл тем, кто будет участвовать в экспедиции»¹. Нельзя в данном случае оставить без внимания планы относительно Украины. Весной 1811 г. Ю. Понятовский предлагал Наполеону направить туда польские войска, где бы они нашли поддержку польской шляхты. Существовали и проекты-мемориалы М. Сокольниковского, в которых предлагалось разделить войну на два этапа: в 1812 г. восстановить Речь Посполитую; в 1813 г., присоединив 100 тыс. чел. из восставшей шляхты, нанести смертельный удар Российской империи². Его перу принадлежал и план создания в результате на территории Украины государства «Наполеониды»³. Двое из указанных авторов — Биньон и Сокольниковский — играли заметную роль в руководстве французской разведки, а Понятовский курировал деятельность разведки герцогства Варшавского. Польские проекты вряд ли сыграли какую-то заметную роль в определении действий французского полководца, поскольку были ориентированы на разворачивание активного наступления в сторону юго-западных окраин России, а военные действия в данном регионе носили локальный характер. Скорее всего Наполеон отказался от этих проектов по политическим причинам, поскольку Австрия и Пруссия, участники разделов Польши, были его союзниками. Французский император ре-

---

¹ *Handelsman M.* Instrukcje i depesze rezydentów francuskich w Warszawie. Т. II. Warszawa, 1914. S. 76–78.

² *Soltyk R.* Napoléon en 1812, mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris, 1836. P. 27–28; *Sokolnicki M.* Generał Michał Sokolnicki 1760–1815. Kraków; Warszawa, 1912. S. 208–223.

³ РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 278. Л. 125 об.; *Сокольниковский М.* «Исполнено по высочайшему повелению...» Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольниковским, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...». Минск, 2003; *Ададуров В.* «Наполеонида» на сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007.

шил ограничиться нанесением вспомогательного удара на юг с целью отвлечь туда часть русских сил с центрального направления. Он также надеялся, исходя из информации польских разведчиков, что даже появление мелких наполеоновских частей на Украине вызовет там поголовное восстание. Для этого на Украину был специально направлен Т. Морский как будущий руководитель повстанцев, а к главной квартире Наполеона был прикомандирован для координации действий повстанческого движения генерал В. И. Сангушко. По мысли французского императора, украинских (польских) повстанцев и части Великой армии должны были с фланга поддержать турки. Он до последнего момента не верил, что Турция согласится на заключение мира с русскими, и надеялся, что турецкая армия ударит из Молдавии, а в Крыму высадит десант¹. Например, в статье 9 текста военного союза от 14 марта 1812 г. Франции с Австрией прямо указывалось, что Турция должна будет присоединиться к договору². По мнению Наполеона, весь указанный конгломерат сил должен был надежно обеспечить правый фланг Великой армии, поэтому он был очень разочарован, узнав о заключении мира между Портой и Россией³. Очень скоро не оправдались и его надежды на восстание на Украине польской шляхты. В то же время какого-либо строго оформленного стратегического или оперативного плана самого Наполеона не сохранилось. Вероятно, в письменном виде таковых и не существовало.

В военно-исторической литературе не возникает особых разногласий о наполеоновском оперативном плане, который достаточно легко можно реконструировать на основе штабной переписки, исходя из предвоенной дислокации Великой армии. Анализируя предвоенную обстановку, Наполеон справедливо полагал, что «на столь огромном театре военных действий успеха можно достигнуть только при тщательно составленном плане и строго согласованных его элементов»⁴. Уже накануне войны в размещении частей Великой армий обнаруживаются наметки первоначальных оперативных замыслов Наполеона. Левofланговая группировка (220 тыс.) под командованием самого французского императора была развернута против армии Баркляя. Войска правого фланга (80 тыс.), вверенные его брату вестфальскому королю Жерому, были расположены в герцогстве Варшавском. Центром (80 тыс.) командовал вице-король Италии

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 23. Paris, 1868. P. 498; T. 24. Paris, 1868. P. 88.

² *Fain*. Manuscrit de 1812. T. 1. Paris, 1827. P. 121.

³ Correspondance de Napoléon I-er. T. 24. P. 103, 234.

⁴ *Ibid.* T. 23. P. 469–470.

Э. Богарне. Такая дислокация частей Великой армии показывает, что главный удар Наполеон намеревался нанести силами левого фланга, центральная группировка — вспомогательный удар, а войска Жерома выполняли отвлекающую роль сдерживающего прикрытия против возможного вторжения русских в герцогство.

Французский император действовал по принципу Бурсе, «разработав план с несколькими вариантами», принимая действия противника впоследствии как коррективы к плану¹. Подтверждение этому мы находим в переписке Наполеона с маршалами. Он считал, что когда суть его движений будет обнаружена, то противник примет одно из решений: «...или сосредоточиться внутри государства, чтобы собрать силы и дать бой, или перейдет в наступление»². Все предвоенные инструкции маршалам показывают, что Бонапарт, прогнозируя вероятные действия русских, считал более вероятным вторжение в начале войны армии Багратиона в Польшу, поддержанное частью сил 1-й Западной армии.

Когда стало ясно, что русское командование обладает долготерпением и не намерено загонять свои войска в ловушку, наподобие нового Ульма, Наполеон решил видоизменить свой оперативный замысел и ударить первым, так как уже начал сказываться дефицит времени. Все еще полагая, что Багратион в начале кампании начнет наступательное движение, Наполеон 10 июня 1812 г. в письме к Бертье нарисовал следующую схему действий: «...общий план состоит в отклонении назад (демонстрация и задержка противника. — В. Б.) правого фланга и продвижения вперед на левом». 15 июня он сообщил Бертье о деталях плана и месте переправы через Неман: «В этой ситуации мое намерение — перейти между Ковной и Олитой» — построить пять мостов и, используя поддержку центральной группировки войск, выйти на Вильно. Такие же указания Наполеон дал Жерому: «Сначала поселите убеждение, что вы двигаетесь на Волынь, и возможно дольше держите противника в этом убеждении. В это время я, обойдя его крайний правый фланг, выиграю от двенадцати до пятнадцати переходов в направлении к Петербургу; ...переправляясь через Неман, я захвачу у неприятеля Вильно, которое является первым предметом действий кампании»³.

Окончательный оперативный замысел Наполеона заключался в маневре главных сил против правого фланга Барклая, в то время как

---

¹ Лиддел Гарт Б. Х. Стратегия непрямых действий. М., 1957. С. 164.

² Correspondance de Napoléon I-er. Т. 23. Р. 470.

³ Ibid. Р. 470, 480, 496–498; *Бонналь*. Виленская операция. СПб., 1909. С. 33.

Жером сковал бы действия Багратиона, удерживая его на месте, а части Богарне должны были обеспечить действия левофланговой группы, наступая в промежутке двух русских армий. Цель французского императора была достаточно ясна. Используя численное превосходство, разгромить поодиночке обособленные русские армии в приграничных сражениях и захватить столицу Литвы. Надо сказать, что оперативный план Наполеона имел ряд недостатков — был построен на недостаточно точных данных разведки, не был просчитан и вариант глубокого стратегического отступления русских войск.

По поводу планируемых сроков на проведение первоначальных операций Наполеона и всей кампании среди историков существуют различные точки зрения, базирующиеся на мнениях мемуаристов. В данном случае можно привести прямое свидетельство французского императора лишь о предполагаемой им продолжительности войны. 21 мая (1 июня) 1812 г. Наполеон писал из Позена жене Марии-Луизе: «Я думаю, что через 3 месяца все будет закончено»¹. Очевидно, он рассчитывал, что вся кампания уложится в рамки лета — максимум начала осени 1812 г. На первоначальные операции, результатом которых должны были бы стать поражения в пограничных районах русских армий, им отводилось, вероятно, от 1 до 2 месяцев, остальное время — на преследование оставшихся русских сил, занятие как можно большей территории, не исключая, в частности, Москву или Петербург, и заключение мирного договора, подписанного «на барабане» и ставящего политику России в прямую зависимость от Франции.

Русские планы

В 1812 г. Александр I не дал поймать себя в умело расставленные сети и не поддался соблазну первым нанести упреждающий удар. Собственно, до войны командованием решался главный и принципиальный вопрос: где встретить противника — на своей земле или в чужих пределах? Причем действительно существовал разработанный русский план 1811 г., по которому Россия и Пруссия при возможной поддержке поляков должны были начать военные действия. В частности, Александр I пытался договориться с поляками через посредничество А. Чарторыйского, обещая восстановление независимости (под скипетром русского царя) и либеральную конституцию. Впервые российский император написал об этом своему польскому другу 25 декабря 1810 г. и, обрисовав ситуацию, привел раскладку

---

¹ Цит. по: *Paulluel A. Dictionnaire de l'Empereur*. Paris, 1969. P. 984.

сил возможной коалиции и сил потенциального противника¹. 31 января 1811 г. он уже писал к нему: «Нет сомнения, что Наполеон старается вызвать Россию на разрыв с ним, в надежде, что я сделаю ошибку и открою наступление. При существующих обстоятельствах это действительно была бы ошибка, и я решил ее не делать. Но все положение вещей изменится, если поляки захотят соединиться со мной»². Этот превентивный план изначально оказался несостоятелен — польское дворянство связывало свои надежды на возрождение былой Речи Посполитой только с именем Наполеона. Поскольку сначала не оправдались ожидания склонить поляков на свою сторону, а позже стало известно, что и пруссаки вынуждены были выступить на стороне Наполеона, от этих планов отказались. 10 ноября 1811 г. Александр I писал своей сестре Екатерине Павловне: «Мы постоянно начеку, все обстоятельства тернисты, события вносят такое напряжение, что враждебные действия могут начаться в любой момент... нужно дожидаться более благоприятного момента, или война спугает все мои карты»³.

Но русское командование до весны 1812 г. не исключало возможности перехода первыми границы, а для реализации этого плана проводились соответствующие мероприятия. В окружении же российского императора имелись лица, которые полагали, что начало концентрации французских войск к русским границам в начале 1812 г. можно было считать даже не разрывом отношений, а объявлением войны. Например, адмирал А. С. Шишков, подтверждая это суждение, считал, что движение войск Наполеона в феврале «показывало уже, не приготовление или начало намерений, но начало самих действий»⁴. М. Б. Барклай де Толли 1 апреля 1812 г. докладывал из Вильно императору о полной готовности к форсированию р. Неман. Войска, полагал он, могут «тотчас двинуться»⁵. В ответ 7 апреля 1812 г. Александр I написал: «Важные обстоятельства требуют зрелого рассмотрения того, что мы должны предпринять. Посылаю вам союзный договор Австрии с Наполеоном. Если наши

---

¹ *Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 229–235.

² Там же. С. 253.

³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 57.

⁴ Замечания А. С. Шишкова на проект манифеста о причинах и начале войны 1812 года // *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып. 2. С. 38.

⁵ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XI. СПб., 1909. С. 1–3.

войска сделают шаг за границу, то война неизбежна, и по этому договору австрийцы окажутся позади левого крыла наших войск... При приезде моем в Вильну окончательно определим дальнейшие действия»¹. Таким образом, обстоятельства отказа от наступательных действий были отнюдь не техническими, а исключительно политическими. О том, что Барклай был готов перейти границу, свидетельствуют его приказы, отданные по армии для поднятия морального духа войск на случай открытия военных действий, а также задержка выплаты жалования (за границей выдавалось по Особому положению), а оно было выплачено лишь после 22 мая 1812 г., когда появилась ясность, каким образом армия будет действовать².

Добавим, что на решение повлияли и данные разведки о более чем двукратном превосходстве сил противника. Александр I понимал, что Наполеон, собрав огромную по численности Великую армию вблизи русских рубежей, рано или поздно вынужден будет пересечь границу. Это был вопрос времени (май — начало июня) и нервов двух императоров. Российский монарх осознанно предпочел пожертвовать возможными военными преимуществами (предполагалось лишь занять часть Пруссии и герцогства Варшавского и, применяя тактику «выжженной земли» на территории противника, затем начать отступать к своим границам) в угоду политическим факторам. Он выиграл и стратегически — заставил «неприятеля» действовать по русскому сценарию, приняв четкое решение отступать вглубь России и использовать ту же тактику «выжженной земли», но на собственной территории. Русская концепция войны стратегически перечеркнула все изначальные планы великого полководца.

В данном случае стоит акцентировать внимание на твердой позиции Александра I (также отраженной в переписке и во многих воспоминаниях современников), которая убеждала, что он не прекратит военные действия, даже если русским войскам придется отступить до Волги (как вариант в некоторых мемуарах — до Камчатки). Бескомпромиссная позиция Александра I нашла отражение и в официальных документах начала войны. В его именном указе от 13 июня 1812 г. на имя графа Н. И. Салтыкова содержалась следующая фраза: «Проведение благословит праведное Наше дело. Оборона отечества,

---

¹ Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 3. С. 343; Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. СПб., 1839. С. 88–89.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3501. Л. 28–30, 36 об.; Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XII. СПб., 1909. С. 188; Безотосный В. М. Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. Вып. VII. С. 65–72.

сохранение независимости и чести народной принудило нас препоясаться на брань. Я не положу оружия доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем»¹. Тут в противовес можно вспомнить и фразу, оброненную Наполеоном, когда он уже покинул территорию России после провала кампании 1812 г. Ее (в нескольких вариациях) записали приближенные, и смысл сказанного заключался в словах: «От великого до смешного только один шаг»².

Удивительно другое. Все сторонние европейские наблюдатели перед началом военных действий не сомневались, в конечном счете, в победе французов над Россией в 1812 г. Ведь сам гениальный Наполеон двинул соединенные под его началом военные силы всей Европы. Уже это одно предрекало успешный исход. Приведем одно из мнений, женщины, далекой от политики и военных реалий, графини Анны Потоцкой: «Принимая во внимание число наций, следовавших под французскими знаменами, самые скептические умы не могли сомневаться в успехе этого смелого предприятия. Кто мог оказать сопротивление подобным силам под предводительством выдающегося полководца?»³ Но подобные расчеты делали и политики и военные деятели многих стран. Да и сам Наполеон в своих планах явно делал ставку на слабохарактерность Александра I и рассчитывал сделать его послушным своей воле. Но в стане русских генералов хватало людей, которые как раз пророчили французскому императору гибель в России, несмотря на собранные им громадные силы.

Причем русский оперативный план военных действий (не сомневаюсь, что он существовал) зачастую осуществлялся в первый период войны в такой степени бестолково и путано, что ставил в тупик ни один десяток исследователей. До сих пор они сами себе задают вопросы, на которые не могут найти исчерпывающие ответы. Именно по этой причине проистекают споры военных историков и затем возникает многообразие точек зрения в исследовательской среде. Тактических промахов русские генералы допустили множество, правда, таковых было с избытком и у французских военачальников.

---

¹ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. С. 9; ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXII. № 25141. По свидетельству А. С. Норова, последняя фраза из рескрипта стала «лозунгом России и армии от прапорщика до генерала» (Воспоминания Авраама Сергеевича Норова // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 179).

² Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812, par M. De Pradt. Paris, 1817. P. 215; Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 419; Потоцкая А. Мемуары. М., 2005. С. 218.

³ Потоцкая А. Мемуары. С. 187.

Можно сказать, что русское командование вместе с армией прошло всю кампанию 1812 г. по лезвию ножа. Во всяком случае, такое ощущение возникает.

С 1810 г. до начала войны в адрес высшего русского командования было подано довольно большое количество планов военных действий (как наступательных, так и оборонительных) с непобедимым доселе Наполеоном. Проекты поступали не только из среды российского генералитета. Письменные предложения передавались и иностранцами. Необходимо отметить, что комплекс предвоенных планов, ставший предметом анализа военных историков, ограничивается несколькими фамилиями: М. Б. Баркляя де Толли (план 1810 г.), П. И. Багратиона, А. д'Алонвиля, К. Ф. Толя — П. М. Волконского. С известными оговорками к ним можно причислить предложения Л. И. Вольцогена, К. Фуля, Л. Л. Беннигсена. Всего насчитывалось порядка 40 планов¹. Думается, что список составителей подобных проектов был еще больше, а анализ их содержания, как свидетельство борьбы среди русского генералитета по вопросу о выборе пути и средств к достижению победы, мог бы стать предметом самостоятельного исследования. В то же время большинство предложений служило лишь фоном и не оказало прямого влияния на выработку планов, так как по многим причинам они не отвечали требованиям реально складывавшейся и быстро меняющейся обстановки. Большая часть указанных нами авторов не знала многих важнейших деталей, необходимых для планирования, в силу отсутствия нужной информации, особенно о состоянии Великой армии Наполеона, а зачастую и русских сил, расположенных на границе.

Именно с этой точки зрения заслуживает внимания мнение одного из руководителей Особенной канцелярии военного министерства (т. е. военной разведки) подполковника П. А. Чуйкевича, хорошо информированного лица, о состоянии французских войск. 2 апреля 1812 г. он написал в Вильно М. Б. Баркляю де Толли аналитическую записку «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией». По занимаемому положению Чуйкевич имел доступ к разведывательным данным о силах Наполеона и был знаком с большинством военных проектов, которые, как правило, попадали в Особенную канцелярию и хранились в ее архиве. Это был документ, в котором был подведен обобщающий итог анализа данных, накопленных в течение длитель-

---

¹ См. подр.: *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 18–19.

ного времени, и выработаны конкретные рекомендации русскому командованию.

Не касаясь всех вопросов, рассматриваемых в записке, ограничимся разбором основных положений, касающихся предложенной автором концепции ведения военных действий. Чуйкевич дал следующую оценку численности Великой армии, почти готовой перейти русскую границу: «По всем сведениям, которые военное министерство имеет, можно утвердительно сказать, что никогда Наполеон не предпринимал столь чрезвычайных мер к вооружению и не собирал столь многочисленных сил, как для предстоящей войны с Россиею. Они простираются до 450 тысяч, включая в сие число войска Рейнского союза, итальянские, прусские, швейцарские, гишпанские и португальские». «Рассмотрев силы России» (всего 200 тыс. чел.) и проанализировав «род и причины употребляемой Наполеоном войны» («прославился быстротою в военных его действиях», «ищет генеральных баталий, дабы одним или двумя решить участь целой войны»), он высказался за необходимость вести «оборонительную войну», придерживаясь при этом правила «предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает» (подчеркнуто в оригинале. — В. Б.). По его мнению, гибель 1-й и 2-й Западных армий могла иметь «пагубные для всего отечества последствия». «Потеря нескольких областей не должна нас утрашать, — писал автор, — ибо целость государства состоит в целости его армий». Концепция тактики в предстоящей войне, выдвинутая Чуйкевичем, заключалась в следующем: «Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжении войны: суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их нетерпимы». «Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык...», «соображать свои действия с осторожностью и останавливаться на верном»; заманить противника вглубь и дать сражение «со свежими и превосходящими силами», и «тогда можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомимое»¹.

Эта записка была написана специально для Барклая. Чуйкевич, вероятно, устно уже не раз докладывал ему свои доводы. Но, чтобы мнение разведки было учтено, военный министр потребовал представить официальное письменное заключение, каковым и явилось мнение Чуйкевича. Ценность записки состояла в убедительной аргу-

---

¹ РГВИА. Ф. 474. Д. 14. Л. 1–7.

ментации идеи необходимости отступления. Вероятно, любой грамотный штабной офицер, имея несколько лет доступ к секретной информации, пришел бы к аналогичным выводам.

Собранные разведывательные сведения, бесспорно, оказывали влияние на сам процесс выработки планирования, чему способствовали и высказываемые мнения наиболее компетентных представителей русской разведки, таких как полковники Ф. В. Тейль фон Сераскеркен и А. И. Чернышев. Их аргументированные мнения о концентрации всех сил на главном театре военных действий, безусловно, способствовали тому, что русское командование окончательно отказалось в 1812 г. от стратегических диверсий в Северной Германии и на Балканах¹.

Необходимо признать, что сама идея русского командования об отступлении перед превосходящими силами противника оказалась плодотворной. Перед 1812 г. российский император и его военный министр победили в «битве мозгов». И благодаря блестяще действовавшей разведке, они смогли разработать трехлетний стратегический план войны с Наполеоном. Первый период (1812) — затягивание войны по времени и вглубь русской территории, а затем (1813–1814) — перенос боевых действий в Европу. Американский историк Э. Э. Крейе полагал, что планы российского императора в Европе после 1812 г. «связывались в первую очередь с повстанческим движением. Даже если Александр и не желал этого, он был вынужден унаследовать руководство национальным движением». Он рассматривал это движение «как инструмент своей политики», как «грозное оружие, которого Франция должна быть лишена». Американский исследователь заодно также подверг сомнению тезис, что Александр I якобы был подвержен влиянию своих иностранцев-советников, напротив, сделал вывод, что «политика царя выглядит как тщательно продуманный на длительную перспективу курс»².

Необходимо подчеркнуть, что в основу русской концепции легли идеи, совершенно противоположные наполеоновским замыслам. Последующие события лишь доказали правоту этого предвидения. В отличие от Наполеона (у которого тактические успехи должны были окончательно определить и расставить стратегические цели) Александр I на первое место поставил стратегическую задачу, пожертвовав тактическими преимуществами. Перед отъездом в армию в 1812 г. Александр I уже допускал мысль «о возможности неприятеля пробраться до Петербурга». Об этом свидетельствует письмо

---

¹ *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 98.

² См.: *Крейе Э. Э.* Указ. соч. С. 177–178.

Александра I графу Н. И. Салтыкову от 4 июля 1812 г. о вывозе государственных ценностей и учреждений из Петербурга¹.

План Фуля

Предвоенный оперативный план русского командования исторически традиционно связывают с так называемым планом Фуля. Карл Людвиг Август Фуль являлся прусским стратегом. В 1806 г. после поражения при Йене и Ауэрштедте он прибыл в Россию с письмом от Фридриха-Вильгельма III, а затем был принят из прусских полковников генерал-майором на русскую службу Александром I. На него пруссак сумел тогда произвести сильное впечатление своими теоретическими познаниями и наукообразными схемами и впоследствии выполнял роль советника и учителя российского императора по военной теории. Ему-то и приписывает большинство историков русский операционный план военных действий в 1812 г.

То, что Фуль преподавал стратегию Александру I и являлся его советником по вопросу составления планов, не вызывает сомнений. Но был ли он осведомлен так же, как император или его военный министр? Представляется, что нет, так как его роль была слишком преувеличена в сознании окружавших его людей.

Внук Екатерины II, один из образованнейших людей своего времени, прошедший суровую и многолетнюю школу придворного лавирования, российский император в такой решающий момент менее всего мог доверить составление операционного плана генерал-схолосту, не имевшему ни малейшего командного боевого опыта. Русский царь, не доверявший никому, многоликий политик, склонный к колебаниям, известный и как искусный дипломат и как ловкий изворотливый интриган, не решился бы взверить столь важное дело и, следовательно, раскрыть всю секретную информацию кабинетному теоретику, даже не знавшему русского языка. Здесь уместно привести свидетельство К. Клаузевица (некоторое время он был адъютантом этого генерала) об «изолированном» положении Фуля в среде русского генералитета перед войной: «Он не знал языка, не знал людей, не знал ни учреждений страны, ни организации войск, у него не было определенной должности, не было никакого подобия авторитета, не было адъютанта, не было канцелярии; он не получал рапортов, донесений, не имел ни малейшей связи ни с Барклаем, ни с кем-либо из других генералов и даже ни разу не сказал ни единого слова. Все, что ему было известно о численности и расположении во-

---

¹ См.: Русская быль. Вып. XI. М., б/г. С. 122.

йск, он узнал лишь от императора; он не располагал ни одним полным боевым расписанием, ни какими-либо документами, постоянно справляться с которыми необходимо при подготовительных мероприятиях к походу»¹.

Двойственный в делах и в мыслях Александр I, будучи великолепным актером, охотно прибегал к изворотливой маскировке своих замыслов. Вряд ли его можно обвинить и в отсутствии ума или незнании людей. Он не любил подставлять свою персону под удар мнения общества, всегда старался, подстраховываясь и оставаясь в тени, выставить на общий суд другое лицо как мнимого инициатора². Прием, которым русский император неоднократно пользовался и, надо сказать, с успехом на протяжении всего своего царствования. Также и план Фуля, который, как известно, официально так и не был одобрен, относился как раз к числу мероприятий, рассчитанных на обман общественного мнения. Фигура Фуля была выбрана как подходящий объект критики военных кругов. Налицо был результат: почти не нашлось генерала в главной квартире, не бросившего камня в фулев огород. В наиболее резкой форме против плана Фуля выступил Ф. О. Паулуччи. Об авторе плана он заявил, что тот достоин одного из двух: «или сумасшедшего дома, или виселицы». При этом это не единичное мнение, аналогичные мысли высказывал тогда и А. А. Закревский в письме к М. С. Воронцову: «Проклятого Фуля надо повесить, расстрелять и истеранить, яко вредного человека нашему государству»³. Для русского монарха это было очень важно, поскольку роль армии выдвинулась на первый план: генералитет же ругал не императора, а его глупого советника. «Армия, — писал в своих мемуарах В. И. Левенштерн, — жестоко обвиняла генерала Пфуля, даже было произнесено слово “измена”»⁴. Миф о секретном «плане Фуля» был искусственно раздут, поскольку он обелял в глазах общества в первое время войны царя и в целом русское командование за тактику отступления.

Суть же плана, составленного Фулем в 1811 г., заключалась в следующем: в начале войны 1-я Западная армия, против которой были сосредоточены главные силы противника, должна была отступить от границы в укрепленный лагерь у местечка Дрисса, в то время как

---

¹ Клаузевиц. 1812 год. С. 30–31.

² См.: Пресняков А. Е. Александр I. С. 6; Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 7–14.

³ Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 3. С. 348; Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 228.

⁴ Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 351.

2-я Западная армия должна действовать на фланг и тыл Великой армии. Весьма простой замысел, но его осуществление не было продумано в деталях. Начнем с того, что Фуль считал, «что Наполеон, оценив трудность продовольствия армии, неизбежно должен будет ограничить ее численность»¹. Он полагал, что в Великой армии будет сосредоточено всего 260 тыс. чел. (из них только 40 тыс. французов). Один только этот просчет ставил под сомнение целесообразность дрисской затаи. План не отвечал реальным требованиям сложившейся перед началом войны обстановки. Если вдаваться в частности, необходимо добавить, что к началу войны вместо двух армий (как предлагал Фуль), войска были разделены на три, что само по себе свидетельствует об отказе от его проекта. Кроме того, произошло значительное усиление 1-й Западной армии за счет войск 2-й Западной армии. С оставшимися 40–45 тыс. бойцов армия Багратиона, в силу своей малочисленности, вряд ли могла успешно действовать, выполняя замысел Фуля, т. е. нанести удар во фланг и тыл основных сил противника, которого планировалось задержать у Дрисского лагеря войсками 1-й армии. Самое главное, Фуль не знал не только разведанных о противнике, но даже не располагал нужными сведениями о численности и состоянии русских войск на границе. По нашему мнению, русское командование уже отлично осознало, что армия Багратиона будет не в состоянии наступать против главных сил Наполеона, так как к этому времени располагало разведывательными сведениями о значительном численном перевесе трех французских группировок по сравнению с русскими частями. Исходя из этого, Багратион получил письменное предписание не вступать в дело с превосходящим его противником. Некоторые записки Фуля сохранились в РГВИА, правда, ни в одной из них не упоминается Дрисский лагерь². Возможно, оригинал настоящего плана Фуля еще не найден историками, все его описывают на основе мемуаров Вольцогена. Эти записки в нашей стране видели и с ними работали только трое историков: В. В. Пугачев, О. В. Соколов и автор данной работы. Все трое в свое время сделали однозначный и критичный вывод, что эти записки в лучшем случае являются только наметками, но никак не планом, а сам Фуль, в силу своей схоластики, не может считаться автором предвоенного плана³.

---

¹ Цит. по кн.: *Харкевич В.* 1812 год: от Немана до Смоленска. Вильно, 1901. С. 83.

² См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3584.

³ О. В. Соколов даже перевел и опубликовал куски из записок Фуля (см.: *Соколов О. В.* Битва двух империй 1805–1812. С. 721–731).

Сооружение в Дриссе укрепленного лагеря носило бутафорский и дезинформационный характер. Достаточно сказать, что Л. Вольцоген, выбиравший позицию для строительства лагеря, затратил на осмотр и съемку местности в 1811 г. всего полтора дня. Офицерами свиты по квартирмейстерской части инструментальная съемка местности была выполнена лишь в декабре 1811 г. Только 1 апреля 1812 г. белорусскому военному губернатору герцогу А. Вюртембергскому поступило высочайшее повеление выделить для строительства Дрисского лагеря 2500 рабочих «из самых ближних Витебской губернии уездов», а для присмотра за рабочими был выделен лишь запасной батальон Кексгольмского пехотного полка¹. Строительно-инженерный замысел имел достаточно несложное решение. Строительство не потребовало от казны больших финансовых издержек, так как на его сооружение, в отличие от других военно-инженерных объектов, было мобилизовано лишь местное население («обыватели пограничных к Дриссе губерний»).

Другой любопытный факт — ни Фуль, ни Барклай, ни Александр I, ни другие авторитетные представители генералитета (кроме генерала К. И. Оппермана, предоставившего 7 июня отчет о поездке в Дриссу²) не видели лично этого лагеря до прибытия туда 1-й Западной армии. Но неужели лица, считавшие дрисскую фланговую позицию краеугольным камнем при реализации плана отступления и, что важнее всего, местом, где противник должен неминуемо попасть в ловушку или в крайне опасную ситуацию, не удосужились бы сверить на местности свои умозрительные предположения, от которых зависела, по Фулю, судьба войны?

Этого не происходило еще и потому, что не поступало приказа для такого генерального осмотра от незаинтересованного в этом по многим причинам императора. Но даже если царь ранее и считал возможным использовать эти укрепления, то по прибытии в Дриссу он столкнулся с оппозицией генералитета и военных инженеров, высказавшихся о невыгодности избранной позиции и недостроенности лагеря. В первую очередь против выступил Барклай. 25 июня он писал Александру I: «Я не понимаю, что мы будем делать со всей нашей армией в Дрисском лагере?»³ Этот укрепленный лагерь, помимо чисто местных позиционных недостатков (в тылу у него находилась

---

¹ *Беннигсен Л. Л.* Письма о войне 1812 г. С. 36; Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. VII. СПб., 1907. С. 77; Т. XI. С. 44, 226.

² Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIII. СПб., 1910. С. 64–67.

³ Там же. С. 303.

Западная Двина), не прикрывал ни одну из стратегически важных дорог и не был защищен с флангов.

Разработчики «истинных» планов

Барклай был, без сомнения, наиболее компетентным и облеченным доверием императора лицом, в чьи обязанности входила окончательная разработка операционного плана. Анализ эволюции мыслей Барклая о предстоящем столкновении с Наполеоном позволяет проследить изменения во взглядах русского командования на войну и выявить этапы планирования. Как военный министр он отвечал в целом за подготовку к войне, как генералу ему вверялась самая большая по численности 1-я Западная армия. О его взглядах на ведение войны сохранились противоречивые свидетельства. Начиная с известного дореволюционного историка М. И. Богдановича, ссылавшегося на мемуары М. Дюма, на сегодняшний день в литературе утвердилась точка зрения, что еще в 1807 г. Барклай в разговоре с немецким историком Б. Г. Нибуrom предложил план заманивания Наполеона вглубь страны, который и был осуществлен полководцем в 1812 г.¹

Если даже поверить в истинность этого утверждения, то здесь надо попытка возвысить чисто эмоциональное отношение 1807 г. частного лица на уровень расчетливой стратегической теории 1812 г. Мнение Дюма-мемуариста носит легендарный характер, и, как свидетельство, полученное из третьих рук (Барклай — Нибуr — Дюма), должно быть взято под большое сомнение. Даже если такой разговор имел место, то одно дело — мнение командира бригады, не несущего ответственности за свои слова, коим был Барклай в 1807 г., и совсем другое — план военного министра, принятый после серьезного анализа всех деталей обстановки и трезвой оценки последствий. Так же сомнительна и другая логическая линия, прослеженная М. И. Богдановичем, что якобы разговор с Барклаем Нибуr передал Штейну, от него, по цепочке, план узнал К. Ф. Кнезебек, а затем Вольцоген, а потом уже Фуль и Александр I². Версия, которую очень хорошо принимали на веру в XIX столетии, но для нашего времени она чересчур сложна. Этот разговор, передававшийся через пять слушателей, — можно сравнить только с испорченным телефоном.

---

¹ *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. С. 104, 485; *Souvenirs du lieutenant-général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1836.* Т. 3. Paris, 1839. P. 416–417.

² *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. С. 94, 104–105.

Необходимо заметить, что большинство авторов предвоенных планов выступали за ведение оборонительных действий, и среди них проект Фуля отличался лишь деталями, суть которых состояла в создании фланговой позиции, ставившей под угрозу коммуникационную линию противника. При сравнении планов Фуля и взглядов Баркляя надо сказать, что в основе их лежала однотипная концепция. Но, по замечанию В. В. Пугачева, идеи Фуля были изложены «в такой педантично-абстрактной, не считающейся с реальностью форме, что его предложения не могли осуществиться даже в самой минимальной степени»¹. Это мнение ученого наталкивает на мысль, что план Фуля уже в 1811 г. должен был маскировать настоящий ход подготовки к войне. Кроме того, несмотря на формальный момент сходства, планы Фуля и Баркляя по существу были противоположны в предлагаемых мероприятиях для реализации отступления. Проекты Фуля четко, чуть ли не по часам, регламентировали все действия войск и тыловых учреждений, привязывали все передвижения армий, вне зависимости от возможных ситуаций, к избранной им фланговой позиции, которая мыслилась как панацея от полководческого гения Наполеона. Весь комплекс военно-оперативной документации свидетельствует, что разработанный Фулем план, от отдельных действий до общего замысла, не соответствовал его четко расписанным указаниям. Напротив, в представленных на рассмотрение планах Баркляя везде присутствовала мысль, что реальности войны могут оказаться богаче довоенных представлений и предвидений. Его фраза «действовать по обстоятельствам» звучала как лейтмотив, и она очень часто встречалась в проектах, приказах, деловой переписке военного министра. Опыт предшествующих войн глубоко видоизменил и тактику боевых действий и саму русскую военную доктрину. Барклай понимал, что командующему необходимо предоставить широкую самостоятельность в выборе тактических решений, а не сковывать жесткими рамками планов, расписанных с прусской методичностью. Не случайно в его проектах сразу закладывалось несколько возможных ситуаций, лишь контурно определялись действия частей и не ставились точные ограничения в географических пределах, что создавало предпосылки для проявления инициативы младшим военачальникам. Инвариантность — вот принципиальное отличие взглядов Баркляя от фулевских планов-регламентов.

Переписка между Барклаем и главнокомандующими армиями и командирами корпусов свидетельствует, что в Петербурге в марте

---

¹ Пугачев В. В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. М., 1962. С. 34.

1812 г. была выработана идея операционного плана и принято решение при приближении Великой армии перейти первыми границу, а затем начать отступать на свою территорию, тем самым затруднив движение противника¹. Предполагалось, что Наполеон основные силы соберет в районе Варшавы, поэтому наступать будет 1-я Западная армия, а армия Багратиона начнет отступление на Житомир и Киев. Глубина фронта русских действий на территории противника предполагалась минимальной, тем более что Наполеон форсировал движение к русским границам. 4 апреля, узнав о занятии французами Кенигсберга, Барклай писал Александру I: «Едва ли можно будет нам правым корпусом и первою армиею предпринять ни что другое, как только опустошение некоторого пространства неприятельской земли»².

Если русская стратегия к этому времени была уже выработана, то операционный план не был окончательно оформлен. В письме от 4 апреля к императору Барклай указывал, что начальникам армий и корпусов необходимо разработать «начерченные планы их операций, которых они по сие время не имеют»³. В ответ на предложение наступательных действий Александр I вынужден был послать копию австрийско-французского союзного договора и предложил ждать его приезда в армию, чтобы окончательно определить дальнейшие действия. Уже который раз внешнеполитические моменты заставили колеблющегося российского императора пересмотреть планы.

Корректировка русских планов перед началом войны

С приездом Александра I в Вильно 14 апреля 1812 г. начался заключительный этап выработки русского плана. После войны Барклай в «Объяснениях о военных действиях 1-й Западной армии», отвечая на вопрос, можно ли было предпринять войну наступательную, писал: «С самым начатием ее, среди народов нам уже неприязненных, мы подвергли бы себя и с флангов и с тылу опасности... Не оставалось ничего более, как вести войну оборонительно; и она, таким образом, с совещания общего предпринята»⁴. Но борьба в высших штабных сферах вызывала колебания в вопросе, начинать ли первыми или дожидаться перехода границ Наполеоном. Да и сам Барклай,

---

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3501. Л. 29–30, 38 об.

² Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XI. С. 54–55.

³ Там же. С. 2.

⁴ Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. С. 487–488.

как свидетельствуют его инструкции генералам в апреле 1812 г., предлагал занять часть территории противника в целях искусственного удлинения глубины района отступления¹. Это было оправданное решение с военной точки зрения, но не брались в расчет внешнеполитические соображения. От инициативы в военных действиях пришлось отказаться лишь, вероятно, по настоянию Александра I. Кроме того, сведения разведки не оставляли сомнений, что Наполеону удалось создать численное превосходство на всей протяженности границ с Россией. Уже весной 1812 г. благодаря разведке все симптомы нападения стали настолько явными, что официальное мышление на всех уровнях находилось во власти твердой уверенности, что Наполеон собрался воевать в самом ближайшем будущем. Так, например, после инспекционной поездки Александра I перед войной в 1-й пехотный корпус штабные офицеры П. Х. Витгенштейна уже отвечали на расспросы своих коллег о будущих действиях: «Мы будем отступать». — «Далеко ли?» — «Хотя бы и до Волги»².

В это же время было решено использовать средства, которые больше соответствовали реальным возможностям страны и соотношению потенциалов, т. е. вести борьбу на истощение противной стороны. Несмотря на известное колебание в выборе пути и средств для достижения победы, русское командование к началу войны твердо решило первое время отступать. Об этом свидетельствуют служебная переписка руководителей армии и комплекс мер, осуществленный накануне войны по эвакуации территории: вывоз ценностей, архивов, продовольствия и людей, реквизиция и уничтожение мельниц, магазинов и т. д.³

Для прояснения вопроса об операционном плане необходимо так же четко определить, кто же командовал русскими войсками в начале войны, ведь между любым замыслом и результатом стоит исполнитель. Он может совершенствовать замысел, а может и исказить. Пугачев, вслед за Омеляновичем и П. Вороновым, считал, что фак-

---

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIII. С. 411; *Пугачев В. В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. С. 41–43.

² Цит по: *Попов А. Н.* Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 3. С. 344.

³ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XII–XIII; *Харкевич В.* 1812 год: от Немана до Смоленска. С. 94–96. Эти мероприятия хорошо разобраны в недавно опубликованной монографии А. И. Попова (*Попов А. И.* Указ. соч. С. 63–67).

тическим главнокомандующим был Александр I¹. Действительно, на основании § 18 «Учреждения для управления Большой действующей армии» Александр I, прибыв к армии, автоматически становился ее главнокомандующим. Этот параграф гласил: «Присутствие императора слагает с Главнокомандующего начальство над армиею, разве бы отдано было в приказе, что главнокомандующий оставляется в полном его действии»². Соответствующего приказа отдано не было.

Барклай де Толли, человек военный, сам принимавший участие в разработке «Учреждения», строил свои отношения, строго придерживаясь буквы закона. «Меня удивляло, — писал А. С. Шишков, — что государь говорил о Барклае, как о главном распорядителе войск; а Барклай отзывался, что он только исполнитель его повелений»³. Многие современники, входившие в окружение царя, имели тогда основание считать императора главнокомандующим. Так, например, флигель-адъютант А. И. Чернышев, достаточно хорошо ориентировавшийся в коридорах власти, находясь в Вильно, написал в поднесенном Александру I проекте: «Так как Его Императорскому Величеству было угодно встать лично во главе своих армий...»⁴

Военный министр от имени императора отдавал приказы другим главнокомандующим, что в некоторой степени ставило его выше П. И. Багратиона и А. П. Тормасова, обладавших как первые лица в армии абсолютно равными правами. Но в своей армии он не мог чувствовать себя полноправным хозяином и считал себя первым помощником императора. В первом приказе, изданном Барклаем в начале войны, речь шла об Александре I как о начальствующем над армией. В приказе говорилось: «Приспело время... предводимым самим монархом, твердо противостать дерзости и насилиям...»⁵ Неслучайно, что в знаменитом письме к Александру I о необходимости его отъезда из армии авторы этого послания (А. С. Шишков, А. А. Аракчеев, А. Д. Балашев) первую причину видели в том, что «государь император, находясь при войсках, не предводительствует ими, но представляет начальство над оными военному министру, ко-

---

¹ *Омельянович*. План Пфуля // Военный сборник. 1898. № 2. С. 223–224; *Воронов И.* Кто управлял русскими войсками в июне 1812 г. // Русская старина. 1912. № 7. С. 163.

² Учреждение для управления Большой действующей армией. С. 7.

³ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 125.

⁴ [*Чернышев А. И.*] Проект правил о порядке службы дежурных флигель-адъютантов при Его Величестве во время войны // Военный сборник. 1902. № 4. С. 231.

⁵ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 21; Столетие военного министерства. Т. III. Отд. 4. СПб., 1907. С. 139.

торый, хотя и называется главнокомандующим, но, в присутствии его величества, не берет на себя в полной силе быть таковым с полной ответственностью»¹.

Фактически же император постоянно вмешивался в управление и старался влиять на ход событий. Даже корпусные командиры были обязаны представлять ему рапорты, сверх присылаемых Барклаю. Такое положение очень устраивало монарха. Неудачи можно было списать на главнокомандующего, а лавры побед всегда присвоить себе. Подтверждением тому, что император предвидел ситуацию в случае неудачи, находим в его письме к Барклаю от 24 ноября 1812 г. «Принятый нами план кампании, — писал Александр I, — по моему мнению, единственный, который мог еще иметь успех против такого врага как Наполеон, ...неизбежно должен был, однако, встретить много порицаний и несоответственной оценки в народе, который... должен был тревожиться военными операциями, имевшими целью привести неприятеля вглубь страны. Нужно было с самого начала ожидать осуждения, и я к этому подготовился...» Это письмо имеет важное значение для нашей темы. Смысл первой фразы («принятый нами план...») можно истолковать двояко: 1) что Александр I считал создателями плана себя и военного министра; 2) подразумевал более широкий круг — свое военное окружение. Но письмо было адресовано к Барклаю и в тексте царь обращается только к нему: «Как только план был принят, нужно было подготовить все для его исполнения. Мы вполне располагали для этого временем и, однако, многого не было сделано»². Весь текст письма свидетельствует, что российский монарх под творцами и исполнителями плана имел в виду только себя и своего министра. Из письма, правда, неясно, как подготовился Александр I, ожидая «с самого начала... осуждения». В данном случае, он подставил сначала Фуля, сделавшегося первым объектом «осуждения» военными кругами, второй жертвой для общественного мнения России стал сам Барклай. Перед отъездом из армии российский император обсуждал с ним образ действий против Наполеона. Не сохранилось сведений о «высочайших инструкциях», но известно, что обещал делать Барклай из его письма Александру I от 27 января 1813 г.: «Я уверил Ваше Вел-во, что не подвергну опасности бесполезной или несвоевременной гибели Вашу армию, единственную опору Отечества, и, если не буду в состоянии нанести неприятелю

---

¹ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 143.

² Переписка императора Александра I и Барклая де Толли в Отечественную войну после оставления государем армии // Военный сборник. 1904. № 1. С. 234–236.

решительных ударов сначала, то вся моя надежда будет основана на ведении кампании в позднее время года. Я сдержал свои обещания». Еще ранее, 24 сентября 1812 г., он писал тому же адресату: «Я избегал известное время генерального сражения вследствие зрело обдуманных оснований, не обращая внимания на все разговоры по этому поводу...»¹ Это подтверждается перепиской Барклая под Смоленском с Александром I и Багратионом. 30 июля 1812 г. он писал монарху о задаче не подвергнуть «опасности Государство наше без всякой нужды, тем более, что Высочайшая воля Ваша есть Государь продлить сколь можно более кампанию, не подвергая опасности обе армии». 27 июля 1812 г. главнокомандующий 1-й Западной армии писал в аналогичном ключе Багратиону: «Все дела наши теперь состоят только в том, чтобы выиграть время и дать сформироваться новым нашим внутри России войскам»².

Подтверждение выбранной системы войны мы находим в предназначенных для опубликования в прессе известиях Главной квартиры, просматриваемых перед отсылкой императором в первые дни после начала войны. Содержание сообщений недвусмысленно свидетельствовало о принятии отступательной тактики³.

Конечно, нет оснований говорить о безусловном доминировании Александра I. Но в дуэте «император — военный министр» первую скрипку должен был играть император, возложивший на себя контрольные функции; он же выступал координатором действий всех армий. Барклай как практик являлся главным советником и исполнителем царских идей. В решении практических вопросов ему предоставлялась самостоятельность, но и она ограничивалась силой иерархического неравенства. Барклай как личность проигрывал перед искусственным в интригах венценосным дипломатом. Что же касается общего планирования, то идея отступления, по-видимому, разрабатывалась Александром I вместе с Барклаем, но главную роль играл все-таки император. Он же в начале войны попытался взять на себя общее руководство. Это оказалось ему не под силу. Когда из-за ряда совершенных ошибок события вышли из-под контроля и сложилась непредусмотренная планами ситуация, чреватая серьезными осложнениями, Александр I незамедлительно покинул войска, оставив главнокомандующих самим искать выход из создавшего положения.

---

¹ Там же. С. 225, 240.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной И. И. В. канцелярии. Вып. 14. Ч. 1. СПб., 1913. С. 23, 55–56.

³ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 136. Л. 129–133.

Принятая оборонительная стратегия повлияла и на выработку операционного плана военных действий. В этом вопросе среди историков существуют расхождения. Разногласия порождены противоречивостью источников, в первую очередь военно-оперативной документацией начала войны, что создает простор для самых различных трактовок и концепций. Например, трудно согласовать декларативные заявления командования о желании дать сражение вплоть до Бородина с реально прошедшими событиями и выработанной концепцией отступления. Расхождения во всех вариантах плана отступления начинались по вопросу о том, где и при каких обстоятельствах предполагалось остановить французов.

В источниках встречаются упоминания о существовании «общего операционного плана»¹, который, представлял собой нечто среднее между стратегическим и операционным проектом действий, давал лишь общую ориентировку, не содержал четких указаний и не ставил конкретных задач. Представление о предполагаемых тактических действиях войск можно воссоздать по имеющимся инструкциям Барклая и его военно-оперативной переписке. Условно говоря, план предусматривал применение «отступательной тактики» в отношении основной группировки противника с целью достижения равенства сил и активные действия против его слабых флангов. Действия русских войск как обороняющейся стороны были поставлены в зависимость от направления движений основных сил Великой армии, поэтому, вследствие поступления разведанных, вносились изменения и план постоянно корректировался.

Как предполагалось действовать в начале войны, ясно из инструкции Багратиону от 12 июня 1812 г. Барклай считал, что главные силы Наполеон сосредоточил между Ковно и Меречью, поэтому Платову предписывалось от Гродно действовать на тыл и фланг переправившегося противника, Багратион же должен подкрепить эти действия. 1-я Западная армия должна была начать отход к Вильно, а затем к Свенцянам. Маршрут отступления 2-й армии намечался через Минск к Борисову. Барклай считал, что Наполеон с исходных позиций между Ковно и Меречью нанесет главный удар в направлении Вильно. В это время отвлекающие действия во фланг и тыл противника будут способствовать медленному отступлению 1-й армии и дадут возможность Багратиону перейти на Минскую дорогу. Но действия, предпринятые Наполеоном, не во всем соответствовали пред-

---

¹ Двенадцатый год: Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западной армиею, генерала от кавалерии А. П. Торماسова. С. 5, 12, 15.

положениям русского командования. Хотя разведка в целом верно обрисовала отправные моменты возможных движений Великой армии, Наполеон главные силы переправил у Ковно и начал наступление против 1-й армии, угрожая ее правому флангу. В связи с задержкой переправы центральной группировки Э. Богарне Платову не удалось выполнить поставленную задачу из-за отсутствия в предполагаемом районе противника. Вследствие же приказа Александра I, полученного Багратионом 18 июня¹, был изменен маршрут отступления 2-й Западной армии, и она, двинувшись в новом направлении на Новоградок, не смогла своевременно прикрыть дорогу на Минск.

Таким образом, из-за не совсем точной оценки предполагаемых движений противника и ошибочного царского приказа, армии оказались в критическом положении и в самом начале войны вынуждены были отказаться от действий согласно операционному плану. Парадоксально, но 18 июня Барклай в донесении Александру I об отходе 1-го пехотного корпуса писал, что ожидает приказаний, поскольку ему неизвестны предположения насчет будущего². Положение не изменилось и через месяц. 12 июля Барклай следующим образом оценивал ситуацию, докладывая императору о сближении 1-й и 2-й Западных армий: «Каждая из них совершенно независима и нет определенного плана операций, который бы направлял их действия»³. Можно положительно сказать, что русские войска в первый период войны не смогли руководствоваться четким операционным планом и в своих действиях руководствовались лишь стратегической концепцией ведения войны и вытекавшими из нее установками. Все же необходимо сказать, что благодаря полученным разведывательным сведениям русское командование было точно осведомлено о дате начала войны и предположительно о местах переправы Великой армии. Все командиры корпусов заранее получили предписания и точно знали, как они должны действовать против наполеоновских войск.

Выводы ко 2-й главе. Заключенный в Тильзите после поражения под Фридландом союзный русско-французский договор был со стороны России вынужденным шагом. Ценой Тильзита стало сохранение на политической карте Европы Прусского королевства. Кроме того, империя получила пятилетний срок, чтобы подготовиться к неизбежно грядущей войне с французской армией. Русское общество

---

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XVIII. СПб., 1911. С. 264.

² Там же. Т. XIII. С. 183–184.

³ Там же. Т. XIV. СПб., 1911. С. 106.

негативно отнеслось к союзу с Наполеоном. В дворянской среде в противовес этому сразу получило распространение движение за чистоту русского языка и борьба с галломанией, чему не препятствовали государственные институты. Весной 1812 г. Александр I, отправив в ссылку М. М. Сперанского, резко повернул внутривосточный курс, обозначив вектор развития в пользу консервативно настроенного дворянства, в поддержку которого он особенно нуждался в преддверии надвигающейся войны.

Тильзитские договоренности не отвечали национальным интересам России. Александр I полагал, что Англия, которой он вынужден был объявить войну, остается потенциальным союзником его державы, напротив — Франция для него всегда была главным противником, даже в 1807–1812 гг. Исходя из этого расчета проводилась вся русская политика в Европе. Из-за роста русско-французских противоречий с 1810 г. обе державы начали подготовку к войне по разным направлениям, включая дипломатический зондаж вероятных союзников и разработку военных планов. Если Наполеон мобилизовал к 1812 г. материальные и людские ресурсы всей континентальной Европы, то Россия смогла лишь добиться мира с Турцией и договориться о будущем союзе со Швецией, что обеспечило ее южный и северный фланги и дало возможность использовать войска, снятые с этих направлений, на центральных участках военных действий.

С 1810 г. в России шла интенсивная разработка военных планов, а подготовка к войне проходила по утвержденной императором записке М. Б. Барклая де Толли «О защите западных пределов России». В дальнейшем рассматривались как проекты ведения наступательной войны в Европу, так и оборонительные действия. Исходя из рекомендаций русской разведки в основу были положены концепция отступления вглубь страны, отказ от генерального сражения до момента равенства сил и активных действий против флангов противника. Ее главными разработчиками являлись Барклай де Толли и Александр I. Основные идеи базировались на опыте предшествующих неудачных кампаний и на анализе стратегии Наполеона, рассчитанной на выигрыш в войне через генеральное сражение. Так называемый план К. Фуля не играл основной роли в действиях русских армий, а был призван лишь закамуфлировать положенный в основу замысел и отвести недовольство генералитета и общества от истинных авторов отступательной стратегии.

ГЛАВА 3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА — «ГОДИНА БЕД, ГОДИНА СЛАВЫ»

§ 1. Первый период войны. Тактика «выжженной земли»

Начало военных действий

Война стала суровой проверкой первоначальных военных планов, когда точность прогнозов подтверждалась или отвергалась практикой боевых действий. Драматизм событий проявлялся не только в жарких стычках передовых сил. Динамизм быстроменяющейся ситуации заставлял военное руководство мгновенно реагировать и принимать срочные решения. Ограниченное время для раздумывания было немаловажным фактором, увеличивающим опасность неправильной оценки положения и отдачи ошибочных приказов.

Инициатива начала военных действий принадлежала Наполеону. 10 (22) июня 1812 г. посол французской империи генерал Ж. А. Лористон вручил в С.-Петербурге ноту с объявлением войны. Формальным поводом для ее объявления стал демарш русского посла в Париже князя А. Б. Куракина о выдаче паспортов для отъезда на родину.

После личной рекогносцировки Наполеоном местности 12 (24) июня 1812 г. войска Великой армии, соорудив три моста, начали переправу через р. Неман у д. Понемунь — война началась. По корпусам Великой армии был зачитан приказ Наполеона: «Солдаты! Вторая Польская война началась. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого изъяснения о странном поведении своем, пока орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Не почитает ли она нас изменившимися? Разве мы уже не воины Аустерлицкие? Россия поставляет нас между бесчестьем и войною. Выбор не будет сомнителен. Пойдем же вперед! Перейдем Неман, внесем войну в русские пределы. Вторая Польская война, подобно первой, прославит оружие французское; но мир, который мы

заклучим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы»¹.

Александр на следующий день после начала войны, 13 (25) июня, издал не менее знаменитый приказ по армиям: «Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах нашей империи, не нарушая мира, а быв толко готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержатъ желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, всемогущего творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На начинающего бог»².

Сравнивая два публичных обращения двух императоров невольно можно сделать выводы. Текст Наполеона пронизан жаждой наказания противника, полной уверенностью в предстоящей победе и приобретении громкой славы. Во многом он исходит из фатального начала — над Россией висит рок, а французский император исполнитель его воли. Содержание приказа Александра I — это слова об обороне страны от агрессора, апелляция к либеральным ценностям (в частности, к свободе) и защите религиозных ценностей. Кроме того, полное убеждение в справедливости своего дела и того, что Бог на его стороне, значит, неизбежно враг будет наказан! В общем и целом: символы дерзкой вседозволенности и фатализма против символов справедливой веры и провидения.

Виленская операция

После переправы через Неман Великой армии каждая из сторон первоначально попыталась осуществить свои предвоенные оперативные замыслы. Уже 13 (25) июня наполеоновские части вошли в

---

¹ Цит по: *Михайловский-Данилевский*. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1. С. 161.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VI. С. 442–443.

Ковно, а русские, не принимая боя, начали отступление. Характерно, что французское и русское командование в первые дни войны старались действовать осторожно, преследуя в первую очередь разведочные цели. Так, Наполеон, разъясняя ситуацию Даву, писал 14 (26) июня: «Результат этой операции должен выяснить обстановку... Армия противника только сосредотачивается, и нельзя вести наступление так, как будто она уже потерпела поражение»¹. Пока не разъяснилась обстановка, французский император на первых порах сдерживал порывы своих маршалов. Одновременно и Барклай, несмотря на недовольство Александра I, не торопился отходить. «Не хочу отступать, — отвечал он на упреки царю, — пока достоверно не узнаю о силах и намерениях Наполеона»². К тому же ему необходимо было выиграть время, чтобы обеспечить отход самого отдаленного от армии 6-го пехотного корпуса Д. С. Дохтурова из района Лиды. 14–15 (26–27) июня главные силы 1-й Западной армии были стянуты в район Вильно. К вечеру 15 (27) июня Наполеон сосредоточил на виленском направлении 180-тысячную группировку и намеревался вступить в генеральное сражение, однако русские по приказу Барклая рано утром 16 (28) июня оставили город и двинулись на Свенцяны, а затем к Дриссе. В столицу Литвы торжественно въехал Наполеон, встреченный депутацией магистрата с ключами от города и приветствуемый восторженными криками поляков. Мало того, он остановился в доме генерал-губернатора, который до этого занимал Александр I.

Русское командование в этот период смогло правильно оценить обстановку, основываясь на разведывательных данных, сделало вывод, что главный удар противника был нацелен против правого фланга 1-й Западной армии. Полностью подтвердились и сведения о громадном численном преимуществе противника. Для Наполеона же первые донесения из авангардов не прояснили обстановки. Например, Мюрат докладывал, что 100-тысячная армия Барклая находится у Новых Трок (там же находились два русских корпуса), а войска Багратиона дислоцируются у Бреста³, что также не соответствовало действительности. Несмотря на отсутствие достоверных сведений, Наполеон все же стремился, используя численное преимущество, осуществить наступление, чтобы разбить русские корпуса по частям.

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 23. Р. 541.

² Цит. по: *Михайловский-Данилевский*. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1. С. 180.

³ *Мирный В.* Отход 1-й армии к Дриссе // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11–12. С. 375; [*Fabry G.*] La campagne de Russie (1812). Т. I. Paris, 1900. Р. 16–17.

Разбросав веером движения своих колонн, он ставил цель войти в боевое соприкосновение с противником и уточнить расположение его сил. Почти добровольное оставление столицы Литвы русскими оставалось непонятым для Наполеона. «Занятие Вильно — есть первая цель кампании», — считал он перед войной¹.

Для того чтобы определить, как действовали русские войска, по плану или нет, рассмотрим такой редко привлекаемый историками материал, как «Известия о военных действиях». Они возникли по аналогии со знаменитыми бюллетенями Великой армии Наполеона и, безусловно, в противовес им (в конце 1812 г. многие современники стали называть их «русскими бюллетенями»), так как первоначально прямо преследовали цель информирования русского общества о военных событиях в нужном для правительственных кругов русле и создания определенного общественного мнения. Печатались они как в виде отдельных листовок, так и в качестве приложения («Прибавления») по вторникам и пятницам к «Санкт-Петербургским ведомостям» с 21 июня 1812 г. Необходимо также рассматривать «Известия» и как важную составную часть пропагандистской машины, созданной и инициированной усилиями Александра I, и как разновидность военной публицистики 1812 г. С этой точки зрения важен анализ первых «Известий» от 17 июня 1812 г., опубликованных 21 июня в «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям» под № 50. В тексте правительственного официоза сначала сообщалось, что французы еще в феврале перешли Эльбу и Одер и направились к Висле. В противовес этому Александр I «решился предпринять только меры предосторожности и наблюдения, в надежде достигнуть еще продолжения мира, почему и расположил войска Свои согласно с сим намерением, не желая с Своей стороны подать ни малейшего повода к нарушению тишины». Можно оставить без комментариев всем известное миролюбие российского монарха (при наличии заранее разработанных превентивных планов военных действий), тем более что далее было помещено более четко сформулированное объяснение: «Сие особливо принято было потому, что опыты прошедших браней и положение наших границ побуждают предпочесть оборонительную войну наступательной, по причине великих средств приготовленных неприятелем на берегах Вислы. В конце Апреля Французские силы уже были собраны. Не взирая однакож на то, воинские действия открыты не прежде 12 июня: доказательство уважения неприятеля к принятым нами против него мерам». В этом объяснении содержится более реалистичная, близкая к истине оценка

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 23. P. 470.

ситуации, так как русская разведка перед войной предоставила командованию достоверные сведения о силах Наполеона и разработала рекомендации, заставившие отказаться от превентивного удара по противнику. Далее, после описания перехода наполеоновских войск через Неман, объяснялись причины отступления необходимостью соединения всех сил 1-й Западной армии («все корпуса, бывшие впереди, должны обратиться к занятию назначенных заблаговременно им мест»), а после описания, где и какие русские войска находились на момент 17 июня, следовал весьма откровенный текст: «Сие соображение требует того, чтобы избегать главного сражения, доколе Князь Багратион не сблизится с первою армиею, и потому нужно было Вильну до времени оставить. Действия начались и продолжаются уже пять дней; но некоторый из разных корпусов наших не был еще атакован, а потому сия кампания показывает уже начало весьма различное от того, каким прочие войны Императора Наполеона означались»¹. Дух и тональность всего сообщения свидетельствовали о том, что командование приняло на вооружение рекомендации разведки и четко придерживалось этой концепции. Вся же содержащаяся в первом «Известии» информация недвусмысленно готовила общественное мнение к осознанию необходимости отступления русских войск и последующего ведения оборонительной войны, хотя бы до соединения двух Западных армий.

Последующие два «Известия» содержали лишь лаконичные сведения о присоединении отдельных корпусов к главным силам 1-й Западной армии, краткое описание отдельных стычек и предположения о направлении действий Наполеона². Но уже в «Известиях о военных действиях», помеченных 23 июня, разбирались первые результаты замысла российского командования и принятой им стратегической концепции: «По всем обстоятельствам и догадкам видно, что принятый нами план кампании принудил Французского Императора переменить первые свои расположения, которые, не послужили ни к чему другому, как только к бесполезным переходам, поелику мы уклонились от места сражения, которое для него наиболее было выгодно. Таким образом, мы от части достигли нашего намерения, и надеемся впредь подобных же успехов»³.

---

¹ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям № 50 в пятницу июня 21-го 1812 года.

² Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям № 51 во вторник июня 25-го дня 1812 года.

³ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям № 52 в пятницу июня 28-го дня 1812 года.

Интересно сравнить этот текст с другими русскими документальными свидетельствами, относящимися к этому времени. Приведем несколько выдержек из писем императора к одному из его самых доверенных сановников в то время, адмиралу П. В. Чичагову. Письмо от 24 июня: «У нас все идет хорошо. Наполеон рассчитывал раздавить нас близ Вильно, но, согласно системе войны, на которой мы останавливались, было порешено не вступать в дело с превосходными силами, а вести затяжную войну. А потому мы отступаем шаг за шагом в то время как князь Багратион подвигается со своей армией к правому флангу неприятеля». Письмо от 30 июня: «Неприятелю до сих пор не удалось ни принудить нас к генеральному сражению, ни отрезать от нас ни одного отряда». Письмо от 6 июля: «Вот уже целый месяц как борьба началась, а Наполеону не удалось еще нанести нам ни единого удара, что случалось во все прежние его походы на четвертый и даже на третий день... Мы будем вести затяжную войну, ибо ввиду превосходства сил и методов Наполеона вести краткую войну, это единственный шанс на успех, на который мы можем рассчитывать»¹. Весьма интересны и рассуждения и оценка сложившейся ситуации Александром I в письме от 4 июля 1812 г. к графу Н. И. Салтыкову, который управлял из Петербурга империей в его отсутствие: «До сих пор благодаря Всевышнему все наши армии в совершенной целостности, но тем мудрее и деликатнее становятся все наши шаги. Одно фальшивое движение может испортить все дело противу неприятеля, силами нас превосходнее, можно сказать смело на всех пунктах. Противу нашей 1-й армии, составленной из 12-ти дивизий, у него их 16 или 17, кроме трех направленных в Курляндию и на Ригу. Противу Багратиона, имеющего 6-ть дивизий, у неприятеля их 11-ть. Противу Торماسова одной силы довольно равны. Решиться на генеральное сражение столько же щекотливо, как от одного отказать, в том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург, но потеряв сражение, трудно будет исправиться для продолжения кампании. На негосияции же нам надеяться нельзя, потому что Наполеон ищет нашей гибели и ожидать доброго от него есть пустая мечта. Единственно продолжением войны можно уповать, с помощью Божью, перебороть его»². Далее император рассмотрел меры по эвакуации Петербурга, о чем он уже говорил с Салтыковым еще перед отъездом к армии. Аналогичные высказывания сделал Александр I и в письме к П. И. Багратиону от 5 июля 1812 г.: «Не за-

---

¹ Письма Императора Александра I адмиралу Чичагову // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 199–200, 204.

² Из переписки императора Александра I с графом Салтыковым // Русская старина. 1881. № 11. С. 663–664.

бывайте, что до сих пор везде мы имеем против себя превосходство сил неприятельских и для сего необходимо должно действовать с осмотрительностью и для одного дня не отнять у себя способов к продолжению деятельной кампании. Вся цель наша должна к тому клониться, чтобы выиграть время и вести войну сколь можно продолжительную. Один сей способ может дать нам возможность преодолеть столь сильного неприятеля, влекущего за собою воинство целой Европы»¹. В целом таких же взглядов придерживался и журнал «Сын Отечества», начавший выходить в 1812 г. и в первом же номере напечатавший с публицистическим жаром редакционную статью в виде обращения к Наполеону: «Русские отступили, потому, что сие было намерение их, потому, что хотели завлечь тебя туда, где ты узнаешь с кем ты имеешь дело. Не страх понудил их к отступлению, не ужас разделил их твердые дружины, ...Витебск и Полоцк, Кобрин и Рига, Смоленск и Бородино и многие другие места показывают тебе как Русские бегали и бегут...»²

Обратим внимание на то обстоятельство, что в начале боевых действий в официальных сообщениях откровенно допускались высказывания о необходимости и разумности ведения оборонительной войны³. Весьма важный факт, доказывающий наличие плана войны и официальное признание его высшими властями. Возможно, это было

---

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XVIII. СПб., 1911. С. 275–276.

² Сын Отечества. 1812. Ч. I. № I. С. 5. Чуть позже журнал с явным прицелом напечатал исторический материал «Поход Дария в Скифию» (Сын Отечества. Ч. I. № IV. С. 125–141). В 1813 г. в журнале в статье «Обозрение кампании 1812 года» было сказано: «В новейшей истории не найдем ни одной кампании, которой оборонительный план был бы рассчитан, привиден и исполнен с таким благоразумием, твердостью и успехом. Полководцы российские, в минуту неожиданного вторжения вражеского, начертали оной и продолжили до конца, несмотря на все полагавшиеся им препятствия... Русские полководцы, решась отступить во внутренность земли своей, обессилить тем самым многочисленного врага, и умножить свои силы, предвидели, что успех не приминет увенчать их предприятие; но нельзя им было определить той точки, до которой будет производимо сие отступление, на которой обоюдные силы, уменьшением одной и увеличением другой армии, придут в равновесие» (Сын Отечества. 1813. Ч. IV. № IX. С. 124–125).

³ Даже в 1813 г. в журнале «Вестник Европы», комментируя заявления Наполеона о своих победах в России, анонимный автор утверждал: «Всем известно, что российские армии добровольно отступали; план изъяснен был даже в официальных объявлениях, и французские бюллетени забавлялись над ним, уверяли, что французы не приминут воспользоваться сим уведомлением; чего однакож не случилось» (Вестник Европы. 1813. № 1–2. С. 104).

связано напрямую с тем, что Александр I тогда находился в войсках и лично редактировал тексты, направляемые в Петербург для публикации. Но уже с июля (после отъезда императора из армии) стали преобладать сухие доклады военачальников с театра военных действий о боевых столкновениях без стратегических оценок складывавшейся обстановки. Генералы и сотрудники их штабов не хотели и не могли себе позволить рассуждать на стратегические темы хотя бы даже из-за отсутствия информации об истинном положении на других участках военных действий. Взять на себя ответственность за анализ всей ситуации мог только император или главнокомандующий всеми действующими армиями, а он, как известно, был назначен только в начале августа. Другой, на наш взгляд, бесспорный факт. При наличии плана в ходе его реализации уже в начале войны (с июля) возникли непредвиденные сложности — практика всегда сложнее и богаче теории.

Все же согласно принятому еще до начала войны плану все корпуса 1-й Западной армии, за исключением фланговых, смогли благополучно отойти к Свенцянам. Находившийся на правом фланге 1-й пехотный корпус генерала П. Х. Витгенштейна отошел после арьергардного боя под Вилькомиром. А незадолго до этого вошедший в состав 1-й Западной армии 6-й пехотный корпус генерала Д. С. Дохтурова после столкновений с кавалерией противника сумел оторваться от преследования. Только арьергард 4-го пехотного корпуса под командованием генерала И. С. Дорохова, державший передовые посты на р. Неман, оказался отрезанным, так как при открытии военных действий своевременно не получил приказа об отходе и был вынужден отказаться от попыток пробиться к 1-й Западной армии. После нескольких столкновений с противником Дорохов принял решение идти на соединение со 2-й Западной армией через местечки Вишнево и Воложин. Его отряд, искусно маневрируя, совершил, двигаясь усиленными маршами, отступательное движение от местечка Ораны к Воложину и 23 июня (5 июля) вошел в соприкосновение с казачьим корпусом М. И. Платова близ Воложина.

Захватив Вильно, Наполеон отрезал 1-ю Западную армию от армии Багратиона (разрыв между ними вскоре составил 270 верст) и занял выгодное стратегическое положение, однако навязать Барклаю де Толли генеральное сражение ему не удалось. Вскоре кавалерия Мюрата выявила движение больших масс российских войск на Лидской и Ошмянской дорогах. Это было отступательное движение отряда Дорохова и движение 6-го пехотного корпуса Дохтурова на соединение с 1-й Западной армией. По данным французской разведки, 6-й пехотный корпус был причислен к 2-й Западной армии, поз-

тому Наполеон первоначально расценил это движение как попытку армии Багратиона выйти на соединение с 1-й Западной армией и пробиться к Свенцянам¹. Направив 2-й и 3-й армейские корпуса, 3-ю пехотную дивизию 1-го армейского корпуса и два корпуса кавалерийского резерва для преследования отступавшего Баркляя де Толли, он сформировал для флангового удара по войскам Багратиона три колонны (около 60 тыс. чел.) под командованием маршала Даву, которому надлежало двинуться в направлении Минска с задачей наступать на фланг Багратиона, а группировка Жерома должна была преследовать отступавшую 2-ю Западную армию.

1-я Западная армия, избежав разгрома, продолжала отход, а о 2-й армии во французских штабах не имелось точных сведений. Маршал Л. Гувьон Сен-Сир, оценивая в своих мемуарах Виленскую операцию, посчитал, что захват нескольких повозок — «результаты ничтожные для первых действий армии в 500 000 человек»². Главное же для Наполеона заключалось в том, что не удалось реализовать предвоенный операционный план и наиболее мощный удар, который он мог нанести в течение всей кампании, пришелся по пустому месту и привел лишь к чрезмерному напряжению сил и средств, оказавшихся напрасными.

Все же быстрый захват Вильно открывал перед Наполеоном неплохие перспективы. Русские войска после оставления столицы Литвы и отступления к Дриссе не успевали прикрыть Минскую дорогу, что было явным просчетом, и этим постарались воспользоваться французы — с целью окончательно разъединить русские армии. В то же время, заняв столицу Литвы, Великая армия уже нуждалась в отдыхе и в подтягивании тылов, большие переходы в первые дни войны под проливными дождями оказались губительными для французов. Обнаружились первые признаки распада: большая нехватка продовольствия, болезни, мародерство, беспорядки в войсках, дезертирство, падение дисциплины. Проблемы обеспечения и административные соображения заслонили задачи продвижения вперед, что побудило Наполеона задержаться в Вильно на 18 дней, и здесь он приступил к решению политических, социальных, хозяйственных вопросов, координировал действия всех соединений Великой армии, а также создавал новое государственное образование — Литовское княжество. В Вильно по его указанию начали формироваться литовские войска. Выделив значительные силы для преследования

---

¹ [Fabry G.] Op. cit. Т. I. P. 60, 72, 74–75, 105.

² Взгляд маршала Сен-Сира на кампанию 1812 года // Военный журнал. 1846. Кн. 3. С. 94.

1-й Западной армии, Наполеон не назначил единого командующего, а пытался лично руководить ими из Вильно, находясь на значительном удалении от своих войск. Лишь после ряда несогласованных действий своих маршалов он 3 (15) июля подчинил Мюрату все войска, выдвинутые к Западной Двине.

Армия Барклая, занявшая к 20 июня (2 июля) линию Солоки — Свенцяны — Кобыльники, 21 июня (3 июля) продолжила отступление через Видзы на Бельмонт и далее к Дриссе. Кавалерия Мюрата преследовала его войска и 23 июня (5 июля) имела схватку с русским арьергардом под командованием генерала Ф. К. Корфа под Кочергишками. 27–29 июня (9–11 июля) главные силы 1-й Западной армии заняли Дрисский лагерь.

Отступление 2-й Западной армии

Перед началом военных действий 2-я Западная армия была расположена на западной границе со штаб-квартирой в Луцке. На пути следования к ней находилась лишь 27-я пехотная дивизия генерала Д. П. Неверовского¹. Рядом под Гродно стоял казачий корпус М. И. Платова, входивший в состав 1-й Западной армии. Против них на противоположной стороне границы Наполеон развернул свою правофланговую группировку (80 тыс. чел.) под командой Жерома Бонапарта, которому была поставлена задача сковать демонстрационными действиями войска Багратиона на границе, а уже после предпологавшегося разгрома 1-й Западной армии перейти к активным действиям.

Энергичный Багратион перед войной предлагал смелый проект вторжения силами своей армии в герцогство Варшавское². Но в соответствии с предвоенными планами русского командования он получил инструкции воздерживаться от наступательных действий, а в случае перехода в наступление превосходящих сил противника его армии предписывалось отходить за р. Щару, затем следовать к Новогрудку, где должен был получить дальнейшие указания о движении на соединение с 1-й Западной армией или о продолжении отступления через Минск к Борисову. Но уже 13 (25) июня Багратион и Платов получили отношение Барклая де Толли, датированное 12 (24) июня, видоизменявшее задачу. В связи с ожидавшимся в тот день переходом Наполеона русских границ Платову предписывалось действовать от Гродно во фланг и тыл неприятеля, а Багратиону —

---

¹ РО РНБ. Ф. 859. К. 7. Брульон 6. Л. 9.

² Генерал Багратион: Сб. документов. С. 130–138.

содействовать и подкреплять его силы. Конечным пунктом отступления определялся г. Борисов¹.

17 (29) июня было получено новое, более четкое предписание Платову следовать через Лиду, Сморгонь к Свенцянам на соединение с 1-й Западной армией. В тот же день 2-я Западная армия выступила на Слоним и Несвиж к Минску, а Платов взял направление на Лиду. Но уже в пути Багратион получил 18 (30) июня привезенный флигель-адъютантом А. Х. Бенкендорфом рескрипт от Александра I следовать через Новогрудок или Белицу на Вилейку для соединения с войсками Баркляя. Багратион вынужден был изменить маршрут и 19 июня (1 июля) двинуться из Слонима в Новогрудок, куда предписал прибыть находившейся в движении 27-й пехотной дивизии². 21 июня (3 июля) 2-я Западная армия, пройдя 150 км за пять дней, прибыла к Новогрудку и соединилась там с 27-й дивизией.

В это время в разрыв между двумя русскими армиями был брошен сборный корпус Даву в направлении Минска с задачей наступать на фланг Багратиона. 22 июня (4 июля) войска 2-й Западной армии начали у Николаева переправляться через Неман, где Багратион получил сведения от генерала И. С. Дорохова, затем подтвержденные Платовым, что крупные силы противника уже находятся на пути следования его армии в Вишневе. 23 июня (5 июля) им были получены известия об активности войск Жерома, до этого не тревожившие его армию.

Оценив трезво ситуацию, Багратион (трудно следовать через лесистую местность без наличия магазинов, да еще в окружении противника с трех сторон) во избежание опасности подвергнуться двойному удару принял решение изменить маршрут отступления. 23 июня (5 июля) армия Багратиона двинулась в направлении Делятичи, Негиевичи, Кореличи, намереваясь затем совершить марш на Минск. Одновременно он предложил формально ему не подчиненному Платову прикрыть отступательное движение 2-й Западной армии. 25 июня (7 июля) корпус Платова временно был причислен ко 2-й Западной армии. 25 июня (7 июля) Бенкендорф доставил Багратиону распоряжение Александра I идти на соединение с 1-й Западной армией через Минск. Однако в этой обстановке Багратион, преследуемый войсками противника с двух сторон, получив данные о приближении войск Даву к Минску, после некоторых колебаний принял решение, не ввязываясь в серьезные бои, идти на соединение с Баркляем, избрав новый маршрут на Бобруйск, а затем

---

¹ Там же. С. 161–162.

² См.: *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 453–455, 463–464.

на Могилев. Он отказался, как и ранее, от лобового прорыва, следуя высочайшему повелению: «С сильнейшим неприятелем избегать всех решительных сражений»¹.

Уже 25 июня (7 июля) Багратион с основными силами двинулся к Новосверженю, а на следующий день перешел к Несвижу, где остановился на трое суток, чтобы привести в порядок войска, проделавшие за десять дней путь длиною в 240 верст. Тогда же Багратион, чтобы дать кратковременный отдых основным силам армии, поручил корпусу Платова (затем подкрепленному регулярными частями) задерживать авангард Жерома у м. Мира, в боях под которым 27–28 июня (9–10 июля) казаки нанесли чувствительный урон польской кавалерии². 28 июня (10 июля) 2-я армия начала марш на Бобруйск и 1 (13) июля достигла Слуцка. В это время войска Даву, после вступления 26 июня (8 июля) в Минск, были разделены. Часть (21 тыс. чел.) под командой самого Даву была направлена на Бобруйск, чтобы попытаться совместно с корпусами Жерома нанести по 2-й Западной армии двойной удар. Другая группа, вверенная генералу Э. Груши (9 тыс. чел.) получила задачу захватить Борисов, чтобы преградить возможный путь отступления Багратиона. При приближении французов 30 июня (12 июля) гарнизон Борисова (400 чел.), предварительно уничтожив запасы продовольствия, разрушив инженерные сооружения и мост через р. Березину, выступил из города по дороге на Могилев. Одновременно авангард Даву 1 (13) июля занял Игумен, а французская кавалерия появилась у м. Свислочь под Бобруйском. Это обстоятельство заставило Багратиона форсировать марш своей армии. Для того чтобы облегчить движение, большая часть обоза была отправлена через Петраков в Мозырь под защиту войск генерала Ф. Ф. Эртеля. Для обеспечения отправки обозов Багратион вновь приказал Платову задерживать у м. Романова до 3 (15) июля авангард Жерома, что и было с успехом выполнено казачьим корпусом при поддержке регулярных войск³. В это время 2-я Западная армия под прикрытием арьергарда совершила труднейший марш и 5–6 (17–18) июля сосредоточилась у Бобруйска, где 7 (19) июля Багратион получил через флигель-адъютанта С. Г. Волконского приказание прикрыть Смоленск. В тот же день армия выступила через Старый Быхов на Могилев.

---

¹ Генерал Багратион: Сборник документов. С. 181–182.

² ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 182. Л. 23–34; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3506. Л. 6; Донское казачество в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: Сб. документов. С. 84–86.

³ Донское казачество в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: Сб. документов. С. 100–101.

В этот период правофланговая группировка Жерома фактически приостановила операции, что облегчило положение Багратиона. Наполеон, недовольный пассивностью своего брата, 2 (14) июля подчинил его маршалу Даву, после чего обиженный Жером сложил с себя командование, и до 9 (21) июля его войска не имели единого руководства. Тем не менее Даву решил предупредить Багратиона в Могилеве и 8 (20) июля занял город. Наполеон в своих директивных указаниях также выделял этот пункт и полагал, что «обладатель этого города разделит пополам обе русские армии»¹. Но части правофланговой группы не смогли достичь района Могилева, оставив Даву наедине с Багратионом. Уже 9 (21) июля с юга к Могилеву подошел авангард Багратиона из пяти казачьих полков под командованием полковника В. А. Сысоева и успешно атаковал 3-й конно-егерский полк, захватив в плен более 200 чел. Узнав о взятии Могилева, Багратион решил дать встречный бой с целью выяснения сил противника, затем попробовать прорваться или использовать его в демонстрационных целях и переправиться южнее Могилева через Днепр у Нового Быхова. С этой целью он попросил Платова, уже получившего очередной приказ идти на соединение с 1-й Западной армией, остаться до окончательного выяснения дел². Справедливости ради укажем, что нахождение казачьего корпуса Платова при армии Багратиона сыграло в тот период очень важную роль. Помимо боевой силы, легкая казачья конница превосходно выполняла разведывательные функции и всегда предоставляла точные сведения обо всех неприятельских передвижениях. Багратион всегда имел исчерпывающие данные при принятии решений, и именно это обстоятельство помогало ему избежать ударов превосходящего противника.

11 (23) июля произошел бой под д. Салтановкой и Дашковкой, куда Даву смог подтянуть лишь минимальное число своих войск (21,5 тыс. чел.). Ему противостоял 7-й пехотный корпус генерала Н. Н. Раевского (26-я и 12-я пехотные дивизии и Ахтырский гусарский полк). Позади его у Старого Быхова расположился в одном переходе 8-й пехотный корпус генерала М. М. Бороздина. Багратион также подкрепил 7-й пехотный корпус Киевским, Харьковским и Черниговским драгунскими и тремя казачьими полками. Всего под командованием Раевского было до 17 тыс. чел.

В ночь на 11 (23) июля Багратион приказал Раевскому провести «усиленную рекогносцировку». В зависимости от ее результатов он

---

¹ *Fabry G.* Op. cit. Т. II. P. 5, 28, 62, 102–103, 138.

² Донское казачество в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: Сб. документов. С. 104, 107, 108–109.

намеревался либо бросить главные силы армии на Могилев, либо проводить переправу через Днепр ниже города. Раевский приказал командиру 26-й пехотной дивизии генералу И. Ф. Паскевичу обойти правый фланг неприятеля, а сам с 12-й пехотной дивизией атаковал позицию Даву с фронта. Первоначально маневр Паскевича развивался успешно, и 26-я дивизия заняла д. Фатово, но Даву подтянул резервы и вернул свои позиции, однако попытка французской пехоты перейти на этом участке в наступление была отбита. Возглавленная лично Раевским атака Смоленского пехотного полка на плотину возле Салтановки также оказалась неудачной.

Багратион приказал 7-му корпусу отступить к Дашковке и простоять там следующий день, сдерживая неприятеля. Под Салтановкой русские войска потеряли свыше 2,5 тыс. чел., противник — до 1,2 тыс. чел. Этот бой убедил Багратиона в необходимости отказаться от прорыва через Могилев. Корпусу Платова было приказано двинуться на соединение с 1-й Западной армией по левому берегу Днепра мимо Могилева. Эти меры вынудили ожидавшего (в течение двух суток) повторного сражения Даву сконцентрировать свои войска. Он должен был выполнить поставленную перед ним главную задачу, а она состояла в том, чтобы 2-я Западная армия не прошла к Витебску. Тем временем у Нового Быхова была закончена переправа через Днепр, и 13 (25) июля 2-я Западная армия под прикрытием конницы Платова двинулась по маршруту Пропойск, Чириков, Кричев, Мстиславль, Хиславичи и 22 июля вышла к Смоленску, где произошло соединение с войсками 1-й Западной армии. За 35 дней 2-я Западная армия, успешно маневрируя и делая суточные переходы по 30–40 км, прошла 750 км и сумела избежать удары превосходящего противника.

Витебский маневр Наполеона

В конце июня — начале июля 1812 г. после захвата Вильно Наполеону не удалось реализовать свой план уничтожения 1-й Западной армии в приграничном сражении, но он, вклинившись между двумя русскими армиями, занял очень выгодное положение. Ввиду неудовлетворительных результатов Виленской операции Наполеон, сначала решив сосредоточить усилия против 2-й Западной армии, одновременно задумал новый план действий, направленный против 1-й Западной армии, отступившей на линию р. Западная Двина. 2-му и 3-му корпусам кавалерийского резерва И. Мюрата с прикомандированными к ним тремя пехотными дивизиями 1-го армейского корпуса, а также 2-му и 3-му армейским корпусам была поставлена задача следить за 1-й Западной армией, в то время как гвардия, 4-й и

6-й армейские корпуса были направлены в обход ее левого фланга в направлении на Докшицы — Глубокое, а оттуда, смотря по обстоятельствам, — на Полоцк или Витебск. Войска Даву должны были прикрывать группировку от неожиданного удара со стороны 2-й Западной армии из р-на Борисов — Орша. Главная цель этого плана — вынудить Барклая де Толли принять генеральное сражение или, по крайней мере, преградить пути соединения 1-й и 2-й Западных армий в районе Витебск — Орша (при этом Наполеон даже не рассматривал возможность заблокировать 1-ю Западную армию в Дрисском лагере). Наполеон в следующих словах объяснил Даву свой замысел: «Противник, видя, что я направляю 100 000 чел. на Смоленск и на Петербургскую дорогу, будет обязан отступить, чтобы прикрыть Петербург»¹. Для реализации этого плана войска Великой армии вынуждены были совершать форсированные марши.

27 июня (9 июля) Барклай высказал предположение, что Наполеон попытается частью своих сил удержать его армию у Дриссы, а сам попытается осуществить наступление между Днепром и Западной Двиной. Отступив к Дриссе, русское командование не только убедилось в подавляющем превосходстве противника, но и смогло определить, правда, с некоторыми ошибками, основные направления движений корпусов Наполеона. На основе опроса пленных Барклай сделал вывод, что из 1-го армейского корпуса Даву было изъято несколько дивизий для преследования Багратиона. Агентурные сведения подтвердили, что Наполеон направил значительные силы против 2-й Западной армии. Русские офицеры-парламентеры, побывавшие в этот период в Великой армии, смогли также правильно определить замысел противника разделить обе армии. Этот вывод был поддержан Барклаем. Тогда же русские генералы на месте убедились в невыгодах дрисской позиции, подвергли жесткой критике укрепления лагеря и категорически высказались против пребывания в нем армии. Одновременно высшее российское командование окончательно отказалось от реализации плана Фуля, который предусматривал наличие маневрирующей армии, способной действовать во фланг и тыл наступавшему неприятелю. Кроме того, противник, совершив движение на Витебск или Смоленск, мог полностью отрезать армию в Дриссе от всех важных в стратегическом плане сообщений с Москвой или Петербургом. К этому моменту

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 24. P. 43; Correspondance du maréchal Davout, prince d'Eckmühl, ses commandements, son ministère (1801–1815). T. 3. Paris, 1885. P. 367–368. Аналогичные разъяснения получил и Э. Богарне. См.: *Беляев В.* К истории 1812 г.: Письма маршала Бертье к принцу Евгению-Наполеону Богарне, вице-королю Итальянскому. СПб., 1905. С. 22.

Барклай де Толли получил известие об отступлении армии Багратиона к Бобруйску, в результате чего разрыв между 1-й и 2-й армиями увеличился со 100 до 200 км.

Состоявшийся 1 (13) июля военный совет, на котором присутствовали Александр I, М. Б. Барклай де Толли, П. М. Волконский, А. А. Аракчеев, принц Г. Ольденбургский, А. Ф. Мишо и Ю. Вольцоген, принял решение оставить Дрисский лагерь. Ближайшей и главной задачей стало соединение 1-й и 2-й Западных армий. 2 (14) июля 1-я Западная армия, переправившись через Западную Двину, и начала отход двумя колоннами к Полоцку, чтобы прикрыть пути на Москву, оставив для прикрытия петербургского направления 1-й отдельный пехотный корпус Витгенштейна. 6 (18) июля российские войска подошли к Полоцку, а 8 (20) июля выступили к Витебску. В Полоцке же приближенные убедили императора уехать из армии в Москву¹. Покидая войска, русский монарх, по словам адъютанта Барклая В. И. Левенштерна, заявил главнокомандующему: «Поручаю вам свою армию; не забудьте, что у меня второй нет; эта мысль не должна покидать вас»².

Дальнейший маршрут отступления ставился в зависимость от движения главных сил Наполеона и нахождения армии Багратиона. Русский операционный план также оказался не выполненным. Командование могло только строить предположения о направлении движения противника. Барклай докладывал царю, что, прибыв в Полоцк, он будет «иметь в руках дороги к Витебску, к Невелю и Себежу» и сможет «действовать куда обстоятельства потребуют». Когда проведенные рекогносцировки ясно показали, что обходной маневр Великой армии направлен на Витебск, Барклай, лишившийся опеки царя и ограниченный в действиях только устной инструкцией, принял решение «упредить противника» и направил свои войска на Витебск³.

Узнав об оставлении Дриссы и движении русских, Наполеон вначале не смог четко определить цель движения 1-й Западной армии,

---

¹ Речь идет о знаменитой записке, поданной в наиболее драматический момент начального периода войны. Ее текст и обстоятельства написания см.: *Ячменихин К. М.* «В исполнение сего высочайшего нам поручения...»: Записка А. А. Аракчеева, А. Д. Балашова и А. С. Шишкова Александру I // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. II. С. 189–194.

² Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 351.

³ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIV. С. 39–40, 48–49, 53–55, 58–59, 63–66, 68–69; Военный сборник. 1906. № 8. С. 165.

приказал войскам Мюрата продвигаться к р. Десна, сам же с гвардией, 4-м и 6-м армейскими корпусами намеревался продолжить наступление против левого фланга 1-й Западной армии. Но, получив сведения, что Барклай де Толли покинул Полоцк, император решил выделить для действий против войск Витгенштейна 2-й армейский корпус маршала Удино, сосредоточить основные силы у местечка Бешенковичи, переправиться на правый берег Западной Двины, продлить обходной маневр и отрезать 1-й Западной армии дорогу на Витебск. Командование авангардом Великой армии было вверено Мюрату.

Однако 11 (23) июля войска 1-й Западной армии уже достигли Витебска. Наполеон вновь опоздал — русские уже были у Витебска, поэтому он ускорил движение своих частей, рассчитывая навязать русским генеральное сражение. Причем он полагал, что этому будет способствовать отъезд царя из армии, о чем французский император уже получил известия. В свою очередь, Барклай, оценивая обстановку, отнюдь не исключал возможности в случае необходимости вступить в сражения для сближения армий. В это время его штаб располагал ошибочными данными о движении Багратиона к Сенно. В письме к российскому императору от 8 (20) июля главнокомандующий писал, что перейдет в наступление, «чтобы разбить неприятеля и тем открыть близкую коммуникацию с Могилевом. Если только движение кн. Багратиона соответствовать будет движению мною предполагаемому, то соединение обеих армий, без сомнения, совершится»¹. Уже из Витебска 12 (24) июля 1812 г. Барклай вновь обратился к Александру I: «Расположение армии и внешняя обстановка изменилась, и внушительность их отвечает настоящим обстоятельствам». Далее он прямо указывал на возможные проблемы в будущем: «1-я и 2-я армии сближаются. Они независимы одна от другой, но и не существует определенного плана, который мог бы служить для руководства их... Содействие 2-й армии должно быть энергично и отвечать общей цели, иначе ничто не может обеспечить единства операций. Впрочем, покорнейше прошу Ваше Величество быть уверенным, что я не упущу малейшего случая вредить противнику, но со всем тем с действиями моими против неприятельских сил будут неразрывными самые тщательные заботы о сохранении и спасении армии»².

---

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIV. С. 68–69.

² Переписка императора Александра I и Барклая де Толли в Отечественную войну после оставления государем армии // Военный сборник. 1903. № 11. С. 242–243.

Барклай, получив от разведки сведения о продвижении неприятеля, в ночь на 13 (25) июля выдвинул в направлении Бешенковичей 4-й пехотный корпус генерала А. И. Остермана-Толстого, которому была поставлена задача задержать противника и выиграть время с целью выяснить возможность соединения двух российских армий. Весьма любопытно проанализировать за этот период приказы по 1-й Западной армии. Помимо бытовых и строевых мелочей в жизни этой армии, в текстах опять же мы можем найти и обращения главнокомандующего к своим подчиненным о грядущих (но не состоявшихся) сражениях. Так, в приказе от 11 июля под Витебском, после получения радостного известия о заключении мира с турками, Барклай сделал это весьма недвусмысленно: «Войскам быть готовым к походу. Людей от полков отлученных собрать всех. Оружие пересмотреть и исправить. — Сближается время сражений. Вскоре встретимся мы с неприятелем. Войску, кипящему нетерпением сразиться, близок путь к славе. Быть готовым к бою»¹. Ожесточенные арьергардные бои русских войск 13 (25) июля у Островно (под командованием Остермана-Толстого) и 14 (26) июля у Какувчино (под командованием генерала П. П. Коновницына) задержали продвижение неприятеля к Витебску. Барклай де Толли уже выбирал позицию для сражения с основными силами Наполеона, но в ночь на 15 (27) июля получил сообщение от Багратиона, что последний не смог прорваться через Могилев и вынужден взять направление через Мстиславль на Смоленск. Багратион также известил Барклая де Толли о том, что Даву выделил часть своих сил для движения на Смоленск. Это сообщение кардинально изменило ситуацию. Барклай де Толли принял решение не принимать большое сражение, а продолжить отступление к Смоленску через Поречье и Рудню. Для прикрытия армии был выделен арьергард под командованием одного из лучших русских кавалерийских генералов П. П. Палена, который 15 (27) июля на р. Лучеса еще на один день задержал движение неприятеля. После боев 13–15 (25–27) июля Наполеон пришел к выводу, что Барклай намерен дать под Витебском генеральное сражение. Он был в этом уверен, так как армии уже вплотную сблизились. По обыкновению войскам был даже зачитан приказ Наполеона². Но, вступив 16 (28) июля в этот город, противник не обнаружил там российских

---

¹ *Безотосный В. М.* Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. Вып. VII. С. 116–117.

² *Correspondance de Napoléon I-er.* Т. 24. Р. 100; *Коленкур А.* Мемуары. С. 96–97; *Де-ла-Флиэ.* Поход Великой армии в Россию в 1812 г. // Русская старина. 1891. № 9. С. 460.

войск и на два дня потерял их из виду. Лишь 18 (30) июля разведка выяснила, что армия Баркляя движется на Смоленск.

Войска Великой армии, пройдя за один месяц 450 верст, оказались крайне утомленными форсированными маршами, потери от недостатка продовольствия, болезней и мародерами достигали до одной трети личного состава, заготовленное на Висле продовольствие и огромные обозы, двигавшиеся за войсками, безнадежно отставали. Эти обстоятельства заставили Наполеона отказаться от активного преследования армии Баркляя де Толли и расположить на отдых в районе Витебск — Орша свои корпуса, чтобы восстановить дисциплину и привести в порядок расстроенные многодневными маршами части. В результате его войска были рассредоточены на пространстве между рек Западная Двина и Днепр в районе Суража, Витебска и Могилева.

Воспользовавшись этой, уже второй, стратегической паузой, взятой Наполеоном после начала кампании, 1-я и 2-я Западные армии 20–22 июля (1–3 августа) беспрепятственно соединились в Смоленске. Справедливости ради укажем, что и в русских войсках отступление к Смоленску также пагубно сказалось на дисциплине; появилось много «бродяг», участились грабежи мирного населения. По свидетельству Я. И. Санглена, начальника высшей воинской полиции, Барклай под Смоленском утвердил приговор военного суда о расстреле 12 солдат-мародеров¹. Но в целом 1-й Западной армии удалось удачно оторваться от противника. В связи с этим необходимо заметить, что весь период отступления до Смоленска она проделала в неблагоприятных для себя условиях с точки зрения ведения войсковой разведки и маскировки своих движений. Казачий корпус М. И. Платова, входивший в состав 1-й Западной армии, не смог в начале войны присоединиться к главным силам. Легкой кавалерии у Баркляя не хватало, соотношение в коннице было в пользу французов, а на имеющиеся части выпала большая нагрузка от Ковно до Смоленска. Сам Барклай считал, что присоединение Платова даст возможность «действовать наступательно, ибо день ото дня становится чувствительнее недостаток в кавалерии от ежедневных стычек с неприятелем»². В следующем письме к императору от 18 (30) июля, написанном в Поречье, Барклай объяснил императору причину форсированного движения его армии к Смоленску, следствием чего ста-

---

¹ Записки Я. И. де Санглена // Русская старина. 1883. № 3. С. 548; *Безотосный В. М.* Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. Вып. VII. С. 121.

² Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Отд. I. Т. XIV. С. 92, 105.

ло отклонение от операционной линии, первоначально намеченной им через Велиж¹.

В то же время, преследуя Баркляя, Наполеон чрезвычайно утомил войска, в первую очередь свою кавалерию. Русское командование знало от своих офицеров-парламентеров, что дороги, по которым двигались французские войска, превращались в кладбища лошадей². Процесс постепенной гибели конницы Великой армии усугубился недостатком фуража и форсированными маршами. Выигрыш в скорости оборачивался падежом конского состава. Если потери в пехотных частях Великой армии составляли до трети личного состава, то численность конницы сократилась чуть ли не на половину. Коленкур, оценивая сложившуюся ситуацию после Витебска, считал, что «эта кампания, которая без реального результата велась на почтовых от Немана... до Витебска, уже стоила армии больше чем два проигранных сражения и лишала ее самых необходимых ресурсов и продовольственных запасов»³.

Положение на флангах Великой армии

Малоутешительно для Наполеона складывались дела и на других театрах военных действий. Действовавший на крайнем левом фланге Великой армии 10-й армейский корпус под командованием маршала Э. Макдональда 12 (24) июня занял Россиены, откуда часть сил была направлена к Риге, а прочие войска — к Якобштадту для создания угрозы правому флангу 1-й Западной армии. 19 июля (1 августа) войска Макдональда заняли Динабург, но взять Ригу сходу не удалось. Действуя сразу на трех направлениях (Мемель, Рига, Динабург), его войска из-за недостатка сил не могли выполнить поставленные задачи. Ввиду появления на левом фланге Великой армии корпуса Витгенштейна Наполеону пришлось усилить это направление и помочь Макдональду 2-м армейским корпусом Удино. Ему надлежало действовать, имея конечную цель — отбросить войска Витгенштейна на север к С.-Петербургу и облегчить наступление Макдональда на Ригу. Удино, переправившись в Полоцке через Двину, направил движение своих войск на Себеж, а от Якобштадта туда же должен был

---

¹ Переписка императора Александра I и Баркляя де Толли в Отечественную войну после оставления государем армии // Военный сборник. 1903. № 11. С. 246.

² *Граббе П. Х.* Из памятных записок // Русский архив. 1873. Кн. 1. Стлб. 429; Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 344.

³ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 102.

наступать Макдональд. Витгенштейн же, опасаясь соединения двух корпусов противника, пошел наперерез Удино к Клястицам, где у д. Якубово 18 (30)–19 (31) июля произошли бои. У Витгенштейна в наличии находилось 23 тыс. чел. против 28 тыс. чел. у Удино. Силы французов были распылены, и Витгенштейну в результате удалось нанести им поражение¹. Для преследования отступавшего за р. Дрисса корпуса Удино был выделен авангард под командованием генерала Я. П. Кульнева. Однако Кульнев, полагая, что французы в беспорядке отходят, 20 июля (1) августа у д. Боярщины внезапно столкнулся с основными силами Удино и потерпел неудачу. В этом бою погиб и сам Кульнев, один из лучших русских кавалерийских генералов. Правда, попытка Удино развить достигнутый успех завершилась неудачей: в свою очередь у д. Головшины его войска наткнулись в тот же день на главные силы корпуса Витгенштейна и в завязавшемся бою потерпели поражение. После этого Удино был вынужден отступить за р. Дрисса, а затем отойти в направлении Полоцка.

В результате этих боев наступление Удино на С.-Петербург было приостановлено. Наполеон же был вынужден отправить на поддержку Удино 6-й армейский корпус генерала Л. Гувьон Сен-Сира (13 тыс. чел.), что ослабило силы Великой армии на главном направлении. Несмотря на явный перевес сил Удино и Сен-Сира (свыше 40 тыс. чел.), Витгенштейн предпринял движение на Полоцк с целью отбросить противника за Двину. 5 (17) августа он атаковал соединенные корпуса, но был отбит и отошел за р. Дрисса². После чего на этом участке на два месяца наступило относительное затишье. Все же действия Витгенштейна сыграли огромную роль — с минимальными силами он смог защитить направление на С.-Петербург и фактически оттянуть на себя три корпуса Великой армии с главного театра войны.

На правом фланге Великой армии 15 (27) июля в наступление перешла 3-я Обсервационная армия, ее войска пленили в Кобрине саксонскую бригаду 7-го армейского корпуса генерала Ш. Рейнье. Дело в том, что французские штабы на долгое время потеряли из виду 9-ю и 15-ю пехотные дивизии, раньше числившиеся во 2-й армии, а затем переданные в состав 3-й Обсервационной армии. Именно поэтому, исходя из неправильной оценки численности войск А. П. Торماسова в 9 тыс. чел. (в действительности 45 тыс.), Наполеон требовал наступления от 17-тысячного саксонского корпуса генерала Рейнье,

---

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3404. Л. 13–13 об., 15–18.

² Там же. Л. 28–30 об.

действовавшего против 3-й Обсервационной армии¹. Следствием чего явилось поражение и пленение около 3 тыс. саксонцев бригады генерала Г. Х. Кленгеля под Кобриным. На помощь к Рейнье Наполеон срочно направил австрийский корпус К. Шварценберга, который первоначально предполагалось задействовать на основном театре военных действий. Объединенные корпуса Шварценберга и Рейнье (свыше 40 тыс. чел.) предприняли ответное наступление, и 31 июля (12 августа) у Городечны Тормасов встретил противника. 18 тыс. русских — против свыше 33 тыс. саксонцев и австрийцев. Сражение продолжалось 14 часов, в ходе его русским полкам удалось отбить все атаки противника, но недостатки позиции у Городечны, не позволяли дальше защищать ее. Ввиду возникшей угрозы для сообщений армии Тормасов в ночь на 1 (13) августа отступил за р. Стырь, чтобы сблизиться с подходившей к театру военных действий Дунайской армией. Потери с обеих сторон превышали 2 тыс. чел. Противник не сумел использовать в полной мере оплошность, допущенную Тормасовым при выборе позиции, а затем и отрезать ему путь отхода. Дальше до начала сентября Шварценберг и Рейнье ограничились лишь наблюдением за Тормасовым на левом берегу р. Стырь. Хотя Тормасов прекратил наступательные действия, в целом он выполнил поставленную задачу и смог прикрыть южное направление. Из-за активных действий российских войск на флангах Наполеон уже в самом начале кампании был вынужден ослабить центральную группировку. На флангах Великой армии оказалось задействованными пять корпусов.

Внутри страны также произошли перемены. Еще до отъезда из армии Александр I призвал 6 (18) июля на борьбу с нашествием все слои населения и подписал Манифест о сборе внутри государства земского ополчения, который был зачитан во всех церквях, дворянских собраниях и в городских думах. Он призвал «собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составили бы вторую ограду в подкреплении первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех». Если до этого оборона вверялась армии, то по призыву царя, Россия должна была «ополчиться», т. е. «единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений». Ставка была сделана на определенные слои, поскольку в Манифесте особо выделялось дворянство, духовенство и народ русский: «Да встретит он (враг. — *В. Б.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное Дворянское сословие! Ты во все времена было

---

¹ [Fabry G.] Op. cit. Т. I. P. 72, 74.

спасителем Отечества. Святейший Синод и Духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ Русской! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют»¹.

По сути, в этом манифесте содержался призыв единения сословий вокруг самодержавного монарха. Тезис единения сословий вокруг престола в 1812 г. брался за основу монархической историографией, критиковался историками буржуазного направления и полностью отвергался советскими авторами. Но другой идеи российское общество тогда и не могло выдвинуть, и в тех условиях она оказалась жизнеспособной. Указанные три силы составили вместе главную опору государственной власти внутри страны в борьбе с нашествием в 1812 г. Каждая из них выполняла определенную функцию: дворянство — организующую; духовенство — идеологическую; граждане или народ русский, так скромно и несколько непривычно обозначила власть все податные сословия, в первую очередь имея в виду крепостных и государственных крестьян, составили основной человеческий материал, который был использован для достижения победы. Нагляднее всего это проявилось в создании ополчений, в явлении которого, как, например, считала советская историография, как раз выражался народный характер войны. Так, в формировании ополчения приняли участие 20 губерний европейской России, объединенные в три ополченских округа. Создавались они губернскими дворянскими обществами. Они должны были поставлять резервы для регулярной армии. Уже в июле дворянство по призыву Александра I начало создавать части ополчения. Методы формирования были крепостническими, поскольку основу ополчений составляли крепостные крестьяне, которые поступали туда по выбору и от лица помещика (отнюдь не самостоятельно), как его пожертвование. Крепостные являлись собственностью дворян. Губернское дворянское собрание определяло, сколько человек со 100 душ необходимо выставить в ополчение. Например, в Московской и Петербургской губерниях 10 со 100, в других по 4–6 со 100 душ. Кандидатам в ратники предъявлялись упрощенные требования по возрасту (от 17 до 45 лет) и медицинским показателям. В случае гибели или смерти ратника помещик получал рекрутскую квитанцию в зачет будущих наборов. Лбы и бороды ратникам не брили, чтобы подчеркнуть временность призыва, к

---

¹ Цит по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1. С. 255–256.

присяге их не приводили. Мещане могли вступить в ополчение добровольно, но с согласия посадского общества, предварительно уплатить все подати и оставаться на собственном иждивении на время пребывания в ополчении. Офицерский же состав комплектовался почти исключительно из числа местного дворянства (добровольно), что рассматривалось как самообязательство сословия. Причем на командные должности допускались и чиновники, обвиненные в мало-важных проступках, что становилось для них средством реабилитации. Ополчения содержались на пожертвования, собранные жителями соответствующих губерний, всего общая сумма пожертвований превысила 100 млн рублей. Таким образом, в 1812 г. российские войска получили реальную подмогу, хотя в основном ополчения (за редким исключением) использовались как вспомогательные войска во второй половине кампании 1812 г., а также в 1813–1814 гг. Необходимо отметить, что значительная часть формирований ополчения не могла противостоять регулярным частям Великой армии в силу плохой боевой подготовки и отсутствия соответствующего вооружения. Но ополчение использовали для прикрытия второстепенных направлений, для несения охранной и вспомогательной службы, что давало возможность командованию концентрировать регулярные части, не отвлекать их на выполнение небоевых и второстепенных задач.

Смоленский маневр Наполеона

В Витебске Наполеон уже начал испытывать колебания в вопросе о целесообразности дальнейшего движения вперед. Многие мемуаристы писали о его большом желании закончить кампанию в Витебске. Такое же мнение выражало его ближайшее окружение¹. Правда, ни в одном документе Великой армии не удалось найти его личных указаний, свидетельствовавших о том, что он готов прервать военные операции. Наполеон уже не мог остановиться, поскольку ему нужна была победа любой ценой. Его колебания (если они были) породились отсутствием реально ощутимых результатов.

Если во французском лагере ощущались усталость и недовольство достигнутым, то у русского генералитета, особенно у среднего звена, наблюдался в тот период заметный подъем. Соединенные армии, выйдя из кризисной ситуации, могли, как считали многие, перейти в наступление. Стратегическая пауза, взятая Наполеоном, и остановка Великой армии под Витебском создавали возможность

---

¹ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 107–108; Из записок графа Филиппа Сегюра // Русский архив. 1908. № 3. С. 436–437; Мемуары князя Сангушки // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 681.

перехватить инициативу. Желанием дать сражение горел весь офицерский корпус. Уже накануне соединения двух армий под Смоленском в приказе, подписанном Барклаем 20 июля 1812 г., от его имени говорилось: «Солдаты! Я с признательностью вижу единодушное желание ваше ударить на врага нашего. Я сам с нетерпением стремлюсь к тому». Далее, описав бои под Витебском, он дал следующее объяснение причин отступления к Смоленску: «Мы готовы были после того дать решительный бой; но хитрый враг наш, избегая одного и обвыкши на части слабейшие, обратил главные силы к Смоленску, и нам надлежало защиту его, а с ним и самого пути в Столицу предпочесть всему. Теперь мы летим туда, и соединясь со 2-ю армиею и отрядом Платова, покажем врагу нашему, сколь опасно вторгаться в землю, вами охраняемую. Последуйте примеру подвизавшихся под Витебском и вы будете увенчены бессмертною славою; наблюдайте только порядок и послушание: победа ваша»¹. Последнее обращение было больше похоже на оправдание отхода к Смоленску и попытку остановить нарастающую волну недовольства в войсках тактикой отступления. Причем позже в приказах по 1-й Западной армии обращения главнокомандующего о грядущем сражении или переходе в наступление уже отсутствовали.

Но в любом случае нужно было выработать новый операционный план. Барклай первоначально рассчитывал, что, достигнув Смоленска, 2-я армия прикроет московское направление, а 1-я переместится вправо для сближения с Витгенштейном и угрозы коммуникациям противника с Севера. Движение своей армии к Смоленску он считал отклонением от ее операционной линии, намеченной до этого через Велиж².

21 июля (2 августа) состоялась личная встреча главнокомандующих Барклая де Толли и Багратиона, во время которой как раз обсуждался вопрос о выработке нового операционного плана. Багратион опередил свою армию на день, хотя был старшим в чине, добровольно подчинил себя Барклаю. Но его подчинение являлось условным, так как не было зафиксировано каким-либо официальным документом, он лишь в письме Александру I вскользь упомянул об этом: «О готовности моей быть в команде, кому благоугодно будет подчи-

---

¹ *Безотосный В. М.* Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. Вып. VII. С. 120.

² Генерал Багратион. С. 213; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1. С. 347; Военный сборник. 1903. № 11. С. 246.

нить меня»¹. Кроме того, два главнокомандующих придерживались противоположных взглядов на будущие действия. Багратион, например, активно ратовал за скорейшее продвижение вперед соединенными силами с задачей нанести противнику ряд ударов. В своем отношении к Барклаю, подписанном 22 июля (на следующий день после встречи), он следующим образом видел ситуацию: «Собрав столь знатное количество отборных войск, получили мы над неприятелем ту поверхность, которую имел он над отдельными нашими армиями. Наше дело воспользоваться сей минутой и с превосходными силами напасть на центр его и разделить его войски в то время, когда он быв рассеян форсированными маршами и отделен от всех способов, не успел еще сосредоточиться — идти на него теперь, полагаю я, идти почти на верное — вся армия и вся Россия сего требует... Ударом сим разрешим судьбу нашу... Предоставляя вашему Высокопревосходительству распорядить всем для лучшего успеха, я сам берусь, если вам угодно будет, идти на неприятеля, имея армию вам вверенную в подкрепление»². Барклай же не являлся сторонником перехода в наступление, полагая все еще превосходство противника в силах, а также зная методы Наполеона мгновенно концентрировать свои войска в нужный момент.

Собравшийся в Смоленске 25 июля (6 августа) военный совет (помимо главнокомандующих, на нем присутствовали великий князь Константин, генералы А. П. Ермолов, Э. Ф. Сен-При, М. С. Вистицкий, полковники К. Ф. Толь и Л. А. Вольцоген) рассмотрел уже разработанный генерал-квартирмейстером 1-й Западной армии Толем план предстоявшей операции и высказался за немедленное наступление в направлении Рудня — Витебск «яко на центр расположения неприятельских войск»³. Обоснованием такого решения служили рассеянность сил Наполеона и выигрыш времени для вооружения в тылу формирующихся войск. Предполагался обход левого фланга противника, а в случае неудачи — возможное отступление. Все предстоявшие действия войск были расписаны в документе, названном «Дистанция наступательным действиям к стороне местечка Рудня на 26 июля»⁴.

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 14. Ч. 1. С. 48.

² Там же. С. 49, 52–53; Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIV. С. 199.

³ Идея наступательного движения на Рудню, видимо, принадлежала П. И. Багратиону, как видно из его письма Ф. В. Ростопчину (*Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. С. 73).

⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 14. Ч. 1. С. 16–18; Материалы для истории войны

Победила точка зрения Багратиона, поддержанная большинством голосов. Барклай подчинился с явной неохотой, но, будучи формальным главнокомандующим объединенных сил, оговорил это решение запретом отдаляться от Смоленска более трех переходов. Наступление могло втянуть русские войска в большое сражение, поэтому Барклай де Толли, как видно из его переписки в это время с Александром I, Багратионом и адмиралом П. В. Чичаговым, фактически противопоставил мнению военного совета «высочайшую волю»: «продлить сколь можно более кампанию, не подвергая опасности Обе Армии», чтобы дать время для формирования резервов внутри государства¹. Источники свидетельствуют, что ему удалось убедить и Багратиона в необходимости затягивания войны. Так, главнокомандующий 2-й армии писал 31 июля П. В. Чичагову: «В рассуждении, что нет у нас резервной армии, должны мы до некоторого времени ограничиться тем, чтобы малыми отрядами занимать и беспокоить неприятеля, не давая генерального сражения»².

26 июля (7 августа) российские войска двинулись в направлении на Рудню, имея в авангарде казачьи полки генерала М. И. Платова, а фланги прикрывали два наблюдательных отряда («корпуса»). В ночь на 27 июля (8 августа) было получено ложное известие о сосредоточении к северу от Смоленска крупных сил неприятеля в районе Поречья³. В этой обстановке приказ о движении на Рудню был сразу же отменен. Причем на этом настаивал и Багратион, о чем свидетельствуют его пять писем Барклаю от 27 июля (8 августа), поскольку опасался обхода французов с флангов⁴. Барклай решил поступать согласно своему плану, 1-я Западная армия начала передвигаться к Поречью, а 2-я Западная армия стала занимать ее место. Лишь

1812 года: Приложения к запискам Алексея Петровича Ермолова. С. 158–161.

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 14. Ч. 1. С. 23–26. 55–56.

² РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 13. Л. 118 об. 26 июля Багратион писал Барклаю: «Ежели неприятель остановится в больших силах в своей позиции, то мне кажется, лучше его не атаковать в крепкой его позиции... Обеспокоить его казаками и выждать, чтобы он сам вышел нас атаковать, а тогда для нас лучше будет... Сие для того говорю, что вы мне сказывали, как нужно длить нашу кампанию» (Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIV. С. 224–225).

³ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 66.

⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 14. Ч. 1. С. 55–59.

Платов, не получивший приказа, продолжил движение вперед и на рассвете 27 июля (8 августа) атаковал авангард Мюрата у д. Молево Болото. Кавалерийская дивизия генерала О. Себастиани, стоявшая без должного охранения, была опрокинута и, преследуемая казаками, отступила на несколько верст¹.

Решение Барклая де Толли о движении в сторону Поречья не нашло поддержки среди генералитета обеих российских армий, в результате борьба мнений по поводу способа действий очень быстро переросла в столкновение личностей и группировок. Из-за опасения обходного маневра со стороны неприятеля и ввиду отсутствия точных сведений о состоянии его сил наступление армий в течение 29 июля (10 августа) — 2 (14) августа превратилось в марши и контрмарши в треугольнике Смоленск — Рудня — Поречье, что пагубно сказалось на моральном состоянии войск и привело к активизации генеральской оппозиции по отношению к Барклаю де Толли.

Судя по переписке главнокомандующих, Багратион не поддерживал решения Барклая и предлагал продолжить наступление на Рудню, считая, что если «...не предполагается нигде давать решительного сражения и нет на то воли государя императора, в таком случае обеим армиям не должно растягиваться». Кроме того, он высказал обоснованное опасение за свой левый фланг, но не проявил настойчивости в защите своего мнения, сделав приписку к письму от 27 июля: «Впрочем делайте, как вы знаете»².

Это в какой-то степени развязывало руки Барклаю. 29 июля он выдвинул в письме к Багратиону свои старые предложения: «Генеральный план наших теперешних операций должен быть следующим: 2-я армия прикроет дорогу, ведущую в Москву, а 1-я армия действиями своими остановит сколько возможно будет неприятельские силы, поражая его левый фланг, и содержит коммуникацию между обеими армиями». Причем в случае наступления на Смоленск превосходящих сил Наполеона необходимо было оставить город и отступать, придерживаясь «важнейших предметов», т. е. «сохранение армий и продолжение войны». Барклай построил свой проект, исходя из вероятного плана действий Наполеона, суть которого, по его мнению, состояла в том, что «сперва избегая сражения... завлекая нас за собою обойти правый, а может быть, и левый наши фланги». Поэтому главной задачей он считал обеспечение флангов, особенно

---

¹ Донское казачество в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: Сб. документов. С. 149–155.

² Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIV. С. 250–251; Материалы для истории войны 1812 года: Приложения к запискам Алексея Петровича Ермолова. С. 172–173.

правого, где должна была находиться 1-я армия. Военный министр ясно видел опасность нахождения отдельного отряда у г. Красно-го, для чего Багратиону предлагалось «взять особые предосторожности»¹.

Но и план Баркляя не был реализован. К этому времени борьба мнений по поводу способа действий во многом переросла в личный конфликт двух главнокомандующих, что явно не способствовало выработке окончательного решения. К тому же изменилась обстановка. Были получены сведения о сосредоточении противника на левом фланге, и армии придвинулись к берегу Днепра. В конце июля — начале августа в связи с несогласованностью мнений главнокомандующих, отсутствием фактического единоначалия и верной информации обе армии занимались бесплодными и ненужными передвижениями с фланга на фланг и в тыл. Поскольку противник находился в статичном положении, армейской разведке было трудно собрать нужные сведения, учитывая все еще превосходство французской кавалерии. Хотя Барклай предполагал, что «решительный план дальнейшим нашим действиям» будет принят после сбора достоверных сведений «о положении неприятеля»², но желание армий сразиться с противником заставляло форсировать события. Надо сказать, что в своих действиях Барклай проявил чрезвычайную осторожность.

Знакомство с перепиской французского генералитета подтверждает мнение, что Наполеон, находясь в Витебске, не располагал точными сведениями о расположении главных сил Баркляя. Но решил преподнести противнику тактический сюрприз. У него зародилась мысль обойти левый фланг русских войск. Устроив у сел Расасны и Хомино мосты, французский император задумал перебросить главные силы на левый берег Днепра и тем самым неожиданно переменить фронт, быстро захватить Смоленск, зайти в тыл русских войск и отрезать их от прямого пути движения на Москву. Предварительно Наполеон советовался с Даву о том, по какому берегу Днепра осуществить движение, и требовал от маршала сведений о местности перед Смоленском³.

По разведывательным сведениям Наполеон предполагал, что на левом берегу Днепра находились значительные силы 2-й Западной армии, поэтому в его первоначальные намерения входило уничтоже-

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 14. Ч. 1. С. 24–26.

² Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIV. С. 198.

³ Correspondance du maréchal Davout, prince d'Eckmühl, ses commandements, son ministère (1801–1815). Т. 3. Р. 374–375.

ние этих частей. 25 июля (6 августа) Бонапарт писал Э. Богарне: «Мое намерение двинуться на противника по левому берегу Днепра, захватить Смоленск и дать сражение русской армии, если она постарается удержать за собой занятые позиции»¹. Выбор направления движения был определен еще и тем, что его разведка получила искаженные сведения о приближении частей Дунайской армии к Чернигову. Поэтому им преследовалась задача не допустить соединения и отбросить войска Барклая на Север. Получив донесения о деле под Молевым Болотом и убедившись, что это рекогносцировка, Наполеон продолжил подготовку к переправе через Днепр.

2 (14) августа по трем наведенным мостам войска Великой армии форсировали Днепр и двинулись через Ляды на г. Красный, имея в авангарде кавалерию Мюрата при поддержке пехоты корпуса Нея. У Красного Багратионом был оставлен только отдельный отряд генерала Д. П. Неверовского (шесть пехотных полков и четыре эскадрона кавалерии — 6 тыс. чел.), который принял на себя удар многочисленной кавалерии Мюрата. После многочасового боя полкам Неверовского в полном окружении удалось отойти к Смоленску. Поскольку русская кавалерия оказалась сразу же сбита, пехота, практически «в виде толпы», двигалась по дороге на Смоленск, отражая огнем и штыками постоянные атаки французской конницы. Но Мюрат, не имея поддержки отставшей своей пехоты и не введя в дело конную артиллерию, которая у него имелась, так и не сумел реализовать численное превосходство (17 полков конницы — более 8 тыс. всадников), он не смог ничего сделать². Русские понесли значительные потери (2 тыс. чел.), но устояли. Впоследствии историки назовут этот эпизод со слов Ф. Сегюра «львиным отступлением». Здесь будет уместно привести мнение Мюрата о движении войск Неверовского к Смоленску: «Я никогда до этого не видел пехоту, действовавшую с такою неустрашимостью и решительностью»³. Сам же Мюрат, командовавший кавалерией в этом деле, был ниже всякой критики, можно сказать, что именно его просчеты не дали французам взять сходу Смоленск.

В то время как происходили события под Красным, русские главнокомандующие решили вновь повторить наступательное движение. 1-я Западная армия уже находилась на дороге в Рудню пример-

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 24. P. 132–133; Fabry G. Op. cit. T. III. P. 359, 417, 472–473, 542; Labaume E. Relation complète de la campagne de Russie en 1812. P. 95–97; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 273. Л. 30 об.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3496. Л. 23 об.–25 об. Подр. см.: Попов А. И. Первое дело под Красным. М., 2007.

³ Fabry G. Op. cit. T. IV. P. 282.

но в 35 верстах от Смоленска, 8-й пехотный корпус 2-й Западной армии дошел до Надвы (35 верст от Смоленска), а 7-й корпус задержался в пути и находился от города в одном переходе. Получив известие о движении крупных сил противника на Красный, Багратион 3 (15) августа вернул в Смоленск 7-й пехотный корпус генерала Н. Н. Раевского, который успел отойти от города лишь на 12 верст, а затем к нему присоединился отступивший отряд Неверовского. Собственно, героическое сопротивление пехоты Неверовского не позволило французам сходу ворваться в Смоленск, что дало время Багратиону перебросить в город 7-й пехотный корпус, так как, кроме одного пехотного полка, оставленного в городе, других частей для обороны не было.

Русское командование предполагало, что французы постараются совершить обходной маневр. Правда, каждый главнокомандующий больше опасался за свой фланг. Барклаю это движение Наполеона дало «большой повод к удивлению». Для Багратиона этот маневр также был неожиданным, так как он предвидел наступление французов на Красный лишь со стороны Орши и Мстиславля¹. Тем не менее 1-я и 2-я Западные армии оказались в очень сложном положении. Возникла реальная угроза занятия Смоленска неприятелем и его выхода в тыл российским войскам. Первоначально Багратион решил, пока не узнал, что главные силы французов идут на Смоленск, 7-й корпус оставить для защиты Смоленска, а 8-й корпус переправить у Катани через Днепр для атаки противника на марше. Но после опроса пленных, взятых Неверовским (сам Наполеон идет к городу), обе армии сосредоточились у Смоленска. Но уже к 5 (17) августа, получив ложные сведения, что французские части появились на Ельнинской дороге, главнокомандующие решили, что Багратион прикроет Московскую дорогу, а 1-я армия будет оборонять Смоленск.

Наполеон надеялся, что русские втянутся в генеральное сражение под Смоленском. Эта уверенность послужила одной из причин, почему Наполеон отказался от переправы через Днепр с целью угрозы одного из флангов противника. Для обороны Смоленска Раевский имел под рукой 4 (16) августа примерно 15 тыс. чел. и избрал тактику активной обороны, используя в качестве прикрытия башни и полуразрушенные городские крепостные стены XVI–XVII столе-

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 14. Ч. 1. С. 32–33, 59; Генерал Багратион. С. 220, 224–225, 227; Материалы для истории войны 1812 года: Приложения к запискам Алексея Петровича Ермолова. С. 175–176.

тий¹. Утром французы атаковали тремя пехотными колоннами из корпуса Нея Королевский бастион и Рославльское предместье. Пехоте Нея дважды удавалось ворваться на Королевский бастион, но оба раза подоспевшие русские резервы отбрасывали ее. После второй неудачи французы прекратили атаки, ограничившись перестрелкой, решив отложить штурм города до следующего дня.

Тем временем к Смоленску подошли войска обеих российских армий и сосредоточились на правом берегу Днепра. В течение ночи корпус Раевского был сменен 6-м пехотным корпусом Дохтурова, усиленным 3-й и 27-й дивизиями (всего около 30 тыс. чел.). Основные силы армии Баркляя оставались на правом берегу Днепра, а армия Багратиона начала движение вверх по течению реки на 12 верст, чтобы контролировать переправы и прикрыть направление на Москву. Причем Барклай обещал Багратиону без нужды не оставлять город, но, по-видимому, сам для себя уже принял решение об отступлении. Вообще необходимо заметить, что обходной маневр через Красный, предпринятый Наполеоном, сделал длительную оборону Смоленска бесперспективной. Французские же войска расположились вокруг Смоленска полукругом на левом берегу Днепра: всего — 146 тыс. чел. (из которых в сражении участвовало 45 тыс.).

С утра 5 (17) августа началась ружейная и артиллерийская перестрелка, длившаяся до 14 часов. Наполеон сначала тешил себя мыслью, что русские попытаются выйти на открытую позицию перед городом, в то же время не спешил начинать штурм, намереваясь втянуть русских в большое сражение, но затем убедился, что они вновь отступают (ему доложили о движении Багратиона), и он решил взять Смоленск обходным маневром и попытаться разъединить русские армии. Однако французы не смогли быстро найти броды на Днепре и поэтому вынуждены были предпринять фронтальную атаку. Штурм начался около 16 часов. Вперед пошли корпуса М. Нея, Л. Н. Даву, Ю. Понятовского. Сначала они вытеснили русских из Красненского, Мстиславского и Рославльского предместий, затем, несмотря на яростные русские контратаки, к 18 часам полностью захватили все предместья левого берега, но войти в центр города им не удалось. Наполеон приказал сосредоточить под стенами Смоленска свыше 150 орудий, которые начали обстрел города, в результате чего возникли многочисленные пожары. Все последующие попытки атак также оказались безрезультатными. К 22 часам сражение прекрати-

---

¹ Весь ход обороны Смоленска подробным образом освещен: *Попов А. И.* Смоленские баталии: Сражение за Смоленск. Т. 1. М., 2012.

лось. В ночь на 6 (18) августа войска Дохтурова вместе со многими жителями покинули Смоленск¹. Наполеон 6 (18) августа готовился к новому штурму, однако уже рано утром узнал, что русские покинули Смоленск, разрушив мост через Днепр, и в 4 часа утра его части вошли в разрушенный город, в котором из 2250 домов уцелело около 350 зданий.

В ходе борьбы за Смоленск 4–5 (16–17) августа потери русских составили свыше 11 тыс. чел., среди убитых оказались два генерал-майора А. А. Скалон и А. И. Балла. Убыль в рядах Великой армии была по русским исчислениям около 14 тыс. чел., по французским данным — 6–7 тыс. чел., а в числе убитых оказался польский генерал М. Грабовский. Основным же итогом событий под Смоленском стал вновь срыв наполеоновских надежд на генеральное сражение, русские опять отступили.

После оставления Смоленска 1-я Западная армия отошла на Пореченскую дорогу и тем самым оказалась удаленной от 2-й Западной армии, отступавшей по Дорогобужской дороге. Опасаясь вновь оказаться отрезанным от армии Багратиона, Барклай решил соединиться с ним. Но это движение на соединение вдоль правого берега р. Днепр предстояло осуществить в опасной близости к противнику. Поэтому Барклай принял решение перейти на Дорогобужскую дорогу в ночное время. Только этим можно объяснить потерю целого дня 6 (18) августа. Войска были разделены на две колонны и аррьергард. Чтобы опередить противника, к перекрестку дорог у д. Лубино был выдвинут отряд генерала П. А. Тучкова (примерно 3 тыс. чел.). Тем временем в ночь на 7 (19) августа части Великой армии навели несколько переправ через Днепр (3-й корпус М. Нея, 8-й корпус генерала А. Жюно, а также 1-й и 2-й корпуса кавалерийского резерва И. Мюрата). Сам Наполеон остался в Смоленске и поручил преследование русских этим трем высокопоставленным армейским начальникам.

Около 8 часов утра авангард Тучкова вышел на Московскую дорогу, и его командующий правильно оценил важность прикрытия этого перекрестка для судьбы всей армии — он принял решение остаться в этом месте, вопреки полученному приказанию двигаться дальше. Ранее около 5 часов утра у местечка Геденово сбившийся с дороги 2-й пехотный корпус К. Ф. Багговута и часть 4-го корпуса, столкнулись с корпусом Нея. Оказавшийся рядом Барклай де Толли приказал удерживать позицию у Геденово отряду генерала Е. Вюртембергского. Лишь после 8 часов утра, отбив все атаки Нея,

---

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3502. Л. 136–138 об.

русские оставили Гедеоново после того, как все войска миновали этот опасный участок. Наполеон отдал приказание Нею продолжать атаковать русских с фронта и усилил его одной дивизией корпуса Даву. Войска Мюрата и Жюно должны были охватить левый фланг русских.

Все дальнейшее зависело от действий Тучкова, который смог достаточно долго удерживать позицию на р. Колодня по обеим сторонам дороги и выдержал все нараставшие атаки корпуса Нея. Лишь после 15 часов пополудни Тучков отступил за р. Строгань и, разобрав мост через речку, занял позицию, которую нельзя было сдавать, пока перекресток дорог не минуют остальные русские войска и аррьергард. Несмотря на то что Тучков получил подкрепления, положение его отряда было сложным. С фронта значительно усилил давление Ней, а в обход его левого фланга двинулась кавалерия Мюрата, а недалеко от нее у д. Тебеньковой находился переправившийся через Днепр корпус Жюно. Как раз самую главную опасность для Тучкова представляли войска Жюно (14 тыс. чел.), если бы он двинулся в атаку против левого фланга русских, его отряд был бы вынужден оставить свою последнюю позицию и отступить. Но Наполеон не оставил за себя единого командующего, а Жюно не хотел атаковать, отговариваясь неимением приказа от императора. Просьбы и уговоры Мюрата не помогли. Ней же последовательно предпринял несколько фронтальных атак (в 17 часов, в 18 часов, в 19 часов, в 21 час), но все они закончились безрезультатно. Барклай же успел подкрепить Тучкова полками 3-го пехотного корпуса. Около 19 часов на Московскую дорогу стали выходить части Багговута и аррьергарда. К ночи из этого района были выведены все русские войска, главным результатом этого трудного дня стал выход 1-й Западной армии на Московскую дорогу. Задача была решена, хоть и дорогой ценой. Русские потеряли 5–6 тыс. убитыми и ранеными, у французов убыль составила 8–9 тыс. чел., в том числе смертельное ранение получил генерал Ш. Э. Гюден де Саблоньер. Во время последней французской ожесточенной атаки попал в плен исколотый штыками в рукопашной схватке русский герой дня генерал П. А. Тучков¹.

Безусловно, русские войска в деле 7 (19) августа под Валутиной горой (эти события иногда называют сражением при Гедеоново, или при Лубино) проявили присущую им стойкость в бою против превосходящих сил противника. Да и не на должной высоте оказались

---

¹ Весь ход дела под Валутиной горой прекрасно освещен в книге: *Попов А. И.* «Смоленские битвы»: Непредвиденная баталия или стычка, перешедшая в сражение. Т. 2. М., 2012.

французские военачальники в отсутствие Наполеона. Они упустили реальный шанс нанести поражение армии Барклая. Необходимо сказать, что и русские генералы допустили значительное число элементарных ошибок, которые пришлось срочно исправлять, но, к сожалению, ценой самоотверженности войск. Но из-за нескоординированности действий генералов (в том числе и по вине Барклая) 1-я Западная армия попала в тяжелое положение. В некоторой степени сложившееся положение можно объяснить появлением в рядах армии генеральской оппозиции, о которой уже упоминалось.

Генеральская оппозиция в русской армии

В 1812 г. Александр I был уверен в неизбежности столкновений среди генералитета и в этом он не ошибся. Ничего удивительного в этом не было — в любые времена и во всех странах генеральская среда всегда отличалась повышенной профессиональной конкуренцией и столкновением честолюбий. Борьба в недрах генералитета в 1812 г. велась в нескольких плоскостях и в разных направлениях. Она затрагивала многие аспекты, а в зависимости от ситуации и актуальности возникающих проблем видоизменялась и принимала самые разные формы. На клубок профессиональных, возрастных, социальных и национальных противоречий накладывал заметный отпечаток груз личных претензий и неудовольствий генералов друг другом. Обычные служебные столкновения в военной среде в мирное время в стрессовый период боевых действий чрезмерно накалялись и искали выход, что и приводило к формированию группировок недовольных генералов.

Предпосылки будущих генеральских столкновений обозначились еще перед войной во время разработки планов. В этот процесс тогда оказались втянутыми лишь часть русского генералитета и штабная молодежь. Большинство составителей проектов, если не брать в расчет детали, исходило из необходимости отступления в первый период войны. Меньшинство (но среди них такие значимые фигуры, как Багратион и Беннигсен) предлагало наступательные действия на чужой территории. Таким образом, уже перед войной выкристаллизовались два подхода к проблеме, и между этими двумя доминирующими точками зрения развернулась последующая борьба.

Комплекс предвоенных планов послужил фоном или, в лучшем случае, источником, из которого черпал мысли М. Б. Барклай де Толли — на него император возложил основное бремя обязанностей по подготовке к войне. Несмотря на некоторые колебания в выборе пути и средств, Барклай разработал, а затем с полного согласия Александра I осуществил отход русских войск. Очевидная на бумаге

и разработанная теоретически концепция необходимости отступления вглубь страны при реализации неизбежно должна была встретить непонимание, а, скорее всего, даже неодобрение со стороны генералов-практиков, воспитанных на суворовских принципах наступательных войн 2-й половины XVIII столетия.

Уже говорилось, что Александр I, как искушенный политик, прекрасно предвидел возможную негативную реакцию на отступление со стороны генералитета и общества. Он предварительно выбрал на «заклание» генералитету ряд фигур. В начале кампании самым подходящим объектом для критики военных кругов стал К. Фуль в связи с его идеей Дрисского укрепленного лагеря. Фигура же Фуля являлась идеальным громоотводом и была сознательно выбрана Александром I. Эту ситуацию очень тонко подметил проницательный Ж. де Местр. По его мнению, это был «пруссак с головой, набитой древней тактикой и тщеславными преданиями; каменщика сего приняли здесь за архитектора»¹. Налицо же имелся требуемый результат — все генералы решительно ругали Фуля. Возможно, у царя, помимо Фуля, имелись и другие кандидатуры, готовившиеся в жертву праведного гнева общества и генералитета. Например, Ф. О. Паулуччи (назначенный начальником штаба 1-й Западной армии), которого штабные структуры буквально «съели» в течение нескольких дней, и он просто не успел стать «козлом отпущения». Таким образом, Александр I умело отвел недовольство и первые удары общественного мнения от истинных творцов отступательной стратегии, т. е. от себя и от Барклая. Но только на небольшой промежуток времени.

Главный «виновник» всех бед и «русская» партия

Вскоре Александр I покинул армию и, дав поручение Барклаю далее продолжать отход, оставил главнокомандующего 1-й армии один на один с генералитетом. Он стал вторым объектом для критики, еще более сильной, чем в отношении Фуля. Именно дальнейшее претворение в жизнь отступательной стратегии в практике боевых действий, особенно после соединения двух армий, послужило мощным толчком для возникновения в армейских рядах уже настоящей военной оппозиции. Наиболее четко такое положение блестяще показал в своей монографии «Неразгаданный Барклай» А. Г. Тартаковский. Он едва ли не первый, кто так полно описал борьбу генеральских группировок в июле–августе 1812 г. и доказал, что взрыв антибарклай-

---

¹ *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 211.

евских настроений пришелся на период боев под Смоленском¹. Если развенчание дрисской затеи Фуля проводилось в узком кругу придворной и штабной сферы под присмотром императора, то в акции против военного министра оказались втянутыми уже широкие слои офицерского корпуса. Причем этот процесс явно вышел за рамки простой критики. Он уже не поддавался контролю со стороны российского монарха и грозил принять стихийные черты. Первопричиной конфликта в армейских верхах стал профессиональный аспект, но, помимо него, следует указать и на комплекс застарелых проблем, наложившихся на создавшуюся ситуацию.

Фигура Барклая уже с момента его резкого карьерного подъема в 1809–1810 гг. вызывала большое раздражение среди высшего генералитета, особенно у представителей российской аристократии. Он воспринимался как выскочка, не имевший хорошей дворянской родословной. Хотя Барклай в третьем поколении являлся русским подданным, в обществе он воспринимался как иноземец, прибалтийский немец (лифляндец), или, по выражению Багратиона, «чухонец». Это обстоятельство дало возможность противникам военного министра строить и вести яркую критику, активно используя тезис о «засилье иностранцев». В этот период национальный аспект в генеральских спорах чисто внешне вышел на передний план. Но он был во многом обусловлен итоговым раскладом национальных сил в генералитете — только 60 % генералов носили русские фамилии, правда, с единоверцами эта цифра увеличивалась до 66,5 %. Каждый третий генерал (33 %) носил иностранную фамилию и исповедовал иную религию². Отметим еще одну любопытную деталь: по суммарным сведениям о русском офицерском корпусе, обобщенным Д. Г. Целорунго, носители иностранных фамилий не превышали 9–11,1 %³. Национальная ситуация на армейском «олимпе» не соответствовала аналогичной раскладке в низах.

Засилье иноземцев в генеральской среде неизбежно должно было вызвать внутреннюю реакцию, что и произошло. Патриотический подъем и недовольство иностранцами уже на начальном этапе войны породили в офицерской среде неформальную группировку, которую можно назвать «русской» партией. В целом она выражала интересы офицерской молодежи и генералов с русскими фамилиями. Эта груп-

---

¹ Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. С. 42–136.

² Подр. см.: Безотосный В. М. Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 60–71.

³ Целорунго Д. Г. Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 248.

пировка представляла мнение новой генерации российского дворянства, ориентированной на службу. Она не имела четко выраженной идеологии и руководствовалась национальными и узкопрофессиональными взглядами. Обилие иноземцев в штабах и на командных постах вызывало вполне понятные опасения с их стороны как за судьбу державы, так и за свою карьеру. В драматических условиях отступления в среде командного состава родилось чувство, что за них уже все решили лица с нерусскими фамилиями. Мало того — их мнения не спросили, а принятое решение казалось пагубным и грозило трагедией для армии и страны.

Сама по себе чрезвычайная, а, по мнению многих, трагическая, ситуация спланировала генералитет. В разгар смоленских событий генерал А. П. Ермолов в письме к Багратиону очень удачно выразил общее умонастроение: «Настоящие обстоятельства и состояние России, выходят из порядка обыкновенного, налагают на нас обязанностью и отношении необыкновенные... стремление всех должно быть к пользе общей, это одно может спасти погибающее Отечество наше!»¹ Данное неформальное объединение не имело никакой структуры. Связующими звеньями являлись родственные и дружеские отношения. Поскольку к этому времени российское дворянство фактически представляло собой класс родственников, то это обстоятельство способствовало национально-корпоративной консолидации и выработке единого отношения к происходившим событиям, и, в частности, к главному тогдашнему символу «зла» в русской армии — Барклаю де Толли. Стоит лишь добавить, что «немецкая» партия в тот период так и не сложилась.

Знаменем военной оппозиции в противовес Барклаю стал Багратион. Его поддерживала часть старых генералов, имевших служебные претензии к Барклаю, но наиболее активно за него ратовала молодежь. Она расценивала отход войск вглубь страны как национальный позор. Кроме того, отступление без боев не давало возможности отличиться в сражениях, что являлось немаловажным фактором для любого офицера. Закулисным вдохновителем «русской» партии являлся главный помощник Барклая, начальник штаба 1-й Западной армии популярный в офицерской среде А. П. Ермолов, державший нити многих интриг в своих руках. Именно он прямо писал царю: «Обязан сказать, что дарованиям главнокомандующего здешней армии мало есть удивляющихся, еще менее имеющих к не-

---

¹ Материалы для истории войны 1812 года: Приложения к запискам Алексея Петровича Ермолова. С. 179.

му доверенность, — войска же и совсем не имеют»¹. Справедливости ради укажем, что он также неоднократно в письмах к Александру I еще в июле (до вспышки генеральской фронды) указывал на необходимость общего главнокомандующего: «Государь! Необходимо начальник обеих армий»; «Государь! Нужно единоначалие»².

Генеральский заговор или легитимная военная оппозиция?

В свое время А. Г. Тартаковский квалифицировал создавшуюся ситуацию как генеральский заговор против Барклая³. Да, безусловно, многие демарши военной оппозиции против главнокомандующего 1-й армии проводились в тайне, хотя борьба с высшим начальством вообще не характерна для военной среды. Но деятельность «русской» партии в целом не выходила за рамки существовавшего тогда законодательства. Она как раз во многом была продиктована несовершенством военно-юридических норм.

Обычно, так или иначе, исследователи интерпретируют спор о старшинстве Барклая и Багратиона, приводя иногда самые неожиданные аргументы — мол, Барклай по должности военного министра принял командование. Необходимо также четко обозначить, что Багратион был старше Барклая в чине, хотя оба были произведены в полные генералы в один день и одним приказом 20 марта 1809 г. В списке по старшинству Багратион стоял впереди, следовательно, мог требовать подчинения себе младшего по чину в тех случаях, когда не имелось высочайшего приказа о назначении единого главнокомандующего. Устоявшийся военный регламент жестко регулировал эти отношения и не допускал иной трактовки. Багратион же добровольно подчинил себя младшему Барклаю. Во-первых, 1-я армия по численности в два раза превосходила 2-ю армию; во-вторых, Барклай как главный разработчик плана отступления (а не только как военный министр) пользовался большим доверием императора, нежели Багратион. Но это была лишь добрая воля Багратиона, однако он в любой момент мог отказаться выполнять приказы Барклая, и по закону никаких претензий ему нельзя было предъявить. Юридический парадокс заключался в том, что в отличие от всех предыдущих военных регламентов, предусматривавших подчинение, исходя из принципа старшинства, Учреждение для управления Большой действующей армией 1812 г. наделяло их абсолютно равными правами.

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 2. СПб., 1889. С. 417.

² Там же. Вып. 14. Ч. 2. СПб., 1913. С. 13, 17.

³ *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. С. 79–93.

Каждый в своей армии являлся полноправным хозяином и нес ответственность только перед императором. Об этом неоднократно упоминал Багратион в своей переписке: «Я хотя старее министра и по настоящей службе и должен командовать, о сем просила и вся армия, но на сие нет воли Государя и я не могу без особенного повеления на то приступить»¹.

Учитывая это обстоятельство, бездоказательно звучит мнение некоторых историков, что Барклай возглавил войска, поскольку являлся военным министром. В данном случае налицо попытка модернизации прошлого по аналогии с современной должностью. В те времена министр являлся всего лишь администратором с хозяйственными и инспекторскими функциями без права отдавать приказы главнокомандующим и вмешиваться в дела полевого управления войсками. Так, например, в начале войны главнокомандующий Молдавской армией П. В. Чичагов прямо писал царю, что отказывается выполнять распоряжения из военного ведомства без подтверждения императора, и просил «предупредить военного министра, чтобы он не посылал мне приказаний от своего имени, — я их не приму». Еще ранее, главнокомандующий русскими войсками в войну со шведами в 1808–1809 гг. Ф. Ф. Буксгевден направил резкое послание тогдашнему военному министру А. А. Аракчееву, пытавшемуся вмешиваться в дела управления его армией. В нем автор доказывал незаконность «вторжений в область ведомства главнокомандующего» и блестяще «представил разницу между главнокомандующим армиею, которому государь поручает судьбу государства, и ничтожным царедворцем, хотя бы он и назывался военным министром». Позже письмо получило рукописное распространение в общественных кругах. Сам Барклай никогда не позволял себе давать приказы другим главнокомандующим и даже в разгар военных событий, «видя необходимость действовать согласованно», как он писал в письме к царю от 26 июля, «мог выразить генералу Торماسову токмо частным письмом мое желание, чтобы он поддался, насколько возможно, вперед»².

В силу сложившихся обстоятельств «русская» партия приложила максимум усилий, чтобы донести свой голос до единственного человека, от которого полностью зависела ситуация в верхах — Александра I. С этой целью императору писали письма все, кто имел такое право

---

¹ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. С. 97. В другом письме он писал: «Отнять же команду я не могу у Барклая, ибо нет на то воли Государя» (Там же. С. 99).

² ОПИ ГИМ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 2. Л. 50; Понов А. Н. Славянская заря в 1812 году // Русская старина. 1892. № 12. С. 620; Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 331; Кизеветтер А. А. Исторические очерки. С. 335.

(П. И. Багратион, А. П. Ермолов), воздействовали через отправлявшихся в Петербург генерал-адъютантов (П. В. Голенищева-Кутузова, П. А. Шувалова). Особенно настойчиво старались выражать свое негодование в переписке с видными сановниками — Аракчеевым (зная, что содержание станет известно царю) и Ростопчиным (тот мог в собственной интерпретации пересказать суть в своих письмах к монарху, но самое главное — влиять на общественное мнение Москвы). Багратион прямо писал об этом Ростопчину: «Прошу вас меня защитить перед публикой, ибо я не предатель, а служу так как лучше не могу. Я не имел намерения вести неприятеля в столицу и даже в границы наши, но не моя вина»¹.

«Русская» партия в целом боролась легитимными методами. Она отнюдь не скрывала своих целей, действовала под влиянием и в рамках тогдашнего негласного изменения внутривластного курса. Можно назвать лишь одно исключение, которое могло иметь негативные последствия для сторонников Багратиона. В этот период военная оппозиция попыталась оказать прямое давление на Александра I не только с целью назначения подходящего для генералов главнокомандующего, но и удаления от дел некоторых лиц в правительственной сфере. Находившийся в Смоленске проездом в Петербург британский генерал Р. Вильсон, имея в армейской среде еще с 1807 г. много друзей, увез, по его словам, «горячие мольбы всей армии открыть Императору правду». Англичанин имел с ним в столице продолжительную беседу, касавшуюся, как он выразился в своем дневнике, «деликатных предметов». Не называя конкретных фамилий, Вильсон сформулировал их желание, чтобы российский самодержец лишил «доверенности ненадежных советников». Речь шла об увольнении от должности министра иностранных дел Н. П. Румянцева-Задунайского, ответственного в глазах общества за довоенную профранцузскую политику. Генералы опасались, что партия «мира» в Петербурге (вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Константин, А. А. Аракчеев) пойдет на заключение мирного соглашения с Наполеоном. Об этом писал Багратион Ростопчину 14 августа: «Слух носится, что канцлера потребовали в Петербург и что думают наши как бы помириться. Чего доброго от Румянцева и Аракчеева все стать может. Боже сохрани! тогда надо всякому офицеру снять мундир». Узвзленный в самое сердце Александр I (военные пытались вмешиваться в далекую от них гражданскую сферу) все-таки не пошел на поводу у оппозицион-

---

¹ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 99.

ного генералитета и вынужден был попросить отправлявшегося в армию Вильсона донести до анонимных друзей его бескомпромиссную позицию, что ни при каких условиях «он никогда не войдет в какие-либо переговоры с Наполеоном до тех пор, пока хоть один вооруженный француз будет оставаться в русских пределах». В то же время он уполномочил английского генерала «использовать все свое влияние ради защиты императорских интересов во всех обнаруженных им случаях или замыслов нарушений оных»¹. Заморский гость впоследствии не преминул воспользоваться заманчивым правом выступать в роли защитника интересов Российской, а по совместительству и Британской империй.

«Избрание, сверх воинских дарований»

Еще до сдачи Смоленска Петербург был вынужден решать наиболее для армий вопрос о назначении единого главнокомандующего. В конечном счете все замыкалось на государе императоре. В этот период борьба мнений в генеральской среде по поводу способа действий окончательно переросла в столкновения личностей и группировок. Собравшийся для этой цели 5 (17) августа Чрезвычайный комитет по избранию состоял из высших сановников империи, двое из которых (П. В. Лопухин и В. П. Кочубей) являлись сугубо штатскими лицами, остальные трое (Н. И. Салтыков, С. К. Вязмитинов, А. Д. Балашов) — не имели боевого опыта, а лишь подходили под категорию военных администраторов. Это доказывает тот факт, что один из самых важнейших вопросов предполагалось решать политическим способом. Это было не совещание военных, посевших на бранных полях, а бюрократов-царедворцев, чутко прислушивавшихся к мнению государя, а чтобы они не ошиблись в своем выборе, к ним для контроля прибыл А. А. Аракчеев (он, не будучи членом комитета, подписал его решение). Это был излюбленный метод Александра I — переложить ответственность перед обществом на других. Утвержденный им комитет предложил, а император просто вынужден был согласиться. Вопрос же был решен монархом еще задолго до заседания.

Процедура была следующая. Комитет сначала заслушал полученные донесения и частные письма из армии (от императора их представил А. А. Аракчеев), а затем рассмотрел претендентов на высший пост. Из шести предложенных кандидатов на этот пост в списке (Л. Л. Беннигсен, П. И. Багратион, Д. С. Дохтуров, А. П. Тормасов,

---

¹ Там же. С. 96; *Вильсон Р. Т.* Дневник и письма 1812–1813. С. 50, 135–136, 255–258.

М. И. Голенищев-Кутузов, П. А. Пален) двое — Пален и Беннигсен — по этнической принадлежности считались «немцами», но это обстоятельство никого не смущало. Окончательный выбор (М. И. Кутузов) был предопределен несколькими факторами. Во-первых, учитывалось общественное настроение, во-вторых, предварительное негласное утверждение Кутузова на этот пост самим императором.

Хорошо известно, что Александр I по многим причинам не очень благосклонно относился к старому полководцу. Но не оставляет сомнения, что он не только дал согласие на это назначение, вынужденный идти на поводу у общественного мнения, выраженного дворянством (как бытует в литературе), но и заранее (с середины июля) искусно подготавливал его кандидатуру для занятия такой важной должности. Этот выбор был предопределен предшествующими шагами царя: 15 июля — рескрипт Кутузову об организации корпуса для обороны Петербурга, помимо этого: 15 и 17 июля — решения дворянских собраний об избрании Кутузова начальником Московского и Петербургского ополчений, 29 июля — указ о возведении его в княжеское достоинство с титулом светлости, 31 июля — рескрипт о подчинении ему всех военных сил в Петербурге, Кронштадте и в Финляндии, 2 августа — указ о его назначении членом Государственного совета¹. Вся эта череда назначений и почестей свидетельствует о том, что Александр I как тонкий и умный политик предвидел возможность высокого положения Кутузова в будущем, ибо другие кандидатуры на этот пост, по самым разным причинам, устраивали его еще меньше. Можно сказать, что скамейка запасных у Александра I была слишком маленькой, ее, по существу, практически не существовало.

Обычно комментируя этот факт, историки приводят цитаты из писем императора своей сестре великой княгине Екатерине Павловне с объяснением произошедшего. Но тут важны даты, поскольку в зависимости от них у Александра тон и аргументация менялись. В письме от 8 августа (в момент назначения Кутузова) он писал сестре: «Я был вынужден, изложив все обстоятельства небольшому нарочно собранному мной для этой цели комитету, — назначить главнокомандующего всеми армиями; взвесив все основательно, остановились на Кутузове, как на старейшем, и дали, таким образом, Беннигсену возможность служить под его начальством. Вообще Кутузов пользуется большой любовью у широких кругов населения здесь и в Москве». Но вот 18 сентября, уже после сдачи Москвы тон его изменился, и он откровенно оправдывался, стараясь отклонить

---

¹ М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 3–9, 47–48, 51–53.

все обвинения против себя за это избрание: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион, оба неспособны на это... мне оставалось только уступить единодушному желанию и я назначил Кутузова. Я и теперь думаю, что при тех обстоятельствах, в каких мы тогда находились, я не мог поступить иначе. Я должен был оставить свой выбор на том, на кого указывал общий голос»¹.

Все же Кутузов обладал двумя качествами, возмещающими все его недостатки: во-первых, он был русским по национальности, а во-вторых (и это самое главное), — он являлся одним из старейших боевых генералов. В «Списке генералитету по старшинству» на 24 июня 1812 г. Кутузов значился восьмым. Но все семь старших генералов из-за преклонных лет, болезней или отсутствия боевого опыта не могли считаться его конкурентами. Укажем нумерацию старшинства остальных: А. П. Тормасов — 14, Л. Л. Беннигсен — 17, П. И. Багратион — 23, М. Б. Барклай де Толли — 24, Д. С. Дохтуров — 28². Уволенный со службы П. А. Пален вовсе не числился. В аргументации в пользу Кутузова значилось: его «избрание, сверх воинских дарований», в первую очередь основывалось «и на самом старшинстве». Рескрипт же о назначении Кутузова общим главнокомандующим действующих армий был подписан императором 8 августа³.

О том, что этот принцип во взаимоотношениях генералов играл огромную роль, сохранилось немало свидетельств. Так, 9 августа тот же Кутузов сообщил, что генерала от инфантерии И. С. Свечина не утвердили в должности начальника Новгородского ополчения. Причина отказа оказалась прозаической, ибо прямым начальником был уже «назначен генерал младший его старшинством». Приведем другой показательный пример. После ранения П. И. Багратиона в Бородинской битве на должность главнокомандующего 2-й армии назначили Д. С. Дохтурова, но на следующий день он был заменен М. И. Милорадовичем. Вот как сам Дохтуров описывал это событие

---

¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 82, 87.

² См.: Список генералитету по старшинству [по 24 июня 1812 года].

³ М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. 71–74. М. Б. Барклай де Толли чуть позже писал императору: «Назначение более старого генерала для командования над всеми армиями было необходимой мерой, которой желал и я сам» (Труды императорского Русского Военно-исторического общества. Т. VI. Кн. 2. СПб., 1912. С. 13).

в письме к своей жене: «Во время последнего сражения командовал 2-ю армию на место князя Багратиона, как он был ранен, после же сражения когда Кутузов узнал, что я моложе Милорадовича, то очень передо мною извинялся, что должен армию, как старшему, препоручить ему. Я не был сим нимало оскорблен, ибо по старшинству сие следует, между тем я командовал сею армию во время страшного сего сражения и уверен, что дело свое сделал хорошо и заслужил уважение целой армии». «Кто не служил в армии, тот не может постигнуть, сколь прискорбно находится в команде младшего, редкие могут сие постигнуть», — считал адъютант Кутузова А. И. Михайловский-Данилевский. А такое случалось в боевой практике 1812 г., вследствие чего происходили скандалы. Можно припомнить имевший громкий резонанс инцидент с казачьим генерал-майором И. К. Красновым, которого во время боев под Смоленском подчинили младшему в чине генерал-майору И. Г. Шевичу. Получивший от своего подчиненного рапорт, возмущенный атаман М. И. Платов сделал А. П. Ермолову запрос, составленный фактически в виде жалобы: «Обида, Господином Красновым описываемая, ...не только для него, но и для меня и даже всего войска, очень чувствительна... прошу Вас приказать в подобных случаях по военному списку выправляться о старшинстве Господ Генералов, во избежание обиды, от подчинения старшего младшему чувствуемой»¹.

Новый главнокомандующий, помимо того, что он был самым старым из всех дееспособных полных генералов империи, единственный имел титул светлейшего князя. Этот фактор, а также концентрация почти неограниченной власти в одних руках внешне утихомирили генеральские страсти, хотя и не уменьшили количества недовольных. «Русская» партия не добилась поставленных целей, но у нее выбили главный козырь. Во главе армий был поставлен полководец с русской фамилией, имевший как ученик и продолжатель дела знаменитого А. В. Суворова популярность в армии, а также пользовавшийся поддержкой консервативных кругов дворянского общества. Кроме того, пропала даже видимая легитимная возможность вести какую-то борьбу. Субординация и дисциплина препятствовали этому, оставалось лишь выражать недовольство в частных разговорах.

С прибытием Кутузова к войскам кардинально изменился и расклад сил в армейских верхах. По свидетельству Ж. де Местра, новый

---

¹ М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. С. 66; Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1098–1099; *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 340; Материалы для истории войны 1812 года: Приложения к запискам Алексея Петровича Ермолова. С. 206–207.

главнокомандующий перед отъездом из Петербурга изъявлял желание определить на место начальника штаба маркиза Паулуччи, и даже договорился с ним об этом. Но в последний момент все же предпочел выполнить решение чрезвычайного комитета об употреблении Л. Л. Беннигсена («по собственному усмотрению») и отдал эту ключевую должность данному генералу, до того лишь состоявшему при Особе Его Величества без определенных обязанностей. Рескрипт о назначении Беннигсена был подписан 8 августа Александром I. Кутузов же встретил его по дороге в армию в Торжке и уговорил занять это место. Беннигсен следующим образом описал свою реакцию и возникшие сомнения: «Честолюбие и особое самолюбие, которое не может и не должно никогда покидать военного человека, внушало мне нежелание служить под начальством другого генерала после того, как я был уже главнокомандующим армиею, действовавшею против Наполеона...» Кутузов же сослался на «желание Государя». Скорее всего, эта идея принадлежала самому императору, он особенно не жаловал обоих военачальников, не доверял каждому из них, но, учитывая их личные качества, предпочитал держать вместе для взаимоконтроля. Нахождение под одной крышей этих двух маститых генералов, претендовавших на лавры полководцев и придерживавшихся совершенно противоположных методов ведения войны, очень скоро, как показали дальнейшие события, превратили их из друзей с 40-летним стажем в непримиримых конкурентов и противников. Именно их взаимоотношения определили разворачивание последующей борьбы в генеральской среде. В целом при оценке складывавшейся новой ситуации оказался прав не любивший и хорошо знавший в этом отношении Кутузова Багратион: «Теперь пойдут у вожды нашего сплетни бабы и интриги»¹.

Хотя Беннигсен и считался начальником штаба, Кутузов с самого начала попытался ограничить его влияние через своих доверенных лиц. Первоначально он использовал своего зятя — князя Н. Д. Кудашева, назначенного дежурным генералом, и свое доверенное лицо полковника П. С. Кайсарова. Близость к светлейшему и влияние на него этих двух молодых полковников на первых порах вызывали явное неудовольствие со стороны генералитета. Вскоре они были заменены, на первые роли вышли П. П. Коновницын и К. Ф. Толь, действия которых оказались более профессиональными и эффективными. Они сумели за короткий срок замкнуть на себе все

---

¹ *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 220; М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. С. 73; *Беннигсен Л. Л.* Письма о войне 1812 г. С. 70–71; *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 101.

реальные нити управления армейской жизнью и отрезать их от Беннигсена. Появился и другой фактор — важнейшую и ключевую должность в войсках стал занимать приведенный пополнение перед Бородинским сражением М. А. Милорадович, один из старейших полных генералов. К Кутузову он относился лояльно, хотя позволял себе критические высказывания в его адрес, но вряд ли разделял взгляды «русской» партии. К тому же, у него имелся солидный груз личных претензий к Багратиону, что наглядно проявилось, когда после оставления Москвы 2-я армия поступила под его начало. Вот как вспоминал С. И. Маевский этот момент: «Милорадович встретил штаб его длинною и несвязною речью, делал колкости памяти покойного Багратиона...» Кроме того, главнокомандующий 3-й Обсервационной армии А. П. Тормасов после соединения с частями адмирала П. В. Чичагова был переведен в главную квартиру, первоначально на место Багратиона, а затем он принял командование над войсками Главной армии, исключая авангард и отдельные отряды. За короткий срок своего пребывания при Кутузове он фактически не успел себя проявить и не занимал какой-либо особой позиции в генеральских интригах¹.

§ 2. Бородино и оставление русскими Москвы. Политический просчет Наполеона

На пути к Бородину

После Смоленска Наполеону окончательно стало ясно, что кампания приобретает затяжной характер. По свидетельству многих мемуаристов, он вновь, как в Вильно и Витебске, стал испытывать колебания относительно целесообразности дальнейшего продвижения вглубь России и даже намеревался остановиться на занятых рубежах. Во время его встречи с плененным генералом П. А. Тучковым, он не только приказал вернуть тому шпагу, но и попросил написать письмо брату (генералу Н. А. Тучкову) с предложением Александру I о мире. Поэтому в Смоленске Наполеон, столкнувшись в очередной раз с ди-

---

¹ Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 144; РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 28. Ч. 36. Л. 4. В личном разговоре с А. П. Тормасовым Александр I попытался объяснить причины его удаления к Главной армии и назначением П. В. Чичагова главнокомандующим: «Я думал, что он, как личный враг Наполеона, будет действовать с полной энергией; я ошибся». Тормасов отвечал на это: «Государь, и я никогда другом Наполеона не был» (цит. по: Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 109).

леммой: остановиться или продолжить движение вперед, должен был принять решение. Большинство соратников из окружения французского императора советовали «закончить кампанию на этой стадии»¹. Но тут же возникал вопрос — как закончить? Пока у противника оставалась боеспособная армия, военные действия будут продолжаться, царь не пойдет на подписание мира, да и политический резонанс в Европе от такого исхода дел был бы негативным. Наполеон не мог просто так остановиться и организовать оборону занятых рубежей. Наличие крупных резервов в России, по данным разведки, уже зимой 1813 г. увеличило бы силы русских войск и поставило бы Великую армию, вынужденную оборонять значительную территорию, в тяжелое положение. Императору такая зимовка не давала больших шансов на успех. По словам К. Клаузевица, Наполеон всегда ставил «весь выигрыш на карту до тех пор, пока не будет сорван банк»². Только постоянные победы могли поддерживать его престиж. Ему был нужен успех, поражение русской армии, выгодный мир, подписанный «на барабане». В выборе решения он проявлял известные колебания, но обстоятельства требовали продолжить преследование. Политическая необходимость закончить войну с Россией за одну кампанию, логика событий и надежда вот-вот догнать и разгромить русских заставляли его каждый раз идти вперед.

После назначения М. И. Кутузова общим главнокомандующим до его прибытия Барклай продолжал осуществлять формальное командование объединенными силами 1-й и 2-й Западных армий. В создавшейся обстановке они были вынуждены отступать по одной дороге. Впереди совершали отход войска Багратиона, за ними следовала армия Барклая, прикрывал это движение общий арьергард. В историографии господствует мнение, что после Смоленска Барклай стал сторонником генерального сражения. Так, уже 10 (22) августа была выбрана позиция у д. Умолье, где обсуждался вопрос: давать сражение или нет. Позиция была найдена слишком тесною. Однако представляется, что отношение Барклая де Толли к этому вопросу было более сложным.

По оценкам Барклая, противник в это время располагал силами в 150 тыс., поэтому численное неравенство диктовало необходимость дальнейшего отступления. В тот же день, 10 (22) августа, он писал царю: «Имея постоянно дело с неприятелем, превосходным в силах, я постараюсь вместе с князем Багратионом уклониться от генераль-

---

¹ *Fain*. Manuscrit de de mil huit cent douze. Т. 1. P. 330; *Hourtoulle F. G.* Davout terrible. Paris, 1975. P. 248.

² *Клаузевиц*. 1812 год. С. 180.

ного сражения. Однако наше положение таково, что сомнительно, чтобы это нам удалось». Как видно из письма, он решил оттягивать решительное столкновение с противником до Гжатска или Вязьмы, куда предписал прибыть резервным войскам генерала М. А. Милорадовича. Через четыре дня тон Баркляя несколько меняется. 14 (26) августа он уже писал, что скоро наступит «минута, когда военные действия могут принять благоприятный оборот», так как противник, сконцентрировав все наличные силы, «ослабляется с каждым делаемым им вперед шагом и с каждым боем», а русские армии должны были, получив подкрепления Милорадовича в районе Гжатска — Вязьмы, «действовать наступательно». Но пока армия «не усилится резервами, они составляют единственную силу России... Поэтому нужно, насколько возможно, сохранить ее и отнюдь не подвергать ее опасности поражения, действуя... совершенно в разрез с желанием противника, который сосредоточил все свои силы для решительной битвы». Далее Барклай высказал надежду, что когда вскоре Наполеон вынужден будет рассредоточить свои силы, тогда «должны начаться наши наступательные действия»¹. Предполагали остановиться под Вязьмой, но выяснилось, что там нет удобной позиции, и продолжили отход. Фактически Барклай решил давать генеральное сражение лишь в крайнем случае и, возможно, даже постараться избежать столкновения с главными силами противника.

Тактика Баркляя очень раздражала Наполеона. Но уже 10 (22) августа корпуса Великой армии продолжили преследование, и Наполеон потребовал от маршалов сведений о русских армиях. На флангах двигались войска Э. Богарне и Ю. Понятовского, слева — 4-й армейский корпус от Духовщины, справа — 5-й (польский) корпус от Ельни. Движение происходило «через леса и болота, без хорошей топографической карты, без проводников...», а ориентировкой служили «звуки орудийных выстрелов»². Не в лучшем положении находились войска авангарда под командованием Мюрата, следующие по главной дороге. Барклай применял тактику «выжженной земли», не оставляя ничего французам, а жители покидали населенные пункты. Наполеон же, чтобы в любой момент быть готовым к генеральному сражению, сконцентрировал все имеющиеся силы, войска при этом испытывали недостаток продовольствия. Если Поня-

---

¹ Переписка императора Александра и Баркляя де Толли в Отечественную войну после оставления государем армии // Военный сборник. 1903. № 11. С. 259, 261–262.

² *Беляев В.* К истории 1812 года. С. 83–84; *Labauve E.* Op. cit. P. 121–130; Из записок генерала Яна Вейссенгофа // Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 218.

товскому и Богарне была поставлена задача обходить фланги Барклая, то авангард Мюрата старался вытеснить русских быстрым продвижением. Делалось все, чтобы заставить русские армии вступить в сражение. Командующим корпусами на флангах Великой армии Наполеон также отдал приказание активизировать действия. Кроме того, он предписал корпусу К. Виктора (последний стратегический резерв) вступить в пределы России, а корпусу маршала Ш. П. Ф. Ожера приблизиться к русским границам.

Барклай видел реальную угрозу обхода своих флангов. Вытеснение русского арьергарда, как, например, 14 (26) августа, с учетом фланговых движений противника приводило к решению оставить позиции, которые выбирались для возможного сражения. Наконец 17 (29) августа была найдена позиция у Царева-Займища, где, вероятно, Барклай намеревался дать большой бой — начали строить укрепления и готовиться к отражению неприятеля. Но М. И. Кутузов, прибывший к войскам, дал приказ о дальнейшем отступлении. Это решение во многом было мотивировано необходимостью подхода сил московского ополчения и распределением по частям войск Милорадовича.

Российский император, назначив нового главнокомандующего, не дал ему четких инструкций и, по-видимому, ему предоставлялась в этом отношении большая самостоятельность. Хотя Александр I в личной беседе с ним не мог не выразить свое отношение к происходящему, Кутузов как новое лицо, естественно, не придерживался точно во всем взглядов Барклая, впрочем, как и Багратиона. У него сформировалось собственное мнение и, надо сказать, более гибкое, чем у Барклая, что в немалой степени диктовалось личными качествами нового главнокомандующего. Например, он учел настойчивое требование армии дать сражение, так как понимал, что дальнейшее отступление без боя может подорвать моральное состояние войск. Но логика событий и остающееся численное неравенство сил вынуждали Кутузова продолжить избранную Барклаем тактику отступления до с. Бородино. Только здесь было решено дать генеральное сражение на заранее выбранной позиции. По данным разведки, представленным Г. Ф. Орловым, численность Великой армии на тот момент оценивалась в 165 тыс. чел. Хотя Кутузов полагал «донесение Орлова несколько увеличенным», он считал, что перевес сил все еще остается на стороне противника. К. Ф. Толь тогда оценивал силы Наполеона в 185 тыс., П. И. Багратион — в 130–140 тыс.¹

---

¹ М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. I. С. 98–99, 448; *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. С. 88.

По данным французской разведки, представленным Наполеону перед Бородино, численность русских сил, вероятно, оценивалась в 110 тыс. бойцов¹. Необходимо заметить, что после Смоленска войсковая разведка Наполеона уже находилась в кризисном состоянии. Французская конница иногда находилась в движении с 3 часов утра до 10 вечера. Легкая кавалерия уже подкреплялась кирасирскими полками, так как не выдерживала нагрузок, и дороги «были покрыты конскими трупами». По свидетельству А. Коленкура, «император каждый день, каждый миг лелеял мечту настигнуть врага. Любую цену он хотел добыть пленных: это было единственным средством получить какие-либо сведения о русской армии, так как их нельзя было получить через шпионов, сразу переставших приносить нам какую-либо пользу, как только мы очутились в России... Наши переходы были слишком большими и быстрыми; а наша слишком истомленная кавалерия не могла выслать разведочные отряды и даже фланговые патрули. Таким образом, император чаще всего не знал, что происходит в двух лье от него. Но какую бы цену ни придавали захвату пленных, захватить их не удавалось. Сторожевое охранение у казаков было лучше, чем у нас; их лошади, пользовавшиеся лучшим уходом, чем наши, оказывались более выносливыми при атаке...»²

Лишь достигнув примерного равенства сил, М. И. Кутузов решил дать генеральное сражение, чтобы не допустить французов к Москве. 22 августа (3 сентября) русские армии подошли к с. Бородино, где по предложению генерал-квартирмейстера полковника К. Ф. Толя и генерала Л. Л. Беннигсена была выбрана плоская позиция протяженностью до 8 верст. Она представляла собой холмистую равнину, покрытую кустарником и перелесками, а через местность протекало несколько речек, русла которых проходили по глубоким оврагам. С левого фланга ее прикрывал труднопроходимый Утицкий лес, а правый, проходивший по высокому берегу р. Колочи, заканчивался у д. Маслово, где были воздвигнуты Масловские флеши. Правый фланг имел естественные препятствия, а левый и центр позиции находились на открытой местности. Поэтому в центре был построен люнет (батарея «Раевского»).

Первоначально на левом фланге у деревни Шевардино построили редут, но после ожесточенного боя 24 августа (5 сентября) русские оставили его. Для обеих сторон это дело по существу являлось разведкой боем. К 26 августа (7 сентября) на левом фланге были возведены Семеновские (Багратионовы) флеши. Правый фланг занимали

---

¹ РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 278. Л. 10–10 об.

² *Коленкур А.* Указ. соч. С. 124–125.

боевые порядки 1-й Западной армии, на левом стояли части 2-й Западной армии, а Старую Смоленскую дорогу у деревни Утица прикрывал, выделенный из состава 1-й армии, 3-й пехотный корпус (командир генерал Н. А. Тучков). В резерве находились 5-й гвардейский корпус и часть кавалерии. Русские занимали оборонительное положение и были развернуты в форме буквы «Г», так что 1-я армия из-за рельефа избранной позиции оказалась повернутой к противнику не фронтом, а флангом. Такое расположение объяснялось тем, что Кутузов стремился контролировать ведущие к Москве Старую и Новую Смоленские дороги и у него возникли серьезные опасения в возможности обходного движения противника справа. Это было чисто оборонительное и растянутое построение войск, а Кутузов был не уверен, на каком направлении противник будет наносить главный удар. Учитывая численное преимущество французов, он принял решение «привлечь на себя силы неприятельские и действовать соответственно его движениям». Затем, истощив противника, нанести ему контрудар. На случай неудачи было отыскано несколько дорог для дальнейшего отступления¹.

Наполеон же, имея слишком мало сведений о расположении русских частей, лично 25 августа (6 сентября) произвел рекогносцировку, во время которой сделал закономерный вывод о неудобстве наступления на правый фланг русских войск через овраг р. Колочи и наметил для главных атак центр и левый фланг, как наиболее слабые пункты позиции². Для чего ночью 26 августа (7 сентября) он перевел основные силы через р. Колочу, оставив для прикрытия собственного левого фланга лишь несколько кавалерийских и пехотных частей. Даву перед сражением предлагал совершить рискованный обходной маневр против левого фланга русских через Утицкий лес, но и это не было сделано за отсутствием карт и точных сведений о местности³. Наполеон боялся, что русские, заметив обходное движение, снимутся с занимаемых позиций и продолжат фабианскую тактику отступления. Он предпочел обходам лобовые атаки русских построений.

Накануне сражения солдатам Великой армии было зачитано лаконичное воззвание Наполеона: «Солдаты! Вот сражение, которого

---

¹ Павленко Н. Некоторые эпизоды Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1941. № 5. С. 31.

² РГВИА. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1859. С. 165; Вуммер А. Бородинский бой // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 116; Pellet. *Batalle de la Moskwa*. Paris, s/a. P. 112–114.

³ Воспоминания генерала Ван-Дедема о кампаниях 1812 и 1813 г. // Исторический вестник. 1900. № 7. С. 226; Hourtoulle F. G. Op. cit. P. 255.

вы так желали. Победа в ваших руках. Она нам необходима. Она даст нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение домой! Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, под Фридландом, Витебском и Смоленском, и потомки вспомнят с гордостью о ваших подвигах в этот день и скажут о вас: и он был в великой битве под стенами Москвы!»¹ Русские же полки перед сражением с церковным пением обнесли икону Смоленской Божьей матери, вывезенную из оставленного Смоленска.

Перед сражением русские войска имели под ружьем примерно 150 тыс. чел. (из них 9,5 тыс. казаков и 28 тыс. ополченцев) и 624 орудия. Во французской армии в строю находилось 135 тыс. чел. и 587 орудий. В целом вопрос о точной численности сторон является до сих пор предметом научных споров среди историков.

Бородинская битва

Сражение началось около 6 часов утра атакой частей корпуса вице-короля Э. Богарне на позицию л.-гв. Егерского полка у с. Бородино. Французы овладели этим пунктом, но это был их отвлекающий маневр. Почти в это же время Наполеон обрушил свой главный удар против 2-й Западной армии. Корпуса маршалов Л. Н. Даву, М. Нея, И. Мюрата и генерала А. Жюно несколько раз атаковали Семеновские флеши. Когда замысел противника против русского левого крыла стал очевиден, Багратиону передали войска с соседних участков и большую часть резервов. 1-я армия начала перегруппировываться, 2-й, затем 4-й пехотный корпус получили приказ быстро идти на помощь левому флангу и центру, но прибыть одновременно туда они не успевали из-за значительной удаленности их первоначального местоположения от указанных пунктов. Части 2-й армии героически сражались против превосходящего в силах противника. Первые атаки пришлись на позиции 2-й сводно-гренадерской дивизии генерала М. С. Воронцова и 27-й пехотной дивизии генерала Д. П. Неверовского. Затем в боевое соприкосновение с противником были втянуты остальные части 2-й армии, подходившие подкрепления сразу же вступали в бой. Атаки отбивались плотным ружейным и артиллерийским огнем, напор наступающих сдерживался и кровопролитными рукопашными схватками. Французы неоднократно врвались на флеши, но всякий раз после контратаки оставляли их. Лишь к 9 часам они окончательно овладели укреплениями русского левого фланга, а попытавшийся организовать в это время очередную

---

¹ Цит. по: *Лашук А.* Указ. соч. С. 523.

контратаку Багратион получил смертельное ранение и окончательно выбыл из строя. Командование над 2-й Западной армией принял сначала генерал П. П. Коновницын, а затем Д. С. Дохтуров. Русские войска отошли за Семеновский овраг (примерно на одну версту) и продолжали отбивать яростные атаки противника. В литературе преобладает мнение, что французы взяли флешы к 12 часам, и тогда же был ранен Багратион. Данную точку зрения впервые изложил К. Ф. Толь, стремившийся задним числом перевести часовую стрелку во избежание нареканий за первоначально неудачное расположение войск и постоянное запаздывание с вводом в бой подкреплений. Эту доминировавшую в науке долгое время версию опровергают последние исследования¹.

После захвата флешей главным событием стала борьба за центр русской позиции — батарею «Раевского». Этот опорный пункт, господствовавший над местностью, после 9 часов утра подвергся сильной атаке противника. Во время этой атаки войскам Э. Богарне удалось овладеть высотой, но вскоре они были выбиты после успешной контратаки нескольких русских батальонов. В плен попал израненный штыками генерал Ш. О. Бонами, а у русских погиб командующий артиллерией генерал А. И. Кутайсов. В полдень казаки М. И. Платова и 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Ф. П. Уварова (всего 5 тыс. сабель) совершили рейд в тыл левого фланга Великой армии, что оказалось неожиданным для Наполеона. О результатах этой диверсии ведется спор среди историков (из всех крупных военачальников только Платов и Уваров не получили наград)². Но демонстрация русской конницы отвлекла внимание французского императора и заставила почти на два часа задержать готовящийся штурм ослабленного русского центра, что позволило Барклаю де Толли перегруппировать силы и выставить на переднюю линию свежие войска.

Лишь около 15 часов дня наполеоновские части предприняли третью атаку на батарею «Раевского». Защитников высоты осыпал смертоносный огонь из 300 орудий, а на приступ были брошены три дивизии, подкрепленные фланговой атакой кирасир генерала О. Коленкура (погиб во время атаки). Комбинированные действия пехоты и конницы привели к успеху, и французы окончательно захватили и это укрепление (в плен попал израненный генерал П. Г. Лихачев). Русские отошли на 800 метров, но прорвать новый

---

¹ См.: *Васильев А., Ивченко Л.* Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // *Родина.* 1992. № 6–7. С. 62–67.

² См.: *Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. С. 77–84.

фронт их обороны противник не смог, несмотря на упорные атаки двух кавалерийских корпусов.

На крайней оконечности левого фланга у деревни Утицы после 15 часов дня польский корпус Ю. Понятовского после третьей попытки оттеснил русские части от Утицкого кургана, вынудил их отойти и встать на одну линию с войсками, ранее оборонявшими Семеновские флеши.

На всех основных участках французы смогли достичь некоторых тактических успехов — русские оставили первоначальные позиции и отступили примерно на 1–1,5 версты. Поредевшие русские полки стояли, готовые встретить новые атаки. Находясь до 16 часов на Шевардинском редуте, Наполеон получал информацию только от командиров атакующих частей: о минимальном продвижении, стойкости русских войск и требовании подкреплений. После взятия батареи «Раевского» французский полководец по предложению А. Бертье осмотрел поле сражения в районе д. Семеновская и, увидев русские части, готовые вновь встретить французов, окончательно, несмотря на неоднократные просьбы его маршалов, отказался ввести в дело для завершающего удара Старую гвардию.

До 20 часов противные стороны вели интенсивную артиллерийскую и ружейную перестрелку, а вечером французские части были отведены на исходные рубежи. Кутузов намеревался на следующий день продолжить сражение, но, узнав о собственных потерях в войсках (40–50 тыс. чел.; практически перестала быть боеспособной 2-я Западная армия), отказался от принятого им накануне решения возобновить битву на следующий день и около полуночи приказал начать отступление к Москве. «Когда дело идет не о славах выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии... — писал он, — я взял намерение, отступить 6 верст...»¹

Это сражение недаром получило название «битвы генералов»: у русских было убито или смертельно ранено четыре и ранено 23 генерала; среди французского генералитета еще больше: 12 — убито и 38 — ранено. Примерно на 35 тыс. убавился личный состав армии Наполеона. Количество захваченных в плен с обеих сторон оказалось примерно одинаковым — по 1 тыс. чел. и одному генералу. В литературе встречаются самые разноречивые факты о потерях сторон, в целом спорным является до сих пор и вопрос о победителе. Иностранные авторы, как правило, отдают предпочтение Наполеону, большинство

---

¹ М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. I. С. 154.

же отечественных историков — Кутузову, лишь немногие считают итог ничейным¹.

Необходимо признать, что ни один из противников не решил поставленных задач и не добился существенных результатов. Наполеон не разгромил русскую армию, Кутузов не защитил Москву. Бездоказательно выглядит бытовавшее в советской литературе утверждение, что Наполеон потерпел поражение в этой битве². Инициатива весь день была в его руках, французы постоянно атаковали, а все их полки и дивизии к концу дня сохранили боеспособность. На направлении главного удара французский полководец умело создавал превосходство во всех видах оружия, особенно в концентрации мощи артиллерийского огня, что было одной из причин крупных потерь среди русских войск. Несмотря на явные первоначальные просчеты в расположении частей, Кутузов смог, хотя и дорогой ценой, латая дыры в обороне, перестроить боевые порядки и держать войска в одну линию, из-за чего его противник постоянно был вынужден вести лобовые атаки. Сражение превратилось во фронтальное столкновение, в котором у Наполеона шансы для окончательной победы над армией с такими боевыми качествами, как русская, оказались минимальными и были сведены к нулю. Есть и авторы, которые утверждают, что Наполеон в этот день страдал насморком и «лихорадочной мигренью», с трудом садился на лошадь, и именно в силу своего плохого физического самочувствия не смог разгромить русских. В то же время почему-то не упоминают о старческих недомоганиях Кутузова, уж он-то точно, в силу своей немощи, редко взбирался на лошадь. Сам же Кутузов в докладах царю по горячим следам изображал «баталию» как бесспорную победу русского оружия. При этом умудрился слово «победа» не употребить, о ней свидетельствовал виртуозно написанный текст³. Правда, позже у него возникли трудности с объяснением отхода русских войск к Москве, а потом уж и за Москву. Несколько затруднительно было объяснять после одержанной «победы» свое отступление ссылками на «чрезвычайную потерю» с нашей стороны, на выбытие из строя раненых «нужных генералов», затем в ход пошла версия о нераздельной связи оставления Москвы «с потерей Смоленска». Трудно одно-

---

¹ Историографический разбор мнений о сражении см.: *Ивченко Л. Л.* Бородинское сражение: История русской версии событий. М., 2009.

² См., напр.: *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 394.

³ См. все тексты рапортов М. И. Кутузова о Бородинском сражении Александру I: М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 154–155, 161–168, 445–458.

сложно оценить бородинскую реляцию Кутузова, можно ли назвать ее прямым обманом императора или умело составленной дезинформацией, или хорошо рассчитанной придворной комбинацией.

Написана она была мастерски, вполне в духе XVIII столетия, даже была сказана почти правда, но далеко не вся. Но его первые рапорты сделали свое дело. Радостный император («чудовищу» нанесли поражение!) не скупясь через пять дней после сражения «в вознаграждение достоинств и трудов» произвел его в генерал-фельдмаршалы, пожаловал сто тысяч рублей, а его жену сделал статс-дамой Двора¹. Глаза Александра I, по-видимому, открывались на истинную картину происшедшего постепенно, по мере получения дополнительной информации. Положение старого военачальника оказалось незавидным, но император уже не мог изменить то, о чем он известил всю Россию. Как-то было не с руки отменять «победу», да и как уволить признанного «победителя», к тому же еще только что произведенного в генерал-фельдмаршалы. Нужно было сохранять правительственную версию, подождать, пока не прояснится и не изменится ситуация дальше. Главное — существовала армия, значит, не все было еще потеряно.

Необходимо рассматривать последствия Бородино для судеб каждой армии. Русские войска, находясь на своей территории, за короткий срок все же имели шанс восстановить численность своих рядов. Для Наполеона самым ощутимым оказалась большая убыль конного состава. Бородино стало кладбищем французской конницы, что пагубно сказалось во время второго этапа войны.

«Высочайшая» оценка первого периода войны

Уместно в данном случае, привести оценку ситуации первого периода войны, сделанную по горячим следам самим Александром I. Фактически русский самодержец выступил первым историком кампании 1812 г. 5 (17) сентября 1812 г. российский император отправил письмо адмиралу П. В. Чичагову, где счел необходимым дать критическое описание хода реализации плана с начала войны с разбивкой на 1-ю и 2-ю Западные армии. Русский монарх тогда следующим образом охарактеризовал действия каждой армии и их главнокомандующих: «Первая хорошо выполнила условленный план до берегов Двины. 6 корпусов, из которых она состоит, развернулись и сосредоточились под носом у противника, без того, чтобы ему хоть раз удалось окружить их, или перехватить хоть один гусарский патруль. Что

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 1. СПб., 1876. С. 79–80.

же касается второй, то кн. Багратион, по получении известия о разрыве, вместо того, чтобы двинуться, согласно данному ему приказу, начал мешкать и потерял два или три дня, вследствие чего неприятель получил возможность предупредить его в Минске на несколько часов. Там кн. Багратион сделал вторую ошибку, а именно для переправы через Березину у Борисова не форсировал Минска; неприятель мог прибыть туда только с авангардом в 6000 человек, а во второй армии было под ружьем 60 000. Вместо этого кн. Багратион сделал громадный обход, двинувшись через Несвиж и Слуцк на Бобруйск, что, помимо потери времени и обусловленного этим бесполезного движения, еще и удаляло обе армии одну от другой, вместо того чтобы сблизить их. Эта ошибка повлекла за собой другие. Первая армия — вместо того, чтобы оставаться на Двине, как было условлено, вынуждена была двинуться, вследствие этого, влево, чтобы приблизиться ко второй армии и облегчить этим путем их соединение. Между тем, вместо того, чтобы переправиться через эту реку в Будилове или Бешенковичах, военный министр заставляет ее напрасно отступать до Витебска, а затем до Поречья, чтобы двинуться оттуда на Смоленск, тогда как это можно было бы сделать через Сенно гораздо скорее. В то же время вследствие первой ошибки неприятель предупредил 2-ю армию на переправе через Днепр у Могилева, и кн. Багратион, имевший лишь полунамерение напасть на Даву, дал там только славный для наших войск, но бесполезный бой, ибо ввел в дело только две дивизии своей армии, вместо того, чтобы сделать это со всеми своими силами, если он желал непременно овладеть этим пунктом; таким образом, после этого боя ему пришлось переправляться через Днепр у Старого Быхова, что он мог бы вполне благополучно сделать и раньше, не давая боя при Могилеве. Неприятель совершил тут, в свою очередь, громадную ошибку, предоставив обеим армиям возможность соединиться в Смоленске, чему он мог, конечно, помешать, двинувшись из Орши и Могилева к Смоленску».

Читая строки цитируемого письма («вместо того, чтобы», «вследствие первой ошибки», «ошибка повлекла за собой другие» и т. д.), поневоле хочется охарактеризовать автора (даже не зная, что это сам самодержец) как схоласта и типичного кабинетного стратега, абсолютно далекого от практики. Далее Александр I, продемонстрировав свои не самые лучшие качества, в том же духе очертил действия Барклая под Смоленском: «Нерешительные действия... которые повели к движению неприятеля на Москву и к полной утрате доверия к нему со стороны армии и всего народа, явившейся естественным последствием его ошибок». Коснулся он и темы назначения единого

главнокомандующего: «У меня не было большого выбора; генерал Кутузов был единственным у меня под руками, и общественное мнение намечало его на этот пост. Славные дни 24, 25 и 26 августа, когда Наполеон был совершенно отбит и вынужден отступить, несмотря на все его усилия, оправдали до некоторой степени этот выбор».

Не будем в данном случае разбирать многие ошибки и заблуждения самого императора (все великие политики часто винят и с удовольствием критикуют других, но только не самих себя). Но поразителен вывод, который был сделан русским монархом, и он очень важен для нашей темы: «Несмотря на все только что перечисленные мною вам обстоятельства и нисколько не считая положение наших дел плохим, несмотря на то, что Наполеон находится в сердце России, я усматриваю именно в этом выгодные для нас шансы, могущие заставить его раскаяться в том способе действий, на который он отважился»¹. Письмо писалось как раз в момент выработки нового плана действий на второй период войны (известный исследователям как Петербургский план). Автор письма еще не знал тогда о сдаче Москвы, но уже написал Чичагову, что направил к Кутузову, а затем к нему полковника А. И. Чернышева с новым планом войны. План был составлен в самом конце августа, так как 31 августа был отправлен Кутузову из Петербурга. Здесь важно отметить другое обстоятельство. Предложенный Александром I в конце августа план окончательного разгрома войск Наполеона в России (как бы его не критиковали советские историки) основывался, сохранял преемственность (по многим элементам) и логически вытекал из стратегической концепции борьбы с французской империей, концепции «истощения» сил противника, разработанной и принятой к исполнению русским командованием еще перед началом войны.

Оставление Москвы

Главным вопросом после Бородино для обеих сторон стала проблема Москвы. Для Наполеона древняя столица была нужна как доказательство победы при Бородино и как крупный козырь в переговорах для заключения мира. Он не знал, будет ли Кутузов давать еще одно сражение за Москву. Он пытался фланговыми движениями 4-го и 5-го корпусов, продвигавшихся параллельно главной дороге, и давлением с фронта авангардом Мюрата вытеснить русскую армию и без боя войти в столицу.

---

¹ Письма Императора Александра I адмиралу Чичагову // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 210–211.

Кутузов отдавал себе отчет в том, что Наполеона в Москву толкает политическая необходимость. Его переписка с различными лицами в этот период свидетельствует, что он готовился к еще одному сражению перед Москвой. Но недостаток свежих резервов, а также сведения об угрозе обхода противника с флангов заставили его принять окончательное решение об оставлении Москвы во время военного совета в Филях 1 (13) сентября. Именно там, во время исторического военного совета, решавшего судьбу Москвы, имело место первое крупное столкновение генеральских амбиций на профессиональной почве после назначения Кутузова. Причем национальный аспект, столь зримый еще совсем недавно, вообще не имел места, хотя именно «немцы» играли все первые роли. Позицию на Воробьевых горах для предстоявшего сражения выбрал и предложил К. Ф. Толь, а главными спорщиками-оппонентами по уже неоднократно поднимавшемуся вопросу «сражаться или отступить» стали Барклай и Беннигсен. Как известно, на совете среди генералов возникли разногласия. Первым, кто высказался за оставление Москвы, был Барклай, уверяя, что и император «без сомнения одобрит подобную меру»¹. Генералы с русскими фамилиями как будто забыли о своей этнической принадлежности и в этой драматической ситуации вынуждены были присоединиться к одной из точек зрения, высказанной «немцами». Лишившись Багратиона в Бородинской битве, «русская» партия уже не могла выступать консолидировано. Ее представителям не удалось даже внятно сформулировать свое понимание ситуации. В большинстве своем они поддержали мнение Беннигсена о необходимости нового генерального сражения во имя спасения первопрестольной столицы. Но сама личность Беннигсена вызывала у многих генералов раздражение. Это обстоятельство не позволило объединиться и выступить против отступательной идеи Барклая.

Кутузов, инициировавший обмен генеральских мнений, занял самую удобную в тех обстоятельствах позицию. Он встал над схваткой и выступил в роли судьи с заключительным вердиктом о неизбежном оставлении Москвы. Многие генералы-участники совета впоследствии сильно переживали «уступление» Москвы, оправдывались или находились в подавленном состоянии. Гостивший у П. П. Коновницына в начале 1813 г. А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Редкий день проходил без того, чтобы он не упоминал мне о сем обстоятельстве, присовокупляя каждый раз: “Я не подавал голоса к сдаче Москвы и в военном совете предложил идти на неприятеля”». Д. С. Дохтуров по горячим следам в письме к

---

¹ Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. С. 80.

жене 3 сентября писал: «Я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас!.. Какой стыд для русских покинуть отчизну без малейшего ружейного выстрела и без боя. Я взбешен, но что же делать?.. после всего этого ничто не заставит меня служить»¹.

Необходимость сдачи столицы диктовалась обстановкой, и Кутузов фактически продолжил тактику, проводимую Барклаем. Интересно отметить, что аргументация Барклая и Кутузова была схожа с мыслями, высказанными в уже цитированной записке П. А. Чуйкевича. Прочитируем слова, приписываемые Кутузову: «С потеряннием Москвы не потеряна еще Россия и что первою обязанностью поставляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю...» После оставления Москвы 4 сентября Кутузов писал Александру I: «Пока армия... цела и подвижна известною храбростию и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества»². 2 (14) сентября российская армия оставила город, в тот же день в него вступили части Великой армии.

В стане Наполеона царило приподнятое настроение. Французские мемуаристы свидетельствуют, что солдаты Великой армии надеялись обрести в Москве мир, так как конечная цель похода была достигнута. Наполеон также был уверен, что после оставления столицы русские пойдут на мирные переговоры. Французы вступили в Москву, но эвакуация города произвела тяжелое впечатление на императора и армию. Однако еще большее действие было от московского пожара. Тема о причинах знаменитого пожара, как ни парадоксально, также до сих пор остается дискуссионной. Мало, но встречаются еще историки, полагающие, что именно Наполеон сжег Москву в 1812 г. Другой вопрос, что такой тезис лишен элементарной логики и имеет откровенную цель обвинить французского императора во всех тяжких грехах. Наполеон, войдя в Москву и даже будучи «кровожадным злодеем», безусловно, не был заинтересован в подобном пожаре. Целая, не сожженная «белокаменная» столица ему была нужна с политической точки зрения. Да и чисто военная целесообразность отнюдь не диктовала подобной крайней меры. Наоборот, какой главнокомандующий для места расположения своих главных сил выбрал бы пепелище, да еще им самим подготовленное? Возникновение пожара оказалось для Наполеона неожиданным, именно он вынужден

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 314; Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1098–1099.

² М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. I. С. 221, 234.

был организовать борьбу с огнем, да и в итоге Великая армия значительно пострадала от последствий пожара.

Кутузову в это время было крайне важно оторваться от Великой армии. И в этом ему очень помог пожар Москвы. Справедливости ради укажем, что отступающие русские войска предавали огню и разорению все оставляемые противнику деревни и города. Например, А. И. Михайловский-Данилевский, вспоминая отход армии, когда «каждый день ознаменован был пожарами», писал: «Мы не помним ни одного вечера, в который бы не видели по захождении солнца зарева зажженных городов и селений. Помещики, находясь часто в числе военных, взирали издали на истребление наследия предков своих или вотчин, полученных ими в награду службы»¹. Не вдаваясь в подробности причин пожара Москвы и основываясь на работе И. И. Полосина², исследовавшего хронологию и географию пожара, укажем, что в основном горели южные районы города. Фактически это дало возможность задержать Наполеона у города, а Кутузову совершить знаменитый тарутинский марш-маневр. Собственно, о маршруте дальнейшего отступления разгорелся спор еще на военном совете в Филях. Но Кутузов выбрал сначала Рязанскую дорогу, а затем, используя демонстративное движение части русской кавалерии к Бронницам, скрытно перешел на Калужскую дорогу. После флангового марша все дороги, кроме Можайской, Кутузов блокировал уже собранными ополченскими частями. Новое расположение русской армии само по себе таило угрозу коммуникационной линии Великой армии. Как написал своей жене Д. С. Дохтуров: «Вчера мы перешли на старую Калужскую дорогу и загородили соединение неприятеля с Смоленском; это самый лучший маневр, что мы могли сделать после всех глупостей и нерешимостей начальников наших. Дай Боже, чтоб они сделались благоразумнее и пользовались выгодами, которые злодей наш им кладет в рот»³.

Ложные движения казачьих частей поставили в тупик Мюрата, не ведавшего о направлении отступления Кутузова. Он на несколько дней потерял русскую армию из виду. Оценивая маневр Кутузова к Тарутину, Наполеон считал, что «противник направился к Киевской дороге, его цель очевидна: получить в подкрепление Молдавскую

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Два отрывка из истории 1812 года // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 501.

² Полосин И. И. Кутузов и пожар Москвы 1812 г. // Исторические записки. Т. 34. М., 1950. С. 146, 152–154, 158, 163.

³ Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1099.

армию»¹. На самом деле Кутузов этим маневром занял фланговую позицию по отношению к Москве и дороге на Смоленск, которая в тот момент являлась главной артерией Великой армии.

Интуитивно Наполеон с самого начала русской кампании, возможно, чувствовал, что что-то идет не так. И когда вроде бы промежуточная цель оказалась достигнутой, все его попытки вступить в переговоры о мире оказались безрезультатными, а личные послания к Александру I остались без ответа. Причем российскому императору пришлось в этом вопросе столкнуться с образовавшейся тогда «партией мира», к которой причисляли и его близких родственников — великого князя Константина и императрицу Марию Федоровну². А после сдачи Москвы он успокаивал свою сестру Екатерину Павловну. 6 (18) сентября 1812 г. из Ярославля она отправила довольно резкое письмо Александру I о критическом отношении части общества по отношению к самому императору и результатам проводимой им политики. Екатерина Павловна писала в несколько панических и резких тонах: «Занятие Москвы французами переполнило меру отчаяния в умах, неудовольствие распространено в высшей степени, и вас самих отнюдь не щадят в порицаниях... Вас обвиняют громко в несчастиях вашей империи, в разорении общем и частном, словом в утрате чести страны и вашей собственной. И не какая-нибудь группа лиц, но все единодушно вас хулят... Я предоставляю вам самому судить о положении вещей в стране, где презирают своего вождя. Ради спасения чести можно отважиться на все что угодно, но при всем стремлении пожертвовать всем ради своей родины возникает вопрос: куда же нас вели, когда все разгромлено и осквернено из-за глупости наших вождей?» Александр I явно был задет за живое и отвечал в объемном послании, в котором высказал трезвый взгляд на положение дел в России в тот момент³. Несмотря на оказываемое с разных сторон давление родственников и самых различных партий в своем окружении, российский монарх не свернул с пути и продолжал четко и последовательно выдерживать выбранный перед войной курс.

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 24. Р. 235.

² Среди высших сановников к «партии мира» современники причисляли канцлера Н. П. Румянцева, а иногда А. А. Аракчеева, А. Д. Балашева (см., напр.: *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 2. Рига, 1886. С. 38, 62).

³ См. письмо Екатерины Павловны и ответ Александра I: *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 83–84, 86–93.

Интриги Тарутинского лагеря

Остановка в Тарутинском лагере имела для русских войск самые благотворные последствия. Как известно, Кутузов, осмотрев местонахождение лагеря, якобы сказал: «Теперь ни шагу назад». Армия не только отдохнула, но пополнила запасы и получила подкрепление. Но именно там после оставления Москвы вновь разыгрались генеральские страсти. А. С. Пушкин как-то обронил странную, на первый взгляд, фразу о том, что М. И. Кутузов оставался в «мудром деятельном бездействии в Тарутине»¹. На самом деле главнокомандующий и его военачальники продолжали активно действовать, правда, не на поле брани. Основным местом «действия» стали армейские штабы, где разыгрывались различные закулисные комбинации, а причина таилась в оскорбленном честолюбии и непомерных амбициях генералов. «Я в Главную Квартиру почти не ежду, — писал 7 (19) октября Н. Н. Раевский А. Н. Самойлову, — она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии эгоизм, несмотря на обстоятельства России, о коей никто не заботится»².

Высший генералитет и штабная молодежь «за глаза» критиковали нового главнокомандующего. «Критиков» Кутузова с лихвой хватало, и вполне понятно, почему. По словам Ф. В. Ростопчина, после оставления Москвы его называли то «предатель», то «темнейший», а многие офицеры громко заявляли, «что стыдно носить мундир». Сам же Ростопчин, стараясь всячески очернить Кутузова, явно сгущал краски; кроме того, распространял в армии копию своего письма (составленного в язвительном тоне) к Кутузову. Она ходила в рукописном виде и, по словам А. А. Шаховского, вредила «доверенности подчиненных к начальнику, от которого зависела судьба России»³. Среди тех генералов, кто неодобрительно и негативно отзывался о М. И. Кутузове, были многие известные лица 1812 г.: П. И. Багратион, М. Б. Барклай де Толли, Л. Л. Беннигсен, А. П. Ермолов, М. И. Платов, Н. Н. Раевский, Д. С. Дохтуров и др. Помимо личных и

---

¹ Вероятно, высказывание А. С. Пушкина навеяно строками из журнала «Сын Отечества»: «Победительное бездействие Кутузова при Тарутино и Лешешевки было пагубно для Наполеона». Там также было написано: «Кутузов был Ангелом хранителем для Русских в сие печальное время» (Сын Отечества. 1812. Ч. II. № VIII. С. 50).

² 1812–1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. С. 228.

³ *Ростопчин Ф. В.* Письма к своей супруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8. С. 464, 468; Воспоминания князя А. А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11. С. 395–396.

старых служебных обид генералы ставили ему в вину чисто профессиональные упущения: проигрыш Бородинского сражения, оставление Москвы без боя, разлад армейской системы управления, пассивность и бездеятельность в ведении военных действий. В доносах, поступавших из Тарутино в Петербург, фигурировало и обвинение, что главнокомандующий спит по 18 часов в сутки. Весьма любопытную реакцию на это заявление продемонстрировал генерал Б. Ф. Кнорринг: «Слава Богу, что он спит, каждый день его бездействие стоит победы». Не менее оригинально и живо тот же генерал отреагировал на другое обвинение («возит с собою переодетую в казачье платье любовницу»): «Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело»¹.

Следует отметить, что в тот момент в военных кругах новый главнокомандующий подвергался яростным нападкам, не менее жестким, чем в свое время под Смоленском Барклай. Письма к нему от императора, наполненные в этот период упреками и выговорами, дают полное основание считать, что Александр I в сложившейся критической ситуации был не просто недоволен Кутузовым, но и готовился при появлении веских оснований отстранить его от командования (на этот пост уже обсуждалась кандидатура П. А. Зубова)². И такая ситуация во многом связывала Кутузову руки: он не мог в одночасье расправиться со своими хулителями. В то время при армии находились имевшие большой вес в общественном мнении и носившие тяжелые генеральские эполеты Л. Л. Беннигсен, М. Б. Барклай де Толли, Ф. В. Ростопчин и Р. Вильсон — главные и гласные (как имевшие право писать царю) критики главнокомандующего.

Но в армии не было единой и хорошо организованной антикутузовской «партии», так как каждый из названных лиц имел свои резоны и преследовал собственные цели. Кроме того, большинство относилось к возможным коллегам по оппозиции не менее негативно, чем к верховному вождю армий. В этих условиях Кутузов получил пре-

---

¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. VII. М., 1903. С. 278.

² В. Р. Марченко вспоминал: «Граф Аракчеев не скрывал от меня, что государь день ото дня делается недоволен Кутузовым, и проговорился, что послал его в армию не по своей воле. Слухи, что доступ к нему очень труден, что большею частью спит или сидит с девками, переодетыми в казачье платье, происходили от Беннигсена, верившего человеку при нем бывшему, флигель-адъютанту князю Сергею Голицыну» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». С. 42).

имушество для борьбы с генеральской фрондой. Будучи человеком мудрым и хитрым, обладая огромным терпением и богатым опытом придворных и дипломатических интриг, он никогда не торопился, всегда соблюдал внешний политес и прилюдно оказывал знаки внимания и уважения в отношении генералов-конкурентов, но в то же время дожидался удобного момента, чтобы удалить или нейтрализовать соперника. Труднее приходилось с теми, кто находился вне его компетенции. Критика действий «светлейшего» раздавалась не только из стана русских воинов, но и от английского генерала Р. Вильсона, а также и от московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина, не в полной мере подвластных высшему командованию. С потенциальными конкурентами (критиками, которые могли «подсидеть») Кутузов, проявив терпение и незаурядные способности в закулисной борьбе, разобрался в течение 1812 г. Не любивший нового главнокомандующего Багратион выбыл из строя после Бородино; затем, можно сказать, добровольно сошел с дистанции оскорбленный Барклай де Толли; отдалился волею судьбы от центра событий Ростопчин. Перестали фактически существовать и штабы 1-й и 2-й армий — центры интриг и борьбы генеральского честолюбия.

Раздражающим фактором долгое время оставался лишь Беннигсен, единственный из высшего командного состава. Он же оставался притягательным звеном для всех недовольных Кутузовым, особенно в среде штабной молодежи. По словам В. И. Левенштерна, «центром злословий была квартира генерала Беннигсена. Там сходились, чтобы посмеяться над князем-главнокомандующим, даже те люди, коим он наиболее покровительствовал. Они видели в генерале Беннигсене преемника Кутузова и преклонялись перед восходящим солнцем»¹. Сам Беннигсен в письмах к Александру I полагал, что причина неурядиц с Кутузовым заключалась «в поведении полковника Толя, считающего себе за оскорбление, если он должен нести службу под моим руководством», «сколько раз забывался этот офицер по отношению ко мне», мало того, именно «этот офицер не имеет верных основных понятий относительно позиций и боевых порядков, почему единственно ему мы обязаны неудачей Бородинского сражения и большой потерей, понесенной нами в нем...»² Но после допущенных Беннигсеном тактических промахов во внутригенеральских разборках царь дал Кутузову карт-бланш на решение его участи, и главнокомандующий эффектно выслал из армии своего главного

---

¹ Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. С. 126.

² Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 238–239.

конкурента, причем смог отомстить Беннигсену с «изысканной жестокостью». Александр I вместе с наградами за Тарутинское сражение прислал в армию и письма Беннигсена с критикой главнокомандующего. Кутузов вызвал Беннигсена, заставил адъютанта читать свое собственное представление на Беннигсена за Тарутинское дело, затем вручил ему золотую шпагу с алмазами и пожалованные 100 тыс. рублей. После чего велел также громко читать донесение Беннигсена императору. Во время этого действия его начальник штаба «стоял, как будто гром разразил его, бледнел и краснел»¹. Не случайно Н. Н. Раевский еще в 1810 г. писал о нем: «С Кутузовым же и никому служить не безопасно, хотя, по моему мнению, он более других имеет способов командовать»². Но в разыгравшемся противодействии «Кутузов — Беннигсен» нельзя найти национальной подоплеки. Несмотря на то что у Беннигсена в армии имелось много личных недоброжелателей, вокруг него постоянно группировалась часть военной элиты с русскими титулованными фамилиями.

В рядах антикутузовской оппозиции имелись и фигуры второго ряда. Среди них следует особо выделить А. П. Ермолова. Активный участник «русской» партии в тарутинский период несколько присмирел, поскольку оказался отодвинутым и был фактически поднят штабным окружением Кутузова. В письме к А. А. Закревскому в начале октября он писал в своей обычной ироничной манере: «Я не бываю в главной квартире, не хожу к князю, не бывши зван, но сколько редко бываю, успел заметить, что Коновницын — великая баба в его должности. Бестолочь, страшная во всех частях, а канцелярия разделена на 555 частей или отделений, департаментов и прочее». Мало того, начальник штаба 1-й армии явно сожалел об убытии своего бывшего начальника Барклая: «Правда, что мы заместили Михаила Богдановича лучшим генералом, то есть богом, ибо, кажется, один уже он мешается в дела наши, а прочие ни о чем не заботятся»³. Сам же главнокомандующий относился к нему крайне настороженно и старался действовать осмотрительно. И не только из-за знания черт его независимого характера. У Ермолова продолжали существовать

---

¹ Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 115. Сам же Беннигсен писал Александру I: «Никогда, Государь, Вы не обращались так с лакеем, как обошелся со мною фельдмаршал. Он не соблаговолил даже ответить мне на мой поклон, и это перед многими генералами. Освободите меня, Государь, от этого унижительного и столь мало заслуженного положения» (Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 241).

² Архив Раевских. Т. I. С. 96.

³ СИРИО. Т. 73. С. 188–189.

свои, впрочем, непростые отношения с великим князем Константином и А. А. Аракчеевым, он мог в любой момент по своей должности напрямую написать письмо Александру I. Поэтому Кутузов старался «лишний раз не дразнить гусей» и даже закрывал глаза на вполне очевидные упущения и небрежное исполнение обязанностей с его стороны. Адъютант Кутузова В. И. Левенштерн следующим образом оценивал отношение главнокомандующего Кутузова к Ермолову: «Фельдмаршал, умевший расстраивать интриги, знал двоедущие генерала Ермолова и ловко умел держать его в должных границах». Далее он пояснял: «Высокое мнение, которое все имели о способностях этого генерала, начинало уже пугать самых влиятельных людей. Таким образом, Кутузов, не желая разделять своей славы с кем бы то ни было, удалил Барклая, оттеснил Беннигсена и обрек Ермолова на полнейшее бездействие. Генерал Коновницын, полковник Толь и зять Кутузова, князь Кудашев, были единственными поверенными его тайн»¹.

В Тарутинском лагере были и другие мелкие интриги и демарши генеральского неудовольствия. Как вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский, «в это время три предмета возбуждали всеобщее негодование: мародерство, поведение московского дворянства и поступки атамана Платова». Адъютант Кутузова оценивал происходящее глазами своего шефа и считал, что атаман «всех восстановил против себя и против казаков». Весьма интересно и другое откровение этого маститого историографа и мемуариста: «Платова и Барклая де Толли почитали в армии тогда главными виновниками бедствий России. Последствия доказали, сколь подозрения на второго из них были несправедливы...»² Из смысла сказанного следует, что как раз подозрения в отношении первого были правильными. Такая резкая оценка мемуариста была обусловлена, в первую очередь, антикутузовской позицией Платова в этот период. Донской атаман также причислялся к оппозиции, правда, не к числу ее главных лиц, а всего лишь ко второму ряду. Его разногласия не носили принципиального характера, а диктовались личностным фактором — неприязнью и мщением за прошлое со стороны Кутузова. Предводитель казачьих полков оказался одним из немногих высших генералов, не награжденных за Бородино, затем он был отрешен от командования арьергардом, а в Тарутинском лагере находился уже без всякой должности. Скорее всего, Платова, оставаясь он в бездействии, ждала судьба Беннигсена.

---

¹ Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. С. 116, 128.

² Записки А. И. Михайловского-Данилевского: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 153–155.

Об этом свидетельствовали не только нападки со стороны кутузовского окружения, но и циркулировавшие вдаль от армии слухи. Атаман предпринял в этот период ряд эффективных акций, включая массовое заболевание командиров казачьих полков — рапортование о болезни являлось тогда самой удобной формой демонстрации недовольства действиями высшего начальства.

Но окончательно выправил ситуацию английский генерал Р. Вильсон. Он как раз прибыл в Тарутино, взял Платова под свою защиту и, собственно, выступил посредником в налаживании отношений между Кутузовым и «вихорь»-атаманом. «Брат Вильсон» (платовское выражение) застал своего боевого товарища «безо всякой команды и удаленным от тех, кои почитают его равно как отца, так и начальника», а также пребывавшего «чуть ли на пороге смерти от огорчения и обиды»¹. Английский генерал стоял «на одних квартирах» с Платовым, часто у него обедал. Атаман подарил ему скакуна, снабжал вином и провизией с Дона. Новые акции против Платова неизбежно имели бы уже международный оттенок. В этом случае нетрудно было предугадать негативную реакцию Александра I. Кутузов это отлично понимал. Казачий предводитель оказался под английской защитой и стал недосягаем для новых уколов. Фигура донского атамана не устраивала главнокомандующего, но в этой ситуации требовалось ради общего блага попробовать заключить временное перемирие.

Это обстоятельство позволило Вильсону как посреднику между двумя конфликтующими сторонами быстро договориться. Британский представитель оказался искренне заинтересованным в прекращении затянувшегося конфликта между двумя русскими военачальниками. Ведь любые неурядицы в среде русского генералитета в тот момент были не на пользу Британской империи и входили в противоречие с ее интересами. Но как бы ни истолковывались мотивы поведения Вильсона, в конце сентября Платов вновь сел на коня и получил под свое командование казачий корпус². Так Кутузов примирился с существовавшей тогда «казачьей» партией в генеральских рядах, которую, в первую очередь, олицетворял знаменитый «вихорь»-атаман.

Вильсон, без всякого сомнения, выполняя секретные инструкции своего кабинета, играл весьма заметную роль на минном поле армейских интриг. В этом ему во многом помогали крепкая репутация

---

¹ Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 86, 148.

² Подр. см.: Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. С. 75–108.

«злейшего врага Наполеона» и личные дружеские связи среди русского генералитета. А вот с Кутузовым, в силу разного понимания методов достижения победы, отношения у него не сложились. Как представитель союзной державы Вильсон занимал в Главной квартире русской армии исключительное положение. Он имел право переписки с царем и в письмах резко критиковал действия главнокомандующего, но Кутузов, несмотря на их в высшей степени враждебные отношения, не мог его удалить из армии и поневоле был вынужден с ним считаться. Но немало претензий у Вильсона было и к Беннигсену. В то же время, заинтересованный в первую очередь в полном разгроме наполеоновской армии, он искренне пытался примирить для пользы дела не только Платова, но и Беннигсена с Кутузовым. Правда, взаимная вражда двух высших военачальников зашла так далеко, что эта попытка потерпела неудачу.

Если рассматривать борьбу Кутузова со своими оппонентами, можно отыскать только два момента, когда «недовольные» генералы имели шансы что-либо изменить в расстановке сил на высшем военном олимпе. Первый и вполне легитимный: это заседание знаменитого военного совета в Филях. Но в рядах генералитета тогда не существовало единой антикутузовской партии.

Второй момент возник уже в Тарутинском лагере, когда Кутузов решил встретиться с посланцем Наполеона Ж. А. Б. Лористонам. Это вызвало бурную негативную реакцию со стороны Вильсона. Как явствует из его бумаг, он был срочно вызван с аванпостов в Главную квартиру, где встретился с Беннигсеном и рядом генералов. «Они представили ему доказательства, что Кутузов в ответ на переданное через Лористона предложение Наполеона согласился этой же ночью встретиться с сим последним на Московской дороге... дабы обсудить условия соглашения “о незамедлительном отступлении всей неприятельской армии из пределов России”, каковое соглашение должно было послужить предварительной договоренностью к установлению мира». Далее была подтверждена «решимость генералов, которую поддержит и армия, не допустить возвращения Кутузова к командованию, ежели поедет он на сию ночную встречу в неприятельском лагере». Вильсону вместе с герцогами А. Вюртембергским и П. Ольденбургским, а также с князем П. М. Волконским удалось убедить Кутузова не ехать на переговоры, а лишь принять Лористона в русском лагере¹. Но никаких резких шагов со стороны русского генералитета не последовало, хотя в данном случае можно утверждать

---

¹ Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 267–270.

о существовании и «английской» партии, деятельно отстаивавшей русско-британские интересы¹.

Второй этап войны: выработка противниками новых оперативных планов и их реализация

Находясь в Москве, Наполеон все чаще оглядывался назад, беспокоясь за свои фланги. Он контролировал огромный выступ, уходящий вглубь русской территории к Москве, и имел чрезвычайно растянутые коммуникации. Перед движением на Москву из Германии к Смоленску был передвинут один из последних резервов Великой армии — корпус Виктора. У Наполеона вызывало большие опасения наличие у русских неиспользованных резервов, и в первую очередь Дунайской армии адмирала П. В. Чичагова. Поэтому Виктору предписывалось поставить свои возможные действия в зависимость от направлений движения Дунайской армии.

После занятия Москвы Наполеон не имел практически никакой информации о политическом положении дел в России. «Император, — вспоминал Коленкур, — все время жаловался, что он не может раздобыть сведения о том, что происходит в России... Единственные сведения о России, которые получал император, это были сведения, приходившие из Вены, Варшавы и Берлина через Вильно»². Наполеон продолжал находиться в плену довоенных иллюзий, что после взятия столицы, царь и дворянство, стараясь избежать внутривнутриполитических осложнений, пойдут на заключение мира. Отсюда проистекали его попытки договориться о так необходимом мире, когда французы были морально ослаблены, уверовав, что главная цель достигнута. С другой стороны, у французского императора в этой ситуации неопределенности появилось чувство растерянности, как у человека, незнающего, что же ему делать и как поступать. «Если у Вашего Величества все еще сохраняются хотя бы остатки Ваших прежних чувств ко мне, Вы благосклонно отнесетесь к моему письму», — писал 8 (20) сентября из Москвы Наполеон Александру I. Нетрудно заметить, что это не интонация победителя, а, скорее, человека, вымаливающего прощение. Одновременно, апеллируя к голосу разума и гуманизму русского монарха, Наполеон давал понять, что готов ради

---

¹ Как вспоминал В. Р. Марченко: «Неизвестность о намерениях Кутузова и дурные об нем вести едва не довели государя до того, чтобы опять приняться за Барклай» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». С. 43).

² Коленкур А. Указ. соч. С. 167.

мира пойти на многое, и поместил в письмо следующую фразу: «Я веду войну с Вашим Величеством без воодушевления; письмо от Вас, перед или после последнего сражения, остановило бы мой марш, и я был бы в состоянии пожертвовать выгодой вступления в Москву»¹.

В дальнейшем в поисках мирного выхода из сложившейся ситуации Наполеон цеплялся за любой повод вступить в переписку с российским императором или установить контакт с русским командованием. Но русские никак не шли на переговоры, поэтому уже через некоторое время перед ним все чаще вставал вопрос «что делать?» В выборе решения он проявлял известные колебания и, судя по переписке этого периода, рассматривал три возможных варианта.

1. Зимовать в районе Москвы.

2. Найти удобную позицию (в районе Смоленска) и вести переговоры.

3. Продолжить наступательные действия, догнать Кутузова и дать новое сражение.

Наполеон колебался и советовался со своим окружением, маршалы же высказывали самые полярные мнения.

После оставления Москвы в русском лагере был выработан новый взгляд на будущие действия против Наполеона. Растянутость французской коммуникационной линии от Вильно до Москвы и наличие неиспользованных резервов регулярных войск диктовали необходимость удара с флангов и выхода в тыл главным силам Великой армии².

Эта идея удара с флангов почти одновременно была выражена Кутузовым и Александром I. Свой первоначальный вариант плана Кутузов изложил в предписаниях Чичагову и Тормасову уже 6 (18) сентября. Предполагая, что войска их уже соединились, он отдал

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 24. P. 221–222.

² В журнале «Сын Отечества» преподаватель Царскосельского лицея А. Куницын писал в ноябре 1812 г.: «В продолжении нынешней войны русская армия приняла вид пасти огромного льва. Нижняя челюсть оной начинается от Москвы и продолжается до Бреста Литовского, или до Варшавского герцогства. Верхняя челюсть начинается также от Москвы, и оканчивается у Риги. В начале войны пасть сия была сжата; но по мере приближения французов, она раскрылась. Наполеон безрассудно бросился с своею армиею в средину оной. Может быть, он надеялся разорвать мускулы, которыми сжимаются челюсти, но в этом обманулся. Приблизившись к Москве, он заметил, что пасть начала сжиматься, и вскоре почувствовал, что армия его не может сопротивляться давлению челюстей, происходящему от их сближения. Тщетно спешил он выйти из сего пространного зева; почти все его войска, уже так сказать стиснуты, может быть, и сам он не избежит роковых зубов раздраженного им льва» (Сын Отечества. 1812. Ч. II. № VIII. С. 51–52).

приказ двинуться Чичагову на Могилев к Смоленской дороге, а Тормасову прикрывать его тыл¹. Но этот приказ не был выполнен, так как 8 (20) сентября к Кутузову в Красную Пахру прибыл полковник А. И. Чернышев с планом царя. Сам план вырабатывался в Петербурге до конца августа и был направлен к Кутузову 31 августа². Историки затрудняются прямо утверждать, что российский император являлся его автором, но, бесспорно, утверждался им самим. Проект Александра I (так называемый «петербургский план») состоял из предписаний П. В. Чичагову, П. Х. Витгенштейну и Ф. Ф. Штейнгелю об их четко регламентированных по времени действиях. 3-я Западная армия (уже соединенные 3-я Обсервационная и Дунайская армии) под командой Чичагова должна была через Пинск и Минск к 15 сентября достичь Борисова, к этому времени Витгенштейн, действуя от Полоцка, должен был войти в тактическое соприкосновение с адмиралом. Штейнгелю ставилась задача выйти от Риги к Вильно³. План создавался еще до оставления Москвы, был прост, базировался на правильных идеях⁴ и с точки зрения теории превосходно разработан, но на практике неминуемо должен был встретить затруднения. Кутузов как опытный военачальник отлично сознавал это. Хотя он, считаясь с мнением императора, полностью принял план (а выполнение своего плана отменил), правда, после совещания с генералом Л. Л. Беннигсеном (специально для него Чернышев за ночь сделал экстракт на французском языке). Но при этом старый генерал-фельдмаршал сделал определенные оговорки, в первую очередь, «чтоб командующие не очень стеснялись бы» уста-

---

¹ М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. I. С. 244–245.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 1. С. 80–82.

³ Там же. С. 463–470.

⁴ Например, Л. Л. Беннигсен дал достаточно верный прогноз, когда еще 12 июля 1812 г. в письме императору писал: «Прекрасная Молдавская армия, сделавшись свободной и действуя совместно с армией генерала Тормасова, будет в состоянии направиться на Брест и одновременно угрожать Варшаве и беспокоить сообщения неприятельской армии в Литве или в иных местах, или же, направившись в Минскую губернию, подать руку Главной армии и действовать против правого фланга неприятеля. Невозможно исчислить все последствия, которые могут иметь указанные движения, если они будут благоразумно соображены с движениями прочих армий... и если будут руководимы в порядке и с необходимым единством. Первым и ближайшим последствием их, вероятно, было бы очищение Минской губернии и части Литвы» (Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 234–235).

новленными сроками¹. Отбыв от Кутузова 10 (22) сентября, Чернышев уже 17 (29) сентября прибыл в армию адмирала Чичагова. Анализ основных мыслей и положений «петербургского плана» показывает, что российский император предполагал, что решающая роль будет принадлежать его любимцу Чичагову. Роль же главных сил Кутузова никак не определялась, упор был сделан на действиях усиленных значительными подкреплениями флангов.

Сам же Кутузов считал, что центр тяжести основных действий против Великой армии должен лечь на главные силы под его командованием. Оценивая невыгодное положение Наполеона в Москве, он старался любыми средствами затянуть его пребывание там, распуская слухи о бедственном положении русской армии и о всеобщем желании заключить мир с французами. Русская разведка даже составила подложное письмо Кутузова к царю, где главнокомандующий ратовал за мир, так как войска уже не способны долго продолжать войну. Наполеону удалось перехватить это послание, после чего, по словам Р. Солтыка и А. Коленкура, он решил подождать и продлить свое пребывание в Москве².

Русская армия, по мнению многих современников, сознательно не вступала в решительное столкновение с противником. 20 сентября Кутузов писал Витгенштейну: «Поелику ныне осеннее время наступает, чрез что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными... то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его...»³ Малой войной обозначали тогда действия войск небольшими отрядами, в противоположность ведения войны крупными соединениями, или то, что многие военные теоретики тогда относили к партизанской войне. Армейские партизанские отряды возникли еще во время боев на территории Смоленской губернии, но особое распространение получили после оставления Москвы, когда Великая армия оказалась почти блокированной в центре страны. Все дороги, кроме Смоленской, контролировались легкими войсками или ополченцами, а действия армейских партизанских отрядов создавали для французов невыносимые условия для пребывания в центре России. Партизаны ежедневно захватывали пленных и установили непрерывное наблюдение за передвижением французских войск на всех дорогах.

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 10. СПб., 1898. С. 269. Детальный разбор Петербургского плана см.: *Харкевич В.* Березина. СПб., 1893. С. 10–18.

² *Soltyk R.* Op. cit. P. 392; *Коленкур А.* Указ. соч. С. 161.

³ М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. I. С. 327.

Анализируя результаты опроса пленных, Кутузов следующим образом прогнозировал будущие события: «Неприятель намерен ретироваться по Смоленской дороге. Нынешняя позиция армии дает нам удобность в скорости, если надобно будет, к сей дороге приблизиться... Ежели подозрения на ретираду неприятельскую по Смоленской дороге сделаются основательнее, тогда, не теряя времени, потянусь параллельно сей дороге к Юхнову; с сего пункта действовать можно двояким образом. Неприятель искать будет непременно дорогу, которая еще не разорена, то есть правее или левее Смоленской. С сего пункта удобно будет на него действовать в обоих сих случаях, или по сей стороне Смоленской дороги, или, перерезав оную, перейти на ту, где неприятель действовать будет»¹.

Планам Наполеона на осень 1812 г. в советской литературе специально посвящена статья Б. С. Абалихина. Автор, подробно разобрав точки зрения историков, проанализировав переписку Наполеона, Кутузова, действия обеих сторон, пришел к выводу, что Бонапарт после оставления Москвы пытался осуществить «план прорыва французских войск на Украину». Именно с этим планом Абалихин связывал совпавшие по времени активность наполеоновских войск на юго-западном направлении и наступление на Мозырь и Ельню. Автор показал, что Кутузов исходил из предположения о направлении движения Великой армии из Москвы в «изобильные наши провинции»². Но это отнюдь не означает, что и Наполеон в своих действиях руководствовался подобным планом. В целом наличие специальной статьи не освобождает от необходимости дальнейшего исследования этой темы, так как с главным выводом, сделанным Б. С. Абалихиным, трудно согласиться.

Автор статьи, находясь в плену выработанной им концепции, готов принести в жертву собственному одностороннему взгляду решительно все — начиная с фактической последовательности событий и кончая нормами здравого смысла. Моделирование ситуации, предложенное Абалихиным, не выдерживает серьезной критики. Для этого достаточно проанализировать переписку Наполеона и ту ситуацию, в которую он попал.

Остается верным тезис, сформулированный еще К. Клаузевицем, что Наполеон не мог при отступлении из враждебной страны резко переменить или бросить на произвол судьбы существующую операционную линию. Не следует забывать, что Н. Бонапарт был не толь-

---

¹ Там же. С. 354.

² *Абалихин Б. С.* О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 года // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 78–79.

ко полководцем, но и императором, поэтому постоянно нуждался в связи с Францией через Вильно. В Москве он был очень раздражен, если почта из империи прибывала с опозданием. Сохранилась его прямое свидетельство на этот счет: «Я имею большую нужду, — писал он 10 (22) октября Э. Богарне, — получать и отправлять эстафеты»¹.

Направляясь к Киеву по дорогам Орел — Севск или Брянск — Трубчевск — Чернигов (из текста Б. С. Абалихина можно только так предположить), Наполеон, не разгромив полностью Кутузова, потерял бы связь с тылом, или бы она была явно непрочной. Движение на Украину заняло бы от двух недель до месяца. Но возникает вопрос: как бы он двигался туда? Его войска были бы вынуждены совершить массированные марши, и они находились бы в сосредоточенном состоянии. Даже продвигаясь по плодородным районам, как бы французы осуществляли реквизиции и подвоз продовольствия, имея ощутимый недостаток в кавалерии? Но, предположим, что цели удалось достичь, что бы Наполеон делал дальше? Расположился бы на зимние квартиры в районе Киева — Чернигова? Но тогда в его тылу оставалась русская крепость Бобруйск, что препятствовало бы его сообщениям с Минском и Могилевом, а на фланге в Мозыре располагался корпус Ф. Ф. Эртеля, как раз на пути возможных коммуникаций с Шварценбергом. Кроме того, опять же в его непосредственном тылу или на правом фланге оказывалась только что прибывшая на театр военных действий свежая армия П. В. Чичагова, о направлении движения которой у Наполеона не было сведений, а с фронта бы по следам французского отступления неумолимо нависал Кутузов с главными силами. В целом, весьма безрадостная картина — перспектива многомесячной зимовки в тесном окружении русских войск без каких-либо продовольственных запасов и налаженных коммуникаций. План движения на Украину был явной авантюрой.

В последние недели пребывания в Москве французский император осознал неизбежную необходимость отступления, если русские не пойдут на переговоры о мире. Сохранились наброски, сделанные им в последние дни сентября — в начале октября, где анализировались все «за» и «против» различных вариантов отступления из Москвы, учитывая, что Чичагов может приблизиться к Кутузову. Два первых варианта — отступление по Старой Смоленской дороге и через Калугу к Смоленску — были рассмотрены в проблемном плане.

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 24. P. 283. Еще раньше, 5 октября 1812 г., Наполеон писал А. Бертье: «Мое намерение — остаться хозяином своей операционной линии и эвакуировать раненных» (Ibid. P. 246–247).

Рассуждая о прямом отступлении к Смоленску, Наполеон поставил вопрос: «Будет ли разумно искать противника на марше, похаживая на отступление, и потерять несколько тысяч человек перед армией, хорошо знающей свою страну, имеющей много тайных агентов и многочисленную легкую кавалерию?» Сам вопрос уже содержал в себе ответ. Наполеон полагал, что Кутузов, укрепившись в Тарутино и «получив подкрепление, сможет защищать каждую пядь земли, а мы же будем иметь три или четыре тысячи раненых; что приобретет вид поражения. Отступление на 7 лье с ранеными при событии, которое противник распишет по своей воле, поставит его в более выгодное положение в общем мнении». Помимо стратегии и тактики вставал вопрос престижа. Он играл для Наполеона немаловажную роль и являлся одной из веских причин отказа отступать по пути прежнего наступления. Что же касается второго варианта, то в набросках прямо указывалось: «Вся операция на Калугу разумна лишь в случае, если прибытие в этот город будет иметь цель развернуться на Смоленск»¹.

Б. С. Абалихин кратко прокомментировал оба варианта и сделал почему-то вывод, что Наполеон, основываясь на данных об отсутствии продовольствия в Смоленске, «пришел к заключению, что отходить в данные районы невозможно». Такое объяснение грубейшим образом расходится с истинным положением дел. Автор здесь сместил акценты. Перечисление трудностей принял за отказ. Совершенно не аргументировано прозвучало и его другое мнение: «Отход в направлении на Киев он (т. е. Наполеон. — В. Б.) считал наиболее выгодным, но опасным, т. к. туда, по его словам, “направляется Дунайская армия”»². Прочитаем начало указанного документа, где единственный раз упоминается Киевское направление: «Противник направляется по дороге на Киев, его цель очевидна: он ожидает подкрепления из Молдавской армии. Двинуться на него, это значит... находиться без опорных пунктов во время зимнего квартирования»³. Совершенно очевидно, что под «противником» имелся в виду Кутузов, а не Чичагов, а смысл цитаты — противоположен выводу Б. С. Абалихина.

---

¹ Ibid. P. 235–236. Мнение, что Наполеон планировал от Калуги отступить в район Смоленска, поддерживало большинство историков. См., напр.: *Fain*. Op. cit. T. 2. P. 155–156; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. T. II. Kraków, 1937. S. 296–298; *Попов А. И.* Великая армия в России: Погоня за миражем. С. 248–249, 291.

² *Абалихин Б. С.* О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 года. С. 70.

³ *Correspondance de Napoléon I-er.* T. 24. P. 235.

Б. С. Абалихин не прокомментировал третий вариант отступления от Москвы, рассмотренный в документе. В то время в Москве эту идею выдвигал Э. Богарне. В отличие от предыдущих третий вариант был расписан по времени в форме плана с точными маршрутами движения частей. Корпуса Виктора, Сен-Сира и часть войск Макдональда должны были начать наступление на Велиж — Великие Луки, имея цель выйти к Новгороду, чтобы реально угрожать Петербургу. Одновременно Наполеон с гвардией и 4-м корпусом направился бы из Москвы на Велиж через Воскресенск, Волоколамск, Зубцов и Белый для поддержки этого наступления. В главный арьергард при отступлении на Велиж планировалось войти войскам Мюрата и Даву, а по Старой Смоленской дороге в виде бокового арьергарда следовали бы корпуса Нея и Жюно. Операция имела цель: «Петербург будет под угрозой, русские должны пойти на мир, а если обстоятельства движений противника не позволят продвигаться вперед, останемся в Великих Луках»¹.

Хотя Наполеон быстро отказался от этого проекта, можно вычленив основную идею, на основе которой базировались его мысли, — замаскировать отступление от Москвы под видом наступления в другом направлении, сохранив существующую операционную линию. В дальнейшем он остановил свой выбор на втором варианте — отступление на Калугу — Ельню — Смоленск. В этом случае часть корпуса Виктора должна была поддержать главные силы. Когда стало известно, что Чичагов направился на Северную Украину, Наполеон 5 (17) октября отдал приказ лишь дивизии Л. Бараге д'Ильера из корпуса Виктора 7 (20) октября начать продвижение от Ельни к Калуге. Он считал достаточным выделить одну дивизию для поддержки отступления главных сил².

Суть принятого плана действий Великой армии заключалась в идее маскировки отступления от Москвы. Французский император намеревался около половины своих сил бросить по Новой Калужской дороге, чтобы совершить обходное движение, минуя левый фланг русских войск. Поскольку по прямой от Тарутино до Смоленска ближе, чем от Москвы, то «Наполеону надо было потеснить русскую армию, чтобы уничтожить это ее преимущество»³. Кроме того, уже взятие Малоярославца обесценивало Тарутинскую позицию, поскольку угроза флангу и тылу Кутузова, заставила бы его отступить. Маневрируя, Наполеон намеревался, не вступая в сражение, отбро-

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 24. Р. 236–238.

² Ibid. Р. 252, 269–270.

³ *Клаузевиц*. 1812 год. С. 139.

силь Кутузова, уничтожить русскую тыловую базу в Калуге, а затем совершить безопасное отступление через Ельню или Вязьму к Смоленску.

Детали плана можно уточнить по последующей переписке Наполеона. 7 (19) октября он отправил в зашифрованном виде сообщение Ю. Маре о начале предполагаемого движения. «Армия в походе... я решил идти на Калугу или на Вязьму перед приближением больших холодов и встать на зимние квартиры». Войска Нея и Мюрата должны были отвлечь Кутузова под Тарутином, в то время как главные силы — Богарне, Даву и гвардия — направлялись на Малоярославец. Понятовский получил приказ совершить марш от Вороново к Верее. В Москве остались войска маршала Э. Мортье, но по инструкции они должны были там находиться до утра 12 (24) октября, а затем направиться через Кубинское к Можайску¹.

Большое беспокойство Наполеон проявлял по поводу операционной линии. Было задержано отправление всех эстафет. Его переписка дает основание предполагать, что он планировал постепенно закруглить угол, упиравшийся в Москву, поэтапным переносом операционной линии. Сначала через Фоминское — Кубинское, потом через Верею или Вязьму, а затем по прямой — от Калуги к Ельне. 11 (23) октября он прямо приказал Бертье написать в Смоленск, «чтобы знали, что армия направляется на Калугу, там возьмет операционную линию на Ельню». Войскам же Виктора ставилась не только задача поддержать движение на Калугу, но и организовать операционную линию отступления через Ельню².

§ 3. Преследование Великой армии и ее гибель

Перелом в кампании

План Наполеона имел бы шансы на успех, если для русского командования направление его действий оказалось бы неожиданным. Но, по словам Д. В. Давыдова, Великая армия «не могла сделать шагу потаенно, хотя спасение оной зависело от тайного ее движения мимо левого фланга нашей армии и от внезапного появления ее в Малоярославце»³. Кутузов предполагал, что Наполеон в ближайшее

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 24. P. 270, 280; Записки генерала Колчаковского о войне 1812 года // Военно-исторический сборник. 1911. № 2. С. 67.

² Correspondance de Napoléon I-er. T. 24. P. 280, 283–284, 290.

³ Давыдов Д. Военные записки. С. 241.

время должен покинуть Москву, поэтому разведке была поставлена задача бдительно следить за всеми перемещениями противника. Исходя из этой мысли, он, под давлением генералитета (в первую очередь по инициативе Л. Л. Беннигсена), все-таки решил атаковать авангард Мюрата. Это нападение было отлично подготовлено в разведывательном отношении. Действия войсковой разведки были продублированы рекогносцировками графа В. В. Орлова-Денисова, К. Ф. Толя и Л. Л. Беннигсена. Командование перед боем реально оценивало численность войск Мюрата в 25 тыс. Правда, в советской историографии долгое время господствовало мнение о преувеличенной цифре при исчислении Кутузовым сил Мюрата в 50 тыс., но тогда исследователи за основу брали реляцию, в которой Кутузов сознательно завышал численность противника¹.

6 (18) октября произошло Тарутинское сражение. Основные силы русской армии под началом Кутузова внезапно атаковали авангард Великой армии. При этом решение атаковать значительно оторванный от основных сил Наполеона передовой отряд Мюрата было принято еще 3 (15) октября и была составлена диспозиция. Но атака, назначенная на 5 (17) октября, была перенесена на другой день по вине штабных офицеров. Войска были разделены на четыре колонны, которые должны были скрытно подойти ранним утром к расположению неприятельского лагеря и атаковать его. Правое крыло войск под командованием Беннигсена (три колонны) должно было нанести главный удар против открытого и незащищенного левого фланга Мюрата. Партизанские отряды И. С. Дорохова и А. С. Фигнера имели задачу перерезать у д. Вороново пути отступления, а левое крыло (самая многочисленная центральная колонна) должно было сковать центр и правый фланг противника. Французы все время нахождения в своем неукрепленном лагере испытывали проблемы в снабжении, вели себя достаточно беспечно и даже не обеспечили должное сторожевое охранение. Кроме того, 5 (17) октября к авангарду Мюрата прибыл большой обоз (в том числе и с выпивкой) и солдатам выдали жалование. Войска получили долгожданный провиант и водку, многие пьянствовали всю ночь.

5 (17) октября в ночь русские войска выступили из Тарутинского лагеря и совершили марш с соблюдением всех мер осторожности для выхода на исходные позиции. Но к раннему утру 5 (17) октября указанное в диспозиции место заняла только 1-я колонна (казачья) под командованием генерал-адъютанта Орлова-Денисова. 2-я колонна

---

¹ М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 3 (ср.: *Chambray*. Histoire de l'expédition de Russie. T. 2. Paris, 1839. P. 215).

под началом генерала К. Ф. Багговута выдвинулась с запозданием и вовремя не смогла занять исходные позиции, а 3-я колонна, находившаяся под командованием генерала А. И. Остермана-Толстого, просто вынуждена была ожидать 2-ю колонну. Заминка с выдвиганием войск, по всей вероятности, произошла по вине офицеров квартирмейстерской части.

Бой начался около 7 часов утра атакой 1-й колонны. Первыми, не дождавшись сигнала к атаке, по неприятелю ударили казаки (Орлов-Денисов опасался быть обнаруженным неприятелем), заставившие ошеломленного противника бросить пушки и отступить. Однако Мюрат достаточно быстро смог восстановить порядок и оперативно организовать отпор. Контрудар остановил казачью атаку и заставил отступить кавалерию Орлова-Денисова. Наступление егерских полков 2-й колонны, атаковавших французов почти одновременно с казаками, также захлебнулось после гибели в самом начале боя генерала Багговута. Основные силы русской пехоты не смогли вовремя оказать поддержку егерям. В силу этого атакующие уже потеряли элемент внезапности. 3-я и центральная русские колонны вели себя пассивно, правда, войска уже изготвились к атаке, но были остановлены приказами Кутузова. Несогласованность действий российских войск и контратаки кавалерии позволили Мюрату сохранить основные силы авангарда и отвести их к с. Спас-Купле, а затем к д. Вороново. К 15 часам дня русские прекратили преследование и вернулись в Тарутинский лагерь. Все же авангард Мюрата потерпел значительный урон — 2,8 тыс. чел., не считая около 1,2 тыс. пленных, 38 пушек, большую часть обоза и штандарт 1-го кирасирского полка, причем большая часть трофеев была захвачена казаками Орлова-Денисова в самом начале сражения. Русские войска не досчитались в своих рядах после боя примерно 1,5 тыс. чел.

Безусловно, несмотря на достигнутый частичный успех, российские войска не использовали всех своих возможностей, поэтому не смогли разгромить авангард Мюрата. По мнению В. А. Бессонова, автора последней и самой обстоятельной работы о Тарутинском деле, на итоги сражения «главным образом повлияла именно деятельность главнокомандующего, который всячески препятствовал исполнению принятой диспозиции», поскольку он считал, что его войска еще не готовы проводить сложные движения и маневры (многие военачальники просили активно ввести в дело основные силы и получали отказ). Достаточно обоснованно звучит и другой вывод этого исследователя: «Результаты сражения явились прямым следствием существовавшего в Главной квартире противоборства между Кутузовым и Беннигсеном, которое оказалось продолжено на поле боя и привело к

тому, что окрепшая русская армия не смогла одержать решительную победу над малочисленным отрядом Мюрата»¹.

Петербург очень высоко оценил этот частичный успех, все отличившиеся в нем были щедро награждены. Хотя русские не получили сиюминутных выгод от сражения, заняли прежнюю позицию, оно способствовало поднятию боевого духа войск. Главным следствием Тарутинского сражения стало окончательное решение Наполеона, оставить русскую столицу, как только он узнал о поражении своего авангарда, и начать 6 (18) октября осуществлять отход к Смоленску.

К моменту Тарутинского сражения разведка уже располагала сведениями о появлении передовых частей Великой армии у с. Фоминское, чем лишь частично можно объяснить отказ Кутузова от преследования Мюрата. После сражения в Главной квартире русской армии предполагали два варианта возможных действий противника: 1) Наполеон попытается сконцентрировать силы, а затем атаковать русских в Тарутинском лагере; 2) «не имея способов продовольствия, может предпринять отступной марш за Днепр, где собраны у него в большом количестве разного рода запасы»².

В свою очередь Наполеон, стараясь придать своему отступлению наступательный характер, использовал сражение при Тарутино как повод, чтобы покинуть Москву. Он усиленно распуская слухи, что намерен туда вернуться, кроме того, 8 (20) октября послал к Кутузову полковника П. О. Бертеми с письмом от маршала А. Бертье, в котором предлагалось придать войне «общепринятые правила и прекратить напрасное опустошение страны», а главное с поручением разведать, известно ли российскому командованию о выходе Великой армии из Москвы, а также убедиться в наличии главных сил русских под Тарутино³.

Но обмануть Кутузова не удалось. Получив сведения о движении крупных частей противника к Фоминскому по Старой Калужской дороге, он направил туда усиленный корпус Д. С. Дохтурова с кавалерией. Остановившись на отдых у с. Аристово, Дохтуров получил разведывательные сведения сначала от И. С. Дорохова, а затем от А. Н. Сеславина, который лично провел разведку, увидел в колонне

---

¹ Бессонов В. А. Тарутинское сражение // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. V. С. 141. Более подробно о ходе сражения см.: Бессонов В. А. Тарутинское сражение. М., 2008.

² М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 37.

³ Никулицев Б. А. Марш-маневр Наполеона на Малоярославец // Военно-исторический сборник. 1911. № 2. С. 135–138; Попов А. Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1898. № 11. С. 419.

гвардии Наполеона и взял нескольких пленных, это подтвердивших¹. Так была получена важнейшая информация о том, что Великая армия двинулась из Москвы в сторону Малоярославца. Поэтому Дохтуров остановился и отправил срочное донесение Кутузову. В час ночи утомленный посыльный прибыл в Главную квартиру и разбудил главнокомандующего. Узнав о движении Наполеона и об оставлении Москвы, Кутузов якобы произнес приписываемую ему историческую фразу: «С этой минуты Россия спасена». Немедленно был отдан приказ о перемещении к Малоярославцу частей Дохтурова, уже находившихся в походе, и казаков Платова. Чуть позднее вся русская армия снялась с тарутинских позиций и двинулась к Малоярославцу. Вообще день 11 (23) октября 1812 г. как прелюдию Малоярославцевого боя еще предстоит заново осветить нашим историкам. В этот день лично Кутузовым было отдано 16 приказов. В то же время решение о переходе главных сил к Малоярославцу принималось знаменитым полководцем с огромной осторожностью и после тщательного обдумывания. Слишком велика была бы цена ошибки.

Появление крупных сил русских регулярных войск под стенами Малоярославца и встречный бой 12 (24) октября за город были для Наполеона полной неожиданностью. Только опрос пленных во время сражения выявил, что туда прибывает армия Кутузова².

Бой начался около 5 часов утра. Первоначально два русских егерских полка атаковали неприятеля и отбросили его к мосту через р. Лужу. Постепенно Дохтуров и Дельзон стали вводить все новые части, а во время ожесточенных уличных боев погиб сам генерал Дельзон. К 10 часам утра у Малоярославца уже сосредоточились все части 4-го корпуса Э. Богарне, и ему удалось овладеть городом. Русские неоднократно контратаковали и им несколько раз удавалось выбивать противника, за исключением Черноостровского монастыря, в котором весь день оставались французские стрелки. Каждая из сторон вводила все новые части, и бой постоянно кипел на улицах города. После полудня к Малоярославцу уже подошел 7-й пехотный корпус генерала Н. Н. Раевского, который сразу повел в атаку весь корпус и выбил противника из города, а к 16 часам прибыли основные силы Кутузова. Это дало возможность заменить уставшие части Дохтурова полками 8-го пехотного корпуса генерала М. М. Бороздина. В свою очередь, к Малоярославцу подошли и главные силы Великой

---

¹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 5. Л. 40; Св. 8. Д. 73. Л. 43 об.–45; *Сеславин Д. Н.* Партизан Сеславин // Исторический вестник. 1896. № 8. С. 397–399, 409–411; *Попов А. Н.* От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 1. С. 24–27.

² *Soltyk R.* Op. cit. P. 355–356.

армии. Наполеон около 17 часов приказал бросить в бой 5-ю пехотную дивизию генерала Ж. Д. Компана, а затем 3-ю пехотную дивизию генерала М. Э. Жерара из корпуса Даву. Несколько раз противнику удавалось выбивать русских из города. Кутузов же в ответ ввел в дело 3-ю пехотную и 2-ю гренадерскую дивизии. Бой кончился к ночи, но в итоге город остался за французами. Но в результате русские части оставались за пределами Малоярославца, охватив город полукольцом. Почти вся армия Кутузова (примерно 90 тыс. чел.) была сосредоточена на дороге в Калугу, а ей противостояла Великая армия (примерно 70 тыс. чел.).

В ходе сражения потери каждой из сторон достигли 7 тыс. чел. У русских в боях за город приняло участие свыше 30 тыс. солдат, у французов около 25 тыс. У французов были убиты генералы А. Ж. Дельзон и Ж. М. Левье, у русских тяжелое ранение в пятку получил генерал И. С. Дорохов. Об ожесточенности схваток в городе свидетельствует тот факт, что из 200 домов после боя несгоревшими осталось только 20 зданий. По преданию, жители Малоярославца долгое время отапливали свои жилища ружейными прикладами и тогда же собрали до 500 пудов свинца и чугуна¹.

От действий под Малоярославцем зависела дальнейшая судьба Великой армии, что отлично осознавали оба полководца, принявшие личное участие в сражении². Наполеон руководил расстановкой батарей на Буниной горе. В то же время А. И. Михайловский-Данилевский отмечал, что ни в одном из сражений Отечественной войны Кутузов не оставался так долго под ядрами противника, как в Малоярославце. Несмотря на просьбы генералов, он продолжал находиться под огнем. Говоря о результатах боя, необходимо признать, что ни одна из сторон не добилась полностью поставленных перед собой целей. Главное же заключалось в том, что русские, оставив город, преградили Великой армии путь на Калугу и спутали все планы Наполеона, т. е. выполнили свою основную задачу. В то же время французы, став временными хозяевами Малоярославца, уже не могли достичь главной цели, а именно — прорваться к Калуге, а затем отступить в Смоленск. Поэтому Малоярославецкое сражение имело огромное стратегическое значение и являлось поворотным пунктом в истории Отечественной войны 1812 года.

---

¹ *Безсонов И.* Битва в Малоярославце 12 октября 1812 года. Калуга, 1912. С. 45.

² См.: *Окунев Н. А.* Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 года. СПб., 1912. С. 87; *Fain.* Manuscrit de mil huit cent douze. Т. 2. Р. 242–243; *Chambray.* Histoire de l'expédition de Russie. Т. 2. Р. 219–230.

Заняв предполагаемый путь Наполеона, Кутузов опасался, что французы могут продолжить обходное движение. Казаки обнаружили под Медынью части корпуса Понятовского, и ими была перехвачена записка А. Бертье к генералу Н. А. Сансону, в которой речь шла о сборе сведений о различных дорогах в Калугу¹. Именно поэтому Кутузов отступил сначала к Детчино, а затем к Полотняному заводу. Эта позиция давала возможность контролировать дороги к Медыни и Калуге, но в то же время, отдалившись от главных сил Наполеона на значительное расстояние, русская армия добровольно лишала себя, в случае французского отступления, важных преимуществ быстрого и оперативного преследования противника. Со стороны Кутузова это решение было продиктовано осторожностью, и с точки зрения последующих событий его можно назвать перестраховочным. Однако, если все же давать объективную оценку, переход к Полотняному Заводу поставил в крайне невыгодное положение и противника. Русские вновь по тарутинской аналогии заняли по отношению к французам фланговую позицию, что препятствовало отступлению Великой армии по параллельным со Старой Смоленской дорогой неразоренным путям через Медынь и Юхнов. Поэтому Кутузов, действуя с минимальным риском, ради упрочения уже полученных преимуществ сознательно пожертвовал будущими.

Наполеон же, заняв Малоярославец, оказался перед суровым выбором. Известное время он проявлял колебания. Например, участник Русского похода генерал А. Б. Ж. Дедем ван де Гельдер считал, что французский император имел шансы взять Калугу: «Если же этого не случилось, то потому, что счастье покинуло Наполеона; он не имел правильных сведений о положении русской армии, и его обычная смелость заменилась роковой нерешительностью»². С другой стороны, продвигаться дальше к Калуге не было никакого смысла. Его тактическая комбинация была полностью разгадана и достойно парирована Кутузовым. Однако он, по-видимому, очень не хотел поворачивать свою пеструю, отягощенную после Москвы обозами и постепенно приобретающую черты азиатской орды армию на Старую Смоленскую дорогу, так как это бы дало повод говорить, что французы отступили перед русскими. Совершить отступление по дороге через Медынь на Вязьму, а тем более через Медынь и Юхнов на Ельню,

---

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 167–168; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. СПб., 1839. С. 334; *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. III. СПб., 1860. С. 43.

² Воспоминания генерала Ван-Дедема о кампаниях 1812 и 1813 г. // Исторический вестник. 1900. № 7. С. 233.

он также не мог решиться. Тогда бы Великая армия подверглась огромному риску быть атакованной на марше с фланга всеми главными силами Кутузова. Вступить в новое генеральное сражение Наполеон уже не хотел, поскольку не мог рассчитывать на полную победу. К тому же надежд на успех не давало состояние собственной армии.

В этом французский император убедился лично, когда 13 (25) октября после получения сведений об отступлении русских от Малоярославца направился на рекогносцировку и, едва успев отъехать от ставки, вблизи собственных бивуаков в районе Городни внезапно подвергся нападению казаков¹. Это был рейд шести казачьих полков генерала А. В. Иловайского. На некоторое время с немногочисленной охраной Наполеон оказался в полном окружении. Большинство очевидцев утверждало, что небольшой эскорт, окружив французского императора, принял бой. Лишь получив подкрепление, французы заставили отступить казаков, которым удалось захватить с собой 11 отбитых у неприятеля орудий. И этот пример был показателен. Наполеон воочию удостоверился, в каком тяжелом положении, при крайней нехватке кавалерии, находилась его армия. Казачьи отряды могли беспрепятственно проникать в тылы и безнаказанно действовать даже вблизи императорской Главной квартиры. Одновременно с этим рейдом во французский тыл в сторону Боровска была направлена крупная партия генерала Д. Е. Кутейникова, а сильный казачий отряд под командованием полковника Г. Д. Иловайского занял Медынь, где нанес поражение авангарду 5-го польского корпуса. Одновременные действия трех рейдовых отрядов продемонстрировали Наполеону полную безнаказанность иррегулярных войск в тылу и на флангах его армии.

Неслучайно, что именно после этого французский полководец попросил у своего врача яд (на случай угрозы попадания в плен) и носил его при себе до 1814 г. Наполеон всегда руководствовался не эмоциями, а трезвым анализом обстановки. Здравый разбор сложившихся обстоятельств подталкивал его к единственному решению, которое, правда, в тех условиях не предвещало ничего хорошего. Обстоятельства склонили Наполеона к мысли о возвращении на Старую Смоленскую дорогу. Опасаясь флангового удара русской армии, он приказал отходить через Боровск и Верею к Можайску, а затем двигаться на Смоленск. Это решение французский император принял тем же вечером в Городне на военном совете, большинство

---

¹ *Tourovérov N.* Les cosaques et Napoléon // *Toutel l'histoire de Napoléon.* 1951. № 1. P. 23.

участников которого высказалось против дальнейшего наступления и прорыва на Калугу. 14 (26) октября Великая армия повернула на Север и начала отход. Войскам была поставлена задача оторваться от русских, что на первоначальном этапе удалось сделать из-за удаленности сил Кутузова. Подводя итоги Малоярославецкой операции, можно с полным основанием сказать, что именно русские войска вынудили Наполеона отступать по разоренной Старой Смоленской дороге. Это предопределило исход кампании.

Кутузов не знал о решении Наполеона, отступая к Полотняному Заводу. Но с этого момента Наполеон окончательно утратил стратегическую инициативу. Изменилась и тактика сторон. Наполеон, расчленив свой боевой порядок, отступал эшелонами и имел значительные разрывы в движении между войсками. Он продвигался от Можайска к Смоленску по уже разоренному Смоленскому тракту, где имелись на этапных пунктах лишь незначительные запасы продовольствия. Для армии Кутузова в тот период создалась уникальная ситуация — возможность нанесения, почти беспрепятственно, фланговых ударов по находящимся на марше наполеоновским частям. Все решала скорость передвижения. Если большинство русских конных отрядов, иногда поддерживаемых егерями, часто совершало стремительные броски и маневры, действуя на опережение противника в выгодных пунктах, и добивалось реальных результатов, то этого никак нельзя сказать о главных силах Кутузова. Они действовали медленно и не успевали перерезать в нужный момент Смоленский тракт, причем часто их останавливал сам главнокомандующий. Рассмотрим этот момент поподробнее.

Достигнув 16 (28) октября Можайска, корпуса Великой армии далее следовали по дороге на Смоленск с интервалом до 10 верст в следующем порядке: гвардия, 3-й, 8-й, 5-й и 4-й армейские корпуса, в арьергарде находился 1-й корпус Даву. Главные силы российской армии М. И. Кутузова двигались южнее Смоленского тракта по дороге через с. Кузово, Сулейка, Дуброво и Быково, авангард под командованием Милорадовича (2-й и 4-й пехотные, 2-й и 4-й резервные кавалерийские корпуса) следовал между армией Кутузова и Старой Смоленской дорогой, а корпус Платова (15 казачьих полков) следовал за противником по Старой Смоленской дороге.

19 (31) октября в Вязьму прибыл Наполеон, а 21 октября (2 ноября) он выступил с гвардией, частью резервной кавалерии и вестфальским корпусом дальше к с. Семлево, оставив в городе 3-й армейский корпус маршала М. Нея с задачей сменить в арьергарде войска 1-го корпуса. 4-й армейский корпус Э. Богарне и 5-й (польский) корпус генерала Ю. Понятовского располагались в тот день в семи вер-

стах к востоку от Вязьмы, а аррьергард Даву — под с. Федоровское в 17 верстах от города. Милорадович и Платов, учитывая растянутое расположение противника, условились о совместной атаке на следующий день.

В 4 часа утра 22 октября (3 ноября) авангард Милорадовича выступил из с. Спасское (20 верст восточнее Вязьмы), выслав вперед 2-й и 4-й резервные кавалерийские корпуса с 17-й пехотной дивизией, которые составили правую колонну. Среднюю колонну образовали 4-я пехотная дивизия и егерская бригада 11-й пехотной дивизии под командованием Е. Вюртембергского, а левую колонну — войска 4-го пехотного корпуса под командованием Остермана-Толстого. Корпус Платова с 26-й дивизией находился в это время между Царевым-Займищем и с. Федоровское. Как раз в этот день выпал первый снег.

В 8 часов утра кавалерия Милорадовича подошла к с. Максимово, откуда атаковала двигавшуюся в колонне по Старой Смоленской дороге 1-ю бригаду 13-й пехотной дивизии генерала Т. П. Нагля, рассеяла ее и преградила путь двигавшемуся от с. Федоровское корпусу Даву. Но передовые части французского аррьергарда продолжили движение, отгеснив русскую конницу с дороги. В это время к месту боя стали подходить отставшие от кавалерии полки 17-й пехотной дивизии, а задержавшийся с выступлением Платов, услышав звуки боя, атаковал части Даву, защищавшие с. Федоровское, и занял его. К 10 часам утра к дороге вышла 4-я пехотная дивизия и отрезала войскам Даву путь дальнейшего отступления. Одновременно на позицию к селам Большой и Малый Ржавец стали выдвигаться полки 4-го пехотного корпуса Остермана-Толстого. Оценив обстановку, двигавшийся к Вязьме Богарне остановился, развернул свои войска и занял позицию у д. Мясоедово для помощи Даву и противодействия войскам Милорадовича. Во 2-ю линию был подтянут 5-й (польский) корпус Понятовского, а чуть позднее Ней выслал из Вязьмы к ним в поддержку 11-ю пехотную дивизию генерала Ж. Н. Разу. Войска Богарне отгесли с дороги русскую пехоту, но к этому времени Милорадович уже устроил несколько батарей, которые начали интенсивный обстрел двигавшихся по направлению к Вязьме колонн Даву. Вследствие этого французский аррьергард, теснимый с тыла Платовым, вынужден был свернуть с большой дороги вправо и пробираться на соединение с Богарне по пересеченной местности, потеряв при этом большую часть обоза. Под прикрытием стрелковых цепей расстроенные войска Даву подошли к позиции вице-короля, обошли ее с тыла и заняли место на правом фланге.

Около 14 часов дня Милорадович организовал атаку силами трех дивизий на занимаемую противником поперек дороги позицию. На

левом фланге в наступление против войск Даву перешел 4-й пехотный корпус, которому удалось значительно потеснить неприятеля. Опасаясь обхода с фланга, Богарне отступил к Вязьме и занял высоты впереди города, но позже из-за сильного огня русской артиллерии и возникшей угрозы для его флангов отступил в город. Французам нужно было время, чтобы эвакуировать через р. Вязьма отставших, тыловые службы и скопившиеся на улицах обозы.

В 16 часов дня Милорадович приказал 11-й пехотной дивизии очистить город. Впереди с развернутыми знаменами в атаку под музыку пошел Перновский пехотный полк во главе с генералом П. Н. Чоглоковым. Вслед за ним другие полки дивизии ворвались в Вязьму. В тот момент, когда в центре города еще продолжался бой, в Вязьму с северо-восточной стороны вошла 26-я пехотная дивизия, поддержанная казаками Платова. К 18 часам город был очищен от неприятеля, российские войска занялись тушением пожаров, а вышедшие из Вязьмы части Великой армии, уничтожив мосты на р. Вязьма, заночевали в лесу при 18-градусном морозе и разыгравшейся метели. В следующие дни мороз сменила оттепель, снег растаял, и дорога стала труднопроходимой. В четырех корпусах Великой армии, участвовавших в боях под Вязьмой, в тот день находилось в строю от 30 до 40 тыс. чел., их потери составили до 4 тыс. убитыми и ранеными и 3 тыс. пленными. Российские войска захватили обозы и три орудия и освободили значительное число русских военнопленных¹. У Милорадовича и Платова в тот день в строю находилось от 25 до 30 тыс. чел., а их убыль составила около 1800 чел. Это первый бой, в котором разница в потере бойцов в разы была в русскую пользу. Для Великой армии это являлось опасным симптомом.

Но основные силы Кутузова участия в боях не принимали, лишь совершили переход к с. Быково (10 верст от города), а выделенные для поддержки общей атаки две кирасирские дивизии, не имея возможности переправиться по заболоченной местности через р. Улица, простояли у города. Они поддержали атаку войск Милорадовича лишь артиллерийским огнем. Безусловно, бои под Вязьмой значительно ухудшили стратегическую ситуацию Великой армии. И если ранее Наполеон рассматривал возможность нанесения контрудара по преследовавшим его российским войскам, то после получения до-

---

¹ О бое за Вязьму см.: *Вороновский В. М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 178–193; *Писанко А. А.* Вяземский бой 22 октября 1812 г. М., 1912; *Петухов В.* Бой под Вязьмой в связи с общим обзором Отечественной войны 1812 г. Вязьма, 1912.

несения о сдаче Вязьмы он отказался от этого намерения и отдал приказ об ускоренном движении к Смоленску.

Кутузов, находясь вблизи города в достаточно выгодной позиции, старался не втягивать свои главные силы в бой с противником, а предпочитал выделять лишь ограниченное количество войск, чтобы подгонять противника и держать его постоянно в напряжении. Необходимо сказать, что действия Кутузова не раз подвергались критике со стороны российского монарха, стремившегося держать все дела под своим контролем. В их переписке содержится достаточно много личных упреков царя в адрес генерал-фельдмаршала. Приведем, к примеру, выдержки из письма Александра I Кутузову от 30 октября, в котором давалась оценка событий октября: «Непонятное бездействие ваше после счастливого сражения перед Тарутиным, чем упущены те выгоды, кои оно предвещало и ненужное и пагубное отступление ваше после сражения под Малым-Ярославцем до Гончарово уничтожили все преимущества положения вашего, ибо вы имели всю удобность ускорить неприятеля в его отступлении под Вязьмой и тем отрезать по крайней мере путь трем корпусам: Даву, Нея и Вице-Короля... Имея превосходную легкую кавалерию, вы не имели довольно отрядов на Смоленской дороге, чтобы быть извещену о настоящих движениях неприятеля... Ныне сими упущениями вы подвергли корпус графа Витгенштейна очевидной опасности... Обращая все ваше внимание на сие столь справедливое опасение, Я напоминаю вам, что все несчастья от всего проистечь могущие, останутся на личной вашей ответственности. Пребываю вам всегда благосклонный»¹. Адресат, прочитав такой текст, вряд ли почувствовал «высочайшую благосклонность», скорее — наоборот. Тем более что слишком многое в словах российского императора было справедливо.

Все же к непосредственной заслуге Кутузова необходимо отнести в целом удачную организацию параллельного преследования противника по боковым дорогам в сочетании с непрерывными ударами многочисленных отрядов конницы и партизан. Результаты были поразительные. Двигаясь без флангового прикрытия к Смоленску, части Великой армии постоянно таяли от непрерывных стычек с русскими, свирепствовавшего голода, начинавшихся холодов, все увеличивавшихся лишений и резкого падения дисциплины. Но именно эти, крайне пагубные для французов, факторы способствовали в некоторой степени быстрой движения наполеоновских частей к

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 2. С. 140–141.

Смоленску, как к пункту, где это ужасное отступление должно было кончиться. Надежда на предстоящий отдых подстегивала и ускоряла марши.

Русская армейская разведка в этот период в избытке добывала командованию сведения о противнике, но стремительно разворачивающиеся события быстро обесценивали их. Только оперативная информация в сочетании с инициативой частных начальников приводили к успеху. Так, например, под Ляховым 28 октября (9 ноября) результатом предприимчивости командиров армейских партизанских отрядов стало окружение и затем пленение бригады Ж. П. Ожеро (в плен попало 1700 чел.)¹.

Наполеон же отступал к Смоленску фактически «с закрытыми глазами». Коленкур писал, что поскольку «состояние нашей кавалерии и быстрота нашего передвижения не позволяли нам высылать разведки, то мы не имели сведений о неприятеле»². Французский полководец первоначально планировал даже внезапное нападение на русский авангард под Славковым, но полученные известия о неудачах корпусов на Двине заставили его ускорить движение к Смоленску. Виктору с войсками корпусов Сен-Сира и Удино он приказал вернуть отбитый русскими Полоцк. В предписании Виктору говорилось: «Начинайте наступление... от этого зависит спасение армии»³. Для поддержки именно этого наступления (к Полоцку и Витебску), для открытия сообщения с корпусами, действовавшими на р. Западная Двина, и для облегчения продовольствия главных сил Великой армии, отступавших по Смоленскому тракту на Духовщину, был направлен 4-й армейский корпус Э. Богарне, правда, как раз в тот момент, когда русские в довершении всего уже заняли и Витебск. Но при переходе к Духовщине при переправе через р. Воль, атакованный казаками Платова, Богарне потерял 28 октября (9 ноября) в районе с. Ярцево почти весь обоз и 64 орудия, а потери только пленными составили около 4 тыс. чел., хотя по выражению самого Платова, «брато в плен мало, а более кололи». Наступление на Полоцк не состоялось, и остатки корпуса Богарне быстро отошли к Смоленску на соединение с главными силами⁴.

---

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3484. Л. 36–37; Д. 3514. Л. 485–495 об.

² Коленкур А. Указ. соч. С. 220.

³ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 24. Р. 302.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3524. Л. 61–61 об.; Донское казачество в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: Сб. документов. С. 247–250.

Бои под Красным

Первоначально, прибыв в Смоленск, Наполеон надеялся, что сможет организовать армию и стабилизировать обстановку. Но части, пришедшие из Москвы, уже имели плачевный и неприглядный вид. Деморализацией в значительной мере были поражены все рода войск, от солдат до среднего командного звена. По воспоминаниям Л. Г. Пьюбиска, занимавшего интендантскую должность в Смоленске, офицеры выламывали окна в его квартире и требовали хлеба, а рядовые, по его мнению, были «похожи на людей, убежавших из сумасшедшего дома»¹. Французский император рассчитывал, что небольшой отдых позволит восстановить дисциплину, поднять боеспособность, а выдача пайков вернет в строй отставших. Но лелеялись эти надежды напрасно. Отсутствие продовольствия и действия русских войск разрушили и эти ничем не подкрепленные надежды. Поступившие сообщения о неудачных действиях Э. Богарне на р. Воль, капитуляции Ожеро, сдаче Витебска заставили его принять решение о дальнейшем отходе. Кроме того, в тот момент не имелось никаких сведений об армии П. В. Чичагова, а это был весьма тревожный симптом. Для отступления Наполеон выбрал Минскую дорогу.

Для русского командования складывалась чрезвычайно выгодная обстановка. Кутузов, анализируя сложившуюся ситуацию и многочисленные сообщения разведки, выделял три возможных пути отступления для Наполеона, считая, что противник может пойти на риск разделения своих сил по трем дорогам. Все же на основании разведанных он принял решение продолжить движение своих главных сил «прямо на Красное и далее к Орше на операционную линию неприятеля»². К этому времени уже стало известно, что Витгенштейн занял Чашники и угрожает коммуникациям Наполеона с севера. Исходя из этого, Кутузов полагал, «что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиною и Двиною...»³ Не имея сведений о Чичагове, главнокомандующий считал, что основная роль выпадает на долю войск Главной армии и Витгенштейна. Финляндский корпус генерала Штейнгейля, попытавшийся в сентябре выполнить свою часть «петербургского плана», после не очень удачной попытки наступления от Риги в сторону

---

¹ *Грачев В. И.* Письма французского офицера из Смоленска в 1812 году. Смоленск, 1911. С. 14–15.

² Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIX. СПб., 1912. С. 153–154; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Т. 4. СПб., 1839. С. 2–3.

³ М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 269.

Вильно, отказался от этого замысла из-за недостатка кавалерии и решил присоединиться к войскам Витгенштейна¹. Но это частное изменение некоторых деталей плана не влияло в целом на благоприятное складывание для русских стратегической ситуации.

На флангах дела в тот момент обстояли следующим образом. Корпус Витгенштейна постоянно подпитывался подкреплениями — рекрутами, запасными батальонами, С.-Петербургским и Новгородским ополчениями, частями Финляндского корпуса, и его численность вскоре возросла в октябре до 40 тыс. чел. Фактически корпус превратился в полноценную армию. После долгого периода ведения «малой войны» Витгенштейн перешел к активным действиям, и 6–7 (18–19) октября его части вытеснили противника из Полоцка. Тем самым левый фланг Великой армии был поставлен под угрозу. В августе–сентябре на Волынь прибыла Дунайская армия, где соединилась с 3-й Обсервационной армией. После соединения войска на этом участке возглавил адмирал П. В. Чичагов и стал командовать с 10 (22) сентября 3-й Западной (объединенной) армией. Это коренным образом изменило расклад сил и на правом фланге Великой армии. Русским удалось в короткий срок очистить всю Волынскую губернию и оттеснить противника за р. Буг. Кроме того, Чичагов приступил к выполнению «петербургского плана» — оставив для прикрытия с тыла усиленный корпус Ф. В. Остен-Сакена в районе Брест-Литовска, он с главными силами двинулся на Минск. Разгромив мелкие отряды под Ново-Свержене и Кайданове, войска Чичагова уже 4 (16) ноября заняли Минск (важнейшую тыловую базу Великой армии), тем самым перерезав главную коммуникационную линию Наполеона².

В этих условиях правильность выбора Кутузовым направления движения на коммуникационную линию противника подтвердили события 3 (15) — 7 (19) ноября — бои под Красным. Наполеон, отступая из Смоленска и предполагая встретить на Минской дороге лишь казачьи партии, был удивлен, увидев русскую пехоту. Появление армии Кутузова у Красного было для французов неожиданным³. Главные силы Кутузова, осуществляя параллельное преследование, сумели обойти с юга Смоленск и встать на пути отступающей Великой армии у Красного. Первоначально Красный, выбив немногочисленный гарнизон, занял отряд А. П. Ожаровского (два

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 10. С. 334–335; Вып. 11. СПб., 1902. С. 60–62.

² Харкевич В. Березина. С. 46; Попов А. Н. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 4. С. 612.

³ Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. T. 2. P. 420.

конных, четыре казачьих и один егерский полки). 2 (14) ноября дивизия генерала М. Клапареда выгнала русских из города, и Ожаровский вынужден был отступить на четыре версты к с. Кутьково. В это время основные силы Кутузова (четыре пехотных корпуса и две кирасирских дивизии) находились в 30 верстах от Красного. Вечером 3 (15) ноября с прибытием к Красному основных сил Наполеона Ожаровский окончательно был сбит с дороги на Оршу. Но под рукой у Наполеона под Красным находились в тот момент лишь гвардия и корпуса Жюно и Понятовского. Нужно было дожидаться прибытия из Смоленска корпусов Богарне, Даву и авангарда Нея. А русские войска генерала Милорадовича (два пехотных и один кавалерийский корпуса) уже смогли выйти на Смоленскую дорогу у д. Ржавки и фактически отрезать от Красного оставшиеся у Смоленска французские корпуса.

4 (16) ноября полки Милорадовича встретили корпус Богарне, который сначала попытался прорваться по дороге, а после лишь ночью смог в обход и скрытно окольными путями пройти к Красному проселочными дорогами, бросив обоз и артиллерию. Кутузов к этому времени уже подошел к д. Шилово (пять верст от Красного) и там оставался весь день.

Утром 5 (17) ноября оба главнокомандующие решили перейти к активным действиям. Но, если Наполеону нужно было обеспечить прохождение к Красному корпуса Даву, поэтому он поставил цель отвлечь на себя главные силы русских, то Кутузов планировал наступление на Красный, исходя из ложных сведений об отступлении Наполеона с гвардией к Лядам. Поэтому он отдал приказ о выступлении Тормасову во главе трех пехотных корпусов, они должны были через д. Кутьково дойти до д. Добрая и тем самым перерезать дорогу. Генералу Д. В. Голицыну с 3-м пехотным корпусом и 2-й кирасирской дивизией было приказано наступать через д. Уварово на Красный. Войска Милорадовича, расположившись параллельно дороге, должны были первоначально пропустить корпус Даву, а затем вместе с Голицыным атаковать его.

Утром 1-я и 2-я дивизии Молодой гвардии перешли в наступление на д. Уварово, а русские упорно защищали занятые позиции. Кутузов, увидев гвардию в деле и узнав, что Наполеон еще находится в Красном, верный избранной им методе, тут же приостановил обходное движение войск Тормасова. Милорадович, как и было ему предписано, пропустил двигавшийся корпус Даву (четыре дивизии, одна за другой), а затем атаковал его. Даву, как и Богарне, вынужден был сойти с основной дороги, бросить часть обоза и артиллерию и идти в обход уже проселочной дорогой, чтобы достичь Красного.

Наполеон, узнав, что русские части совершают движение в направлении с. Доброе и тем самым могут отрезать его, приказал начать отступление от Красного к Орше, не дожидаясь подхода Нея. У с. Доброе передовые полки Торماسова напоследок успешно атаковали французский арьергард, но так и не смогли его отрезать от основных сил.

Но самые суровые испытания выпали на долю войск Нея. На следующий день 6 (18) ноября через Красный, когда французов там уже не было, попытался прорваться авангард Нея. У Нея насчитывалось 6–8 тыс. солдат в строю и примерно столько же нонкомбатантов. События развивались по примерно такому же, но более драматичному сценарию, как с Богарне и Даву. Правда, русские были уверены, что уже все французские корпуса покинули Смоленск, поэтому войска Милорадовича даже стояли тылом к Смоленску. И первоначально Нею удалось продвинуться, но затем он был остановлен перед Красным и последующие отчаянные атаки оказались бесплодны ввиду численного преимущества русских. Ней, дождавшись темноты и собрав всех боеспособных (около 3 тыс. чел.) двинулся вправо от дороги в сторону Днепра и по тонкому льду переправился через реку у м. Сырокоренье. Его уже считали погибшим, но окружным путем 8 (20) ноября он добрался, отбиваясь от казачьих полков Платова, до Орши и привел до 800 чел. Это все, что осталось от его корпуса¹.

Генерал А. Жомини очень критично отнесся к решению Наполеона отступать целой армией эшелонами от Смоленска, он полагал, что французский полководец «сделал при этом более тяжелую ошибку, что неприятель преследовал его не сзади, а в поперечном направлении, почти перпендикулярно к середине его разобщенных корпусов. Три дня боя под Красным, столь пагубные для его армии, были результатом этой ошибки»². Общие потери французов под Красным были ужасающими — более 10 тыс. чел. убитыми, от 19 до 30 тыс. пленными, в руки победителей попало 200–266 орудий (цифры разнятся), огромный обоз, несколько орлов и даже маршальский жезл Даву. Потери русских войск составили 2 тыс. убитыми и ранеными. Это при том, что главные силы Кутузова фактически не участвовали в трехдневных боях, которые главнокомандующий в реляции назвал генеральным сражением, за что в армии многие получили награды, а самому Кутузову была пожалована почетная приставка к титулу «Смоленский».

---

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3510. Л. 232–233, 243–244; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 8. Л. 104–105; Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С. 260–263.

² Жомини Г. Очерки военного искусства. Т. II. М., 1939. С. 60.

Березинская катастрофа

После значительных потерь под Красным французский император надеялся задержать Кутузова у Орши под защитой Днепра. В Орше он переформировал остатки войск, назначил пункты сбора для безоружных солдат, приказал сжечь все кареты и экипажи, уничтожить понтонные парки, чтобы взять лошадей для оставшейся артиллерии. Правда, у него практически не оставалось конницы, а лишь спешенные части и гвардейская кавалерия (1600 всадников). Поэтому из числа генералов и офицеров, сохранивших лошадей, он составил конвой под названием Священный эскадрон.

В распоряжении Наполеона с присоединенными двумя фланговыми корпусами оставалось под ружьем примерно 37 тыс. чел. и где-то столько же вне строя против 120 тыс. русских у Чичагова, Витгенштейна и Кутузова. Почти одновременно в Оршу прибыли донесения о неудаче Виктора под Чашниками и о занятии Минска Чичаговым. Последнее сообщение было крайне неприятным для Наполеона. Последствия могли быть катастрофическими, так как противник не только перерезал операционную линию в тылу, но и угрожал Борису — главному узлу коммуникаций Великой армии на р. Березине. Наполеон вынужден был форсировать отступление от Орши и отдал приказ Удино и Домбровскому двинуться к Борису, удержать переправу до прибытия главных сил и отбросить Чичагова с Минского направления¹.

Несмотря на сложность плана, принятого к руководству после сдачи Москвы, русское командование было близко к его осуществлению. Хотя к этому времени уже имелись отклонения от первоначально выработанного замысла, центральная идея плана прекрасно согласовывалась со сложившейся обстановкой, и с русской стороны был создан тактический перевес сил. После сражения под Красным участь Великой армии во многом зависела от согласованности совместных действий войск Чичагова, Витгенштейна и Кутузова, с разных сторон загонявших Наполеона в готовящуюся ловушку.

9 (21) ноября авангард Чичагова под командованием генерала К. О. Ламберта быстро направился к Березине и выбил только что подошедшего генерала Г. Домбровского из Борисовского тет-де-пона. 10 (22) ноября армия Чичагова полностью заняла линию Березины и начала переправу на другой берег. Сведения Чичагова о Великой армии были неопределенными. По показаниям пленных,

---

¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 24. P. 310–311; *Chambray*. Histoire de l'expédition de Russie. T. 3. P. 459–460.

Наполеон приближался со 100-тысячным войском¹, от Кутузова же он получал сообщения о большом расстройстве отступающих французов. Сам Чичагов был настолько уверен в конечном результате, что даже издал анекдотичный приказ о поимке Наполеона с описанием его примет². Но за самоуверенность адмиралу пришлось поплатиться. 11 (23) ноября его авангард под командованием генерала П. П. Палена (сменившего раненного Ламберта), двигавшийся без предварительной разведки, был внезапно атакован передовыми силами маршала Удино у д. Лощница и отброшен к Борису. Чичагов, полагая из рассказов пленных, что перед ним два корпуса — Удино и Виктора, очистил левый берег³ и тем самым лишил себя активной роли в предстоящих событиях.

В это время Кутузов продолжал преследование Великой армии лишь кавалерией, а главные силы направил на Копыс. По его оценкам, численность всех войск Наполеона в треугольнике Борисов — Черя — Толочин достигала 60 тыс.⁴ Витгенштейн, узнав от пленных о движении Удино к Борису, усилил давление на оставшийся перед ним корпус Виктора. Великая армия оказалась в полном окружении. Французская разведка не располагала сведениями о движениях русских войск, прибегала к расспросам местных жителей и искала проводников. Сам Наполеон опрашивал лиц, знакомых с местностью. Выслушав генералов Г. Дода де ла Брюнри и А. Жомини, он остановился на предложении Жомини переправиться выше Борисова и далее следовать маршрутом на Вилейку к Вильно⁵. Перед Наполеоном стояла только одна цель — вырваться из кольца. Он отказался от ранее принятого плана пробиваться на Минск и приказал Маре подготовить продовольствие в Вильно, а часть запасов направить в Вилейку. Отыскание и обеспечение переправы через Березину было возложено на маршала Удино. Наполеон, по словам жены маршала, даже заявил Удино: «Вы будете моим слесарем и отопрете мне эту дверь»⁶. Непосредственно переправу у Студенки указал командир бригады Ж. Корбино, совершивший от Глубокого рейд для соединения с Удино. С целью обмануть Чичагова южнее Борисова была устроена ложная переправа у д. Ухолоды. Это мероприятие было

---

¹ Из записок адмирала Чичагова // Русский архив. 1869. Стлб. 1150.

² *Шильдер Н.* Приказ Чичагова о приметах Наполеона и о его поимке // Русская старина. 1892. № 12. С. 642; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.

³ *Харкевич В.* Березина. С. 101.

⁴ М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 555.

⁵ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 24. Р. 312, 316.

⁶ Иностранцы о войне 1812 года // Исторический вестник. 1894. № 10. С. 265.

подкреплено успешной операцией по дезинформации противника. Начальник штаба Удино, генерал Г. Лорансе, собрал старожилы и усиленно расспрашивал их о возможности переправы у Ухолод. Задержав нескольких из них как будущих проводников, он тем самым внушил остальным, что Наполеон будет там переправляться. Местные жители М. Энгельгарт и Л. Беннинсон ночью перешли Березину и сообщили об этом Чичагову¹.

Для высшего командного состава русских войск, действовавших в это время в районе Березины, не было важнее вопроса, чем о предполагаемом направлении движения Великой армии и вероятного места ее переправы. В создавшейся обстановке у Наполеона оставалось три возможных варианта: движение на Игумен (переход Березины южнее Борисова); прорыв у Борисова (лобовое наступление на Чичагова и восстановление моста); путь в направлении Вилейки (переправа севернее Борисова). Хотя Наполеон остановился на последнем варианте, все трое русских главнокомандующих считали наиболее вероятным южное направление. В какой-то степени французский император сделал ставку на здравомыслие противника, и этот расчет оправдал себя.

Кутузов в своей переписке с подчиненными хоть и предлагал удерживать Зембинское дефиле (против Студенки), но считал, что противник попытается прорваться на Волынь, и прямо указывал на переправу в Ухолодах. С целью воспрепятствовать прорыву главных сил Великой армии на юг армия Кутузова получила направление на Нижнее Березино. Старый главнокомандующий, разбирая обстановку, писал императору об этом 14 (26) ноября: «Главные силы нашей армии следуют прямо на местечко Березино, как для воспрепятствования неприятелю взять налево к Игумену, также и потому, что единственно по сему направлению можно найти продовольствие, достаточное для корпуса армии»². Такого же мнения придерживались Платов и Витгенштейн. Последний был введен в заблуждение движением арьергарда Виктора к Лошницам. Виктор поступил вопреки приказу Наполеона и оставил неприкрытой Лепельскую дорогу. В создавшейся ситуации Витгенштейн мог беспрепятственно достичь Студенки и уничтожить неприкрытую с тыла переправу. Для этого было достаточно провести глубокую разведку севернее

---

¹ *Военский К.* Наполеон и борисовские евреи в 1812 году // Военный сборник. 1906. № 9. С. 211–220.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 10. С. 119.

Борисова. Витгенштейн же принял решение, основываясь на непроверенных разведанных, двинуться на Борисов¹.

Многие в русских штабах, хотя и предполагали большую вероятность переправы Наполеона в Ухолодах, считали, что предварительно необходимо собрать точные данные². С этой целью в «авангард» был направлен генерал Ермолов, чтобы на основе разведывательных сведений выбрать для движения верное направление. Для координации действий всех трех групп русских войск на Березине были отправлены специальные команды для установления связи и передачи информации, в частности отряды под командованием М. Ф. Орлова и А. И. Чернышева³. Но информированность Чичагова о мнении Кутузова и Витгенштейна сыграла роковую роль. Сначала адмирал, войска которого должны были прикрыть три пути, растянул свои силы, а затем, обманутый французами, сосредоточил как раз главные силы на юге и оставил почти неприкрытым север, хотя к этому времени его войсковая разведка уже располагала сведениями о готовящейся переправе у Студенки⁴.

В создавшейся для Великой армии критической ситуации Наполеон проявил максимум энергии. Он вынужден был одновременно решать двойную задачу: наступательную — по отношению к 3-й Западной армии, и оборонительную — относительно войск Витгенштейна. В качестве главной ударной силы и прикрытия использовались еще боеспособные свежие левофланговые части, в авангарде — 2-й корпус Удино (14 тыс. чел.), в арьергарде находился 9-й корпус Виктора (8 тыс. чел.).

С 14 (26) по 17 (29) ноября происходила переправа Великой армии через Березину у д. Студенка. 400 саперов и понтонеров под командованием генералов Ф. Шасслу-Лоба и Ж. Б. Эбле сумели построить два моста на козлах (наводка мостов производилась стоя по грудь в ледяной воде). 14 (26) ноября Великая армия начала переправу, причем мосты несколько раз ломались. Первыми перешли на другой берег войска Удино, оттеснив небольшой русский заслон под командованием генерала П. Я. Корнилова. Витгенштейн, не имевший точных сведений о противнике, не смог нанести удар по незащищенной с фланга переправе, и, двигаясь на Борисов, лишь напирал с тыла на арьергард Виктора. В результате его войскам удалось 15 (27) ноя-

---

¹ Харкевич В. Березина. С. 114–119, 154–156.

² РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 1031. Л. 24.

³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 57. Д. 17. Л. 106; Ф. 474. Д. 1340. Л. 3.

⁴ Из записок адмирала Чичагова // Русский архив. 1869. Стлб. 1161; Харкевич В. Березина. С. 139–140; Попов А. Н. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 10. С. 191.

бря отрезать и на другой день пленить у Старого Борисова только дивизию генерала Л. Партуно. Основные силы Кутузова находились на большом удалении от Березины, а прибывшие в район переправы отряды генералов Платова и Ермолова не успели принять участия в боевых действиях.

С 14 (26) по 17 (29) ноября на обоих берегах Березины происходили ожесточенные бои, в ходе которых обе стороны понесли чувствительные потери. 16 (28) ноября на правом берегу Чичагов, подтянув с юга и сосредоточив свои войска, безуспешно пытался сбить переправившегося неприятеля с позиций у д. Брили, а войска Витгенштейна на левом берегу, усиливая давление на противника, медленно приближались к Студенке, причем подразделения вводились в дело по частям, а атаки производились по инициативе лишь частных начальников.

В отличие от целеустремленных действий Наполеона оба российских военачальника в тот день не проявили должной решительности. Утром 17 (29) ноября последние части арьергарда корпуса Виктора перешли на правый берег Березины и зажгли мосты, оставив на произвол судьбы обозы и охваченных паникой «одиначек». Отсутствие общего руководства, несогласованность и разрозненность действий Чичагова и Витгенштейна позволили Наполеону переправить через Березину боеспособные силы и затем вывести их через Зембинское дефиле на Вилейку. Однако его потери при Березине составили от 25 до 40 тыс. чел. В руки к русским попали почти вся оставшаяся французская артиллерия, обоз и большое число пленных. Убыль русских войск за четыре дня боев также была весьма чувствительна и составила, по разным, данным от 8 до 14–15 тыс. чел.¹.

Тот «генерал-зима», который, по мнению многих французских авторов, погубил Великую армию, на этот раз явно благоволил Наполеону. Непроходимые весной и осенью Зембинские болота, через которые лежал дальнейший путь отступления, были скованы морозом (25–30 градусов), что позволило французам пройти через них. Наполеон на Березине действовал с большим риском и максимальной энергией, так как его армия находилась в крайне опасном положении. Войска Чичагова и Витгенштейна, каждого в отдельности, не уступали силам Великой армии. Если бы оба военачальника даже после переправы проявили больше упорства, инициативы и смелости в решениях, исход событий на Березине был бы полностью губительным для французов. С точки зрения открывавшихся, но не реализован-

---

¹ Харкевич В. Березина. С. 139–141; Попов А. Н. От Малоарославца до Березины // Русская старина. 1877. № 11. С. 356–357.

ных перспектив, действия всех трех командующих — Кутузова, Чичагова, Витгенштейна — представляли собой цепь грубых оплошностей.

Тактический успех в критической ситуации на Березине позволил Наполеону в некоторой степени компенсировать стратегические просчеты и спасти жалкие крохи своих войск. Нужно признать, что высшее командование России не смогло в полной мере реализовать Петербургский план окружения и уничтожения противника в заранее заданном районе. Об этом прямо писал по горячим следам Александр I Чичагову и Витгенштейну: «Великая цель, Мне кажется, не достигнута. Наполеон перешел Березину с войском своим расстроенным, но не истребленным»¹. Русское общественное мнение обвинило Чичагова в том, что именно он позволил Наполеону «ускользнуть», однако вина за подобный исход сражения в равной степени лежит и на Кутузове, и на Витгенштейне.

«Никогда еще ни одна армия не находилась в более отчаянном положении, — считал участник переправы Жомини, — и не выходила из него с большей силой и искусством. Томимая голодом, погибавшая от морозов, удаленная на 500 лье (2 000 км) от своего операционного базиса, атакованная спереди и сзади на обоих берегах болотистой реки, посреди обширных лесов, — разве могла такая армия надеяться на спасение и на возможность ускользнуть?... Не знаешь, чему больше удивляться: операционному ли плану, приведшему русскую армию из Молдавии, Москвы и Полоцка к реке Березине, как сборному месту для заключения мира, — плану, который должен был бы закончиться пленением страшного противника, — или же поразительному упорству преследуемого таким образом льва, сумевшего проложить себе путь к спасению»². Другой не менее знаменитый военный писатель К. Клаузевиц, отдавая должное французскому героизму, большее внимание в своих выводах уделил результатам: «Честь свою Наполеон здесь спас в полной мере, и даже приобрел новую славу, но исход переправы все же был крупным шагом к полной гибели его армии. Мы знаем, сколько из всей армии дошло до Ковно, и Березина явилась последним существенным ударом, приведшим к этому результату. Таковым же был и общий ход всего отступления. За исключением самого себя, своих лучших генералов и нескольких тысяч офицеров, он из всей армии назад почти никого не привел. Следовательно, когда говорят: он довел до конца труднейшее отступ-

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 2. С. 191–192.

² Жомини Г. Указ. соч. Т. II. С. 69–70.

ление, то это следует понимать лишь номинально; то же можно сказать об отдельных моментах отхода»¹. Недаром и большинство историков называет события на Березине катастрофой для Великой армии². «При Березине, — писал А. Н. Попов, — окончилась судьба Великой армии, заставлявшей трепетать Европу, она перестала существовать в военном отношении, ей не оставалось другого способа для спасения как бегство»³.

Победоносное окончание кампании

После событий на Березине М. И. Кутузовым был разработан новый план, по которому стали действовать русские войска, так называемый ноябрьский план Кутузова по «истреблению бегущего неприятеля». Он был изложен 19 ноября (1 декабря) 1812 г. в предписаниях адмиралу Чичагову, генералам Милорадовичу, Витгенштейну, Платову, а также в рапорте Александру I. Преследование главных сил Великой армии по маршруту Плещеницы — Молодечно — Сморгонь — Вильно поручалось 3-й Западной армии Чичагова, под командование которого переходил казачий корпус Платова. Последнему предписывалось «выиграть марш над неприятелем, атаковать оною в голове колонн и флангах, истреблять переправы, жечь заготовленные им магазейны». Корпусу Витгенштейна было приказано действовать правее Чичагова в направлении на Вилейку и далее с целью отрезать 10-й армейский корпус маршала Э. Макдональда и не допустить его соединения с остатками Великой армии. Чтобы исключить возможность подхода к основной группировке неприятеля Австрийского вспомогательного корпуса, авангарду под командованием Милорадовича и Главной армии предписывалось следовать от р. Березина левее Чичагова — по двум дорогам на Новые Троки. Войскам корпуса генерала Остен-Сакена, непосредственно противостоявшим австрийцам, ставилась задача сковать корпус Шварценберга и воспрепятствовать его движению к Вильно. Для обеспечения порядка в тылу армий Кутузов 21 ноября предписал губернским ополчениям следовать в недавно освобожденные губернии для

---

¹ *Клаузевиц*. 1812 год. С. 148.

² 29-й бюллетень Великой армии, датируемый 3 декабря 1812 г., несмотря на замалчивание больших потерь, произвел на Европу шокирующее впечатление. См.: *Correspondance de Napoléon I-er*. Т. 24. Р. 325–329.

³ *Попов А. Н.* От Малоярославца до Березины // *Русская старина*. 1877. № 10. С. 198. Практически дословно такой же вывод в своей работе повторил В. Харкевич (*Харкевич В.* Березина. С. 201).

несения там гарнизонной, этапной и тыловой службы, а также для выполнения полицейских функций и конвоирования пленных¹.

Нужно сказать, что сильный мороз в последующие после Березинской переправы дни сильно воздействовал на остатки Великой армии. Суровые для французов погодные условия привели к огромным потерям. По дороге в Вильно остались десятки тысяч обезображенных трупов, погибших как от наступивших холодов, так и от голода. Как вспоминал про конец кампании прапорщик Р. М. Зотов: «Наши военные действия ограничивались собиранием по дороге пленных, а эта работа была самая миролюбивая. Они рады были сдаваться, потому что имели в перспективе пищу, а может быть и одежду. Да и передовая наша армия не больше нас делала. Морозы действовали за нас вдесятеро сильнее — и от Березины до Немана погибли более 60 т[ысяч] неприятелей, не сделав ни одного выстрела!»²

Еще в ноябре Наполеон получил известие о заговоре генерал-республиканца К. Ф. Мале, бежавшего из тюремной больницы и объявившего о смерти императора в Москве. Это был для французского полководца опасный симптом — следствие его длительного отсутствия в Европе. 23 ноября (5 декабря) он прибыл в м. Сморгонь, где продиктовал печально известный последний («погребальный») 29-й бюллетень Великой армии. В нем он впервые вынужден был сказать об отступлении (это стало невозможно отрицать), а также дать свою трактовку неудачам в России, свалив все на влияние зимних холодов. В то же время он принял решение об отъезде в Париж, полагая, что в сложившейся ситуации он может «внушать почтение Европе только из дворца в Тюильри». В Сморгони французский император собрал маршалов и объявил им о своем отъезде и передал командование остатками Великой армии Мюрату, как лицу, имевшему высший титул, а затем в сопровождении свиты выехал в Вильно. 25 ноября (7 декабря) он пересек русскую границу под Ковно. Безостановочно находясь в пути, пересек Польшу и Германию и 6 (18) декабря прибыл в Париж. Наполеон полагал, что вывел армию, попавшую в критическое положение на Березине, а она в дальнейшем сможет стабилизировать ситуацию.

Но этого не произошло. Великая армия, несмотря на подход ряда свежих частей, быстро растаяла и не смогла закрепиться ни на одном

---

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XIX. С. 200–204; М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 424–430.

² *Зотов Р. М.* Рассказы о походах 1812-го года // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. С. 497.

рубеже. Необходимо сказать, что грянули настоящие морозы (проявился тот «генерал-зима», о котором любят вспоминать французские авторы), температура достигала минус 20–25 градусов. 26–28 ноября (8–10 декабря) только жалкие остатки Великой армии от Сморгони дошли до Вильно, где они могли бы получить достаточно продовольствия и привести себя в порядок. Перед отъездом Наполеон приказал Мюрату собрать армию в Вильно, удержать за собой город и остановиться там на зимние квартиры. Но все наполеоновские части уже потеряли боеспособность, а преследование со стороны русских (преимущественно конными и легкими войсками) велось безостановочно. Мюрат, как преемник Наполеона на высшем посту, счел за благо уже 28 ноября (10 декабря) вывести войска на дорогу к Ковно, оставив большое количество раненных в Вильно. При выходе из города на Понарской горе, подъем на которую обледел, французы вынуждены были бросить весь транспорт, остатки артиллерии (28 пушек), даже казну Великой армии (около 10 млн франков), и остаток пути до Ковно совершить в основном пешком¹. Достигнув 29 ноября (11 декабря) Ковно, они, не задерживаясь в городе, стали переправляться через Неман. Русские отряды уже 28 ноября (10 декабря) заняли Вильно, захватив в плен до 15 тыс. чел. и значительное количество запасов².

В декабре Кутузов уже разработал новый план боевых действий. Он решил дать отдых утомленной долгими переходами Главной армии, доукомплектовать и собрать отставших. Другое мнение на этот счет имел Александр I, он всячески подгонял своего старого главнокомандующего и писал ему 2 (14) декабря: «Никогда не было столь дорого время для нас, как при теперешних обстоятельствах и потому ничто не позволяет останавливаться войскам нашим, преследующим неприятеля ни на самое короткое время в Вильно»³. Преследование остатков Великой армии, отступавших на территорию Восточной Пруссии, Кутузов поручил армии адмирала Чичагова, казачьему корпусу Платова и армейским партизанским отрядам. Войскам Витгенштейна была поставлена задача отрезать и окружить корпус Макдональда, который задержался под Ригой. Для вытеснения и преследования австрийцев и саксонцев Кутузов выделил корпуса и отряды генералов Ф. В. Остен-Сакена, П. К. Эссена, С. Л. Радта и

---

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3510. Л. 375–376 об.; Донское казачество в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С. 280–283.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 13. СПб., 1906. С. 76.

³ Там же. Вып. 2. С. 218.

С. А. Тучкова. Они продвигались на Слоним, а затем на Белосток с целью воспрепятствовать возможному движению корпуса Шварценберга в Восточную Пруссию или на Варшаву. Позднее их поддержал авангард Главной армии под командованием Милорадовича. Одновременно российские войска, находившиеся под Ригой, начали преследование Макдональда. При этом всему командному составу было указано на необходимость дать почувствовать пруссакам и австрийцам, что неприятель — не они, а французы. Главным результатом такой политики стало заключение 18 (30) декабря Таурогенской конвенции, по условиям которой Прусский вспомогательный корпус (ок. 20 тыс. чел.) был объявлен нейтральным¹. Прямым следствием Таурогена стал быстрый уход французских войск из Восточной Пруссии в направлении на Данциг, Торн и Позен. Мюрат полностью отказался от мысли оборонять Кенигсберг, а затем 4 (16) января сдал командование вице-королю Э. Богарне и самовольно отбыл из армии в Неаполь. В январе 1813 г. вся Восточная Пруссия была очищена от неприятельских сил.

На левом фланге российские военачальники уже в середине декабря стали вступать в переговоры с австрийским командованием (генерал И. В. Васильчиков договорился об оставлении без боя Белостока, а ротмистр А. Н. Чеченский из отряда партизана Д. В. Давыдова — об оставлении Гродно). 18 (30) декабря Кутузов направил к Шварценбергу своего дипломатического чиновника И. О. Анстета с полномочиями на заключение перемирия². Уже к середине декабря ни одного вооруженного солдата противника не оставалось на территории Российской империи. 25 декабря 1812 г. были подписаны манифесты о благополучном окончании войны («О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского») и «О построении в Москве церкви во имя Христа Спасителя в ознаменование благодарности к промыслу Божию за спасение России от врагов»³.

17 (29) декабря Главная армия получила приказ начать движение в герцогство Варшавское, имея задачу действовать на левый фланг австрийских войск с целью вынудить их уйти на свою территорию. При этом левофланговой группировке Остен-Сакена, стоявшей на

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сб. документов. С. 11–12; Подр. см.: *Звавич И. С.* Как была заключена Таурогенская конвенция // Ученые записки МГУ. Вып. 114. История. М., 1947. С. 26–41.

² М. И. Кутузов. Т. V. М., 1956. С. 7–9; Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 10–11.

³ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXII. № 25295, 25296.

р. Буг, было приказано не предпринимать активных действий и лишь наблюдать за отступлением австрийцев в Галицию. Таким образом, Шварценберг получил коридор для отвода своих войск и возможность отделения от Великой армии. В дальнейшем российское командование согласовывало с ним свои действия на территории герцогства Варшавского. В январе 1813 г. войска Чичагова блокировали крепости Данциг, Торн и Модлин. 12 (24) января 1813 г. со Шварценбергом был согласован план отхода австрийских войск, 16 (28) января составлен проект перемирия, а 27 января (8 февраля) войска Милорадовича заняли Варшаву. 1 (13) февраля корпус генерал-адъютанта Винцингероде нанес поражение саксонским войскам генерала Ш. Рейнье под Калишем¹. Потери саксонцев составили около 3 тыс. убитыми, ранеными и пленными. В результате реализации плана Кутузова российские войска заняли герцогство Варшавское, очистили от неприятеля Восточную Пруссию и вышли на линию р. Одер.

Из России французы смогли вывести фланговые части да лишь жалкие остатки корпусов, в большинстве — командные кадры, из более чем 600 тыс. бойцов, по разным подсчетам, от 40 до 100 тыс. чел. Дезорганизация армейского организма была полная. 15 (27) декабря 1812 г. в трактир г. Гумбиннена, где находились высшие офицеры французской армии, ворвался грязный и оборванный бородач. Прежде чем ординарцы собрались выдворить его на улицу, он обратился к одному из обедающих: «Генерал Дюма, вы меня не узнаете?... Я — арьергард Великой армии, маршал Ней»². Потери русской армии также были достаточно велики, их можно оценить примерно в 300 тыс. чел. К концу года численность всех войск, вышедших к своим границам, равнялась примерно 87 тыс. чел., из них в рядах главной армии под командованием Кутузова насчитывалось чуть более 27 тыс. бойцов³. Русские части, проделавшие поход от Москвы до западных границ, просто нуждались в отдыхе и пополнении.

Генеральские обиды под занавес кампании

Последним и самым заметным актом генеральских разборок стала опала адмирала Чичагова, на которого общее мнение не без помо-

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 60–61.

² Souvenirs du lieutenant-général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1836. Т. 3. Р. 485.

³ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 278–279.

щи Кутузова возложило ответственность за неудачи на Березине. Фигура Чичагова в силу своей неординарности вызывала в среде генералитета резкое раздражение. Первоначально Александр I вверил ему Дунайскую армию для осуществления экспедиции на Балканы. С этой точки зрения назначение казалось в какой-то степени оправдано, но когда его армия была переброшена на главный театр боевых действий, адмирал без опыта командования армейскими соединениями такого масштаба воспринимался уже как недоразумение. Как иронично заметил Дохтуров, «наш адмирал управляет все по ветрам», а Кутузов считал, «что моряку нельзя ходить по суше»¹. Помимо этого, многие современники указывали на независимый характер Чичагова и его весьма критическое отношение к России². Немаловажным фактором стало личное, затаенное до времени, неудовольствие Кутузова (Чичагов был послан сменить его на посту главнокомандующего Дунайской армии для подписания мира с турками). Чичагова стали называть в военных кругах не иначе как «ангелом-хранителем Наполеона». Так, вспоминая появление в конце кампании Чичагова в Вильно, генерал А. М. Римский-Корсаков следующим образом описал его прибытие в Главную квартиру: «Адмирал сей в общем мнении на весьма невыгодном счете. Сами военные простить ему не могут утечку Наполеона, и нет человека ему доброжелательствующего»³. Под давлением общественного негодования Чичагов вскоре покинул свой пост.

Антикутузовские настроения мало затрагивали низы армии. В конце кампании лишь некоторые штабные сотрудники позволяли себе негативно оценивать главнокомандующего. Одним из таких смельчаков оказался А. А. Закревский, продолжавший мыслить и писать в духе «русской» партии («за что произвели его в фельдмаршалы?»; «по милости вышних начальников мундир нам носить не хочется»). Он также резко высказывался по поводу награждения

---

¹ Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1107–1108; Записки о войне 1812 года князя А. Б. Голицына // Военный сборник. 1910. № 12. С. 32–34.

² В своих воспоминаниях Р. С. Эдлинг писала: «Чичагов не скрывал величайшего презрения к своей стране и своим соотечественникам». Аналогичную характеристику адмирала оставил и Ж. де Местр: «Он воспитывался в Англии, где научился презирать свою страну и все, что там делается»; «презрение и даже глубокая ненависть ко всем установлениям своей страны, в которых видит он лишь слабоумие, невежество, преступления и деспотизм» (Тайны царского двора (из записок фрейлин). М., 1997. С. 99; *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 100, 240).

³ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. (1812–1815 гг.). С. 400.

Александром I Кутузова высшим орденом Св. Георгия: «Надел на Старую Камбалу Георгия 1-го класса. Естли спросите за что, то ответа от меня не дождетесь»¹.

В Вильно император встретился с Р. Вильсоном и заявил, что у него много претензий к Кутузову: «Он избегал, насколько сие оказывалось в его силах, любых действий противу неприятеля... но московское дворянство стоит за него и желает, дабы он вел нацию к славному завершению сей войны. Посему я должен... наградить этого человека орденом Св. Георгия, хотя тем самым нарушу его статут, ибо это есть высочайшая награда в Империи...» Тут уместно привести и мнение другого иностранца — Ж. де Местра: «Решали все природные русские, которые не желали делиться славой с иноземцами. Сами избрав Кутузова, они хотели создать для него гигантскую репутацию, для чего надобно было не только приписать ему все заслуги и неимоверно преувеличить оные, но еще отнести все его ошибки на счет других, что и было сделано»². Бесспорно, элементы истины есть в этих словах. Кутузов в общественном мнении навсегда остался «спасителем Отечества», а Александру I всего лишь досталась роль «избавителя Европы».

В конце кампании происходила большая раздача отличий, наград и чинов, что послужило причиной очередных неудовольствий и личных обид в генеральской среде. «Сказать должно однакож, — писал 16 декабря из Главной квартиры А. М. Римский-Корсаков, — что интриг пропасть, иному переложили награды, а другому не домерили». Примерно в тех же тонах высказывался об этом и Н. Н. Раевский: «Раздают много наград, но лишь некоторые даются не случайно»; затем, перечисляя генералов, удостоенных высшего внимания, сделал приписку, весьма характерную для многих современников: «А я, который больше всех, чтобы не сказать один, трудился, должен дожидаться хоть какой-нибудь награды»³. В дошедшей до нас частной переписке в конце кампании многие генералы высказывали своим близким недовольство большим количеством отличий своих коллег и жаловались на то, что их заслуги не были оценены по достоинству.

---

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 234–235; ОР РГБ. Ф. 41. Картон 86. Д. 8.

² Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 282; Де Местр Ж. Указ. соч. С. 240.

³ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. (1812–1815 гг.). С. 401; 1812–1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. С. 236.

Осторожность полководца или «золотой мост»?

Подводя итоги, необходимо в первую очередь коснуться одной историографической концепции — теории «золотого моста» («Pont d'Or»), которой придерживались многие отечественные авторы, а из советских исследователей талантливо доказывал академик Е. В. Тарле (до момента, пока ему в порядке партийной критики не указали на идеологический промах). Согласно этой концепции Кутузов на втором этапе войны предоставлял Наполеону коридор для отхода из России, т. е. строил ему «золотой мост». Само выражение строить «золотой мост» Кутузов употребил в беседе с английским генералом Р. Вильсоном. Оно и попало в историографию со слов этого генерала, относившегося к главнокомандующему критически. По мысли Вильсона, делал это Кутузов для того, чтобы в случае полного поражения (или гибели) Наполеона плодами победы в Европе в ущерб России не воспользовалась Англия. Причем свидетельств участников событий, подтверждавших прямо или косвенно эту теорию, можно найти с избытком¹. На существование подобной стратегии наводили и сами факты — поведение Кутузова во время Тарутинского сражения (отказался атаковать противника главными силами), отход русских после Малоярославецкого сражения, задержка ввода в бой главных сил под Вязьмой и Красным, медлительность его действий во время событий на Березине. Французские корпуса всякий раз соединялись с главными силами Великой армии, несмотря на то, что у русских были благоприятные возможности их отрезать. Каждый раз этого не происходило из-за противодействия (по мнению очень многих) именно главнокомандующего.

В данном случае уместно привести мнение одного из участников кампании К. Клаузевица: «Русские редко опережали французов, хотя и имели для этого много удобных случаев; когда же им и удавалось опередить противника, они всякий раз его выпускали; во всех боях французы оставались победителями; русские дали им возможность осуществить невозможное; но если мы подведем итог, то окажется, что французская армия перестала существовать, а вся кампания завершилась полным успехом русских за исключением того, что им не удалось взять в плен самого Наполеона и его ближайших со-

---

¹ Например, К. В. Нессельроде писал: «Кутузов, слабо преследовавший французов, был того убеждения, что врагам следовало соорудить золотой мост для отступления» (Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 522).

трудников. Неужели же в этом не было ни малейшей заслуги русской армии? Такое суждение было бы крайне несправедливо»¹.

Но чаще всего даже компетентные в военном деле современники затруднялись объяснить поведение русского военачальника, оно или оставалась загадкой или истолковывалось боязнью ответных ходов Наполеона. Конечно, никто не мог предъявить Кутузову обвинений в симпатиях к французскому императору или в трусости на поле боя. Хотя Наполеона не грех было опасаться, слишком много самонадеянных европейских генералов до 1812 г. жалели, что не испытывали такого чувства, и за это жестоко поплатились.

Все же, для понимания происходившего необходимо исходить из того, что Кутузов был мудрым и весьма опытным полководцем и политиком, стремившимся выполнить поставленную перед ним главную цель — победить Наполеона. А побеждать можно разными путями. Причем ведь для него речь шла не о славе выигранных отдельных сражений, а он отлично осознавал, что нужно выйти победителем в кампании, поэтому заранее расставил сети, в которые должен был попасть французский император. Для него, скорее всего, неважны были тактические промахи, но он очень хорошо стратегически просчитывал ситуацию, что не раз доказывал своей боевой практикой. Кутузов в 1812 г. продемонстрировал удивительную терпеливость, и, если бы создались благоприятные обстоятельства, он, без сомнения, разгромил противника. А в стратегическом плане он действовал очень грамотно и безукоризненно, во всяком случае, не допустил ни одного стратегического ляпа, в отличие от Наполеона.

Кутузов, безусловно, являлся самым опытным русским генералом, притом очень хитрым, осторожным и проницательным. Кроме того, он знал плюсы и минусы войск, понимал, что русская армия еще плохо могла осуществлять сложные маневры (как раз именно этого чаще всего от него требовали), видел другие недостатки, но в то же время очень хорошо пытался использовать все промахи противника и объективные факторы обратить на пользу русского оружия: значительные расстояния, погоду, голод в частях Великой армии, а главное — время, это был его лучший союзник. Да и к тому же важно было сохранить боеспособность армии на будущее, а оно могло быть самым разным. Так, по словам князя А. Б. Голицына, старый главнокомандующий утверждал в конце кампании 1812 г.: «Я желаю, чтобы существование большой нашей армии стало для Европы действительностью, а не химерою; хотя она и уменьшается во время похода,

---

¹ *Клаузевиц*. 1812 год. С. 149.

но месяц отдыха и хорошие квартиры снова ее поставят на ноги. Только это решит вопрос и привлечет Германию на нашу сторону»¹.

Кутузов, не желая попросту тратить силы, всегда высказывал недовольство понесенными потерями русской армией: «За десятерых французов не отдам я одного русского, — говорил он. — Неприятели скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу?»² Думается, что этот старый полководец, осуществляя параллельное преследование, знал и отлично понимал, что он делал и какие цели преследовал. Видя перед собой отступающего противника, войска которого возглавлял талантливый военачальник, способный использовать малейший промах преследователя для изменения ситуации в свою пользу, он не хотел подвергать армию лишнему риску, все взвешивал и старался действовать только наверняка. Быть осторожным и взвешенным в решениях человеком, это отнюдь не означало бояться своего противника, а только правильно оценивать его возможности. Действительно цена его решений была чрезвычайно велика, в 1812 г. от них зависело будущее державы.

Выводы к 3-й главе. В каждом межгосударственном противоборстве в вопросе о соотношении сил и средств закономерность состоит в том, что выигрывает делающий меньше ошибок, более предусмотрительный и решительный, выигрывает тот, у кого больше резервов и кто лучше ими маневрирует. Опыт неудачного планирования 1805–1807 гг. заставил русское командование обратить пристальное внимание на выработку верной стратегии, хотя операционный план действий нужно признать не вполне удачным. Наполеон и русское командование в первый период войны вынуждены были действовать под влиянием обстановки и руководствуясь предвоенными стратегическими установками. Если говорить о действиях русской армии, то в первый период войны они диктовались стратегическим планом отступления. Это позволило военному руководству целенаправленно проводить линию, выработанную до начала войны, и соблюсти преемственность в системе ведения военных действий, несмотря на замену командующих лиц.

После взятия французами Москвы каждая из сторон ожидала практического претворения в жизнь своих долгосрочных замыслов. Если Наполеон был искусно введен в заблуждение и продолжал строить ошибочные политические планы заключения мира, то, напротив, для русского командования возникла ситуация, которая

---

¹ Записка о войне 1812 года князя А. Б. Голицына // *Военский К.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911. С. 80.

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. IV. С. 17.

предусматривалась довоенными проектами, а именно: действовать свежими силами с флангов на растянутую коммуникационную линию противника. В то время как Наполеон тяготился бесплодным ожиданием предложений о мире, идея выработанного нового русского плана базировалась на правильном расчете сил, пространства и времени. Во время отступления из России Наполеон пытался последовательно закрепиться на нескольких рубежах и на каждом этапе решить локальные задачи. Зачастую он руководствовался соображениями престижа. Но в силу опережающих действий русской армии на флангах ему приходилось оставлять намеченные рубежи и отказываться от поставленных целей. Прочно захватившие инициативу на всех участках театра войны русские войска старались действовать на опережение и руководствовались планом окружения противника в заранее заданном районе. События на Березине стали закономерным финалом войны. Для французов — катастрофой, для русских — логическим исходом процесса реализации планирования военных действий.

Разбирая в целом военные события 1812 г., необходимо отметить ряд противоположных процессов, протекавших в станах воюющих сторон. Имея громадное численное превосходство в начале войны, Наполеон постепенно расплыл свои силы и напоследок остался без резервов. В противовес этому русское командование рационально использовало резервы, смогло мобилизовать значительные людские и материальные ресурсы и сконцентрировать главные силы в решающий момент и в решающем месте. Эти явления были обусловлены и тесно связаны между собой. Они вытекали из предвоенной подготовки сторон. С французской стороны следствием слабой разработки стратегического планирования на основе ложных идей из-за отсутствия достоверной информации. С русской стороны этот процесс вытекал из верного стратегического расчета перед войной и дальнейшего развития планирования в этом направлении.

А. Шувалов, разбирая по свежим следам ошибки императора французов, считал, что главная его погрешность «состояла в том, что он основал планы свои на политических расчетах. Сии расчеты оказались ложными и здание его разрушилось; не должно думать, чтобы он полагался на возмущение народа, напротив того — скорее на слабость кабинета и на усердие употребляемых им агентов»¹. Другая его ошибка заключалась в том, что принимались во внимание только регулярные русские части, и не учитывалась способность русского народа подняться на борьбу против иноземного нашествия.

---

¹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 236. Л. 6.

Неправильные политические представления Наполеона породили ошибки в стратегии и тактике. Его крайне расплывчатая стратегическая концепция была целиком поставлена в зависимость от тактических успехов. В оценке боеспособности русской армии он исходил из представлений времен Аустерлица и Фридланда, игнорируя позитивные перемены, происходившие с 1810 г., накопленный боевой опыт и живучесть национальных военных традиций в России. Операционный план Наполеона был построен на численном преимуществе и тактическом превосходстве над вооруженными силами государств Европы, к которым причислялась и Россия.

С самого начала войны постороннему наблюдателю могло показаться, что Наполеону удалось захватить инициативу в свои руки. Но осуществить свои оперативные замыслы он не смог. Французский император попытался использовать разобщенность двух русских армий на главном театре военных действий и разгромить их поодиночке, используя наступление по внутренней операционной линии. Приведем мнение немецкого специалиста по военному искусству Р. Кеммерера: «Как только Наполеону удавалось вклиниться между двумя частями неприятельской армии или двумя отдельными армиями, их судьба обычна была решена»¹. Однако в сложных условиях русскому командованию удалось вывести войска из-под удара превосходящих сил французов и, успешно маневрируя, соединить свои две армии под Смоленском. Желанию Наполеона навязать генеральное сражение с российской стороны было противопоставлено стремление сохранить армию как главную опору национального сопротивления. Русское командование решилось на генеральную битву лишь в глубине своей территории, имея сведения о примерном равенстве сил. После кровопролитного Бородинского сражения Великая армия не утратила наступательного порыва. В самый драматический момент войны, когда противник приблизился к стенам Москвы, русский генералитет после жарких споров принял решение пожертвовать древней столицей для сбережения своих сил.

У Наполеона с самого начала войны конкретные оперативные вопросы, вытекающие из обстановки, и погоня за тактическими успехами все больше и больше заслоняли собой перспективы общего стратегического руководства. Длительное нахождение Великой армии в Москве являлось следствием политического просчета, имевшего катастрофические последствия. Действия же русской армии были подчинены стратегическому замыслу затягивания военных действий в

---

¹ Кеммерер Р. Развитие стратегической науки в XIX столетии. М., 1938. С. 37.

глубину с целью нанесения решительных ударов с флангов по истощенному и измотанному в малых боях противнику. Для выполнения этой задачи русское командование сумело найти принципиально новые оперативно-стратегические решения. В то время, когда Наполеон израсходовал свой последний крупный резерв (корпус Виктора), с русской стороны на флангах были введены крупные свежие регулярные соединения, прибывшие из Финляндии и Молдавии, что кардинальным образом изменило ситуацию на театре военных действий.

В то время, когда в России были мобилизованы значительные материальные и людские ресурсы, главные силы Наполеона оказались в центре враждебной территории при наличии единственной и чрезвычайно растянутой коммуникационной линии, имевшие, вследствие применения русскими тактики «выжженной земли», крайне скудные возможности для применения реквизиционной системы снабжения войск. Уже начиная обратное движение от Москвы, Великая армия находилась в критическом положении. Не случайно маршал Сен-Сир назвал решение об отступлении «отчаянным» планом¹. Военные действия во второй период кампании развивались очень быстро. Можно привести аналитические данные П. А. Чуйкевича: путь отступления до Малоярославца в 1213 верст русская армия проделала за 123 дня. Расстояние от Малоярославца до Ковно в 985 верст войска Наполеона преодолели за 49 дней². В данном случае другим словом, как бегство, отступление Великой армии не назовешь. Лишь стремительная смена событий, быстрота реакции Наполеона в чрезвычайных обстоятельствах и инстинкт самосохранения, продиктованный смертельной опасностью на Березине, позволили французам избежать полного разгрома.

Во второй период войны с Дона прибыли 26 донских конных полков (13 тыс. сабель). Это резко увеличило удельный вес конницы (до одной трети) в составе главных сил Кутузова и оказало значительное влияние на ход военных действий. Когда Наполеон вынужден был из остатков конницы формировать части из спешенных кавалеристов, армия Кутузова стала усиливаться легкой кавалерией. Поэтому неудивительны и успехи казачьих полков, их действительно можно назвать блистательными. Только количественные показатели корпуса Платова (значительно завышенные в реляциях) могли впечатлить любого. Если верить бумагам, в 1812 г. ими было взято 30 зна-

---

¹ Взгляд маршала Сен-Сира на кампанию 1812 года // Военный журнал. 1846. Кн. 3. С. 113.

² Чуйкевич П. Рассуждения о войне 1812 года. СПб., 1813. С. 8–9.

мен и штандартов, 500–548 орудий противника, от 50 до 70 тыс. пленных¹.

Итогом 1812 г. явилось почти полное уничтожение Великой армии. Кутузов имел полные основания написать: «Неприятель с бедными остатками бежал за границу нашу»². Маршал А. Бертье, докладывая в начале 1813 г. Наполеону о катастрофических потерях, также объективно вынужден был сделать вывод: «Армии более не существует»³. Более полумиллиона солдат из стран Европы нашли свою гибель или попали в плен в России. Это был тот удар, от которого французская империя уже не смогла полностью оправиться. Перед началом войны Наполеон строил грандиозные планы о мировом господстве. «Через пять лет, — говорил он аббату Д. Прадту, — я буду хозяином мира; остается Россия, но я ее раздавлю»⁴. В декабре 1812 г., в Варшаве, французский император неоднократно повторил, ставшую исторической фразу, зафиксированную несколькими современниками: «От великого до смешного — только один шаг»⁵.

---

¹ См.: *Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. С. 104.

² М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 610.

³ Цит. по: *Savant J.* Napoléon. Paris, 1974. P. 238.

⁴ *Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812*, par M. De Pradt. P. 24.

⁵ *Ibid.* P. 215; *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. (1812–1815 гг.). С. 419.

ГЛАВА 4. РОССИЯ В ЗАГРАНИЧНЫХ КАМПАНИЯХ 1813–1815 гг. И ЦЕНА ПОБЕДЫ

§ 1. Кампания 1813 г. и образование 6-й антифранцузской коалиции

В начале 1813 г. в журнале «Сын Отечества» в редакционной статье были напечатаны пророческие слова: «Европа освобождена, естли правители оной имеют довольно благоразумия и решимости, дабы понять сие мановение судьбы и им воспользоваться»¹. 12 (24) декабря 1812 г. в Вильно император Александр I в день своего рождения заявил собранным генералам: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу»². Собственно, уже в этих словах заключалась концепция будущих действий русской армии и уверенность российского императора в необходимости перенесения войны в Европу.

В данном случае есть необходимость остановиться подробнее на очень важном и не проясненном до конца в историографии вопросе — стоило ли русским войскам после победоносного окончания военных действий в 1812 г. идти дальше в Европу? Как писал в свое время участник военных действий историк Д. П. Бутурлин, «гибельный Московский поход не заставил Наполеона быть умереннее; могущество его было сильно потрясено, но не совсем еще уничтожено»³. Необходимо прямо сказать, что Александр I в то время был одним из немногих государственных европейских деятелей на континенте, кто верил в окончательную победу над Наполеоном. Но даже после катастрофы в России верхи больших и малых держав, находились в поисках нового «модус вивенди». Большинство исходило из логики более чем десятилетнего наполеоновского господства и из тщетности усилий победить гениального «узурпатора». Но ситуация в начале 1813 г. для европейских политиков оказалась чрезвычайной, и в их

¹ Сын Отечества. 1813. Ч. III. № I. С. 5–6.

² Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. С. 134. Известный публицист Г. Меркель опубликовал крылатую фразу «Окованная Европа напала на Россию, и Александр расторг ее узы» (Сын Отечества. 1814. Ч. 11. № I. С. 37).

³ *Бутурлин Д. П.* Картина осеннего похода 1813 г., в Германии, после перемирия, до обратного перехода французской армии чрез Рейн. С. 1.

рядях наблюдались полная растерянность и колебания. Что делать? Как поступать? Выгодно ли будет и впредь поддерживать французского императора?

Александр I, разрабатывая оборонительные планы в 1812 г., принял на вооружение концепцию дальнейшего переноса военных действий в Европу, предвидя и делая ставку на антинаполеоновское движение в Германии. Он был убежден в необходимости добить дракона в его собственном логове. Это был продуманный внешнеполитический курс, иначе трудно объяснить, зачем русские власти так активно поддерживали всех немецких офицеров и патриотов из гражданских лиц, образовали в самом начале кампании 1812 г. Комитет по делам Германии, создавали Русско-немецкий легион, тратили денежные средства на пропаганду и поддержку «патриотов» внутри германских земель.

В последнее же время многие авторы высказывают мысль, что лучше было бы русским войскам остановиться на границе, чем продвигаться в Европу, обосновывая эту версию ссылкой на геополитические интересы России. Аргументация же приводится очень простая. Русские проливали кровь, а все дивиденды от окончательной победы над Наполеоном в итоге достались Великобритании, а отнюдь не России. В отечественной историографии одним из первых это суждение выразил авторитетный историк великий князь Николай Михайлович, комментируя высказывания сторонников невмешательства в дела Европы: «Будущее показало весьма скоро, что такое мнение имело свои основания, и что России последующие войны принесли мало пользы, а скорее даже вред». Он не поддерживал «вполне ненужное для русских интересов освобождение Германии от ига Наполеона», так как «восторжествовала опять идея коалиции, но не прямые интересы России»¹. Многие историки делают при этом акцент на том, что никто иной, как сам М. И. Кутузов являлся сторонником идеи остановки армии на границе после освобождения русской территории². Обычно при этом авторы приводят мнения Кутузова, высказанные им в конце кампании 1812 г. в разговорах с

---

¹ Николай Михайлович, *вел. кн.* Император Александр I. С. 110, 114, 117.

² По мнению С. С. Татищева, против перехода русских войск через Неман высказывались М. И. Кутузов и его штаб, за — выступали все дипломаты, включая канцлера графа Н. П. Румянцева (*Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи.* С. 40). Этот вопрос и деятельность М. И. Кутузова в данный период попытался осветить в своей книге Н. А. Троицкий, но он не подтвердил это широко распространенное мнение (см.: *Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты.* М., 2002. С. 322–328).

Р. Вильсоном и А. С. Шишковым. Причем Шишков в воспоминаниях привел свою беседу с Кутузовым в форме диалога (вопрос — ответ). При анализе же этого текста становится ясно, что убежденным сторонником остановить дальнейшее продвижение русской армии в Европу был как раз сам мемуарист, а главнокомандующий лишь вяло соглашался с его доводами. Кутузов также упомянул, что на эту тему разговаривал с императором: «Я представлял ему об этом; но первое, он смотрит на это с другой стороны, которую также совсем опровергнуть не можно; и другое, скажу тебе откровенно и чистосердечно: когда он доказательств моих опровергнуть не может, то обвинит меня и поцалует; тут я заплачу и соглашусь с ним»¹.

В данном случае трудно опираться на косвенные свидетельства Вильсона и Шишкова, официально таких заявлений сам русский главнокомандующий никогда не делал, да и вся его делопроизводственная переписка свидетельствовала об обратном. Главная армия в Вильно по его настоянию получила кратковременный отдых (она действительно нуждалась в этом), а остальные части продолжили безостановочное и уже запланированное преследование противника. В докладе императору в начале декабря он считал, что «крайняя необходимость требует, ...чтобы Главная армия хотя на короткое время остановилась бы в окрестностях Вильны, ибо, если продолжать дальнейшее наступательное движение, подвергнется она в непродолжительном времени совершенному уничтожению. Впрочем, сей отдых Главной армии ни мало не останавливает наших наступательных действий, ибо армия адмирала Чичагова и корпусы графа Витгенштейна, генерала Платова, генерала Дохтурова и генерал-лейтенанта Сакена продолжают действовать на неприятеля, а партизаны наши не теряют его из виду»². 15 (27) декабря 1812 г. в приказе по русским войскам говорилось: «Уже нет ни единого неприятеля на лице земли нашей. Вы по трупам и костям их пришли к пределам империи. Остается еще вам перейти за оные, не для завоевания или вне-

---

¹ Записки, мнения и преписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 167–168. Шишков указал, что в конце 1812 г. он являлся сторонником остановки русских войск на границе: «Чтож принадлежит до мнения моего, изложенного в сем разговоре, то хотя последовавшие события и опровергли оное, однакож и теперь не стыжусь я тогдашних моих мыслей. Мне внушала их опасность, чтоб Россия, жертвуя собою для других, и ратоборствуя больше для славы, нежели для пользы своей, не подверглась с ущербом благоденствия своего каким-либо новым злоклучениям... Я и по ныне в толь скором падении возросшей до высочайшей степени силы Наполеоновой не иное вижу, как особенное произволение Творца вселенной» (Там же. С. 169).

² М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 582–583.

сения войны в земли соседей наших, но для достижения желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себе спокойствие, а им свободу и независимость»¹. А уже в приказе войскам о победоносном окончании кампании прямо заявлялось: «Не останавливаясь среди героических подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение на собственных полях его»². Очень примечательно и частное письмо Кутузова Д. П. Трошинскому от 10 января 1813 г., в котором он писал про армейские дела: «По сию пору все еще благоприятствует, но беречься должно, чтобы не проступить. Опаснее всего софизмы теорические. По сию пору, однакож, государь их остерегается»³. Полагаю, полководец с императором нашли общий язык.

Об этом свидетельствует и разработка последующих шагов в среде русской дипломатии. Из документов российского внешнеполитического ведомства можно выделить сделанный в конце 1812 г. доклад К. В. Нессельроде⁴ Александру I с анализом сложившейся ситуации в результате побед русского оружия. По мысли дипломата, Россия не желала этой войны, а только оборонялась, но после кровопролитных и разорительных военных действий, она, конечно, нуждалась в мире («верно понятые интересы России, очевидно, требуют мира прочного и крепкого, после того как успехи ее против французских армий упрочили ее жизнь и независимость»). Но добиться «прочного мира» можно было только в результате возвращения Франции в ее старые границы между Рейном, Альпами, Пиренеями и Шельдой. Только русской армии в одиночку решить такую задачу было не под силу, а для того чтобы достичь такой цели, необходимо было создание широкой антифранцузской коалиции, основой которой, по мысли Нессельроде, должен был стать австро-русский союз. Впоследствии к нему планировалось присоединение Пруссии, а сами военные действия субсидировались бы Англией. И только в том случае, если не удастся добиться соглашения с австрийцами, предлагалось пойти на заключение мирного договора с Наполеоном⁵. Безусловно, последо-

---

¹ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. С. 99.

² М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 634.

³ Там же. Т. V. С. 97.

⁴ Сам Нессельроде в своих воспоминаниях указывал на то, что Кутузов высказывался против продолжения войны, но Александр отверг это предложение и «решился принять лично командование армией» (Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 522).

⁵ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 94–95.

вавшие события несколько разошлись с прогнозом Нессельроде (основой стал русско-прусский союз, а затем к нему присоединились австрийцы), но в докладе в целом ситуация оценивалась прагматично и выдвигались разумные предложения, в том или ином виде затем взятые на вооружение русской дипломатией. Среди иностранных советников российского императора за перенос военных действий в Германию активно выступал Г. Ф. К. Штейн¹. Достаточно реалистичную позицию занимала и любимая сестра Александра I великая княгиня Екатерина Павловна. Она полностью поддерживала переход русской армии через границы и в 1813 г. заявила: «Но теперь-то именно не следует нам пьянеть от успехов; но, напротив того, собрать жатву»². Из крупных русских военачальников за заключение мира выступал только Д. С. Дохтуров. Об этом свидетельствуют его письма к жене летом 1813 г., но его желание было продиктовано усталостью от войны и недовольством высшим командованием: «Каждый добрый русский должен сего желать; вот уже год, как сия необыкновенная война продолжается, пора кончить», «те, кои все даром получают, желают войны, как они говорят, но те, кои служат ремнем, генерально просят Бога о мире»³.

Если же вернуться к позиции, занимаемой Кутузовым в конце 1812 г., то стоит заметить, что историки лишь однажды (на круглом столе в журнале «Родина» в 1995 г.) обменялись репликами по этому поводу⁴. А этот, можно сказать, базовый вопрос приобрел принципиальное значение в нашей историографии, поскольку появились любители рассматривать контрфактические ситуации в истории. Ведь очень соблазнительно переиграть те или иные события в сторону альтернативы, которая устраивала бы исследователя, а не современников. Но даже если Кутузов в частных разговорах позволял себе высказывания о том, что русскими руками не нужно «таскать каштаны из огня» для британского льва, официально сказать подобное он,

---

¹ Кириллина Л. А. Штейн и Россия: 1812 год // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995. С. 56.

² Цит. по: Божерянов И. Н. Великая княгиня Екатерина Павловна четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. СПб., 1888. С. 65. По мнению великого князя Николая Михайловича, в этот период «подвижная и неутомимая сестра приняла живейшее участие во всех закулисных интригах» (*Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. С. 119).

³ Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1118, 1120.

⁴ Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9. С. 66.

и как опытный царедворец, и как достаточно мудрый человек, не мог по слишком многим причинам. Даже если он искренне придерживался такого мнения (в чем есть сомнения), окончательное решение по столь важному вопросу принимал не он, а прибывший к армии Александр I. А Кутузов был весьма проницательным и гибким сановником, умел подстраиваться и действовать в унисон с императором. Кроме того, существовала логика развития военных и политических событий. Как Наполеон был не в силах остановиться на пути движения своей армии к Москве в 1812 г., так и русские не могли застопорить победный марш и отказаться «добивать корсиканца». После 1812 г. такого решения не поняла бы ни армия, ни дворянское общество.

Но как бы тогда дальше развивалась ситуация? После нокаута в России Наполеону, потерявшему армию, но отнюдь не энергию, судьба предоставляла бы в таком случае возможность не просто перевести дух, а полностью прийти в себя. Наивно даже предполагать, что он отказался бы от попытки впоследствии взять реванш. Спрогнозировать возможную будущую ситуацию было нетрудно. Французский император через год или два года мобилизовал бы весь потенциал Европы (включая опять же Австрию и Пруссию) и двинулся на Россию во второй поход. По образному сравнению историка-эмигранта А. А. Керсновского «Недуробленный лес грозил вырасти. Наполеон... никогда не смог бы примириться с разгромом 1812 года. Через год или два он вновь собрал бы войска подвластной ему Европы и снова повторил бы нашествие — причем, конечно, постарался бы избежать прежних ошибок». Поэтому он сделал совершенно правильный вывод: «Поход за границу был настоящей государственной необходимостью»¹.

Всегда трудно выбрать оптимальную стратегию, но российский император, твердо решивший воевать до победного конца, в данном случае исходил из национальных (и, следовательно, геополитических) интересов своего государства. Для Александра I все последующие ходы были определены еще до 1812 г., и он являлся убежденным сторонником переноса военных действий в Европу. Уже в 1812 г., благодаря заблаговременным решениям в русле принятой стратегии, были заложены условия для будущей окончательной русской победы в 1814 г. В то время, когда регулярные войска в судьбоносный для России год сражались с французами, в тылу на основе рекрутских депо готовились запасные части. В течение 1812 г. было объявлено четыре рекрутских набора, которые могли дать в армию и

---

¹ Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 1. С. 267–268.

флот свыше 400 тыс. солдат, правда, для их подготовки и обучения требовалось время. Уже во второй период кампании 1812 г. Кутузов, понимая важность наличия резервов в будущем, отказывался принимать в Главную армию пехотные пополнения из спешно подготовленных рекрутов, оставлял их в тылу, а старался брать только конные части. 5 (17) февраля 1813 г. под командованием генерала от инфантерии князя Д. И. Лобанова-Ростовского была развернута Резервная армия из четырех пехотных и двух кавалерийских корпусов, которые первоначально были дислоцированы частично в Белоруссии, а затем переведены в герцогство Варшавское. Она служила мощным резервом для укомплектования обученными пополнениями войск за границей в 1813–1814 гг. В роли резерва также использовали ополчение, в основном для блокады крепостей.

Кутузов как главнокомандующий отлично знал численное состояние русской армии после кампании 1812 г. Преследовавшие противника войска понесли огромные потери даже не сколько ранеными и убитыми, сколько обмороженными и заболевшими. Для сравнения приведем рассказ князя А. П. Оболенского, сформировавшего под Тверью ополченческий егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны (около 1 тыс. чел.)¹. В декабре 1812 — январе 1813 г. батальон следовал к Неману вслед за армией, и вот что он вспоминал: «Хотя зима была очень холодная, но мы мало оттого терпели, быв снабжены теплою одеждою. Но так шли по разоренным местам и зараженным от бегущей неприятельской армии тифозною горячкою, то почти половину моей команды я оставил дорогою, где только мог, поручая местному надзору или просто человеколюбию обывателей, давая им щедрое денежное пособие на содержание больных. На 1000 верст расстояния до Немана не было лазаретов»². И это написано про воинскую часть, еще ни разу не воевавшую, а лишь спокойно двигавшуюся на соединение с главными силами! По соединению с армией в марте 1813 г. Оболенский увидел, что «тогда были слабы армейские полки, что во многих не более было людей, сколько у меня»³. Если же просмотреть десятидневные рапорты, подписываемые Кутузовым за период от декабря 1812 г. до апреля 1813 г., то станет ясно, что, несмотря на неполноту данных, численность русских войск, вошедших в Германию, колебалась от 114 тыс. до 130 тыс. бой-

---

¹ Подр. о формировании и участии в боевых действиях батальона см.: Языков А. Батальон Е. И. Высочества великой княгини Екатерины Павловны. СПб., 1868.

² Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. С. 142.

³ Там же. С. 177–179.

цов, многие пехотные полки насчитывали в своих рядах от 200 до 500 солдат (в лучшем случае — батальон), дивизии — 1,5–2 тыс. чел. (полк), даже гвардейские полки имели под знаменами 500–700 чел.¹ Конечно, с такими силами удержать уже контролируемые немецкие земли было проблематично, не говоря уж о дальнейшем победоносном продвижении в Европу.

Наполеон, как мог, постарался скрыть от Западной Европы масштабы потерь, понесенных в русском походе. Тем не менее влияние России резко возросло именно после 1812 г. Феноменальные результаты Русского похода буквально ошеломили многих европейских государственных деятелей, они явно находились в растерянности из-за неожиданной перемены ситуации. Но обстоятельства складывались так, что им необходимо было делать выбор — оставаться с Наполеоном или идти против него. Оттяжка с решением грозила очень большими издержками. Все понимали, что соблюсти нейтралитет не удастся. В то же время цена ошибки была очень дорогой, вплоть до потери государственного суверенитета.

А на повестке дня перед Александром I вставал вопрос привлечения на свою сторону бывших союзников Наполеона, по крайней мере, вывода их из состояния войны с Россией. В первую очередь речь шла об Австрии и Пруссии. Подписание Таурогенской конвенции 18 (30) декабря 1812 г. генералом И. И. Дибичем и командующим прусским корпусом генералом Г. Йорком открыло новый этап в русско-германских отношениях². Правда, первоначально прусский король не ратифицировал конвенцию и даже приказал отдать Йорка под суд за грубое нарушение дисциплины, опасаясь в первую очередь возмездия со стороны Наполеона. Но значение Таурогена, как показали дальнейшие события, было очень велико. Быстро под общественным давлением (вся Пруссия переживала национальный подъем) король резко изменил свою позицию. Г. Ф. К. Штейн, попав в Кенигсберг, созвал ландтаг Восточной Пруссии, взял в свои руки административный контроль над этой землей и начал формировать ландвер и ландштурм (милицию)³. Возникла и реальная угроза, что

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 16. СПб., 1917. С. 78–79, 88–89, 100, 110, 150, 195, 242, 291, 335.

² Участник переговоров К. Клаузевиц позднее написал: «Среди прусских войск известие о заключении конвенции было принято с величайшим восторгом» (*Клаузевиц А.* 1812 год. С. 172).

³ Журнал «Сын Отечества» сообщил о создании под его руководством прусского ополчения: «Составить в скорейшем времени земское ополчение (Landwehr) из 20,000 человек, и в случае надобности, земское охранное вой-

студенты, роптавшие офицеры и Штейн могут все решить за короля. Фактически для правящих кругов Пруссии уже не оставалось выбора, его предопределяло давление снизу. Вскоре, по мере продвижения русских войск на территорию королевства, все страхи и колебания Фридриха-Вильгельма III сошли на нет. В Бреславле и Калише 15–16 (27–28) февраля 1813 г. М. И. Кутузовым и прусским канцлером К. А. Гарденбергом были подписаны союзные соглашения России с Пруссией¹. Пруссия вступала в войну против наполеоновской Франции (выставляла на первых порах 80 тыс. чел., а Россия — 150 тыс. чел.), а обе стороны взяли на себя обязательства не заключать мира до восстановления ее границ на западе, существовавших до 1806 г. Калишский союзный договор стал первым официальным актом и сердцевинной VI антинаполеоновской коалиции, а полный разрыв с Наполеоном Пруссии подал пример другим государствам. Позднее к союзу присоединились в силу уже имевшихся договоренностей Великобритания и Швеция, и шведы высадились в Шведской Померании. О присоединении к союзникам заявили герцоги Мекленбург-Шверинский, Ангальт-Дессауский, курфюрст Гессен-Кассальский, против французов восстали Гамбург, Любек и Люнебург. Король Саксонский первоначально заявил о нейтралитете. В апреле союзниками была создана Центральная комиссия по управлению освобожденными северогерманскими землями, которую возглавил Г. Ф. К. Штейн. 29 апреля (11 мая) датские войска пришли на помощь освобожденному Гамбургу, тем самым Дания стремилась заручиться поддержкой союзников.

Еще ранее, 18 (30) января 1813 г., русской дипломатии удалось заключить секретную конвенцию о перемирии с австрийским командованием, по которой был принят план отвода австрийских войск в Галицию². Это означало фактический выход Австрии из состояния войны с Россией³. Другое дело, что Венский кабинет не торопился с полным разрывом отношений с Наполеоном, но это был первый шаг

ско (Landsturm). Первое должно состоять из людей от 20 до 35 лет, вооруженных и обученных наподобие солдат, и в случае нужды перейти чрез границу для подкрепления собственной армии» (Сын Отечества. 1813. Ч. III. № II. С. 98).

¹ См. текст договора: М. И. Кутузов. Т. V. С. 276–281.

² Там же. С. 131–133; *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 70–91.

³ Уже в конце 1812 г. в журнале «Сын Отечества» была высказана мысль, что Австрия «не долго будет пользоваться своим нейтралитетом: она должна будет решиться принять французов как друзей или поступать с ними вражески» (Сын Отечества. 1812. Ч. II. № X. С. 139).

на этом пути. Австрийская дипломатия явно выжидала и предпочитала проведение уклончивой политики, пытаясь использовать свое важное стратегическое положение — нахождение Австрийской империи на фланге театра военных действий. Сначала Венский двор предложил свое посредничество по ведению переговоров с Наполеоном. Александр I, мало веря в положительный результат, 27 февраля (11 марта) 1813 г. все же официально дал согласие на посреднические услуги, поскольку не раз высказывал надежду, что вскоре Австрия присоединится к коалиции. Но переговоры с Наполеоном, как не сложно было предвидеть, не дали положительных результатов, и австрийская дипломатия рекомендовала своему правительству ускорить военные приготовления, так как уже стало ясно, что Австрии не удастся избежать вовлечения в войну против Наполеона, в противном случае она могла оказаться на обочине европейской политики. Русский посол в Вене граф Г. О. Штакельберг прагматично в то время оценивал внешнеполитические шаги Австрии и 29 марта (10 апреля) 1813 г. докладывал своему императору: «Иллюзорные надежды на возможность решить дело миром — единственное, чего мы могли опасаться со стороны австрийского императора, отныне, — как мне кажется, недопустимы»¹.

Русские в Германии

Международная обстановка в 1813 г. постепенно теряла черты неопределенности и стала проясняться. Четко обозначенные политические цели войны со стороны России (сокрушение империи Наполеона, освобождение Германии, установление европейского равновесия) обозначили прочный вектор развития будущих событий и создавали все предпосылки для присоединения к союзникам других государств. Вступление русской армии в Европу способствовало поднятию освободительных тенденций в первую очередь в Германии. Русских восторженно встречали как избавителей во всех прусских городах. Кутузов писал жене и дочери в январе 1813 г.: «Вообразить нельзя, как мы приняты в Пруссии. Никогда прусского короля, ни его войска так не принимали»; «пруссаки встретили нас, как братьев»². В. С. Норов, описывая переход русских войск по прусским землям, сообщал: «Весь сей путь, от Одера до Эльбы, казался нам триумфальным маршем»³. Г. П. Мешетич вспоминал про свое пребы-

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 149–150.

² М. И. Кутузов. Т. V. С. 98.

³ Норов В. С. Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 2. С. 12.

вание в Пруссии: «Народ встречал россиян с радостными лицами, начал считать своими друзьями и избавителями от французских войск»¹. Другой офицер, князь Н. Б. Голицын, также запечатлел в своих воспоминаниях радостный прием русских: «С каким уважением и даже восторгом принимали тогда русских офицеров жители этой Германии, которые после долгого угнетения под игом Наполеона видели в нас будущих избавителей и людей, показавших первый пример сопротивления *непобедимому*»². Известный немецкий историк и современник этих событий Б. Г. Нибур следующим образом описывал вход казаков в Берлин в письме: «Ты не представляешь себе ликование при вступлении русских и оказанную им повсюду встречу. Русские и пруссаки как братья между собой...» А один из немецких журналов писал в те дни: «Ничего подобного уже целый век не было в Берлине! Хрупкие женщины целовали бородатых казаков и лихо прикладывались к фляжкам с простой водкой, которые им подносились в ответ. Разве кто мог в чем-либо отказать людям, которые отвоевали для нас Отечество и готовы были в дальнейшем жертвовать ради нас своей жизнью. Во многих окнах раздавались белые платки и повсюду раздавалось тысячекратное “ура”»³.

20 февраля (4 марта) 1813 г. русский передовой отряд А. И. Чернышева занял Берлин⁴, а затем прусский король подписал воззвания «К Моему народу» и «К Моим войскам» и призвал к войне против Франции⁵. Проведенные после 1807 г. военные реформы и создание корпуса резервистов дали возможность Пруссии быстро выставить боеспособную армию. Кроме того, создавался ландвер — прусское ополчение численностью около 100 тыс. чел. «В Пруссии, — написал в своем дневнике А. И. Михайловский-Данилевский, — все принимало военный вид, вооружение было пого-

---

¹ Мешетич Г. П. Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. С. 55.

² Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Н. Б. Голицына // Отечественная война в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 160.

³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 91–93.

⁴ Там же. С. 86–93; М. И. Кутузов. Т. V. С. 299–300; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3907. Л. 346–347, 370–371.

⁵ В России журналы сразу же опубликовали переведенные на русский язык оба эти обращения короля, правда, под разными названиями при переводе. См.: Вестник Европы. 1813. № 3–4. С. 287–292; Сын Отечества. 1813. Ч. V. № XIII. С. 45–48.

ловное»¹. Очень быстро началось формирование из добровольцев Ганзейского легиона (около 3 тыс. чел.), германо-английского легиона (почти 4 тыс. чел.), гражданской гвардии Гамбурга, отряда вольных партизан полковника А. Лютцова (2,5 тыс. чел.) и других подразделений².

Вслед за Берлином в марте русские войска очень быстро очистили всю территорию к востоку от Эльбы, а затем заняли Гамбург, Бреслау, Любек, Лауэнбург, Дрезден. Но назначенный общим главнокомандующим союзных войск Кутузов старался осторожно продвигаться вперед, предпочитал действовать отрядами легких войск и активно проводить партизанскую войну, оставляя основные силы в резерве. Как говорилось в секретном предписании главнокомандующего от 9 (21) февраля 1813 г., «...дабы ...не дать времени неприятелю быть в покое или формироваться, то составляются летучие отряды, которые от гр. Витгенштейна, перейдя за Одер, будут следовать за неприятелем к Берлину и беспокоить его до самой Эльбы, а партии Главной армии, перейдя через Одер, устремятся к стороне Саксонии»³. В первую очередь Кутузов стремился использовать преимущества в коннице. «Летучие» партизанские отряды под командованием генералов А. И. Чернышева, А. Х. Бенкендорфа, В. К. Ф. Дёрнберга, С. Н. Ланского, полковников Ф. К. Тетенборна, Д. В. Давыдова, В. Г. Мадатова, В. А. Пренделя, К. Х. Бенкендорфа, ротмистра М. Ф. Орлова, капитана Ф. К. Гейсмара действовали очень удачно и буквально хозяйничали в тылу и на коммуникациях противника⁴. Правда, Кутузов не торопился с переходом Главной армии через Эльбу, предпочитая держать основные силы в районе Калиша. Он хотел произвести сосредоточение сил и не раз осаживал генералов. Так, главнокомандующий 25 марта (6 апреля) внушал в очередной раз П. Х. Витгенштейну на его предложение активно действовать на левом берегу Эльбы: «Повторить должен то, что ваше сиятельство из прежних моих отношений видеть изволили, а именно: что быстрое движение наше вперед для главного предмета будущей кампании никакой пользы принести не может. Сие предположение мое исчислено

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники... С. 327.

² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 191.

³ Фельдмаршал Кутузов: Документы. Дневники. Воспоминания. С. 285.

⁴ См.: Михневич Н. П. Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах.

на приближающихся силах неприятельских и на тех, которые к нам прибыть имеют»¹.

В частном письме к своему родственнику Л. И. Голенищеву-Кутузову старый воин довольно прагматично объяснял свои действия политическими и стратегическими моментами: «Отдаление наше от границ наших, а с тем вместе и от способов может показаться нерасчетливым, особливо если исчислить расстояние от Немана к Эльбе и расстоянию от Эльбы к Рейну. Большие силы неприятельские могут нас встретить прежде, нежели мы усилимся прибывающими из России резервами, вот что тебе и всем, может быть, представляется. Но ежели войти в обстоятельства и действия наши подробнее, то увидишь, что мы действуем за Эльбою легкими отрядами, из которых... ни один не пропадет. Берлин занять было надобно, а занявши Берлин, как оставить Саксонию и по избытию ее и потому, чтобы отнять у неприятеля сообщение с Польшею. Мекленбург и ганзейские города прибавляют нам способов. Я согласен, что отдаление от границ отдаляют нас от подкреплений наших, но ежели бы мы остались за Вислою, тогда бы должны были вести войну, какую вели в [1]807 г. С Пруссиею бы союзу не было, вся немецкая земля служила бы неприятелю людьми и всеми способами, в том числе и Австрия»². Кутузов, видимо, старался не увлекаться и пытался контролировать процесс продвижения войск вперед. Как военачальник он вполне реально оценивал возможности противника и опасался возможного контрудара, и однажды сказал с раздражением: «Самое легкое дело — идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови!»³ Нелишне будет напомнить, что переход через Эльбу диктовался еще и важными политическими соображениями, надеждами союзников, что наступление и первые успехи поднимут всю Германию, заставят вступить в войну против Наполеона Австрию. В целом за наступление высказывался и прусский генералитет, горевший мотивами отмщения за позор 1806 г.⁴ Стоит отметить, что Кутузов имел отличное от большинства генералов мнение, но проводить свои решения в жизнь ему стало значительно труднее, чем в 1812 г.

---

¹ М. И. Кутузов. Т. V. С. 475–476.

² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 142.

³ Цит. по: Орлов Н. А. Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911. С. 72.

⁴ См. мнение прусского генерала Г. Д. Шарнгорста: Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 139–140, 149–151, 159.

Генералитет под главенством «кротчайшего монарха»

Приезд императора в армию (вместе с ним в Вильно прибыли великий князь Константин, генералы А. А. Аракчеев, П. М. Волконский) повлек за собой очередную корректировку в расстановке сил среди верхушки армейского управления. Новые назначения происходили не без личных столкновений и подковерной борьбы, чему способствовало и прибытие в армию императорского окружения. «Главная квартира, где присутствует особенно царь, — писал С. Г. Волконский, — есть тот же столичный быт дворцовых интриг». «Связи и интриги делают все, заслуги — очень мало», — вторил ему Н. Н. Раевский. Александр I вынужден был считаться с Кутузовым, но твердо решил взять под строгий контроль происходившие процессы. Тем самым главнокомандующий продолжал выполнять почетную функцию победителя Наполеона, но его роль оказалась уже сильно ограниченной. В конце кампании 1812 г. стали отодвигать от дел дежурного генерала П. П. Коновницына. «По тем же расчетам, по коим пал Бениксон, начал упадать и Коновницын; ибо слишком прославляемая в Петербурге слава его начала рябить в глазах Кутузова», — писал впоследствии С. И. Маевский. По его мнению, которое разделяли многие современники, К. Ф. Толь «после отступления неприятеля из Москвы начал играть большое лицо, независимо от Коновницына». Кутузов хотел видеть на должности дежурного генерала К. И. Оппермана, чему противился не хотевший терять своего влияния Толь. Но император распорядился по-своему. Пост начальника штаба занял доверенный генерал-адъютант П. М. Волконский. «Как мне показалось, — вспоминал Маевский, — фельдмаршал этим выбором крайне был недоволен, потому что живой свидетель царя мог ему передавать живую картину фельдмаршала; при том, с нами он работал, когда хотел, а с Волконским работал хотя и по неволе, но без отказа»¹.

Все внутренние вопросы военного управления (хозяйственные, подготовка резервов, назначения, награды, переписка императора и многие другие) уже с начала войны Александр I сразу же замкнул на Аракчеева. «Июня 17-го дня, 1812 года в городе Свенцянах, — писал об этом событии сам знаменитый временщик, — призвал меня Государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с онога числа вся Французская война шла через мои руки,

---

¹ Волконский С. Г. Записки. С. 276; Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 161, 165; № 9. С. 253–254; 1812–1814; Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. С. 238.

все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора». Многие военачальники начали его именовать дежурным генералом, за что получали замечания от царского фаворита¹. Роль Аракчеева в военном управлении остается до сих пор до конца неисследованной в нашей историографии. Для публики он оставался в тени, но некоторое представление о значимости его фигуры в 1812 г. дает переписка между ним и Александром I². Не случайно также, что большое количество документов той эпохи отложилось в личном фонде Аракчеева, хранящемся в Военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 154). Во всяком случае, осведомленные современники отмечали его резко возросшую роль в коридорах власти. Прибывший в ноябре 1812 г. из армии А. А. Закревский в письме к А. Я. Булгакову отмечал: «Аракчеев в Петербурге сила всемогущая»³. Эту «силу» очень скоро почувствовал на себе Кутузов. Он желал назначить на пост начальника артиллерии объединенных армий генерала Д. П. Резвого, но Аракчеев настоял, сославшись «на волю Государя», чтобы в этой должности был утвержден А. П. Ермолов. Сменивший Чичагова на посту 3-й Западной армии Барклай⁴ вынужден был несколько дней дожидаться приема у всеильного любимца императора, а когда наконец 10 февраля 1813 г. был удостоен аудиенции, то подвергся изощренному унижению⁵. Собственно, полный контроль над армией через близких лиц позволил императору единолично принять стратегически важное решение о переносе боевых действий за пределы России. Повторим то, о чем уже говорилось: еще во время кампании 1812 г. Александр I был уверен, что

---

¹ Автобиографические заметки графа Аракчеева // Русский архив. 1866. Кн. 6. Стлб. 925–926; Столетие Военного министерства. Т. II. Кн. 2. СПб., 1904. С. 78, 88–89.

² См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. С. 574–604, 664–665.

³ ОР РГБ. Ф. 41. Картон 86. Д. 8. Л. 6.

⁴ В. Р. Марченко вспоминал в своих записках: «Вскоре по приезду государя в Вильно Чичагов попросил увольнения, и, при совещании государя с Кутузовым, сей последний откровенно отвечал, что против Барклая ничего не имеет; но с Беннигсеном служить не может» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». С. 44).

⁵ *Дубровин Н.* Письма главных деятелей в царствование Александра I. С. 78–79; *Мой век или история генерала Маевского* // Русская старина. 1873. № 8. С. 164–165; *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. С. 263.

«если хотеть мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже»¹.

Отметим другой важный фактор. В 1813–1814 гг. произошел карьерный взлет молодежи. За заслуги на поле брани 1812 г. генеральские чины получили немногие. Основной поток наград и чинопроизводства за отличие пришелся на два последующих года². Эта новая генерация во многом определяла настроение армейского офицерского корпуса, а ее появление вносило коррективы в расстановку сил. Молодежь активно подпирала стариков, возникали новые нюансы во взаимоотношениях генералов. Многие следили уже не столько за ростом сверстников (имевших равные с ними чины), сколько опасались, что их обгонят скороспелые карьеристы.

Генеральские страсти не затихли к концу 1812 г., отголоски былых бурь были слышны и позднее. Так, осведомленный петербуржец И. П. Оденталь в письме к А. Я. Булгакову от 5 января 1813 г. писал, что Витгенштейн, сказавшись больным, сдал команду и «писал к Государю, что не может продолжать службу со связанными руками». В этом же письме сообщалось: «В армии три противных партии и это между подданными кротчайшего монарха!!!»³ Необходимо заметить, что Кутузов предпринял ряд шагов, чтобы осадить Витгенштейна, резко набравшего очки в 1812 г. и завоевавшего славу «защитника Петрополя». По мнению светлейшего князя, в операциях на Березине он показал себя не с лучшей стороны; помимо этого, ему ставили в вину беспрепятственный уход за границу остатков войск маршала Макдональда⁴.

Тем не менее после того, как в зените славы ушел из жизни 16 (28) апреля 1813 г. М. И. Кутузов, на место главнокомандующего русско-прусской армии был назначен «победоносный» П. Х. Витгенштейн. Этот выбор российского императора оказался обусловлен общественным мнением сановного Петербурга в ущерб принципу старшинства. Под его командой оставались многие дееспособные генералы, старшие его в чине: М. Б. Барклай де Толли, М. А. Милорадович, А. Ф. Ланжерон, М. И. Платов, а в запасе по разным причинам оставались Д. С. Дохтуров, Л. Л. Беннигсен, А. Вюртембергский, А. С. Феньш, помимо прусских генералов. В тот

---

¹ Тайны царского двора (из записок фрейлин). С. 122–123.

² См.: *Безотосный В. М.* Генералитет при Александре I // Петр Андреевич Зайончковский: Сб. статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 664–668.

³ Русская старина. 1913. № 1. С. 188.

⁴ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 438–439.

момент старейший полный генерал А. П. Тормасов не захотел подчиниться молодому в чине Витгенштейну и, сказавшись «больным», отбыл из армии¹. Последовали и другие инциденты, в первую очередь с недовольным М. И. Милорадовичем, который в разгар сражения мог отказаться от командования арьергардом или через присланного адъютанта передавать главнокомандующему выговор («когда он бывал под моим начальством, я не посылал ему противоречивых повелений»). Случались и другие столкновения между генералами и неудовольствия друг другом.

Весенний поход Наполеона: сражения под Лютценом и Бауценом

Еще до смерти Кутузова русские и прусские войска были все же выдвинуты за Эльбу (около 100 тыс. чел.) и сосредоточены в районе Лейпцига, Дрездена и Альтенбурга, а операционная линия союзников, по плану Кутузова, проходила от Дрездена через Калиш на Варшаву². Тем временем всю зиму и весну 1813 г. Наполеон, чтобы компенсировать огромные потери, спешно и энергично собирал новую армию. Это была для него первоочередная задача. Он проявлял уверенность, что не только остановит русское вторжение, но и достигнет решающей победы, способной отбросить русских из Европы³. Французская империя все еще оставалась самой богатой державой на континенте, имея 42 млн населения и прекрасное финансовое состояние. Будучи эффективным администратором, Наполеон смог в короткие сроки обеспечить денежными средствами свои войска и заставить промышленный потенциал страны активно работать на армию. Самое сложное и трудное в этот период было сформировать новые корпуса в короткие сроки. Часть войск была перебросена из Испании и Италии, были мобилизованы недобранные конскрипты и уклонисты прежних лет, проведен набор 1813 г. и даже частично

---

¹ *Потрашков С. В.* Генерал от кавалерии А. П. Тормасов в Отечественной войне 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 2001. С. 25.

² См.: Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 151.

³ В журнале «Вестник Европы» в начале 1813 г. появилась любопытная заметка, в которой был дан анализ политики Наполеона: «Все нынешние действия французского правительства клонятся к двум военным кампаниям, а именно, или к той, которая уже кончилась, или ко вновь предполагаемой. Надобно ослабить впечатление, произведенное первой, и возбудить уничтоженную доверенность к последней» (Вестник Европы. 1813. № 3–4. С. 318).

1814 г., включены когорты Национальной и Муниципальной гвардии, призваны жандармы, часть состава флота была переведена в сухопутные силы¹. Дополнительные воинские контингенты были потребованы также от германских государств. Организационным ядром новой армии стали выведенные из России командные кадры, а также взяты ветераны войны в Испании, выпускники военных школ, отставники². В короткое время в Германии была собрана армия около 200 тыс. солдат, большинство из которых являлись новобранцами³. Но при всех своих усилиях даже административная гениальность Наполеона не помогла восстановить за столь короткий срок состав французской кавалерии из-за недостатка лошадей и времени для обучения личного состава. Не было налажено и тыловое снабжение, в первую очередь из-за нехватки лошадей как тягловой силы.

Пока Наполеон энергично формировал новые части, остатки Великой армии под командой Богарне старались сдерживать натиск союзников и выиграть драгоценное время⁴. Но из-за своей малочисленности французы не смогли удержать крупные водные рубежи на реках Висле, Одере и Эльбе, им приходилось отступать, оставляя гарнизоны в крепостях (Данциг, Торн, Модлин, Замостье, Ченстохов, Штеттен, Шпандау, Глогау, Кюстрин и др.). Это также значительно уменьшало силы, способные оказать сопротивление русскому наступлению, — вместо концентрации сил их распыляли. Русские же для блокады гарнизонов крепостей старались оставлять резервные и ополченческие части, а регулярные войска держать в сосредоточенном состоянии.

Тем не менее в апреле 1813 г. с подходом так называемой Майнской армии Наполеона (еще была Эльбская армия под командованием Э. Богарне) соотношение сил на театре военных действий изменилось в пользу французов: у Наполеона около 200 тыс., а у союзников чуть больше 100 тыс. бойцов. Основные силы противники сосредоточили в Саксонии, где должны были произойти главные события. Союзники решили сосредоточить свои войска в районе Лейпцига и

---

¹ *Богданович М.* История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. I. С. 153.

² *Fain A. J. F.* Manuscrit de mil huit cent treize. Т. 1. Paris, 1824. P. 34.

³ В начале 1813 г. под командованием Э. Богарне находилось всего 50 тыс. чел., сосредоточенных на р. Эльбе (*Богданович М.* История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. I. С. 76).

⁴ См.: *Лейхтенбергский, герцог.* Принц Евгений-Наполеон Богарне во главе Великой армии 4 (16) января — 19 апреля (1 мая) 1813 года // Военный сборник. 1904. № 1. С. 1–30; № 2. С. 1–54; № 3. С. 1–56; № 4. С. 1–38; № 5. С. 1–44; № 7. С. 1–30; № 8. С. 1–24.

дать там бой, а в случае успеха, они стремились таким образом оказать воздействие на Австрию, чтобы ускорить ее присоединение к коалиции, а затем из этого района развивать наступление в Германию. У Наполеона же был более сложный план. С одной стороны, одним из главных его устремлений было взять Берлин, наказать Пруссию, а затем прийти на помощь к гарнизонам Данцига и других осажденных крепостей. С другой стороны, он отлично понимал, что прежде необходимо нанести крупное поражение союзникам, чтобы умиротворить Германию, восстановить там прежнее влияние. Волновала его и двусмысленная политика Австрии, а только крупная победа могла заставить Венский двор придерживаться союза с Францией. Поэтому Наполеон первый план отложил на будущее, а первоначально решил, сосредоточив свою армию за р. Заале, совершить маневр с целью захвата Лейпцига и далее на Дрезден, чтобы захватить переправы на р. Эльба, отрезать находившиеся на юге главные силы союзников от Пруссии, а затем зажать их у Богемских гор. Он даже был заинтересован, чтобы на юге левый фланг союзников как можно дальше продвинулся вперед. Существовали и другие вариации наполеоновского плана, но весь расчет строился на быструю победу.

Майнская армия в апреле начала движение от Эрфурта через Наумбург и Лютцен к Лейпцигу, а Эльбская армия Э. Богарне должна была подойти через Галле и Мерзебург. Переправа французских войск через р. Заале и первые сшибки с русскими у ручья Риппах близ Вейссенфельса 19 апреля (1 мая) 1813 г.¹ принесли Наполеону и первые неприятности. Получил смертельное ранение в этом бою старейший соратник французского императора маршал Ж. Б. Бессьер. Правда, французы заняли Лютцен, и Наполеон, оставив там для прикрытия корпус Нея, основные силы бросил на Лейпциг, полагая, что именно у этого города находится главная армия союзников. Но Витгенштейн сосредоточил свои войска южнее Лейпцига (в 40 верстах от Лютцена) и по предложению генерал-квартирмейстера И. И. Дибича принял решение атаковать правый фланг противника². Позднее в журнале военных действий будет сделана запись, что Витгенштейн решился предупредить Наполеона и «смелым нападением расстроить план его. Главное намерение наше клонилось к тому, чтоб в то время, как сильный корпус неприятеля пойдет на Лейпциг,

---

¹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208г. Св. 3. Д. 13. Л. 9–10 об.

² См. диспозицию на 19 апреля (1 мая) 1813 г.: Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 160–161.

напасть на ослабленную его армию»¹. Многие зависело от быстроты в самом начале сражения, но по замечанию С. И. Маевского, «не было души, управляющей движением»². Несколько моментов первоначально благоприятствовали союзникам. У французов в силу слабости кавалерии плохо была поставлена разведочная служба, и они не обнаружили русско-пруссские войска, находившиеся в опасной близости. Корпус же Нея стоял без всякого сторожевого охранения, да сам Ней отсутствовал (отбыл под Лейпциг).

Но использовать эффект внезапности в полной мере не смогли даже пруссаки, которые около 12 утра 20 апреля (2 мая) первыми атаковали дивизию генерала Ж. Суама у деревень Кайя, Рана, Кляйн-Гершен и Гросс-Гершен. Французы были застигнуты врасплох, пришли на некоторое время в расстройство, однако затем быстро оправались и приняли бой. Слишком мало сил союзников принимало участие в первых атаках, и ими слабо использовалась кавалерия, которой почти не было в наполеоновских войсках. Вскоре Ней прискакал к своим войскам, а Наполеон, удивленный подобным развитием событий, оценив ситуацию, спешно развернул движение корпусов в направлении к Лютцену, за исключением одной дивизии, которая должна была взять Лейпциг. Обе стороны последовательно, по мере прибытия войск, вводили их в дело. Основные события сражения происходили в центре позиции, где яростные бои развернулись за обладание деревнями Кайя, Рана, Кляйн-Гершен и Гросс-Гершен. Неоднократно они переходили из рук в руки.

Почти с самого начала сражения у союзников на поле боя находились российский император и прусский король и лично наблюдали за ходом битвы. Это в немалой степени стесняло и осложняло положение Витгенштейна. Именно по указанию Александра I, без совета с главнокомандующим, был задержан ввод в дело гренадерского корпуса после первой атаки Блюхера, т. е. не использован благоприятный момент для прорыва неприятельской линии в самом начале сражения. Правда, например, участник Лютценского сражения С. Г. Волконский считал, что император в тот день «оставлял полную свободу действовать главнокомандующему без какого либо собствен-

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 13. СПб., 1906. С. 144; Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 163.

² Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 9. С. 255.

ного, личного с его стороны, вмешательства, но что государь везде делил опасность боя»¹.

После 14 часов к войскам прибыл Наполеон, что, как обычно, вдохновило французов, а их атаки сделались еще яростнее. К 17 часам противные стороны сконцентрировали свои главные силы на Люценской равнине. Численное преимущество к этому времени уже было на стороне французов: у Наполеона — примерно 100 тыс., у Витгенштейна — менее 75 тыс. бойцов. Союзников удалось потеснить на левом фланге (южнее д. Штарзидель), где оказалась только одна конница генерала Ф. Ф. Винцингероде, и на правом фланге (у д. Айсдорф и Китцен). По свидетельству адъютанта генерала А. П. Ермолова М. М. Муромцева, «при Люцене у нас была огромная кавалерия, которую граф Витгенштейн не умел употребить, и она стояла без дела»². Для отбития деревень в центре позиции после 18 часов Наполеоном была брошена в бой гвардейская пехота. Эта атака, поддержанная другими частями, привела к успеху, союзники вынуждены были отойти, у них оставалась лишь д. Гросс-Гершен. С наступлением темноты в 19 часов битва закончилась.

Союзники потеряли в тот день 11–12 тыс. чел., французы — от 15 до 20 тыс. выбывших из строя. Победители за победу заплатили больше, чем побежденные. Вечером Витгенштейн, не взявший на себя смелость принятия решений, собрал военный совет, где большинство высказалось за отступление, хотя были и мнения продолжить сражение на следующий день. Союзники не предполагали, что у Наполеона будет столь внушительное численное преимущество, кроме того, стало известно о сдаче Лейпцига. Противник мог перерезать путь отступления союзников на р. Эльстер. Витгенштейн доложил мнение генералов Александру I и, получив согласие, ночью начал отвод войск за Эльстер двумя колоннами, двигавшимися на Дрезден и Мейсен под прикрытием арьергарда под командованием генерала Милорадовича. Наполеон же не имел кавалерии, чтобы организовать эффективное преследование союзников. Он даже долго не мог узнать, в каком направлении они отходят, поскольку отступление осуществлялось под плотной завесой казачьих полков.

Как водится, обе стороны объявили о своей победе³. На основании победной репортажи Витгенштейн был награжден орденом

---

¹ Волконский С. Г. Записки. С. 249.

² Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 3. С. 370.

³ Например, в журнале «Сын Отечества» была помещена «Ода на победу императором Алесандром I при Люцене апреля 20-го 1813 г.», а затем даны сведения о битве, поступившие из разных источников: «Дело началось по

Св. Андрея Первозванного, а Блюхер получил орден Св. Георгия 2-го класса. Если же объективно рассматривать обстоятельства и последствия сражения, то, конечно, лавры победителя принадлежали Наполеону, но эта победа имела очень уж невнятный и нерешительный характер. Да и много дивидендов получить в результате не удалось. Стало ясно, что союзники могут почти на равных сражаться со своим противником и они уже многому научились. Русские войска проявили стойкость, а пруссаки доказали, что их армию уже нельзя сравнивать с временами Йены и Ауэрштедта. Французы поддержали свой упавший военный престиж, но не смогли добиться полной победы. Бесспорно, для союзников результаты были не благоприятны, так как в Германии затормозилось развертывание антифранцузского движения. Временно Наполеону удалось покончить с колебаниями мелких германских государств и восстановить прежнее влияние на государства Рейнского союза, в частности Саксония вновь вступила в военный альянс с французами.

Но в то же время Австрия активно продолжала переговоры с союзниками и дала обещание вступить войну, если Наполеон не пойдет на заключение мира¹. Австрийцы предложили 3 (15) мая созвать конгресс в Праге, но французский император предпочел договориться с Александром I, для чего отправил к нему А. Коленкура. Посланца даже не пропустили через аванпосты, а российский император не принял его и объявил через К. В. Нессельроде, что согласен вступить в переговоры только при посредничестве Австрии². Но попытки мирных переговоров не прекратили военных действий.

Шесть дней авангард Милорадовича успешно прикрывал отступление союзников, и Наполеон не смог извлечь больших выгод от преследования. Он надеялся, что пруссаки отделятся от русских для за-

---

утру и кончилось в 10 часов ночи, в совершенную пользу союзников»; «Неприятель отступил сражаясь... Российская и прусская конница их преследует. Главная российская армия не была в сем деле»; «французы отступили, а союзные войска пошли в Рету и Борну» (Сын Отечества. 1813. Ч. V. № XIX. С. 341, 348, 349, 350).

¹ В журнале «Сын Отечества» с явным опережением появилась следующая заметка: «Наша армия отступила, чтобы сосредоточиться. Отступление произошло в лучшем порядке. Здесь, на Эльбе, присоединятся к нам всевозможные подкрепления — и тогда произойдет новое сражение. Французы не дерзнут напасть на Берлин. В сею минуту получили мы радостное и достоверное известие, что Австрия вступает с нами в союз. Осьмидесяттысячный австрийский корпус идет в Италию, пятидесятитысячный в Баварию. Саксония соединяется с Австрией и с нами» (Сын Отечества. 1813. Ч. VI. № XX. С. 46–47).

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 733.

щиты своей столицы, поэтому, исходя из этого предположения, первоначально отправил под началом Нея три корпуса (40–50 тыс. чел.) в район Торгау, а затем к Лукау, одновременно с созданием угрозы Берлину (это направление защищал слабый прусский корпус генерала Ф. В. Бюлова) они совершали обходной маневр против правого фланга главной армии союзников. Сам же Наполеон с оставшимися корпусами пошел вслед за Витгенштейном и 26 апреля (8 мая) занял Дрезден. Здесь он провел реорганизацию двух армий в одну под собственным командованием (свыше 200 тыс. чел.).

Союзники же, переправившись через Эльбу, остановились на ранее избранной и укрепленной позиции позади г. Баутцена¹. Союзное командование предпочло оставаться вблизи австрийской границы и тем самым оказывать давление на Австрию. У Баутцена оказались собраны и войска, не участвовавшие в Лютценском сражении, — генералов Ф. Г. Ф. Клейста, М. А. Милорадовича, М. Б. Барклая де Толли. Последний привел сюда 3-ю Западную армию после окончания осады и сдачи французами крепости Торн 6 (18) апреля². Союзное командование решило дать оборонительное сражение. Но легкие отряды сообщили о движении больших неприятельских колонн на правом фланге. 7 (19) мая войска Барклая де Толли, совершившие ночной марш из лагеря под Бауценом, атаковали под Кенигсватой бесечно стоявшую итальянскую дивизию генерала Л. Пейри (8500 чел.), высланную для обеспечения маневра корпусов Нея. Результатом этой неожиданной атаки стал полный разгром итальянцев: потеряли только убитыми и ранеными более 2 тыс. чел, а в плен попало 750 солдат³. За это удачное дело Барклай был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, а прусский король Фридрих-Вильгельм III пожаловал ему орден Черного орла. Менее успешно действовал прусский корпус генерала Г. Йорка, направленный в аналогичную экспедицию, он встретил у Вейссинга корпус Ж. А. Лористона и выдержал упорный бой и с уроном (около 2 тыс. чел.) вынужден был отступить.

Результатом этих двух боев стало решение союзного командования продлить расположение своих войск на правом фланге, которым

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 168, 170–171.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3849. Л. 607; Д. 3909. Л. 124–127 об.; Известия о военных действиях российской армии против французов 1813 года. С. 91–92.

³ Журнал военных действий российской императорской и королевско-прусских армий в 1813 году. С. 13–14; Война 1813 года. Отд. I. Т. I. СПб., 1914. С. 95; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 16. С. 381–383.

командовал Барклай. Центр позиции — Креквицкие высоты занимали войска Блюхера и Йорка, левый фланг под началом Милорадовича занимал корпус генерала князя А. И. Горчакова. В резерве находились русская и прусская гвардия, гренадерский корпус, две кирасирские и легкая гвардейская дивизии. Впереди главных укреплений имелась еще передовая позиция на болотистом берегу р. Шпреи, чтобы заблаговременно открыть силы и направления неприятельских корпусов при переправе через эту реку. Помимо плюсов, имелся один важный недостаток укрепленной, но растянутой позиции союзников — отступление с нее было возможно только по двум дорогам до Рейхенбаха, а далее до Герлица лишь по одной. В данном случае союзное командование шло на большой риск. Кроме того, характер местности не позволял обороняющимся корпусам взаимодействовать между собой. Общая численность войск Витгенштейна перед сражением определялась в 93–96 тыс. чел. В распоряжении Наполеона находилось 140–150 тыс. чел., правда, у союзников все еще имелся значительный перевес в кавалерии — почти в два раза.

После предварительной рекогносцировки местности Наполеон решил сковать противника фронтальными ударами и имитировать напор против центра и левого фланга, но главный удар нанести силами Нея против правого фланга союзников, чтобы отбросить их от пути возможного отступления и припереть к австрийской границе. Поскольку войска Нея еще не успевали выйти на исходные позиции и могли быть готовы к действиям только к следующему утру, французский император уже 8 (20) мая отдал приказ об атаке против центра и левого фланга союзников, чтобы облегчить выполнение задачи на следующий день. В полдень французы атаковали и взяли передовую позицию союзников (переправились через Шпрею), а затем корпуса Удино и Макдональда повели сильное наступление на левый фланг союзников. Цель заключалась в том, чтобы заставить союзников переместить туда резервы. Даже французские командиры не знали о ложном характере этой атаки, и их колонны настойчиво продвигались вперед. Уже вечером на этот участок была переброшена часть резервов (гвардейская и гренадерская бригады), и русские части смогли значительно потеснить и к ночи сбить французов с занимаемых высот. Как написал участник сражения офицер л.-гв. Егерского полка В. С. Норов, «французы сильно форсировали наш левый фланг по горам в лесу, но были прогнаны казачьей артиллерией»¹.

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 302. Л. 18 об.—19.

Некоторые русские генералы (например, Барклай) предлагали после окончания дня в сложившихся обстоятельствах начать отход к Герлицу, но против такого решения активно выступали пруссаки (особенно Кнезебек), поскольку дальнейшее оставление территорий и отступление могли ослабить боевой дух прусской армии. Пруссаков поддержал и Александр I, которому принадлежало последнее слово при принятии решений.

9 (21) мая рано утром Наполеон решил возобновить атаки Удино и Макдональда на левое крыло союзников, а войска Нея должны были опрокинуть правый фланг и занять их возможные пути отступления, а затем атаковать ослабленный центр. Когда в 6 часов утра французы повели атаки на оба фланга, Витгенштейн, предполагая демонстрационный и отвлекающий характер действий против левого фланга, заявил Александру I: «Ручаюсь головою, что эта атака ложная, Наполеон хочет обойти нас с правого фланга и оттеснить к Богемии»¹. Но главным реvisorом решений оставался российский император, Витгенштейна не послушали и резервы (основные силы гренадерского корпуса) выделили на левый фланг, что позволило Милорадовичу значительно потеснить там противника. На правом же фланге немногочисленные войска Барклая, которому просто приказано было держаться, с утра начали с боем отступать, имея против себя численно превосходящего противника. Восемь батальонов Гренадерского корпуса, переброшенные на помощь Барклаю с левого на правый фланг, лишь позволили сохранить контроль дороги, по которой можно было совершить отход.

Другое дело, что Ней вынужден был делать остановки в движении и, в целом не поняв замысел Наполеона, вместо энергичного давления на Барклая попытался нанести удар на оголенный с фланга центр позиции и даже пытался атаковать Креквицкие высоты, но так и не вышел в тыл к союзникам. Они продолжали контролировать обе дороги на Рейхенбах. После полудня французы повели наступление на центр, который стойко обороняли пруссаки, но и они вынуждены были начать отход. Убедившись в превосходстве сил противника и уже не имея резервов, чтобы переломить ход сражения, союзники после 15 часов, по предложению Кнезебека, «прервали сражение» и начали поэтапное отступление, не оставив французам никаких трофеев². В 22 часа разыгралась сильная буря с проливным дождем, которая позволила отступающим оторваться от противника. По сви-

---

¹ Цит. по: *Орлов Н. А.* Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. IV. С. 80.

² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 185–188.

детельству свитского офицера С. Г. Хомутова: «Отступление сделано было в величайшем порядке, что довольно удивительно в подобных случаях»¹.

И вновь победители понесли большие потери, чем побежденные: урон союзников составил 10–12 тыс. чел., французы недосчитались 12–18 тыс. бойцов². Маневры, осуществленные Наполеоном под Лютценом и Бауценом, многие авторы называют «шедеврами стратегии» или оценивают как «прекрасные». Но явно не хватало исполнительского мастерства у его помощников, в частности у М. Нея, впервые командовавшего таким большим соединением. Историки справедливо критикуют его за допущенные ошибки. Нужно признать, что это был выбор самого Наполеона и его собственный просчет или неумение правильно сформулировать задачу подчиненным. Но во время противоборства на войне промахи, как правило, допускают обе стороны. Война это сплошная цепь ошибок и быстрое реагирование на них противников. Можно говорить о том, что и союзники допустили большое количество оплошностей. Но характер двух сражений (у Лютцена и Бауцена) отчетливо давал понять, что противники Наполеона или приспособились к манере ведения боев великого полководца, или приблизились к уже заданному уровню воинского мастерства. Важно отметить и потерю качества французских войск, во многом состоявших из новобранцев, которым противостояли русские ветераны и горевшие мщением пруссаки. Хотя части Наполеона по-прежнему демонстрировали способность совершать быстрые переходы, но это достигалось большими потерями, и уже не было элемента внезапности, так как при полном господстве союзной кавалерии было крайне трудно скрыть передвижения.

Наполеон был раздосадован нерешительной победой, которая не принесла положительных результатов. Он предпринял активное преследование союзников, но не имел возможности проводить его эффективно. Не помогло и личное руководство императора передовыми частями. Арьергарды союзников умело сдерживали напор французской пехоты, а недостаток конницы ничто не могло компенсировать. Весьма чувствительны оказались и потери в командном составе. 10 (22) мая под Рейхенбахом был убит генерал Ф. К. Кирженер,

---

¹ Дневник свитского офицера // Русский архив. 1869. Стлб. 244.

² По поводу Бауцена русская пресса отреагировала сдержанно, без победного пафоса; журнал «Сын Отечества», например, поместил лишь заметку: «По прекращению битвы союзная армия, по предложенному плану, отступила близ Лихтенталя, в величайшем порядке, как на маневрах. Неприятель видел, что отступление сие произведено с намерением, и не смел следовать за союзниками» (Сын Отечества. 1813. Ч. VI. № XXII. С. 126).

смертельное ранение получил один из лучших французских кавалеристов генерал П. Ж. Брюйер и рядом с Наполеоном ядро в живот поразило его друга и обер-гофмаршала Ж. К. М. Дюрока, умершего на следующий день. 14 (26) мая Блюхер, устроив засаду у Гайнау, нанес внезапный удар конницей по дивизии генерала Н. Ж. Мезона (у него было всего 50 кавалеристов), взял много пленных и отбил 11 орудий¹.

В рядах союзников критика в штабных и генеральских рядах Витгенштейна была повсеместной. С. Г. Хомутов, описывая отступление от Бауцена, следующим образом передал обстановку, царившую в штабах: «Опять мы в Силезии, и не знаю, куда мы теперь пойдем; нельзя сказать, чтоб мы были разбиты, напротив, всякой день ознаменован какой-нибудь выгодой, однако же мы все ретируемся; в армии беспорядок, Витгенштейн потерял голову, прочие генералы сами не знают, что делают, все хотят командовать, все хотят умничать, от того страшная сумятица...»² А. А. Закревский, изливая душу в письме к М. С. Воронцову, позволил себе весьма нелицеприятные слова про нового главнокомандующего: «Уж мы успели наделать глупостей вместе с графом Витгенштейном, который много на себя берет и ничего не смыслит». Достаточно резко отозвался он и о Лютценском сражении: «Дело было беспутное, о котором описания делать никакого не буду, а только скажу вам, что было в оном деле 7 главнокомандующих, всякий по своему умению приказывал...», и тут же предположительно назвал новую кандидатуру на пост главнокомандующего, Барклай де Толли: «Сего крайне не желают люди, живущие в главной квартире, а служащие в линии душевно сего желают, да и польза службы сего требует»³. Витгенштейном оказались недовольны и пруссаки, которые обвиняли его в неудачах. 17 (29) мая главнокомандующим российско-прусскими войсками был назначен Барклай. Вообще между русскими и прусскими генералами возникли разногласия по вопросу, куда и насколько далеко отступать. Пруссаки, естественно, не желали оставлять свою собственную территорию. Союзники приняли компромиссное решение, они не пошли к Одру, а остановились в укрепленном лагере близ Швейдница, чтобы иметь возможность соединиться с австрийской армией, которую Венский кабинет положительно обещал выставить уже в июне. Союзное командование опять шло на большой риск, так

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 179–180.

² Дневник свитского офицера // Русский архив. 1869. Стлб. 246.

³ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 341–342.

как французы уже к этому времени взяли Бреслау, нависнув над лагерем под Швейдницею.

Плейсвицкое перемирие

В этой ситуации 23 мая (4 июня) главные силы противников стало заключенное при австрийском посредничестве Плейсвицкое перемирие, согласно которому военные действия прекращались до 8 (20) июля 1813 г. (позже продлено до 29 июля). Демаркационная линия между ними была назначена по Эльбе от Гамбурга (в конце мая туда вошли войска маршала Даву)¹ до Магдебурга, далее к Франкфурту-на-Одере и до устья р. Кацбах, а затем через Лигниц до Богемии. Город Бреслау объявлялся нейтральным. Перемирие в целом учитывало все произошедшие изменения на второстепенных участках театра военных действий. Осажденные французские гарнизоны крепостей (Данциг, Модлин, Кюстрин, Замостье, Штеттин) должны были весь этот период получать продовольствие.

Согласившись на перемирие, обе стороны исходили из собственных здравых оценок момента. Например, офицер русского штаба А. А. Щербинин позднее свидетельствовал: «Мы не могли отвергнуть предложение о перемирии. После сражения под Бауценом беспорядок господствовал и в армии. Переменив главнокомандующего, надобно было ему дать время к приведению армии в устройство»². После двух неудач войска союзников находились не в самой благоприятной ситуации, хотя на Севере Германии их ряды пополнили высадившиеся в Померании шведские войска наследного принца Карла-Юхана. В то же время, заключив военный союз с Наполеоном, против выступила Дания, несогласная отдать шведам принадлежавшую ей Норвегию. В целом союзники оставили Саксонию, а под постоянной угрозой захвата находился Берлин.

Положение Наполеона в Германии также нельзя было назвать устойчивым и прочным. Лояльность большинства немецких государств можно было назвать относительной. Французского императора очень беспокоило по существу враждебное отношение Австрии, которая занималась мобилизацией своих вооруженных сил. Полупобеды французского оружия под Лютценом и Бауценом, с нашей точки зрения, только подтолкнули Австрию в состав коалиции, по-

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 193.

² *Щербинин А. А.* Военный журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 275.

сколько австрийцы получили свидетельства явной слабости Великой армии.

Обе стороны нуждались в отдыхе, реорганизации и в подтягивании резервов, и каждая стремилась эффективно использовать мирную передышку. Кому оказалось перемирие выгодней? Большинство историков категорично считает, что союзникам. На момент подписания соглашения у французов имелись неплохие перспективы для ведения дальнейшего наступления¹. Чего нельзя сказать про союзников, значительно уступавших войскам Наполеона в численности. У них имелось мало шансов удержаться на левом берегу Одера. Оставалась лишь надежда на выступление австрийцев, а Венский двор не торопился. Наполеон же еще питал иллюзии, что во время переговорного процесса сможет найти общий язык с Александром I. Но в 1813 г. время неумолимо работало не за, а против Франции.

Если вернуться к поведению Австрии, то, раскладывая политический пасьянс, она старалась не ставить собственное существование на одну карту. Австрия оставалась на континенте единственной страной (кроме Франции и России) все еще располагавшей ресурсами великой державы. Но Дунайская империя стремилась как можно дольше балансировать между ослабленными войной Францией и Россией, в идеале не желая победы ни одной из держав. Трудно даже ответить, кого руководитель австрийской политики К. Меттерних опасался больше — Франции или России? Правда, сильнее всего он боялся заключения прямого сепаратного мира между Францией и Россией, тогда Венский кабинет ничего не получал, а только терял, а именно — свое влияние в Европе. Австрия встала на путь военного посредничества, чтобы попытаться бескровно получить обратно потерянные территории, в то же время не допустить возрастания русского влияния в европейских делах. Главная цель австрийской политики заключалась в том, чтобы добиться ухода как Франции, так и России из Германии. Тогда расчищенное поле оставалось бы за Венским двором. Но нрав Наполеона не позволял надеяться на то, что Австрии будет позволено долго ловить рыбу в мутной воде. Нужно было срочно определяться, так как с другой стороны союзники уже испытывали недоверие, хотя крайне нуждались в альянсе с Веной. В итоге австрийская дипломатия вынуждена была сделать выбор в пользу меньшего зла — России.

---

¹ Например, маршал О. Ф. Л. Вьесс де Мармон полагал, что «подписывая это перемирие, Наполеон сделал роковую ошибку, потому что оно пошло на пользу не ему, а его врагам» (Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 113).

Очень долго австрийцы избегали скреплять свои обещания договором. Но 15 (27) июня 1813 г. в Рейхенбахе союзниками была заключена секретная конвенция с Австрией, по условиям которой Венский кабинет взял на себя обязанности посредника при переговорах об условиях мира с Францией, а в случае отказа Наполеона австрийская армия должна была вступить в войну против него — «прибегнуть к оружию, дабы достичь великой цели»¹. В этом случае Австрия и Россия выставляли по 150 тыс. чел., а Пруссия — 80 тыс. чел. Союзники перед Наполеоном выдвинули предварительные условия, в значительной степени скорректированные после долгих споров австрийской стороной: уничтожение герцогства Варшавского; расширение прусских владений (прежде всего за счет Данцига); возврат Иллирийских провинций Австрии; восстановление независимости ганзейских городов, по крайней мере — Гамбурга и Любека². Эти условия больше соответствовали ультиматуму, тем более предъявлялись французскому императору, только что выигравшему два сражения. Выдвижение таких пунктов являлось следствием катастрофы Великой армии в России. Лишь австрийские официальные лица (в отличие от русских и пруссаков) имели некоторые надежды на заключение мира. Об этом свидетельствует активная и сложная деятельность такого опытного дипломата, как Меттерних, пытавшегося изобретательными методами сгладить все шероховатости выдвигаемых им проектов.

Предложения союзников, переданные Меттернихом в Дрездене, как и следовало ожидать, ничего кроме крайнего раздражения у Наполеона не вызвали. Французский император заявил австрийскому канцлеру: «Ваши Государи, предназначенные от колыбели к престолу, не могут понять моего положения. Они после неудачи не утрачивают озаряющего их блеска; для меня же, напротив того, как для солдата, необходима слава. Я не могу, потеряв ее, возвратиться во Францию»³. Наполеон достаточно хорошо представлял истинные мотивы Австрии и был уверен, что та не вступит в войну на стороне союзников, но решил до конца выяснить намерения Австрии, поэтому согласился на посредничество и отправил своих представителей

---

¹ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 105–106; Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 204–207.

² *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 91–111; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 259–263.

³ *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I. Т. 4. М., 1869. С. 108.

на конгресс в Прагу, который проходил в июле–августе¹. Правда, и в Австрии имелась своя партия войны — австрийские генералы в Трахенберге 28–30 июня (10–12 июля) уже провели совещание с союзниками о численности выставляемых войск и о планах военных действий. Меттерниху же не помогли ни дипломатические трюки, ни продление сроков перемирия, поскольку французские эмиссары генералы Л. Нарбонн и А. Коленкур прибыли на конгресс, не имея полномочий на подписание договора. Пражский конгресс это отдельная, очень сложная, но занимательная история, где дипломатические хитросплетения переговорного процесса сторон нуждаются в длительном и подробном изложении. В данном случае можно ограничиться лишь констатацией факта полного фиаско австрийской политики, не достигшей своих целей. Юлить дальше уже не было никакого смысла, и австрийцы предъявили Франции ультиматум, а 31 июля (12 августа) Австрия официально объявила ей войну. Как написал в своих воспоминаниях князь Н. Б. Голицын: «Между тем, после переговоров в Праге, Австрия положила на весы свое могущественное содействие. Таким образом, народы, желавшие свергнуть с себя иго Наполеона, соединились с русскими»².

Во время переговоров враждующие стороны напрягали свои усилия для увеличения своих сил на будущем театре военных действий. Как докладывал Барклай Александру I о готовности войск 10 (22) августа: «Пользуясь перемирием, успели мы значительно усилить армии наши прибывшими к ним резервами и выздоровевшими из отдаленных госпиталей людьми»³. Присоединение австрийских и шведских войск дало союзникам возможность создать значительный численный перевес над наполеоновской армией. В августе они уже имели 500–520 тыс. солдат (175 тыс. русских, 130 тыс. австрийцев, 170 тыс. пруссаков, 27 тыс. шведов, 18 тыс. англичан, мекленбургцев, ганноверцев и др.), не считая корпусов при блокаде крепостей (102 тыс. чел.), гарнизонов, тыловых войск и подходивших резервов (227 тыс. чел.). Это была группировка огромной величины, никто до этого времени никогда не собирал для ведения войны

---

¹ Нессельроде считал, что «конгресс этот был просто насмешкою: уполномоченные не собирались, а пересылали свои требования к Меттерниху, который в качестве посредника передавал их противной стороне. На деле никто не хотел мира» (Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 526).

² Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Н. Б. Голицына. С. 166.

³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 16. С. 423.

таких сил в Европе. Наполеон же под своим командованием мог противопоставить союзникам на тот момент всего лишь до 330 тыс. солдат на главном театре войны. Кроме того, он имел до 80 тыс. в блокированных гарнизонах и резервы в Германии (25 тыс. чел.). В Северной Италии армия Э. Богарне (40 тыс. чел.) была назначена действовать против 50 тыс. австрийцев. Нужно прибавить, что в Испании против французов воевала англо-испанская армия под командованием герцога Веллингтона, кроме того, для противодействия английским десантам французы должны были держать войска на атлантическом побережье страны.

Союзники разделили силы, собранные в Германии, на три большие армии. Богемская армия численностью около 260 тыс. чел. (русских — 80 тыс., австрийцев — 130 тыс. и пруссаков — 50 тыс.) была сосредоточена в Богемии под командованием австрийского фельдмаршала князя К. Шварценберга. Силезская армия числом около 100 тыс. (русских — 60 тыс. и пруссаков — 40 тыс.) под командованием прусского генерала Г. Л. Блюхера находилась около г. Швейдница. Северная армия из 160 тыс. русских, прусских, шведских английских и немецких войск под началом наследного принца Карла-Юхана была собрана под Берлином, а входивший в состав этой армии отдельный корпус русского генерала Л. Г. Т. Вальмодена-Гимборна (28 тыс.) прикрывал север Германии.

Общим главнокомандующим был назначен Шварценберг, получивший фельдмаршальский жезл за бои против русских в 1812 г. Ему было тогда 42 года, он участвовал во всех войнах Австрии против французов, но получил известность больше как дипломат. Назвать его полководцем можно с большой натяжкой. Кроме того, в командуемой лично им Богемской армии находились три монарха (российский, австрийский и прусский), и этот августейший синклит постоянно вмешивался в решения текущих и стратегических вопросов. Говорят, что главное начальствование предлагалось Александру I, но тот не принял (хотя амбиции на это у него, безусловно, имелись). Вот как уклончиво об этом написал осведомленный офицер А. А. Щербинин: «Шварценберг командовал армиями. Император принимал в оном участие, хотя не хотел принять титула главнокомандующего»¹. Собственно, назначение Шварценберга можно рассматривать в качестве политической уступки австрийцам с целью удержать их в коалиции.

---

¹ Щербинин А. А. Военный журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 280.

У Наполеона на Нижней Эльбе для прикрытия северогерманских земель был оставлен корпус Даву (30 тыс., из них 10 тыс. датчан); против Северной армии в районе Лукау развернуты три армейских и один кавалерийский корпуса под началом Удино (70 тыс. чел.); против Силезской армии выдвинуты четыре армейских и один кавалерийский корпус под командованием Нея (свыше 100 тыс. чел.); а у Дрездена собрана группировка под главенством самого Наполеона (125 тыс. чел.), куда входили гвардия, четыре армейских и два кавалерийских корпуса. Собственно, Дрезден стал опорной базой в будущих операциях, а сам Наполеон хорошо изучил и лично объездил верхом окрестности города.

В ходе предварительных совещаний 28–30 июня (10–12 июля) в Трахенберге союзники достигли договоренности о плане военных действий. Военными специалистами рассматривались схожие предложения К. Ф. Толя и начальника австрийского штаба Ф. К. Радецкого. В основу действий был положен проект Толя с поправками наследника шведского престола Карла-Юхана¹. Стратегические идеи этого плана были одобрены монархами и командованием всех союзных армий². Разработанный план, которым союзники руководствовались вплоть до Лейпцигской битвы, учитывал весь предшествующий опыт войн против Наполеона, когда положительные результаты достигались лишь путем изнурения войск противника, затягивания военных действий, отказа от генерального сражения, активных действий на флангах против слабого неприятеля и его принуждения принимать бой в невыгодных для него условиях. Суть плана заключалась в следующем: в случае наступления главных сил Наполеона на одну из трех армий она начинала отходить, в то время как две другие предпринимали активное наступление и в конечном счете соединялись для окружения и нанесения совместного главного удара. Следовало отказываться от сражений с самим Наполеоном, но бить его маршалов и генералов. План был рассчитан на измор противника. Союзникам в данном случае важно было преодолеть первоначально вынужденное разделение сил (в этом состояла главная трудность и опасность) и не допустить в этот период грубых ошибок. Все зависело от умения главнокомандующих понять ситуацию, узнать

---

¹ *Angeberg. Le Congrès de Vienne et les traits de 1815. Т. 1. Р. 25–26; Богданович М.* История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. I. С. 456–458.

² В литературе до сих пор существует полемика об авторстве этого плана. См., напр.: *Рогинский В. В.* Указ. соч. С. 370–371; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 473.

настоящие силы противника и понять его намерения, чтобы действовать правильно.

Дрезденское сражение

Нетрудно заметить, что главная группировка под командованием Наполеона занимала центральное положение и, имея выгоду коротких расстояний, могла нанести удар против любой армии союзников. К преимуществу Наполеона следовало отнести занимаемый им рубеж р. Эльбы (разделяла противников), удобный для обороны при наличии занимаемых им крепостей. В то же время это была хорошая исходная линия для ведения наступательных операций против Северной и Силезской армий союзников. Правда, с вступлением Австрии в ряды коалиции эта линия становилась уязвимой и могла быть обойдена из Чехии. Богемская армия могла нанести удар с юга и угрожать коммуникациям Наполеона в Саксонии, а в случае неудачи отступить в Богемию. Наполеон же действительно хотел воспользоваться разделением сил союзников, у него возникало несколько альтернатив. Он стремился нанести удары таким образом, чтобы вывести из войны союзников поодиночке, в первую очередь Пруссию и Австрию.

Маховик действий сторон раскручивался очень быстро. Исходя из недооценки сил Северной армии, французский император приказал группировке Удино при поддержке корпуса Даву на Севере начать наступление на Берлин, чтобы протянуть руку помощи осажденным французским гарнизонам. Группа корпусов Нея должна была удерживать за р. Кацбах силы Силезской армии. В Богемии же он предполагал нанести удар основными силами с целью быстро вывести Австрию из войны. Но он еще не знал, что русские и прусские войска уже перешли туда и значительно усилили австрийцев. Он начал сосредоточение основных войск в районе г. Циттау и двинул вперед корпус Ю. Понятовского на австрийскую территорию. Только когда он по опросам первых австрийских пленных узнал, что значительные русско-прусские силы из Силезии уже прошли в Богемию, стал понимать бесперспективность своего наступления. Движение через горы, имея превосходящего противника, не оставляло шансов на успех. Первое, о чем позаботились союзники, — прикрыть проходы через горы. Еще 6 (18) августа при первой встрече Шварценберга с Барклаем в г. Мельнике был составлен предварительный план военных действий Богемской армии и отдан на утверждение трех союзных монархов¹. В этом плане «положено между прочим, овладеть

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 214, 221–222.

прежде теснинами Богемских гор, Эрцбюрге называемых, дабы вход в Саксонию всегда был во власти союзников»¹.

Тут же Ней сообщил, что Блюхер 3 (15) августа начал движение вперед и оттеснил его за р. Бобер к Бунцлау. План был кардинально изменен, разгром Шварценберга отложен на будущее, и главные силы Наполеон перебрал на поддержку Нейя. Французы, получив подкрепление, уже 9 (21) августа начали наступление. Но Блюхер, скоро узнав о прибытии против него Наполеона, тут же принял решение отойти за р. Кацбах. Правда, наступление против Силезской армии в значительной степени оголило тылы французов в Саксонии. Уже 10 (22) августа Наполеон получил сведения, что в этот день в наступление с юга перешла Богемская армия, четырьмя колоннамидвигающаяся в направлении Дрездена. Срочно французский император вынужден был отдать приказ гвардии и части войск форсированными маршами идти к саксонской столице, и сам выехал туда же. Против Блюхера остались только три армейских и один кавалерийский корпус (70–80 тыс. чел.) под началом маршала Макдональда.

Чтобы поставить Богемскую армию в тяжелое положение, Наполеон первоначально хотел значительными силами начать наступление от Кенигштайна в тыл Богемской армии с целью перерезать ей пути отступления. Это был для него очень перспективный вариант развития событий (большинство историков называет этот маневр прекрасным или превосходным)². Но он опять видоизменил свои намерения, узнав о преимуществе сил союзников под Дрезденом и об опасности, угрожаемой защитникам города. Отдавать Дрезден союзникам (главная база армии и центр коммуникаций) Наполеон никак не хотел, а свободных войск у него под рукой не было. Французский полководец решил не рисковать, и вынужден был как можно скорее бросить свои главные силы на помощь защитникам Дрездена. Для движения на коммуникации союзников был направлен лишь усиленный корпус генерала Вандама (40 тыс. чел.). Возможно, на принятие такого компромиссного решения повлияло донесение о неудаче Удино против войск Северной армии при Гросс-Беерене 11 (23) августа (потери только пленными составили около 1500 чел.) и о его отступлении перед силами наследного шведского

---

¹ Журнал военных действий российской императорской и королевско-прусских армий в 1813 году. С. 29.

² См.: Чандлер Д. Указ. соч. С. 550–551; Лашук А. Указ. соч. С. 635–636.

принца¹. Но как бы то ни было, надо сказать, что Наполеон успел вовремя появиться под стенами Дрездена.

Уже к вечеру 13 (25) августа части Богемской армии вышли к Дрездену. Командование союзников первоначально намеривалось блокировать город и продолжить движение к Лейпцигу. Позже, исходя из стратегической важности этого пункта (как центра и главного склада Великой армии) и получив сведения о слабости защитников города, решено было взять Дрезден штурмом. 20–25 тыс. чел. Гувьона Сен-Сира не могли долго удерживать укрепленные позиции. В тот день у союзников под городом уже было стянуто до 60 тыс. войск, вполне достаточно, чтобы овладеть городом. Александр I и его советники настаивали на немедленной атаке. Но Шварценберг принял решение начать атаку даже не утром, а лишь в 16 часов 14 (26) августа (ждали подхода отставшего австрийского корпуса генерала И. Кленау). Наполеону предоставили целые сутки, и он ими воспользовался. «Упрямство австрийцев и систематической их медленности, — писал по поводу Дрезденского сражения А. И. Михайловский-Данилевский, — никакими красками описать нельзя, и хотя они дорого заплатили в прежних своих походах, но были неизлечимы»². Вызывает удивление и столь странный выбор позднего срока атаки (или демонстрации, как было сказано в диспозиции), ведь даже в случае удачи заканчивать дело пришлось бы в ночной темноте.

Между тем как раз утром на следующий день 14 (26) августа в город прибыл сам Наполеон, как обычно, развил бурную деятельность и произвел рекогносцировку местности. После полудня к Дрездену стали быстро подходить французские корпуса, в том числе и гвардия. Многие части за четыре дня проделали путь длиной в 180 верст, для сравнения — союзники за пять дней наступления преодолели 70 верст за пять дней. Великая армия все еще могла совершать быстрые длительные марши большими массами войск.

Союзники уже точно знали о прибытии Наполеона в Дрезден. Александр I предложил в 11 часов утра отменить общую атаку³. И мысль русского царя о невыгодности подобного предприятия была очень даже понятна. Такая атака уже не обещала стопроцентного

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 220.

² Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 354.

³ Богданович М. История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. II. С. 127; *Friederich R. Geschichte des Herbstfeldzuges* 1813. Bd. 2. S. 69.

успеха, а скорее, наоборот, могла таить массу неприятностей. Да и существовала стратегическая установка союзников не вступать в сражения, если войска неприятеля возглавляет Наполеон. Состоялось очень бурное совещание первых лиц союзников. Против отмены наступления ратовали австрийцы, и их поддержал колебавшийся прусский король — на стороне союзников имелось явное численное преимущество (правда, им надо было грамотно воспользоваться). Бывший французский генерал Ж. В. Моро¹ («республиканский» соперник Н. Бонапарта), приглашенный Александром I из эмиграции в США, считал данную атаку бесполезной (можно только загубить войска), а также предсказывал, что в результате союзники будут отбиты. Он высказывался очень эмоционально, даже в сердцах бросил шляпу на землю и заявил Шварценбергу: «Э, черт возьми, месье, я более не удивляюсь, что в течение 17 лет вы были всегда биты!»² Другой бывший французский генерал А. Жомини, вообще предложил отойти. Позднее он написал по этому поводу: «Я указал на необходимость движения на Дипподисвальде для выбора там выгодного поля сражения, но эту идею спутали с отступлением, и рыцарская честь помешала отступить, не обнажив меча...»³ Тем не менее австрийский главнокомандующий под напором разнообразных аргументов вроде бы согласился с мнением Александра I. Вот только приказ об отмене атаки так и не был передан в войска. Шварценберг слишком долго искал сотрудников своего штаба, а скорее всего, не захотел идти на поводу у русских и республиканца Моро.

Тот же Михайловский-Данилевский следующим образом описал этот эпизод: «Всего неприятнее был недостаток в единоначалии, ибо тут присутствовали три монарха, и каждый окружен советниками, подававшими мнения, не редко противоречащие, а главнокомандующий князь Шварценберг не имел довольно веса, чтобы согласовать всех и принять такие меры, которые бы всех удовлетворили. Место, где стояли монархи с штабом своим и конвоем, уподоблялось шумному народному совещанию»⁴. В общем, говорить об эффективности управления не приходилось. Даже нельзя сравнивать со штабной си-

---

¹ Журнал «Сын Отечества» даже поместил оперативно на своих страницах краткую биографию этого генерала (Сын Отечества. 1813. Ч. VII. № XXXII. С. 259–260. См. также: Прибавление к 34 книжке журнала «Сын Отечества». № XVIII).

² Цит. по: Орлов Н. А. Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. IV. С. 93.

³ Жомини Г. Указ. соч. Т. II. С. 57–58.

⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 355.

стемой Великой армии. Укажем, что в диспозиции, составленной накануне, даже не говорилось о поставленных целях, а всего лишь о рекогносцировке сил противника, а для атаки назначалось примерно 50 тыс. солдат.

В 16 часов прозвучал сигнал, и союзники пятью колоннами двинулись к городу. Фронт атаки составил около 15 верст. Первоначально все шло хорошо, почти на всех направлениях союзники захватили передовые укрепления французов. Но Наполеон уже успел перевести на левый берег Эльбы прибывшие войска и расставить их на городских улицах в предместьях за передовыми частями линии Гувьона Сен-Сира. Примерно в 18 часов французы по сигналу перешли от обороны в наступление и контратаковали союзников из пяти застав (ворот). Элемент неожиданности сыграл свою роль, и расстроенные войска союзников повсюду вынуждены были отступить и оставить захваченные укрепления. Овладеть ни одним пригородом Дрездена союзникам не удалось. Но Шварценберг принял решение остаться на прежних позициях и принять на следующий день оборонительный бой.

Шварценберг решил для обороны стянуть свои войска к центру к Рекницким высотам, тем самым ослабил войска на флангах, примыкающих к Эльбе. Но главные дороги для возможного отступления (на Пирну и Фрайберг) отходили как раз не от центра, а проходили через равнинные местности по обоим флангам. Причем левый фланг, занимаемый австрийцами, был отделен непроходимым Плауэнским оврагом. У союзного командования не имелось конкретного плана действий — все зависело от инициатив противника. Наполеон же, учитывая растянутую позицию Шварценберга, четко принял решение сдерживать центр, а наступать на оба фланга союзников. При этом он не опасался, что союзники атакуют его укрепления как раз в центре, они на самом деле об этом даже и не помышляли. Все резервы Шварценберг также поставил за центром между дорогами, ведущими от Дрездена к Диппольдисвальде и Дона.

Ночью 15 (27) августа к Дрездену подошли еще два наполеоновских корпуса (маршалов Виктора и Мармона). Утром французский император предпринял атаку на оба фланга союзников, хотя его силы значительно уступали армии Шварценберга — примерно 120 тыс. французов против 150 тыс. союзников. В этот день интенсивный проливной дождь¹ мешал и делал огневой бой пехоты почти невозмож-

---

¹ Приведем цитату из дневника С. Г. Хомутова: «Дождь не переставал ни на минуту, мы промокли до костей... Наши лошади утопали по колена в грязи, дождь лил, наши руки одервенели от стужи и едва могли держать поводья,

ным. В центре два французских корпуса маршалов Гувьон Сен-Сира и Мармона (в резерве находилась Старая гвардия) сковали действия войск Шварценберга. На правый фланг союзников наступали части Молодой гвардии (три дивизии) под командованием Нея (всего примерно 20 тыс. чел.). Им противостоял сначала небольшой авангардный отряд русских войск генерала Л. О. Рота (5 тыс. чел.). С 8 до 12 часов отряд Рота отчаянно отбивал атаки превосходящего противника и под угрозой обхода вынужден был оставлять одну позицию за другой. И под конец он оказался вытесненным с Пирнской дороги, имевшей важное стратегическое значение, за д. Райк и Зейдниц. На этом рубеже противник был остановлен.

Более драматично события развивались на левом фланге союзников. Австрийскими войсками там командовал генерал И. Дьюлаи (примерно 25 тыс. чел.). Его должен был подкрепить застрявший из-за ненастной погоды по дороге к Дрездену корпус генерала И. Кленау (чуть больше 20 тыс. чел.). Французскую группировку, наступавшую против этого фланга, возглавил маршал Мюрат, а у него в подчинении находился корпус Виктора и резервная кавалерия генерала Латур-Мобура (всего примерно 30–40 тыс. чел.). Но главное — в распоряжении Мюрата находилось примерно 8 тыс. всадников против 2 тыс. австрийских кавалеристов. Именно на этом отдельном участке французам удалось создать преимущество в коннице.

Французы пошли в атаку по дороге на Фрайберг около 11 часов. Им удалось не только выбить австрийцев с передовых позиций, но и обойти их, а также осуществить несколько удачных конных атак. В результате чего линия австрийской обороны оказалась прорванной во второй половине дня, войска Дьюлаи начали отступать и подвергаться новым атакам конницы Латур-Мобура. Французским драгунам и кирасирам при поддержке конной артиллерии удалось смять несколько австрийских пехотных каре, а затем окружить и пленить целую дивизию генерала И. Мешко, захватить множество знамен и орудий. Генерал Кленау так и не успел прийти на помощь своему левому крылу, где французы одержали полную победу. Оставшиеся австрийские части на этом фланге также понесли большие потери и находились в полном расстройстве¹.

В рядах союзного командования, еще во время французского наступления против правого фланга, раздавались предложения нанести контрудар из района Рекницких высот на оторвавшиеся от резер-

---

ветер резал глаза» (Дневник свитского офицера // Русский архив. 1869. Стлб. 260).

¹ Лашук А. Указ. соч. С. 641–646.

вов войска Нея и попытаться отрезать их от главных сил Наполеона. Эту идею высказали Александру I находившиеся при нем генералы Ж. В. Моро и А. Жомини. Российский император поддержал их, видя, что русско-прусские резервы, находясь в центре, только несут лишние потери от артиллерии противника, даже отдал приказ Барклаю. Но против этого выступил Шварценберг, а Барклай также отрицательно отнесся к такому решению. Он аргументировал свое мнение тем, что, поскольку дороги развезло, из-за сильной грязи было трудно спускать пушки по крутым горным скатам, а в случае неудачи могли и лишиться артиллерии, поскольку спущенные орудия, уже не удастся по грязи затащить обратно вверх¹. В это время рядом с Александром I был смертельно ранен Моро, ядро ранило его в обе ноги. А после 14 часов стало ясно, что на левом фланге произошла катастрофа. Одновременно было получено тревожное сообщение, что от Пирны движется корпус Вандама на коммуникации и в обход правого фланга союзников. Шварценберг принял решение об отступлении. Против выступали Александр I, прусский король и многие генералы, считавшие, что значительная часть свежих войск еще не принимала участие в сражении, наконец, подошел долгожданный корпус Кленау, а отступление по гористым и испорченным дождями дорогам чревато неприятными последствиями. Но и Шварценберг возражал, что в армии уже не хватало продовольствия, а самое главное, у австрийцев кончились боезапасы, а из-за плохого состояния дорог невозможно их быстро подвести. Как утверждал Михайловский-Данилевский в своих мемуарах: «На австрийцев нашел панический страх, они все считали погибшими, вероятно, в мыслях уже видели Наполеона в третий раз в Вене... Ничто не превозмогло малодушия австрийцев... Император с сокрушенным сердцем принужден был согласиться, ибо они только что не договорили, что в противном случае отстанут от союза своего с нами»². В этом сказывались обычные недостатки и издержки коалиции.

Наполеон был уверен, что сражение продлится на следующий день. Но 16 (28) августа позиции союзников оказались пустыми, а они тремя колоннами по наступлению темноты ушли к Теплицу. Тут уж нечего было гадать или задаваться вопросом — кто победил в Дрезденской баталии? Причем союзники понесли громадные потери — свыше 30 тыс. убитыми, ранеными и пленными (10 тыс., в

---

¹ *Cathcart G.* Commentaries on the War in Russia and Germany, 1812 and 1813. P. 231–232.

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 357–358.

основном австрийцы), были убиты австрийский генерал Д. Андреоси, советник Александра I Ж. В. Моро, русские генералы Ф. А. Луков и А. П. Мелиссино (смертельно ранен)¹. Убыль наполеоновских войск едва превышала 10 тыс. чел. В руки французов попало значительное количество трофеев (в том числе 40 орудий и 15 знамен, в основном австрийских), а в плен австрийские генералы И. Мешко и Ф. Сечен.

Причины неудачи союзников прежде всего надо искать в плохом руководстве войсками и ошибках в планировании сражения. Конечно, в данном случае на лицо была вина главнокомандующего. Бесспорно, нахождение в армии венценосных особ и их военных свит, только добавляло интриг в Главной квартире, нарушало и подрывало принцип единоначалия, столь важный на войне. Но в глаза бросаются и явные просчеты, вытекавшие как из всей системы австрийского военного командования, так и лично самого Шварценберга, который являлся прямым порождением этой системы. Шаблонность, методичность, медлительность, явно устаревшие методы развертывания и построения войск, неумение мыслить и действовать по новому — вот краткий перечень огрехов тогдашней австрийской военной школы, словно нарочно пестовавшей своих питомцев, чтобы поставлять своих военачальников в качестве мальчишков для битвы для французских генералов. Характер действий талантливого противника требовал от союзников совсем других, нетрадиционных решений, до которых никак не могли додуматься дисциплинированные мозги австрийских военачальников.

Шварценберг, в силу полученных и укорененных в нем традиций и малого боевого опыта, оказался просто неспособным что-либо противопоставить своему противнику на полководческом поприще. У него явно не хватало командного опыта на полях сражений (до этого возглавлял корпус в 30 тыс. чел.), а тут на его плечи свалилась огромная по численности Богемская армия, перед которой были поставлены грандиозные стратегические задачи. Австрийский главнокомандующий по своим личным качествам и способностям просто не соответствовал масштабности задач, о чем свидетельствовали его парадоксальные тактические промахи под Дрезденом. Как будто нарочно он делал то, чего очень желал его противник. Сражение же 15 (27) августа — это редкий пример в наполеоновских войнах, когда французы атаковали почти одновременно оба фланга противника и добились успеха. Наполеон даже не вводил в бой Старую гвардию и,

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 217, 220.

тем не менее, добился успеха при численном превосходстве союзников. Ведь основные силы Шварценберга являлись лишь пассивными свидетелями сражения, простояв весь день в центре позиции под артиллерийским огнем, а слабые фланговые отряды стали жертвами активности французов, словно были отданы им на заклание. И русский монарх вынужден был терпеть Шварценберга — союз с Австрией оставался слишком важным для продолжения борьбы¹.

Последствия Дрезденского сражения

Безусловно, под Дрезденом союзники не были разгромлены, а лишь потерпели неудачу. Для французов это был успех, и он воодушевил их войска. В рядах же отступавших в Богемии союзников наблюдалось уныние, особенно у австрийцев, они оказались близки к мысли о заключении мира с Наполеоном. Коалиция уже была готова распаться. Но последовала череда событий, кардинально изменившая ситуацию.

16 (28) августа союзники тремя колоннами начали отступление, они должны были, как указывалось в диспозиции, подписанной Шварценбергом, двигаться по горным дорогам: через Дона, Гисгюбель и Петерсвальде к Теплицу (правый фланг под командованием Барклая); через Диппольдисвальде в Брюкс (войска, составлявшие центр); по дороге через Мариенберг к Коммотау (австрийцы с левого фланга). Но в действительности получилось совсем иное. Сначала австрийцы, поняв, что дорога на Фрайберг уже перерезана Мюратом, присоединились к центральной колонне. Затем Барклай, зная, что дорога на Пирну уже занята корпусом Вандама, конечно, опасался, что будет атакован французами. Поэтому его войска также повернули на Диппольдисвальде. Лишь прусскому корпусу Клейста он приказал совершить отступление по проселочной дороге на Максен. Таким образом, на одной дороге, ведущей в Диппольдисвальде, оказалась почти вся отступающая Богемская армия. Причем отход происходил в условиях продолжавшейся ненастной погоды, лил непрерывно дождь, а дороги, забитые обозами, сделались трудно проходимыми. Для Богемской армии создалась критическая ситуация, чреватая фатальными последствиями. Наполеон для преследования

---

¹ Д. Ливен считал, что в силу своих дипломатических способностей «при всех своих недостатках Шварценберг был лучшей кандидатурой на пост главнокомандующего». Российский император же «предпочитал действовать из-за плеча фактического главнокомандующего, что ставило последнего в очень неловкое положение» (*Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 471).

союзников направил четыре колонны, и они получали реальный шанс разгромить противника. Фактически без прикрытия осталась Пирнская дорога, по которой французы могли перерезать путь отступления союзников у Теплица.

Фланговый марш в тыл армии Шварценберга осуществлял корпус Вандама, двигаясь от Кенигштайна на Петерсвальде к Теплицу. Именно его действия могли оказаться для союзников опасными и поставить их в катастрофическое положение. Взятие Теплица давало возможность французам контролировать проходы через Богемские горы, а фактически они запирали армию Шварценберга в горном ущелье. Правда, против Вандама еще до Дрезденского сражения был послан 2-й пехотный корпус Е. Вюртембергского, но это были явно неравные силы, поэтому в помощь ему к Пирне еще 15 (27) августа была направлена 1-я гвардейская дивизия под командованием генерала А. П. Ермолова, а над всеми войсками (всего примерно 18 тыс. чел.) принял начальство А. И. Остерман-Толстой¹.

Причем 16 (28) августа два русских генерала завязали спор, по какому пути отступать. Е. Вюртембергский настаивал на необходимости пробиться к Теплицу через Петерсвальде, а Остерман предполагал отступление к главным силам к Максену (Барклай предложил ему на выбор два пути движения). Остерман согласился со своим оппонентом лишь после категорического заявления принца, что тот со своими полками один направится к Петерсвальде². Русские войска в тот день буквально штыками пробили себе дорогу у Гисгубеля и Геллендорфа, с потерями, но прибыли к Петерсвальде, тем самым встали на пути корпуса Вандама.

Первоначально Остерман ставил только цель соединиться с главными силами, но уже 17 (29) августа стало ясно, что только его отряд может прикрыть Богемскую армию перед Теплицем и спасти ее от надвигающейся катастрофы. Он также получил записку от прусского короля, в которой была обрисована ситуация и содержалась просьба задержать противника на какой-либо позиции перед Теплицем. Остерман вынужден был избрать позицию за Кульмом у д. Пристен в семи верстах перед Теплицем. Собственно, эту позицию любой грамотный офицер сразу признал бы слабой, но выбирать уже было не из чего. Вандам же к этому времени имел категоричный приказ Наполеона, который гласил: «Продолжать наступление, занять Теплиц и, утвердившись на сообщениях союзников, захватить все их

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 224–226.

² Memoiren des Herzogs Eugen von Württemberg. Vol. 3. S. 131–133.

парки, выходящие из гор»¹. Арьберггард Шварценберга еще оставался в Диппольдисвальде, а основные силы Богемской армии ночевали в горах.

Французы активно преследовали и оказывали активное давление на арьберггард Богемской армии. Но части Молодой гвардии, двигавшиеся по самой удобной и уже свободной дороге, дойдя до Пирны, там и остановились. Туда даже прибыл 16 (28) августа сам Наполеон, но внезапно заболел и отбыл в Дрезден. Многие авторы упоминают, что французский полководец вымок под проливным дождем во время сражения (по словам его камердинера, выглядел так, словно его «окунули в реку»), а затем съел баранье рагу с большим количеством чеснока и с ним случился понос, поэтому и слег в постель. Мол, поэтому не имел возможности проявить присущую ему «гениальность». Интересно, почему тогда никто не анализирует пищевой рацион союзных монархов и генералов при объяснении их военных неудач? Рискну предположить, что подобная причинно-следственная связь не помогает выявлению истинной ситуации, а только создает надуманные мотивы для оправдания Наполеона. Если же серьезно разбирать создавшуюся обстановку, то винить в промахах необходимо не подчиненных генералов, а самого французского полководца, не сумевшего их проконтролировать и не доведшего до конца исполнение своих «гениальных» задумок. Молодая гвардия в тот момент имела реальную возможность поддержать войска Вандама, но эта остановка ставила корпус этого генерала в изолированное положение. Тем не менее Вандам постарался сосредоточить свои полки и, точно выполняя полученный приказ, повел решительное наступление.

Кульм — слава российской гвардии

17 (29) августа начался первый день знаменитого боя под Кульмом. Распогодилось, и дождь прекратился, поэтому Вандам мог видеть расположение русских войск и оценить слабость сил противостоящего ему отряда (примерно 15 тыс. чел.). Не дожидаясь подхода всех спускавшихся с гор колонн, французы начали атаку на левый фланг русских передовыми частями. Затем беспрерывно подходившие войска давали возможность наращивать удары. Без всякого сомнения, все русские полки проявили в тот день беспрецедентное мужество, стойко держались до последнего, неся большие потери, и постоянно контратаковали превосходящего противника. Когда Остерману

---

¹ Цит. по: *Карцов А.* Военно-исторический обзор войны 1813 года. С. 58.

в пылу боя оторвало левую руку и его вынесли с поля боя, командование принял генерал Ермолов. К 17 часам вечера, когда французам удалось отеснить русских с центра позиции, наконец пришла первая помощь. Прусский король лично привел прусскую батарею и полк австрийских драгун, а потом прибыли л.-гв. Драгунский и Уланские полки, 1-я и 2-я кирасирские дивизии. Контрудар подоспевших конных частей отбросил противника назад и остановил его дальнейшее продвижение. После 18 часов острое положение было ликвидировано. К концу вечера начали подходить уже пехотные части: 2-я гвардейская дивизия, 1-я гренадерская дивизия, а к ночи появилась австрийская дивизия генерала И. Колоредо. Причем она прибыла лишь после того, как генералу Жомини и лично Александру I с большим трудом удалось (после долгих поисков главнокомандующего) получить приказ от Шварценберга прийти на помощь русским войскам. Российский император также отдал приказание прусскому корпусу Клейста, находившемуся севернее, свернуть на свободную Пирнскую дорогу и направиться в тыл корпуса Вандама.

18 (30) августа дорога на Теплиц все еще оставалась запруженной обозами, и Богемская армия все еще не прошла Рудные горы. Вандам, в принципе имел возможность отступить, но он надеялся на подкрепление, которое, как он рассчитывал, должно было прибыть по Пирнской дороге. Союзники к утру уже имели на позиции у д. Пристен численное преимущество, и их войска возглавил Барклай¹. Обе стороны готовились атаковать, но первым это сделали войска Вандама. В 7 часов они попытались наступать против левого фланга союзников, но были отбиты. После этого русские части атаковали французов с фронта, а дивизия Колоредо попыталась обойти левый фланг Вандама. В 10 часов утра дивизия Колоредо вышла на левый фланг французов, и Вандам, чтобы стабилизировать ситуацию, вынужден был бросить против нее почти все резервы. Около полудня, когда бой был в самом разгаре, у Ноллендорфа в тылу французов появились какие-то колонны войск. Вандам первоначально принял их за долгожданную помощь, но это оказались передовые части прусского корпуса Клейста (более 30 тыс. чел.), проделавшего путь от Фюрстенвальде в 30 верст по горам.

В один момент обстановка кардинально изменилась, теперь уже в критическом положении оказался корпус Вандама. Противники поменялись ролями. Правда, командующий французским корпусом не

---

¹ По воспоминаниям С. И. Маевского, Александр I уже был готов отступить, но Барклай отговорил его: «Государь отдал уже приказ ретироваться дальше; но Барклай устоял дать сражение» (Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 9. С. 259).

потерял присутствия духа и сделал все от него зависящее в этой ситуации. Он попытался организовать прорыв своих войск и вывести их из окружения. Передовые части по его приказу атаковали д. Пристен, а конница (дивизия Ж. Б. Ж. Корбино), затем поддержанная пехотными частями второй линии, бросилась на корпус Клейста. Конница, прокладывая путь сабельными ударами, смогла пробиться сквозь ряды пруссаков, причем французские кавалеристы изрубили несколько прусских батальонов и даже часть артиллерии. Но французскую пехоту Клейсту удалось остановить, и ей не удалось прорваться. Тем более что русские также усилили давление и пошли в атаку. Дальнейший бой разделился на отдельные участки, на которых французы оказывали сопротивление и пытались разрозненными группами уйти в горы, а союзники добивали остатки противника. По свидетельству участника сражения В. С. Норова, «увидели другое Маренго... Можно сказать без преувеличения, что все, что спаслось от штыка, легло под пикою и палашом»¹. К 14 часам дело оказалось законченным, а французский корпус почти уничтоженным. Сам Вандам был захвачен в плен казаками генерала В. Д. Иловайского (12-го)², в плен также попали еще шесть наполеоновских генералов (еще трое погибли), от 7 до 10 тыс. французов сдались на поле боя, убитыми французы потеряли до 5 тыс. чел. В руках союзников оказалось 64 (по другим сведениям 80) орудий³. Русские также понесли большие потери: только в отряде Остермана выбыло из строя 5200 чел. убитыми и ранеными. В честь этой победы прусский король Фридрих-Вильгельм III учредил новый орден — Железный крест, а первое награждение этим орденом было объявлено памятным и названо — Кульмским крестом. Им были награждены все русские гвардейцы — участники боя 17 (29) августа. Да и Александр I не поскупился на награды за столь нужную победу. Барклай получил орден Св. Георгия 1-го класса, а от австрийского императора орден Марии-Терезии, Остерман-Толстой — орден Св. Георгия 2-го класса, Ермолов — орден Св. Александра Невского.

17 (29) августа вошло в анналы русской гвардии. Обычно останавливаются на подвиге гвардейских полков, чаще всего забывая про другие части, участвовавшие в этом деле. Тут сошлось несколько причин. Как писал, к примеру, про это сражение А. А. Керсновский: «Кульмская победа сияет славой на знаменах нашей Гвардии — это

---

¹ *Норов В. С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 1. С. 89–94.

² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 239.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3419. Л. 15–19 об.

была любимая победа Императора Александра Павловича»¹. Современник события А. И. Михайловский-Данилевский, вспоминая о том, что «этот день был радостен для Александра», написал в своем дневнике: «Он до конца жизни своей говаривал об этом с особым удовольствием, и хотя он впоследствии одерживал победы, несравнимо значительнейшие, но Кульмское сражение было для него всегда любимым предметом воспоминаний»². Гвардейская пехота в 1812 г. отличилась (да и то не вся) только в Бородинском сражении, а отдельные полки участвовали (или присутствовали) лишь в некоторых боях. А тут гвардия действительно своим мужеством спасла всю Богемскую армию. Естественно, все пели хвалебный гимн российской гвардии. Император даже специально издал приказ, в котором говорилось: «Храбрые гвардейские воины покрыли вы себя новыми неувядаемыми лаврами, показали важную Отечеству услугу... Воины, телохранители и защитники государства! Вы доказали, что достойно и праведно честь имени сего на себя несете. Изъявляю вам всего Отечества и мою благодарность. Вы вместе с бессмертною славою купили ее кровию своею и делами»³.

Но имелась еще некая подоплека. Дело заключалось в том, что 2-м пехотным корпусом, также участвовавшим в сражении, командовал Евгений Вюртембергский, к которому российский император не очень-то благоволил. И как раз родственные связи (принц являлся племянником императрицы Марии Федоровны) являлись причиной холодных отношений. В свое время император Павел I именно его планировал сделать наследником престола (и этот факт, видимо, не был забыт). Хотя Евгений являлся одним из лучших русских генералов дивизионного, а потом и корпусного уровня, большого хода его карьере Александр I не давал⁴. В сражении при Кульме его роль

---

¹ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 274.

² Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 360.

³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 3. СПб., 1890. С. 130.

⁴ Историк Ф. Т. Бернгарди, встретившись в 1856 г. с Е. Вюртембергским, жившим за границей, после разговора с ним оставил следующую запись: «Ему обидно, что о некоторых подвигах, им действительно совершенных, умышленно умалчивали, вследствие недоброжелательства к нему со стороны императора Александра, с той целью, чтобы об них говорили как можно меньше, и что истина грубо искажалась для того только, чтобы не упоминать о нем. Для принца было бы весьма важно, чтобы истина выяснилась и чтобы ему была отдана должная справедливость» (Из дневника Бернгарди: Беседы с принцем Евгением Виртембергским // Русская старина. 1893. № 6. С. 50).

(именно он настоял на отступлении к Теплицу) была не меньше, чем Остермана или Ермолова, но обычно вспоминали их, а не принца. Его войска сначала вынесли на своих плечах все трудности арьергардных боев, а затем при Кульме в первый день занимали первую линию в центре позиции, испытали на себе основную тяжесть этого кровопролитного боя и приняли участие во второй день сражения, в отличие от гвардии, поставленной в резерв¹. Особо отличать принца не хотели, поэтому постарались забыть и про 2-й пехотный корпус при Кульме, всячески выпячивая вперед гвардию.

Но значение победы при Кульме было действительно велико. Союзники воспрянули духом. Австрийцы, которые уже подумывали, как бы выйти из войны, отказались от этих планов и остались в коалиции. Богемская армия прекратила отступление и расположилась у подножия Рудных гор.

Для Наполеона это был крайне неприятный удар, он совпал по времени с получением известий о новых неудачах французских войск на других направлениях. Сначала Удино, пытаясь наступать на Берлин, раздробил свои силы, получил 11 (23) августа чувствительную трепку от войск Северной армии при Гросс-Беерене и вынужден был отступить (был разгромлен саксонский корпус генерала Рейнье и потеряно до 20 орудий). 15 (27) августа отряд генерал-адъютанта А. И. Чернышева и прусский корпус генерала К. Ф. Хиршвелда нанесли поражение при Хагельсберге французской дивизии генерала Ж. Б. Жирара, взяв в плен более 3,5 тыс. пленных и восемь орудий². Поэтому и успешно продвигавшийся на Севере Германии маршал Даву (дошел до Шверина), узнав о неудачах на своем правом фланге, решил отступить к Рацебургу.

Еще более неприятные известия Наполеон вскоре получил от Макдональда. Его группировка (три корпуса) была оставлена наблюдать за Силезской армией, отступившей за р. Кацбах. Полагая, что Блюхер продолжит отход, Макдональд решил его преследовать. 14 (26) августа он разделил силы, а его войска двигались по удаленным одна от другой дорогам. Шли проливные дожди, движение было затруднено. Блюхер, узнав об отъезде Наполеона, также решил предпринять наступление. Во встречном бою на р. Кацбах французы потерпели полное поражение, дело решила стремительная атака русского корпуса генерала Остен-Сакена и русской кавалерии.

---

¹ О действиях войск Е. Вюртембергского в Кульмском маневре см.: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 503–520.

² *Ploto C.* Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814. Bd. 2. Berlin, 1817. S. 125, 144–155; *Nafziger G.* Napoleon at Dresden. The Battle of August 1813. P. 123–138.

Противник был прижат к берегу р. Кацбах и понес большие потери во время отхода. Было захвачено 36, по другим данным, 42 орудия, 1,5 тыс. пленных. Несмотря на распутицу, Блюхер организовал активное преследование, во время которого союзники взяли большое количество пленных (около 3 тыс. чел.), а 17 (29) августа под Левенбергом войсками генерала А. Г. Щербатова были пленены остатки дивизии генерала Ж. П. Пюто вместе с ее командиром (3 тыс. чел., 4 орла, 16 пушек)¹. По словам очевидцев, дорога, по которой отступали французы, напоминала им путь от Москвы к Вильно. Всего потери войск Макдональда превысили цифру 30 тыс. чел. (из них до 18 тыс. пленными) и 103 орудия. Александр I в этот период мог написать княгине З. Н. Волконской любезное и не без радости за одновременные сражения письмо: «Желания ваши исполнились, и дни 17/29 и 18/30 увенчали войска наши, а особенно гвардию, бессмертною славою. Весь корпус Вандама разрушен: генералы, штаб, 12 000 пленных, 81 орудие и весь обоз взяты. В то же время Силезская армия оказала чудеса храбрости, отняв у неприятеля 103 артиллерийских орудия и более 18 т. пленных. На долю наследного принца шведского досталось 42 пушки и от 6 до 7 тысяч пленных»².

Метания Наполеона

Победы кардинально изменили положение союзников и полностью перечеркнули их неудачу под Дрезденом. Наполеон же, не желая отдавать инициативу в руки коалиции, сначала вновь решил перейти в наступление против Северной армии в направлении Берлина, заменив Удино на храброго Нея. Но, узнав о поражении при Кацбахе и отступлении Макдональда к Бауцену, вынужден был поддержать последнего. Французский полководец с гвардией, корпусом Ю. Понятовского и резервной кавалерией быстро двинулся к нему на помощь, надеясь настичь и разбить Силезскую армию. Он скоро привел в относительный порядок расстроенные войска Макдональда и повел их вперед. Правда, как только Блюхер узнал о прибытии Наполеона, он сразу же 24 августа (5 сентября) начал отступление за р. Нейсе, согласно Трахенбергскому плану.

Наполеон был крайне раздражен таким поведением, но вскоре получил известия об активности Богемской армии и вынужден вновь

---

¹ *Щербатов А. Г.* Мои воспоминания. С. 88; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3911. Л. 246–247. См. также подробное описание сражения: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 477–493.

² Шесть писем императора Александра I к княгине Зинаиде Александровне Волконской // СИРИО. Т. 3. С. 312.

поспешить с резервами обратно к Дрездену. Шварценберг двинул лишь часть Богемской армии для демонстрации, которая имела цель облегчить положение армии Блюхера, но как только стало известно о возвращении Наполеона, его войска тут же отступили. Одновременно с этим Силезская армия Блюхера вновь перешла в наступление и дошла до Бауцена. Одновременно Наполеон узнал уже о новых неприятностях. Он приказал Нею, заменившему Удино, начать движение на Берлин. Это была его старая идея, но она не учитывала соотношения сил на этом направлении, союзники там по крайней мере в полтора раза превосходили в численности французские войска. В результате 25 августа (6 сентября) три корпуса под командованием Нея, опять попытавшись наступать против Северной армии, потерпели поражение при Денневице, потеряв около 15 тыс. чел. (в первую очередь саксонцев) и около 80 орудий¹. Урон в рядах союзников едва превышал 7 тыс. чел. Именно за это сражение наследный шведский принц был удостоен награждения (по политическим соображениям) высшим военным орденом Российской империи — Св. Георгием 1-го класса. Другие союзные монархи не отстали от Александра I, не поскупились и направили Карлу-Юхану высшие воинские награды своих стран — Железный крест (от Фридриха-Вильгельма III) и орден Марии-Терезии (от Франца II). Делалось все, чтобы заставить осторожного Карла-Юхана активизировать действия Северной армии.

Союзники явно переигрывали французского императора, предпочитая громить корпуса его маршалов. Наполеон же не мог успеть на несколько направлений сразу, он и так утомил свой главный резерв бесконечными передвижениями по пути Дрезден — Бауцен. Погоня за постоянно ускользающим противником ничего не давала, кроме изнурения войск. Стало понятно, что и в следующий раз лично ему не удастся блеснуть своим мастерством, противники вновь постараются уклониться от сражения лично с ним. Как метко заметил Блюхер в письме своей жене, «Наполеон оказался в чернильнице». Поведение союзников явно выводило его из равновесия. Французский император все время под влиянием обстоятельств откладывал один план и пытался реализовать другой, суливший больший успех. Не внушало оптимизма и состояние армии, плохо снабжаемой и полуголодной. Силы французов таяли не только в результате больших сражений. Союзники в это время стали отправлять большое количество рейдовых конных отрядов, активно действовавших на флангах и в

---

¹ Богданович М. История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. II. С. 275.

тылу французских войск. Они захватывали большое количество пленных, громили обозы, разрушали коммуникации. Специально для действий в тылах противника был вновь воссоздан казачий корпус М. И. Платова¹. Самым громким партизанским делом стал лихой набег отряда генерала А. И. Чернышева на столицу Вестфальского королевства г. Кассель. Брат Наполеона король Жером вынужден был бежать, а отряд Чернышева, проделав около 180 верст за четыре дня, 18 (30) сентября захватил город, 27 орудий, большое число пленных и королевскую казну, кроме того, от имени российского императора было дерзко объявлено об упразднении королевства².

Немецкие контингенты в рядах французской армии становились все ненадежнее, процветало дезертирство, все чаще уже отдельные немецкие части стали переходить на сторону союзников вопреки воле своих государей. Самое крупное государство в Рейнском союзе, Бавария, 29 августа (10 сентября) объявила о прекращении союза с Францией и о своем нейтралитете, а также вступила в активные переговоры с Австрией о готовности присоединиться к союзникам. А это уже был опасный пример. 26 сентября (8 октября) в Риде была заключена австро-баварская конвенция. Бавария присоединялась к союзникам, а Австрия за денежное вознаграждение получала обратно Тироль. 20 тыс. австрийцев и 36 тыс. баварцев под командованием баварского генерала К. Ф. Вреде должны были выступить против французов. Правда, Бавария объявила войну Франции лишь 2 (14) октября. Но это сразу же поставило под угрозу как французские коммуникации в Европе, так и связь Наполеона с империей. Фактически вступление в войну Баварии означало конец политического господства Франции в Германии — это уже был вопрос времени.

31 августа (12 сентября) Наполеон возвратился в Дрезден. Уже тогда он, очевидно, начал осознавать критическое положение своих войск и отдал приказ об усилении оборонительной линии на Рейне. В то же время он решил из-за уменьшения ресурсов и нехватки сил сузить зону боевых действий обороной Саксонии. Логика его действий была понятна — ему претило очистить Германию, хотя он по-

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 287.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 13. С. 199. Как говорилось в прокламации А. И. Чернышева от 1 октября 1813 г., «Существование королевства Вестфальского... с сего дня прекращается» (Поход августейшего императора Александра I в Германию и Францию и подвиги союзников его с описанием всех происшествий и достопамятнейших перемен. Ч. 2. СПб., 1814. С. 75).

нимал, что шансов удержать ее под контролем становится все меньше. Но, даже отдав без боя часть (Германию), он прекрасно осознавал, что в непродолжительное время потеряет всю империю, поскольку проявит слабость.

Наполеон все еще рассчитывал использовать преимущество коротких операционных линий и свое центральное положение по отношению к отдельным армиям союзников. Он, видимо, понимал, что мог надеяться только на то, что его противники вновь допустят грубые оплошности, а он ими сумеет воспользоваться. Наполеон действовал как азартный игрок, ставя все на кон.

28 августа (9 сентября) 1813 г. в Теплице между союзниками были подписаны новые договоры о готовности продолжить войну с Наполеоном, что окончательно упрочило коалицию и в дальнейшем способствовало отложению от Наполеона его последних сателлитов. Хотя многие обтекаемые формулировки и скрывали существовавшие между участниками государственные противоречия, это был большой шаг вперед. Теплицкие соглашения окончательно закрепили складывание 6-й антинаполеоновской коалиции, определяли цели войны, количество выставляемых войск. Союзники обязались не заключать сепаратных соглашений, восстановить Австрию и Пруссию в границах 1805 г., упразднить Рейнскую конфедерацию¹.

В лагере коалиции господствовало победное настроение. Как вспоминал позднее об этом периоде А. И. Михайловский-Данилевский, «неприятелю были нанесены чувствительные удары, под Кульмом, при Кацбахе и при Деннице, отчего мысль о мнимой непобедимости Наполеона, даже у самых робких союзников наших, начала исчезать»². К концу сентября у коалиции уже имелось подавляющее численное превосходство над Наполеоном. Помимо постоянного пополнения резервами всех армий, в сентябре в Богемию прибыла только что сформированная Польская армия под командованием Беннигсена, в рядах которой числилось примерно 60 тыс. русских солдат. Она должна была усилить Богемскую армию Шварценберга. Этим двум армиям вместе ставилась задача наступления с юга через Рудные горы в направлении Лейпцига, не отвлекаясь на штурм Дрездена (для его блокады был оставлен корпус под командованием генерала П. А. Толстого). Силезская и Северная армии также должны были сблизиться, перейти Эльбу и затем начать наступление к Лейпцигу с севера. Союзники замыслили осуществить

---

¹ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 117–126.

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 363.

широкий обхватывающий маневр с флангов (с юга и с севера) с целью соединения в районе Лейпцига.

Лейпцигская операция

Если бросить взгляд на карту, то можно заметить, что позиции армии Наполеона в Саксонии вклинивались в территорию, контролируруемую союзниками осенью 1813 г. Такое положение давало Наполеону большие преимущества и предоставляло возможность оперативно действовать в любом направлении. Осуществление разработанного союзниками плана, с учетом переговоров с Баварией и с перспективой присоединения этой страны к коалиции, создавало ситуацию, когда армия Наполеона могла быть полностью отрезана от Франции. Получалось концентрическое наступление союзников, правда, принятый план был достаточно сложным. У Наполеона как раз в это время появлялся реальный шанс нанесения отдельных ударов и уничтожения союзников по частям. В то же время бросается в глаза схожесть замысла союзников на осень 1813 г. с Петербургским планом 1812 г. — окружения французов на Березине, т. е. нанесение ударов с флангов и выход на операционную линию противника. Разница заключалась в том, что в 1812 г. в котел на Березине, помимо войск с флангов, Великую армию принуждала и загоняла с фронта Главная армия Кутузова, а в 1813 г. основные силы союзники должны были перебросить на фланги, фактически полностью оголив центр (направление на Силезию и на Берлин), оставив две операционные линии (Северной и Силезской армий) незащищенными.

Процесс выработки плана союзников Лейпцигской операции был очень сложным. Несколько аналитических записок Александру I подал в августе–сентябре Жомини, требовавший срочно принять план действий ввиду благоприятно складывавшейся ситуации. 28 августа (9 сентября) состоялся Военный совет, который первоначально принял решение соединить силы Богемской, Польской и Силезской армий в районе Пирны, а затем начать активно действовать против противника. В предложенной схеме отсутствовала Северная армия, она фактически выключалась из действий против наполеоновских войск. Но против этой идеи (переход Силезской армии по горным дорогам на виду неприятеля) в первую очередь выступили Блюхер и его начальник штаба Гнейзенау, не принимавшие участия в военном совете. Блюхер дважды направлял письма Александру I с вескими аргументами против. В какой-то степени эти мысли разделял и Барклай. Лишь 13 (25) сентября Блюхер получил от Александра I

приказ действовать по обстоятельствам, после чего Силезская армия устремилась на соединение с войсками Карла-Юхана¹.

Точно неизвестно, кто был автором идеи. Александр I? Жомини? Толь? Блюхер? Возможно, это был плод коллективной мысли, рожденный под влиянием обстановки. Однако ясно, что мысль и рука Петербурга в этом плане явно присутствовали. По принятому союзниками решению, Богемская армия должна была от Коммотау решительно двинуться двумя дорогами на Цвиккау и Хемниц, а затем на Лейпциг в обход Дрездена. Там же для противодействия и сковывания войск противника первоначально оставлялась Польская армия, усиленная австрийскими частями. Польская армия рассматривалась как резерв, и должна была в дальнейшем подтянуться к Богемской армии. В целом с южного направления должно было участвовать до 200 тыс. войск. Силезская армия, произведя демонстрацию на Дрезден с целью отвлечь Наполеона, должна была затем под прикрытием Эльбы, двигаясь по ее правому берегу, направиться на соединение с Северной армией. После соединения в районе Виттенберга-Рослау обе армии, осуществив переправу через Эльбу, должны были двинуться вниз по р. Мульда и с Севера прибыть в район Лейпцига². Эти две армии имели в своих рядах до 140 тыс. войск. Две группировки союзников, осуществив фланговые движения, должны были соединиться у Лейпцига, в тылу у Наполеона. «Положено было, — как вспоминал в своих воспоминаниях К. Ф. Толь, — чтобы после ожидаемых успехов Лейпцигское поле служило бы общим сборным местом союзных армий для нанесения окончательного удара Наполеону»³.

Расположение армии французского императора перед наступлением союзников было следующим. На юге для противодействия Богемской армии выделялась группа корпусов под командованием Мюрата (40–50 тыс. чел.). Фактически эта группировка выполняла роль заграждения, которая могла лишь замедлить наступление союзников. Под Дрезденом оставались войска Гувьона Сен-Сира (30 тыс. чел.). Наполеон не желал оставлять этот стратегический пункт, хотя понимал, что эти войска могут быть блокированы. Группа корпусов

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 260–263, 267–271, 273–275, 291–293, 299, 302–304; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3913. Л. 243.

² Силезская и Северная армии соединились 17 (29) сентября в районе г. Эльстрверды. См. рапорт Г. Л. Блюхера Александру I (Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 292).

³ Лейпцигское сражение 1813 года глазами его участников // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 200.

Макдональда находилась также непосредственно у Дрездена на правой стороне Эльбы и защищала это направление у Мейсена и Вайссига. Группа корпусов маршала Нея (30–40 тыс. чел.) располагалась против Северной армии на левом берегу Эльбы для противодействия переправы через реку. Остальные войска составляли резерв Наполеона, готовый двинуться в любом направлении.

Самый сложный и ответственный (опасный) элемент плана союзников выпадал на долю армии Блюхера, оперировавшей вблизи Дрездена. Именно Силезская армия первой начала исполнять принятое решение. 15 (27) сентября основные силы Блюхера начали покидать Бауцен и двинулись по правому берегу Эльбы на Север для соединения с армией наследного принца Швеции. Для заслона от противника около Дрездена были оставлены лишь корпус генерала А. Г. Щербатова и австрийский отряд генерала Ф. Бубны (чуть более 10 тыс. чел.). Уже 20 сентября (2 октября) основные силы Блюхера переправились через Эльбу, а на следующий день Силезская армия у Вартенбурга атаковала корпус генерала А. Г. Бертрана (около 13 тыс. чел.). Соотношение сил было явно в пользу союзников, небольшой французский корпус был обойден с фланга, понес крупные потери, а затем отступил к Дюбену. При этом в плен сдались два конных полка (вюртембергский и вестфальский)¹. Одновременно и Северная армия переправилась у Рослау и Акена через Эльбу, а противостоящие ей корпуса Нея, в силу многочисленности противника, вынуждены были отступить к Деличу.

Вслед за этим и Богемская армия стала медленно сосредотачиваться в районе Комматау-Дукса и 18 (30) сентября начала переход через Рудные горы в Саксонию. Ее место у Дрездена (против частей Гувьона Сен-Сира) заняли части Польской армии и австрийского корпуса И. Колоредо. Но продвижение союзников на юге производилось неторопливо и с крайней осторожностью, что было характерно для Шварценберга. Как позднее заметил, упоминая про это наступление, А. А. Щербинин, «медлительность в действии всегда была отличительным признаком австрийских генералов»². Другой участник событий А. И. Михайловский-Данилевский оставил воспоминания в несколько иной тональности, правда, косвенно подтверждая этот тезис: «Поход наш был медленный, и мы шли с осторожностью, потому что мы готовились дать такое сражение, от которого должна

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 13. С. 202–203.

² Щербинин А. А. Военный журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 285.

была зависеть участь Европы»¹. Только 23 сентября (5 октября) передовые части Шварценберга заняли Цвиккау и Хемниц, но лишь часть Богемской армии из-за нерешительности своего главнокомандующего медленно продвигалась вперед на фронте наступления в 60 верст и находилась в растянутом положении. Это вызывало неудовольствие русских генералов и опасение, что противник может воспользоваться рассредоточением войск. В частности, больной Барклай 22 и 23 сентября (4 и 5 октября) направил Александру I два письма, в которых считал, что движение «с половиною части армии ни на что не похоже, тогда как нам надо приготовиться к главнейшей операции, которая одна только победить сможет неприятеля», он опасался контрудара со стороны Наполеона, в то время как «мы слишком раздробили силы». Поэтому он предлагал подтянуть резервы к передовым частям². Неторопливые и медленные передвижения Богемской армии облегчали выполнение поставленной задачи корпусам Мюрата, силы которого по численности раза в три уступали Шварценбергу. Тот явно опасался неожиданных ударов главной группировки Наполеона и активизировал свои действия, только узнав, что французский полководец направился с главными силами на север против Блюхера. Но даже 28 сентября (10 октября) австрийский корпус генерала М. Лихтенштейна пропустил к Лейпцигу у г. Наумбурга шедший из Вюрцбурга французский корпус маршала Ш. П. Ожеро, что лишь усилило группировку Мюрата в этом районе³. Дорога, ведущая из Лейпцига во Францию, также осталась под контролем французов.

Наполеон, находясь с гвардией и двумя корпусами (примерно 80 тыс. чел.) в районе Дрездена и получая сведения об активности союзников на своих флангах, испытывал определенные колебания. Он не торопился и выжидал, поскольку нужно было принять верное решение, а затем нанести противнику выверенный удар. Французский император рассчитывал на медлительность в действиях Шварценберга, и в этом не ошибся. Пока две группировки союзников находились в разных концах и не могли прийти на помощь друг другу, Наполеон имел возможность сначала обрушиться на одну из армий своих противников.

25 сентября (7 октября) французский полководец наконец-то решился атаковать Блюхера. Он покинул Дрезден и с гвардией и с кор-

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 363–364.

² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 299, 302–303.

³ Карцов А. Указ. соч. С. 74.

пусом Макдональда на следующий день прибыл в Вурцен. Он надеялся на встречном курсе разгромить Силезскую армию у Дюбена, затем выйти к Эльбе, захватить переправы у Виттенберга и Рослау, что открывало ему прямой путь на Берлин. 27 сентября (9 октября) мобильный кулак Наполеона из пяти корпусов и гвардии (до 130 тыс. чел.) обрушился на Дюбен. Но очень скоро выяснилось, что этот удар наносился по пустому месту¹. Оказывается, что Блюхер, организовав переправы через р. Мульду, в последний момент из-под носа Наполеона увел свою армию в западном направлении и 29 сентября (11 октября) таким окружным путем прибыл в Галле, достигнув р. Заала. Причем Силезская армия, значительно удлинив свой маневр (по сути обходной), теперь могла наступать на Лейпциг с северо-запада (для соединения с Богемской армией), угрожая полностью перерезать прямой путь отступления в империю. Французы под Дюбеном даже чуть не захватили врасплох Главную квартиру Силезской армии, оставшуюся без прикрытия, правда, им досталась в добычу лишь часть обозов, а затем они вышли к Эльбе². Прямая дорога на Берлин была свободна (от Виттемберга до Берлина — 90 верст), хотя Наполеон не знал, что союзники фактически отдали ему свою операционную линию — оставшиеся части прикрытия (пруссский корпус генерала Ф. Б. Э. Тауэнцина) вряд ли создали бы серьезную помеху в случае движения его армии в этом направлении.

Но главное заключалось в другом. Блюхер ушел, не оставив следов. Наполеон не знал, куда он направился, так же как ни имел никаких сведений о Северной армии. Противоречивые сообщения из войск долго не могли прояснить ситуацию — где находился противник? Его блестящий маневр на внутренних линиях провалился. Под Дюбеном он потерял два драгоценных дня в раздумьях и ожиданиях нужной информации. Надо сказать, Наполеон больше склонялся двинуться на Берлин, поскольку предполагал, что Северная и Силезская армии, скорее всего, бросятся прикрывать это направление и ради спасения прусской столицы дадут сражение. Так бы ранее поступили все военачальники «старого режима». Его части уже перешли Эльбу, он отдал приказания подготовить мосты на р. Мульде в случае отхода Мюрата от Лейпцига в сторону Дюбена, распорядился о подготовке новой операционной линии (через Магдебург на

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 314–315.

² Подробно об этом эпизоде написал Д. Ливен (см.: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 546–548.)

Гамбург). Но все это имело бы смысл, если Силезская и Северная армия перешли бы на правый берег Эльбы для защиты Берлина¹.

О том, что союзники в тот момент решали, как поступить в данной ситуации, свидетельствует фрагментарная запись в дневнике от 1 (13) октября русского полковника А. А. Лехнера, находившегося в Главной квартире Северной армии: «В большой нерешительности по поводу дальнейших действий. Берлину угрожает опасность быть взятым французами, а у нас нет надежды упредить неприятеля»². В сложившейся обстановке необходимо отдать должное Блюхеру, которого многие авторы и по сей день характеризуют как хорошего рубаку, но лишенного стратегического дарования. Его армия совершила самый сложный и опасный маневр, поставив в тупик самого Наполеона. Прусский военачальник шел на огромный риск, оставив все свои коммуникации открытыми и доступными противнику. Мало того, он проявил большую твердость в исполнении своего замысла, смог убедить в своей правоте соседа, главнокомандующего Северной армии Карла-Юхана, который, как раз мыслил в устаревших рамках стратегии и уже велел отвести войска за Эльбу и идти на защиту Берлина. Шведский наследный принц мог сделать то, чего так жаждал Наполеон. Вот как позднее в частном письме описывал борьбу мнений двух главнокомандующих в этот драматический момент генерал А. В. Гнейзенау: «Затем началась наша борьба с наследным принцем шведским. Он не хотел идти на неприятеля. Последний предпринял обманное движение на Берлин, и кронпринц позволил ввести себя в заблуждение. Он хотел отступить обратно за Эльбу и послал нам приказ соединиться с ним и также отойти за Эльбу. Он официально заявил, что будто бы император Александр поставил нас под его команду. Это была ложь. Мы не поверили и не послушались. Более того, мы еще ближе продвинулись от Галле к Лейпцигу. Наконец, он решился последовать за нами и тем самым избег позора, который неминуемо бы пал на его голову, если бы он оставался верен своим намерениям»³. Решение Блюхера в этой ситуации было абсолютно правильным. Он думал не только о себе, а действовал в рамках главной стратегической идеи и этому подчинил все действия Силезской армии. Главное же — Наполеон вынужден был играть уже не в свою игру, как раз ему пришлось догонять союзников и пытаться перевернуть ситуацию в свою пользу.

---

¹ Карцов А. Указ. соч. С. 73–74.

² Дневники офицеров русской армии // 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. С. 354.

³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 343.

Что было бы, если все же французский полководец решил бы идти на Берлин? Это вопрос представляет чисто академический интерес. Если бы он двинул на Берлин войска, имеющиеся в его прямом распоряжении на тот момент, вероятно, без особых трудностей захватил город, временно поставил под контроль пространство между Эльбой и Одером, ему бы даже удалось, возможно, деблокировать французские гарнизоны крепостей на севере Пруссии и Польши, включая Данциг. Но у союзников еще оставались бы не нарушенными коммуникации через Силезию и Австрию. А вот цену за движение на Берлин он заплатил бы очень высокую. Наполеон в этом случае оставлял бы союзникам не только Саксонию, но и всю Германию, кроме Севера, — и то это был бы вопрос времени. Имея операционную линию через Гамбург, значительно удлинявшую коммуникации, французы рисковали бы в любой момент потерять связь с империей. А союзники как раз вышли бы к границам Франции, и как бы развивались последующие события, конечно, трудно предсказать. Но можно уверенно сказать, что империя без своего императора, вероятно, не оказала бы серьезного сопротивления силам коалиции. Слишком много в этой конструкции было завязано на самой личности Наполеона, большинство государственных механизмов могло слаженно крутиться, лишь получая импульсы от ее создателя.

Наполеон тогда находился в Дюбене, это чуть больше 30 верст от Лейпцига или Виттенберга. Он в любой момент мог быстро развернуть и направить свою группировку или на Берлин, или на Лейпциг. 30 сентября (12 октября), получив сведения от Мюрата о том, что Богемская армия начала сосредоточение у Лейпцига, Наполеон все же принял решение главные силы перебросить на помощь Мюрату. Но он еще не имел представления о том, где находились и что намеревались делать Силезская и Северная армии. Поэтому лишь на следующий день его войска, задействованные на Эльбе, были отозваны под Лейпциг¹. Угроза Берлину создавала на-

---

¹ Колебания императора и принятие им окончательного решения отразил в своих воспоминаниях Вьесс де Мармон, рассказывая о своей долгой беседе с глазу на глаз с Наполеоном в Дюбене: «...он не мог добровольно решиться на оставление Лейпцига. Он не мог и предположить, что всего через каких-то восемь дней он будет вынужден сделать это, и сам окажется посреди бедствий и смятения, завершивших его разгром. Напротив, он рассчитывал идти и дать бой под стенами этого города. Я пытался ему возражать, говоря о невыгодности выбора подобного поля сражения, но он мне ответил памятными словами, показавшими, какими иллюзиями он еще преисполнен: «Я буду сражаться столько, сколько захочу. Они никогда не осмелятся меня там атаковать» (Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 114).

дежду, что хотя бы две армии союзников устремятся к этому пункту, а значит под Лейпцигом будут отсутствовать. Сам же французский полководец прибыл к Лейпцигу со своей гвардией в полдень 2 (14) октября и смог достаточно быстро сосредоточить у города до 200 тыс. своих войск, — фактически все, что он был в состоянии собрать, за исключением 30 тыс. солдат маршала Гувьона Сен-Сира, блокированных в Дрездене.

Ко 2 (14) октября из союзных армий к Лейпцигу подошли лишь передовые части Богемской армии. К 3 (15) октября Шварценберг сумел перед городом сосредоточить основные силы своей армии. Остальные армии накануне сражения находились на марше: Силезская армия в 10 верстах в Шкейдице, Северная (двигалась очень медленно) — в 30–40 верстах возле Галле и Цербига, Польская — в 50 верстах под Вальдгеймом. Всего же численность всех войск коалиции, которые могли собраться у этого города в потенциале составляла цифру около 320–360 тыс. солдат. Этот день оказался богат на события. 2 (14) октября на подступах к Лейпцигу, под Вахау и Либертвольквицем, произошел ожесточенный кавалерийский бой авангардов — 6000 русских и прусских кавалеристов генерала П. П. Палена (затем подкрепленных 2000 австрийцев) против примерно 6000 сабель Мюрата¹. Эта жаркая кавалерийская схватка, происходившая с переменным успехом, стала прелюдией к самому большому военному столкновению в Европе в XIX столетии, в котором участвовало более полутора миллиона человек.

«Битва народов»

4–7 (16–19) октября произошло грандиозное сражение, получившее уже у современников название «битва народов», которое затем прочно вошло в обиход историков. Со стороны союзников в нем участвовали русские, прусские, австрийские и шведские войска, были даже английские ракетные батареи. А им противостояли полки наполеоновской армии, набранные и сформированные из народов почти всей Европы: французы, итальянцы, поляки, немцы Рейнского союза, швейцарцы, голландцы, бельгийцы, хорваты, испанцы, португальцы. Можно утверждать — Восток сражался с Западом Европы.

Лейпциг окружали восхитительные места для прогулок, но именно они и стали кровавой ареной, где решалось будущее Европы. Позиция наполеоновских войск имела ряд выгодных моментов с оборонительной точки зрения. Сам город окружали старые стены, но

---

¹ См.: *Калинин С. Е.* Сражение при Либертвольквице // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. X. М., 2012. С. 152–168.

французы их укрепили. На равнине перед городом протекали реки Эльстер, Плейсса, Парта, они делили местность на четыре отдельных сектора. На юге было много лесистых и заболоченных участков, перемежающихся холмами. Правда, на севере, выше р. Парты, местность была равнинная. Главным уязвимым местом являлась дорога на Запад — путь отхода. Она проходила по болотистой местности через насыпную дамбу у м. Линденау (с множеством больших и малых мостов), важный пункт, обладание которым давало возможность вывести французские войска из Лейпцига, а в случае захвата союзниками — запретить армию Наполеона в городе. Фронт расположений армий противников оказался перевернут. Собственно, первоначально союзники контролировали только юг и север, а на западе и востоке у них не было войск. Лейпциг находился как бы между молотом и наковальней. Правда, к концу операции союзники, используя свое численное превосходство, смогли именно перед Лейпцигом замкнуть с двух сторон кольцо на востоке, перерезать французские коммуникации с Торгау и образовать дугу вокруг города, оставив свободным от своего присутствия лишь западное направление.

В первый день сражения 4 (16) октября у Наполеона под рукой находилось примерно 170–180 тыс. чел.; свыше 20 тыс. солдат он выделил для охраны коммуникаций, а на подходе находилось около 25 тыс. бойцов. План действий французского императора сводился к следующему. В первую очередь он стремился не допустить возможности соединения северной и южной группы союзников. Он закладывался на то, что Силезская армия не рискнет двинуться по прямой дороге от Галле к Лейпцигу, а скорее всего, постарается уйти к Вейссенфельсу и таким образом усилить левый фланг союзников. Но, на всякий случай, севернее р. Парты все же было оставлено четыре корпуса под командованием маршала Нея (более 30 тыс. чел.). Основные силы же были сконцентрированы на южном направлении против войск Богемской армии. Наполеон намеревался сначала сковать фронтальными атаками центр Шварценберга (выделялись три корпуса при поддержке кавалерии — примерно 50 тыс. чел.) и вынудить противника подтянуть туда все резервы, затем корпус Макдональда (25 тыс. чел.) на левом фланге должен был совершить обходной маневр против правого фланга союзников. В критическую фазу боя резерв императора — гвардия, корпуса маршалов Ожеро и Мармона, снятого с северного участка, (всего до 50 тыс. чел.), нанес бы решающий удар и прорвал центр Богемской армии.

Более противоречивые сведения приводят историки о количестве войск двух союзных армий, участвовавших в первый день сражения. Правда, все они сходятся в одном — у коалиции было, хоть и мини-

мальное, но преобладание в численности. 50–60 тыс. — в Силезской армии, 140–150 тыс. — в Богемской армии, а всего 190–200 тыс. чел. План же союзников на предстоящее сражение вызвал споры среди высшего генералитета. Шварценберг как главнокомандующий предложил главные силы поместить на узком болотистом участке в междуречье рек Эльстер и Плейсса, чтобы оттуда, переправившись через Плейссу, совершить атаку на д. Конневиц и Делиц, т. е. во фланг французским войскам¹. Он предложил весьма сомнительный маневр (в чем убедился на следующий день), на который бы потребовались целые сутки. Кроме того, это лишало бы возможности Богемскую армию, загнанную между двух рек, подать какую-либо помощь соседям. Против этого предложения сначала выступили генералы Жомини и Толь, но их доводы не подействовали на упрямого Шварценберга. Лишь затем поддержал их и Александр I, резко заявивший, что ни один русский солдат в этот своеобразный болотистый мешок направлен не будет². Развитие дальнейших событий полностью подтвердили эти опасения. В результате Шварценберг для наступления на этом участке оставил лишь австрийский корпус генерала М. Мерфельдта, а сзади поставил австрийский резерв наследного принца Ф. Гессен-Гомбургского (всего до 30 тыс. чел.). Другой австрийской корпус генерала И. Дьюлаи (примерно 20 тыс. чел.) отдельно на левом фланге союзников должен был наступать западнее р. Эльстер на Линденау, чтобы отрезать Наполеону путь отступления на Запад и войти в контакт с Силезской армией. На правом фланге Богемской армии стоял австрийский корпус генерала И. Кленау и казаки М. И. Платова. Главные силы были сосредоточены в центре позиции восточнее р. Плейссы, здесь располагались в три эшелона русско-прусская армия и русско-прусская резерв под общим командованием Барклая де Толли. На долю этих войск и выпала основная тяжесть сражения. Им ставилась задача овладеть высотами у Вахау и Либертвольквица. Но именно на этом направлении Наполеон сосредоточил свои главные силы, далеко превосходящие по численности войска Барклая. Свыше 100 тыс. французов против примерно 60–70 тыс. чел. у Барклая. Имея в своем распоряжении в целом меньше войск, французский император на направлении главного удара смог, как всегда, создать численное преимущество.

---

¹ *Friederich R. Geschichte des Herbstfeldzuges 1813. Bd. 2. S. 294–295; Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 323–324, 327–328; Богданович М. История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. II. С. 439–441.*

² *Карцов А. Указ. соч. С. 75.*

Но как у союзников, так у Наполеона, все пошло не так, как они задумывали. Первыми атаковали позиции противника части Богемской армии, правда, не в 7 часов утра (как было предписано диспозицией), а в 8 часов, но и в это время многие корпуса еще не вышли на исходные для атаки пункты. Союзники попытались захватить инициативу в свои руки, и передовая линия войск Барклая под командованием П. Х. Витгенштейна (корпуса генералов Ф. Г. Ф. Клейста, Е. Вюртембергского и А. И. Горчакова) двинулась вперед. Фронт наступления составлял примерно восемь верст. Основной бой шел с переменным успехом за обладание высотами у деревень Маркклеeberg, Вахау и Либертвольквиц. Упорные контратаки противников сменяли друг друга, а селения не раз переходили из рук в руки. Александр I, находившийся вместе с другими союзными монархами на высоте Вахтберг (около д. Госсы), увидев явный перевес сил у французов, придвинул к д. Госса, ближе к передовой линии, гренадерский корпус генерала Н. Н. Раевского, подтянул гвардию, а также приказал Шварценбергу (находился с войсками Мерфельдта) срочно перебросить австрийские резервы принца Гессен-Гомбургского с левого на правый берег р. Плейссы¹. Корпус Кленау на правом фланге запоздал со своевременной поддержкой частей Барклая у Либертвольквица, а после 11 часов против него начал обходное движение французский корпус Макдональда, после чего Кленау был оттеснен с господствующей высоты Кольмберга и отступил к Университетскому лесу.

Австрийцы Мерфельдта, собранные на левом берегу Плейссы предприняли ряд попыток форсировать реку у Конневица, но были без особого труда отражены. Уже во второй половине дня напротив Делица Мерфельдт лично перевел батальон вброд на другой берег, батальон был полностью разбит, а сам Мерфельдт получил легкое ранение и попал в плен². Не совсем удачно развивались для австрийцев и события под Линденау. Наступательное движение с разных сторон трех австрийских колонн началось лишь после 10 часов. Медленное выдвигание войск Дьюлаи и потеря времени (пока у французов там находились лишь слабые части) позволили противнику подтянуть силы и отбить все атаки на этот важный пункт.

После 13 часов взаимные атаки на линии Маркклеeberg, Вахау и Либертвольквиц прекратились. Наступило временное затишье, работала только артиллерия сторон. Французам удалось сосредоточить более 100 орудий (этой общей батареей командовал генерал А. Друо),

---

¹ *Friederich R.* Geschichte des Herbstfeldzuges 1813. Bd. 2. S. 308–312.

² *Чандлер Д.* Указ. соч. С. 565.

оказывавших мощную огневую поддержку и наносивших большой урон войскам союзников. В это время Мюрат сконцентрировал между Вахау и Либертвольквицем 80 эскадронов конницы (от 8 до 12 тыс. всадников), только на одно построение этой ударной массы ушло два часа. В 14 часов Наполеон, так и не дождавшись прибытия корпуса Мармона, задержанного Неем на северном участке, приказал начать общее наступление. Вперед устремились корпуса Ожеро, Понятовского, Виктора, Лористона и части Молодой гвардии. Еще до 15 часов эта общая фронтальная атака была подкреплена броском кавалерии Мюрата. Большинство авторов ее оценивают в эпитетах «блестящая» и «образцовая», правда, некоторые сводят ее в первую очередь к успешной атаке кирасирской дивизии генерала Э. Бордесуля, не получившей нужной поддержки со стороны двух кавалерийских корпусов и гвардейской кавалерии. Действительно, атака огромной массы кавалерии не только произвела впечатление на участников сражения. Ее удар пришелся на ослабленный русский корпус Е. Вюртембергского, который потерял к этому времени до половины своего состава. Кирасиры врезались глубоким клином в линию союзников и прорвали центр 2-го пехотного корпуса, был полностью уничтожен батальон Кременчугского пехотного полка, захвачено 26 орудий, а прислуга изрублена. А огромная масса всадников, одетых в латы, продолжила движение вперед, по пути опрокинув не успевшую развернуться гвардейскую кавалерийскую дивизию генерала И. Г. Шевича (убит ядром). Гвардейские конные полки оказались «втиснутыми» в болото. Оставшаяся на флангах прусская и русская пехота свернулась в каре, но не могла остановить конницу. А кавалерия Мюрата мчалась дальше и достигла прудов у д. Госсы.

Рядом в 80 метрах находилось подножие высоты Вахтберг, где за боем наблюдали три союзных монарха и прибывший туда Шварценберг. От латников Бордесуля их отделяла лишь болотистая лощина¹. Эта была критическая минута для союзников. Нужно было выиграть время, так как сюда уже спешили резервы. Тогда Александр I, не покинувший свою ставку, приказал л.-гв. Казачьему полку, составлявшему его конвой, контратаковать прорвавшегося противника. Четыре сотни лейб-казаков под командой полковника И. Е. Ефремова (награжден орденом Св. Георгия 3-го класса) смело бросились вперед и ударили во фланг французов. Для отечественных историков монархического направления этот эпизод в описании сражения стал излюбленным сюжетом — мужество государя, подвиг и самопожертвование по его приказу лейб-казаков. Но, действительно,

---

¹ См. описание этой кавалерийской атаки: *Лашук А.* Указ. соч. С. 673.

надо отдать должное гвардейским казакам, они спасли положение, причем на глазах своего императора¹. Прошло немного времени, и оправившаяся гвардейская кавалерия также пошла в контратаку, их поддержали с двух сторон прусская кавалерия и кирасирская дивизия генерала И. М. Дуки. В бой вступила также 100-орудийная батарея генерала И. О. Сухозанета. После бешеной двухверстовой скачки утомленные успехом французы не смогли противостоять свежим силам союзной кавалерии и были отброшены назад, даже не успев увести захваченные орудия².

Между тем Наполеон, предполагая, что центр Богемской армии прорван, а корпус Макдональда успешно продвигался на левом фланге, уже послал в Лейпциг поздравление с победой саксонскому королю и приказал в честь этого в церквях звонить во все колокола. Но он явно поторопился, дело оказалось не сделанным, а блестящая атака из-за недостатка сил осталась без последствий. Положение на этом участке стабилизировалось, в бой у д. Госсы вступил гренадерский корпус Н. Н. Раевского, подкрепленный гвардейской пехотой. Правда, французы продолжили свои атаки. Но и к союзникам подошли уже австрийские резервы принца Гессен-Гомбургского, и на левом фланге австрийским войскам удалось взять д. Маркклеeberg. К 18 часам бои в южном секторе закончились. Наполеон в этот день так и не бросил в бой Старую гвардию, вероятно, не почувствовал перспективы ее эффективного использования, или же не захотел рисковать.

Многие авторы считают, что если бы Наполеон находился на командном пункте в момент «блестящей» и «образцовой» атаки Бордесуля, то он, несомненно, подкрепил бы ее и развил достигнутый успех. Можно, конечно, поохать, что он оказался в нужное время не в том месте. Дело в том, что французский император не прохладился, а был вынужден оставить на время южный сектор и переключить свое внимание на северный, так как именно оттуда стала слышна сильная артиллерийская канонада. Примерно после полудня севернее Лейпцига в бой с частями Нея вступила подошедшая Силезская армия. Прусский корпус генерала Йорка в 14 часов начал интенсивные атаки против французского корпуса маршала Мармона

---

¹ Об атаке лейб-казаков см. воспоминания ее участника Е. А. Конькова: Атака лейб-казаков в сражении под Лейпцигом 1813 г. 4 октября // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». С. 288–294.

² *Богданович М.* История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. II. С. 400.

(Наполеон так рассчитывал на этот корпус на южном участке¹) у д. Меккерн, а русский корпус графа А. Ф. Ланжерона атаковал польскую дивизию генерала Я. Г. Домбровского у д. Веттериц. Войска Нея не только защищали Лейпциг, но и прикрывали дорогу, ведущую из Дюбена, по которой в это время должны были отступать парки. Ожесточенный бой за эти пункты (особенно за Меккерн) шел примерно до 17 часов. Блюхер не знал сил противника, шедших по дороге из Дюбена (на самом деле — только одна дивизия генерала А. Г. Дельма — около 5 тыс. чел.), и вынужден был до последнего держать в резерве русский корпус Ф. В. Остен-Сакена. Под конец дня Блюхер подкрепил Йорка, вынужденного совершать лобовые атаки на Меккерн, войсками Сакена и бросил в дело прусскую кавалерию, решившую исход дня. Именно в результате кавалерийской атаки было смято несколько батальонов противника, захвачено до 2 тыс. пленных и более 50 орудий. Мармон же вынужден был отступить к р. Парте, а Домбровский к д. Шенефельд. Правда, значительная часть парков успела пройти по дороге в Лейпциг, лишь часть из них досталась в добычу войскам Ланжерона. Героем этого дня в лагере коалиции, без сомнения, стал Блюхер, а также и его армия, внесшая весомый вклад в победу, которая оказалась не за горами.

На северном участке бой явно закончился не в пользу французов, а их успехи на южном участке оказались минимальными. 4 (16) октября ни один из противников не смог нанести решительного удара, и войска остались на местах, где их застал конец сражения. Результат стал промежуточным, но оказался в целом более выгоден для союзников. И это несмотря на явные просчеты в планировании сражения и бездарное управление войсками Шварценбергом. Надо признать, что для спасения положения (чтобы избежать поражения) больше полезного сделал Александр I, чем фактический главнокомандующий.

Проблема потерь сторон остается дискуссионной, поскольку в литературе постоянно до сих пор приводятся разные цифры. Лишь примерно можно сказать, что в армии Наполеона личный состав сократился от 20 до 25 тыс. чел. Но, вероятно, у союзников убыль была больше — от 20 до 40 тыс. чел. (разброс цифр очень велик). В данном случае был важен, с моральной точки зрения, сам по себе факт, что союзники выстояли этот день против самого Наполеона. Кроме того, на них работало время. К ним подходили находившиеся в пути две

---

¹ Корпус Мармона по приказу Наполеона едва начал движение, чтобы перейти в Лейпциг в качестве резерва, как был атакован появившимися пруссаками и вынужден был вступить с ними в бой (см.: Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 116–119).

свежие армии — Северная и Польская (в общей сложности свыше 100 тыс. чел.). К Наполеону же присоединились где-то 20–25 тыс. Французская армия могла иметь в строю под Лейпцигом 190–200 тыс. бойцов, а в рядах союзников численность войск уже превышала более 300 тыс. чел. Шансы на победу в последующие дни у французов стремительно улетучивались и, наоборот, возрастали у союзников.

5 (17) октября в сражении последовал небольшой перерыв, и день в целом прошел спокойно за исключением небольших боев. Хотя союзники были готовы продолжить сражения в этот день (даже была назначена атака на 14 часов), они ожидали подхода Северной и Силезской армий, которые прибыли ближе к вечеру. Их войска были утомлены, из-за этого приняли решение возобновить атаку лишь на следующий день. Наполеон к этому дню уже отлично осознавал необходимость отступления, но союзники успели полностью прервать его операционную линию на Торгау — Магдебург. Восстанавливать ее уже не имело смысла, да и сил и возможностей не было. Оставался только один выход — на Запад по единственной дороге, которую к этому времени не контролировали союзники, но могли в любой момент перерезать. Поэтому он приказал корпусу генерала А. Г. Бертрана (около 20 тыс. чел.) скрытно направиться к Лютцену, а затем к Вейссенфельсу и Мерзебургу, чтобы защитить путь отхода и переправы через р. Заала. От этого зависело спасение его армии. Затем он встретился с пленным австрийским генералом Мерфельдтом, и тот согласился передать его предложения союзникам о перемирии. Французский император в тот момент был готов признать потерю многого (даже того, чем еще владел или контролировал — Голландии, Ганзейских городов, роспуск Рейнского союза), даже соглашался признать независимость Италии взамен на возвращение колоний. Он также предлагал, чтобы русские и прусские войска ушли бы за Эльбу, австрийцы — удалились в Богемию, а французы — лишь отступили за р. Эльстер, оставив Лейпциг¹. Трудно определить, был ли это демарш, чтобы выиграть время, или попытка завязать переговоры. Союзники предпочли вообще не отвечать на эти предложения.

Но в целом ситуация для Наполеона складывалась не радостная. Как генерал он понимал необходимость отступления, но в данном случае речь шла не только о смене невыгодной военной позиции, а и о политическом значении этого шага. Налицо имелась двойственность взглядов Наполеона, трезвомыслящий военачальник в нем по-

---

¹ *Лашук* А. Указ. соч. С. 678; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 758.

стоянно боролся с имперским политиком. В конце концов, готовясь отойти, он отдал приказ о сужении линии расположения своих войск. В 2 часа ночи 6 (18) октября под проливным дождем французы в южном секторе оставили свои позиции и отступили на четыре версты ближе к Лейпцигу (и примерно в семи верстах от города), в целом они заняли затем своеобразную дугу вокруг города, вытянутую почти полукругом примерно на 15 верст с севера на юг фронтом к противнику. Наполеон решил «сражаться, отступая»¹.

У союзников же перед началом сражения 6 (18) октября возникла проблема со шведским наследным принцем, собственно, проблема эта уже давно существовала. Расчетливый Карл-Юхан, несмотря на принадлежность к коалиции, не очень-то жаждал участвовать в сражении. Да и до этого он всячески уклонялся от встречи с противником, а когда она происходила, то больше действовали и проявляли активность его подчиненные — прусские и русские генералы. Историки усматривают несколько причин для этого: Карл-Юхан не хотел рисковать репутацией в случае поражения; не желал проливать французскую кровь и надеялся получить в итоге с помощью Александра I французский трон; хотел сберечь шведов для предстоящих сражений против датчан, так как претензии к ним имелись только у шведов (получить Норвегию — обговоренная цена за участие Швеции в коалиции). К шведскому принцу неоднократно посылались самые разные эмиссары, дабы побудить его к активности, но Карл-Юхан вел себя по-прежнему, играл в свою игру. Так, флигель-адъютанту российского императора полковнику графу Л. В. Л. Рошешуару наследный принц отвечал следующим образом: «Ах, мой друг, подумайте сами, в моем положении нужна величайшая осторожность; кроме вполне понятного нежелания проливать французскую кровь, мне необходимо поддерживать свою славу, я не должен ею злоупотреблять; моя судьба зависит от битвы, если я ее проиграю, то никто во всей Европе не одолжит ни одного экю по моей просьбе»². Возможно, все эти причины, указанные историками, в комплексе воздействовали на его поведение, возможно, одна из них. Во всяком случае, Карл-Юхан виртуозно балансировал между верностью коалиции и своими собственными интересами, а союзники вынуждены были это терпеть. Правда, и во французской армии он придерживался схожей манеры поведения (уклонения от активных действий), чем неоднократно вызывал гнев Наполеона. Тогда марша-

---

¹ Лашук А. Указ. соч. С. 677–678.

² Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация и Империя). М., 1915. С. 227.

ла спасала родственная принадлежность его жены к клану Бонапартов, а в 1813 г. — насущная необходимость для коалиции нахождения в ее рядах Швеции.

Вот как описал один из конкретных методов воздействия на Карла-Юхана накануне Лейпцигской битвы генерал А. В. Гнейзенау: «17-го армии большей частью спокойно стояли друг против друга, готовясь к новой битве. Только Силезская армия с частью кавалерии и конной артиллерии атаковала противостоящего противника и отбросила его за Парту. Тем временем кронпринц шведский пребывал в нескольких милях позади нас и, вопреки всем своим обещаниям, не принимал участия в бою. Тогда утром 18-го старый фельдмаршал (Блюхер. — В. Б.) собрался лично напомнить принцу об его долге. Я не сопровождал своего начальника, ибо был слишком возмущен. Принц Вильгельм поехал с ним. Он отлично исполнил обязанности переводчика. То, что там фельдмаршал в самых сильных выражениях высказал принцу, оказало воздействие, и принц сдвинулся с места. К нему присоединили наш корпус Ланжерона. Последний тут же был брошен в атаку, в то время как кронпринц поставил своих шведов в четвертую линию»¹. В 1806 г. именно французскому маршалу Бернадотту был вынужден сдаться в Любеке Блюхер со своим корпусом. Теперь же пруссак, всегда ненавидевший Наполеона, учил, как себя вести, своего бывшего противника. Какие доводы он приводил, неизвестно, но, видимо, говорил с «солдатской прямоотой». Но это оказалось крайне действенным аргументом, по крайней мере, Северная армия приняла участие в битве.

Пространство между реками Плейсса и Парта союзники решили атаковать 6 (18) октября четырьмя колоннами. Первая колонна под командованием принца Ф. Гессен-Гомбургского (50 тыс. австрийцев) должна была продвигаться по дороге от Реты на Конневиц. Вторая колонна под командованием Барклая (50 тыс. русских и пруссаков) получила направление движения от Либертвольквица и своей целью имела д. Пробстхайде, главный оплот обороны французов. Третью колонну под командованием Беннигсена составляли русские войска Польской армии, подкрепленные австрийцами (примерно 65 тыс. чел.), она должна была поддержать атаку второй колонны и взять д. Цуккельсхаузен и Хольцхаузен. Четвертую колонну возглавил наследный шведский принц Карл-Юхан, она оказалась самой многочисленной (около 85 тыс. русских, пруссаков и шведов), поскольку, кроме Северной армии, ему был передан корпус графа Ланжерона из Силезской армии. Войска Карла-Юхана, переправившись через

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 343.

р. Парту, затем от Таухи, продвигаясь по дороге из Айленбурга, имели задачу достичь д. Шенефельд и Паунсдорф. На флангах — пятая колонна под командованием Блюхера, состоявшая из частей Силезской армии (всего 25 тыс. чел.), должна была наступать прямо на Галльское предместье Лейпцига, а отдельному австрийскому корпусу Дьюлаи, как и прежде, ставилась задача захвата Линденау.

Около 9 часов утра союзники приступили к активным действиям в южном секторе. Французы сразу же отступили с занятых ими 4 (16) октября позиций и заняли оборону на рубежах, предварительно намеченных Наполеоном. Первая колонна принца Гессен-Гомбургского встретила достойное сопротивление корпусов Ожеро и Понятовского перед д. Конневиц. Сам принц оказался ранен (его заменил генерал Коллоредо), а австрийцы понесли тяжелые потери. Французы смогли контратаковать и вновь взяли оставленную ими д. Делиц. Тогда Шварценберг приказал генералу Дьюлаи переправить через р. Плейссу часть своих сил на подмогу первой союзной колонны. Александр I, видя тяжелое положение австрийцев, подал им руку помощи, направив русские резервы. С помощью подкреплений австрийцы ликвидировали создававшуюся угрозу и вновь взяли Делиц, но дальше продвинуться не могли.

Утром вторая колонна Барклая без особого труда захватила Вахау и Либертовольквиц, но затем встретила упорное сопротивление корпусов Виктора и Лористона у д. Пробстхайде, находившейся на господствовавшей над местностью возвышенностью. Около 14 часов был предпринят штурм французских укреплений. Наполеон, лично прибывший к этому пункту, даже подкрепил обороняющихся, и по его приказу в дело ввели 2-ю дивизию Старой гвардии. Предпринятые лобовые атаки союзников не дали результатов, пруссаки и русские несколько раз достигали окраин деревни, но всякий раз, неся большие потери, вынуждены были отступать. Поэтому Александр I приказал прекратить атаки и дожидаться результатов действий соседних колонн. Третья колонна Беннигсена заняла оставленные французами высоту Кольмберг и д. Баальсдорф, в 11 часов атаковала позиции, которые защищал корпус маршала Макдональда, и к 14 часам захватила Цуккельсхаузен и Хольцхаузен.

Основную часть четвертой колонны составляли войска Северной армии. Фланговое движение их войск утром прикрыл русский корпус Ланжерона. В 10 часов он перешел на левый берег Парты у Моккау и затем атаковал корпус маршала Мармона, занявший оборону у д. Шенефельд, главном опорном пункте французов на левом фланге. Яростная борьба за эту деревню продолжалась весь день. Русские предприняли восемь атак. Только последняя из них уже в

темноте в 18 часов завершилась взятием развалин сгоревшей деревни. Общие потери Ланжерона во время этого кровопролитного боя составили 4 тыс. чел. Северная армия на исходные позиции прибыла лишь в 14 часов. Прусский корпус генерала Ф. В. Бюлова в 15 часов сходу захватил д. Паунсдорф. При этом две саксонские бригады из корпуса Рейнье вместе с артиллерией (всего 4 тыс. чел.), воспользовавшись моментом, перешли на сторону союзников (затем их примеру последовали два полка вюртембергской кавалерии)¹. В линии расположения французских войск образовалась временная брешь. Чтобы залатать образовавшиеся прорехи в обороне, Наполеон, прибывший на этот участок, вынужден был бросить части гвардейской кавалерии и пеших гренадеров и егерей Старой гвардии, которые лишь на время стабилизировали ситуацию. Уже в 18-м часу прусаки Бюлова штурмом взяли д. Штюцц и Зеллерхаузен.

Пятая колонна Блюхера, оказавшись самой малочисленной, смогла для атаки в этот день выделить русский корпус генерала Сакена. Это корпус вплотную подошел к Лейпцигу с северной стороны и атаковал польскую дивизию генерала Я. Г. Домбровского, защищавшую Галльское предместье, но встретил яростное сопротивление. Все попытки продвинуться дальше в город закончились неудачно, при этом тяжелое ранение получил генерал Д. П. Неверовский (вскоре скончавшийся от полученной раны). Вечером Сакен отвел корпус от города. На южной стороне австрийский генерал Дьюлаи не смог даже приблизиться к Линденау, а затем вообще отвел свои войска. Тем самым Шварценберг фактически французам построил «золотой мост» и оставил свободным единственный путь к спасению — дорогу, ведущую к Рейну.

Успехи союзников, весь день атаковавших позиции противника, можно назвать весьма скромными, а оборону наполеоновской армии

---

¹ В «Известиях Главной квартиры» было написано об этом: «2 вюртембергских полка под командованием генерала Норманна, 2 саксонских конных полка и 7 саксонских фузелерных батальонов с 4 батареями в 26 орудий под командой генерала Рисселя вышли в сей день из рядов неприятельских и в полном вооружении присоединились к союзникам, чтобы общими силами сражаться за дело Германии» (Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 335). Корнет Изюмского гусарского полка И. С. Энгель вспоминал по этому поводу: «Прусский генерал Бюлов, который стоял с корпусом на самом правом фланге, заметил также это замешательство, тотчас дал повеление идти вперед. Этот корпус опрокидывал все, что ему только сопротивлялось...» (*Белоусов С. В.* Изюмские гусары в «Битве народов» под Лейпцигом (Воспоминания корнета И. С. Энгеля) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IX. М., 2010. С. 346).

очень упорной и умелой. Пять союзнических колонн смогли захватить добровольно уступленную незначительную территорию на южном направлении и потеснили французов на восточном и северном участке. Во многом это можно объяснить отсутствием одновременности и несогласованностью действий союзников, а также нецелесообразным распределением войск. Достаточно сказать, что у них в боях не принимало участие около 100 тыс. солдат, простоявших весь день в резервных колоннах, хотя в целом это повышало союзникам их шансы на следующий день. Главным плюсом стал тот факт, что армии коалиции смогли выстроить войска железным полукольцом и фактически прижать противника к городу. Они установили около тысячи орудий и активно вели обстрел позиций армии Наполеона.

У французов же практически уже не осталось свежих войск. Самым печальным для них оказался огромный перерасход артиллерийских припасов. За два дня сражения французская артиллерия сделала более 200 000 выстрелов, при том, что после полудня уже стали экономить и уменьшили интенсивность стрельбы. После чего в запасе у них оставалось не более 16 000 зарядов, а этого хватило бы только на несколько часов хорошего боя¹. Не имея налаженной коммуникационной линии, взять боеприпасы было неоткуда. Было бы просто безумием в такой ситуации надеяться продолжить сражение на следующий день. Все козыри оказались на руках союзников. Это отлично осознал Наполеон и уже в 17 часов отдал приказ об отступлении на следующий день. Но еще вечером 6 (18) октября через город потянулись обозы и парки, была переправлена часть кавалерии. Перед рассветом 7 (19) октября французские войска стали организованно отходить с занимаемых позиций, начиная с гвардии. Положение усугублялось тем, что через рукава р. Эльстер у Линденау имелся только единственный мост. Другой, наскоро устроенный, тут же обрушился при начале отступления. Поэтому отходившая французская армия вытянулась в одну колонну, и отступление происходило очень медленно. Улицы Лейпцига оказались запружены войсками и обозами, всюду возникали заторы, вспыхивали беспорядки. Прикрывать отступление должны были корпуса Макдональда, Понятовского и Лористона. Они получили приказ держаться в городе весь день.

Нетрудно было предвидеть со стороны союзников, что Наполеон, прижатый к городу, на следующий день не вступит в сражение и начнет отход от Лейпцига. Слишком много признаков свидетельствовало об этом. Александр I и его советники предложили еще вечером

---

¹ Лашук А. Указ. соч. С. 687.

6 (18) октября направить не участвовавший в бою русско-прусский резерв Богемской армии и кавалерию к Вейссенфельсу, чтобы попытаться перерезать путь отступления Наполеона и переправу через р. Заала. Но, как всегда, против выступил любитель полумер Шварценберг, неуверенный в том, что противник начнет отвод своих корпусов. Он обосновал свое мнение усталостью войск и необходимостью пополнения продовольствия. Правда, Блюхер уже вечером смог выделить из своей армии прусский корпус Йорка с кавалерией, но эта группа войск должна была идти долгим окружным путем, чтобы достичь Мерзебурга. Из австрийских войск Шварценбергом был отряжен к Пегау для возможного преследования корпус Дьюлаи (как расположенный на самом крайнем левом фланге), но и тому был отдан весьма странный приказ: «Остерегаться поражения, и как только будет открыт путь отступления Наполеону, преследовать одною кавалериею»¹. Дьюлаи, усиленный казачьим корпусом Платова, лишь на рассвете 7 (19) октября начал движение в указанном направлении.

Ранним утром 7 (19) октября союзники удостоверились, что противник начал отступать в город. Их войска в том же самом порядке, в каком они действовали ранее, подошли к предместьям города. Перед союзным командованием открывались две реальные возможности. Первая — организовать преследование и попытаться перерезать пути отхода противника в местах переправ через водные преграды. Это открывало бы и хорошие перспективы для будущих действий. Вторая — штурмовать город. Выбрали второй вариант, не самый лучший, так как овладение Лейпцигом было вопросом времени. В принципе, имея громадное численное преимущество, можно было использовать оба варианта одновременно, но союзники даже не попытались начать наступление на дамбу у Линденау, взятие которой запирало бы французов в Лейпциге или, по крайней мере, значительно ускорило бы их отступление.

Наступление на сам город несколько было задержано переговорами с депутацией от магистрата с просьбой о перемирии. Только около 10 часов утра союзники начали наступательное движение со всех сторон на предместья и вынудили противника отойти в сам город². Упорный бой кипел на городских улицах, когда примерно после

---

¹ Цит. по: *Орлов Н. А.* Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. IV. С. 117.

² Участник отступления Вьесс де Мармон свидетельствовал: «Повсюду царил беспорядок. Загоры обозов на бульварах и скопление отступающих не позволяли ни построить, ни разместить войска. В конце концов, всех охватил ужас» (Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 120).

12 часов был взорван единственный мост через реку Эльстер. Мост заминировали еще ночью (заложили три бочки с порохом), и было приказано взорвать его «при первом появлении противника». Ответственным за это являлся генерал Ш. Ф. Дюлолуа, перепоручивший взрыв своим подчиненным. В результате приказ о подрыве моста отдал унтер-офицер, когда небольшое количество русских егерей проникло в близлежащие дома. Последствия взрыва для французов оказались ужасными, так как значительное количество их войск (до 20 тыс. чел.) и обозов еще оставалось в городе. Они оказались запертыми в городе. Немногим из них удалось избежать смерти или плена. Лишь некоторые как Макдональд, бросились в быстрый Эльстер, и им удалось вплавь, добраться до другого берега, а многие, как маршал Понятовский (произведенный в маршалы на поле боя при Лейпциге), утонули. Остальные попали в плен, среди них командиры корпусов генералы Лористон и Рейнье, а всего в общей сложности за время боев пленено 46 наполеоновских генералов и 14 было убито. Военнопленным союзники сочли и саксонского короля Фридриха-Августа (отправили в Берлин), несмотря на его запоздалое раскаяние¹.

Потери армии Наполеона в Лейпцигском сражении оказались огромны. Исследователи обычно оперируют цифрами вокруг числа 60 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными. По всей вероятности, значительно больше, так как считается, что из Лейпцига смогли вырваться едва 100 тыс. французов. Победителям досталось 325 орудий, большое количество обозов, парков и вооружения. Потери союзников, правда, также были велики — от 50 до 80 тыс. чел., но при имевшемся численном преимуществе они оказались не так чувствительны, в любом случае, у них оставалось где-то 250 тыс. чел.² Так, в труде М. И. Богдановича приводятся следующие данные об убыли в рядах союзников убитыми и ранеными при Лейпциге: русских — 22 604, пруссаков — 16 430, австрийцев —

---

¹ При описании Лейпцигского сражения использовались рапорты командиров частей, армейские «Известия» и Журналы военных действий. См.: Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 329–381.

² По свидетельству И. С. Энгеля, все деревни на дорогах, ведущих к Лейпцигу, были забиты ранеными всех наций, а в самом Лейпциге на улицах находилось столько трупов, что «посланы туда несколько пехотных полков для отбрасывания в какую-нибудь сторону мертвых тел» для прохода кавалерии (*Белоусов С. В.* Изюмские гусары в «Битве народов» под Лейпцигом (Воспоминания корнета И. С. Энгеля) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IX. С. 349–350).

12 653 чел.¹ Среди убитых было и девять русских генералов: И. Г. Шевич, Н. Д. Кудашев, Я. Е. Гине, И. Б. Ререн, Ф. А. Линдфорс, И. В. Мантейфель, Д. П. Неверовский, И. И. Полетаев и В. И. Каратаев. Но союзники, в первую очередь российская армия, по праву праздновали победу. Александр I за воинские заслуги в этом сражении возвел Баркляя и Беннигсена в графское достоинство Российской империи. Не были забыты и другие военачальники.

Говоря о результатах Лейпцигской операции, проще всего приписать причину неудачи Наполеона явному численному превосходству союзников. Правда, до этого французский полководец очень часто бил противников, имея в своем распоряжении меньше сил, выигрывал за счет умения, тактической выучки войск, благодаря наличию опытного и инициативного командного состава, а также верной оценке ситуации и нестандартным стратегическим ходам. Хотя, безусловно, при Лейпциге фактор численного преимущества сыграл определенную роль, его не стоит абсолютизировать. Прежде всего приходится признать, что армия у Наполеона была уже не та, что прежде. Изменилось в худшую сторону качество войск, набранных на скорую руку, хотя все еще демонстрировавших высокую боеспособность. Но и противник (русско-пруссские, но не австрийские войска) показывал зачастую образцы воинского мастерства, не уступающие французским, а с учетом моральных факторов (стойкость русских солдат и антифранцузские настроения пруссаков) боеспособность союзных армий поднималась на порядок выше. Также немаловажное, а, скорее всего, первостепенное значение, имела выработка в верхах коалиции нетрадиционной стратегии. Наполеона переиграли там, где раньше, он был сильнее всего. Сначала его переходили и измучили, вырвали инициативу, заставили догонять, а вот сил и средств у того не хватило, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Была задумана и осуществлена сложная многоходовая стратегическая комбинация, поставившая в невыгодные условия маститого полководца, из которого он не нашел достойного выхода. Союзники допускали массу промахов, но не сделали ни одной грубой ошибки, за которую бы могли поплатиться своим поражением, а расплата последовала бы незамедлительно. Наполеону не за что было зацепиться, чтобы победить, его военный гений и целеустремленность в данном случае оказались бессильны².

---

¹ Богданович М. История войны за независимость Германии. Т. II. С. 543–545.

² Карл-Юхан, наоборот, критичеки оценивал позицию у Лейпцига, занятую французами, и недоумевал, как Наполеон, «командовавший в тридцати больших битвах и полагавший воинскую славою своей затмить знаменитость

Как писал сразу после событий под Лейпцигом генерал Н. Н. Раевский: «Великий Наполеон, став весьма маленьким, бежит менее чем со ста тысячами человек, я надеюсь, что лишь Рейн нас остановит»¹. Грандиозная «битва народов», в которой приняло участие свыше полумиллиона человек, закончилась поражением французов, а военная репутация императора всех французов была поколеблена. Наполеону удалось вывести остатки своей армии, но контроль над Германией оказался безвозвратно утерян. Сразу же после Лейпцига развалился Рейнский союз. Баварский пример оказался очень заразительным, вслед за баварским королем, первым отложился от Наполеона король Вюртемберга, а потом, как по команде, более мелкие владетели. Марионеточное Вестфальское королевство прекратило свое существование. 12 (24) ноября во Франкфурте-на-Майне был подписан акт о роспуске Рейнского союза. Бывшие члены Рейнской конфедерации, спеша продемонстрировать свою лояльность союзникам и скрепить новые договоры кровью своих подданных, обязались выставить против Наполеона в общей сложности 145 тыс. линейных войск и такое же количество ландвера. Кроме того, их обложили особым взносом на военные нужды в размере 17 млн гульденов (около 10 млн рублей серебром). Эту сумму (переведенную в облигации) разделили главные союзники, из которых Австрия, Пруссия и Россия получали по 5/17, а Швеция и Ганновер — по 1/17 части². Это значительно улучшило финансовое положение коалиции, можно сказать, она стала зарабатывать деньги и начинала жить по наполеоновскому принципу «война кормит армию».

Остатки войск Наполеона сначала ушли к Эрфурту, где имелись значительные запасы. Сначала союзники опасались, что там французы попытаются закрепиться или дать новое сражение, но они продолжили свое быстрое отступление к Рейну³. Организовать же эффективное преследование не смогли, и даже слабо пытались это сде-

---

всех прежних французских генералов, вздумал поставить армию свою в такой невыгодной позиции!» (Поход августейшего императора Александра I в Германию и Францию и подвиги союзников его с описанием всех происшествий и достопамятнейших перемен. Ч. 3. СПб., 1814. С. 31).

¹ 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. С. 241.

² *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 36.

³ Примечательно, что в условиях бегства Великой армии Александр I отдал приказ М. И. Платову наблюдать все дороги от Эрфурта и проверять всех проезжающих, «с тем, дабы бдительностью казаков» стараться захватить Наполеона «и тем прекратить кровопролитную войну» (Донское казачество в

лать. Отчасти это объяснялось медлительностью Шварценберга или даже его опасением потерпеть поражение от все еще грозного полководца¹. Скорость передвижения французов также имела важное значение. Расстояние, на которое войска Наполеона тратили два дня, войска союзников преодолевали за четыре. Но при этом Великая армия несла огромные потери. Об этом хаосе отступления французов свидетельствует дневник С. Г. Хомутова за конец октября: «Мы шли дорогой, по которой ретировался неприятель, и она представляла нам то же зрелище, как от Смоленска до Вильны: на каждом шагу мы встречали мертвых и умирающих; ежели бы было похолоднее, можно было бы подумать, что мы опять в России»². Аналогии с бегством французов из России возникли и у Д. С. Дохтурова, когда он писал жене об увиденном: «Невозможно вообразить, в каком беспорядке неприятель совершает свое отступление: почти на каждом шагу видны остатки его военных снарядов, пушек, мертвых лошадей и людей, почти такое же бегство, как после Красного, хотя несколько слабее»³. Вслед за Наполеоном отправились лишь Богемская и Силезская армии. Северная и Польская армии оставались, чтобы покончить с французскими гарнизонами крепостей и для противодействия войскам Даву в Северной Германии.

Кроме того, наперерез Наполеону устремился австро-баварский корпус под командованием баварского генерала К. Ф. Вреде (примерно 45 тыс. чел.), к которому присоединились летучие отряды генералов А. И. Чернышева, В. В. Орлова-Денисова, В. Д. Иловайского и П. С. Кайсарова. С взятием Ганау союзники надеялись по крайней мере повторить Березинскую операцию. Но даже повторения не получилось. 18 (30) октября под Ганау войска Вреде были атакованы сначала корпусом Макдональда, а затем к нему на помощь пришла Старая гвардия. После удачных действий артиллерии генерала Друо (50 орудий) французская кавалерия совершила стремительную атаку, которая окончательно решила дело. Австро-баварский корпус по-

---

Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С. 489).

¹ В. Р. Марченко вспоминал господствующее в русских штабных кругах мнение: «Все утверждали тогда, что если бы не австрийцам поручено наблюдать за ретирадою, то мало кому из французов удалось бы перебраться за Рейн» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». С. 51).

² Дневник свитского офицера // Русский архив. 1869. Стлб. 288.

³ Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1125–1126.

терпел поражение¹, понес внушительные потери (до 9 тыс. чел.), вынужден был отступить и сойти с дороги. Наполеон не стал преследовать противника, ограничившись лишь язвительной ремаркой про генерала Вреде, своего недавнего сподвижника: «Я мог, конечно, сделать его графом, но не мог сделать из него полководца»². Победа под Ганау расчистила французскому полководцу дорогу к Рейну. 19 (31) октября Наполеон уже был во Франкфурте, а 23 октября (4 ноября) переправился через Рейн и отправился в Париж. Вместе с ним на другую сторону Рейна перешли от 60 до 80 тыс. его солдат, проделав путь от Лейпцига длиной в 350 верст. Кампания 1813 г. закончилась. Но она стоила Франции потери собранной армии в Германии в количестве примерно 400 тыс. чел. Потери, вполне сопоставимые с катастрофой Русского похода 1812 г. Это был очередной полный провал.

Крепостная война и полное освобождение Германии и Голландии

После Лейпцигского сражения значительная часть войск Северной и Польской армий была направлена против войск маршала Даву на Нижней Эльбе. И его войска вскоре были отрезаны в Северной Германии от Франции. Уже во второй половине октября Северная армия заняла Ганновер и оттеснила войска Даву за р. Биль. Затем Карл-Юхан, выставив заслон против Даву, обратил свои главные силы против датчан, поскольку претензии к ним со стороны Швеции являлись одной из побудительных причин ее участия в коалиции. Датский корпус отступил, а Дания пошла на уступки. 2 (14) января 1814 г. в г. Киле англичанами и шведами был подписан договор с Данией, по которому она отдавала Швеции Норвегию, присоединялась к союзникам и выставляла для войны с Наполеоном корпус в 10 тыс. чел.³. Тем временем армия Беннигсена обложила Гамбург и Гарбург, которые защищал корпус Даву, а войска генерала Винцингероде заняли герцогство Ольденбургское и Фрисландию, а также Дюссельдорф. Летучие отряды генералов А. И. Чернышева, А. Х. Бенкендорфа, Е. Ф. Сталя и полковника Л. А. Нарышкина в ноябре вошли в Голландию, население которой сразу же выступило против французов, а в Амстердаме началось народное восстание.

---

¹ Союзники официально изображали это сражение победой, и в Журнале военных действий было кратко упомянуто: «Славная битва под Ганау». См.: Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 386.

² Лашук А. Указ. соч. С. 691.

³ Angeberg. Le Congrès de Vienne et les traits de 1815. Т. 1. Р. 90–100.

Находившийся здесь корпус генерала графа Г. Ж. Ж. Молитора не смог оказать серьезного сопротивления. Сдавая города и крепости, он вынужден был в силу своей малочисленности и подъема национального движения отойти в Бельгию¹. В Гааге было сформировано национальное временное правительство, а 20 ноября (2 декабря) в Амстердам прибыл принц Вильгельм Оранский, объявивший о независимости Голландии. Тут же началось формирование Голландского легиона, а на территорию Голландии в дополнение ко всему высадились британские десанты.

Все земли, лежавшие на пути движения во Францию союзников, присоединялись к ним и тем самым расчищали им дорогу. 21 ноября (4 декабря) Швейцария заявила о своем нейтралитете. Еще в Эрфурте Наполеона покинул Мюрат и отправился в свое королевство. Он уже давно, опасаясь за свое будущее, вел тайные переговоры с австрийцами и англичанами. 19 (31) декабря 1813 г. Австрия выдвинула ультиматум Мюрату — немедленное присоединение к коалиции или потеря прав на престол. 27 декабря 1813 г. (8 января 1814 г.) австрийцы подписали союзный договор с неаполитанским королем. Мюрат, правда, отказывался от претензий на Сицилию, а взамен выставлял 35 тыс. неаполитанцев, которые с юга Италии должны были ударить в тыл французским войскам вице-короля Э. Богарне². В итоге — Франция к концу 1813 г. осталась без союзников, если не считать Итальянского королевства. Фактически после Лейпцигской битвы все развалилось с неожиданной быстротой. Можно понять чувства А. А. Закревского в письме А. Я. Булгакову 13 декабря 1813 г., когда он удивлялся и восклицал: «Можно ль было ожидать 1812 года, когда мы от Бородина и шли к Москве, что события нынешние совершатся. Где же мы теперь, часть за Рейном, другая на старых границах Франции, а третья по его сторону Рейна... Вот каковы чудеса божии, ...подпора злодея отклеивается от него, а присоединяется к нам, Швейцария присоединилась и дала уже на защиту общую часть войск своих, Дания и Король Неаполитанский также к нам присоединятся, скажите, можно ли больше ожидать от бога, как нынешних происшествий для Славы России. Смело можно сказать, что Велик России бог»³.

Правда, за Рейном Наполеон оставил большое количество французских гарнизонов в блокированных крепостях. И после Лейпцига

---

¹ См.: *Олейников Д. И.* Бенкендорф. С. 148–160.

² *Тюлар Ж.* Мюрат или пробуждение нации. С. 310–311.

³ *Безотосный В. М.* Письма А. А. Закревского к братьям К. Я. и А. Я. Булгаковым // *Российский архив.* 2003. Вып. XII. С. 40.

союзники часть сил (Польская и Северная армия) направили для решения этой проблемы. Причем было решено принимать капитуляцию крепостей только на условиях сдачи в плен. До этого часто капитуляции подписывались на почетных условиях (выход гарнизона с оружием или без него, возвращение на родину с условием не принимать участие в боевых действиях какой-то срок). Эта была бескомпромиссная позиция, которая лишь свидетельствовала о серьезных намерениях союзных верхов довести борьбу с Наполеоном до конца.

Самые крупные французские контингенты были сосредоточены под Дрезденом и Данцигом. Оставленный под Дрезденом корпус Гувьона Сен-Сира еще до Лейпцигского сражения был блокирован сначала 25-тысячным ополченческим отрядом генерала графа Толстого, затем туда подошли австрийские корпуса генералов графа И. Кленау и маркиза И. Г. Шателера. Собственно, Наполеон, как вариант, предлагал Сен-Сиру прорваться из Дрездена сначала к Торгау, затем к Виттенбергу и Магдебургу, присоединить гарнизоны этих крепостей, а затем примкнуть к корпусу Даву в Гамбурге. Сен-Сир предпринял несколько активных попыток осуществить этот проект, но безуспешно. 30 октября (11 ноября) была подписана капитуляция, по которой Сен-Сир сдавал Дрезден, оставлял 245 орудий, а его корпус обязался не воевать с союзниками в течение шести месяцев. Но эти условия не были утверждены союзным руководством, а 15 (27) ноября все солдаты корпуса Сен-Сира были объявлены военнопленными¹. Таким образом, в плен попали почти 35 тыс. французов вместе с 33 генералами во главе с маршалом. Примерно такая же история произошла и с гарнизоном Данцига, который оборонял корпус генерала Ж. Раппа. Командовавший там союзными войсками дядя царя герцог А. Вюртембергский активно вел переговоры, и 17 (29) ноября была подписана аналогичная с дрезденской капитуляция, которая также была не утверждена Александром I. Окончательная капитуляция на условиях союзников была подписана 17 (29) декабря, по которой крепость была сдана 21 декабря (2 января 1814 г.) с 584 орудиями, а в плен попали больше 10 тыс. чел., в том числе 15 генералов и адмиралов². Ранее в ноябре–декабре капитулировали гарнизоны крепостей: Замостья, Модлина, Штеттина, Эрфурта, Торгау, Виттенберга, Глюккшадта. Всего, таким образом, на

---

¹ Богданович М. История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. II. С. 617–624; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3399. Л. 82–82 об.

² Богданович М. История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. II. С. 630–636; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3419. Л. 75.

конец года попало в плен около 75 тыс. солдат и две с половиной тысячи орудий.

Но союзники продолжали еще блокировать и держать осадные корпуса в Германии в 1814 г. под Глогау, Кюстрином, Магдебургом, Гамбургом, Гарбургом, Девентером, Везелем, Кастелем и др. Но эти крепости превратились в ловушки для их многочисленных гарнизонов (примерно 80 тыс. чел.), поскольку они были изолированы, их нельзя уже было использовать в полевых сражениях. Причем количество таких крепостей, оставленных в тылу союзников, стало увеличиваться в 1814 г. в Бельгии, Швейцарии и особенно в самой Франции. Тактика Наполеона была прежней. Многие из крепостей, самоотверженно выполняя свой воинский долг, сдались лишь по окончании военных действий в 1814 г.

Роль России и ее армии в 1813 г.

Объективный исследовательский анализ действий союзников должен признать, что главную роль в событиях 1813 г. играли российская армия и российская дипломатия. В самом начале 1813 г. Россия была единственной державой, находящейся на континенте в военном противостоянии с наполеоновской Францией, а к концу года, уже смогла присоединить и увлечь за собой практически все европейские государства. Как было сказано в манифесте Александра I, подписанном 6 декабря 1813 г. в Карлсруэ: «Не проходит еще года как уже победоносные наши знамена веют на берегах Рейна и ополчающаяся против нас Европа ныне добровольно шествует с НАМИ»¹. Русские войска весь 1813 г. выносили на своих плечах наибольшие невзгоды военных неудач и являлись основным цементирующим началом, позволявшим добиться громких побед. Русские составляли костяк всех четырех армий союзников, а деятельность русской дипломатии способствовала с самого начала созданию, а затем и сплочению и расширению сил коалиции. Во всех крупных сражениях (Лютцен, Бауцен, Дрезден, Гросс-Беерен, Кульм, Деннивиц, Кацбах, Лейпциг) именно русские солдаты принимали на себя главные удары противника, несли основные потери и являлись основными виновниками всех побед, подорвавших неоспоримое военное превосходство Наполеона в Европе.

Причем именно русские понесли самые большие потери в период военных действий в 1813 г. «При всех, однако, громких успехах кам-

---

¹ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. С. 149.

пани нынешней признаться надобно, — писал 28 октября (9 ноября) 1813 г. Барклай де Толли Александру I, — что она собственно нам стоит новых и весьма важных пожертвований: она стоит нам половины армии! ...Есть полки, в коих налицо не более уже 100 человек. Недостаток штаб- и обер-офицеров причиною, что и сии малые остатки не могут быть приведены в надлежащий порядок. В амуниции, и особливо в сапогах, рубахах и одежде, солдаты терпят крайнюю нужду. Кроме резервного корпуса, сохранившего еще вид порядочного войска, и кроме войск, находящихся в армии наследного принца шведского, кои менее других употребляемы были в дело и, следовательно, менее других потерпели, все другие действующие корпуса не могут делать значительного счету в армии, и я с тягостнейшим для меня прискорбием должен решительно донести, что они в настоящем положении их ежеминутно приближаются к уничтожению». В письме Барклай, докладывая по многим вопросам, в частности обеспечения армии всем необходимым на будущую кампанию 1814 г., затронул многие аспекты. В частности, касаясь ее раздробленности и «настоящего образа управления», закончил достаточно вестским резюме с точки зрения любого военного: «Ничего не может быть убийственнее для войск, как зависимость их от посторонних генералов. Ничего не может быть полезнее, как соединение их в одну массу, и особливо в такое время, когда мир или война должны обеспечить благосостояние отечества нашего»¹. Другое дело, что российский император, принимая самые разнообразные решения по обеспечению армии, в первую очередь резервами, пожелал оставить и на будущее раздробленность русских корпусов по армиям союзников. Видимо, Александра I такое положение больше устраивало по политическим соображениям, поскольку нахождение русских войск в каждой армии союзников создавало ему лучшие возможности для личного контроля и воздействия на главнокомандующих.

За год воинских лишений 1813 г. у русских возникло определенное братство по оружию с прусской армией. Это явление вело свое начало еще с кампаний 1806–1807 гг., а закрепилось именно в 1813 г. Русские отлично отдавали себе отчет о вынужденном характере участия пруссаков в кампании 1812 г. против России. Например, М. И. Кутузов в 1812 г. полагал, что Пруссия — противник, который «по несчастным обстоятельствам завлечен в сию войну»². Если и существовала недоброжелательность, то она исчезла с вступлением русских войск в Пруссию. Пруссия, как более слабый и ведомый

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 431–433.

² М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 455.

партнер, полностью доверилась России и действовала в русле ее внешнеполитического курса, хотя и стремилась выжать все выгоды из сотрудничества с русским медведем, но была настроена вести борьбу до решающего исхода. Русским была понятна ненависть пруссаков к французам, чувство мести за поругание национальной гордости, то, что в минимальной степени присутствовало у австрийцев. В этот период пруссаки даже ввели униформу, подражающую русским образцам. Многие русские мемуаристы, вспоминая этот поход, называли пруссаков (но отнюдь не австрийцев) термином «наши войска», а под словом «мы» подразумевали только русско-прусские части. Уже с марта 1813 г., как писал генерал Ф. Ф. Довре своим частям: «Войски прусские уже соединены с нашими и будут смешаны в рядах ваших, дабы горя одинаковым жаром чести и славы разить вместе с нами общих врагов вселенной»¹. И действительно позже во всех трех армиях (Богемской, Силезской и Северной) русские и прусские полки действовали всегда вместе и поровну делили все тяготы и невзгоды военной жизни, а резерв Богемской армии так одно время и назывался — русско-прусским резервом. Прапорщик И. М. Казаков вспоминал о совместном походе: «Пруссаки шли вместе с нами, и их солдаты разговаривали с нашими... С австрийцами такого лада не было, а на фуражировках бывали и драки»². Необходимо также отметить, что пруссаки в этот период благодаря русской армии почувствовали не только горечь поражений, но и вкус побед, обрели уверенность в своих силах. Пруссия же вновь стала ощущать себя за спиной России великой державой, способной влиять на европейские, в первую очередь германские государства, лидером своего национального региона.

Тем не менее нельзя сказать, что исчезли все коллизии в отношениях среди военных. Для русского генералитета с 1813 г. резко изменилась внешнеполитическая ситуация. Помимо Пруссии, в боевые действия против Наполеона на европейском континенте постепенно вступили австрийские и шведские войска. На главном театре военных действий союзниками были созданы четыре армии, из которых только одна Польская армия оказалась по составу русской, и ее возглавил русский генерал. В остальных русские корпуса подчинялись генералам-иностранцам. Внешнеполитический фактор несколько притупил внутренние противоречия среди российского генералитета. Необходимость противостоять претензиям со стороны иностран-

---

¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 103.

² Казаков И. М. Поход во Францию 1814 г. // Русская старина. 1908. № 3. С. 530.

ных генералов в определенной степени сплачивала командный состав русской армии. В 1813–1814 гг. вопрос старшинства был выведен на международный уровень. Возникла проблема выяснения статуса российских военачальников и их взаимодействия с союзниками. Так, А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал о переговорах 1813 г. с пруссаками, когда впервые «зашла речь о том, кому в случае совокупного действия русских и прусских войск надобно будет начальствовать, русскому ли генералу или прусскому, с нашей стороны предложено было, чтобы тот принял команду, кто старее в чине...»¹ Таким образом, именно этими проверенными принципами русские генералы руководствовались в повседневной практике общения со своими коллегами из европейских армий. Таким образом, в 1813 г. генеральские страсти во многом оказались перенесенными в высшие военно-дипломатические сферы и кипели они теперь, главным образом, в ставке союзников.

Нужно сказать и о роли, которую играл во взаимоотношениях в верхах союзников российский император. Что Александр I стоял у истоков антинаполеоновской коалиции, упоминает большинство авторов. Именно его личная позиция сплачивала союзников и определяла стратегическую линию поведения, хотя советская историография отдала приоритет Кутузову, а в литературе не принято было называть Александра I военно-политическим лидером союзников. Но официально-делопроизводственная документация того периода (переписка Блюхера, Карла-Юхана, Баркляя, Беннигсена и других генералов с русским царем) дает полные основания говорить о том, что именно он являлся и теньвым главнокомандующим союзных армий. Во всяком случае, в спорных случаях к нему в первую очередь обращались и докладывали ситуацию главнокомандующие Северной и Силезской армий. А. И. Михайловский-Данилевский даже в 1815 г. писал о том, что Блюхер «пренебрегает прочими монархами Европы и дорожит только двумя предметами: привязанностию прусской армии и уважением нашего Государя». «Он мой император, — говорит часто почтенный старик, — я ему доношу о моих военных действиях, а уже он пусть сообщает их королю. Он один может меня судить, и я от него принимаю охотно и выговоры, и награждения»². Александр I в первую очередь (а не Шварценберг) реально контролировал решения Силезской и Польской армий, пытался воздействовать на активность главнокомандующего Северной армии (у Шварценберга не

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 319.

² Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. СПб., 2001. С. 239.

хватило бы авторитета). Ему, а не Шварценбергу, подчинялись все русско-пруссские корпуса Богемской армии. Фактически под юрисдикцией австрийского главнокомандующего оставались и напрямую подчинялись только австрийские части. Все же стратегические решения Шварценберга должны были утверждаться советом трех монархов, где преобладающая роль принадлежала Александру I — прусский король находился под его влиянием с давних пор, а австрийский император был достаточно индифферентен к военным вопросам. Де факто из четырех армий союзников под русским императорским оком и контролем находились три с половиной армии.

Михайловский-Данилевский, находившийся в окружении императора во время Лейпцигской битвы, считал, что он «начальствовал армиями, а не кто другой, к князю Шварценбергу потеряли доверенность, а прочие два монарха ни во что не вступались». Причем мемуарист указывал, что такая ситуация сложилась не сразу, а постепенно: «Александр, ознакомившись в течение двух месяцев с австрийцами, уже не оказывал им такой уступчивости, как в начале союза своего с ними, при разногласиях он твердо настаивал в своих мнениях. Пруссаки во всем ему покорялись, и сами австрийцы, признавая его возвышенные дарования и отвержение его всяких личных честолюбивых видов, начинали его слушаться, тем более что присоединение к нам армий Беннигсена, Бернадотта и Блюхера увеличивало число войск, непосредственно зависевших от распоряжений государя, истинного Агамемнона великой брани»¹. А. А. Закревский в письме к А. Я. Булгакову от 23 декабря 1813 г. писал: «Весьма правильно вы Лейпцигское дело называете Александровским, естлиб не Государь наш, то бы сего не было. Сколько ему стоило труда уломать на сие толстого Шварценберга»². Не случайно в журнале «Сын Отечества» в статье о Лейпцигской битве было написано: «Во все три дни Государь Император сам изволил командовать армиями. Решительность его в предприемливых им планах доставила нам большую часть успехов»³.

Можно даже подписаться под правильностью определения Александра I как «Агамемнона царей Европы» (он таковым являлся в действительности), но вот в честолюбии ему никак отказать нельзя. Просто его честолюбие заключалось не в занимаемой должности, а в

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 366.

² Безтосный В. М. Письма А. А. Закревского к братьям К. Я. и А. Я. Булгаковым // Российский архив. 2003. Вып. XII. С. 42.

³ Второе прибавление к 43 книжки журнала Сын Отечества. 1813. № XXXVI. С. 3.

общественном признании его заслуг. Стать победителем самого Наполеона — вот его честолюбивая цель! Кроме того, главнокомандующий — это ответственность, а вот от ответственности он всегда устранился. Да и как умный человек российский император понимал, что при отсутствии нужного боевого и тактического опыта он не сможет командовать на поле сражений. Как верно заметил об этом тот же Михайловский-Данилевский, в целом положительно отзывавшийся о военных способностях императора: «Сколько я не видел государя, рассуждавшего о военных делах на поле, его мнения были самые основательные и дальновидные, но в нем была какая-то недоверчивость к самому себе, и он имел тот недостаток для военного человека, что он не скоро узнавал местное положение поля сражения, или, говоря техническим выражением, он с трудом мог ориентироваться»¹. Да, одно дело давать указания главнокомандующим, а другое — каждодневно заботиться о дисциплине, боеприпасах, продовольствии и амуниции, составлять расписания и маршруты, вести полки, расставлять их по месту, направлять в бой.

Если Кутузов в 1813 г. смог проводить собственную линию лишь при коррекции царя, то уже «молодой» генерал Витгенштейн фактически «полукомандовал» армией. В данном случае, наличие австрийского главнокомандующего давало возможность хоть почувствовать Александру I сопротивление материала. Русские генералы только бы соглашались с высочайшим мнением. В силу этого он лишний раз старался не вмешиваться в дела управления, а делал это, вероятно, с подачи своих советников (Барклая, Толя, Дибича, Жomini) только тогда, когда решения Шварценберга были слабы в профессиональном отношении или противоречили выработанной русской стратегической линии. То есть российский император, являясь военно-политическим вождем коалиции на континенте, только направлял движения армий в нужное русло, а чаще всего подстегивал Шварценберга, больше всего боявшегося потерпеть поражение от Наполеона. За год Александр I, безусловно, набрался опыта и мог уже адекватно оценивать военную ситуацию, во всяком случае в стратегическом плане. Но именно благодаря императору и его возрастающему престижу Россия заняла в Европе ведущее место. Примечательна высокая оценка этих усилий самого крупного (после смерти М. И. Кутузова) российского полководца М. Б. Барклая де Толли. 15 января 1814 г., когда русские войска только вступили на территорию Франции, он изложил свои суждения в частном письме

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 365.

к неизвестному адресату: «Если Россия, как возрожденная, выйдет из этой борьбы, покрытая бессмертной славой, и поднимется до высшей ступени значения и могущества, то причину этого надо искать в плане кампании 1813 года, начертанном с предусмотрительностью и остроумием. Особенно же в твердости и неуклонности нашего императора, выносливому терпению и неутомимому попечению которого мы обязаны этим еще никогда невиданным феноменом, что такая огромная и сложная коалиция до сей поры существует и с энергией преследует все ту же цель»¹. Очень симптоматично было признание в письме жене генерала Д. С. Дохтурова, всегда критически настроенного и постоянно недовольного вождями русской армии. В декабре 1813 г. он написал, стараясь ответить на вопрос о роли Александра I: «Почтен как спаситель целого света, уважаем как добрый, бескорыстный победитель; увидишь, что ежели угодно будет Богу кончит благополучно сию войну, то он не отделается от наименования Великого. Правда, что по всей справедливости заслуживает: всем один управляет (кто бы думал!) как военными, так и политическими делами; мы много ему обязаны. Союз с Австрией и вся теперешняя гармония есть его одного дело; он умеет держать всю коалицию в большом порядке, все от него без памяти, стараются ему угодить, и его слово есть закон. Вот, мой друг, каков он; как много мы на его счет ошибались...»²

§ 2. Поход во Францию. Агония наполеоновской империи

Возвратившийся во Францию Наполеон вынужден был, как и в 1813 г., вновь заниматься формированием уже новой армии. По свидетельству Мармона, «потери, понесенные в многочисленных сражениях, разгром под Лейпцигом, и, наконец, все возрастающая нищета привели к тому, что армия превратилась лишь в свою тень. Это отступление выглядело примерно так, как и отступление из России. Из примерно шестидесяти тысяч человек, вышедших к Рейну, лишь тысяч сорок имели оружие»³. Но если в 1813 г. в его распоряжении еще оставались ресурсы подвластной ему Европы, то к 1814 г. его возможности резко сузились, под его контролем фактически осталась

---

¹ Русская старина. 1888. № 10. С. 265.

² Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1130–1131.

³ Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 122. Далее Мармон привел свидетельства о эпидемиях, свирепствовавших в армии и повышенной от этого смертности в госпиталях в Майнце.

только одна французская территория. Теперь Франция должна была сражаться в одиночку. Как заметил один рядовой в конце 1813 г.: «Черт возьми, хорошую штуку мы выкинули. Пошли за русскими в Москву, чтобы привести их во Францию»¹. Но если причину катастрофы Русского похода можно было оправдывать и списывать на непогоду и русские морозы, то кто явился виновником в провале кампании 1813 г.? Изменники-немцы?

Наполеон под влиянием грядущей опасности вновь проявил незаурядную энергию и развил бешеную деятельность, стремясь воссоздать потерянную военную мощь. Опять он смог призвать конскриптов 1815 г., мобилизовать жандармов, национальную гвардию, лесников, таможенников и др. Выполняя армейские заказы, интенсивно работала промышленность. Из-за нехватки денежных средств на военные нужды принимались чрезвычайные меры и вводились новые налоги. Французы в течение 15 лет вторгались на чужую территорию, а когда настал час расплаты и армии союзников готовы были перейти границы империи, все общественные слои охватили уныние и апатия. В целом ситуация была неутешительной, а слишком многие полагали, что Наполеон уже находится на краю гибели.

В Италии войска Э. Богарне (40–50 тыс. чел.) с трудом противостояли австрийским силам (75 тыс. чел.), а затем с юга им в тыл ударили неаполитанские войска «изменника» Мюрата (40 тыс. чел.). В Испании французские части маршалов Ж. Сульта и Л. Г. Сюше (около 100 тыс. чел.) под давлением англо-испанских войск герцога А. У. Веллингтона (примерно 125 тыс. чел.) уже отошли к Пиренеям и стояли на границах Франции. Но самая неприятная ситуация сложилась у Рейна и в Бельгии, где ослабленные войска под командованием маршалов (около 80 тыс. чел.) занимали оборону от союзных армий, численность которых могла в совокупности превысить 300 тыс. бойцов. Отрезанные на Нижней Эльбе части корпуса Л. Н. Даву и изолированные французские гарнизоны в Германии выглядели ненужным довеском, и хотя оттягивали на себя второстепенные силы союзников, изменить стратегически безнадежное положение империи Наполеона уже никак не могли. Хотя французский император предпринял ряд шагов на международной арене, правда, больше свидетельствующих об агонии его режима, так как они во многом противоречили всей его предшествовавшей политике. Он освободил Папу Римского из его заточения во Франции и вернул его в Ватикан. Кроме того, он решил восстановить на престоле низвер-

---

¹ Цит. по: Отечественная война и русское общество. Т. 6. М., 1912. С. 62.

гнутого им же испанского короля Фердинанда в обмен на прекращение военных действий на Пиренеях. Но дело ограничилось предварительными соглашениями, а война под давлением англичан на Пиренейском полуострове продолжилась. Дипломатическое наступление закончилось провалом. Уже к концу 1813 г. Наполеон находился в полной дипломатической изоляции.

Да и внутренняя ситуация в самой Франции, изнуренной и обескровленной двадцатью годами бесконечных войн, не давала поводов к оптимизму. Страна устала от постоянного военного напряжения сил и ресурсов, кроме того, это породило общественное недовольство наборами в армию, резко возросло количество уклонистов и дезертиров. В целом Франция оказалась обложенной войсками превосходящего противника со всех сторон, а внутри страны существовала роялистская «пятая колонна», ждущая своего часа.

Противоречия в стане союзников

Франция воевала с коалицией государств, поэтому могла оставаться только надежда на внутренние противоречия в стане союзников, которые помешали бы осуществлению их целенаправленных действий. А Наполеон очень хотел бы, чтобы союзники отложили свое наступление во Францию хотя бы до весны 1814 г., тогда бы он смог эффективно использовать дарованную передышку и выставить вполне боеспособную армию. И действительно, единодушия среди членов коалиции не наблюдалось. Победы 1813 г. породили серьезные проблемы, так как возникла новая международная ситуация, новая раскладка сил в Европе. Войска союзников в начале ноября 1813 г. подошли к Рейну и сделали временную остановку на два месяца, продолжая лишь продвижение в Северную Германию и Голландию. Вполне очевидно, что союзные армии после проведения столь напряженной кампании 1813 г., нуждались в отдыхе, в пополнении, в создании новых коммуникаций, в подтягивании тылов и обеспечении флангов. Но возникли и другие резоны, хотя логика войны требовала дальнейших наступательных действий во Францию. С одной стороны, Рейн являлся естественным рубежом, за которым французы могли успешно обороняться, с другой стороны, перед вступлением союзных войск на территорию Франции в их рядах слышались опасения, что французы могут вновь вспомнить традиции 1792–1793 гг. и, как тогда, возьмутся за оружие. С подобными доводами выступал ни кто иной, как главнокомандующий К. Шварценберг, подавший докладную записку своему императору Францу I с доводами против продолжения войны на французской

земле. Это мнение разделял и Меттерних, не хотевший допустить усиления влияния России на европейские дела¹.

Да и в окружении российского императора были люди, высказывающие подобные мнения или же опасения в возможной неудаче союзников. Слишком многие усвоили уроки недавнего прошлого. Они говорили об опасениях столкнуться с народной войной во Франции. Укажем, что сторонником остановки союзников на Рейне в окружении Александра I выступал адмирал А. С. Шишков². 6 ноября 1813 г. он даже представил императору записку «Разсуждение о нынешнем положении нашем». Адмирал опасался за успехи союзников на территории Франции, предлагал не переходить, остановиться и выстроить заслон из австрийцев и воинских контингентов немецких государств. Следует в данном случае отметить противоречивость позиции Шишкова, так как он полагал: «Мир с Наполеоном был невозможен; ибо Франция под его правительством не могла долго оставаться спокойной; а потому надлежало заключить оный или с нею, или с тем, кто после него будет управлять»³. Александр I ознакомился с мнением старого адмирала и не согласился с ним. Это противоречило его принципам и убеждениям. Еще в конце 1812 г. на вопрос, заданный фрейлиной Р. С. Стурдзой («Разве кто-либо осмелится еще раз переступить наши границы?»), российский император ответил: «Это возможно; но если хотеть мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже, в этом я глубоко уверен»⁴. Его будущая программа для русской армии видна из приказа войскам, отданном в декабре 1813 г., в котором говорилось: «Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европе свободу ее и независимость. Остается увенчать великий подвиг сей желаемым миром. Да водворится на всем шаре земном спокойствие и тишина! Да будет каждое царство под единою собственному правительству своего властию и законами благополучно!»⁵ Даже в тексте самого приказа чув-

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 551, 775.

² В. Р. Марченко писал, что в Базеле, как он полагал — «из трусости», остался Шишков: «Он предрекал народную войну и пагубу нам, в минуту даже прощанья моего с ним» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». С. 51).

³ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 237–243.

⁴ Тайны царского двора (из записок фрейлин). С. 122–123.

⁵ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. С. 151.

ствуются бескомпромиссная позиция российского монарха и его устремленность установить новый порядок взаимоотношений между странами.

Причем Наполеон действительно, изыскивая новые средства для продолжения борьбы, предпринимал конкретные меры, чтобы сделать войну народной. Помимо призывов о защите страны и назначения чрезвычайных комиссаров на места для возбуждения общественного мнения, он даже собрал в конце 1813 г. Законодательное собрание. Но все оказалось тщетным, рядовые французы проявили полную апатию, общественные круги демонстрировали безучастность, а депутаты Законодательного собрания целый месяц говорили речи, в которых содержалось больше критики в адрес Наполеона, чем каких-либо конструктивных предложений. Законодательное собрание, выступившее в противовес воле своего императора за немедленное заключение мира с коалицией, в итоге было распущено, а народной войны во Франции как-то не случилось¹. И это говорит о многом. Почему реакционные силы поднимали народные массы на борьбу с «неприятелем», а у прогрессивного Наполеона ничего не получилось?

Для того чтобы представить все точки зрения в современной историографии, необходимо отметить особую позицию по отношению к кампании 1814 г. очень уважаемого мною историка Доминика Ливена. Он положительно оценивал все действия Александра I в европейской политике («В целом русская внешняя политика в 1812–1815 гг. достойна всяческих похвал»), но назвал решение русских преследовать Наполеона за Рейном спорным (хотя перед этим военные действия русской армии в центре континента считал вполне разумными), поскольку «избавившись от врага на западе Европы, Великобритания на весь XIX век развязала себе руки для борьбы с российской экспансией на Балканах и в Азии». По его мнению, тогда «России, несомненно, было бы удобнее использовать наполеоновскую Францию в качестве противовеса Великобритании». «И русские, и англичане в XX веке действительно сильно выиграли в том случае, если бы территория Франции простиралась до Рейна, включая в себя Бельгию»². Хотя Д. Ливен не сделал акцент на этих тезисах (по его словам, «все это — частности»), можно оспорить его мне-

---

¹ Богданович М. Положение дел в политическом отношении при открытии похода во Францию 1814 г. // Военный сборник. 1864. № 1. С. 10–11, 14–21.

² Ливен Д. Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. С. 55–56.

ние, тем более что сам автор, справедливости ради, привел и аргументы против выдвинутого им же положения.

Но сам Наполеон, избалованный прежним «военным счастьем», не очень хотел бы такого мира, о чем свидетельствовали его переговоры с союзниками в 1813–1814 г.¹ В ноябре 1813 г. союзники по инициативе австрийской стороны через плененного в Лейпциге французского посланника в Веймаре Н. М. Сен-Эньяна предложили Наполеону предварительные условия для заключения общего мира². Укажем, что союзные кабинеты великих держав не имели еще к этому времени единой позиции в отношении условий мира с Францией. Правда, Александр I, а также с его подачи прусский король, скрепя сердцем, дали согласие на переговоры, однако без прерывания военных действий³. Да и русские правительственные верхи не сомневались, что наполеоновская дипломатия в тот момент не пойдет на подписание мира. Фактический руководитель внешней политики империи К. В. Нессельроде в письме от 8 (20) ноября 1813 г. русскому послу в Англии Х. А. Ливену писал: «Французское правительство не могло не отвергнуть наших предложений, ибо еще не было случая, чтобы какая-либо держава возвратила свои завоевания в результате переговоров, прежде чем они были отняты у нее силой оружия. Всем известный характер Наполеона не давал оснований опасаться, что данный случай будет исключением из правил»⁴. Франции предлагались «естественные границы» по Альпам, Рейну и Пиренеям, а также признание независимости государств в Германии, Голландии, Италии и Испании. Наполеон медлил, не принимал условия, предложенные союзниками, все еще надеясь на правоту «больших батальонов», т. е., все еще рассчитывая отыграть потерянное и нанести поражение своим противникам. Лишь в начале декабря он дал согласие на проведе-

---

¹ Как пример приведем ответ Наполеона на предложения союзников о новых европейских границах в июне 1813 г.: «Я лучше умру, чем уступлю хоть дюйм своей территории. Ваших государей, рожденных на престоле, можно разбить двадцать пять раз, а они все равно возвращаются в свои столицы. Я же, выскочка-солдат, не способен на это. Моя власть закончится в тот день, когда меня перестанут бояться» (цит. по: *Исдейл Ч. Д.* Указ. соч. С. 33).

² *Fain A. J.F.* Manuscrit de mil huit cent quatorze. P. 41–42; *Kerautret M.* Les grands traités de l'empire. Т. 3. P. 94.

³ О Франкфуртских предложениях союзников см. подробнее: *Захарчук О. Н.* Франкфуртские предложения союзников 1813: Принято или отвергнуто Наполеоном (К вопросу о трактовке доселе неизвестного в российской историографии документа) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. X. С. 168–173.

⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 470.

ние мирного конгресса в Мангейме, что уже даже не устроило сторонников мирного процесса, не говоря уже о партии «войны»¹. По сути, французскому императору не нужна была урезанная территория Франции — это было бы равносильно его полному краху. Показав уступчивость, он продемонстрировал бы всей Европе слабость Франции². Переговорный процесс ему был нужен, чтобы получить оттяжку времени и лучше подготовиться к новой кампании. А вот сами переговоры он попытался использовать, чтобы развалить единый стан коалиции.

Определяло же политику коалиции коллективное мнение основных держав (России, Англии, Австрии, Пруссии, Швеции), но каждый из основных игроков коалиции в это время стал уже думать о своих резонах. А они зачастую шли вразрез с интересами других союзников. Например, шведский наследник престола Карл-Юхан, мечтавший о французской короне, ограничил участие шведов в кампании 1814 г., опасаясь негативного общественного мнения Франции на свой счет. Англия просто устала от войны (ее казна уже была истощена) и ее устраивали уже достигнутые результаты, правда, английский король еще владел Ганновером, поэтому британской короле судьба Германии была не чужда.

А главным сторонником переговоров с Наполеоном являлась австрийская сторона. Ни Франц I, ни Шварценберг не могли по своим личным качествам играть первую роль в войсках коалиции, но в то же время не желали видеть других вождей, это означало бы ослабление влияния Австрии. Они втайне надеялись на регентство Марии-Луизы в случае отречения Наполеона. Такая возможная ситуация их вполне устраивала. По словам великого князя Николая Михайловича, «когда настало время дележа и чувствовалась близость Парижа, то мало кто мог сдерживать пыл своих страстей»³. Но Австрия не могла позволить себе одна выйти из войны, тогда все влияние в Европе досталось бы другим (читай — Англии и России). К исходу 1813 г. все последующие ходы были прописаны самой атмосферой политиче-

---

¹ *Kerautret M.* Le grands traités de l'empire. Т. 3. P. 93–94; *Madelin L.* Histoire de Consulat et de l'Empire. Т. 13. Paris, 1950. P. 357–358.

² Вот как, например, переговоры союзников с французским императором в 1814 г. характеризовал А. Н. Шебунин: «Наполеон не мог принять требования вернуться к дореволюционным границам, не мог потому, что сам получил Францию от революции в большем размере, а также потому, что его власть была основана только на военной славе; капитуляция внешняя для него была неразлучна с капитуляцией внутренней» (*Шебунин А. Н.* Европейская контр-революция в первой половине XIX века. Л., 1925. С. 63).

³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. С. 124.

ской ситуации. Все монархи, бывшие сателлиты или вынужденные союзники французского императора, оказавшись к 1814 г. запряженными в одну антинаполеоновскую телегу и чувствуя вкус уже близкой неминуемой победы, не хотели оставлять Наполеона во главе Франции. Государственные мужи хорошо знали и страшились непредсказуемости военного гения Наполеона, а, следовательно, его мести, останься он у власти. Слишком долго его фигура была той осью, вокруг которой вертелись судьбы стран Европы. Европейские правители желали освободиться от железной руки Наполеона и не без оснований опасались, что в противном случае через энное количество лет они в качестве почетных пленников могут тащить по улицам Парижа триумфальную колесницу оставленного на троне «безродного корсиканца».

Вопрос низвержения французского императора в 1814 г. стал основным общеевропейским делом, и нажать на тормоза было нельзя в силу закона инерции движения больших масс и резонов «большой» политики. В 1814 г., когда австрийцы или англичане начинали разговор о мире, то у Александра I находились веские доводы, и он отвечал: «Это будет не мир, а перемирие, которое вам позволит разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый раз поспевать к вам на помощь за 400 лье. Не заключу мира, пока Наполеон будет оставаться на престоле»¹. Один из обозревателей журнала «Сын Отечества» в самом начале 1814 г. поместил в свою статью следующие слова: «Можно заключить мир с Наполеоном... Но кто может сомневаться, что подобный мир не хуже всех перемирий?»² Сам вопрос уже содержал ответ. Это была обоснованная логика, исходящая из общего понимания европейской ситуации, с учетом русских интересов.

Помимо всего, ставка около двух месяцев находилась во Франкфурте-на-Майне, куда стеклись со всех концов германские принцы. Они в первую очередь стремились найти защиту от притязаний пруссаков или австрийцев в приемной могущественного Александра I. В целом во Франкфурте собралось достаточно пестрое высшее общество. Как раз в этой обстановке взаимных интриг ведущие союзники в тот момент определяли судьбу германского устройства в послевоенный период, а одним из важных вопросов, который неоднозначно разрешался и вызывал споры в стане коалиции, это оккупационный режим так называемых ничейных территорий (Саксония, Вестфалия, Берг, Франкфурт, Гамбург и др.)³. Фактически

---

¹ Цит. по: *Соловьев С.* Указ. соч. С. 256.

² *Сын Отечества.* 1814. Ч. 11. № V. С. 211.

³ См. конвенцию союзных держав от 9 (21) октября 1813 г.: *Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии.* С. 394–398.

на германской территории через механизм назначения генерал-губернаторов на оккупированных землях возникли зоны влияния — австрийская (южная), русская (центральная) и прусская (северная). России это обстоятельство давало возможность жесткого контроля над своими коммуникациями в Германии для армии, которой предстояло действовать во Франции. Все вопросы (результаты борьбы между аннексированными и суверенными князьями) решала и утверждала «блуждающая конференция» на уровне министров иностранных дел России, Австрии, Пруссии и английских послов при этих дворах. В общем, пока военные отдыхали, дипломаты не скучали среди толп просителей, поскольку велись постоянные дебаты в попытках преобразовать Германию. Но в то же время союзники именно в такой обстановке интриг, в ворохе протоколов и продолжительных переговорах мобилизовали военный потенциал и воинские контингенты раздробленной Германии для войны во Франции. По сути, союзники убедили в добровольном порядке большинство немецких курфюрстов заменить военное бремя Рейнского союза на финансовые издержки и военные вложения (примерно в два раза большие, чем прежде) уже под союзническими знаменами. Все это — в обмен на обещания будущей независимости и целостности. Таким образом, из бывших подопечных Наполеона было сформировано пять германских корпусов, принявших участие в кампании 1814 г.

Планы коалиции

На состоявшемся во Франкфурте 19 ноября (1 декабря) 1813 г. военном совете союзников было решено как можно быстрее продолжить военные действия, вопреки мнению осторожных австрийских стратегов, ратовавших за оттяжку до весны¹. В данном случае, победила настойчивость Александра I, который отлично понимал, что отсрочка даст возможность Наполеону собрать новую армию. Решив продолжить военные действия, союзники вступили в споры о том, как ее вести. Если привлечь военные авторитеты прошлого, то многие известные полководцы, разбирая способы борьбы против Франции, предлагали самый радикальный метод — движение прямо на Париж. Так, например, полагал Фридрих Великий и А. В. Суворов. Сторонниками подобных действий являлись пруссак Блюхер и Александр I. А вот Шварценберг как раз придерживался противоположного мнения, ратовал за прочное обеспечение тыла, флангов, с обязательной осадой крепостей. В общем, австрийское полководче-

---

¹ *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 42–46.

ское мышление, как всегда, выступало за медленное наступление и осторожное развитие событий.

Тогда же была обнародована декларация союзников, в которой они объявляли, что ведут войну не против Франции, а лишь против Наполеона («противоборствуют желанию Наполеона господствовать в Европе») и не сложат оружия, пока не достигнут этого «великого и спасительного результата»¹. То есть фактически гласно прозвучала цель, к которой стремилась коалиция, — низвержение личной власти Наполеона. В то же время это была крайне эффективная пропагандистская акция. Поэтому о предыстории появления этого документа стоит рассказать подробнее. Обнародованию декларации предшествовала записка Александру I его генерал-адъютанта А. И. Чернышева написанная не позднее 8 (20) ноября 1813 г. Чернышев, во многом своей блестящей карьерой был обязан не только подвигам на полях сражений, но как раз полученным лаврам на ниве ведения разведки во Франции перед кампанией 1812 г. Он, как бы сейчас сказали, являлся специалистом по стране, знал и представлял настроения, бытовавшие в общественных кругах. Исходя из этих позиций, и была составлена сама записка, а также сформулированные в ней предложения и мысли. Чернышев предлагал для скорейшего достижения «прочного и почетного мира», желаемого всеми народами, а также, чтобы «наш коварный враг не мог выиграть время для создания новых армий», составить документ, в котором император «от лица всех своих союзников» объявил бы Европе, «прежде всего французам, о том, какими чувствами Вы руководствуетесь, продолжая войну, каково Ваше отношение к французскому народу, — так, чтобы стало ясно, до какой степени Вам чуждо всякое желание унижить эту нацию и сделать ее несчастной, ибо Вашей единственной целью всегда было лишь освобождение народов Европы от господства узурпатора, каковое господство не только мешает счастью Франции, но и до крайности отягощает ее, требуя все новых жертв во имя сохранения подобного порядка».

Из всех доводов, приводимых в записке, укажем на важнейшие — Россия избежит дипломатических проволочек и ненужных переговоров, а Европа узнает истинные намерения российского императора, Наполеон «уже не сможет навязать французам свою волю, и тщетны будут все его попытки вызвать общий патриотический подъем, обращаясь к чувству национальной чести», виновниками продолжения бедственной войны будут французский император и его эгоизм, в результате союзникам «не придется иметь во Франции дело с нацио-

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 486.

нальной войной, которая, безусловно, поставила бы под сомнение исход всей борьбы». Лейтмотив всей записки, выдержанной в либеральном духе, звучал очень убедительно: «Надо вывести народы из состояния неизвестности относительно ожидающей их участи, иначе рухнут все надежды на помощь общественного мнения, а противник сможет направлять его даже против очевидных интересов самих народов»; нужно идти «на врага с мечом в одной руке и оливковой ветвью в другой»¹. Собственно, эта записка подтолкнула Александра I к обнародованию декларации, которая сыграла важнейшую роль в пропагандистской войне союзников. Декларация показала классу собственников во Франции, что им нечего опасаться, беспокоиться как за свое имущество, так и за будущий государственный суверенитет. И крайне недовольная Наполеоном буржуазия получила определенную гарантию и предпочла не поддерживать больше французского императора.

Бесспорно, Александр I в своей деятельности, будучи теньвым главнокомандующим, использовал мнения и советы своего окружения. Сегодня историкам трудно проследить механизм принятия решений и зарождения тех или иных идей, но ясно, что решающая роль при окончательном выборе принадлежала российскому императору. Так и план кампании 1814 г. был разработан при его непосредственном участии и окончательно принят им. Об этом свидетельствует хотя бы интенсивная переписка Александра I со шведским наследником престола Карлом-Юханом, когда план, принятый союзниками в кампанию 1814 г., российский монарх изложил в письмах, датированных 27 и 29 октября (8 и 10 ноября) 1813 г.² Основные идеи Александра I, которые легли в основу решения военного совета во Франкфурте были следующими. Северная армия Карла-Юхана должна была перейти Рейн в районе Кельна и двинуться на Антверпен с целью отрезать Голландию от Франции. Силезская армия Блюхера, форсировав Рейн и заняв Кобленц, должна была маневрировать до того времени, как Богемская армия, которой предназначалась главная роль, пройдя через Швейцарию, двинется дальше в направлении центра и столицы Франции Парижа, южным флангом угрожая Лиону. Это должно было ускорить отступление войск Э. Богарне из Италии. Австрийская армия в Италии тогда бы получала возможность войти в соприкосновение своим правым флангом с Богемской армией у Лиона, а левым флангом с армией герцога А. У. Веллингтона. Таким образом, все армии должны «сомкнуться в

---

¹ Там же. С. 450–451.

² Там же. С. 431, 435–436.

едином строю. Театром военных действий будут лучшие провинции Франции, а целью этих операций — постепенное сжимание кольца с каждой стороны к центру, будь то Париж или ставка Наполеона». Основные параметры предложений Александра I затем как раз были использованы в 1814 г.

Военные действия 1814 г. во Франции

В целом все силы союзников, которые они могли использовать против Наполеона, простирались до 900 тыс. чел., у Наполеона имелось до 300 тыс. По утвержденному плану союзников для наступления со стороны Германии первоначально предназначались три армии. Силезская армия Блюхера (70–80 тыс. чел., из них более 50 тыс. русских) должна была перейти Рейн у Мангейма и Кобленца и направиться к Нанси. Богемская (Главная) армия численностью в 200 тыс. чел. (из них более 60 тыс. русских) должна была наступать через Швейцарию и Вогезы, имея направление на плато Лангра. Из Северной армии выделялись три корпуса (60–70 тыс. чел., один из них русский корпус генерала Винцингероде — 30 тыс. чел.), они должны были при поддержке английского десанта начать движение через Бельгию.

20–21 декабря 1813 г. (1–2 января 1814 г.) войска Силезской и Богемской армий перешли через Рейн от Кобленца до Базеля и в короткое время заняли Эльзас-Лотарингию и Франш-Конте. Ко 2 (14) января 1814 г. войска Блюхера без боя взяли Нанси и окружили крепость Мец, а 5 (17) января австрийцы Шварценберга заняли Лангр. Таким образом, они вышли в долины рек Сена и Марна. Союзники по пути движения блокировали несколько крепостей (для осады, как правило, оставлялись войска немецких государств). Генерал А. Г. Щербатов, командовавший корпусом в Силезской армии, позднее так описал начало кампании: «Неприятель уступал нам места без боя до города Туль, где по выгодному местоположению, казалось, намеревался нас приостановить, однако же был вытеснен и город нами занят»¹. «Начало сего похода было для нас удовлетворительно, — вспоминал находившийся в Главной квартире Богемской армии А. И. Михайловский-Данилевский, — потому что мы заняли в три недели без боя значную часть Франции; неприятельские войска при приближении нашем повсюду отступали, и города, коих жителей префекты возбуждали пышными воззваниями к обороне, отворяли перед нами ворота свои»². Необходимо сказать, что медленнее всего

---

¹ Щербатов А. Г. Мои воспоминания. С. 94.

² Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. С. 28.

наступала Богемская армия, развернутая на фронте длиной в 350 верст, она шла восьмью колоннами, а средний дневной переход для войск составлял примерно 10 верст.

Французские силы прикрытия не могли эффективно сдерживать превосходящего в два-три раза противника, поэтому везде отступали¹. Наполеон первоначально предполагал, что союзники главный удар нанесут из Голландии. Резервов для длительного сопротивления союзным армиям у него практически не было. Сначала он даже приказал Старой гвардии под командованием маршала Мортье из Трира начать движение в Бельгию, но затем перебросил свой главный резерв к Лангру, а Молодую гвардию под командованием Нея — к Нанси. Сам Наполеон находился почти половину января в Париже. Ему катастрофически не хватало времени для формирования новой Резервной армии, правда, он успел создать двухдивизионный «Парижский резерв» и направить его на театр военных действий.

Наполеон во главе армии: сражение при Бриенн-ле-Шато

Наконец 13 (25) января Наполеон покинул Париж, оставив там жену и сына (которых больше он уже не увидит), и отправился в Шалон. Государство было вверено регентству Марии-Луизы, в качестве помощника ей был придан архиканцлер герцог Ж. Ж. Р. Камбасерес. Оборону Парижа Наполеон поручил своему брату Жозефу, который должен был принять на себя регентство в случае отъезда императрицы².

Против наступающих двух армий союзников, насчитывающих менее 200 тыс. чел. у Наполеона в общей сложности на тот момент имелось примерно 70 тыс. чел. Несмотря на малые силы, он сумел еще раз удивить всех своим стратегическим дарованием и показать свой полководческий почерк. Магия его имени сделала свое дело. Войска встретили его с энтузиазмом, и он смог вдохнуть в них новые силы. Французский император совершил быстрые и неожиданные для союзников контрмарши. Это уже были действия энергичного и волевого полководца времен революции, подтвердившего старый суворовский принцип «бьют не числом, а умением». Недаром сразу заговорили, что французский император вновь обрел свои «итальянские сапоги» 1796 г.

---

¹ Журнал «Сын Отечества» в 1814 г. публиковал «Описание областей и городов, занятых союзными войсками во Франции» (см.: Сын Отечества. 1814. Ч. 12. № VII, VIII, IX, X).

² *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 93.

Наступавшие армии Шварценберга и Блюхера находились в рассредоточенном состоянии с растяжкой по фронту до 280 верст и продвигались в междуречье рек Сены, Об и Марна по двум дорогам в направлении Парижа. Наполеон четко рассчитал, что расчлененные войска союзников не смогут быстро сосредоточиться, и собрал косяк своих главных сил у г. Витри (около 40 тыс. чел.). Он намеривался с севера нанести удар по наступающим войскам Блюхера. Первоначально 15 (27) января французы выбили слабый фланговый авангард генерала С. Н. Ланского из Сен-Дизье и заставили его отступить к Жуанвиллю, а затем к Шомону. Потом, поскольку правый фланг Блюхера оказался оголенным, а его операционная линия перерезанной, Наполеон через Васси и Монтберандер устремился к Бриенн-ле-Шато. Правда, 17 (29) января Блюхер уже получил сведения о возможном ударе с тыла через захваченного казаками французского офицера, посланного с депешами к маршалу Мортье. Поэтому он приказал корпусу Ф. В. Остен-Сакена срочно вернуться из Лемона, а корпусу А. Г. Щербатова переправиться через р. Об. Город же первоначально защищали войска корпуса генерала З. Д. Олсуфьева и авангард под командованием генерала П. П. Палена. Всего же в этот день в его распоряжении оказалось около 30 тыс. русских войск. Примерно столько же находилось в распоряжении Наполеона¹.

Около 14 часов 17 (29) января французы атаковали авангард Палена и вынудили его отступить к Бриенну. Около 15 часов французы атаковали город и сходу бросали войска в бой по мере их прибытия. Атаки отбивались полками Олсуфьева, а затем корпусом Сакена, прибывшего около 16 часов. Французские генералы и офицеры прекрасно знали местность, поскольку многие, так же как и Наполеон, воспитывались в Бриеннской военной школе. Посланная в обход русского левого фланга бригада генерала Л. Юге-Шато смогла около 17 часов, следуя через прилегающие виноградники и сады, пройти незамеченной и внезапным ударом захватить Бриеннский замок (именно там находилась военная школа), где располагался штаб Блюхера. Только благодаря резвости своих коней главнокомандующий Силезской армии и его начальник штаба Гнейзенау смогли избежать плена. Генерал А. Г. Щербатов описал этот случай в своих воспоминаниях: «Неприятель занял город и овладел замком, пробившись сзади через сад; фельдмаршал Блюхер, занимавший оный со своею главною квартирою, едва успел сам спастись, несколько его

---

¹ Описание сражения при Бриенн-ле-Шато дано на основании материалов М. И. Богдановича и Р. Фридериха. См.: *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 108–113; *Friederich R.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Bd. 3. S. 89–95.

чиновников были захвачены, что должно приписать неосторожности, ибо упущено было занять дорогу, ведущую вокруг селения к саду»¹. Поскольку бой велся на встречных курсах, то возникло несколько подобных ситуаций. Сам Наполеон с небольшим эскортом во время сражения наткнулся на группу казаков, один из которых бросился на него с пикой, но был убит ординарцем императора бароном Г. Гурго выстрелом из пистолета². Внезапному нападению французской кавалерии подвергся и русский генерал Сакен (был изрублен его конвой), но ему самому удалось ускакать³.

Бригада Юге-Шато после захвата замка спустилась с горы, на которой он был расположен, и ударила в тыл полкам Олсуфьева, после чего русские временно оставили город. Но посланные затем в бой колонны Сакена вновь оттеснили французов из Бриенна. После чего русские отбили еще несколько французских атак, и город остался за ними. Бой продолжался до полуночи, но все попытки русских выбить противника из Бриеннского замка остались безрезультатными. Последним на приступ был брошен Владимирский пехотный полк, но французы стойко оборонялись и полк лишь понес большие жертвы.

Ночью Блюхер приказал оставить город, и его войска отошли на юг к с. Транн по дороге к Бар-сюр-Об, а французы затем заняли позицию у с. Ла-Ротьер. Потери сторон за этот день оцениваются историками как примерно равные — 3–4 тыс. чел. Успех в сражении за Бриенн можно назвать условным для обеих сторон, хотя Наполеон, используя отступление Блюхера, сразу же заявил о безусловной победе. Он очень нуждался в ней для поднятия боевого духа своих войск, среди которых находилось много новобранцев. Но вот своей цели он не добился (даже, наоборот), Блюхер отнюдь не был разбит, а союзники наконец-то соединили силы своих армий. Этот бой заставил Шварценберга под прямым давлением Александра I подтянуть все свои главные силы к Бар-сюр-Об и встать за спиной у Блюхера. То есть произошло противоположное тому, чего добивался Наполеон.

Сражение при Ла-Ротьере

20 января (1 февраля) произошло сражение при Ла-Ротьере. У Наполеона под рукой находилось чуть более 40 тыс. чел. и его вой-

---

¹ Щербатов А. Г. Мои воспоминания. С. 97.

² Fain A. J. F. Manuscrit de mil huit cent quatorze. P. 81.

³ Богданович М. История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 110–111.

ска были растянуты по фронту на расстоянии примерно 15 верст. Общее число двух армий союзников составило около 130 тыс., правда, из них участие в сражении приняло чуть более 70 тыс. бойцов. Собственно, на сражении настоял Александр I. Командовать войсками поручили Блюхеру. Помимо русских корпусов Силезской армии, действовавших в центре, он был усилен австрийским корпусом И. Дьюлаи (на левом фланге), вюртембергским корпусом наследного принца Вильгельма Вюртембергского и австро-баварским корпусом К. Вреде (на правом фланге).

В этот день бушевала метель, что многим напомнило погоду при Прейсиш-Эйлау. Войска из-за вязкой местности и непогоды долго выходили на исходные позиции, сражение началось после полудня примерно в 13 часов. Из-за множества войск союзников, чтобы не спутаться, повелели надеть белые повязки на левый рукав, хотя погода (густой снег) не способствовала отличию своих от чужих. «С Лейпцигского сражения, — писал А. И. Михайловский-Данилевский, — начали происходить недоумения между солдатами, которые по соединению всех почти европейских войск под одни знамена не узнавали друг друга и иногда стреляли в своих союзников. Полки держав Рейнского союза, образованные французами, имели мундиры, похожие совершенно на французские, и посему надобно было придумать какой-либо знак отличия для войск, сражавшихся совокупно, для избежания вредных последствий, которые бы могли без сего впредь возникнуть... государь повелел, чтобы русские военные надели белый платок на левую руку, каковому примеру последовали некоторые из союзников»¹.

На левом фланге австрийцы Дьюлаи к 17 часам оттеснили противника к с. Дьенвилю, но дальше продвинуться не смогли, французы стойко продолжали держаться у этого пункта до полуночи. В центре, не дожидаясь подхода опаздывавшей пехоты, 36 орудий генерала Никитина, заняв огневые позиции, начали обстрел Ла-Ротьера. Заметив отсутствие пехотного прикрытия, французская гвардейская кавалерия дважды пыталась атаковать эту батарею и дважды с уроном была отбита градом картечи. Затем русские конные дивизии (2-я гусарская и 3-я драгунская) имели столкновение с французской конницей, в результате этой сшибки противник был отброшен, а русские захватили 24 орудия. Особо отличились Мариупольский гусарский и Курляндский драгунский полки². Жаркий бой разгорелся и за

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. С. 37.

² Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции, в мае 1814 года. Ч. 1. С. 179.

обладание Ла-Ротьером, он шел с переменным успехом, русские полки долго никак не могли закрепиться из-за постоянных контратак противника.

На правом фланге вюртембергцы вели упорный бой за обладание д. Ла-Жибри. Более весомыми оказались успехи корпуса Вреде, ему удалось захватить д. Морвильер и Шомениль. Это уже грозило поставить под угрозу обхода весь левый фланг французов и выхода союзников им в тыл. Наполеон лично привел для поддержки своего левого фланга кавалерию и конную артиллерию и попытался контратаковать, но сил оказалось мало, чтобы исправить положение¹. Французы после 19 часов начали отступление на этом фланге. Вюртембергцы к этому времени овладели д. Ла-Жибри и Пти-Мениль. Правда, полностью развить успех союзники не смогли из-за допущенной оплошности — в темноте и при сильном снегопаде баварские шеволежеры и вюртембергские конные егеря по ошибке яростно атаквали друг друга. Никакие нарукавные повязки не могли вовремя распознать «своих».

Около 19 часов и русским полкам, подкрепленным 2-й гренадерской дивизией, удалось полностью выбить противника из Ла-Ротьера. Наполеон, чтобы спасти свой отступавший левый фланг, еще несколько раз контратаковал силами Молодой гвардии Ла-Ротьер. Полки тиральеров несколько раз врвались в селение, но после штыкового боя отеснялись за окраину. После 20 часов они отошли на 500 метров и простояли еще два часа, но не дали возможности союзникам с центра нанести удар по отступающим в направлении Бриенн-ле-Шато французским войскам. Около 23 часов французы, пользуясь наступившей темнотой, начали отступать на всех пунктах.

Это уже было бесспорно хоть и не полное, но поражение Наполеона, хотя позже французский император пытался изобразить его как ничего не решающее арьергардное столкновение. Он явно лукавил в своих бюллетенях. Потери сторон составили от 4 до 6 тыс. человек². Но французы вынуждены были перед громадой двух армий союзников отступить к Бриенн-ле-Шато, а затем к Труа, оставив в качестве трофеев 63 (по другим данным 73) орудия и от 2 до 4 тыс. пленных. Кроме того, сражение при Ла-Ротьере отразилось на мо-

---

¹ Позднее Вьесс де Мармон написал: «Мела страшная метель, из-за которой почти ничего не было видно. Я воспользовался этим, чтобы отправить в Бриенн весь свой обоз и часть артиллерии, чтобы облегчить и убыстрить отступление, когда ему придет время» (Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 127).

² См.: *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 128.

ральном духе войск. Наполеон потерпел первое поражение на своей территории, а при отступлении его войска потеряли много людей за счет дезертиров¹.

«Дорога побед»: шестидневная кампания Наполеона

Путь на Париж для сил коалиции оказался открытым. Оставалось каких-нибудь 6–7 переходов. 21 января (2 февраля) Военный совет союзников в Бриенн-ле-Шато постановил начать наступление на Париж по двум направлениям: Богемская армия по долине р. Сена, Силезская армия по долине р. Марна, т. е. в этой ситуации войска Блюхера должны были совершить обходной маневр². Одна из причин — главнокомандующие не хотели идти вместе. Другой причиной разъединения армий послужил недостаток продовольствия. Войска вынуждены были забирать все съестные припасы у населения, что зачастую выливалось в насилие и грабежи. Поэтому участились случаи убийства крестьянами одиночных солдат и офицеров. Правда, осталось не совсем понятно, почему, несмотря на все трудности, и, имея перед собой слабого противника и четко определенную цель, нужно было разъединять силы и терять драгоценное время. От Бриенна до Парижа оставалось всего примерно 150 верст! Наверно, можно было напрячь все усилия. Необходимо было организовать энергичное преследование, но этого сделано не было³.

Войска Блюхера после решения военного совета отделились и от Бриенна направились к Шалону (125 верст до Парижа) на соедине-

---

¹ По свидетельству Мармона, критиковавшего Наполеона, сражение при Ла-Ротьере «не могло дать ему никакого благоприятного результата из-за огромного численного превосходства противника. Ландшафт также не предоставлял нам никаких особых преимуществ, и мы сражались на открытой местности. Единственное, что могло удивить в самой идее дать сражение, так это то, как плохо противник воспользовался своими преимуществами, и то, как французская армия избежала полного уничтожения» (Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 127).

² На этом совете присутствовали: Александр I, Фридрих-Вильгельм III, Шварценберг, Блюхер и Барклай де Толли (*Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 132).

³ Можно только согласиться с Д. Ливеном, что продвижение Богемской армии вперед саботировалось Шварценбергом, а тот получил такое указание от Меттерниха и Франца I. «Поскольку главнокомандующий был австрийцем, политические интересы Габсбургов могли незаметно привести к краху военной стратегии коалиции» (см.: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 602–603).

ние с корпусом Йорка. К Силезской армии должны были также подойти корпуса Клейста и Капцевича, что ее усиливало до 60 тыс. чел. В промежутке между Сенной и Марной (расстояние примерно 50–60 верст) должен был действовать для связи Шварценберга и Блюхера корпус Витгенштейна из Богемской армии. Но Шварценберг вместо того, чтобы использовать свое трехкратное численное преимущество и решительно двинуться на Труа (120 верст до Парижа), вскоре из-за активности против него французских войск отозвал Витгенштейна. Таким образом, взаимодействие между армиями было потеряно.

Наполеон после неудачного для него сражения при Ла-Ротьере оторвался от армий союзников, а потом, как будто нарочно, практически освободил долину Марны (на самом деле из-за отсутствия сил) и остатки своей армии сосредоточил у Труа. Блюхер достаточно активно начал продвигаться по долине Марны. Против него остался слабый корпус Макдональда у Шалона, которого теснили войска корпуса Сакена, а 23 января (4 февраля) войска Сакена вошли в Шалон. Блюхер же решил опередить отступавшего Макдональда у м. Ла-Ферте-су-Жуар, там, где сходились два пути на Париж, двигаясь по южной дороге — Этож, Шампобер, Монмирай, Ла-Ферте-су-Жуар. Однако Макдональд уже 28 января (9 февраля) достиг Ла-Ферте-су-Жуар, но войска Блюхера из-за своего движения по этой дороге оказались растянутыми. Фактически же Силезская армия оголила свой левый фланг. И этим незамедлительно решил воспользоваться Наполеон. Сначала, предприняв наступательный маневр против Богемской армии у Санса, он убедил Шварценберга в своем намерении наступать в сторону Лангра. Сам же французский полководец, оставив слабое прикрытие из войск маршалов Виктора и Удино и взяв с собой примерно 30 тыс. солдат, быстро направился через Ножан и Сезан к Шампоберу. Дорога (примерно 50 верст) шла через болотистую местность, французы шли по колено в грязи, но 29 января (10 февраля) они вышли к Шампоберу.

Войска Блюхера на тот момент оказались разбросаны по дороге от Витри к Мо: в районе Ла-Ферте-су-Жуар — Монмирай находился корпус Сакена (14 тыс.), у Шампобера корпус Олсуфьева (3,5 тыс.), в районе Этожа корпуса Клейста и Капцевича (14 тыс.) вместе с главной квартирой Блюхера, а корпус Йорка (18 тыс. чел.) оказался в стороне — у Шато-Тьерри.

Удар французов пришелся на корпус Олсуфьева, но он только назывался корпусом. Утром 29 января (10 февраля) корпус маршала Мармона (подкрепленный затем дивизиями Молодой гвардии под командованием маршала Нея) атаковал авангард Олсуфьева, а вско-

ре весь его корпус вступил в бой. Надо сказать, что Олсуфьев достаточно быстро понял ситуацию и получил сведения о присутствии в войсках противника самого Наполеона. Он сразу же послал несколько донесений об этом Блюхеру. Но главнокомандующий Силезской армии сначала никак не мог поверить в достоверность присланных сведений, считал (судя по ответам), что это действовал корпус французских «партизан» силой не более 2000 чел., а Наполеона «тут быть не может». «С тем вместе было строго приказано Шампобер по причине важности пункта, соединяющего армию Блюхера в Этоже с корпусом Сакена в Монмирале, удерживать до последней капли крови»¹. Хотя военный совет генералов корпуса единодушно высказался за отступление к Этожу, Олсуфьев вынужден был, выполняя приказ, принять бой и растянуть свои войска на три версты. Но Мармон, используя численное преимущество, без особого труда смог после полудня обойти русских с обоих флангов и к вечеру выйти с двух сторон на дорогу Монмирай — Этож, тем самым полностью окружить противника. Около 19 часов вечера, когда у русских солдат уже закончились патроны, Олсуфьев приказал остаткам корпуса попытаться прорваться, оставив для прикрытия бригаду генерала К. М. Полторацкого. Отряду войск (1,5 тыс. чел.) под командованием генерала П. Я. Корнилова удалось уйти в сторону Эпирне, но остальные были убиты в бою или попали в плен, в том числе генералы З. Д. Олсуфьев и К. М. Полторацкий.

Победа при Шампобере была очень нужна и важна Наполеону для поднятия морального духа войск. Кроме того, внезапный бросок к Шампоберу сразу поставил Силезскую армию в критическую ситуацию. Блюхеру же теперь уже пришлось думать не о наступлении на Париж, а о том, как спасти армию от разгрома по частям. Войска Наполеона, вклинившись между растянутыми колоннами Силезской армии, заняли центральное положение и могли действовать на внутренних линиях. В самое неприятное положение были поставлены корпуса Сакена и Йорка. Теперь они оказались между Макдональдом и главными силами Наполеона. Французский император не преминул этим воспользоваться, причем у него был выбор — куда двинуть свой главный кулак — против Сакена или Блюхера. Он же оставил в качестве прикрытия от войск Блюхера, находившихся у Этожа, корпус Мармона, а сам с основными силами устремился к Монмираю против Сакена фактически уже вечером 29 января (10 февраля).

---

¹ Мемуары из коллекции А. И. Михайловского-Данилевского // Русское прошлое. Кн. 7. С. 143.

Войска Сакена уже к этому времени продвинулись по направлению к Парижу, отбросили корпус маршала Макдональда к г. Мо и заняли Ла-Ферте-су-Жуар. Блюхер же после Шампоберского дела сразу отдал приказ следовать на соединение к Монмираю корпусам Сакена (от Ла-Ферте-су-Жуар) и Йорка (от Шато-Тьерри), а дальше совместными усилиями пробить себе дорогу к Витри. Корпус Сакена проделал ночной форсированный марш, пройдя 30 верст, но все же не успел вовремя к Монмираю. Там быстрее оказались французы. Они заняли развилку дорог, ведущих в Ла-Ферте-су-Жуар и Шато-Тьерри, в одной версте от города и в этом месте встретили русские войска в 11 часов утра. Сакен сразу же атаковал французов, но основные силы (корпус А. Г. Щербатова) бросил в атаку правее от дороги, тогда как корпус Йорка должен был подойти с его левого фланга. Это был явный просчет русского генерала. Возможно, Сакен сначала, как и Блюхер, не оценил силы противника, посчитав, что город занял какой-то французский отряд «партизан». Йорк, войска которого из-за плохой дороги не могли вовремя прибыть к Монмираю, предложил Сакену соединиться выше у Вифора, а затем отступить к Шато-Тьерри. В той ситуации это был наилучший вариант действий. Но русский генерал предпочел точно выполнить полученный приказ и постараться пробиться через город. На правом фланге русская пехота к 14 часам значительно потеснила французов и продвинулась вперед. Но к 15 часам к Наполеону подошли части Старой гвардии, и противник нанес удар против русского центра (по большой дороге). Французам удалось сбить русских с центральной позиции, что поставило в тяжелое положение войска на правом фланге. Прибывшие примерно в 16 часов прусские части уже не могли изменить ситуацию на правом фланге, где отступавшая русская пехота подверглась комбинированным и яростным атакам французской конницы и пехотинцев. Да и Наполеон бросил против пруссаков в атаку дивизию Старой гвардии и гвардейскую кавалерию, после чего и они начали отступление. Лишь под покровом ночи корпус Сакена смог перейти к Вифору на дорогу, ведущую к Шато-Тьерри, и продолжить отступление под прикрытием прусского арьергарда¹. Позже, в 1835 г., Д. В. Давыдов в письмах к А. И. Михайловскому-Данилевскому, описывая как участник этот бой, прямо назвал его разгромом: «пехота бежала врассыпную», «артиллерию насилу из грязи вытащили», а правый фланг (два пехотных полка и два эскадрона) «был отрезан и

---

¹ При описании боев под Монмираем использовались труды: *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 186–196; *Friederich R.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Bd. 3. S. 129–134.

только на другой день по утра и то посредством большого отхода, соединился с нами на половине дороги от Монмираля в Шато-Тиери». Он обвинил в ошибочных действиях командира корпуса: «По мнению моему, Сакен тут так виноват, что нет оправдания, и я не знаю, как вы, любезный друг, его выпутаете из сетей, а представить дело так, как оно было, нельзя, не позволять»¹. Потери союзников (в первую очередь — русских) были велики — более 3 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными, у французов — в два раза меньше.

Уже ночью Сакен с Йорком получили приказание Блюхера отойти к Шато-Тьерри, переправиться через Марну и затем двинуться на соединение с главными силами Силезской армии. Наполеон же продвигал свои войска к Шато-Тьерри, где продолжил начатое 31 января (12 февраля). Дело в том, что союзники не могли быстро переправиться через Марну у Шато-Тьерри ввиду наличия большого количества артиллерии и обозов. Поэтому прусские войска заняли оборонительную позицию возле города и вынуждены были принять бой. Французы активно атаковали пруссаков, в бой были введены и русские полки, стоявшие в резерве. У французов успешно в этот день действовала кавалерия, что позволило создавать реальную угрозу обхода флангов и заставляло союзников отступать. Вечером войскам Наполеона удалось полностью окружить бригаду генерала И. Г. Генденрейха (Тамбовский и Костромской пехотные полки однобатальонного состава), французская конница смогла прорвать и рассеять два русских каре, а раненного Генденрейха взять в плен, в плен попало и около 1 тыс. русских солдат². Союзники вынуждены были ускорить переправу через Марну и бросить в городе часть обозов. Потери войск Сакена и Йорка составили около 3 тыс. чел, у французов — 400 чел. Однако, перейдя через Марну, союзники подожгли два моста через реку, это дало им возможность перевести дух и продолжить отступление.

Правда, уже 1 (13) февраля французы восстановили мост через Марну. Наполеон приказал перейти на другой берег корпусу маршала Мортье (6 тыс. чел.) и бросил его преследовать корпуса Сакена и Йорка. Сам же с остальными силами, не теряя времени, поспешил обратно к корпусу Мармона, оттесненного войсками Блюхера в районе Монмираля за селение Вошан. Это новое наступление Блюхера грозило отрезать Наполеона от дороги на Париж, поэтому сюда

---

¹ Мемуары из коллекции А. И. Михайловского-Данилевского // Русское прошлое. Кн. 7. С. 152–155.

² Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции, в мае 1814 года. Ч. 1. С. 256–257.

устремилась все свободные французские силы. 2 (14) февраля Наполеон собрал примерно 25 тыс. бойцов против 22 тыс. чел. у Блюхера. Французам удалось выбить прусский авангард генерала Г. Э. К. Цитена из Вошана, после чего он начал отход к главным силам Блюхера, но во время отступления почти вся прусская пехота была изрублена французской конницей. Блюхер, как только понял, что перед ним находились главные силы Наполеона (по громовым раскатам «Да здравствует император!»), сразу принял решение об отступлении через Шампобер и Этож. Причем за Шампобером простиралась равнина, удобная для атак кавалерии, а Наполеон послал для преследования конницу генерала Э. Груши параллельной дорогой. Именно за Шампобером полки Груши преградили путь отступления союзникам, правда, из-за непролазной грязи застряли две роты конной артиллерии французов. Войскам Блюхера пришлось построиться в каре и при поддержке артиллерии пробивать себе дорогу при помощи штыков, правда, французским конникам удалось под конец изрубить два прусских батальона. Наступившая ночь прекратила преследование. Войска Блюхера ушли к Этожу и проследовали дальше в Бержер. В Этоже в качестве арьергарда была оставлена бригада 8-й пехотной дивизии под командованием генерала князя А. П. Урусова. Но ее командир проявил беспечность, не обеспечил дозорную службу и разрешил выслать в окрестности команды фуражиров. Маршал Мармон, получивший приказ о продолжении активного преследования противника, сумел скрытно подойти и организовать внезапное нападение на Этож. Тщетно Урусов пытался построить полки в боевой порядок и отразить нападение, он сам, трижды раненный в ногу, и примерно 600 солдат попали в плен, остальные разбежались и постарались добраться до Бержера. После этого Блюхер вынужден срочно начать отступление к Шалону, где вошел в контакт с корпусами Йорка и Сакена. Итоги боя под Вошаном также оказались весьма печальны для союзников, их потери составили от 6 до 7 тыс. чел., а у французов, по их данным, всего 600¹.

Так закончилась мощная многоходовка или так называемая шестидневная кампания Наполеона. Кроме как блистательной, или «дорогой побед» ее историки не именуют. Это была яркая вспышка полководческого таланта. За это время французский император как будто обрел былую поразительную энергию и продемонстрировал высшее тактическое и стратегическое мастерство. И снова засверкало военное счастье Наполеона. Он выиграл за это короткое время че-

---

¹ *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 205.

тыре сражения у армии противника, по численности в два раза превосходившей его силы, добился этого благодаря молниеносным переходам и умению использовать внутренние линии. Союзники в общей сложности потеряли 15–18 тыс. чел. (почти треть Силезской армии), до 50 орудий и значительную часть обозов. Таких впечатляющих результатов французский полководец не всегда добивался даже в генеральных сражениях. За шесть дней было захвачено в плен четыре русских генерала, для сравнения — за весь 1812 г. французы в бою взяли лишь двоих израненных генералов. Отступающая Силезская армия была дезорганизована и находилась в полном расстройстве. Но вот только догнать и добить противника Наполеон уже не мог. Ему мешал лимит времени. Он должен был переключить свое внимание на Богемскую армию, так как дальнейшее ее продвижение к Парижу грозило империи большими неприятностями, а именно — потерей французской столицы.

Надо сказать, что победы Наполеона над Силезской армией во многом оказались возможны благодаря полному бездействию и апатическому ведению войны главнокомандующего Богемской армией Шварценберга. Блюхер, которого не зря называли «генерал-вперед», неосторожно оголил свой фланг (не имея поддержки соседа), и тут же попал под вспышки военного гения Наполеона. Немаловажную роль в этом раскладе сил сыграла и обстановка на дипломатическом фронте. В соответствии с Лангрским протоколом совещания глав дипломатических ведомств Англии, Австрии, России и Пруссии от 17 (29) января союзники дали согласие на вступление в прелиминарные переговоры с Францией. Переговоры должны были вестись «от имени всей Европы, составляющей единое целое»¹. Хотя это было далеко не так, поскольку у союзников имелись значительные разногласия между собой и расхождение во взглядах на конечные цели войны. Александр I вообще являлся противником дипломатических контактов с Наполеоном, но вынужден был согласиться из-за позиции Австрии. Кроме того, он полагал, что несогласованная линия поведения союзников даст возможность русской дипломатии торпедировать любой мир с Наполеоном, в этом духе была составлена инструкция для русского уполномоченного на переговорах графа А. К. Разумовского.

23 января (4 февраля) начались переговоры о мире в Шатильон-сюр-Сен (Шатильонский конгресс), хотя военные действия не прекращались. Силы коалиции представляли уполномоченные: русский

---

¹ Могилевский Н. А. Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. С. 271–288, 296–304.

граф А. К. Разумовский, австриец граф И. Ф. И. К. Стадион, пруссак барон Ф. В. Гумбольдт, британцы лорд В. Ш. Каткарт, граф Д. Г. Г. Абердин и барон Ч. В. Стюарт. Францию представлял герцог А. Коленкур. Союзники выдвинули основное условие для заключения мира — возврат Франции к границам 1792 г. и исключение из переговорного процесса будущего европейского устройства. Это значительно отличалось от принципов, изложенных союзниками во Франкфурте в конце 1813 г. Речь уже не шла об естественных границах Франции, ее пределы должны были уменьшаться до владений Бурбонов до революции. Фактически только на этом конгрессе союзники, обмениваясь нотами в адрес друг друга, начали вырабатывать общую точку зрения по вопросам послевоенного устройства Европы и судьбы Франции.

Трудно сказать точно, являлась ли полководческая робость чертой, присущей характеру Шварценберга, или это было следствием секретных инструкций, данных ему от Венского кабинета, во всяком случае, примерно так он действовал во время Русского похода, неторопливо и осторожно. Но Наполеон, хорошо зная Шварценберга, делал ставку на эти качества, и в итоге не прогадал. Безусловно, на поведении главнокомандующего Богемской армии сказалась тогдашняя позиция Венского двора, выступавшего против активного ведения войны.

После сражения при Ла-Ротьере Шварценберг не организовал эффективного преследования, даже упустил из виду и потерял соприкосновение с неприятелем. Он все выжидал и постоянно оглядывался назад. Лишь под упорным нажимом Александра I он решился атаковать главные силы Наполеона под Труа. Только тогда 25 января (6 февраля) сначала была произведена рекогносцировка, затем написана подробная диспозиция для штурма города на следующий день. Но 26 января (7 февраля) штурмовать уже не было надобности, французы оставили Труа. Во время проведения «шестидневной кампании Наполеона», громившего по частям войска Блюхера, основные силы Богемской армии стояли вокруг Труа и не проявляли особой активности. Лишь некоторые корпуса за десять дней после Ла-Ротьера продвинулись вперед примерно на 100 верст. И то это произошло после того, как были получены известия о неудачах Силезской армии и Александр I потребовал активизировать действия. Но и в данном случае Шварценберг ограничился полумерами, мало того, он широко разбросал свои передовые отряды. Маршалы Виктор и Удино, имевшие слабые корпуса, вынуждены были перейти Сену и занять оборону за рекой Йерр. Это уже была прямая угроза Парижу.

Именно поэтому Наполеону не хватило времени полностью разобрататься с армией Блюхера. Оставив для преследования Блюхера корпус Мармона, французский полководец примерно с 30 тыс. чел. 3 (15) февраля двинулся в Мо через Ла-Ферте-су-Жуар и за полтора дня, преодолев свыше 90 верст, соединился с войсками маршалов (Виктора, Удино и Макдональда), прибыв 5 (17) февраля в район Гинь. Под рукой у него оказалось примерно 50–60 тыс. солдат. Правда, в Богемской армии насчитывалось свыше 100 тыс. чел. Но это обстоятельство отнюдь не остановило Наполеона и он начал бить по частям, разбросавшего свои силы Шварценберга.

Новые победы Наполеона: Морман и Монтеро

Уже 5 (17) февраля французская кавалерия у Мормана фактически разгромила авангард корпуса Витгенштейна под командованием П. П. Палена, который под давлением численно превосходящего противника начал отступление от Мормана к Нанжи, построив свою пехоту в несколько каре. Но после нескольких удачных атак французы расстроили эти построения, солдаты вынуждены были бежать к лесу и стали легкой добычей французских кавалеристов. Потери Палена составили свыше 2 тыс. чел., а также 11 орудий. Причем австрийские войска генерала А. Хордегга, стоявшие в Нанжи, отказались прийти на помощь Палену и начали отступление, правда, при отходе досталось и им, французская конница их изрядно потрепала. 6 (18) февраля при Монтеро Наполеон нанес новый удар против австро-вюртембергского корпуса под командованием принца В. Вюртембергского. Правда, этот бой оказался достаточно тяжелым для французов, их убыль составила около 2,5 чел., но противник потерял примерно 4–6 тыс., из них свыше 3 тыс. пленными, в том числе двух генералов¹.

Эти неудачи привели в трепет Шварценберга. Богемская армия начала отступление к Труа. Кроме того, Шварценберг очень опасался движения маршала Ожеро от Лиона по долине р. Сона. Он боялся, что это наступление могло отрезать его от коммуникаций в Германии, хотя Лион находился в 250 верстах от Лангра, а силы Ожеро были достаточно слабы. Тем не менее Шварценберг обратился за помощью к Блюхеру, просил его начать наступление и примкнуть к правому флангу Богемской армии, что тот и сделал. Его войска, оттеснив Мармона, вышли к реке Об. Совместная атака двух армий намечалась на 10 (22) февраля. Но вместо этого Шварценберг отступил от

---

¹ См.: *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. С. 228–244.

Труа, где были сосредоточены его главные силы! Богемская армия стала отходить к Шомону и Лангру. Кроме того, незадолго до этого главнокомандующий Богемской армии отправил письмо маршалу А. Бертье с просьбой заключить перемирие, убедил в разумности такого шага союзных монархов. Правда, последовавшие переговоры о перемирии в Люзиньи военных уполномоченных (велись независимо от Шатильонского конгресса с 12 (24) февраля) не достигли успеха, стороны не смогли договориться даже о демаркационной линии. 21 февраля (5 марта) эти переговоры были прерваны¹.

13 (25) февраля в Бар-сюр-Обе состоялся военный совет союзников, где разгорелись жаркие споры о дальнейших действиях. Австрийцы упорно настаивали на отступлении обеих армий². Основными их доводами являлись распространение болезней в войсках, недостаток продовольствия, враждебность жителей в тылу армии. Их главным противником выступал Александр I, он даже вынужден был заявить: «В случае отступления, я отделюсь от Главной армии со всеми находящимися при мне русскими войсками, гвардией, гренадерами и корпусом графа Витгенштейна, соединюсь с Блюхером и пойду на Париж. Надеюсь, — присовокупил он, обращаясь к прусскому королю, — что Ваше Величество, как верный союзник, явивший мне многие опыты дружбы своей, не откажитесь идти со мною». Король отвечал, что он не расстанется с Государем и давно уже предоставил свои войска в распоряжение Его Величества. «Для чего же меня одного оставлять?» — сказал император Франц³. Это заявление российского императора и поддержка прусского короля в некоторой степени остудили австрийское упрямство. В случае реализации угрозы австрийцы, помимо репутационных потерь (а реноме их уже и так было подорвано), рисковали остаться в одиночестве против войск Наполеона, а исход подобной встречи нетрудно было предсказать. На совете также было высказано предложение поделить силы союзников на две части, исходя из государственной принадлежности воинских формирований: правый фланг составить из русско-прусских войск, а левый — из австро-германских континген-

---

¹ СИРИО. Т. 31. СПб., 1880. С. 364–365; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 578, 597–599, 778, 783, 787; *Fain A. J. F.* Manuscrit de mil huit cent quatorze. P. 56–57; *Correspondance de Napoléon I-er*. Т. 27. Paris, 1868. P. 236–238; *Madelin L.* Histoire de Consulat et de l'Empire. Т. 14. Paris, 1951. P. 143.

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1. С. 278–282.

³ *Орлов Н. А.* Низложение Наполеона в 1814 г. // История русской армии и флота. Т. IV. С. 137.

тов. Но оно было отвергнуто по политическим соображениям и из-за опасности окончательно разделить армии ввиду такого предприимчивого противника, как Наполеон¹.

В результате споров союзники приняли следующие решения. Блюхер, крайне раздосадованный поведением Шварценберга, вновь получил разрешение от союзных монархов действовать самостоятельно, наступать в направлении Парижа опять же по долине р. Марна. Необходимо сказать, что его армия, получив пополнение, очень скоро восстановила боеспособность. Кроме того, в его распоряжение передавались два свежих корпуса из бывшей Северной армии — русский корпус Винцингероде и прусский корпус Бюлова, прибывшие к Реймсу и Лаону. Фактически Силезская армия увеличивала свою численность в два раза и становилась почти сопоставимой с войсками Шварценберга. Правда, Блюхеру предстояло еще собрать все корпуса вместе, а это была непростая задача. Богемская армия в случае наступления Наполеона должна была продолжить отступление к Лангру (робкий Шварценберг смог убедить в этом совет), но если противник перебросит войска против Блюхера, незамедлительно атаковать оставшиеся французские части заслона. Наконец, для противодействия войскам маршала Ожеро была создана Южная армия (из австро-германских войск) под командованием принца Ф. Гессен-Гомбургского численностью в 40–50 тыс. чел.²

Второе наступление на Париж Силезской армии, сражения под Краоном и Лаоном

Союзники второй раз наступали на одни и те же грабли. Они опять разъединяли две армии, а Главную армию еще и ослабляли, направляя дополнительные силы на второстепенное, ничего не значившее направление. Они не концентрировали войска для решительного броска или удара, а наоборот, распыляли их. Действия же Главной армии ставились в прямую зависимость от активности против нее противника. Армия Шварценберга фактически являлась лишь пугалом, а ставка делалась на активность Блюхера. Нетрудно было предположить, что французский полководец в ответ сделает попытку повторить свои недавние удачные маневры на внутренних операционных линиях противника и еще раз воспроизвести «шестидневную

---

¹ Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции, в мае 1814 года. Ч. 1. С. 359.

² Михайловский-Данилевский А. И. Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1. С. 283–284.

кампанию». Что он и не преминул сделать, учитывая хорошо известную инертность Шварценберга.

Блюхер решил не терять время зря и 13 (25) февраля активно атаковал корпус Мармона у Сезанна. Но войска Мармона на следующий день соединились с корпусом Мортье в Ла-Ферте-су-Жуар и далее отступили к Мо за р. Марну. Попытка атаковать Мо силами корпуса Сакена, прорваться к Парижу или нанести французам поражение оказалась безрезультатной. Кроме того, войска Силезской армии действовали там неудачно, их попытка обходного маневра на Урк была разгадана и встретила противодействие. Но орудийный гул под Мо доносился до Парижа (расстояние до 40 верст), что обеспокоило жителей, и оттуда на помощь Мармону и Мортье (примерно 17 тыс. чел.) был выслан отряд войск в 7 тыс. чел.

15 (27) февраля прусский король и российский император, опасаясь, что Наполеон вновь обратит главные силы против Блюхера, настояли и уговорили Шварценберга начать частичное наступление на Бар-сюр-Об. Корпуса генералов Вреде и Витгенштейна предприняли фронтальную атаку на французов. Кроме того, по своей инициативе Витгенштейн послал в обход левого фланга французов кавалерию П. П. Палена с пехотным корпусом Е. Вюртембергского. Это заставило командовавшего французами маршала Удино сняться с позиций и очистить Бар-сюр-Об. Французские потери составили около 3 тыс. чел., у союзников — менее 2 тыс. (из них — 1200 русских солдат). Отрезать и нанести поражение Удино союзникам не удалось, он отступил за р. Об. Вреде за этот бой был пожалован чином фельдмаршала, Витгенштейн не получил ничего, кроме пулевого ранения, и выбыл до конца кампании из строя¹.

Наполеон же в этот период решил оставить заслон против Шварценберга под командованием маршала Макдональда и 15 (27) февраля примерно с 35 тыс. чел. направился против Блюхера. Наполеон надеялся сначала зайти в тыл Силезской армии, а затем прижать Блюхера к Марне. 17 февраля (1 марта) его войска заняли Ла-Ферте-су-Жуар и на следующий день начали переправляться через Марну. Но как только Блюхер узнал о направлении движения французского императора, он начал срочное отступление к реке Эн. Он пересек Марну и направился на соединение с корпусами Винцингероде и Бюлова. У Наполеона сразу появилась надежда, что с помощью Мармона и Мортье он сможет прижать противника у Суассона. Там находился единственный каменный мост через реку

---

¹ Орлов Н. А. Низложение Наполеона в 1814 г. // История русской армии и флота. Т. IV. С. 136–137.

Эн, а двигаться к другим имевшимся мостам Блюхеру в сложившейся ситуации было крайне опасно. Гарнизон крепости Суассона составлял до 1,5 тыс. чел. под командованием генерала Ж. К. Моро. И он имел приказ оборонять город, когда Суассон обложили войска Винцингероде и Бюлова, пришедшие по долине р. Эн. Причем корпус Винцингероде первый раз взял штурмом этот город 2 (14) февраля¹, затем оставленный по приказу командования.

Для полной характеристики сложившегося положения можно предоставить слово участнику этого дела генералу С. Г. Волконскому, оставившему воспоминания: «Хоть возле Суассона собралось значительное число войск, но французский гарнизон приготавливался к отражению. Обложивши крепость в весьма близком расстоянии, как Винцингероде, так и Бюлов послали парламентаров для склонения к сдаче крепости... Переговоры продолжались довольно тихо по неуступчивости французской, а нам необходима была сдача города, потому что получено известие, что занесшийся, по обыкновению, Блюхер был разбит под Мо и в большом расстройстве и шибко преследуемый отступал от Вилер-Котре к Суассону, а занятие нами Суассона единственный был способ им и нам оным переправиться на другой берег Эн. Во время, что шли переговоры, в нашем лагере приказано было музыкантам играть, а песенникам петь, чтоб этими звуками заглушать гул беспрестанно приближающейся пушечной стрельбы атакующих французов Блюхера... тут не шло дело о выгодах более или менее в тягость французам условий, а только о завладении нами крепости, которая для Блюхера была просто “якорем спасения”»². Гарнизону города нужно было продержаться хотя бы день, чтобы дожидаться прибытия войск Мортье и Мармона. Тогда Силезской армии пришлось бы очень туго. Но парламентар с русской стороны подполковник В. И. Левенштерн все-таки смог договориться с комендантом Моро, капитуляция на почетных условиях была подписана, гарнизон крепости с оружием вышел в сторону Компьена. Эти события вспоминал позже и полковник С. И. Маевский: «К Суассону подошли мы еще вовремя, т. е. когда Блюхер был впереди его на ½ дни ходу. Наполеон гнал его и в хвост и в голову. Мы все эти полтора дни дрались и нам капитулировали: комендант дал себя обмануть и мы, почти из-под картечных выстрелов Наполеона, взяли важнейшую эту крепость на капитуляцию. Отворив ворота Блюхеру

---

¹ *Липранди И.* Как был взят город Суассон 2/14 февраля 1814 года // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 903–921; *Он же.* Несколько слов о значении Суассона в кампанию 1814 года // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 921–925.

² *Волконский С. Г.* Записки. С. 292–293.

и затворив их для Наполеона, остановили мы бурный поток неприятеля и все ожидавшие нас бедствия»¹. 20 февраля (4 марта) измученные и расстроенные войска Силезской армии благополучно достигли Суассона и перешли на правый берег реки Эн, получив возможность перевести дух. На следующий день подошедшие к городу части маршалов Мармона и Мортье предприняли попытку овладеть крепостью. Но оставленный там отряд генерала А. Я. Рудзевича 21–22 февраля (5–6 марта) отбил все атаки противника.

Наполеон пришел в ярость, узнав о сдаче Суассона². Его гнев был вполне объясним. Ведь это полностью перечеркнуло его планы, но спасло армию Блюхера от неминуемого поражения. Французы не смогли ни опередить Блюхера в важном пункте, ни разбить его, пока он был слабым. Генерала Моро было приказано отдать под суд за неисполнение приказа.

Блюхер, хоть его слегка и потрепали при отступлении к Суассону, еще счастливо отделался. Правда, вместо наступления на Париж он оказался несколько северней французской столицы, а также потерял прежнюю старую коммуникационную линию. Ему пришлось воспользоваться тылами Винцингероде и Бюлова, ориентированными на Бельгию. Между ним и Шварценбергом оказался разрыв. Но он получил и многие плюсы. Численность Силезской армии с присоединением двух свежих корпусов возросла вдвое (свыше 100 тыс. чел.), что превышало противостоящие ему наполеоновские войска. Кроме того, новое положение армии Блюхера отвлекало Наполеона от Парижа. Это должно было помочь действиям армии Шварценберга, однако продолжавшего топтаться на месте.

Наполеон же был полон решимости добиться успеха, пока позволяли дела на юге от Парижа. Французский император пошел к Берри-о-Бак, где организовал переправу своих основных сил через Эн. Перейдя на правый берег Эн 22 февраля (6 марта), войска Наполеона провели разведку боем под Краоном и выявили там скопление русских сил. Наполеон предположил, что это боковой арьергард Силезской армии, и сразу решил нанести удар. Но штаб Силезской армии, задумав дать сражение под Краоном и разработав свой план. Для удержания натиска сил Наполеона на выгодном для обороны краонском плато в первой линии предназначался корпус генерала М. С. Воронцова (примерно 18 тыс. чел.), а во второй линии — войска корпуса Ф. В. Остен-Сакена (9 тыс. чел.), а в резерве оставал-

---

¹ Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 9. С. 279.

² Correspondance de Napoléon I-er. T. 27. P. 288–289.

ся корпус генерала А. Ф. Ланжерона. Одновременно с этим планировалось обходное движение 10-тысячной конницы под командованием генерала Ф. Ф. Винцингероде на Север, сначала к Фетье, а затем с выходом по дороге к Берри-о-Бак в тыл краонской позиции. Этот сложный маневр против правого фланга Наполеона должны были позднее поддержать прусские корпуса Ф. Г. Ф. Клейста и Г. Л. Йорка. Прусский корпус Ф. В. Бюлова был оставлен под г. Лаоном, а русские войска генерала А. Я. Рудзевича — в Суассоне.

Сражение под Краоном началось примерно в 10 часов утра 23 февраля (7 марта) атаками войск Наполеона, который смог в этот день подтянуть к этому пункту до 25 тыс. чел. Причем многие вступали в бой после изнурительного ночного марша, в частности войска маршала Мортье. Оборона краонского плато считается славной страницей истории российской армии, примером активной обороны и взаимовыручки, когда пехота Воронцова при поддержке кавалерии смогла стойко удерживать и контратаковать французов. Этому в значительной степени способствовали свойства местности — крутые скаты и глубокие овраги. Малая ширина плато не позволяла атакующим развернуть кавалерию, а также затрудняла применение артиллерии. Но главное в тот день состояло в том, что Винцингероде не смог выполнить поставленную перед ним задачу. Этому помешали позднее время выступления и трудность прохода через гористую местность кавалерии с конной артиллерией. Предложение Винцингероде идти по более длинной шоссейной дороге через Лаон, Блюхер отверг, а преодолеть быстро узкие ущелья конница Винцингероде не смогла. Кроме того, французы обнаружили это обходное движение, поэтому не приходилось надеяться на внезапность атаки. Блюхер сам лично отправился узнать ситуацию и, убедившись в бесперспективности дальнейшего движения, около 14 часов в крайнем раздражении приказал всем отступать к Лаону. Причем Воронцов не хотел покидать прекрасную оборонительную позицию, тем более в светлое время суток, что было чревато неприятными последствиями.

По словам реляции Воронцова, ему «легче было сопротивляться на месте, нежели отходить». Только после 15 часов его войска, построившись в батальонные каре, начали «медленное отступление тихим шагом и через линии»¹. Противник, помимо атак против центра, предпринял обходные движения конницей. Причем несколько раз возникали критические ситуации и опасные моменты, когда войска

---

¹ Записки генерала М. С. Воронцова // 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Баграциона. С. 306.

проходили открытую местность, но смогли преодолеть все препятствия при помощи русской артиллерии и кавалерийского прикрытия. Именно тогда получили смертельные раны два русских кавалерийских генерала — С. Н. Ушаков и С. Н. Ланской. Около 17 часов французы прекратили активное преследование. Корпус Рудзевича в Суассоне также получил приказ об отступлении, оставив город. Русские потери составили в этот день около 5 тыс. бойцов, французы потеряли гораздо больше — от 5,5 до 8 тыс. чел. В этом бою принимали участие со стороны союзников исключительно русские войска. Блюхер предпочел использовать из более 100-тысячной армии только 20 тыс. русских воинов. Так закончилось кровопролитное сражение под Краоном, в котором обе стороны традиционно приписывали победу себе¹.

Уже 25 февраля (9 марта) Блюхер сосредоточил у г. Лаона всю армию. Поскольку к городу вели две дороги (от Суассона и Берри-о-Бак), свои войска он расположил следующим образом. В предместьях города на дороге от Суассона он поставил корпуса Бюлова и Винцингероде, а на пути из Берри-о-Бак — корпуса Клейста и Йорка. В резерве оставались корпуса Ланжерона и Сакена. Главнокомандующий Силезской армии твердо решил дать сражение Наполеону, хотя имел завышенные данные о численности войск Наполеона. Накануне был захвачен в плен чиновник канцелярии маршала А. Бертье Пальм, который явно преувеличивал в своих показаниях количество французских войск до 60–70 тыс., а с подкреплениями — до 90 тыс. чел. Наполеон же совершенно неправильно оценивал сложившуюся обстановку, считая, что Блюхер будет отступать дальше или к р. Уазе или в Бельгию, желал отбросить его войска подальше от Парижа или нанести очередное поражение его арьергарду. Хотя он имел представление о численном превосходстве Силезской армии, но у него не оставалось выбора. В его распоряжении находилось примерно 37 тыс. солдат. Причем примерно 10 тыс. чел. под командованием маршала Мармона направлялись для отдельного наступления на Лаон по дороге от Фетье с юго-восточного направления. Прямой связи между войсками Наполеона и Мармона не было, они оказались разделены горой и малопроходимой местностью².

---

¹ См.: *Fain A. J. F. Manuscrit de mil huit cent quatorze*. P. 166; *Орлов Н. А.* Низложение Наполеона в 1814 г. // *История русской армии и флота*. Т. IV. С. 139–142.

² Описание сражения при Лаоне см.: *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1.

Наполеон, ожидая увидеть под Лаоном только арьергард, встретил всю Силезскую армию. Но от этого его решение отнюдь не изменилось. Главные силы французов под командованием маршалов Нея и Мортье весь день безрезультатно стремились выбить полки Бюлова и Винцингероде из предместий с занимаемых ими позиций. Не помогли и шумные демонстрации французов, устроенные к Северу от Лаона. Хотя Блюхер как раз опасался какого-либо подвоха, полагая противника хитрее и сильнее, чем он был на самом деле. По словам С. Г. Волконского, по данной причине «все войска получили приказание приготовиться к отступлению по трем параллельным дорогам, распорядиться об этом и для начатия этого движения ожидать вторичного подтвердительного приказания»¹. Совсем по другому сценарию развивались события на дороге, ведущей от Берри-о-Бак к Лаону. Войска Мармона лишь к вечеру смогли приблизиться к Лаону и занять деревню Ати, а затем расположились на бивуаках. Пруссаки, проведя рекогносцировку и захватив в плен фуражиров, убедились в явной слабости противника. Внезапная атака корпусов Клейста и Йорка ближе к ночи принесла блестящие плоды: застигнутые врагсплох французы побежали. Только в плен попало более 2,5 тыс. чел., а в качестве трофеев досталось 45 орудий. Причем прусской кавалерии удалось временно встать впереди бежавших французов поперек дороги у д. Фетье. Но взять саму деревню и предотвратить прорыв окруженного противника пруссаки не смогли. Тем не менее можно говорить о разгроме корпуса Мармона².

Таким образом, Блюхер получил возможность повторить маневр, неудавшийся в день Краонского сражения, — зайти в тыл главной группировки Наполеона. Для этой цели и для преследования Мармона было выделено четыре корпуса Силезской армии, в частности, корпуса Ланжерона и Сакена должны были через Брюэр выйти в тыл Наполеону и отрезать ему путь отступления к Суассону. Но на следующий день, 26 февраля (10 марта), Блюхер выбыл из строя по болезни, он ослабел до такой степени, что даже весь остальной поход к Парижу он ехал в карете и не мог сесть на коня. Командование временно в этот день принял его начальник штаба генерал А. Гнейзенау («дядька Блюхера», по выражению С. Г. Волконского).

С. 309–329; *Friederich R.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Bd. 3. S. 214–222; *Foch F.* La bataille de Laon, mars 1814. Paris, 1921.

¹ *Волконский С. Г.* Записки. С. 301.

² В своих воспоминаниях Мармон ничего не пишет о неудаче своего корпуса, лишь упоминает, что при отступлении «21 орудие было брошено в придорожных канавах» (Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 135).

Но он оказался более осторожным военачальником, чем старый генерал-фельдмаршал. Наполеон же, узнав о поражении Мармона, с целью облегчить его положение приказал атаковать оставшиеся силы противника у Лаона. Поэтому Гнейзенау не стал рисковать и принял решение отказаться от обходного движения и отозвать войска Ланжерона и Сакена. К вечеру, убедившись, что главные силы Силезской армии продолжали находиться у Лаона, Наполеон отдал приказ о ночном отступлении к Суассону. В целом наступательная операция французского императора против Блюхера провалилась, а пальма первенства в сражении под Лаоном осталась за союзниками¹. Потери французов за два дня боев исчисляются историками от 6 до 9 тыс. чел., у союзников — от 2 до 4 тыс.

Ситуация для Наполеона складывалась неутешительно. Пока он сражался против Блюхера, войска Шварценберга, постоянно понукаемого Александром I, все же медленно приближались к Парижу и вновь взяли г. Труа. Не радовали сообщения и из других районов, где его маршалы по необходимости отступали под усилившимся нажимом союзников. Сулыт отходил к Тулузе, Ожеро действовал вяло и отступил к Лиону, в Италии Э. Богарне, имея против себя двойное превосходство противника, с трудом сдерживал противника, под Гамбургом был обложен Даву, в Бельгии генерала Н. Ж. Мезона, имевшего небольшие силы, оттеснили до Лилля. А союзники перебрасывали все новые и новые пополнения и силы, освободившиеся после блокады крепостей. В Голландию, например, прибыли шведские войска. Во Францию же был переброшен из-под Майнца русский корпус Э. Ф. Сен-При, усиленный прусским ландвером под командованием генерала Ф. В. Ягова. В его задачу входило восстановление сообщений между Силезской и Богемской армиями.

Двигавшийся от Сен-Дизье корпус Сен-При 28 февраля (12 марта) приступом взял Реймс, захватив при этом более 2,5 тыс. чел. в плен. Но Сен-При толком не знал ситуации и не ждал нападения главных сил Наполеона со стороны Суассона. Поэтому он установил квартирное расположение частей вокруг города (примерно 14 тыс. чел.). Наполеон же, получив сообщение о падении Реймса, тотчас отдал приказ о подготовке к наступлению на город. Уже утром 1 (13) марта французская кавалерия авангарда внезапно атаковала и рассеяла несколько отдохавших прусских батальонов. Известие о французском нападении застало Сен-При после окончания службы благодарственного молебна за одержанную накануне победу. Он тот-

---

¹ Орлов Н. А. Низложение Наполеона в 1814 г. // История русской армии и флота. Т. IV. С. 142–144.

час приказал собрать рассеянные в окрестностях войска и выстроил их перед городом в две линии, полагая, что перед ним лишь один неприятельский корпус. В 16 часов французы атаковали его позиции, только тогда, по многочисленности войск противника, Сен-При понял, что имеет дело с самим Наполеоном, поэтому стал отводить войска в город. Сразу же после этого Сен-При получил смертельное ранение в плечо (умер от этой раны через 16 дней) и выбыл из строя. Командование войсками приняли генералы И. Д. Панчулидзе и Г. А. Эммануэль. Они смогли организовать отступление через город, удерживая его до 2 часов ночи 2 (14) марта. Затем войска отошли по направлению к Берри-о-Баку на соединение с Силезской армией¹. Корпус потерял до трети своего состава: более 2 тыс. убитыми и ранеными и около 3 тыс. пленными. Убыль французов не превышала 800 чел.

Победа под Реймсом слегка приободрила упавших духом французов. Дав кратковременный отдых своим войскам, Наполеон 5 (17) марта с 16 тыс. солдат двинулся от Реймса к р. Марна, уже против армии Шварценберга, оставив заслон (корпуса Мортье и Мармона — до 20 тыс. чел.) против корпусов Силезской армии. Тем более что Блюхер после событий под Реймсом сразу решил собрать все свои войска на правом берегу р. Эн и, опасаясь нового удара со стороны французов, воздержался от активных действий. Части чрезвычайно осторожного Шварценберга, медленно наступавшие на войска Макдональда (примерно 30 тыс. чел.) и взявшие к этому времени Провен, Санс и Ножан, также начали поспешное отступление после известия о взятии Реймса. Но Шварценберг опять повторял ошибки прошлого и сильно растянул свои войска. Новое французское наступление привело бы к тому, что Наполеон вновь мог начать громить корпуса Богемской армии по частям. В эту ситуацию вовремя вмешался Александр I. Он потребовал собрать разбросанные войска в кулак и сосредоточить их в районе у Арси-сюр-Об и Труа, что и было сделано.

7 (19) марта войска Наполеона достигли Планси, форсировали р. Об и затем захватили Мери-сюр-Сен. Но отступление войск Шварценберга обесценило этот маневр Наполеона, направленный в сторону Труа, поэтому на следующий день он отдал приказ двигаться на Витри. Причем французский император был вполне уверен, что Шварценберг будет продолжать отступление. Но этого не произошло, что явилось сюрпризом. Дело было даже не в Шварценберге, изменилась политическая атмосфера в стане коалиции.

---

¹ См.: *Лашук А.* Указ. соч. С. 772–777.

17 февраля (1 марта) был датирован Шомонский договор между Англией, Австрией, Россией и Пруссией, хотя подписан в ночь на 25–26 февраля (9–10 марта)¹. Союзники договорились вести борьбу с Наполеоном до победы и не заключать сепаратных сделок с противником, кроме того, договор устанавливал размеры воинских контингентов, предусматривал финансовую помощь со стороны Англии союзникам и устанавливал основы территориального устройства Европы. Во всяком случае, австрийский генералитет уже не получал политических указаний о пределах продвижения войск, даже австрийским военачальникам стало ясно, что необходимо в ближайшее время покончить с Наполеоном, а для этого нужны активные действия. Закончили свою деятельность и дипломаты на бесконечно длившемся Шатильонском конгрессе. Работа на нем велась с перерывами, поскольку Наполеон никак не хотел соглашаться с границами Франции 1792 г. и отказывался принять проект мирного договора, составленный союзниками. Французская дипломатия в лице Коленкура стремилась затягивать переговоры, надеясь на военные успехи французов, которые действительно влияли на настроения союзников. Но различные дипломатические демарши, предложенные во время конгресса Коленкуром, не помогли. Союзники их отвергли и не стали обсуждать. 7 (19) марта состоялось последнее заседание конгресса, на котором союзные уполномоченные заявили о разрыве переговоров.

Наполеон в это время некоторые надежды возлагал на народное сопротивление в тылу союзных армий. Во всяком случае, в руки союзников попало обращение к населению командующего 18-м военным округом генерала Ж. А. Ф. Алликса де Во о поголовном вооружении и сопротивлении противнику². В ответ последовал весьма жесткий приказ К. Шварценберга, который распространялся на захваченных союзниками территориях Франции. В нем говорилось: «Всякий неприятельский ратник из народного вооружения, захваченный с оружием в руках, признается военнопленным, и имеет быть отослан в отдаленные провинции союзных государств»; «Всякий гражданин или крестьянин, поразивший или убивший солдата союзных армий, имеет быть судим военным судом, и в 24 часа расстрелян»; «Всякое селение, в котором ударят в набат для сбора вооруженных, имеет быть сожжено»; «Всякое селение, в коем будет учинено убийство, должно отвечать за оное и будет наказано судя по числу

---

¹ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 148–165.

² См. также декрет Наполеона о всеобщем вооружении: *Correspondance de Napoléon I-er.* Т. 27. Р. 389; *Fain A. J. F.* Manuscrit de mil huit cent quatorze. Р. 161.

жителей»¹; «Всякое селение, коего жители совокупно восстанут против союзных войск, отдано будет на разграбление, и после выжжено»². Нельзя игнорировать многочисленные свидетельства источников о нападениях на отдельных солдат в тылу союзных войск, но то ли из-за информированности населения о возможных суровых карах, или от усталости от непрерывных войн, массового сопротивления на французской территории зафиксировано не было.

Сражение при Арси-сюр-Об

Французский полководец к этому времени уже реально понял, что после его ухода из-под Реймса оставленные там корпуса не смогут сдержать Блюхера и они, вероятно, потерпят поражение. Уже 8 (20) марта он отдал приказ Мармону и Мортье двигаться за ним к Шалону. Собственно, его новое наступление было направлено на правый фланг и тыл Богемской армии, он собирался или разгромить войска Шварценберга, или взять противника на испуг и оттеснить его в Эльзас и Лотарингию. То есть действовать на коммуникации Богемской армии и фланг Силезской армии. Тем самым снять угрозу Парижу.

Но Шварценберг вдруг решил остановиться и тем самым спутал все его гениальные расчеты. Наполеон явно не рассчитывал на крупное столкновение, а полагал, что перед ним только отступающий арьергард противника. В этой новой ситуации на театре военных действий 8–9 (20–21) марта под Арси-сюр-Об произошло сражение между французами и войсками союзников. Передовые части французов в 11 часов утра, не встречая особого противодействия, заняли Арси. Шварценберг же еще 7 (19) марта принял решение атаковать французов. По обыкновению была составлена диспозиция, по которой планировалось уже в 7 часов утра начать движение, а в 11 часов утра — общую атаку³. Как всегда, диспозиция была получена с опозданием, поэтому войска, колонны принца В. Вюртембергского (вюртембергцы), И. Дьюлаи (австрийцы) и Н. Н. Раевского (русские)

---

¹ В приказе приводились следующие санкции из расчета: 20 000 жителей — штраф 500 000 франков, от 10 000 до 20 000 жителей — 300 000 франков, от 5000 до 1500 жителей — 100 000 франков.

² Поход августейшего императора Александра I в Германию и Францию и подвиги союзников его с описанием всех происшествий и достопамятнейших перемен. Ч. 4. СПб., 1814. С. 36–38.

³ Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции, в мае 1814 года. Ч. 2. С. 192–193, 431–433.

выдвинулись с задержкой по времени. Лишь баварцы К. Вреде находились в тот момент против войск французов. Около 13 часов к своим войскам прибыл Наполеон. А в 14 часов конные массы союзников атаковали две кавалерийские дивизии генерала О. Себастьяни. Это была блестящая и неожиданная для французов атака. Союзники опрокинули и смяли эти две дивизии, которые обратились в бегство в направлении к Арси. Во время атаки казаки захватили четыре конных орудия. Наполеон лично с большим трудом восстановил порядок среди бегущих, вынужден был даже укрыться в каре Висленского пехотного полка, остановившего конную атаку союзников. Позднее только что подошедшая дивизия Старой гвардии укрепила центр французской позиции перед городом и помогла успешно отражать атаки союзной кавалерии.

В это время дивизии Вреде на правом фланге вступили в бой с пехотой Нея у д. Торси-ле-Гран и смогли выбить ее из деревни, но затем вынуждены были оставить это селение. Потом еще несколько раз австрийские и баварские части безрезультатно атаковали французов. Вечером их подкрепили русские гренадеры дивизии генерала П. Н. Чоглокова и кирасирская бригада генерала В. В. Левашева, но и их атаки не привели к успеху, благодаря стойкости французской пехоты. Одновременно колонна под командованием В. Вюртембергского атаковала французскую кавалерию у Мери-сюр-Сен и Планси. Бои свелись к жарким схваткам, а союзникам удалось захватить Мери-сюр-Сен. После чего Шварценберг подтянул все свои силы к Арси. Сражение в этот день закончилось рейдом конницы Себастьяни против центра союзников, остановленного русскими гренадерскими полками.

У союзников весь день было численное преимущество, но они не смогли в целом сбить французов с занятых позиций у Арси. Оборону вокруг Арси держали примерно 25 тыс. французов, против 60 тыс. союзных солдат. В целом нерешительный исход сражения привел к тому, что каждый из противников решил продолжить его на следующий день. Эти бои не принесли ощутимых преимуществ союзникам, но тот факт, что осторожный Шварценберг, опасаясь ловушки, ввел в дело только одну треть из всех имеющихся у него сил, привел Наполеона к убеждению о слабости союзников. Он решил, что, вероятно, противник намерен, как и прежде, отступить.

Необходимо признать, что французы занимали не очень выгодную позицию, имея за своей спиной реку, поэтому Шварценберг стянул все свои силы (до 100 тыс. чел.) к Арси. На правом фланге союзников находился австро-баварский корпус Вреде, в центре русские части Раевского, на левом фланге австрийцы И. Дьюлаи и вюртем-

бержцы В. Вюртембергского, во второй линии стояли резервы и гвардия. У Наполеона же 9 (21) марта, несмотря на подход подкреплений, едва насчитывалось 30 тыс. бойцов в строю. Когда же к 10 часам утра французские части заняли позиции на плато у города, чтобы двигаться вперед, они увидели впечатляющую картину — обращенную против них широкую дугу войск союзников, компактно расположенных. До этого данное расположение скрывалось склонами высот. Даже непрофессионал заметил бы подавляющее численное превосходство и мощь сил коалиции. Наполеон сразу же оценил грозящую ему опасность и, не раздумывая, стал отводить свои корпуса на другой берег реки.

Избежать катастрофы французам в этот день помогло несколько обстоятельств. К Наполеону незадолго до этого прибыл понтонный парк, поэтому, кроме городского моста, был быстро сооружен еще один мост, что вдвое увеличило пропускную способность для войск. Но самое главное — Шварценберг в этот день намеревался вести оборонительный, а не наступательный бой, полагая армию Наполеона, по меньшей мере, раза в два больше, чем она была на самом деле. Когда же стал очевиден недостаток сил у французов и следовало активно атаковать отступавшего противника, на смену чувств у австрийского полководца пришла нерешительность. Шварценберг созвал «краткое совещание», затянувшееся на два часа. Александр I, главный человек, понуждавший упрямого австрийского фельдмаршала к деятельности, в это время, «мучимый сильнейшей лихорадкой», оставался в д. Пужи. Только около 15 часов союзные колонны пришли в движение, когда две трети войск Наполеона уже переправились через р. Об. Отход французов прикрывал арьергард под командованием Себастьяни и Удино. Французы весьма грамотно организовали и вели ожесточенный бой перед и в стенах города. Примерно в 18–19 часов вечера в наступавшей темноте арьергард понес потери, перешел реку, уничтожив мосты. Медлительность в принятии решений Шварценбергом в очередной раз спасла французов¹.

Историки, в зависимости от национальной принадлежности, полагают, что урон союзников за двухдневное сражение составил 3–4 тыс. чел., убыль французов характеризуется большим разбросом в подсчетах — от 3 до 8 тыс., хотя последняя цифра кажется явно завышенной. Главное состояло в том, что небольшая армия Наполеона была отброшена за р. Об. Кроме того, это было последнее крупное сражение 1814 г., в котором командовал сам великий полководец. Он уже истощил силы своего воинского гения, чтобы хоть

---

¹ См.: *Лашук А.* Указ. соч. С. 783–795.

как-то нейтрализовать активность союзников. Для Шварценберга основная задача, стоявшая перед силами коалиции, так и оставалась нерешенной. Вместо наступления на Париж или полного разгрома противника они продолжали топтаться на месте, не используя численное преимущество.

Шварценберг не сделал даже серьезных попыток организовать преследование французской армии, а также умудрился временно потерять след Наполеона. Это позволило французскому полководцу без проблем соединиться с войсками Макдональда и затем достичь Витри, занятого войсками союзников, а 11 (23) марта — Сен-Дизье. Он полагал, что своим маневром на коммуникации противника сможет отвлечь их внимание от Парижа. Шварценберг первоначально попался на это уловку. Сначала в ставке союзников недоумевали, почему французская армия движется в направлении к Сен-Дизье, и последовали за ней. 11 (23) марта Шварценберг созвал в д. Пужи военный совет, где обсуждались различные варианты действий. Было выдвинуто предложение направиться в сторону Швейцарии, но оно встретило противодействие, так как тогда бы перечеркивались все результаты более двухмесячного пребывания сил коалиции на французской территории. Победило другое мнение — соединиться под Шаломом с идущей туда Силезской армией и перестроить свою коммуникационную линию в сторону Бельгии. Затем же соединенными армиями атаковать Наполеона¹.

На Париж! Разгром французов под Фер-Шампенуазом

Последнее решение союзников вполне укладывалось в наполеоновские планы. Но произошло событие, резко изменившее дальнейший ход. Казаки 11 (23) марта захватили следовавшего из Парижа к Наполеону курьера с депешами от первых сановных лиц империи, включая полицейские донесения, рисовавшие в черном свете сложившуюся ситуацию в Париже. В их числе находилось письмо от Р. Савари с анализом общественных настроений в Париже, где конфиденциально упоминалось о существовании влиятельной группы, враждебной Наполеону, вследствие чего, чрезвычайно опасной при приближении войск противника к столице. Примерно в это же время 11 (23) марта казаки генерала Ф. К. Тетенборна из Силезской армии также перехватили почту в Париж от Наполеона, где нашли его пись-

---

¹ О сомнениях и догадках союзников в этот период см.: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 630–633.

мо Марии-Луизе с описанием его дальнейших планов¹. Вот как описывает его содержание А. И. Михайловский-Данилевский: «В одной мы нашли между прочим собственноручное письмо Наполеона к императрице Марии-Луизе, в котором он, рассказывая о поверхности одержанной над нами под Арсисом победы, уверял ее, что движением своим на линию наших сообщений удалит нас от Парижа и, присоединив к себе гарнизоны крепостей Меца и Вердена, разобьет нас на берегах Рейна и принудит отступить за сию реку»².

Перехваченная корреспонденция сначала попала в руки Александра I, оценившего всю важность полученной информации. Он не только узнал о планах Наполеона, но и убедился в реальности существования в Париже поднимавшей голову роялистской оппозиции. До этого он уже в начале марта встречался с посланцами роялистов из Парижа, например, с бароном Э. Ф. А. Витролем, представителем «проницательной парижской партии», заверявшего от имени Ш. М. Талейрана, что союзников там ждут³. Но Александр I не доверял информации от подобных эмиссаров, теперь же убедился в ее достоверности. После обдумывания и совещания в Сомпюи с ближайшим военным окружением (М. Б. Барклай де Толли, П. М. Волконский, И. И. Дибич, К. Ф. Толь) от имени российского императора Шварценбергу был предложен следующий план действий: силами двух армий повести параллельное наступление на Париж уже на следующий день, а для того чтобы скрыть это движение, направить против Наполеона лишь отдельный кавалерийский корпус генерала Ф. Ф. Винцингероде. Конечно, пришлось убеждать Шварценберга в разумности такого предложения, это дело также было не легким, но согласие получили, после одобрения всеми союзными монархами. 13 (25) марта Богемская и Силезская армии двинулись на Париж. Среди историков существуют разные мнения об авторстве этого плана, персонально фигурируют все советники Александра I, присутствовавшие на совещании. Но авторство плана — уже второй вопрос, главное, что план был принят к исполнению. Как написал об этом походе русский офицер И. М. Казаков: «Такой рискованный фланговый марш, конечно, не Шварценбергом был придуман, а самим Императором и начальником его штаба Дибичем»⁴.

---

¹ Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции, в мае 1814 года. Ч. 2. С. 222–223, 434.

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары 1814–1815. С. 33.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 616–617.

⁴ *Казаков И. М.* Поход во Францию 1814 г. // Русская старина. 1908. № 3. С. 530.

Ему вторил другой офицер-мемуарист И. И. Лажечников: «Скоро в военном ареопаге, благодаря совету П. М. Волконского и энергичной воле Государя, решено было не поддаваться на удочку, закинутую ловким рыбаком, а идти твердо, всеми силами, на столицу Франции. Ему оставлен на приманку немногочисленный отряд, который своими усиленными бивуачными огнями должен был представить декорацию большого корпуса, готового дать неприятелю сражение»¹.

Для Наполеона ситуация на всех театрах военных действий приняла к этому моменту крайне неблагоприятный оборот. Ожеро вместо того чтобы продолжить наступление на Женеvu и выйти на коммуникации Шварценберга в Швейцарии 9 (21) марта вынужден был очистить Лион. Таким образом, левый фланг Богемской армии был обеспечен. Богарне продолжал героически сражаться в Италии, но его сопротивление для судеб Франции имело уже второстепенное значение. Войска Сюше оказались запертыми в Каталонии. Сульз, теснимый герцогом Веллингтоном, отошел за р. Гаронну, а в оставленном Бордо роялисты уже 28 февраля (12 марта) провозгласили королем Франции Людовика XVIII. Генерал Мезон с трудом сдерживал у Лилля войска союзников. Положение Наполеона было критическим, но он продолжал надеяться на военное счастье и был намерен идти до конца.

Двинувшись на Париж, Богемская и Силезские армии специально шли вблизи друг друга и сразу же столкнулись с французскими войсками, которые направлялись по приказу Наполеона на соединение с ним, но не успели это сделать. В первую очередь это были войска Мармона и Мортье (17–18 тыс. чел.), следовавшие от р. Эн к Марне, а также дивизии генералов М. М. Пакто и Ф. П. Ж. Аме (5–8 тыс. чел.), ранее занимавшие Сезанн. Столкновение произошло при Фер-Шампенуазе 13 (25) марта. Сначала авангард Богемской армии под командованием принца В. Вюртембергского случайно столкнулся с корпусами Мармона и Мортье. Вюртембергская (две бригады), австрийская (две бригады) и русская кавалерия под началом П. П. Палена (четыре кирасирских, четыре гусарских, пять казачьих и один уланский полки) рано утром атаковали и сбили французов, а затем, несмотря на попытки противника закрепиться на позициях перед городом, обходили их фланги и заставляли отступать. Услышав канонаду, Барклай к вечеру послал на подкрепление имевшиеся под рукой две бригады русской гвардейской конницы. Маршалы пытались отступить организованно, но начавшийся проливной дождь лишил пехоту возможности стрелять, и ей пришлось

---

¹ Лажечников И. И. Собр. соч. М., 1994. Т. 6. С. 557.

отбиваться от кавалерии штыками. Союзники же прорвали и изрубили несколько каре. В целом французы отступали в полном беспорядке. Оба корпуса потеряли более 5 тыс. чел. и почти всю артиллерию. Собрав уцелевшие войска уже за Фер-Шампенуазом, оба маршала, не имея сведений о нахождении Наполеона, сочли за благо начать отход к Парижу.

Более трагически сложилась судьба дивизий генералов Пакто и Аме, в основном составленных из национальных гвардейцев и плохо обученных конскриптов. Имея на руках приказ идти на соединение с главными силами Наполеона, они, отягощенные огромным обозом, ближе к вечеру севернее Фер-Шампенуаза также неожиданно столкнулись с русской кавалерией генерала Ф. К. Корфа из Силезской армии. Сначала Корф был подкреплён кавалерией генерала И. В. Васильчикова, а затем сюда прибыл с гвардейскими русскими и прусскими конными полками сам Александр I. Атакованные конницей французы также начали отступление, сначала бросили весь транспорт, затем потеряли все имеющиеся 16 орудий. После семичасового отступления, несмотря на героическое сопротивление французов, при помощи конной артиллерии русские кавалеристы прорвали и изрубили все шесть каре генерала Пакто¹. Спасти удалось единицам. Оба командира дивизий и ещё пять генералов попали в плен, как и примерно 1500 солдат (большинство раненных). Общие потери французов в этом двойном бою составили 8–10 тыс. чел. и 75 орудий, у союзников — от 2 до 4 тыс. чел. Против французов в тот день действовало до 16 тыс. конницы, из них — 12 тыс. русских кавалеристов при 94 орудиях.

Бои под Фер-Шампенуазом в российской императорской армии всегда считались днем славы русской кавалерии. Безусловно, это был пример очень удачного боя конницы против пехоты, учитывая удобную открытую местность для действия кавалерийских масс. Фактически союзники за два года своего подавляющего превосходства в этом роде войск впервые смогли эффективно использовать конницу для окружения и разгрома французской пехоты². Но во многом значение Фер-Шампенуаза оказалось отмеченным в литературе благодаря участию в тот день элитной гвардейской кавалерии, да еще на глазах своего императора, принявшего личное участие в одной из атак. Вот как описал, например, А. И. Михайловский-Данилевский действия Александра I и его конвоя — л.-гв. Казачьего

---

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3419. Л. 134–138.

² *Нафziger Д. Ф.* Сражение при Фер-Шампенуазе // Император. 2000. № 1. С. 32.

полка, оказавшихся перед дивизией Пакто: «Государь велел казакам идти немедленно в атаку, а мне приказал орудия подвести на картечный выстрел. Неприятель выстроил три карея, и началось дело. Император с казаками ударил сам лично на первый карей, который, невзирая на сильную ружейную пальбу, мгновенно был смят»¹. Значительная по объему биографическая литература и полковые истории запечатлели многочисленные подвиги полков, но с особым удовольствием описывали личное нахождение в бою российского императора. Тот же Михайловский-Данилевский позднее вспомнил фразу Александра I, высказанную им после боя у Фер-Шампенуаза: «По сих пор почитали меня обыкновенным человеком, а теперь? От каких безделиц зависит величие и мнение вселенной?»²

Фер-Шампенуаз занимал определенное место и в воспоминаниях русских гвардейских офицеров. Если взять и проанализировать их мемуары, то без труда выяснится, что, например, гвардейская пехота практически не принимала участия в боях 1814 г. Офицеры гвардейской пехоты могли описывать бесконечные марши и контрмарши, бивуаки, дружеские обеды, бедность деревенских каменных жилищ во французской провинции, враждебное отношение крестьян к войскам союзников и различные бытовые походные подробности, но не бои и сражения, поскольку гвардия в них не принимала участие, а в лучшем случае находилась в резерве. А у их коллег, гвардейских кавалеристов, Фер-Шампенуаз являлся единственным боевым эпизодом, о котором они могли реально вспоминать. Таким образом, это сражение оказалось освящено августейшим присутствием, затем его значение было приподнято исторической литературой.

После Фер-Шампенуаза две армии, численностью более 100 тыс. чел., теперь могли почти без всяких серьезных препятствий дойти до Парижа, на их пути не оставалось крупных войсковых соединений противника, способных остановить их дальнейшее движение. А. И. Михайловский-Данилевский, описывая преследование и «бегство удалявшегося неприятеля» к Парижу, упоминает, что среди союзников были и сомневающиеся в удачном исходе этого «великого предприятия»: «Австрийцы, пруссаки, баварцы, виртембергцы и баденцы, идя по стопам русских, верили с трудом, что успех увенчает смелое предприятие наше. Устрашенные многолетними поражениями, им казалось среди самых побед наших, что неприятель расставляет нам сети; мы с трудом влекли их за собою к торжествам, и

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. С. 36.

² Представители России на Венском конгрессе в 1815 году (Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского) // Русская старина. 1899. № 6. С. 631.

Государю должно было употребить всю пронизательность ума его, всю твердость его характера и вежливость в обращении, свойственную ему одному, которую он всех очаровывал, чтобы вселить в них доверие»¹.

Сражение за Париж и капитуляция французской столицы

17 (29) марта две союзные армии достигли города и 18 (30) марта штурмом овладели Бельвильскими высотами и Монмартром. Защитники города представляли собой достаточно пеструю картину: здесь были остатки корпусов Мармона и Мортье, прибывшие накануне вечером, отряды национальной гвардии, канониры-инвалиды, ученики Политехнической и Альфорской школ, а также добровольцы. Всего примерно 42 тыс. чел. Укреплений практически не было, но гарнизон все же оказал упорное сопротивление, однако с потерей господствующих над городом высот Париж был обречен. Бой за город имел важнейший политический смысл, а с военной точки зрения это все-таки был боевой эпизод — штурм предместий и взятие города, правда, имевший стратегическое значение. И здесь главную роль, без всякого сомнения, сыграли русские войска. Основные силы штурмующих колонн составляли русские корпуса генералов А. Ф. Ланжерона, М. С. Воронцова, Н. Н. Раевского, Е. Вюртембергского. Как потом написал участник взятия Монмартра полковник М. М. Петров, «когда шли на укрепления Парижа, или, лучше сказать, лезли на бодливое темя Франции, то каждый солдат пылал румянцем геройства, понимая важность совершавшегося окончательного подвига и отщениа, и каждый из нас не хотел умереть прежде покорения Парижа»². К. Н. Батюшков свидетельствовал, что после взятия Бельвильских высот мимо проходили раненые русские офицеры и уже поздравляли с победой: «Слава богу! Мы увидели Париж с шпагою в руках! Мы отмстили за Москву!» — повторяли солдаты, перевязывая раны свои³. Об этом свидетельствует и количество потерь, оборонявшаяся и наступавшая стороны имели примерно равный урон. Авторы обычно называют цифру — около 9–10 тыс. чел. союзников (у французов от 4 до 9 тыс.), из них на долю русских пришлось более 6 тыс. солдат, остальные на пруссаков, вюртембергцев и австрийцев.

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. С. 36.

² Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // Воспоминания воинов русской армии. С. 263.

³ Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 3. СПб., 1886. С. 252–253.

Первоначально брат Наполеона Жозеф взял на себя функции командующего, но затем в полдень фактически сбежал в Блуа вслед за уехавшей императрицей Марией-Луизой с сыном, но перед этим дал письменное разрешение маршалам вступить в переговоры с Александром I. В 16 часов французы отправили парламентариев. Огонь постепенно прекратился. На господствовавших высотах устраивались батареи, а город был как на ладони. Поэтому русские могли с полным основанием на переговорах заявить французским представителям, «что к вечеру не узнают места, где был Париж, если он через час не сдастся». Это был язык триумфаторов, диктовавший условия, поскольку союзные войска, «взирая на Париж, ожидали приказа истребить оный или вступить в него великодушными победителями». Весь вечер велись споры между переговорщиками, пока сторонам удалось выработать приемлемые условия капитуляции из восьми статей, но лишь ночью она была подписана¹. Французские войска должны были покинуть Париж к утру, а город вверялся «на великодушные союзных государей!» Как написал позднее Н. К. Шильдер: «Покорение Парижа являлось необходимым достоянием наших летописей. Русские не могли бы без стыда раскрыть славной книги своей истории, если бы за страницей, на которой Наполеон изображен стоящим среди пылающей Москвы, не следовала страница, где Александр является среди Парижа»².

Париж капитулировал! Это предмет отдельного исследования. Никто не сможет пересказать те чувства, которые испытывали русские офицеры и солдаты в тот момент. Например, будущий декабрист Н. И. Лорер, когда его товарищ сообщил, что «Париж сдался», бросился к нему на шею: «Нет! Перу не передать восторга и радости нашей. Колонны наши стояли молча; но когда наш почтенный начальник подъехал и поздравил их с победою, молодцы наши грянули восторженно: “Рады стараться, ваше превосходительство. Слава богу!” Увлеченные общей радостью, и мы закричали вместе с ними: “Слава богу!” ...Нельзя описать подобное зрелище, и впечатление от него и поныне живет в моем воспоминании. Каким восторгом опынены наши солдаты! Какая награда за те два года трудов! Какой жар, какое доверие внушается армии подобным результатом!»³ Все много-

---

¹ О ходе переговорах о капитуляции см.: Капитуляция Парижа 1814 г. (Из записок М. Ф. Орлова) // Военный сборник. 1864. № 6. С. 287–309; Капитуляция Парижа в 1814 году. Рассказ М. Ф. Орлова // Русская старина. 1877. № 12. С. 633–662.

² Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. С. 211.

³ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 309.

численные воспоминания офицеров (тогда еще, как правило, молодых людей) передают ликование и торжество победы! Подписавший капитуляцию с русской стороны флигель-адъютант полковник М. Ф. Орлов был произведен в генерал-майоры, а когда он вручал этот документ своему императору, тот сказал: «Поздравляю вас, что вы соединили имя ваше с этим великим происшествием»¹. За взятие Парижа осуществлявший общее руководство войсками М. Б. Барклай де Толли получил под стенами Парижа от Александра I чин генерал-фельдмаршала². Такой же чин он хотел дать и А. А. Аракчееву, через которого происходило все бюрократическое управление войсками, но тот отказался, понимая, что, не имея боевого опыта, негоже принимать такое звание³.

19 (31) марта 1814 г. около 9 часов утра колонны союзных армий с барабанным боем, музыкой и распущенными знаменами стали входить через ворота Сент-Мартен в город. Безусловно, это был спектакль для публики. И такой искусный актер, как Александр I, не мог пропустить его, чтобы не сыграть главную роль. Одним из первых двинулся л.-гв. Казачий полк, выполнявший тогда роль личного конвоя царя. Именно за ним в 11 часов утра во главе огромной блестящей свиты (свыше тысячи генералов и офицеров разных наций) в Париж въехал на белом коне российский император Александр I, прусский король и Шварценберг. Потом последовали все остальные части, предназначенные для занятия города. Находившийся в царской свите в этот день атаман М. И. Платов в письме к российской императрице Елизавете Алексеевне по горячим следам сразу после окончания военных действий писал о входе союзных войск в Париж: «Торжества сего я не в состоянии описать; но верноподданейше доношу только, что в прошедших веках не бывало такого и едва ли будет в будущих. С обеих сторон было неизобразимое радостное вос-

---

¹ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. С. 609.

² ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 245. По словам адъютанта генерала К. Ф. Толля поручика С. Г. Хомутова сразу после капитуляции Парижа Александр I, встретив едущего Барклая де Толли, издали закричал: «Михаил Богданович, поздравляю вас фельдмаршалом!» (Из дневника свитского офицера // Русский архив. 1870. Стлб. 163).

³ Вот, что сам Аракчеев написал в автобиографических заметках про этот случай: «Марта 31-го дня 1814 г. в Париже, Государь Император Александр 1-й изволил произвестъ графа Аракчеева в фельдмаршалы, вместе с графом Барклаем, о чем и приказ собственноручно был написан, но гр. Аракчеев онаго не принял и упросил Государя отменить» (Автобиографические заметки графа Аракчеева // Русский архив. 1866. Кн. 6. Стлб. 926).

хищение, сопровождавшееся восклицанием многочисленного народа жителей Парижа: Да здравствует Александр! устроивший благоденствие и мир целой Европы»¹. Большинство свидетелей этого события подтверждало восторженный прием толпой роялистов именно российского императора. Для примера приведем выдержку из рассказа Ж. Стенже: «Самые бурные проявления чувств достались на долю императора Александра. Он улыбался толпе, выглядывавшим из окон молодым женщинам, махал им рукою... Прочие участники кортежа казались равнодушными к этому взрыву безумия, оставляя всю славу царю, ведь он вел самые многочисленные армии и более всех пострадал от наполеоновских войн... Мы увидели, как молодая и красивая графиня де Перигор с белым флагом в руке села на лошадь к какому-то казаку и последовала вместе с колонной»².

Казачьи же полки разбили биваки прямо в городском саду на Елисейских полях, а своих коней купали в Сене, привлекая к себе любопытные взоры парижан. На Вандомской площади роялисты свергли с Вандомского памятника статую Наполеона и даже хотели в порыве своего монархического рвения разрушить сам памятник, чему воспрепятствовал император Александр I, приказавший поставить там русский пост. Если отбросить в сторону пристрастное мнение русских мемуаристов, видевших в тот день происходящее в розовом цвете, восторженный прием победителям оказали лишь роялистски настроенные богатые кварталы. Пригороды встречали союзные войска хотя и с любопытством, но настороженно. А. И. Михайловский-Данилевский, совершивший прогулку по городу, подтверждал разномыслие парижан в этот момент: «19 марта дошел неприметно до Пале-Рояля, где увидел несколько тысяч народа, рассеянного в саду и галереях... Народ толпился в разных местах около ораторов, из коих одни говорили о прежней славе французского оружия, другие превозносили Бурбонов, третьи хвалили дарования Наполеона...»³

---

¹ Российский архив. Т. 7. М., 1996. С. 188.

² *Stenger G. Le retour des Bourbons: 1814–1815. Paris, 1908. P. 128–129.*

³ *Михайловский-Данилевский А. И. Вход российской армии в Париж марта 19-го 1814 года // Сын Отечества. 1816. № 48. С. 89. Это подтверждал и А. И. Антоновский: «У французов еще волновались умы, они делились на три партии: роялистов, наполеонистов и жакобистов (республиканцев). Следовательно, партия наполеонистов питала еще злобу к русским и не упускала случая делать разные оскорбления» (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 308. Л. 225).*

Отречение Наполеона

Борьба с Наполеоном, несмотря на вход союзников в Париж, еще казалась далеко не законченной. Пока французский император не был окончательно побежден, многие еще находились под магией его полководческой гениальности. От него можно было ожидать любых сюрпризов. Наполеон отдавал себе отчет, что, начиная свой маневр на Марну, он подвергает французскую столицу огромному риску. 14 (26) марта, на следующий день после того, как две союзные армии направились на Париж, войска Наполеона под Сен-Дизье имели дело с отрядом генерала Ф. Ф. Винцингероде (10 тыс. чел.). Отряд состоял в основном из конницы, и в его задачу входило имитировать наступление целой армии, что, впрочем, долго нельзя было скрыть. Под напором французских войск отряд Винцингероде понес урон более 1 тыс. чел., должен был отступить к Витри и Бар-ле-Дюк. Но лишь 15 (27) марта Наполеон после опроса пленных получил сведения о движении союзников на Париж, а также понял, что перед ним находился лишь слабый кавалерийский отряд. Он был крайне удивлен таким поворотом событий и даже якобы воскликнул: «Это прекрасный шахматный ход! Я никогда бы не поверил, что генерал коалиции способен сделать такое!»¹ Вмешательство Александра I позволило сделать нетривиальный ход, который в целом кардинально изменил ситуацию.

И на следующий день войска Наполеона быстро направились к Парижу через Дульван, Бар-сюр-Об, Труа и Фонтенбло. Это был не прямой путь, а Шварценберг с Блюхером опережали его армию на три дня, но французский полководец попытался наверстать упущенное время. По дороге, идя форсированным маршем впереди с гвардией, французский император постоянно получал донесения из Парижа от высших сановников о приближении союзников. Утром 18 (30) марта Наполеон из Труа в сопровождении лишь нескольких лиц и конвоя из четырех эскадронов гвардейской кавалерии спешно выехал в Париж, чтобы личным присутствием поправить дела. Но он уже не успевал. При подъезде к городу он встретил генерала О. Д. Бельяра, который рассказал ему о положении дел и подписанной капитуляции. Ранним утром не спавший ни минуты Наполеон отправился в Фонтенбло, куда должны были прибыть его измученные гонкой к Парижу маршировавшие части.

Дальнейшие события во многом зависели от того, что произойдет в Париже. Уже вечером 19 (31) марта Александр I в Бонди очень ми-

---

¹ Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état. T. 1. Paris, 1880. P. 193.

лостиво принял делегацию муниципального совета и обещал взять город под свое покровительство, гарантировал безопасность, полную сохранность имущества и неприкосновенность личности. Страхи буржуазии были рассеяны. Роялисты приготовили восторженную встречу, а затем провели несколько манифестаций. В это время голову поднял лукавый оборотень — полуопальный Ш. М. Талейран, очень гибкий и изощренный политик, хорошо известный своей абсолютной беспринципностью и прагматизмом. Именно вокруг него сплотилась влиятельная оппозиция наполеоновскому режиму, терпеливо ждавшая, когда наступит ее час. Будущее Франции тогда очень сильно зависело от позиции российского императора. Александр I хотел поселиться в Елисейском дворце, но какой-то аноним сообщил, что существует угроза взрыва этого здания (якобы оно было заминировано). Талейран тут же предложил ему второй этаж своего особняка на улице Сен-Флорантен, где русский царь затем провел двенадцать дней. Престиж Талейрана сразу резко возрос в парижских кругах знати. Но 19 (31) марта именно здесь после въезда в Париж Александр I во второй половине дня провел совещание первых лиц, где в принципе решился вопрос, кому править во Франции, поскольку готового вердикта, кому отдать власть, у союзников не имелось. Там присутствовали российский император, прусский король, австрийцы К. Шварценберг и князь А. Г. Лихтенштейн, русский генерал К. О. Поццо ди Борго, К. В. Нессельроде, Ш. М. Талейран и близкий к нему Э. И. Дальберг. Позиции представителей разных стран на обсуждаемый вопрос были на самом деле самые различные. Вступая в Париж, союзники не имели четко выработанного мнения и консолидированной позиции относительно будущего режима во Франции — в их рядах по данному вопросу не было единства. Австрийцы были склонны поддерживать регентство Марии-Луизы. Ярыми сторонниками реставрации Бурбонов выступали только англичане. Хотя Людовик XVIII лишь позже прибыл в обозе союзных армий, Александр I, к примеру, не особенно привечал «неисправимых» Бурбонов, и его отношения с будущим французским королем всегда были более чем прохладными. Историк С. М. Соловьев привел выдержки из писем Людовика XVIII к Александру I всякий раз, когда русские вступали в противоборство с Наполеоном (в 1805–1814 гг.), где тот предлагал самые различные услуги против «тирана» — свое личное присутствие в войсках, нереальные планы десантов на французское побережье, просьба принять племянников волонтерами в русскую армию, наконец, дать гарантии французским генералам и маршалам на восстановление Бурбонов, чтобы они подняли мятеж против Наполеона. Весьма любопытны также вежливые ответы (отказы в королевской помощи) российского императора под

самыми благовидными предложениями, в которых он, кстати, именовал его графом (Monsieur le Comte), хотя тот в эмиграции уже носил титул короля¹. Из этих ответов хорошо видно, что воспитанник Лагарпа не только не разделял взгляды Бурбонов, но и считал, что такая поощрь только повредит делу союзников.

Справедливости ради укажем, что Александр I не мешал Бурбонам, но и не помогал им, считая, что им будет «тяжело носить такую ношу». Хорошо всем известно, что он сначала предлагал кандидатуру бывшего французского маршала Бернадотта (шведского принца Карла-Юхана) на французский трон и даже подумывал о Э. Богарне². Позже, уже находясь в Париже, отказался выдать свою младшую сестру Анну за герцога Беррийского³. Большинство европейских монархов, конечно, высказывались за Бурбонов, но обсуждались самые разные варианты — вплоть до республики, лишь бы без Наполеона. Так, в беседе с представителем роялистов бароном Э. Ф. А. Витролем еще накануне вступления в Париж к его удивлению русский монарх («le roi des rois unis» — король союзных королей) даже якобы заявил, что для Бурбонов «бремя короны слишком тяжело», а вот «хорошо организованная республика лучше всего подходит духу французского народа», поскольку «столь долгое время в стране прорастали идеи свободы»⁴.

Что же касается старой идеи реставрации на французском троне Бурбонов, то это была в какой-то степени даже не инициатива союзников. Как раз на этом совещании мастер смены политического платья Талейран продемонстрировал все свое дипломатическое мастерство, чтобы уверить других в том, что простой народ предпочитал монархию, поэтому существовала необходимость восстановления старой королевской династии на престоле как единственной легитимной перспективы. В какой степени Талейрану удалось убедить русского царя в правильности своего мнения, сказать трудно, но именно в тот день Александр I подписал от имени союзников декларацию, в которой подчеркивалось, что союзные монархи не станут вести переговоров с Наполеоном или с членами его семьи. Предлагалось также, чтобы Сенат избрал Временное правительство Франции и выработал новую конституцию под гарантии союзных монархов, а они готовы признать любое новое общественное устрой-

---

¹ См.: Соловьев С. Указ. соч. С. 262–265.

² Киселева Е. В. Александр I и реставрация Бурбонов во Франции // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995. С. 65.

³ Грюнвальд К. Указ соч. С. 94–95.

⁴ Mémoires et relations politiques du baron de Vitrolles. T. I. Paris, 1884. P. 119.

ство, которое предпочтет французский народ¹. Гарантировалось также сохранение целостности Франции, в том виде, в каком она существовала при законных королях. Избрать же форму правления Александр I хотел предоставить голосу нации².

Голос французской нации тогда выражала буржуазия. О том, что во Франции (особенно среди нотаблей) давно зрело недовольство императором, очень хорошо написал авторитетный французский наполеоновед Ж. Тюлар: «Начиная с 1808 года буржуазия мечтала отделиться от своего “спасителя”, который перестал ее устраивать, однако не решалась на изменения, способные ущемить ее интересы. Неблагодарность умерялась трусостью. Поражения наполеоновской армии стали наконец для буржуазии тем предлогом, которого она ждала долгих шесть лет. Нотабли были не в состоянии собственными силами свергнуть императора, они нуждались в помощи извне»³. Гибель французской империи была обусловлена многими факторами, но в немалой степени политикой самого Наполеона. Окончательное падение построенного им имперского здания произошло не только вследствие военных успехов союзников. Очень важ-

---

¹ Фактически декларация предreshала падение наполеоновского режима. А. И. Михайловский-Данилевский, описывая пребывание во французской столице, вспоминал: «Несколько прокламаций, объявленных в сие время, были все от имени Государя... Первая и важнейшая прокламация к французам... обнародована в самый день нашего вступления в 3 часа пополудни. В оной император объявляет, что он и союзники не вступят в переговоры ни с Наполеоном, ни с кем другим из фамилии его; что земли, принадлежавшие Франции при прежних королях, будут неприкосновенны; и приглашает народ французский избрать временное правительство для составления конституции» (*Михайловский-Данилевский А. И. О пребывании русских в Париже в 1814 году // Русский вестник. 1819. С. 6.*)

² Великий князь Николай Михайлович считал, что Александр I не поддавался интригам и желал «предоставить выбор главы правительства самим французам» (*Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. С. 125*). Даже декабрист И. Д. Якушкин оставил об этом свидетельство в своих мемуарах: «Тут союзники, как алчные волки, были готовы броситься на павшую Францию. Император Александр спас ее; предоставил даже ей избрать род правления, какой она найдет для себя удобный, с одним только условием, что Наполеон и никто из его семейства не будет царствовать во Франции. Когда уверили императора Александра, что французы желают иметь Бурбонов, он поставил в непрременную обязанность Людовику XVIII даровать права своему народу, обеспечивающие до некоторой степени его независимость. Хартия Людовика XVIII дала возможность французам продолжать начатое ими дело в 89-м году» (*Якушкин И. Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 78*).

³ Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». С. 335.

ный вывод в свое время сделал Ч. Д. Исдейл. По его мнению, «империя разрушалась изнутри в той же мере, в какой она терпела поражение извне»¹.

Первыми, еще за 11 дней до взятия союзниками Парижа, провозгласили королем Людовика XVIII власти г. Бордо. На окончательное решение повлияли даже не наспех организованные демонстрации роялистов, или мастерство закулисных интриг аморального и хитроумного ренегата Талейрана, а мнение представителей французской буржуазии, выраженное генеральным советом Департамента Сены (т. е. Парижа). Этот государственный орган первым заявил о неподчинении власти Наполеона и выступил за восстановление старой королевской династии. Затем по манипуляциям Талейрана 20 марта (1 апреля) созвали заседание Сената, который проголосовал за создание Временного правительства (пять членов во главе с Талейраном) и на следующий день провозгласил смещение с трона Наполеона и членов его семьи. По словам Т. Ленца: «Палаты поймали его на слове в 1814 году, когда проголосовали за отрешение его от власти за то, что он “разорвал пакт, который связывал его с французским народом”»². Но это были юридические тонкости, большинству малопонятные (речь шла о пакте между Наполеоном и французским народом в вопросе о передаче власти), которые умело использовала роялистская оппозиция. Тут важно подчеркнуть, что, таким образом, даже не аристократы, а нотабли отправили императора в отставку, он был им уже не нужен и мешал. Династия Бурбонов была восстановлена на троне благодаря усилиям этих двух государственных органов Франции. Временное правительство с первых же дней существования поставило перед собой цель — лишение Наполеона власти и восстановление на троне Бурбонов. В целом для французской нации в этом вопросе были характерны полное равнодушие, усталость от войн и крайняя апатия.

Для союзников же в тот момент стояла главная задача — убрать с политической сцены Наполеона. В Париже для достижения этой це-

---

¹ *Исдейл Ч. Д.* Указ. соч. С. 370.

² *Ленц Т.* Наполеон. М., 2008. С. 118. Затем автор конкретизировал обвинения: «Сенат, а затем законодательный корпус проголосовали за его отрешение, объяснив, что “при конституционной монархии монарх существует лишь в силу конституции или социального пакта; что Наполеон Бонапарт... разорвал пакт, связывающий его с французским народом... предпринял серию войн, нарушив конституцию... согласно которой решение об объявлении войны не может приниматься одним правителем”». Также им были перечислены и другие преступления, инкриминируемые Наполеону (Там же. С. 132–133).

ли им проще было опираться на определенные общественные силы («почетнейших людей Франции»), т. е. на монархически настроенный слой старой аристократии и новой бюрократии. Александр I в Париже легко дал себя убедить Талейрану, что Франция жаждет Бурбонов, не имевших социальной опоры в стране. Это было на руку старой лисице Талейрану, а буржуазия согласилась терпеть уже хорошо забытую династию. Союзникам было не с руки провозглашать низвержение Наполеона или призывать на трон Бурбонов, хотя это был вопрос уже почти решенный. Сделали это природные французы.

Но сам Наполеон считал, что еще далеко не все потеряно. У него у Фонтенбло оказалось собрано примерно 35 тыс. солдат и были разосланы приказы о сборе оставшихся во Франции верных ему войск. Скорее всего, через некоторое время он мог рассчитывать примерно на 60 тыс. чел. Но у союзников под Парижем было раза в два больше войск. Кроме того, даже эти 60 тыс. Наполеону нужно было снабдить продовольствием, боеприпасами, наконец, деньгами! Как это сделать, когда административный и финансовый центр страны уже находился в руках противника, когда элита ему уже изменила и фактически перешла на сторону врага? Слишком многим, даже из ближайшего окружения французского императора, стало очевидно, что Наполеон находился у власти последние дни и наступила агония его режима.

Несмотря на громадное численное преимущество, союзники не торопились проливать кровь солдат, считая, что окончательное падение Наполеона вопрос дней. Коленкур, пытавшийся спасти своего хозяина, за этот период дважды встречался с Александром I, который отказывался вести переговоры с Наполеоном, но намекнул, что если он отречется, то можно поговорить о регентстве его сына. Решающее слово в сложном политическом пасьянсе должна была сказать французская армия. Еще 21 марта (2 апреля) Талейран в обращении к армии освободил всех солдат от присяги Наполеону, человеку, который, по его выражению, «не являлся даже французом». Если простые солдаты и офицеры оставались под влиянием своего «маленького капрала» и их можно было повести на Париж, то совсем по-другому уже мыслили маршалы. 23 марта (4 апреля) после смотра войск Наполеон собрал маршалов в своем дворце в Фонтенбло, чтобы изложить план движения на Париж. Но маршалы уже не поддерживали его надежды на успешное продолжение борьбы. Ней первый заявил, что армия не сдвинется с места, а на заявление, что она повинуется императору, парировал, что армия подчинится своим генералам¹. Собравшиеся

---

¹ Perrin E. Maréchal Ney. Paris, 1993. P. 244.

маршалы Ней, Удино, Макдональд, Лефевр, ближайшие военные сподвижники Наполеона, как и многие уставшие от войны, уже не видели смысла в дальнейшем пролитии крови. Фактически это был круг лиц, на которых он опирался в армии, его же ближайшие соратники подрезали ему крылья. Наполеон после этого драматического диалога подписал отречение в пользу своего сына.

Правда, самого факта было мало, нужно, чтобы отречение в пользу сына приняли союзники. Коленкур, Ней, Макдональд и Мармон отправились к Александру I. Мармона Наполеон специально включил в эту делегацию, так как надеялся на него. Никто тогда еще не знал, что Мармон (его войска стояли против Парижа) еще 22 марта (3 апреля) при посредничестве своего бывшего адъютанта Ш. Монтесси (находился в рядах Богемской армии) благожелательно встретил предложение о том, чтобы покинуть армию Наполеона, вступил в переговоры со Шварценбергом и уже 23 марта (4 апреля) подписал соглашение о переходе своего корпуса под Версаль. Об этом Мармон, правда, сообщил своим коллегам по прибытии в Париж, сказав, однако, что договор еще не подписан и не вступил в силу. Александр I выслушал делегацию и обещал дать ответ на следующий день, поскольку должен был узнать мнение других союзников. В это время войска Мармона, в его отсутствие под командой генералов, испугавшихся вызова Наполеона в Фонтенбло, перешли под Версаль в стан союзников¹. События играли на руку Бурбонам. Это предательство Мармона (как полагают многие французские авторы) поставило крест на достижении возможной договоренности с царем о регентстве Марии-Луизы. У переговорщиков был выбит важный козырь — их утверждение, что армия всецело поддерживала Н. Бонапарта. После этого события у них уже не имелось веских аргументов в пользу прав короля Римского и Марии-Луизы. Поэтому Александр I объявил уполномоченным Наполеона, что данные обстоятельства заставили его отказаться от плана регентства, трон будет отдан Бурбонам, а Наполеон должен подписать безусловное отречение. Фактически у французского императора уже не оставалось выбора, и 26 марта (7 апреля) он написал своим торопливым и неразборчивым почерком текст своего отречения: «Ввиду того, что европейские державы заявили, что император Наполеон является единственным препятствием на пути установления мира в Европе, император Наполеон, храня верность своим клятвам, заявляет, что отрекается лично и от имени своих детей от тронов Франции и Италии, ибо нет такой жертвы, даже если речь идет о его жизни, ко-

---

¹ Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. С. 141–148.

торую он не принес бы в интересах Франции»¹. В тот же день Сенат провозгласил королем Людовика XVIII.

Сразу же курсы акций Французского банка с пятисот франков поднялись свыше девятисот франков. Это был небывалый подъем на бирже, в то же время яркое свидетельство интересов деловых кругов страны. Французская буржуазия проголосовала за отречение Наполеона. В итоге даже во Франции в 1814 г. от французского императора отвернулись все, последними оказались его маршалы. В конце концов оказался прав ветеран и идеолог коалиций Ж. де Местр, который еще в начале 1812 г., оценивая возможности победы сил Старого режима, писал: «Все будет бесполезно, пока не зародится во Франции дух отвержения Наполеона, а вне ее — желание низвергнуть его»².

Александр I еще во время предварительных переговоров с Коленкуром дал слово предоставить в пожизненное владение Наполеона о. Эльбу и сохранить за ним титул императора. Правда, каждый из союзников имел свою точку зрения на его дальнейшую судьбу. Австрийцы и англичане, например, были явно недовольны предоставлением о. Эльбы, так как остров находился вблизи Франции (как показали дальнейшие события, они оказались правы), но российский император заявил, что не может взять назад своего обещания, поэтому союзники вынуждены были согласиться под его давлением. Проблема возникла даже с титулом, так как Англия, например, в отличие от других держав никогда не признавала Наполеона императором. Ежегодную ренту в 2 млн франков, обещанную от французского правительства, изгнанник так и не получил, что впоследствии привело к неприятному результату.

31 марта (12 апреля) покинутый почти всеми соратниками Наполеон попытался отравиться, приняв яд, который всегда имел при себе после событий под Малоярославцем. Причем неизвестно, какой яд он принимал: многие пишут про цианистый калий, другие называют различные смеси из опиума, белладонны и чемерицы, некоторые авторы вообще сомневаются, а был ли на самом деле факт попытки самоубийства. Но то ли яд со временем выдохся, то ли организм оказался очень сильным, но после ночи мучений французский император уже не предпринимал более попыток покончить с собой. 8 (20) апреля после знаменитого прощания с гвардией в Фонтенбло Наполеон в сопровождении союзных комиссаров отправился править своим миниатюрным государством на о. Эльбу. Императрице

---

¹ Цит. по кн.: *Кастело А.* Наполеон. С. 443.

² *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 195.

Марии-Луизе, которая уже так и не встретилась со своим мужем, отдавались во владение герцогства Парма, Пьянченца и Гвастало, их после ее смерти должен был унаследовать сын Наполеона — герцог Рейхштадтский.

Странствовавшие двадцать три года в изгнании Бурбоны вернулись во Францию. Но то, что выбор Бурбонов, как политической силы, долгое время оторванной от Франции и не знавшей сложившихся французских реалий, был неудачен, это очевидно. Бурбоны прибыли победителями во Францию, потерпевшую поражение. Вместе с ними вернулось около 30 тыс. бездомных эмигрантов, которые все потеряли и хотели вернуть беззаботную дореволюционную жизнь. Спесивые дворяне-эмигранты «ничего не забыли и ничему не научились», только жаждали мести. Это был вопрос времени, когда произойдет конфликт Бурбонов с послереволюционной Францией, построенной Наполеоном. Надо сказать, что Александр I это отлично понимал, как раз при личном общении имел возможность убедиться, что Бурбоны «неисправившиеся и неисправимые, полны предрассудков Старого режима». Да и у него не только не сложились отношения с Людовиком XVIII, но и обострились. Новоиспеченный король, обязанный русскому монарху водворением на утраченный престол, имел слишком завышенное представление о значимости французского королевского дома, считал себя чуть ли не первым государем в Европе и проявлял «неуместное величие» при общении с русским монархом. Кроме того, он завидовал популярности Александра I в Париже, с неодобрением относился к его контактам с императрицей Жозефиной, сближению с ее дочерью Гортензией, посещению либерального салона известной писательницы мадам де Сталь. Поскольку король постоянно затягивал вопрос о конституции, которую он обещал принять, то Александр I вынужден был заявить, что союзные войска покинут Францию не прежде, чем будут выполнены обязательства, данные Бурбонами французскому народу. Поэтому Людовику XVIII скрепя сердцем все же пришлось 4 июня 1814 г. даровать конституцию, известную под названием конституционная хартия. Как многие отмечали, заставить это сделать короля было намного труднее, чем России подписать мирный трактат с Францией.

Французское правительство заключило со странами-участницами 6-й антифранцузской коалиции 18 (30) мая Парижский мирный договор. Собственно, условия мира были оформлены серией отдельных договоров с представителями Австрии, Великобритании, Пруссии, и России с одной стороны и Франции с другой. Впоследствии к договору присоединились Швеция, Испания и Португалия. Парижский

мирный договор основывался на статьях Шомонского трактата, где не затрагивались спорные вопросы. Но в ходе переговоров, предшествовавших заключению мира, между странами-союзницами возникли разногласия. Англичане, австрийцы и особенно пруссаки добивались максимального ослабления Франции и превращения ее во второстепенную державу. Александр I, напротив, стремился сохранить ее в качестве противовеса усиливавшемуся влиянию Австрии, Великобритании и Пруссии в Европе. В результате Талейран при поддержке Александра I сумел значительно смягчить первоначальные условия мира.

Новая граница Франции в целом совпадала с ее границами, существовавшими на 1 января 1792 г. Восстанавливалась независимость Швейцарии, Голландии (к ней присоединялась Бельгия), а также большинства немецких и итальянских государств, аннексированных Францией в результате войн конца 1790–1810-х гг. Франции возвращались почти все отторгнутые у нее после 1792 г. колонии (за исключением островов Тобаго, Мальта, Маврикия и Капской колонии, которые оставались за Великобританией). В секретных статьях было зафиксировано согласие на передачу окончательного решения вопросов послевоенного устройства Европы международному конгрессу. Ломбардия и Венеция отходили к Австрии, Генуя — к Сардинскому королевству.

Российская императорская армия в кампании 1814 г.

Первая империя пала, и в этом была огромная заслуга российской армии. К 1814 г. русские уже обладали колоссальным опытом боевых действий, во многом благодаря своим учителям — французам. Не случайно Александр I, проходя мимо Аустерлицких ворот в Доме Инвалидов в Париже, заметил генералу князю А. Г. Щербатову: «Без этого и мы не были бы теперь здесь»¹. Генерал К. Ф. Толь, по словам А. И. Михайловского-Данилевского, проезжая поле Аустерлицкого сражения, вспоминал о том, «как тогда весьма немногие из наших генералов имели понятия о военном деле, а теперь... мы служим примером всей Европе, и перемена сия совершилась менее, нежели в десять лет»². Сравнивая русских с пруссаками и австрийцами, необходимо признать, что это были лучшие и самые боеспособные войска коалиции. При этом стоит отметить ряд поразительных моментов, может быть, раньше слабо проявлявшихся в русских войсках. Даже не резко возросшую тактическую подготовку войск, а организацию

---

¹ Щербатов А. Г. Указ. соч. С. 104.

² Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. С. 187.

тыловой службы и поступление резервов. Ведь базы снабжения стояли в России на значительном расстоянии (и даже не в Пруссии и не в Австрии), а резервы готовились в Польше и бесперебойно поступали в армию. Не случайно именно после окончания военных действий Александр I щедро наградил генералов, готовивших пополнения, — главнокомандующего Резервной армией Д. И. Лобанова-Ростовского орденом Св. Андрея Первозванного, а командовавшего кавалерийскими резервами А. С. Кологривова орденом Св. Владимира 1-й степени. Тыловые службы смогли удовлетворительно поставлять в армию все необходимое в кампании 1813 и 1814 гг., частично делая закупки за границей и постоянно испытывая трудности с денежными средствами при пустой государственной казне. Необходимо отметить и хорошую подготовку рекрутов в тылу офицерским и унтер-офицерским составом в этот период¹.

Что касается самого хода кампании, поражений и побед русской армии, то необходимо признать, что 1814 г. — вершина военного искусства или величайшее достижение Наполеоном полководческого мастерства. Изучая этот период и поражаясь неожиданным ходам французского полководца, трудно спорить с подобным утверждением, хотя многие его действия можно назвать и предсмертной агонией Первой империи. Наполеон мог выигрывать отдельные сражения, но он уже был побежден как политический и государственный деятель, не учитывавший реальную атмосферу своей страны и дух, и ход эпохи.

Не так однозначна научная литература по поводу роли российской армии в заграничных походах. Дело в том, что можно буквально по пальцам пересчитать изданные в России работы, посвященные проблемам участия русских войск в 1813–1814 гг. Совсем недавно акцент на такое состояние историографии сделал английский историк Д. Ливен, который не считает удивительным, что «огромный вклад России в уничтожение империи Наполеона был преуменьшен британскими, французскими и немецкими историками. Более интересен вопрос — почему российские историки также внесли свой вклад в умаление значимости усилий своей собственной страны». Он полагает, что это произошло из-за одержимости наших исследователей военными операциями 1812 г., как до революции 1917 г., так и в советский период. «Обратной стороной этой увлеченности стало то, что российские историки в значительной степени игнорировали со-

---

¹ Парадоксально, но на вопросы тылового снабжения и подготовки резервов в 1812–1814 гг. обратил большое внимание, в отличие от российских авторов, Д. Ливен: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814.

бытия 1813–1814 гг. ...Все это, безусловно, позволяло британским, французским и немецким историкам свободно интерпретировать свержение Наполеона в манере, наиболее подходящей для поддержания собственных национальных мифов и историографических традиций». По его мнению, в нашей военно-исторической науке «контраст между огромным объемом знаний, имеющимся о 1812 г., и очень ограниченным вниманием, уделяющимся периоду 1813–1814 гг. остается колоссальным и разительным»¹. Трудно не согласиться с этим мнением. Так же, как с тем, что национальные исторические школы разных стран писали историю «со своей колокольни», преуспели в этом и радикально принизили вклад России в союзную победу. В допущенных досадных упущениях есть вина и российской военно-исторической науки.

Сразу после подписания Парижского договора русская армия оставила территорию Франции. Гвардейская пехота была посажена на русские корабли в Шербуре и отправлена морем в С.-Петербург, остальные войска пешим порядком через Германию ушли в Россию и герцогство Варшавское.

§ 3. Венский конгресс и вторая кампания во Франции 1815 г.

Танцующий конгресс

После 1812 г. для окончательной победы над Наполеоном понадобились полуторагодовалые усилия всей Европы. Но значительные трудности возникли и с разделом наполеоновского имущества между державами-победительницами. Шомонский трактат, заключенный в марте 1814 г., наметил лишь контуры послевоенного устройства, а Парижский договор обозначил границы Франции. Союзники фактически смогли достичь соглашения лишь по вопросам, которые не вызвали у них серьезных возражений. Все остальные спорные проблемы (особенно территориальные) были отложены до окончания военных действий и конечной победы над Наполеоном. У четырех основных государств, определявших будущее Европы, имелись свои собственные интересы. Именно между ними разгорелась борьба на собравшемся в Вене конгрессе для окончательного урегулирования проблем европейского устройства. Первоначально планировалось, что конгресс уложится в шесть недель, но он затянулся на три чет-

---

¹ *Ливен Д.* Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VI. М., 2007. С. 305–306, 318.

верти года, он проходил с сентября 1814 г. и закончил свою работу в июне 1815 г.

В австрийскую столицу съехался весь цвет монархической Европы: два императора, четыре короля, два наследных принца и 215 глав княжеских европейских домов. Этот конгресс назвали «танцующим», так как казалось, что коронованная знать и государственные представители больше танцевали на многочисленных балах и праздниках, чем находились за столом переговоров. Каждый день этих танцев обходился австрийской казне в 220 тыс. флоринов. Очень быстро родился знаменитый каламбур, автором которого был князь К. Ж. де Линь: «Конгресс танцует, но не продвигается вперед». Одно дело — декларировать тезис о политике равновесия сил, а совсем другое — закрепление его практического применения, особенно при «справедливой» процедуре раздела территорий. Спорных проблем возникло много, а передел европейских владений неизбежно накалял обстановку. Но камнем преткновения между великими державами стал вопрос о судьбе герцогства Варшавского, которое было оккупировано русскими войсками. На эти земли претендовал Александр I, полагая, что это будет справедливое решение, учитывая вклад его державы в достижение победы над общим противником. Его мнение имело тогда опору в русском дворянском обществе, полагавшем, что это станет хорошей компенсацией за возмещение потерь, понесенных страной в наполеоновских войнах.

Конечно, не стоит сбрасывать со счетов честолюбивые замыслы русского монарха об освобождении Польши, трансформировавшиеся затем в амбициозные планы стать самому польским королем. Понимая трудность задачи ввиду сопротивления в первую очередь Австрии, не желавшей усиления России в стратегически важном районе Европы, Александр I заручился поддержкой своего друга — прусского короля. Взамен Пруссии была обещана русская помощь в вопросе о присоединении Саксонии. Польский и саксонский вопросы оказались взаимосвязанными и затем разделили великие державы на два лагеря. Трудно было побороть зависть к возросшему могуществу России и Пруссии, войска которых сыграли главную роль в 1813–1814 гг. Мало того, что к Австрии присоединилась Англия, свою лепту решила внести и Франция, которую на конгрессе представлял Ш. М. Талейран.

Венский этап — вершина дипломатического искусства Талейрана. Этот политик сыграл очень запоминающуюся роль во время конгресса и заставил других считаться с побежденной Францией. Фактически «большая четверка» на конгрессе превратилась в «большую пятерку». Он виртуозно сыграл на соперничестве между ведущими евро-

пейскими государствами, а его тактика принесла свои плоды: слабости тогдашней Франции превратились в ее сильные стороны. Сначала он добился для Франции равноправного положения на переговорах, потом, учитывая раскол между союзниками на два лагеря, кулуарно договорился о секретном военно-политическом союзе Австрии, Великобритании и Франции, направленном против России и Пруссии. Договор этот был подписан за спиной России 22 декабря 1814 г. (3 января 1815 г.), а затем к нему присоединились Голландия, Бавария, Ганновер и Гессен-Дармштадт. Бывшие союзники уже оказались на волосок от войны друг с другом. Державы начали грозить войной друг другу. В воздухе запахло порохом. Уже стали составляться планы военных действий, среди участников конгресса поползли слухи о возможной войне. В обстановке взаимных прений никто не хотел отступать и с великим трудом шли на компромисс. В литературе даже утверждалось, что из-за интриг вокруг польского вопроса Александр I чуть ли не вызвал на дуэль австрийского канцлера К. Меттерниха и тот вынужден был оправдываться перед российским императором¹.

До войны, скорее всего, дело бы не дошло, поскольку стороны пошли на взаимные уступки друг другу и уже стали договариваться. Но крайне опасную ситуацию в отношениях союзников кардинально изменили внезапная высадка Наполеона 17 февраля (1 марта) 1815 г. на южном побережье Франции в бухте Жуан с небольшим отрядом из своей гвардии (1 тыс. чел.) и последовавшие его знаменитые «сто дней». Опальный император еще раз крайне поразил Европу, верный самому себе, он вновь оказался там, где его не ждали. События во Франции развивались очень быстро. Посланные французские войска без единого выстрела и без пролития единой капли крови переходили на сторону низвергнутого императора. Людовик XVIII со своими придворными вынужден был срочно бежать в бельгийский Гент под защиту английских штыков, а Наполеон 8 (20) марта после десятидневного отсутствия въехал в Париж. Так начался последний акт наполеоновских войн, именованный затем историками как «полет орла»². Действительно, его победоносный полет до Парижа уже никто остановить не смог.

---

¹ Чумиков А. А. Вызов на дуэль князя Меттерниха императором Александром I // Русская старина. 1887. № 6. С. 641. Меттерних в своих мемуарах также написал о намерении Александра I вызвать его на дуэль (*Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état*. Т. 1. Р. 326)

² Слова были взяты из обращения Наполеона к своим соратникам: «Солдаты! Орел с национальным знаменем полетит от одной колокольни к другой

Новое единение Европы против Наполеона в 1815 г.

Причин этого нового появления Наполеона на европейской арене можно назвать несколько. Бурбоны, считая, что они ответственны лишь перед Богом, как будто нарочно подчеркивая дворянский и клерикальный характер проводимой политики, за очень короткий период своей деятельностью смогли восстановить против себя основные слои населения. Особое недовольство проявило крестьянство (опасаясь, что эмигранты заберут доставшуюся после революции землю) и армия (вдвое уменьшили численный состав, уволили или перевели офицеров на половинное жалование, отдавали приоритет эмигрантам, назначая на командные должности). Большая часть ветеранов наполеоновских войн оказалась на пороге нищеты, причем в армии, до этого считавшейся гордостью нации, находилась большая часть бонапартистов, поэтому нечего было удивляться ее столь быстрому переходу на сторону беглого императора.

Да и его появление на французском берегу было во многом спровоцировано Бурбонами. Французская королевская казна отказалась выдавать бывшему императору положенное ему годовое содержание в 2 млн франков. Наполеон же оплачивал государственные расходы маленького острова в значительной степени из своего кармана. Долго это продолжаться не могло, имевшиеся деньги бы скоро закончились и к 1816 г. французский император остался бы полным банкротом. Венский кабинет сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать встрече и воссоединению Наполеона с Марией-Луизой и сыном. Кроме того, Людовик XVIII не оставлял попыток пересмотреть договоренности и упрятать бывшего императора подальше от Франции. А ведь Венский конгресс мог принять и такое решение, тем более что этот вопрос там поднимался. Существовала и прямая угроза убийства опального императора со стороны роялистов и французских властных структур. Подстегивали к действию Наполеона и поступавшие на остров сведения о недовольстве Бурбонами и настроениях, царивших во Франции. В целом правильно написал про мотивацию Наполеона в тот период английский историк Д. Чандлер: «Он считал, что еще может повернуть колесо Фортуны, пустившись в последнюю, решающую игру. Ему было мало что терять — а мог выиграть все»¹.

до башен Собора Богоматери в Париже!» (*Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 49).

¹ Чандлер Д. Указ. соч. С. 613.

Поэтому не стоит удивляться тому энтузиазму, с которым французские крестьяне и солдаты встретили своего бывшего императора. Собственно, власть ему обеспечили народный порыв и ненависть к Бурбонам. Правда, было бы неверно умолчать, что имелись районы с традиционно сильными роялистскими симпатиями, оказавшие большое сопротивление бонапартистам, например, Прованс, область долины р. Роны и Вандея. Также стоит отметить, что буржуазия без особого энтузиазма отнеслась к приходу Наполеона, предвидя неизбежную войну и боясь общественных катаклизмов, хотя была явно и не в восторге от Бурбонов. Об умонастроениях в Париже, уже занятом «человеком с острова Эльба», написала 13 (25) марта Александру I состоявшая в переписке с ним Гортензия Богарне: «Я уже давно предвидела, что так не могло долго продолжаться; Вы сами были того мнения, что Бурбоны понимают Францию совершенно превратно». Далее она попыталась оправдать Наполеона и выступить посланцем мира: «Народ всецело на стороне императора, но он хочет мира, и Наполеон, конечно, будет достаточно умен, чтобы руководствоваться в данном случае мнением огромного большинства». Ответ российского императора был очень жестким: «Ни мира, ни перемирия; с этим человеком не может быть примирения; вся Европа сливается в одном чувстве. Помимо этого человека, все что хотят, никому не отдается предпочтения; лишь только он будет устранен, о войне не будет речи»¹. Еще раньше Наполеон попытался сам установить контакт с российским монархом. После возвращения в Париж в его руки попал второпях забытый королевскими сановниками в Тюильри оригинал тройственного договора от 3 января 1815 г. Заверенную копию он немедленно послал через русского дипломата П. С. Бутягина Александру I. Но французскому императору не удалось рассорить Россию с бывшими членами коалиции и вырвать ее из рядов противников Наполеона.

Император, правда, уже слышал о существовании этого договора, но теперь получил реальное подтверждение двуличия своих союзников. Он пригласил Меттерниха и спросил, знаком ли ему этот документ? Может, впервые в жизни изворотливый дипломат не нашел объяснений, он не знал, что ответить и молчал. Тогда Александр I заявил ему: «Пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Нам предстоят теперь другие дела. Наполеон возвратился. Наш союз должен быть теперь крепче, неже-

---

¹ Александр I и королева Гортензия. Одиннадцать писем к императору Александру I // Русская старина. 1908. № 2. С. 313–316.

ли когда-либо»¹. После этого бросил бумагу в камин. Александр I оказался полностью солидарен и действовал в русле общего политического климата Европы. Талейрану российский император даже не стал упоминать о существовании договора. Правда, в разговоре с Нессельроде французский министр иностранных дел, в отличие от Меттерниха, оказался более находчивым: «Да, я знаю, о чем вы хотите сказать: об этом договоре; он был заключен без злого умысла. Что же касается меня, то я хотел только расстроить четверной союз!»². Приход к власти Наполеона резко изменил позицию Баварии и Нидерландов. Понимая значение России, их представители попытались объясниться и принести свои извинения.

Россия не стала выкручивать руки союзникам угрозой выхода из союзного поля и требовать новых уступок в территориальном дележе, хотя это был очень удобный момент. Как раз примиряющая позиция Александра I способствовала новому единению в борьбе с Наполеоном, тем более что большинство государственных лидеров в тот момент находилось в Вене и быстро могло выработать коллективное мнение. Уже 1 (13) марта представители восьми держав выпустили совместную декларацию, подтверждавшую решимость воевать с Наполеоном до победного конца. Он объявлялся «возмутителем всемирного спокойствия», человеком «вне закона», поставившим «себя вне гражданских и общественных отношений», и предавался «праведной мести обществ», а все европейские монархи заявляли о своей готовности оказать Франции, по ее просьбе, «необходимую помощь для восстановления общественного спокойствия». Это фактически был приговор трибунала европейских монархов. Тон декларации был очень жестким. Фактор «людоеда — похитителя французского престола» почти мгновенно прекратил межгосударственные споры и консолидировал участников конгресса. Никакие переговоры уже не имели шансов на успех, да и союзники, выступив единым фронтом (с ними нельзя было, как прежде, договариваться поодиночке), попросту отказывались их вести. Миротворительным заявлениям французского императора никто из политиков в Европе не хотел верить. Все очень хорошо помнили совсем недавнее прошлое и его прежние грехи, былые унижения и страх перед французскими штыками, поэтому желали поставить крест на Наполеоне.

Правда, не дожидаясь развязки событий, неаполитанский король И. Мюрат, поняв, что державы коалиции не сдержат обещания о его правлении на Юге Италии, поспешно, уже 6 (18) марта 1815 г., объя-

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VIII. С. 636.

² Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. III. С. 314.

вил войну Австрии. При этом он пытался поднять знамя независимости Италии и использовать антиавстрийские настроения итальянцев. Но Мюрат всегда был блестящим кавалеристом, но плохим политиком и явно поторопился, сыграв против Наполеона на руку раздраженным европейским монархам. Очевидно, что его несвоевременное предприятие скорее являлось актом отчаяния. Он переоценивал свои возможности, полагаясь на свою репутацию в Италии, и дал возможность австрийцам разгромить себя в одиночку. 21 апреля (3 мая) войска Мюрата при Толентино (в Северной Италии) потерпели окончательное поражение от австрийцев и разбежались, а сам незадачливый неаполитанский король 7 (19) мая отплыл во Францию.

Уже 13 (25) марта Россия, Великобритания, Австрия и Пруссия, еще до появления Наполеона в Париже, подписали двусторонние договоры между собой, по которым они обязались всеми силами и средствами поддержать условия Парижского трактата, возобновляя Шомонский договор, а для выполнения его каждая сторона выставляла по 150 тыс. солдат. Так была образована для борьбы с наполеоновской угрозой седьмая по счету коалиция, а всем европейским государствам предлагалось присоединиться к ней. Англичане обязались выплатить трем великим державам, армии которых должны составить костяк коалиции, субсидию в 5 млн фунтов стерлингов, еще 3,5 млн выделялись для 30 германских государств, которые были готовы поддержать их своими воинскими контингентами. Для общей борьбы коалиция планировала выставить около 800–850 тыс. чел. Был разработан и принят план, по которому на Рейне создавались три союзные армии: австрийская (с контингентами южногерманских государств) — на верхнем Рейне, во главе с К. Шварценбергом; прусская — на нижнем Рейне, во главе с Г. Л. Блюхером; английская (с голландским, брауншвейгским, ганноверским и другими немецкими контингентами) в Бельгии-Голландии, во главе с А. У. Веллингтоном. Русская армия (свыше 160 тыс. чел. — шесть пехотных и два кавалерийских корпуса) М. Б. Барклая де Толли должна была составить резерв сил коалиции и подойти в район среднего Рейна к г. Нюрнбергу. Также из Италии в южную Францию планировалось направить австро-пьемонтские войска под командованием генерала И. М. Фримона. Южную границу Франции со стороны Пиренеев должны были пересечь испано-португальские войска.

Чрезвычайные обстоятельства и появление общей опасности в лице Наполеона изменили тональность переговоров и способствовали ускорению достижения окончательных договоренностей на Венском конгрессе. 21 апреля (3 мая) 1815 г. в Вене был подписан

трактат между Россией, Австрией и Пруссией, по которому большая часть герцогства Варшавского отходила к России. Пруссия получала северную часть Саксонии (2/5 ее территории — 20 тыс. кв. км с 800 тыс. жителей), ей также возвращалась часть польских земель (Позен, Бромберг и Торн), а также часть Рейнской области и Вестфалии, остров Рюген и Шведская Померания. Австрия вновь получала Тернопольскую область (с 1809 г. находилась в составе России), Краков объявлялся вольным городом. Царству Польскому, объединенному с Россией династической унией, Александр I, принявший титул короля польского, обещал даровать конституцию и национальные государственные учреждения, самоуправление, свободу печати и собственную армию¹.

28 мая (9 июня) 1815 г. состоялось подписание Заключительного генерального акта Венского конгресса, состоявшего из 121 статьи. Акт (общий свод главнейших постановлений конгресса) определял послевоенное устройство европейских государств. Не будем перечислять все многочисленные территориальные изменения. Границы по результатам Венского конгресса неоднократно описаны в литературе. Они были перекроены в интересах держав-победительниц с учетом сложившейся на тот момент политической конъюнктуры. Несмотря на мощный национальный подъем, охвативший тогда многие страны, мнение народов, проживавших в Европе, никто из монархов, принимавших решения, естественно, не спрашивал. В этом заключались слабые стороны Венской системы, если смотреть на будущие перспективы европейского развития. Заключительный акт стал финальным документом, засвидетельствовавшим новый передел европейских границ в связи с окончательным развалом наполеоновской империи. Это был и результат компромисса по спорным вопросам между великими державами.

Кто же из великих держав в результате получил больше всего? Самое большое территориальное расширение получила Австрийская монархия, по словам Ж. де Местра, ей удалось «заполучить огромный выигрыш в лотерее, билетов которой она не покупала»². Русский историк Н. К. Шильдер привел следующие данные по результатам Венского конгресса: Австрия приобрела 2300 кв. миль с населением в 10 млн чел., Пруссия — 2217 кв. миль с 5,362 млн чел., Россия — 2100 кв. миль с населением более 3 млн чел. И далее он сделал вывод:

---

¹ Присоединение Царства Польского было роковой ошибкой Александра I, что доказывает последующая история XIX в. Подробную аргументацию см.: *Безотосный В. М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия или геополитика. С. 86–89.

² *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 247.

«Таким образом, Россия, которая на своих плечах вынесла всю тяжесть трехлетней войны с Наполеоном и принесла наибольшие жертвы для торжества европейских интересов, получила наименьшее вознаграждение»¹. В данном случае нужно отбросить откровенно имперские сожаления автора о неиспользованных возможностях, но необходимо признать умеренность русских приобретений по сравнению с двумя соседями, даже, если Александр I претендовал на большую территорию. Не давая политической оценки присоединения польских земель, нужно сказать, что Россия отступила тогда от своих требований во имя сохранения европейской солидарности.

Поход «во французские земли» 1815 г.

Наполеон же к началу лета почти полностью контролировал положение во Франции, не считая восставшей Вандеи, возродившей движение шуанов. Для умиротворения мятежной области туда были посланы от 15 до 25 тыс. солдат. Французский император, хотя и не в полной мере, смог восстановить армию, призвав отставников-ветеранов и резервистов, в начале июня прибыл к г. Бомон к созданной им Северной армии. Войска в основном состояли из закаленных в боях ветеранов, а не безусых новичков, как в 1814 г., почти не было и иностранных контингентов. В командном составе Наполеон уже старался опираться не на уставших от войн маршалов (да и многие из них остались верны королю, или сказались больными), а на честолюбие молодых дивизионных генералов. К слову сказать, под рукой у французского императора в его войсках находились тогда только три маршала — М. Ней, Н. Ж. Султ, сменивший монопольного А. Бертье (покончил жизнь самоубийством) на посту начальника штаба, и недавно произведенный в этот сан Э. Р. Груши.

Но в некотором смысле повторялась ситуация с кампанией 1814 г., так как у него возникал цейтнот. Противник уже начал сосредоточение сил и мог привлечь для войны с Францией до миллиона человек, а во французской армии на тот момент насчитывалось всего лишь от 300 до 500 тыс. солдат. Можно было выбрать оборонительную тактику ведения войны. Но это было не в характере Наполеона. Французский император решил не давать союзникам возможности сконцентрировать свои силы и первым начал военные действия. Он хотел сначала разобщить армии Веллингтона и Блюхера в Бельгии, поскольку каждая из них имела свою коммуникационную линию, а они расходились в разные стороны. Кроме того, французский полко-

---

¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. III. С. 318.

водец надеялся разгромить их еще до подхода русских и австрийских войск. Его империя очень нуждалась в победе для поднятия духа войск и населения. Кроме того, после одержанных побед можно было надеяться на изменения политической конъюнктуры в рядах союзников.

3 (15) июня французы переправились через р. Самбру и ударили в стык между двумя армиями союзников. Из-за слабой координации пруссаков и англичан между собой Наполеону это удалось. Уже на следующий день у г. Линьи его войска нанесли поражение прусской армии Блюхера (он сам был ранен и чудом избежал плена). Правда, поражение было не полным. Пруссаки очень быстро пришли в себя и восстановили свою боеспособность. Отправив к Вавру для преследования Блюхера войска Э. Груши (около 30 тыс. чел.), Наполеон с основными силами (примерно 70 тыс. чел.) обратился против армии Веллингтона (около 70 тыс. чел.). 6 (18) июня началось ожесточенное сражение войск Наполеона с англо-нидерландской армией Веллингтона под Ватерлоо. Войскам Веллингтона удалось сдержать все атаки французов, а во второй половине дня на поле боя прибыли три прусских корпуса Блюхера. Не появившись эти корпуса, Веллингтон бы, скорее всего, потерпел сокрушительное поражение, так как избранная им позиция была хороша для обороны, но в случае отступления превращалась в ловушку, из которой трудно выбираться. Но Блюхеру удалось, оставив у Вавра арьергард, оторваться от Груши и ударить после полудня против правого фланга французов на поле под Ватерлоо. Это решило исход сражения, французы потерпели полное поражение, их войска в панике бежали к французской границе. Потери французов оцениваются в 32 тыс. чел., ими были брошены обозы и почти вся артиллерия. Общая убыль союзников составила 23 тыс. чел.

Исследователи, анализируя причины поражения, обычно указывают на ошибки маршалов, например, в целом неудачные действия Нея, на инертность и безынициативность педантичного Груши (его больше всего упрекают историки), упустившего Блюхера, а также на бездеятельность Н. Ж. Сульга, заменившего на посту начальника штаба выбывшего из строя маршала А. Бертье. Также упоминается болезнь Наполеона в этот день (дизурия, геморроидальное воспаление и другие болезни). Слишком многие видели причину поражения в стечении неблагоприятных обстоятельств. Существует мнение, что французы не победили из-за отложенной атаки на два часа по причине утреннего дождя!

Но, не вдаваясь в подробности, необходимо сказать, что у Наполеона, учитывая громадное преимущество сил союзников на всех театрах военных действий, шансов выиграть кампанию попро-

сту не имелось. Сюда также можно приплюсовать и лимит времени, постоянно в последних кампаниях тяготевший над «человеком великих катастроф». В какой-то степени все «сто дней» были актом революционным и, бесспорно, народным движением. Но страна, обескровленная двадцатилетием войн, уже исчерпала свой революционный энтузиазм, «надеть сапоги 1792 г.» было уже невозможно. Да и у нации в целом не имелось единого мнения. Часть территорий выступала против, а административный аппарат, парламентские структуры и буржуазные слои, в лучшем случае, занимали нейтральную позицию.

Наполеон, приказав Сульгу собрать отступавшие войска, сам отправился в Париж. Но уже одного решающего поражения оказалось достаточно, чтобы он упал в глазах власть предержащих. 10 (22) июня Наполеон, загнанный в угол оппозицией, по требованию и под давлением палаты депутатов вынужден был вторично отречься от престола в пользу своего сына. Ему даже не позволили остаться в столице, после чего он удалился в Мальмезон, затем уехал в Рошфор, а 3 (15) июля вынужден сдаться на милость англичан.

Многие соратники Наполеона советовали ему в Париже разогнать оппозиционных депутатов (повторить переворот 18 брюмера), но он не решился это сделать. Это стало жирной точкой в истории империи. Д. де Вильпен считает, что он совершил тем самым акт самопожертвования ради интересов Франции, так как за время пребывания на о. Эльба переосмыслил свое прошлое и в 1815 г. стремился уже создать либеральную конституционную монархию¹. Мнение достаточно противоречивое и малоубедительное. Французский император был в первую очередь полководцем, а как типичный военный никогда не являлся парламентским бойцом, всегда испытывал к этому институту отвращение и даже боязнь, поэтому ни о какой либеральной монархии в будущем речи идти не могло. При благоприятных обстоятельствах, учитывая его наклонности и предшествующий опыт, все свелось бы к личному диктату. Такой властолюбивый человек, не задумываясь, разогнал бы парламентариев (со временем), если бы не военная катастрофа при Ватерлоо. Основой его правления всегда являлись армия и военные успехи. Но его армия потерпела сокрушительное поражение. А как прагматик он реально понимал, что продолжить борьбу можно только при поддержке нотаблей, а они как раз выразили ему полное недоверие.

Уже 8–9 (20–21) июня армии Блюхера и Веллингтона перешли границы Франции и начали уверенное продвижение к Парижу. Путь

---

¹ См.: *Вильпен де Д.* Сто дней или дух самопожертвования. М., 2003.

к французской столице оказался открытым. Чуть погода во Францию вошли остальные союзники. Основные силы русской армии под командованием Барклая, направленные к границам Франции, просто физически не могли принять участие в военных действиях, хотя они шли достаточно быстро из Польши. Правда, авангард под командованием генерала К. О. Ламберта в начале июня участвовал в боях вместе с баварцами. Второй поход во Францию российских войск оказался почти бескровным, многие мемуаристы назвали его военной прогулкой. Между 12 (24) и 18 (30) июня русские полки переправились у Мангейма через Рейн, а уже 14 (26) июня блокировали крепость Мец, где противник оказал упорное сопротивление, предприняв ряд вылазок. Гарнизон сдался лишь 12 (24) июля. Сходу капитулировала лишь крепость Марсаль. Русские части также участвовали в обложении крепостей Вердена, Витри, Тионвиля, Туля, Саарбрюкена, Суассона, Фальцбурга и Ла-Пти-Пьера, затем Бич и Сарлуи, а специально сформированный отряд генерал-адъютанта А. И. Чернышева смог взять г. Шалон-сюр-Марн, при этом был взят в плен генерал А. Риго и до 500 рядовых, а также захвачено шесть орудий (единственные русские трофеи в этой кампании). Кроме того, русским отрядам в тылу пришлось еще бороться в лесах Вогезских гор с французскими партизанами, представлявшими более грозную силу, чем в кампании 1814 г. Этими фактами ограничивается участие русских в 1815 г., если, конечно, не считать тягот похода войск с берегов Вислы к набережным Сены.

В Париже после отречения Наполеона власть перешла к Временному правительству во главе с Ж. Фуше. Сопротивление отдельных малочисленных французских корпусов на всем периметре границ уже не играло решающей роли. Войска объединенной Европы просто наводнили Францию. Л. Н. Даву, занимавший пост военного министра, смог сосредоточить у Парижа до 80 тыс. чел. Но силы были слишком неравные. По подписанному соглашению 25 июня (7 июля) 1815 г. союзники вступили в Париж, а войска Даву должны были отступить за Луару. К англичанам и пруссакам присоединился кавалерийский отряд Чернышева, также вступивший во французскую столицу. Чернышов сообщил российскому императору о неприязненном отношении парижан к пруссакам и о просьбе Веллингтона, чтобы именно русский царь прибыл в Париж, «дабы положить конец запутанности дел вообще».

Александр I тотчас из Сен-Дизье срочно выехал в Париж. В сопровождении небольшого эскорта он проделал путь длиной более в 200 верст через территорию, еще не занятую союзниками, и 28 июня (10 июля) прибыл во французскую столицу. В это время там правили

бал пруссаки, крайне ожесточенные против французов. Блюхер, например, жаждал расстрелять самого Наполеона, а поскольку это не удалось, то хотел взорвать Йенский мост и Вандомскую колонну, и для этого были сделаны необходимые приготовления. Это решение было отменено лишь после вмешательства российского монарха. Везде, где находились прусские войска, устанавливался достаточно жесткий режим. В состав гарнизона Парижа, правда, по желанию Александра I, были введены русские 3-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизии. Необходимо сказать, что в 1815 г. русские, шедшие во второй линии войск, оказались уже не столь влиятельной силой, как в 1814 г., они уже потеряли прежнее эксклюзивное положение. Как свидетельствовал прибывший во французскую столицу Д. В. Душенкевич, город весь был заставлен бивуаками войск, «однако не русскими; и приметна была на каждом шагу какая-то смутная печать во всем Париже и на всех парижанах; тот же город, да не так в нем теперь, как было год тому назад»¹.

Благодаря иностранным штыкам прибывший в обозе союзных армий Людовик XVIII вновь вернул себе французский престол. Наступил период «белого мира» и оккупации большей части территории Франции войсками седьмой коалиции. При попустительстве союзников на страну со стороны роялистов обрушился белый террор. Помимо открытых преследований сановников и деятелей восстановления империи, в 1815 г. роялистами-католиками осуществлялись погромы протестантов в Южной Франции. Были составлены проскрипционные списки. Кто-то подлежал по решению военного суда смертной казни (например, расстрел братьев-близнецов генералов К. и С. Фоше, генерала Р. Б. Мутон-Дюверне расстреляли уже в 1816 г.), кто-то тюремному заключению, высылке, кто-то лишался чинов и права занимать государственные должности. Наибольшую известность получили судилища «за измену» над полковником Ш. А. Ф. Лабедуайером, одним из первых со своим полком перешедшим на сторону Наполеона, а также над маршалом М. Неем, не выполнившим обещания королю «привести Наполеона в клетку». Оба процесса закончились приговором к смертной казни без права обжалования, что явно не делает чести французскому правосудию, а заодно и союзным монархам, находившимся тогда в Париже, в том числе Александру I. Собрание порфириносцев в Париже как раз фактически управляло Францией в тот период, даже одного мнения россий-

---

¹ 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 131.

ского императора хватило бы, чтобы пресечь все кровавые вакханалии роялистов и умерить пыл мщения Бурбонов.

Российский же император, в силу монархической солидарности, откровенно закрыл глаза на происходившее и даже сделал выговор С. Г. Волконскому, который вместе с сестрами решил ходатайствовать о помиловании Лабедуайера перед герцогиней Ангулемской, велел передать, чтобы он «перестал бы вмешиваться в дела Франции, а [обратился бы] к России»¹. Примерно такую же реакцию у него вызвало и обращение о заступничестве за Нея бывшего подчиненного маршала А. Жомини. В то же время Александр I пригласил приехать в Россию и материально помог генералу И. М. Г. Пире де Ронивиньену (жил там до 1819 г.), попавшему в проскрипционные списки. Но на просьбу его жены похлопотать, чтобы генералу позволили остаться во Франции, ответил: «Я сего сделать не могу, ибо я теперь ничто иное, как солдат Лудовика XVIII»². Российский император явно жертвовал справедливым отношением к происходившему ради незыблемости принципов легитимизма и необходимости вести борьбу с революционными проявлениями. Общественное мнение было тогда в основном на стороне подсудимых, слишком многие симпатизировали осужденным и порицали вынесенные приговоры. Например, хорошо известный в России английский генерал Р. Вильсон, имевший реальные заслуги в войнах с Наполеоном и его бескомпромиссный противник, сначала вместе с двумя английскими офицерами пытался освободить маршала Нея. Позже он стал соучастником побега из тюрьмы приговоренного к смерти наполеоновского министра графа А. М. Лавалетта, спасшегося, переодевшись в платье своей жены, которая осталась вместо него в тюрьме³.

Многие мемуаристы, а затем и историки отмечали, что именно с 1815 г. поменялся характер Александра I. Начался период его увлечения мистицизмом. Некоторые связывали изменения в поведении со знакомством и влиянием на него баронессы Ю. Крюденер, известной своими религиозно-мистическими взглядами. Как раз с этого времени он становится очень взыскательным к вопросам воинской дисциплины и соблюдению установленной формы одежды, с удвоенной силой у него просыпается страсть к парадам и маршировке войск.

Именно этим объясняют проведение грандиозного смотра русской армии в Вертю 26 и 29 августа (6 и 9 сентября) 1815 г. В первый день была произведена репетиция, которой государь остался чрезвы-

---

¹ Волконский С. Г. Указ. соч. С. 343.

² Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. С. 263–264.

³ Вильсон Р. Т. Дневник и письма 1812–1813. С. 22–25.

чайно доволен. А во второй день были приглашены триста коронованных и высоких иностранных гостей (а всего до 10 тыс. иностранцев), и в их присутствии 150 тыс. русских солдат и 540 орудий прошли церемониальным маршем, которым лично командовал Александр I. Армия занимала пространство в несколько верст, а сигналы для команд подавались орудийными выстрелами. На всех иностранных военных маршировавшие (никто ни разу не сбился с ноги) на обширной равнине 150 тыс. русских солдат произвели неизгладимое впечатление. Это была демонстрация Европе боевой мощи России. А. И. Михайловский-Данилевский, подробно описавший в своем дневнике этот знаменитый смотр, вложил в уста императора следующую фразу: «Я вижу, что моя армия первая в свете, для нее нет ничего невозможного, и по самому наружному виду ее никакие войска с нею сравняться не могут»¹. Любовь к парадам и смотрам, вообще к показушной стороне дела, являлась отличительной чертой представителей династии Романовых. Такие мероприятия русский император ценил гораздо выше, чем боевые подвиги своих полков. Не случайно российский генерал-фельдмаршал граф Барклай де Толли именно за «ревю» в Вертю, а не за выигранное сражение, был пожалован в княжеское достоинство Российской империи. За этот смотр в Вертю получили щедрые награждения и другие русские военачальники.

Второй Парижский мир

8 (20) ноября 1815 г. союзники подписали второй Парижский договор. Уже речи не шло, чтобы сохранить Францию в прежних границах. Переговоры о будущем королевстве были долгими и сложными. Пруссаки и представители немецких государств старались больше унижить эту страну за испытанные ими в прошлом страхи и выступали за то, чтобы отобрать у нее как можно больше территорий. Россия не была заинтересована в слабой Франции, она ратовала за сохранение баланса сил на европейском континенте. Требования, содержащиеся в первоначальных проектах, были существенно смягчены. Но все равно пределы Франции оказались сокращены уже до границ 1790 г., она потеряла ряд пограничных районов на Рейне и Савойю, была обязана заплатить 700 млн франков контрибуции (Пруссия первоначально выдвигала требования на сумму в 1200 млн франков). Россия из этой суммы получала 100 млн франков. На французской территории на пять лет оставалась оккупационная ар-

---

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. С. 268.

мия союзников в 150 тыс. чел. (из них 30 тыс. русских солдат) под общим командованием герцога А. У. Веллингтона. Содержание этих войск целиком легло на плечи французского бюджета. Впоследствии союзники вывели свои войска в 1818 г., сокращены были и суммы выплат, но Франция весь этот период фактически находилась под полицейским надзором держав коалиции. Была решена и дальнейшая судьба Наполеона. Он был объявлен почетным пленником великих держав, а затем отправлен на остров Св. Елены.

Россия и Священный союз

Еще во время пребывания Александра I в Англии в 1814 г. Оксфордский университет на торжественном собрании преподнес ему диплом доктора права. При вручении российский монарх спросил ректора: «Как мне принять диплом! Я не держал диспута». — «Государь, — возразил ректор, — вы выдержали такой диспут против угнетателя народов, какого не выдерживал ни один доктор прав во всем мире»¹. Для российского императора после ухода со сцены его главного антипода настало время бурной международной деятельности, когда его авторитет безмерно возрос и в «концерте» победителей ему по праву принадлежала первая скрипка («Вождь вождей, царей диктатор, Наш великий император»). Александр I до 1815 г. находился в поисках формулы европейской солидарности, и, как считал, он ее нашел именно к этому времени, как и поддержку со стороны лидеров других государств. Во всяком случае, об этом свидетельствует твердый внешнеполитический и идеологический курс России после 1815 г.

Будучи одним из главных творцов Венской системы русский самодержец лично разработал и предложил схему мирного существования, предусматривавшую сохранение сложившегося баланса сил, незыблемость форм правлений и границ. Она базировалась на широком круге идей, прежде всего на нравственных заветах христианства, что многим давало повод называть Александра I идеалистом-политиком. Принципы были изложены в Акте о Священном союзе 1815 г., составленном в стиле Евангелия. Безусловно, сегодня несколько странно читать, что три монарха (русский, австрийский и прусский) назначили себя толкователями и исполнителями Божественного провидения в делах земных, да и тогда многие политики за абстрактными и непрактичными устремлениями спасти человечество искали скрытые от посторонних глаз претензии на евро-

---

¹ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. С. 244.

пейское господство Александра I. Но за расплывчатыми постулатами Акта, первоначальная редакция которого была написана рукой российского императора, прочитывалась новая трактовка «европейской идеи» или «европейского равновесия». И, по мнению известного специалиста в этом вопросе А. О. Чубарьяна, «в историческом плане это было первое общеевропейское объединение такого рода»¹.

В свое время Наполеон также пытался своей железной рукой и несокрушимой энергией объединить народы. Но реализовать свой замысел он хотел путем военного насилия и введением на всей европейской территории Гражданского кодекса, что, по его мнению, позволило бы «образовать единственную и единую нацию». Чубарьян резонно полагал, что «идеи равенства трансформировались в гегемонистские планы», а сам Наполеон силой оружия пытался «не только завоевать и покорить европейские страны и народы, но и “унифицировать” их»². В противовес этому Александр I предложил добровольный союз монархов. Механизм функционирования Священного союза основывался на взаимных контактах, для чего по мере надобности созывались международные конгрессы, которые по существу являлись предтечами современного Европарламента и ООН и они заложили основы современного международного права. В условиях тогдашней Европы было невозможно предложить ничего иного. Но как прецедент это имело важное значение. Мир вернулся к реализации этой идеи значительно позднее.

В начале XIX в. идеи мирной европейской интеграции опережали время, поскольку не стимулировались экономической заинтересованностью в таком объединении. Но даже первая, в целом не совсем удачная, попытка привела к тому, что Европа в первой половине XIX столетия не знала крупных войн. Конечно, сразу возникает вопрос о цене прогресса, на который до сих пор человечество не дало однозначного ответа: что лучше — стабильное и мирное развитие или эпохи бурных перемен? Эволюция или потрясения?

Наполеон попытался навязать интеграцию силой и превратился в «поработителя» народов, что предопределило его падение. Исторический парадокс заключался в том, что Александр I, правящий страной, где господствовало унижительное для человеческого достоинства крепостничество, возглавил борьбу против Наполеона и стал народами приветствоваться как «освободитель». Хотя вынашиваемая им «идея Европы» также не выдержала испытание временем,

---

¹ Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987. С. 173.

² См.: Там же. С. 158.

но уже в XX столетии элементы его концепции получили дальнейшее развитие и сегодня взяты на вооружение современными политиками.

Одной из главных побудительных причин существования Священного союза являлась боязнь монархов новой революции и наличие самой фигуры Наполеона. Даже находясь на о. Св. Елены, он внушал страх европейским монархам. Как только бывший французский император ушел из жизни, солидарность европейских властителей и деятельность Священного союза стали постепенно сходиться на нет. Теснее всего в идеологическом отношении Европу сплачивало наполеоновское наследие. В данном случае уместно привести мнение современника, русского полковника И. Раджицкого, давшего оценку яростной антинаполеоновской публицистике своего времени и сделавшего неожиданный вывод о Наполеоне: «Между тем полководцы, министры и законодатели перенимали у него систему войны, политики и даже форму правления. Он был враг всех наций Европы, стремясь поработить их своему самодержавию, но он был гений войны и политики; гению подражали, а врага ненавидели»¹.

В связи с этим затронем и дискутируемый вопрос о том, какое государство больше выиграло от падения наполеоновской империи. Большая европейская политика тогда стала разыгрываться по новым правилам венского урегулирования, определяемым державами-победительницами (Россия, Великобритания, Австрия, Пруссия). Значительно увеличила свои владения в Германии Пруссия. Самое большое территориальное расширение получила Австрия. Другое дело, что расширение многонационального государства не всегда можно назвать благом, поскольку этот процесс таит в себе потенциальные опасности. Бесспорно, Великобритания после 1815 г., надолго убрав со сцены своего главного конкурента, решила основную внешнеполитическую проблему и достигла своей главной цели. Но для этого она понесла колоссальные расходы по ведению в течение 22 лет войн — более двух миллиардов фунтов стерлингов!² Но от сложившегося на континенте стабильного статус-кво получили свою выгоду все более или менее крупные и давно существовавшие государства Европы, даже те, которые потеряли часть своей территории (например, Дания или Саксония). Образовавшийся международный баланс сил великих держав спасал слабые страны от потенциальной

---

¹ Раджицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. С. 14.

² Гулишамбаров С. О. Указ. соч. С. 58.

агрессии сильных соседей, давал им возможность жить самостоятельной жизнью. Решения Венского конгресса были подготовлены предшествующим двадцатилетием почти непрерывных европейских войн. Международные отношения приобрели в этот период новые качества — права одних государств стали напрямую зависеть от обязательств других стран. Важно также и то, что в целом, по мнению известного больше как политика, чем историка Г. Киссинджера, «мирные договоры 1814–1815 гг. были ориентированы не на прошлое (мщение), а на будущее предупреждение войн»¹.

Международная ситуация после 1815 г. не уникальна, есть с чем ее сравнивать. Можно привести множество примеров в мировой истории, когда бывшие союзники, одержав победу над сильным противником, вступали в споры меж собой и становились на путь конфронтации уже друг с другом. После изменения «политического пейзажа» в 1815 г. каждая держава-победительница не была заинтересована в усилении влияния какого-либо государства, а не только России, хотя ее боялись в первую очередь. Поэтому разве что в плюс всем европейским политикам того времени (а Александру I больше, чем кому-либо) необходимо поставить тот факт, что при наличии взаимоисключающих устремлений разных государств и противодействия друг другу была разработана и принята Венская система. Да, она существовала как союз монархов в борьбе против революций, но именно это и дало возможность избежать больших войн и обеспечить Европе «долгий мир» до 1853 г. И абсолютно прав В. В. Дегоев, считающий, что «зачастую критика в адрес творцов Венского порядка обуславливается, как ни странно, именно тем фактом, что у них слишком многое получилось. А с тех, у кого получается, всегда особый спрос. От них ожидают чего-то большего, этакого несбыточного совершенства — тем более, когда на дипломатической сцене священнодействует такое созвездие талантов, как Александр I, Калсри, Талейран, Меттерних. Заслуга политиков 1815 г. — не в исчерпывающем разрешении стоявших перед ними проблем, а в выработке прагматических методов решения»². В тот период было трудно придумать другую политическую комбинацию для сохранения «долгого мира» в Европе, кроме Священного союза монархов.

Российская империя всю первую половину XIX столетия занимала очень весомую позицию в международной политике. Приведем мнение американского исследователя Х. Регсдейла, что «Россия вы-

---

¹ Цит. по: *Додолев М. А.* Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. С. 200.

² *Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 180.

шла из эпопеи 1812 г. сильнейшей державой континента, а возможно и всего мира»¹. Не стоит и умалять роль России на континенте, даже в контексте весьма нелицеприятного тезиса о том, что она являлась «жандармом Европы» в первой половине XIX столетия. Весьма интересна точка зрения на этот счет того же В. В. Дегоева: «В отличие от своего предшественника Наполеона I, русские “жандармы” Европы Александр I и Николай I стремились не к завоеваниям, а к сохранению стабильности на континенте, и поэтому их арбитражная “диктатура” являлась относительно терпимой для всех членов европейского сообщества, а для Австрии и Пруссии — подчас совершенно незаменимой. В течение нескольких десятилетий общим врагом правителей великих держав была не Россия, а Революция, борьба с которой без помощи Петербурга представлялась крайне сложной задачей»². По степени своего влияния Россия была и оставалась ведущей державой, после 1815 г. ее с полным основанием можно даже назвать *primus inter pares* великих мировых государств. Безусловно, Россию стали бояться еще больше как раз после 1815 г. Страх «русской угрозы» сам по себе оказывал влияние, а в период с 1815 по 1825 г., благодаря международному авторитету Александра I, Россия приобрела самые крепкие (как никогда) позиции в Европе. Важное значение в данном случае имели весомость и реноме политического деятеля, каковыми обладал Александр I. Не просто так в 1814 г. Сенат постановил преподнести ему титул «благословенного, великодушного держав восстановителя». Например, наследовавшего трон Николая I европейские монархи считали неопытным и неискушенным в политике молодым человеком и гораздо меньше стали считаться с русской позицией. Александр I в тот период четко руководствовался собственным, может быть, достаточно эгоистическим пониманием идеи общеевропейского согласия — что выгодно России, то выгодно и Европе. По сути до 1853 г. европейское сообщество существовало и развивалось (да, со многими оговорками) на основе идей, предложенных в 1815 г. российским императором, являвшимся тогда лидером российской элиты и выражавшим ее мнение.

Причины победы «старого режима»

В свое время после свершившейся революции Франция объявила себя «первой нацией в мире». В данном случае необходимо сделать еще одну ремарку — у держав коалиции не наблюдалось тогда заметного военно-технического отставания от французов, скорее лишь ор-

---

¹ *Регсдейл Х.* Указ. соч. С. 20.

² *Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 376.

ганизационное. Ж. Тюлар привел внушительный список технических новшеств, к которым Наполеон проявил полное равнодушие и не захотел их внедрять¹. Военные успехи французского оружия начала XIX в. обеспечивались стратегией наступательных действий и маневренной войной, новой системой организации войск и штабной службы, а также применением передовой тактики на полях сражений. Но со временем противники Наполеона усвоили уроки полученных поражений, смогли многое заимствовать в тактике и организации у тех же французов, модернизировать свои армии по французским образцам и найти противоядие наполеоновской стратегии сокрушения.

Одной из объективных причин победы «старого режима» стал тот факт, что капитализм во Франции и в Европе еще только вступал в фазу промышленной революции. Если во Франции произошла социальная революция из-за «прав человека» и она несколько десятилетий потрясала устои мирового устройства, то в Великобритании исподволь подготавливалась и зрела другая революция — промышленная и технологическая². Механизация производства находилась тогда на низком уровне почти во всех странах. Тон в этом поступательном процессе задавала не Франция, а Великобритания, и не зря эту державу называли «мастерской мира». Ее техническое и торговое превосходство являлось несомненным. В начале XIX столетия Франция, например, занимала только третье место в мире по производству металлов, давая 60–85 тыс. тонн. Первое место по объемам тогда занимала Россия (163,4 тыс. тонн), а затем Англия (156 тыс. тонн). Поэтому справедливым остается вывод, сделанный еще В. Н. Сперанским (одним из немногих специалистов в России в области экономики 1812 г.), о том, что «французская металлургия не могла конкурировать ни с русской, ни с английской», а также его тезис о французской промышленности в целом, что к 1812 г. «она не могла похвастать большими достижениями в освоении рынков европейских стран и едва успевала выполнять заказы для французской армии»³. По общим показателям наполеоновская экономика (при развитой военной индустрии) не намного опережала в своем развитии другие страны континента, в то же время, например, в хлопчатобумажной отрасли английская технология оставалась в четыре-пять раз производительнее французской. Англичане явно обгоняли фран-

---

¹ Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». С. 166–167, 219, 243.

² Гулишамбаров С. О. Указ. соч. С. 14.

³ Сперанский В. Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812–1814 годах. С. 5–6, 529.

цuzов, у которых технологическая отсталость была налицо по сравнению с их главным экономическим и политическим конкурентом. Во всяком случае, не было существенной разницы в уровне производства Франции, скажем, с Пруссией, Австрией, Россией (имелись лишь социальные различия). Это обстоятельство облегчало борьбу коалиций с Наполеоном.

Отметим роль и двоякие последствия континентальной блокады. С одной стороны, она, бесспорно, способствовала росту европейской промышленности при отсутствии английских товаров. С другой стороны, предпринимательские круги не только в Европе, но и в самой Франции чувствовали ненормальное положение в экономике и желали восстановления стабильных торговых связей и путей сообщений. Европа уже устала от войны и от деятельности главного генератора бесконечных военных конфликтов — Наполеона. Европейские деловые круги уже желали только одного — чтобы французский император сошел с политической сцены. И можно понять эмоции «пламенного» реакционера Ж. де Местра, когда в 1814 г. он, в силу своего мировоззрения, воздавал благодарность «Провидению, которое наконец-то прекратило сию гражданскую войну рода человеческого»¹. Не всегда «новое» несло положительный заряд, а «старое» — отрицательный. Иногда случалось и наоборот, в борьбе этих сил заряды могли меняться местами. Наглядный пример — сопротивление коалиций наполеоновской агрессии в Европе. Можно согласиться с концепцией В. О. Ключевского, который считал, что при Наполеоне Франция, выполняя продиктованную еще революцией освободительную миссию, «превратилась в военную деспотию, которая, уничтожая старые правительства, поработала и народы. Россия при Павле выступила против революционной Франции во имя безопасности и независимости старых законных правительств; но, встретившись при Александре с новой завоевательной деспотией, провозгласила внутреннюю свободу народов, чтобы спасти внешнюю независимость их правительств»². Причем «старорежимные» государства активно использовали «передовые» либеральные идеи и фразеологию против в целом негативной политики Наполеона. По словам Т. Ленца: «Антифранцузские коалиции сумели адаптировать и позаимствовать у сынов революции их идеологические козыри (нацию) и их технические решения (призыв на военную службу)»³.

---

¹ *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 253.

² *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 257.

³ *Ленц Т.* Наполеон. С. 129.

Также очевидно, что неудачные войны заставляли европейских властителей заниматься реформаторской деятельностью, не только в военной и управленческой, но и в социальной и законодательной сферах. Сам процесс поступательного движения прогресса регулировался, как правило, различными векторами внутри деятельности общества и государства и чаще всего на разных уровнях тормозился людьми. С одной стороны — личностями, старающимися «бежать быстрее паровоза» (революционерами и радикалами), с другой — обывательской массой, не желающей слышать о каких-либо переменах. В такой ситуации победу в общественном сознании всегда одерживали консерваторы и рутинеры. Быстрые рывки вперед так же опасны для государства и общества, как косность и стагнация. Оптимальный вариант, когда действия «авангарда» и «арьергарда» находят консенсус между собой и коррелируются в интеллектуальных кругах страны.

§ 4. Цена и последствия победы для России

Материальные и людские потери

Страну, безусловно, возвышает одержанная победа, а воспитывает и закаляет изнурительный путь к ней. Всегда интересно проанализировать последствия важных исторических событий и проследить их влияние на последующий ход истории. С этой точки зрения важно в первую очередь определить материальные издержки государства и людские потери, понесенные в войнах. Какова цена победы? Что принесла она стране?

Чтобы не обрушивать на читателей сухие цифры, ограничимся данными на 1812–1814 гг., хотя, сразу оговоримся, видимо, и они не являются вполне точными. Слишком немногие историки отваживались на основе косвенных исчислений путем различных приближительных оценок выдать какие-либо обобщающие показатели и количественно измерить «цену победы». Данные «плавают» у различных авторов. На это существуют объективные причины и трудности. Статистические подсчеты тогда почти не производились, поскольку эта наука (статистика) в России (да и в других странах тоже) в тот период находилась в почти зачаточном состоянии. Кроме того, военные действия не благоприятствовали ведению точного учета и статистики.

Тем не менее на 1811 г. можно примерно установить, что в России насчитывалось приблизительно 41–45 млн населения, во французской империи — 42 млн человек. В Российской империи некий набор

цифр давали лишь периодически проводимые ревизии, носившие фискальный характер, поэтому относительно точные данные имелись лишь по податным сословиям и исчислялись они по количеству мужских душ¹. Но, по сути, иностранное нашествие в 1812 г. являлось борьбой России с общеевропейской коалицией стран. Наполеоновская Великая армия по размерам и материальным издержкам превосходила все, что видела и знала Европа ранее, — от 610 до 680 тыс. чел. (по разным подсчетам). Поневоле Россия вынуждена была противопоставить этому иностранному вторжению максимум своих сил. Но опять же, авторы в данном вопросе расходятся в цифрах. Называют совершенно разные данные русских сухопутных сил перед войной и во время войны: от 480 тыс. регулярных войск до 876 тыс. чел. (или миллион с ополчением). В общем, цифры постоянно менялись, не становясь от этого точнее. Не легче дело обстоит и с выкладками собранных сил ополчения. Укажем, что, по последним подсчетам, численность временных формирований всех трех округов ополчения в период войны составляла от 211,2 до 237,5 тыс. чел. (не считая Украины, Дона и народов Поволжья)².

Но еще более сложный вопрос — потери, которые понесла российская армия в тех войнах. Так, сам Александр I в письме к австрийскому императору летом 1813 г., упоминая об огромных лишениях, понесенных Россией в 1812 г., писал без всякой конкретизации: «Провидение пожелало, чтобы 300 тыс. человек пали жертвой во искупление беспримерного нашествия»³. Да и российский император эту цифру, по-видимому, назвал приблизительно, на глазок. Военное министерство никогда не подсчитывало потери в период наполеоновских войн, а собирало в лучшем случае лишь данные о недокомплекте войск. Да и подавляющая часть авторов, не имея возможности найти достоверные источники часто, даже по отдельным сражениям, вообще предпочитала не писать об обобщающих потерях.

---

¹ VI ревизия (1811 г.) и VII ревизия (1815) охватывали не все территории (не учитывали Грузию, Финляндию, Бессарабию, Тарнопольскую область, а после 1815 г. — Польшу), проводились «наспех» и без достаточной проверки. Специалисты их относят «к числу менее удачных» (*Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 70–73).

² См. энциклопедию: Отечественная война 1812 года. С. 522. К примеру, укажем, что авторы труда «Столетие Военного министерства» на разных страницах одного тома (Столетие Военного министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1902. С. 72, 134) давали разную численность ополчения в 1812 г.: 310 535 и 280 951 чел.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. С. 292–293.

Некоторые суждения на этот счет можно сделать, используя лишь косвенные данные. Население России с конца XVIII в. до 1805 г. увеличивалось в среднем на полмиллиона человек в год. Среди православного населения по приходам велись сведения о рождающихся, умерших и сочетавшихся браком. Сохранились сведения по годам, составленные на основе данных из метрических книг. Приведем лишь сведения, характеризующие разницу между родившимися и умершими¹.

1805 г. — 542 068 человек	
1806 г. — 500 652	— —
1807 г. — 468 508	— —
1808 г. — 442 478	— —
1809 г. — 472 258	— —
1810 г. — 470 923	— —
1811 г. — 374 767	— —
1812 г. — 291 234	— —
1813 г. — 2 749	— —
1814 г. — 390 255	— —
1815 г. — 442 209	— —
1816 г. — 661 835	— —

Цифры не учитывают армейские потери за этот период. Но они дают наглядное понимание динамики роста населения (не только православного) за эти годы. Правда, не очень понятно, почему в 1813 г. (а не в 1812) население достигло минусовых показателей (–2 749 чел.), хотя можно предположить, что новорожденных было мало, а убыль велика. Возможно, что среди других конфессий положение было не столь катастрофическим. По всей вероятности, сведения на 1812–1813 гг. не совсем точны, так как правильное ведение метрических книг тогда было редкостью, затруднено и нельзя было своевременно получать известия о смерти многих жителей (особенно в Смоленской, Московской и Калужской губерниях).

С этими данными необходимо сравнить сведения о рекрутских наборах. В начале XIX в., по исчислениям Д. П. Журавского, за период 1802–1815 гг. в рекруты попало 2 158 594 чел., что составляло примерно третью часть всего мужского населения от 15 до 35 лет². Этому

---

¹ Военно-статистический сборник. Вып. IV. (Россия). Отд. 1. СПб., 1871. С. 51.

² Журавский Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. СПб., 1859. С. 184. К примеру, за 72 набора в течение XVIII в. в рекруты было отдано 2 271 571 чел. (Столетие Военного министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. С. 5).

несколько противоречат цифры, приводимые составителями «Столетия Военного министерства», — по их данным, в царствование Александра I (18 наборов) рекрутами стали 1 933 608 человека¹. А. А. Керсновский полагал, что за 10 лет «было поставлено не менее 800 000 рекрут, не считая 300 000 ополчения», а все находившиеся на военной службе составляли «4 процента 40-миллионного населения страны»². По мнению Д. Ливена, за время своего правления Александр I «поставил под ружье два миллиона человек»³. В любом случае все названные цифры огромны. Причем в то время смерть от болезней, лишений или дезертирство в численном отношении всегда превышали боевые потери. Это было характерно не только для России, но и для других государств.

Вероятно, на данные о рождаемости напрямую повлияли длительное отсутствие среди гражданского населения достаточного количества мужчин в самом дееспособном возрасте (в среднем численность армии и флота составляла постоянную величину в 600 тыс. чел.). А также само состояние войны, резкое ухудшение условий экономической жизни, да и сама атмосфера нестабильности мало способствовали увеличению рождаемости. По данным только Московской, Калужской, Смоленской, Минской, Могилевской и Витебской губерний, после окончания военных действий было сожжено более 430 тыс. человеческих и 230 тыс. скотских трупов⁴. Почти невозможно подсчитать гибель людей среди местного населения в результате эпидемий, затронувших губернии, занятые неприятелем в 1812 г. А. А. Корнилов привел свои исчисления, основанные на сличении ревизий 1811 и 1815 гг. По его данным, в 1811 г. население мужского пола равнялось 18 740 тыс. душ, а в 1815 г. — 17 880 тыс.; т. е. за четыре года уменьшилось на 860 тыс. чел. (это без учета армии и флота). А при нормальных условиях прирост должен был составить 1–1,25 млн чел. Отсюда было сделано заключение, что «действительная убыль людей от войны и связанных с нею бедствий и эпидемий

---

¹ Столетие Военного министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. С. 132. А за 30 лет с конца XVIII столетия в рекруты попало 1 067 458 чел. (Там же. Приложение. С. 4).

² Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 1. С. 204–205.

³ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 427.

⁴ Горяинов С. 1812: Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов. Ч. II. СПб., 1912. С. 98.

была около 2 миллионов душ одного только мужского пола»¹. Нам представляется эта цифра явно завышенной. Условно говоря, такая цифра была бы возможной, если предположительно не брать в учет демографические последствия войн. Но этого не произошло, так как условия были не «нормальны». Нельзя автоматически прибавлять не родившихся (из-за войны и отсутствия мужчин) к умершим. Кроме того, естественно, что во время войны больше погибло мужчин, женщин — значительно меньше. Тем более что В. М. Кабузан привел совершенно иные данные на период 1811–1815 гг. Он сделал вывод, что население России не только ни сократилось, но даже и выросло с 42,7 до 43,9 млн чел. за этот период². Уже в советское время Л. С. Каминский и С. А. Новосельский определяли количество выбывших воинов из строя в 1812 г. в 200 тыс. чел.³ Б. Ц. Урланис, а вслед за ним П. А. Жилин установили потери русской армии в наполеоновских войнах в 360 тыс., а в Отечественной войне 1812 г. — в 111 тыс. чел.⁴ А. А. Керсновский полагал число погибших в войнах Александра I не менее 800 000 чел., а «одна война с Наполеоном 1812–1814 годов обошлась России в 600 000 жизней»⁵. Таким образом, людские потери России в 1812–1814 гг. можно оценить в приблизительном диапазоне до 1 млн человек, но никак не больше. Но и это надо признать огромной цифрой. Точно сегодня никто не сможет сказать, сколько людей в России сражалось против наполеоновской армии и сколько из них погибло. Этим делом, возможно, займутся будущие поколения историков, если они будут располагать надежной методикой подсчетов.

Не лучшим образом дело обстоит и с выкладками материальных издержек на ведение войны. «Роспись доходов и расходов по государству» дает следующие показатели бюджетных расходов только по

---

¹ Корнилов А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 148. Еще большую цифру приводят издатели академического издания (Всемирная история. Т. VI. М., 1959. С. 152). По их данным, население России с 1812 по 1817 г. сократилось с 45 до 41 млн чел., т. е. уменьшилось на 10 %. Эти цифры (как и многие другие в этом издании) не выдерживают критики и их нужно признать нереальными.

² Кабузан В. М. Указ. соч. С. 164.

³ Каминский Л. С., Новосельский С. А. Потери в прошлых войнах (1756–1918). М., 1947. С. 18.

⁴ Урланис Б. Ц. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). СПб., 1994. С. 87–88; Жилин П. А. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 416.

⁵ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 205.

Военному министерству: на 1812 г — 153,6 млн рублей, на 1813 г. — 152 млн, на 1814 г. — 154,4 млн рублей¹. Но если взять данные Я. И. Печерина за эти годы, они будут совсем другими. Так, по его мнению, в 1812 г. Военное министерство по росписи расходов потратило 153 611 800 рублей, а сверх того — 29 757 400, всего же — 183 369 200 рублей; в 1813 г. по росписи — 130 024 200, сверх — 101 169 500, всего — 231 193 700 рублей; в 1814 г. по росписи 154 391 800, сверх — 90 484 500, а всего 244 876 300 рублей. Всего на Военное министерство в 1812–1814 гг. израсходовали 659 429 200 рублей, а на морское ведомство еще 62 195 100 рублей². Разнобой в цифрах можно увидеть и в работах советских авторов. А. П. Погребинский, вслед за Я. И. Печериным, суммировав военные затраты ведомств, получил итоговую цифру в 722 млн рублей³. Советский исследователь П. А. Хромов определил военные траты за войны 1812–1814 гг. в 900 млн рублей⁴. Наш современник А. Г. Бесов, основываясь на итоговых архивных материалах комиссии, осуществлявшей ревизию счетов русской армии за 1812–1816 гг. (просмотрел с 1822 по 1827 г. более 200 тыс. документов и 3700 книг полевого интендантского управления), установил расходы по действующей армии примерно в 495 млн рублей, кроме сумм, израсходованных на Резервную и Польскую армии, Оккупационный корпус во Франции и расчетов за продовольственные реквизиции у населения по квитанциям⁵. Как мы видим, цифры исследователями приводились совсем разные и объем точных прямых расходов на войну так и не был установлен.

Необходимо указать, что уже 31 марта 1812 г. был создан секретный комитет финансов, через который и шло все основное финансирование военных действий до 1815 г. Расходы средств на действующую армию на этот период по отчету генерал-интенданта Е. Ф. Канкрин (составлен после войны) были определены в 157,5 млн рублей, включая суммы, полученные от Англии на воен-

---

¹ СИРИО. Т. 45. СПб., 1885. С. 215, 223, 235–236.

² Печерин Я. И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896. С. 37–55.

³ Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М., 1954. С. 24.

⁴ Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках (1800–1917). М., 1950. С. 119.

⁵ Бесов А. Г. О хронологии и финансовых издержках Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 168.

ные субсидии¹. На эти данные, как правило, ссылаются авторы обобщающих монографий и учебных пособий. Но последняя цифра не выдерживает никакой критики, так как в лучшем случае в этом документе указывались только финансовые средства, прошедшие через армейские структуры управления во время военных действий. Хорошо известно, что главнокомандующий во время войны наделялся почти неограниченным правом в расходовании финансовых средств любых учреждений, находившихся на театре военных действий, а также и то, что в 1812–1814 гг. на военные нужды использовались денежные средства как Военного и Морского министерств, так и других ведомств. Причем это приблизительная и относительная сумма, не считая затрат на постоянную, почтовую, подводную повинности, строительные работы, заготовку продовольствия, армейские реквизиции (расчет по полученным квитанциям начался после 1816 г. и в царствование Александра I так и не был закончен) и другие траты. При этом не брались во внимание расходы на ополчение, которые частично легли на плечи помещиков и губернских властей. Сюда необходимо добавить общую сумму пожертвований от населения (часто и полуофициально собирались в добровольно-принудительном порядке), которая составила около 100 млн рублей², а по подсчетам министра финансов Д. А. Гурьева — около 200 млн рублей³. Эта цифра сопоставима с годовым государственным бюджетом на военное ведомство, и благодаря этим жертвованиям армия (в частности, в большей степени ополчение) могла как-то финансироваться во время военных действий. К этому необходимо прибавить, что в 1812 г. недоимки (несобранные подати) достигли рекордной суммы — 120 млн рублей, что свидетельствовало о кризисном состоянии финансов и государственного бюджета⁴. Да и в последующие годы положение оставалось не лучшим, правительство лишь было вынуждено списывать недоимки. Д. П. Журавский, который почти по горячим следам событий попытался сделать пробный подсчет военных средств, пришел к следующим неутешительным выводам:

---

¹ Русский архив. 1874. Кн 2. Стлб. 375; *Блиох И. С.* Финансы России XIX столетия. История — статистика. Т. I. СПб., 1882. С. 135.

² См. энциклопедию: Отечественная война 1812 года. С. 523; *Тиванов В. В.* Финансы русской армии (XVIII век — начало XX века). М., 1993. С. 66. Ведомость пожертвований по некоторым губерниям помещена в: М. И. Кутузов. Т. VI. Ч. 2. С. 690–698.

³ *Коршилов А.* Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 144.

⁴ *Неупокоев В. И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX века. М., 1987. С. 75.

«Что могло стоить содержание этих огромных военных сил, определить весьма трудно без положительных данных, которых, вероятно, даже и не существует по чрезвычайной запутанности счетов того времени, вследствие беспрестанной убыли людей и множества военных случайностей»¹.

Еще труднее или почти невозможно подсчитать убытки, понесенные населением в результате боевых действий в губерниях, затронутых войной, от пожаров, разрушений, опустошений и разграблений в Москве, Смоленске, Полоцке, Риге, Малоярославце, Боровске и в других местах. Материальный ущерб был просто огромным и не поддавался исчислению. А. А. Корнилов, например, считал, что общая стоимость «всех материальных убытков и жертвований населения за время войн 1812–1814 гг. не может быть определена с точностью, но она должна быть оценена по самым умеренным расчетам, конечно, не менее как в миллиард рублей, — сумма для того времени прямо колоссальная»². Однако эта цифра явно занижена и должна быть поднята на порядок, составив, таким образом, несколько миллиардов.

Необходимо учесть и резкое увеличение в эти годы прямых и косвенных налогов. Дефицит платежного баланса страны резко вырос, недостаток денег покрывался чрезмерным выпуском ассигнаций. За три года, по данным Я. И. Печерина и К. В. Сивкова, — свыше 191 млн рублей³. Министр финансов Д. А. Гурьев по этому поводу в откровенно мрачных тонах писал А. А. Аракчееву 10 сентября 1814 г.: «Мы касаемся до столь трудной развязки финансовых оборотов, что нельзя без ужаса подумать о последних месяцах сего года и чем они кончатся»⁴.

Война оказала огромное воздействие и на хозяйственную жизнь России, следы которого исчезли не скоро. В результате неприятельского нашествия в 1812 г. были уничтожены центры сосредоточия фабричной промышленности в Москве и вокруг нее. Многие фабричные заведения, хотя напрямую и не пострадали, но оказались разоренными. Поэтому после 1812 г. стали возникать, наряду со старыми центрами, новые — например, бумажное ткачество в районе

---

¹ Журавский Д. П. Указ. соч. С. 184.

² Корнилов А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 147–148.

³ Печерин Я. И. Указ. соч. С. 55; Сивков К. В. Финансы России после войн с Наполеоном // Отечественная война и русское общество. Т. VII. М., 1912. С. 135.

⁴ Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. С. 160.

г. Иванова. 1812 г., считал М. И. Туган-Барановский, «ускорил ту промышленную эволюцию, которая определялась общими условиями русского хозяйственного развития, — эволюцию, выражавшуюся в росте кустарной промышленности на счет фабричной, что было характерно для России первой половины прошлого века»¹. Значительное время после войны наблюдался застой в торговле, что было связано с падением числа владельцев купеческого капитала. В 1810-х гг. произошло сокращение оборотов русских ярмарок. Если говорить о разорении центральных губерний, то необходимо констатировать, что в первой половине XIX столетия больше всего пострадала русская деревня. Вследствие этого резко возросло нищенство в городах. Естественно, в крепостной деревне упадок и обнищание разоренных крестьянских хозяйств сказались и на благополучии русских помещиков, что способствовало росту прогрессивной задолженности дворянских имений. Война заставила многих помещиков раньше выходить в отставку, возвращаться в свои поместья и самим заниматься хозяйством — раньше это был удел специально назначаемых управляющих². В какой-то степени этот факт в своих известных мемуарах засвидетельствовал А. И. Герцен, когда вспоминал: «Отец мой провел лет двенадцать за границей, брат его — еще дольше; они хотели устроить какую-то жизнь на иностранный манер без больших трат и с сохранением всех русских удобств. Жизнь не устраивалась, оттого ли, что они не умели сладить, оттого ли, что помещичья натура брала верх иностранными привычками? Хозяйство было общее, именье нераздельное, огромная дворня заселяла нижний этаж, все условия беспорядка, стало быть, были налицо»³.

Российская империя и русское общество после 1815 г.

Если оценивать в самых общих чертах людские потери и материальные жертвы в приведенных нами даже относительных данных, то необходимо подвести печальный итог. За победу в борьбе с Наполеоном России пришлось заплатить очень высокую цену. Что же она получила за потоки русской крови, за эти неслыханные людские потери, материальные издержки и подорванную войной экономику и финансы?

---

¹ *Туган-Барановский М. И.* Война 1812 г. и промышленное развитие России // Отечественная война и русское общество. Т. VII. С. 108–110.

² *Пичета В.* Война 1812 г. и народное хозяйство // Война и мир. М., 1912. С. 234.

³ *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 2007. С. 17.

Ценностно-стоимостный анализ плюсов и минусов империи после 1815 г. начнем с того, о чем уже мы упоминали. Россия осталась крепостническим государством. Она упрочила и отстояла свою независимость и свой суверенитет во время, когда ее существование подверглось суровым испытаниям на прочность. Но считаем необходимым подчеркнуть, Россия победила, мобилизовав для военных нужд все имеющиеся ресурсы, используя опять же, в первую очередь, феодальные методы: административно-полицейский аппарат, рекрутские наборы, помещичье ополчение, корпоративные сословные институты, феодальные способы управления и консолидацию государства и общества. Для победы над Наполеоном Россия достаточно эффективно (хоть и на пределе своих возможностей) использовала крепостническую систему и самодержавие как институт верховной власти.

Русский монарх и его чиновники вдохновляли народные массы и руководили страной в годы войны. Генералы и офицеры (т. е. дворяне и помещики) вели солдат в бой против неприятеля. Многие из них не на словах, а на деле доказали свою любовь к Отечеству и кровью заплатили за сохранение независимости страны. В центре событий в эпоху 1812 г., без всякого сомнения, находилось дворянство (во главе с монархом) и оно руководило всеми процессами в стране для обеспечения государственных приоритетов и задач. Такой объективный вывод необходимо сделать, вне зависимости от идеологических пристрастий. Именно дворянство управляло трудовыми ресурсами закрепощенного крестьянства, являлось фактическим сборщиком налогов и, по сути, рекрутским агентством в крепостной деревне, а также выполняло охранительные функции. Огромные людские массы в начале XIX в. могли правильно и эффективно использоваться только тогда, когда они были обучены, организованы (а также снабжены всем необходимым) и направлены властными структурами для выполнения определенных задач. В противном случае вся эта масса людей превратилась бы в толпу или случайное сборище и оказалась бы не только совершенно бесполезной в военное время, а и крайне вредной. В качестве примера можно привести объявленный Ф. В. Ростопчиным перед сдачей Москвы сбор вооруженных граждан для реализации его идеи священной народной битвы. Собралось несколько десятков тысяч москвичей. Хорошо, что их распустили, иначе военачальник любого ранга, понимающий тот реальный вред, который они, как сборище гражданских лиц, без сомнения, нанесли бы армии, приказал бы их разогнать. И оказался бы абсолютно прав¹. Без соответствующей организации и дисциплины — патриотизм, са-

---

¹ О противоположном мнении и защите этой идеи см.: *Горностаев М. В.* Ф. В. Ростопчин и М. И. Кутузов: взаимоотношения двух главнов-

мопожертвование, любовь к Родине — только слова, не приносящие никакой пользы для реального дела. В тогдашней России невозможно было найти иной силы, умевшей управлять государственной машиной, кроме дворян и чиновников, которые могли бы обучить, организовать, вдохновить и направить народную энергию против напавшего на страну врага.

Не случайно даже А. И. Герцен, которого не заподозришь в симпатиях к самодержавной власти, в своей работе «О развитии революционных идей в России» писал по этому поводу: «Первая часть петербургского периода закончилась войною 1812 года. До этого времени во главе общественного движения стояло правительство; отныне рядом с ним идет дворянство. До 1812 года сомневались в силе народа и питали несокрушимую веру во всемогущество правительства... Со времен Петра I русские государи не говорили с народом; надо думать, велика была опасность, если император Александр во дворце, а митрополит Платон в соборе заговорили об угрозе, которая нависла над Россией. Дворяне и купцы протянули руку помощи правительству и выручили его из затруднения. А народ, забитый даже в это время всеобщего несчастья или слишком презираемый, чтобы просить его крови, — народ этот, не дожидаясь призыва, поднимался всей массой за свое собственное дело. Впервые со времени восшествия на престол Петра I имело место это безмолвное единение всех классов. Крестьяне безропотно вступали в ряды ополчения, дворяне давали каждого десятого из своих крепостных и сами брались за оружие; купцы жертвовали десятую часть своих доходов»¹. Да и в сложившейся военной ситуации только не хватало устроить классовые разборки, недосуг было и выяснять, ради чего и как объединяться, — враг стоял на дворе. Единение сословий могло состояться, что и произошло, только вокруг символа и главы государства — российского императора. И ничего другого быть не могло.

Главное — цель, а она оказалась выполненной. В результате Наполеон сошел с исторической сцены. Россия сохранила свою политическую независимость и в дальнейшем получила возможность развиваться самостоятельно, а не по чужеземным рецептам и приказам. Если она делала ошибки в своем поступательном развитии, то эти ошибки были ее собственные, а не совершенные в рамках политики иностранного государства, в данном случае — французской империи, которая, благодаря русским усилиям, перестала существовать

командующих в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, факты. М., 2003. С. 31, 35–36.

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 7. М., 1956. С. 193.

на политической карте. Голос России стал одним из самых весомых в Европе и в мире. Это стало основным достижением эпохи 1812 г. Так, в манифесте от 1 января 1816 г. «О благополучном окончании войны с французами и об изъявлении высочайшей признательности к верноподданному народу, за оказанные в продолжение войны подвиги» следующим образом оценивались итоги войн против Наполеона: «Мы спасли Отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили яд его, водворили на земле мир и тишину, отдали законному Королю отнятый у него престол, возвратили нравственному и естественному Свету прежнее его блаженство и бытие»¹.

Отметим то, что с трудом поддается простому арифметическому исчислению, — моральный фактор после окончания войн с Наполеоном. «Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при славе отечества!.. С каким единокровием мы соединяли чувство народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута», — вспоминал А. С. Пушкин в повести «Метель». Ему вторил А. И. Герцен: «Это было действительно самое блестящее время петербургского периода; сознание силы давало новую жизнь...»² При желании можно привести целый набор высказываний видных общественных и государственных деятелей XIX столетия о морально-нравственном значении и влиянии победы над Наполеоном для россиян.

Эпоха 1812 г. — это длительный процесс, а события непосредственно 1812 г. и взятие Парижа в 1814 г. — стали пиком военной и национальной гордости государства. Действительно, если вспомнить историю, то увидим, что всего лишь однажды Россия одержала верх над величайшим полководцем в мировой истории (Наполеоном), больше победы такого масштаба в анналах российской армии не зафиксировано. Даже Берлин русские войска брали три раза (в Семилетнюю войну, в 1813 и 1945 гг.), а вот в Париж россияне как триумфаторы вошли лишь только один раз — в марте 1814 г. Только единожды наши казаки стояли бивуаком на Елисейских полях и купали лошадей в Сене.

Окончательная победа над наполеоновской Францией стала ярким дополнением к предшествовавшей военной славе, приобретенной еще Петром Великим, Румянцевым и Суворовым. Все это создало прочный и мощный исторический фундамент для российской идентичности и ментальности на оставшийся период XIX и XX вв.

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXIII. № 26059.

² Герцен А. И. Былое и думы. С. 16.

Российские подданные могли по праву гордиться своей историей. После 1812 г. в самосознании и в восприятии русскими самих себя возникло характерное подчеркивание русской уникальности и особого пути развития. В первую очередь, носителями российского имперского мировоззрения стало российское дворянство, причем это были не обязательно русские дворяне. Если взять представителей прибалтийского дворянства (преимущественно немецкого происхождения), мы без труда сможем отыскать в их рядах большое количество патриотов Российской империи, а значительная часть этого немецко-говорящего благородного сословия со временем перешла в лоно православия. 1812 г. в значительной степени консолидировал правящий класс Российской империи. Ведь, по мнению Д. Ливена, вся русская элита «охотно отождествляла себя с династическим государством, чья история в определенной степени была историей их семей»¹.

Но и на другие сословия и социальные группы населения эпоха 1812 г. оказала значительное влияние. Можно привести мнение А. Н. Пыпина: «Война Двенадцатого года была из тех великих войн, которые оставляют по себе долгую память и производят сильное действие на народную жизнь. Таковы бывают войны, в которых выражается известное историческое начало, сильно затрагивающее народные понятия, или решается вопрос национальной независимости, — войны, в которых действующим лицом является не одна армия, но и народ»². Очень высоко оценивал значение наследия наполеоновских войн и В. Г. Белинский: «Время от 1812 до 1815 года было великой эпохой для России. Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск, каким покрыла себя Россия в эту великую для нее эпоху, но и внутреннее преуспевание в гражданственности и образовании, бывшее результатом этой эпохи. Можно сказать без преувеличения, что Россия прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны, 12-й год, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил, чувством общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в чувстве разъединенных интересов частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения; кроме того, 12-й год нанес сильный удар коснеющей старине... глушь и дичь

---

¹ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. С. 397.

² Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. С. 288–289.

быстро исчезали вместе с потрясенными останками старины»¹. Мы привели такой большой отрывок из сочинений В. Г. Белинского, написанный в 1846 г., чтобы понять, как оценивали спустя 30 лет прошедшие события достаточно объективные современники, которых, наверное, никто не заподозрит в симпатии и верноподданнической любви к властям.

Осознание величия подвигов в годину испытаний внушало уважение к прошлому. У русского общества возникла потребность оглянуться назад и осознать пройденный путь. Не случайно в этот период появляется карамзинская «История государства российского» (первое систематическое изложение отечественной истории) и этому сочинению был предопределен небывалый доселе успех в обществе. В начале же XIX в. свет увидело 25 исторических произведений по русской истории, адресованных не только профессионалам, но и широкой аудитории². Исторические книги стали находить своего читателя, они раскупались. «Давно стали сознавать у нас, — писал А. Н. Пыпин, — что Двенадцатый год был эпохой в истории нашего внутреннего развития в том отношении, что с него начинается сильный поворот к национальному сознанию, что русская жизнь с этого времени, оставив прежнюю подражательность, выходит на дорогу народности, что литература с этих пор принимает национальный характер, и первый поэт, выросший под впечатлениями знаменательного времени, был Пушкин»³. Действительно под влиянием мощных импульсов, необходимых для дальнейшего развития, вследствие огромных сдвигов в духовном, гражданском и политическом сознании общества, начинается великая русская литература, рождается русский литературный язык, и эти процессы связаны напрямую с именем А. С. Пушкина⁴. Много ли сочинений литераторов XVIII столетия можем мы вспомнить, а, вспомнив, с удовольствием прочитать? Вряд ли. А во времена Пушкина, живого свидетеля 1812 г., вошли в литературу Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский и другие известные литераторы. Начался расцвет художественной

---

¹ *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина // Русская литературная критика XIX века. М., 2007. С. 59.

² *Володина Т. А.* «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России в начале XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 147.

³ *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. С. 291.

⁴ Как писал В. Г. Белинский, «в двадцатых годах текущего столетия русская литература от подражательства устремилась к самобытности: явился Пушкин» (*Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина // Русская литературная критика XIX века. С. 59).

прозы, поэзии, драматургии. Очень рано в духовной жизни русского общества появилось такое явление, как мемуаристика эпохи 1812 г., став важным фактором общественно-идейного движения и даже ареной столкновения различных идейных течений. Только корпус составленных ветеранами мемуарных источников 1812 г., по подсчетам А. Г. Тартаковского, составил 457 произведений¹. И все это происходило на фоне развивавшегося в то время обскурантизма, ужесточения цензуры, гонений на университеты, наступления реакции.

Русские люди долгое время купались в лучах военной славы, но не могли сразу же полностью осознать тот факт, что победили величайшего полководца и гения войны — самого Наполеона! Даже в головах просвещенных дворян еще не укладывалось, как это «лапотная и посконная» Россия смогла одолеть «прогрессивную и передовую» Францию? У некоторой части общества еще присутствовало определенное неверие в собственные силы, вернее, она не могла адекватно воспринять то, что произошло. Естественно, многие современники объясняли победу над Наполеоном только проявлением Божественного провидения. Если внимательно перечитывать прессу и текущую переписку очевидцев событий в 1812–1820-х гг., то там, как правило, встречаются фразы и толкования об орудии Божественных сил, «глаголе Всевышнего» и о Божественной помощи России в этот период: «Сколь Промысел для нас необъясним!», «перст Божий», «Велик русский Бог», «заступление Всевышнего», «покровительство Провидения», «Бог спас и помог России», «совершившийся над Нами промысел и милость Божья», «Доколе рука Бога над нами, до тех пор мудрость и шла с нами» и тому подобные высказывания в категориях христианского сознания и теологических принципов истолкования хода истории. Все укладывалось в знаменитый литературный слоган того времени — «Рука Всевышнего Отечество спасла». Победа же воспринималась как божественный приговор и кара Наполеону за его гордыню и честолюбивые замыслы («гений зла, побежденный Провидением», «Свершитель роковой»). Сам же российский император стал восприниматься как орудие Промысла Божьего, а Российская империя — как государство, отмеченное печатью Божественного Провидения. Не случайно и на медали «В память войны 1812 года» были выбиты слова «Не нам, не нам, а имени Твоему», а от них исходили лучи от всевидящего ока, как знака Господа.

---

¹ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. С. 94.

Налицо было и влияние резко возросшего мистицизма. Тем более что этой болезнью переболел сам Александр I, по инициативе которого в 1815 г. был заключен акт о Священном союзе. Заключение договора с отнюдь не случайным названием и необычным для дипломатических документов того времени «содержанием и формой», в котором европейские монархи на собственном примере рекомендовали своим подданным «почитать всем себя как бы членами единого народа христианского», свидетельствовало не только о влиянии и проникновении мистики в умы, а говорило о том, что потрясения, пережитая эпоха и победа над Наполеоном (вселенский мировой конфликт) оставили неизгладимый след в менталитете высших представителей власти. В мистический период Александра I был сделан крен в сторону идеи сближения всех направлений в христианстве. Прошлое, настоящее и будущее России рассматривалось через призму религиозных понятий. Русское дворянское общество во многом стало подражать моде и императору. Об этом свидетельствует и победная символика, запечатленная в нумизматике, живописи, графике, архитектуре. Мистические настроения тогда охватили довольно широкие слои общества, господствовали даже у части дворянской интеллигенции, а во многих фактах («дивные знамения», пророчества, «огневая комета» 1812 г., парящий орел над Кутузовым перед Бородинским сражением, отыскание сокровенного смысла и апокалипсического числа «666» в имени Наполеона и т. п.) усматривали предзнаменования даже люди весьма просвещенные. О том, насколько был силен спрос на мистическую литературу, свидетельствует тот факт, что за десятилетие после войны на русский язык оказалось переведено около 60 книг иностранных мистических сочинений и осуществлялось специальное издание мистического журнала «Сионский вестник», пользовавшийся большим успехом в высшем обществе¹. На этот же период падает активная деятельность Библейского общества, санкционированного высшей властью. В целом расцвет мистических настроений в обществе обычно характерен для государства, переживающего, состояние эйфории после успешно разрешенного кризиса или находившегося в периоде стагнации. В данном случае в какой-то степени совпали оба явления. С одной стороны, общество испытывало моральный подъем после одержанной победы, с другой стороны, экономика переживала ощутимые потери, нанесенные войной, и не имела возможности для реализации каких-либо новых идей для экономического подъема.

---

¹ Сивков К. Влияние войны 1812 г. на духовную жизнь России // Война и мир. С. 221.

Русское общество (и старое и молодое поколение), без всякого преувеличения, после окончания наполеоновских войн с одушевлением встретило своего императора на Родине как триумфатора. Как написал тогда в кантате по этому поводу главный пиит страны Г. Р. Державин:

Ты возвратился, благодатный,
Наш кроткий ангел, луч сердец.

Даже желчный А. П. Ермолов, на склоне лет характеризуя российского монарха, отмечал «прозорливость покойного императора, которого продолжительная борьба с величайшим своего времени полководцем и низложение его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногим достигнуть предоставляет»¹. Несмотря на то что император уклонился от пышных встреч и отказался от наименования «Благословенного», многие ждали от Александра I, уже ставшим признанным вождем нации и государства, адекватного победителя Наполеона, нового курса во внутренней политике. Он должен был оправдать надежды общества.

Необходимо засвидетельствовать некоторые робкие попытки Александра I после окончания войн дать стране конституцию и на основе принципа добровольности попробовать решить вопрос об отмене крепостного права, как несоответствующего «духу времени». До 1821 г. в правительственных кругах разрабатывались проекты преобразований крепостной деревни. Но одно только намерение русского монарха (варшавская речь 1818 г. Александра I как прелюдия к общероссийской конституции) вызвало ответную реакцию патриархальных кругов и заставило его быть более осторожным, а затем свернуть почти все свои послевоенные начинания, поскольку намерения приходили в конфликт с реальной политикой и с настроениями подавляющей части дворян-землевладельцев. В практической плоскости либеральные потуги никаким образом не реализовывались. По словам А. И. Герцена, «сам Александр желал улучшений, но не знал, как приступить к ним». В целом общество не получило от Александра I вразумительного и четко обозначенного вектора будущего развития страны, хотя до 1815 г. лейтмотив официальной пропаганды можно было определить как «свободу и независимость». В то же время неудовлетворенная послевоенными результатами жизни передовая радикальная дворянская молодежь (польская конституция породила некоторые надежды и даже ревность) осталась недовольной внутренней реакционной политикой, получившей название

---

¹ Письмо А. П. Ермолова к Н. Г. Устрялову // Русская старина. 1872. Т. VI. С. 291.

«аракчеевщина», что сначала толкнуло ее к организации тайных обществ (тогда не существовало открытых форм выражения политического мнения), а затем заставило ее выйти на Сенатскую площадь в 1825 г. Это был откровенный симптом неблагополучия крепостнической системы в России. Можно привести авторитетное суждение С. В. Мироненко: «Именно тогда решался вопрос, пойдет ли страна в ногу со временем или самодержавие и крепостничество и далее будут сковывать ее развитие. Возникла реальная альтернатива иного пути развития, и от результатов политических сил зависело будущее России». По его мнению, «крепостническая действительность того времени находилась в явном противоречии с курсом на коренные реформы»¹.

В этот послевоенный период развернулась борьба между сторонниками и противниками перемен внутри самого дворянства и в правительственных структурах. Собственно, столкновение этих сил было закономерно и неизбежно. Война объединила все слои страны и все даже полярные общественные элементы против общего врага. Но вот выводы из победы были сделаны разными силами совершенно противоположные. События 1825 г. на Сенатской площади послужили началом разлада между обществом и государством. После чего эти институты стали развиваться в разных направлениях. Русский двуглавый орел формально всегда смотрел в разные стороны, а тут налицо и реально уже оказался факт раздвоения. Самое страшное для будущих поколений — возникла оппозиционность (постепенно она стала традицией) образованных слоев населения к самодержавию. Государство и общество постепенно перестали понимать и слышать друг друга, что в итоге привело империю к краху в 1917 г.

Нет необходимости описывать правительственную внутреннюю политику после окончания наполеоновских войн в разных сферах жизни Российской империи. Эти темы нашли отражение в отечественной историографии. Но без участия России в наполеоновских войнах нельзя понять появившуюся в будущем ответственность русских за судьбу человечества. 1812 г. и заграничные походы русской армии крепко связали затем Россию с Европой. Именно поэтому современники стали привыкать рассматривать Россию в контексте общеевропейских и общемировых проблем и процессов. Отсюда возникла питательная почва для появления в будущем самых разных идей о миссии России и о ее роли в мировой истории, вплоть до внед-

---

¹ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 5, 216. См. также: *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982.

рения на русской почве марксизма, а затем его дальнейшую трансформацию.

После 1812 г. новый импульс получило и духовное развитие в России. Крепостничество не только тормозило социально-экономическое развитие страны, но и уродовало морально-нравственное состояние общества. Противоречия между наглядными внешнеполитическими достижениями и очевидной внутривнутриполитической отсталостью, косностью крепостничества заставляли общественную мысль работать. Брожение идей способствовало появлению самых разнообразных течений и кружков — от религиозных и философских до общественно-филантропических идей, от создания революционных организаций до спора между «западниками» и «славянофилами». Этим можно объяснить и созревание правительственной идеологии — теории официальной народности («Вера, самодержавие, народность»). Несмотря на кажущуюся тривиальность и критику этой идеи интеллектуалами, более простых и доступных для широких слоев населения лозунгов найти было трудно. Именно эти подкорректированные лозунги в середине XX столетия взяли на вооружение коммунистические идеологи, полностью отказавшись от малопонятной массы теории мировой революции. Государство тогда переживало трудный момент (шла Великая Отечественная война), и велосипед было изобретать некогда. Формулу «За веру, царя и отечество» видоизменили словосочетанием «За партию, за Сталина, за Родину» и выиграли войну.

Теперь попробуем ответить на главный вопрос, который должен волновать историков: эпоха 1812 г. ускорила или же отодвинула отмену крепостного права в России? Современные исследователи стараются обойти этот сугубо академический, но очень важный вопрос, в силу чего он еще долго будет оставаться ключевым в истории России XIX столетия. Честно говоря, только один А. А. Корнилов четко высказался в пользу первого предположения, считая, что последствия наполеоновских войн «оказались благоприятными прогрессу в одном весьма существенном отношении: они приблизили полную ликвидацию главного зла тогдашней жизни — крепостного права и крепостного строя — и не только приблизили ее, но и подготовили такие формы этой ликвидации, на которые едва ли можно было бы рассчитывать без их влияния»¹. Но вряд ли можно согласиться с таким мнением. Слишком длительный временной промежуток (от 1812 до 1861) ставит под сомнение правильность сделанного

---

¹ *Корнилов А.* Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 149.

вывода. Ведь этот вопрос оказался поднят (хоть и секретно) самой высшей властью после 1815 г. Логично предположить, раз уж вектор развития явно обозначился, что отмену крепостного права задержал даже не 1812 г., а события на Сенатской площади 1825 г. Безусловно, декабристы попыткой военного переворота актуализировали проблеме отмены крепостного права, коль ее признавали и новый император, и высшие сановники империи. Но Николай I, не желая идти на поводу у бунтовщиков, считал, что только самодержавная власть (как единственно мудрый орган в стране) имеет право самостоятельно решать, когда, где и как предпринимать какие-либо изменения в государстве. Во время его правления заседали секретные крестьянские комитеты, проводились эксперименты и делались конкретные шаги в сторону освобождения крестьян. Готовилась и прощупывалась почва для будущих преобразований. Ведь реформа по отмене крепостничества во многом была подготовлена не Александром II, а еще в царствование его отца, не успевшего доделать начатую работу. Так, нередко силы, старавшиеся придать ходу событий революционное ускорение (в данном случае декабристы), наоборот, затормозили их.

Результаты окончательной победы России в войнах эпохи 1812 г. в последующей истории пытались использовать в своих целях самые разные силы и идейные течения. В первую очередь партия политических староверов, отстаивавшая незыблемость самодержавия и крепостнических отношений, а также молодежь из радикальных кругов, стремившаяся к коренной ломке политической и социальной системы. Прежде всего борьба развернулась между этими силами, и необходимо признать, что консерваторы имели подавляющее большинство в дворянском сословии, а меньшинство оказалось представлено молодыми офицерами-романтиками. Скрытых оппозиционеров и критиков (справа и слева) правительственному курсу в России всегда хватало даже в рядах бюрократии и высшей элиты. При этом каждая из сторон стремилась найти аналогии с событиями 1812 г. и аргументы в свою пользу, так как многие из сторонников этих сил (реакционеры, революционеры, либералы и т. д.) являлись непосредственными участниками военных действий.

Безусловно, в России многое зависело от решений первого лица. Думаю, Александр I искренне стремился осуществить освобождение крестьян, хотя, видимо, понимал всю сложность и трудность подобных шагов. Капитальным преобразованиям в стране в первую очередь мешала бюрократия, по мнению С. В. Мироненко, «в руках которой находилось решение любого важного вопроса политической и социально-экономической жизни России». Эти представители рус-

ской элиты сами являлись крупными помещиками, пользовались поддержкой всего дворянства и «вовсе не были заинтересованы в освобождении крестьян»¹. Для реализации своих целей русский монарх, столкнувшийся с оппозицией дворянства, продумывал не только пробные и конкретные шаги, а даже замыслил сложную политическую конфигурацию. Если во внешней политике он связал Россию со Священным союзом (надеясь на солидарность или нейтралитет крупных европейских держав), то в главном внутривнутриполитическом вопросе он решил найти новую опору в военных поселениях. В данном случае преследовалось несколько целей. С одной стороны, он стремился уменьшить финансовые расходы на армию (государство все еще находилось в тисках финансового кризиса), а с другой, создать независимый, или минимально зависимый, от дворянства социальный слой (военных поселенцев), на который император мог опираться при решении трудных внутривнутриполитических задач. Не случайно в манифесте от 30 августа 1814 г., выражавшем признательность всем сословиям за участие в Отечественной войне 1812 г., Александр I, несмотря на возражение А. С. Шишкова, на первое место велел поставить воинство, а лишь за тем дворянство². Именно поэтому Александр I, несмотря на ропот и общественное недовольство, давление высших чиновников, бунты военных поселенцев, так упорно и настойчиво (во что бы то ни стало) продвигал в жизнь это нововведение. В последнее десятилетие его царствования резко усилилась и роль А. А. Аракчеева (ему было поручено создание военных поселений), способного администратора и беспрекословного исполнителя державной воли, а главное, человека, никак не связанного с высшими кругами дворянства. Выходцы же из русской аристократии не стремились попасть на службу в военные поселения, а как раз, напротив, цвет русской дворянской молодежи оказался в рядах декабристов.

Но, видимо, в разработанной схеме русского самодержавия оказались изъяны и далеко не все складывалось таким образом, как он это задумывал. В его планы вмешивалась и подводила неблагоприятная конъюнктура: и нестабильное положение в Европе (военные революции), и резко возросшая возможность войны с Турцией из-за Греции (этого от императора требовали патриоты и все высшее общество), и внутренние неурядицы (лично его особенно больно задела за живое Семеновская история), и неудача в деятельности Библейского общества. Именно поэтому, как отмечали многие исследователи, у

---

¹ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 232–234.

² См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Т. III. С. 256–258.

Александра I в последние годы царствования наблюдались признаки депрессии и явная усталость. В качестве примера приведем мнение декабриста А. М. Муравьева: «Последние годы своей жизни Александр находился во власти смутной меланхолии: болезнь, которую бог иногда посылает сильным мира сего, чтобы смиренно согнуть их под бременем скорби — тем самым преподав величественный урок равенства»¹. Но именно депрессия Александра I в последние годы послужила основанием после его смерти для возникновения красивой легенды о старце Федоре Кузьмиче.

Российская армия после наполеоновских войн

Важно отметить и последствия победы над Наполеоном для русской армии. Обозначить, что в области военного искусства в Европе в первой четверти XIX столетия продолжали активно бороться две тенденции: условно говоря, прусская система и новая, связанная с эпохой наполеоновских войн. В России из этих двух главных направлений военного дела на рубеже двух веков первоначально явное предпочтение отдавали внешней стороне прусской модели, о чем наглядно свидетельствовало все царствование Павла I и начало правления Александра I, который в результате полученного от отца военного воспитания унаследовал чрезмерное увлечение «фрунтовой» службой. Затем поражения 1805 и 1807 гг. выдвинули на авансцену военачальников-практиков и заставили правительственные круги активно проводить реформы в армии в духе тактики колонн и рассыпного строя, а многие элементы являлись прямыми заимствованиями военного дела у французов. К 1815 г. резко возросший авторитет России в Европе опирался на овеянные героизмом последних походов войска. Но не случайно самобытный военный историк-эмигрант А. А. Керсновский, назвав взятие Парижа «апогеем русской славы», сделал печальный вывод о том, что «этим радостным видением закончился золотой век нашей истории»².

После кровавых испытаний целой чередой войн начала XIX столетия русские войска представляли грозную боевую силу, и с ними вряд ли кто мог сравниться в Европе на тот момент. Ореолом воинской славы до последних дней своей жизни были окружены и многие русские генералы, получившие европейскую известность. Но с окончанием наполеоновских войн начался новый период, характеризовавшийся очередным витком прусского влияния в жизни армии.

---

¹ Жордания О. К. Декабрист А. М. Муравьев и его записки «Мой журнал». Тбилиси, 1990. С. 111.

² Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 293.

Показателем этого стал в 1815 г. знаменитый смотр русских войск в Вертю. Возобладало мнение, что огромную по численности армию-победительницу, разболтавшуюся на войне («война испортила войска»), нужно было «подтянуть», и в первую очередь в строевом отношении. Александр I был всегда любителем плаца не менее, чем его родитель. Он свято верил в спасительность подобных идей, значительно ослабевших за военное десятилетие, так как боевые условия не способствовали развитию шагистики, увлечению парадными и смотрами.

С 1815 г. на передний план вышла чисто внешняя сторона армейской действительности: разводы, плац-парады, церемониальные марши тихим и скорым шагом, красота строя, муштра, доведение до автоматизма манипуляций с оружием, выправка, этикетки, ремешки и т. п. Армия втянулась в каждодневную рутину экзерцимейстерства в ущерб боевой подготовке. Можно полностью согласиться с мнением известного русского историка А. Баиова о том, что в этот период «гатчинский режим восторжествовал окончательно и стал господствовать безраздельно, с течением времени все больше и больше приближаясь к идеалу, начертанному Императором Павлом, и даже во многом превосходя его»¹. Изменились и критерии успеха по службе. Они стали измеряться не заслугами на полях сражений, а строевыми «достижениями» и «удачами», доскональным знанием «фрунтовой» и «ремешковой» науки, уставными мелочами. Значительная часть боевых офицеров и генералов покинула армейские ряды, а взамен их стал рождаться новый тип «отцов-командиров» (удачно выведенный в образе грибоедовского Скалозуба), для которых премудрость военного искусства заключалась в выправке, в вытягивании носков, в параллельности шеренг, в неподвижности ружей при маршировке и т. п.

Здесь необходимо отметить еще один важный момент. Именно в этот период сформировались взгляды и отношение к военному делу будущего императора Николая I. Он родился слишком поздно, и в отличие от своих старших братьев не успел пройти военную школу под личным приглядом своего отца — Павла I. Его воспитание и становление пришлось как на военное, так и на мирное время царствования Александра I. Именно в этот период будущий император, получив, как и его младший брат великий князь Михаил, в командова-

---

¹ Баиов А. Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. С. 191. Эту ситуацию в армии очень хорошо прокомментировал генерал И. В. Сабанев: «У нас солдат для амуниции, а не амуниция для солдата» (цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 83*).

ние гвардейскую бригаду, полностью проникся гатчинским духом обучения войск и стал одним из самых ревностных и рьяных поборников дисциплинарных взысканий за строевые упущения или за малейшие нарушения формы одежды. Декабрист Н. И. Лорер оставил очень подробные воспоминания о том, как великие князья Николай и Михаил «тут же стали прилагать к делу вошедший в моду педантизм» и «друг перед другом соперничали в ученье и мученье солдат»¹. Многие «гатчинские» достижения в русской армии дожили до начала XX в., когда учебные маневры войск гвардии и Петербургского военного округа все еще проходили «в духе Прейсиш-Эйлау и Бородино»², или прохождение парадов (120 шагов в минуту), а затем многие их этих традиций благополучно перешли в Советскую армию, что может засвидетельствовать любой объективный военный историк.

В данном случае необходимо отметить, что Александру I от его отца досталась армия, во многом построенная на прусских образцах, и он вынужден был обновить ее в ходе десятилетних войн. Аналогичным образом «александровская» победоносная армия перешла в правление Николая I. Но, если в наполеоновскую эпоху прусские порядки все же оставались в тени, что в немалой степени способствовало окончательной победе над противником, то во второй четверти XIX столетия уже освященные «памятью двенадцатого года» войска при возродившемся гатчинском духе привели Российскую империю к поражению в Крымской войне.

Историю российской армии можно представить в виде качающегося маятника, периодически отклоняющегося то в сторону громких военных побед, то крупных поражений и неудач. Любая победа в своей основе таит опасность появления самоуспокоенности и самодовольства, а также консервации всего устаревшего. По сути, с Россией это и случилось после окончания войн с Наполеоном. Она слишком долго почивала на лаврах, слишком долго раскачивалась и готовилась к реформированию. Крымская война не просто стала новым Аустерлицем, она высветила для общества насущную необходимость преобразований во всех сферах, несмотря на сильные позиции сторонников крепостничества. Это подвигло государство на уже назревшие и ставшие крайне необходимыми реформы, которые при определенных условиях, возможно, могли быть проведены и после 1815 г., но подобных условий в России в тот период не возникло.

---

¹ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 50.

² Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М., 1973. С. 57.

Выводы к 4-й главе. После изгнания Наполеона из России российская армия в соответствии с разработанными до начала войны планами продолжила поход в Европу, несмотря на наличие в рядах элиты противников дальнейшего продолжения военных действий за границей. В этот период дипломатия смогла привлечь на свою сторону сначала Пруссию, затем Австрию, не говоря уже о потенциальных союзниках — Великобританию и Швецию. Тем самым была организована 6-я антинаполеоновская коалиция, лидером которой стал российский император Александр I. Стратегия, которую проводили союзники (так называемый Трахенбергский план 1813 г., так же как и основные замыслы 1814 г.), исходила и базировалась на главных идеях плана войны 1812 г. В этом проявлялась последовательность целей российского императора, действия которого были подчинены определенной логике.

Российская армия в период 1813–1814 гг. являлась главным оплотом и самым боеспособным контингентом сил союзников. Именно она вынесла основные тяготы этих кампаний, понесла большие потери в боях и внесла самый весомый вклад для достижения победы. Несмотря на первые, не совсем удачные сражения 1813 г. под Лютценом и Бауценом, русские войска сыграли главную роль в победе под Кульмом — в переломный момент в кампании, а затем и в генеральной битве под Лейпцигом. Наличие русской легкой кавалерии (регулярных и казачьих полков) и рейдовых партизанских отрядов, совершавших набеги на тылы и коммуникации противника, оказало большое влияние на успешные действия союзников. Итогом кампании 1813 г. стало освобождение германских земель и Голландии, а также присоединение к коалиции всех немецких государств. Фактическим теневым главнокомандующим союзников стал Александр I, контролировавший благодаря своему авторитету из четырех армий союзников три с половиной. Он также принимал главные стратегические решения и утверждал планы союзников.

В кампании 1814 г. русские войска продолжали играть основную роль и принимали участие во всех главных сражениях. Благодаря настойчивости Александра I союзники двинулись на Париж, а капитуляция французской столицы привела к первому отречению Наполеона от престола. В 1815 г. русские войска из-за удаленности смогли принять участие в самом конце кампании, когда уже было ясно поражение Наполеона. Подвел итоги наполеоновских войн Венский конгресс. Россия в послевоенный период занимала ведущую роль в международной политике, а Александр I стал инициатором и творцом Венской системы — по его предложению была принята схема мирного существования, предусматривавшая сохранение сложившегося баланса сил, неизбежность форм правлений и границ.

За участие в наполеоновских войнах Россия заплатила высокую цену, погибло около миллиона человек, колоссальные расходы на ведение военных действий — более миллиарда рублей, сожжены города и деревни, разорены фабричные центры, нарушена хозяйственная жизнь в губерниях, подвергшихся нашествию. 1814 г. — пик военной славы России, это способствовало созданию прочного исторического фундамента для российской идентичности на оставшийся период, именно после войны начался расцвет художественной прозы, поэзии, драматургии, современники активно стали писать мемуары об эпохе 1812 г. Но одновременно возросло влияние мистицизма.

В послевоенный период развернулась борьба внутри дворянства между сторонниками и противниками перемен. Результаты победы России в войне пытались использовать в своих целях самые разные силы и идейные течения (реакционеры, радикалы, либералы и др.). Робкие попытки Александра I провести необходимые реформы и решить вопрос об отмене крепостного права были свернуты из-за ответной реакции патриархальных кругов дворянства. Победили консерваторы, в стране установился режим «аракчеевщины». Декабристы попыткой военного переворота в 1825 г. только отодвинули по времени процесс отмены крепостного права, а события на Сенатской площади послужили началом разлада между государством и обществом. Неоднозначным было и влияние одержанной победы на армию, в которой получили дальнейшее развитие гатчинские традиции и стала процветать фрунтomanия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До XIX столетия Европа по существу еще не видела такого накала вооруженной борьбы и такой концентрации воинских сил, как во время наполеоновских войн. Не случайно генеральное сражение той эпохи получило название «битвы народов». Локальные конфликты и отдельные войны против революционной Франции предшествующего периода очень быстро, практически без перерывов, переросли в столкновение объединенных европейских государств с империей Наполеона. Понадобилась организация нескольких коалиций европейских держав, прошедших через горнило больших поражений и допускавших в своих действиях парадоксальные ошибки, но под конец отбросивших мелкие счета ради достижения общей цели — решающей победы над агрессивным противником. В это военное противостояние оказались втянуты не только все европейские державы, но и народы, что придало военному конфликту совершенно новый, всеобщий характер. По сути эта была первая в истории мировая война, хотя и имела другое название.

Политика, которую проводила Россия на международной арене, выражала ее национальные интересы, продиктованные волей дворянства, единственной тогда в стране политической и социальной силой, могущей в то же время выразить свои интересы. Российская империя, как и другие великие державы, была обеспокоена политикой и безудержной экспансией молодого французского императора Наполеона в Европе и его претензиями на мировое господство. До 1805 г. она стремилась дипломатическими и мирными средствами сохранить статус-кво европейских государств и не допустить разрастания военного пожара. Тем самым она защищала свои интересы в регионах, где имела влияние и традиционные интересы: в Средиземноморье, Балканах, Германии и Италии (где была связана союзническими обязательствами с неаполитанским и пьемонтским дворами). Только истощив мирные способы решения международных проблем, Россия, ввиду агрессивного внешнеполитического курса Наполеона Бонапарта, приняла участие в 3-й и 4-й антинаполеоновских коалициях.

Можно сравнить стратегический сценарий участия России в кампаниях 1805–1807 гг. против наполеоновской Франции и найти общие закономерности. Австрийцы (в 1805 г.) и пруссаки (в 1806 г.), не

дожидаясь прибытия русских войск, желали достичь результатов в одиночку, но в ответ получали молниеносные удары и терпели сокрушительные поражения, а затем русские войска практически уже без союзника на чужой территории вели оборонительные бои против Великой армии. Поражения русских войск были продиктованы как недостаточной подготовкой и язвами армейской жизни, так и во многом эгоизмом союзников, в чем явственно проявились слабости коалиционного характера ведения войн против такого талантливого полководца, как Наполеон. Необходимо признать, что российские власти в тот период ошиблись в оценке боеспособности собственных вооруженных сил, не смогли до войны правильно определить передовые тенденции в военном искусстве и ориентировались на шаблонные представления в духе линейной тактики, тогда как их противник эффективно использовал на полях сражений тактику колонн и рассыпного строя. Но даже после неудач (Аустерлиц, Фридланд) было ясно, что только русские войска представляли единственную силу, способную противостоять Наполеону на европейском континенте. Поражения заставили провести анализ неудачных кампаний, взяться за реформирование армии, обратить внимание на тактическую и боевую подготовку войск и отдельного солдата, совершенствовать организационную структуру и штабную службу. За образец были взяты победоносный опыт Наполеона и организация его Великой армии, а на ведущие командные должности стали выдвигаться молодые военачальники, хорошо зарекомендовавшие себя во время войн. Без опыта неудач кампаний 1805–1807 гг. высшее командование не смогло бы разработать правильную оборонительную стратегию и принять верное решение на затягивание войны и отступление вглубь русской территории, приведшие к торжеству русского оружия.

В 1812 г. Россия боролась в одиночку и, истощая свои людские и материальные ресурсы, смогла победить, русские войска и русский народ продемонстрировали негибаемую волю к достижению победы, когда даже упорные англичане скептически оценивали шансы России на успех. Важное значение получили разведанные, собранные накануне войны. Русская разведка смогла точно определить перспективу развития событий и предоставить руководству ряд возможных, наиболее целесообразных практических решений. Принципиальное значение имела и бескомпромиссная позиция Александра I в 1812 г. — не вступать в мирные переговоры с противником, пока хоть один французский солдат находится на русской территории. Во многом успех оказался предопределен и разработанной до начала войны верной стратегией и планом военных действий, принятым уже во второй период войны — нанесение ударов с флангов против растянутой коммуникационной линии Наполеона и окру-

жение Великой армии в заранее заданном районе на р. Березина. Хотя этот план полностью не был осуществлен из-за ошибок русских командующих лиц, а Наполеону удалось вырваться из тисков, можно с полным основанием говорить о катастрофе, постигшей французов на Березине, и последующей гибели Великой армии в России.

В 1813 г. после провала Русского похода и изгнания неприятеля из пределов России (с понесением катастрофических потерь) у Европы появились проблески надежды на возможное освобождение от французского диктата. Александр I, несмотря на наличие в его окружении лиц, считавших нужным остановиться на границе, исходя из принятой трехлетней концепции борьбы с Наполеоном, принял важное решение продолжить боевые действия в Европе, идти до победного конца и покончить с могуществом французской империи. Решение являлось вполне обоснованным. Оно было продиктовано не личным соперничеством двух императоров, а исходило из интересов России и вытекало из логики борьбы с таким агрессивным и талантливым противником, как Наполеон, который не смог бы остановиться и попытался бы затем в будущем взять реванш за промахи 1812 г.

Маховик событий стал раскручиваться в другую сторону. Россия в 1813–1814 гг. сражалась уже и за себя и за всю Европу, она смогла, подавая пример, постепенно привлечь под знамена 6-й антинаполеоновской коалиции все европейские народы и поставить в Париже победную точку. Именно действия ее армии, составлявшей костяк сил коалиции и самую боеспособную часть союзников, явились первопричиной поражения Наполеона в тот заключительный период. Русские войска в 1813–1814 гг. приняли участие во всех главных сражениях этих кампаний и понесли самые большие потери по сравнению с союзниками: Лютцен, Кенигсварта, Бауцен, Дрезден, Кульм, Кацбах, Лейпциг, Бриенн-ле-Шато, Ла-Ротьер, Шампобер, Монмирай, Шато-Тьерри, Вошан, Лаон, Краон, Арси-сюр-Об, Фер-Шампенуаз, Париж. Их вклад в дело победы был решающим. В этот период организатором и бесспорным лидером антинаполеоновской коалиции являлся Александр I, именно ему в триумvirате союзных монархов (вместе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и австрийским императором Францем I) принадлежало последнее слово в принятии основных политических решений. Он же, как показало наше исследование, стал и фактически теньвым главнокомандующим союзных армий, именно им при помощи штабного окружения принимались важнейшие стратегические, а иногда и тактические решения. Взятие Парижа в 1814 г. стало пиком военной славы России. К 1815 г. в качественном и количественном отношении российская императорская армия считалась самой сильной и мощной армией в Европе, а император Александр I самым влиятельным мо-

нархом. Блестяще российский монарх проявил себя и на дипломатическом фронте, фактически лично взяв руководство внешнеполитическим ведомством в свои руки после 1807 г. На этом поприще он проявил себя (по мнению современников и историков) как очень умелый и опытный политик, и его можно поставить на один уровень и никак не ниже с такими известными дипломатами того времени, как К. Меттерних и Ш. М. Талейран.

Важно также обратить внимание на эволюцию процесса разработки русских военных планов. В 1805 г. план военных действий составлялся под диктовку и в угоду австрийцам, даже тактические разработки (включая Кремс, Аустерлиц) велись австрийскими офицерами Генерального штаба. В 1812 г., уже после реформирования русской штабной службы (свиты Его Величества по квартирмейстерской части) и притока в этот орган способной молодежи, армия полностью перешла на использование русских штабных офицеров в практике боевых действий; не случайно в 1812 г. оперативные планы и стратегический курс были разработаны русскими генералами и императором Александром I. Во время заграничных походов 1813–1815 гг. уже получившие большой практический опыт русские штабные сотрудники смело вступали в споры и успешно конкурировали со своими европейскими коллегами, и многие их советы и стратегически важные предложения через Александра I были внедрены в жизнь. Венцом заграничных кампаний стал план 1813 г., принятый союзниками в Трахенберге. Так же, как и в 1812 г., он учитывал весь предшествующий опыт войн против Наполеона, когда положительные результаты достигались лишь путем изнурения войск противника, затягивания военных действий, отказа от генерального сражения, активных действий на флангах против слабого неприятеля и его принуждения принимать бой в невыгодных для него условиях. Хотя союзники в 1813 г. действовали не всегда последовательно и в соответствии с Трахенбергскими соглашениями (например, сражение под Дрезденом), в итоге, руководствуясь этим планом, одержали верх над Наполеоном. Основные стратегические идеи союзников 1814 г. также были схожи с положениями, выработанными в Трахенберге.

Россия одержала победу, используя все свои возможности: корпоративные сословные институты, консолидацию государства и общества, самодержавие как институт верховной власти и мощь государственного аппарата; мобилизовав на пределе своих сил все имеющиеся ресурсы при помощи феодальных методов: рекрутские наборы, добровольные формирования, призыв на службу казачества и иногородцев, ополчение крепостных крестьян, добровольные жертвования. Победе в наполеоновских войнах способствовало и то обстоя-

тельство, что по сравнению с Францией в России, несмотря на наличие крепостного права, не наблюдалось еще военно-экономического отставания. Хотя в распоряжении Наполеона находился почти весь промышленный потенциал континентальной Европы, российская экономика оказалась в тот период сопоставимой с европейской и смогла, несмотря на финансовый кризис, снабжать свою армию всеми необходимыми средствами для ведения боевых действий. В 1812 г. На стороне русских было неоспоримое преимущество — они сражались на своей территории вблизи тыловых баз и запасов, во время заграничных кампаний русским войскам было гораздо тяжелее, особенно в 1805 и 1807 гг., когда снабжение частично или полностью зависело от союзников.

Международные итоги наполеоновских войн оказались неоднозначны для Европы и для России, они были закреплены в 1815 г. Венской системой. Роль России в системе международных отношений оказалась ведущей на значительный период первой половины XIX столетия. Александр I стал главным инициатором и творцом Священного союза (объединения европейских монархов), который представлял прообраз современной единой Европы. В отличие от мысли Наполеона создать силой оружия единую европейскую монархию под своим скипетром, Александр I предложил и организовал мирным способом союз государей для решения насущных проблем континента. Безусловно, в деятельности проводимых конгрессов Священного союза можно найти много реакционных моментов, направленных против возможных революций. Это объединение, созданное как ответная реакция на ужасные последствия наполеоновских войн и продиктованное страхом перед возможным пришествием Наполеона, в те времена не имело под собой экономического обоснования и фактически перестало существовать после смерти российского императора и его антипода. Но как прецедент это имело важное значение для XX столетия, о котором вспомнили и стали использовать как реальный механизм для решения сложных международных проблем.

Борьба с наполеоновской империей выражалась не только в военном соперничестве, но и в «битве мозгов», в борьбе идей и пропагандистских машин противоборствующих сторон, в выработке верных стратегических моделей поведения государств, исходя из понимания складывавшейся и стремительно менявшейся политической обстановки. В этом сражении интеллектов победили политика, трезвый стратегический расчет и взгляды представителей русской правительственной элиты и ее лидера — российского императора Александра I, ибо их идеи оказались более привлекательны и правильны, а их реализация привела к полному успеху России на внешнеполитической арене. Российский монарх, возглавлявший империю

с крепостническим укладом, стал приветствоваться европейцами как освободитель народов от наполеоновского диктата.

За свою победу над Наполеоном Россия заплатила очень высокую цену — миллионом человеческих жертв и финансовыми и материальными издержками в фантастическую сумму — более чем в миллиард рублей. Эпоха 1812 г. оказала мощное воздействие на все слои населения, новый импульс получило творческое и духовное развитие России, после окончания войн наблюдался расцвет литературы и искусства, публицистики и мемуаристики с 1812 г. Именно на послевоенный период выпадают идейные искания дворянской молодежи, познакомившейся во время заграничных походов с условиями европейской жизни и неудовлетворенной реалиями крепостнической России, вылившиеся затем в создание декабристских обществ и в события на Сенатской площади в 1825 г. В некоторой степени возникновению декабризма в офицерской среде способствовали негативные тенденции, проявившиеся в военной сфере. Поскольку во властных структурах (в первую очередь по мысли Александра I) возобладало мнение, что армия во время боевых действий «разболталась», то в войска вновь вернулись гатчинские порядки, начали процветать парадомания и шагистика, стали цениться не боевые заслуги, а умение красиво маршировать и соблюдать все тонкости ношения униформы, а также под руководством графа А. А. Аракчеева стали насаждаться военные поселения.

При Александре I и при Николае I постоянно создавались секретные крестьянские комитеты, поскольку власть сама понимала назревавшую необходимость отмены крепостного права. По этому вопросу велась постоянная борьба внутри самого правящего сословия и в среде высшей бюрократии. Противниками реформы выступала большая часть консервативно настроенного дворянства, не хотевшая перемен и считавшая, что как раз победа в наполеоновских войнах была достигнута благодаря патриархальному укладу России. Военное выступление декабристов (жаждущих изменений) затормозило в стране процесс отмены крепостного права, поскольку заставило самодержавные институты с большой осторожностью и оглядкой на консерваторов готовить неизбежное реформирование социального облика государства.

Россия после 1815 г. все еще оставалась крепостнической державой, в то время как в Европе происходила промышленная революция. Поэтому грехи крепостничества, отставание в экономической области и возрастающая межгосударственная конкуренция не давали возможности России в быстро меняющемся мире далее удерживать свое лидирующее положение. Только поражение в Крымской войне заставило русскую элиту, хоть и с явным запозданием, пойти на отмену крепостного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивы

АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи)

Ф. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464.
Д. 216, 218, 296, 303, 400, 2534, 2748, 3015, 3121, 3165, 3181, 3220, 3250,
3291, 3317, 3363, 3475, 3493, 3705, 3181.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)

Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 1.
Д. 136.

Ф. 1711. Орлов М. Ф. Оп. 1. Д. 7.

Ф. 877. Воейковы. Оп. 1. Д. 341.

Институт русского языка и литературы (Пушкинский дом)

Ф. 265. Русская старина, редакция ежемесячного журнала. Оп. 2.
Д. 123, 124, 2499.

ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея).

Ф. 137. Военно-исторический музей. Оп. 1. Д. 2, 87, 600, 1071.

Ф. 155. Материалы к истории армии, флота и отдельных войн. Оп. 1.
Д. 110, 112, 120, 166, 183.

Ф. 160. Материалы к истории Отечественной войны 1812 года и зарубежного похода. Оп. 1. Д. 168, 170, 182, 196, 214, 234, 238, 241, 245, 250,
254, 258, 266, 269, 271, 272, 278, 295, 302, 308, 310, 324.

Ф. 231. Попов А. Н. Оп. 1. Д. 3, 24.

Ф. 239. Закревский А. А. Оп. 1. Д. 28–31.

ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки)

Ф. 41. Булгаковы. Картон 86. Д. 8.

РГАДА (Российский государственный архив древних актов)

Ф. 30. Гос. архив. Новые дела. Оп. 1. Д. 196–287.

Ф. 1406. Ермоловы. Оп. 1. Д. 236, 1031.

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив)

Ф. 846. Военно-ученый архив (ВУА). Д. 432, 3380, 3381, 3385, 3399,
3404, 3419, 3464, 3465, 3482, 3484, 3496, 3501, 3506, 3509, 3510, 3514, 3525,
3524, 3574, 3583, 3584, 3597, 3604–3611, 3613; 3730, 3849, 3909, 3911,
3913.

Ф. 29. Канцелярия Военного министерства. Оп. 9. Д. 207; Оп. 153а. Св. 12. Д. 1287; Св. 28. Ч. 36.

Ф. 103. Барклай де Толли М. Б.. Оп. 208а. Св. 0. Д. 5, 8, 13, 55; Св. 1. Д. 3; Св. 8. Д. 73; Св. 21. Д. 44; Св. 32. Д. 38; Св. 45. Д. 2; Св. 55. Д. 5/44; Св. 57. Д. 17; Оп. 208г. Св. 3. Д. 13; Оп. 3/209г. Св. 51. Д. 55; Оп. 4/210. Оп. 20. Д. 123, 129.

Ф. 216. Воейков А. В. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 474. Отечественная война 1812 г. и кампании 1813–1814 гг. Д. 8, 14, 94, 97, 101, 1340.

Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 62/3. Д. 1793.

Ф. 489. Формулярные списки. Оп. 1. Д. 2994, 2996, 2997, 7046, 7058, 7060, 7062.

Ф. 395. Инспекторский департамент Военного министерства. Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. 1817 г. Д. 388.

РГИА (Российский государственный исторический архив)

Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Оп. 1. Д. 649.

Ф. 1162. Государственная канцелярия Государственного совета. Оп. 6. Д. 859.

Ф. 660. Закревский А. А. Оп. 1. Д. 145.

РО РНБ (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки)

Ф. 152. Военский К. А. Оп. 1. Д. 225.

Ф. 859. Шильдер Н. К. Картон 7. Брульон 6.

Публикации официальной делопроизводственной документации

1. Аустерлиц: Реяции генералов от инфантерии Голенищева-Кутузова и графа Буксгевдена // Военный сборник. 1903. № 9. С. 228–234.

2. *Безотосный В. М.* Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. 1996. Вып. VII. С. 59–146.

3. *Беляев В.* К истории 1812 г.: Письма маршала Бертье к принцу Евгению-Наполеону Богарне, вице-королю Итальянскому. СПб., 1905.

4. Бородино: Документальная хроника. М., 2004.

5. Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

6. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. I–X. М., 1897–1908.

7. В мае 1812 года // Русская старина. 1912. № 5. С. 430–444.

8. Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: 1812–2012. Уфа, 2012.

9. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. I–VIII. М., 1960–1972.

10. Война 1813 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. I–III. СПб., 1914.

11. Генерал Багратион: Сб. документов. М., 1945.
12. *Горяинов С.* 1812: Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов. Ч. II. СПб., 1912.
13. Двенадцатый год: Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западной армиею, генерала от кавалерии А. П. Тормасова. СПб., 1912.
14. Документы штаба М. И. Кутузова: 1805–1806. Вильнюс, 1951.
15. Донские казаки в 1812 году: Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1954.
16. Донское казачество в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: Сб. документов. Ростов-на-Дону, 2012.
17. Журнал военных действий войск, состоявших под начальством генерал-майора графа Каменского 2-го с 14 апреля по 27 июня 1807 года. СПб., 1809.
18. Журнал военных действий Западной армии со времени принятия над нею начальства генералом от инфантерии Барклаем де Толли до заключения перемирия в Силезии. Б. м. и г.
19. Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, т. е. с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. СПб., 1807.
20. Журнал военных действий российской императорской и королевско-прусских армий в 1813 году. СПб., 1829.
21. Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции, в мае 1814 года. Ч. 1–2. СПб., 1837.
22. Журналы Комитета министров. Т. II. СПб., 1891.
23. Записка, поданная князем А. Б. Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения // Русский архив. 1869. Стлб. 1125–1138.
24. Записка трех товарищей министров императору Александру I // Русская старина. 1894. № 8. С. 212–216.
25. Из бумаг канцелярии генерал-фельдмаршала графа Каменского за 1806 год // Военный сборник. 1907. № 4. С. 245–250; № 5. С. 273–278.
26. Из переписки императора Александра I с графом Салтыковым // Русская старина. 1881. № 11. С. 662–665.
27. М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. I–V. М., 1950–1956.
28. Копия с собственноручного письма Александра к генералу Беннигсену // Исторический вестник. 1917. Т. 148. (Апрель, май, июнь). С. 563–567.
29. *Лейхтенбергский, герцог.* Принц Евгений-Наполеон Богарне во главе Великой армии 4 (16) января – 19 апреля (1 мая) 1813 года // Военный сборник. 1904. № 1. С. 1–30; № 2. С. 1–54; № 3. С. 1–56; № 4. С. 1–38; № 5. С. 1–44; № 7. С. 1–30; № 8. С. 1–24.

30. Малоярославецкое сражение 12/24 октября 1812 года: Документы. Воспоминания. Дневники. Письма. Калуга, 2012.

31. *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 3. СПб., 1876; Т. 7. СПб., 1885; Т. 13. СПб., 1902.

32. Материалы для истории войны 1812 года: Приложения к запискам Алексея Петровича Ермолова. М., 1864.

33. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962.

34. Народное ополчение 1806 года // Русский архив. 1895. Кн. 2. С. 401–420.

35. *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. СПб., 1912.

36. *Николай Михайлович, вел. кн.* Дипломатические сношения между Россией и Францией по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона. Т. I–VII. СПб., 1905–1914.

37. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. I. Ч. 2. СПб., 1900; Т. VII. СПб., 1907; Т. XI. СПб., 1909; Т. XII. СПб., 1909; Т. XIII. СПб., 1910; Т. XIV. СПб., 1911; Т. XVIII. СПб., 1911; Т. XIX. СПб., 1912; Отд. II. Т. I. СПб., 1903.

38. Переписка императора Александра I и Баркляя де Толли в Отечественную войну после оставления государем армии // Военный сборник. 1903. № 11. С. 241–262; № 12. С. 219–230; 1904. № 1. С. 217–242.

39. Переписка русских генералов с императором Александром I // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С. 215–219.

40. Письма Беннигсена императору Александру I в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 233–246.

41. Письма Императора Александра I адмиралу Чичагову // Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 151–168; № 3. С. 197–213.

42. Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 23–86, 162–239.

43. Письмо императора Александра I к графу Н. П. Румянцеву // Русский архив. 1869. Стлб. 609–614.

44. Подвиги офицеров и солдат русской армии в сражении при Бородино: Сб. документов. М., 2012.

45. *Поливанов М. Д.* Дело генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 2. С. 1–10.

46. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1-е собр. Т. XIX. № 22256; Т. XXVI. № 19926; Т. XXIX. № 22374, № 22394, № 22428; № 22496; Т. XXXII. № 24975, 25141, 25295, 25296, 26059.

47. Поход августейшего императора Александра I в Германию и Францию и подвиги союзников его с описанием всех происшествий и достопамятнейших перемен. Ч. 1–4. СПб., 1814.

48. Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сб. документов. М., 1964.

49. Россия и Швеция: Документы и материалы, 1809–1818. М., 1985.

50. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 3. СПб., 1868; Т. 6. СПб., 1871; Т. 21. СПб., 1877; Т. 31. СПб., 1880; Т. 45. СПб., 1885; Т. 73. СПб., 1890; Т. 82. СПб., 1892; Т. 83. СПб., 1893; Т. 89. СПб., 1893; Т. 121. СПб., 1906.

51. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 1. СПб., 1876; Вып. 2. СПб., 1889; Вып. 3. СПб., 1890; Вып. 4. СПб., 1891; Вып. 10. СПб., 1898; Вып. 11. СПб., 1902; Вып. 13. СПб., 1906; Вып. 14. Ч. 1–2. СПб., 1913; Вып. 16. СПб., 1917.

52. Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.

53. *Сокольников М.* «Исполнено по высочайшему повелению...» Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольниковым, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» Минск, 2003.

54. Список генералитету по старшинству [по 19 июня 1803]. СПб., 1803.

55. Список генералитету по старшинству [по 18 января 1808 года]. СПб., 1808.

56. Список генералитету по старшинству [по 24 июня 1812 года]. СПб., 1812.

57. Список генералитету по старшинству [по 30 августа 1814 года]. СПб., 1814.

58. Список генералитету по старшинству [по 7 августа 1820 года]. СПб., 1820.

59. Список генералам, с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах [по 19 июня 1825 года]. СПб., 1825.

60. 1812–1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М., 1992.

61. Участие калмыков в наполеоновских войнах: Сб. документов и материалов. Элиста, 2012.

62. Учреждение для управления Большой действующей армией. СПб., 1812.

63. [*Чернышев А. И.*] Проект правил о порядке службы дежурных флигель-адъютантов при Его Величестве во время войны // Военный сборник. 1902. № 4. С. 229–236.

64. Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов. М., 1947.

65. Фельдмаршал Кутузов: Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995.

66. *Шильдер Н.* Приказ Чичагова о приметах Наполеона и о его поимке // Русская старина. 1892. № 12. С. 642.

67. *Ячменухин К. М.* «В исполнение сего высочайшего нам поручения...»: Записка А. А. Аракчеева, А. Д. Балашова и А. С. Шишкова Александру I // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. II. Труды ГИМ. Вып. 137. М., 2003. С. 189–194.

68. *Alombert P. C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Т. 1–6. Paris. 1902–1908.

69. *Angeberg.* Le Congrès de Vienne et les traits de 1815. Т. 1. Paris, 1864.

70. *Bailleu P.* Correspondance inédite Frédéric-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I-er d'après les originaux des archives de Berlin et de Saint-Pétersbourg. Leipzig, Paris, 1900.

71. Befreiungskrieg 1813 und 1814. Bd. V. Wien, 1913.

72. *Chuquet A.* Ordres et Apostilles de Napoléon I-er (1799–1815). Т. 1–4. Paris, 1911–1912.

73. *Clercq J. de.* Recueil des traités de la France. Т. II. Paris, 1880.

74. Correspondance de Napoléon I-er. Т. 1–32. Paris, 1858–1870.

75. Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I-er. Т. I–II. Neuchâtel, 1979.

76. Correspondance du maréchal Davout, prince d'Eckmühl, ses commandements, son ministère (1801–1815). Т. 1–4. Paris, 1885.

77. Correspondance du prince Joseph Poniatowsri avec France. Т. 3–5. Poznan, 1828–1829.

78. Correspondance militaire de Napoléon I-er. Т. 7–8. Paris, 1895–1897.

79. *Fabry G.* Etude sur les opérations de l'Empereur du 5.09. au 21.09.1813. Paris, 1913.

80. *Fabry G.* Etude sur les opérations de l'Empereur du 22.09. au 3.10.1813. Paris, 1913.

81. *Fabry G.* Etude sur les opérations du marechal Macdonald: Katzbach. Paris, 1910.

82. *Fabry G.* Etude sur les opérations du marechal Oudinot du 15.08. au 4.09.1813. Paris, 1910.

83. *Fabry G.* La campagne de Russie. Documents relatifs à l'aile gauche. Paris, 1912.

84. *Fabry G.* La campagne de Russie. Documents relatifs à l'aile droite. Paris, 1912.

85. *Fabry G.* La campagne de Russie (1812). Т. I–V. Paris, 1900–1903.

86. *Fabvier Ch.N.* Journal des opérations du 6-e corps pendant la campagne de France en 1814. Paris, 1819.

87. *Ficatier.* Campagnes mémoragles, des armée françaises en Egypte, Italie, Allemagne jusqu' en 1815. Paris, 1847.

88. *Foucart P.* Bautzen (un bataille de deux jours) 20–21 mai 1813. Vol. I–II. Paris, 1897–1901.

89. *Foucart P.* Campagne de Pologne. Т. 1–2. Paris, 1882.
90. *Grouchy E.* Lettres, ordres, decrets de Napoléon I-er de 1812, 1813 et 1814, non insérées dans la Correspondance. Paris, 1897.
91. *Handelsman M.* Instrukcje i depesze rezydentów francuskich w Warszawie. Т. II. Warszawa, 1914.
92. *Kerautret M.* Le grands traités de l'empire. Т. 2–3. Paris, 2004.
93. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1850. Т. III. Paris, 1909.
94. *Lobard J. W.* Materialien zur Geschichte der Jahre 1805, 1806 und 1807. Frankfurt, 1808.
95. *Margueron L.* Campagne de Russie. Т. I–IV. Paris, 1895–1906.
96. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état. Т. 1–2. Paris, 1880.
97. Napoléon Bonaparte: Correspondance générale. Т. 1–12. Paris, 2004–2012.
98. Rapports du maréchal Berthier à l'Empereur pendant la campagne de 1813. Т. 1. Paris, 1909.
99. *Tatischeff S.* Alexandre Ie et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801–1812. Paris, 1891.

Публикации материалов личного происхождения

100. *Аксаков С. Т.* Собр. соч. Т. 2. М., 1955.
101. Александр I и королева Гортензия. Одиннадцать писем к императору Александру I // Русская старина. 1908. № 2. С. 307–322.
102. [*Аракчеев А. А.*] Автобиографические заметки графа Аракчеева // Русский архив. 1866. Кн. 6. Стлб. 922–927.
103. Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891.
104. Архив Раевских. Т. I. СПб., 1908.
105. Атака лейб-казаков в сражении под Лейпцигом 1813 г. 4 октября // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011. С. 288–294.
106. *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. 3. СПб., 1886.
107. [*Бекетов П. П.*] Бумаги П. П. Бекетова // Русский архив 1880. Кн. 3. С. 362–363.
108. [*Бенкендорф А. Х.*] Воспоминания А. Х. Бенкендорфа. Зимняя кампания 1806–1807 // Император. 2007. № 11. С. 2–6; 2009. № 12. С. 21–27.
109. [*Беннигсен Л. Л.*] Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900.
110. *Беннигсен Л. Л.* Письма о войне 1812 г. Киев, 1912.
111. Беседы и частная переписка между императором Александром I и князем Адамом Чарторыйским. М., 1912.
112. *Булгарин Ф.* Воспоминания. М., 2001.

113. *Бутовский И.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и в начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I с Наполеоном. СПб., 1858.

114. [*Ван-Дедем А. Б. Ж.*] Воспоминания генерала Ван-Дедема о кампаниях 1812 и 1813 г. // Исторический вестник. 1900. № 7. С. 219–243.

115. [*Вейсенгоф Я.*] Из записок генерала Яна Вейсенгофа // Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 209–222; № 3. С. 227–238.

116. Взгляд маршала Сен-Сира на кампанию 1812 года // Военный журнал. 1846. Кн. 3. С. 81–126.

117. [*Вигель Ф. Ф.*] Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. 3. М., 1892.

118. *Вильсон Р. Т.* Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995.

119. *Военский К.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011.

120. *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск, 1991.

121. [*Воронцов М. С.*] Записки генерала М. С. Воронцова // 1812–1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М., 1992. С. 269–314.

122. [*Вьесс де Мармон О. Ф. Л.*] Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. М., 2003.

123. *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 1992.

124. *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882.

125. [*Гераков Г. В.*] Дневник 1812–1813 гг. Г. В. Геракова // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. IV. Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 125–215.

126. *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 2007.

127. *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях в Венгрии, с подробным описанием похода россиян противу французов с 1805 и 1806 года. Ч. I–II. М., 1808.

128. [*Голицын А. Б.*] Записка о войне 1812 года князя А. Б. Голицына // *Военский К.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911. С. 67–80.

129. [*Голицын А. Б.*] Записки о войне 1812 года князя А. Б. Голицына // Военный сборник. 1910. № 12. С. 21–35.

130. [*Голицын Н. Б.*] Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Н. Б. Голицына // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 139–194.

131. *Граббе П. Х.* Из памятных записок // Русский архив. 1873. Кн. 1. Стлб. 416–480.

132. [*Граббе П. Х.*] Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873.

133. *Грачев В. И.* Письма французского офицера из Смоленска в 1812 году. Смоленск, 1911.

134. *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990.

135. *Давыдов Д.* Военные записки. М., 1940.

136. *Де-ла-Флиз* [Д. П.] Поход Великой армии в Россию в 1812 г. // Русская старина. 1891. № 9. С. 451–476.
137. *Де Местр Ж.* Петербургские письма: 1803–1817. СПб., 1995.
138. [Денисов А. К.] Записки донского атамана Денисова. СПб., 2000.
139. Дневник свитского офицера // Русский архив. 1869. Стлб. 219–304; 1870. Стлб. 161–174.
140. Дневники офицеров русской армии // 1812–1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М., 1992. С. 315–487.
141. *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882.
142. *Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883.
143. [Ермолов А. П.] Записки А. П. Ермолова 1798–1826. М., 1991.
144. [Жиркевич И. С.] Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М., 2009.
145. [Жиркевич И. С.] Записки И. С. Жиркевича // Русская старина. 1874. № 12. С. 771–786.
146. Замечания А. С. Шишкова на проект манифеста о причинах и начале войны 1812 года // *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып. 2. С. 36–47.
147. Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 75–81.
148. *Зотов Р. М.* Рассказы о походах 1812-го года // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 461–497.
149. Из архива А. М. Римского-Корсакова: Письма Л. Л. Беннигсена к Римскому-Корсакову (1805–1807) // Русская старина. 1898. № 6. С. 121–133; № 7. С. 465–480.
150. Из дневника Бернгарди: Беседы с принцем Евгением Виртембергским // Русская старина. 1893. № 6. С. 41–60.
151. Из дневника графини Фосс обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 465–488.
152. Из записной книжки Коленкура // Русский архив. 1908. № 4. С. 465–475; № 5. С. 5–39.
153. Из семейного архива генерала А. Б. Фока // Военный сборник. 1905. № 5. С. 167–174.
154. Извлечения из перехваченных писем из французской армии ко многим лицам в разные места о нынешнем ее состоянии. Б. м., 1813.
155. Извлечение из писем разных чиновников французской армии, перехваченных на дороге от Дрездена к Лейпцигу и писанных в августе и сентябре 1812 года. М., 1813.
156. Иностранцы о войне 1812 года // Исторический вестник. 1894. № 10. С. 247–270.

157. К биографии графа Л. Л. Беннигсена // Военный сборник. 1905. № 2, 4–12.
158. *Казаков И. М.* Поход во Францию 1814 г. // Русская старина. 1908. № 3. С. 522–541.
159. *Каллаш В. В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912.
160. [*Ковальский Н. П.*] Из записок генерал-майора Н. П. Ковальского // Русский вестник. 1871. Т. 91. № 1. С. 78–118.
161. [*Колачковский К.*] Записки генерала Колачковского о войне 1812 года // Военно-исторический сборник. 1911. № 2. С. 15–54; № 3. С. 55–66; № 4. С. 67–80.
162. *Коленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
163. *Лажечников И. И.* Походные записки русского офицера. СПб., 1820.
164. *Лажечников И. И.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 1994.
165. [*Ланжерон А. Ф.*] Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 г. // Военный сборник. 1900. № 9. Приложения. С. 9–24.
166. [*Левенштерн В. И.*] Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 331–361; 1901. № 1. С. 103–128.
167. Лейпцигское сражение 1813 года глазами его участников // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 193–207.
168. *Липранди И.* Как был взят город Соассон 2/14 февраля 1814 года // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 903–921.
169. *Липранди И.* Несколько слов о значении Соассона в кампанию 1814 года // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 921–925.
170. *Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984.
171. [*Маевский С. И.*] Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 125–157; № 9. С. 253–305.
172. [*Марбо М.*] Мемуары генерала барона Марбо. М., 2005.
173. [*Марченко В. Р.*] Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011. С. 7–64.
174. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация и Империя). М., 1915.
175. *Мешетич Г. П.* Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 24–103.
176. *Михайловский-Данилевский А. И.* Вход российской армии в Париж марта 19-го 1814 года // Сын Отечества. 1816. № 48. С. 81–92.
177. *Михайловский-Данилевский А. И.* Два отрывка из истории 1812 года // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 498–507.

178. *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 301–379.
179. [*Михайловский-Данилевский А. И.*] Записки А. И. Михайловского-Данилевского: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7. С. 175–207.
180. [*Михайловский-Данилевский А. И.*] Записки А. И. Михайловского-Данилевского: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 130–168.
181. [*Михайловский-Данилевский А. И.*] Мемуары из коллекции А. И. Михайловского-Данилевского // Русское прошлое. Кн. 7. СПб., 1996. С. 138–158.
182. *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары 1814–1815. СПб., 2001.
183. *Михайловский-Данилевский А. И.* О пребывании русских в Париже в 1814 году // Русский вестник. 1819. № 9. С. 5–44.
184. [*Михайловский-Данилевский А. И.*] Представители России на Венском конгрессе в 1815 году (Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского) // Русская старина. 1899. № 6. С. 627–650.
185. *Морозов Н.* Бои у Гутштадта и Гейльсберга: Май 1807 года // Военный сборник. 1907. № 5. С. 1–26.
186. *Морозов Н.* Фридланд: 2-го июня 1807 года // Военный сборник. 1907. № 6. С. 1–22.
187. [*Муромцев М. М.*] Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 3. С. 366–394.
188. *Наполеон Бонапарт.* Максимумы и мысли узника Святой Елены. СПб., 2000.
189. *Наполеон Бонапарт.* О военном искусстве: Избранные произведения. М., 2003.
190. [*Нессельроде К. В.*] Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 491–534.
191. *Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. СПб., 1909.
192. *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.
193. [*Норов А. С.*] Воспоминания Авраама Сергеевича Норова // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 173–214.
194. *Норов В. С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 1–2. СПб., 1834.
195. [*Орлов М. Ф.*] Капитуляция Парижа в 1814 году. Рассказ М. Ф. Орлова // Русская старина. 1877. № 12. С. 633–662.
196. *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 585–610.
197. [*Орлов М. Ф.*] Капитуляция Парижа 1814 г. (Из записок М. Ф. Орлова) // Военный сборник. 1864. № 6. С. 287–309.

198. *Петров М. М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 104–355.

199. Письма А. А. Закревского к братьям К. Я. и А. Я. Булгаковым // Российский архив. 2003. Вып. XII. С. 29–53.

200. Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 104–110.

201. Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1089–1131.

202. Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1. С. 129–172.

203. Письма И. П. Оденталю к А. И. Булгакову // Русская старина. 1912. № 5. С. 409–429; № 6. С. 596–614; № 7. С. 134–144; № 8. С. 165–171; № 9. С. 289–293; № 10. С. 12–16; № 11. С. 322–339; № 12. С. 428–437.

204. Письмо А. П. Ермолова к Н. Г. Устрялову // Русская старина. 1872. Т. VI.

205. Письмо императора Александра I Н. И. Салтыкову // Русская быль. Вып. XI. М., б/г. С. 121–123.

206. Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное // Русская старина. 1899. № 10. С. 79–89.

207. Поденный журнал во время похода из С.-Петербурга за границу в Прусские владения 1807 года февраля с 23 по 25 августа // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VII. Труды ГИМ. Вып. 179. М., 2008. С. 315–324.

208. *Потоцкая А.* Мемуары. М., 2005.

209. *Радожницкий И. Т.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835.

210. [*Раевский Н. Н.*] Личные письма генерала Н. Н. Раевского // 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М., 1992. С. 205–266.

211. *Ростопчин Ф. В.* Ох, французы! М., 1992.

212. *Ростопчин Ф. В.* Письма к своей супруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8. С. 461–500.

213. [*Рунич Д. П.*] Из записок Д. П. Рунича // Русская старина. 1901. № 2. С. 325–357.

214. [*Сакен Ф. В.*] Из записок фельдмаршала Сакена // Русский архив. 1900. № 2. С. 161–180.

215. [*Санглен Я. И.*] Записки Я. И. де Санглена // Русская старина. 1883. № 3. С. 539–558.

216. [*Сангушко Е. И.*] Мемуары князя Сангушки // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 671–700.

217. [*Сегюр Ф.*] Из записок графа Филиппа Сегюра // Русский архив. 1908. № 1. С. 5–24; № 2. С. 277–287; № 3. С. 436–447; № 4. С. 476–492; № 5. С. 40–71.

218. *Симанский П.* Перед войной 1812 года. СПб., 1906.
219. Тайны царского двора (из записок фрейлин). М., 1997.
220. *Талейран [Ш. М.]* Мемуары. М.; Л., 1934.
221. 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.
222. 1812 год... Военные дневники. М., 1990.
223. 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.
224. 1812 год: Мемуары современников и очевидцев // Русская быль. Вып. XI. М., б. г. С. 124–140.
225. [Тучков С. А.] Записки Сергея Алексеевича Тучкова 1766–1808. М., 2011.
226. *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1–4. Вильна, 1900–1907.
227. Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876.
228. [Чарторыйский А.] Из записок князя Адама Чарторыйского: Русский Двор в конце XVIII и начале XIX столетия. 1795–1805. М., 2007.
229. *Чарторыйский А.* Мемуары князя Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1–2. М., 1912.
230. [Чичагов П. В.] Из записок адмирала Чичагова // Русский архив. 1869. № 7–8. Стлб. 1147–1176.
231. [Шаховской А. А.] Воспоминания князя А. А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11. С. 372–402.
232. *Шильдер Н. К.* Накануне Эрфуртского свидания 1808 года // Русская старина. 1899. № 4. С. 3–24.
233. [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. Берлин, 1870.
234. [Шуазель-Гуфье С.] Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Софии Шуазель-Гуфье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 2007.
235. *Щербатов А. Г.* Мои воспоминания. М., 2006.
236. *Щербинин А. А.* Военный журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 242–300.
237. [Энгель И. С.] Изюмские гусары в «Битве народов» под Лейпцигом (Воспоминания корнета И. С. Энгеля) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IX. Труды ГИМ. Вып. 183. М., 2010. С. 339–358.
238. *Cathcart G.* Commentaries on the War in Russia and Germany, 1812 and 1813. London, 1850.
239. *Chuquet A.* Lettres de 1812. I série. Paris, 1911.
240. *Czartoryski A.* Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I-er. Paris, 1887.
241. [De Pradt D.] Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812, par M. De Pradt. Paris, 1817.

242. [Dumas M.] Souvenirs du lieutenant-général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1836. T. 3. Paris, 1839.

243. *Labaume E.* Relation complète de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1820.

244. [Langeron A.] Mémoires de Langeron, general d'infanterie dans l'armée russe: Campagnes de 1812, 1813, 1814. Paris, 1902.

245. *Las Cases E. A. D.* Mémorial de Saint-Hélène. Paris, 1968.

246. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812, publiées d'après les pièces communiquées par S. E.M. Goriainow. Paris, 1913.

247. [Macdonald E. J. J. A.] Souvenirs du maréchal Macdonald, duc de Tarente. Paris, 1892.

248. *Müffling C.* Aus meinem Leben. Berlin, 1851.

249. [Müffling C.] The memoirs of baron von Müffling: A prussian officer in the Napoleonic wars. London, 1997.

250. *Ploto C.* Tegebuch während des Kriges zwischen Russland und Preussen einerseits, und Frankreich anderseis, in den Jahren 1806–1807. Berlin, 1811.

251. [Sérurier J.] Mémoires militaires du baron Sérurier colonel d'artillerie légère. Paris, 1894.

252. *Soltyk R.* Napoléon en 1812, mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris, 1836.

253. [Stedingk C. L.] Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. T. I–III. Paris, 1845–1847.

254. *Stenger G.* Le retour des Bourbons: 1814–1815. Paris, 1908.

255. [Tchitchagoff P. V.] Mémoires de l'amiral Tchitchagoff. Paris, 1909.

256. [Tchitchagoff P. V.] Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff: Campagnes de la Russie en 1812. Berlin, 1855.

257. [Viessé de Marmont A. F. L.] Mémoire justificatif du maréchal Marmont, duc de Raguse. Amsterdam; Paris, 1830.

258. [Vitrolles E. F.] Mémoires et relations politiques du baron de Vitrolles. T. I. Paris, 1884.

259. [Wurttemberg E.] Memoiren des Herzogs Eugen von Württemberg. Vol. 1–3. Frankfurt, 1862.

Публицистика

260. Вестник Европы. 1813.

261. *Герарков [Г. В.]* Чувства верноподданного излившиеся при чтении манифеста о милиции от 30 ноября 1806 года. СПб., 1807.

262. *Зиновьев Д.* Набат по случаю войны с французами. Казань, 1807.

263. Известия о военных действиях российской армии против французов, второй половины 1813 г. и до окончания войны 1814 года. СПб., 1814.

264. Известия о военных действиях российской армии против французов 1812 года. СПб., 1813.

265. Известия о военных действиях российской армии против французов 1813 года. СПб., 1814.

266. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

267. Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов. М., 1962.

268. Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям № 50 в пятницу июня 21-го дня 1812 года.

269. Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям № 51 во вторник июня 25-го дня 1812 года.

270. Прибавление 2-е к Санкт-Петербургским ведомостям № 51 во вторник июня 25-го дня 1812 года.

271. Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям № 52 в пятницу июня 28-го дня 1812 года.

272. Рассуждение об участии, приемлемом Россию в нынешней войне, сочиненное другом политической свободы и взаимной независимости всех народов. Кельн, 1807.

273. Санкт-Петербургские ведомости. № 104 от декабря 29 1805 года.

274. Сын Отечества. 1812–1813.

275. *Bulletins officiels de la Grande Armée, recueillis et publiés par A. Goujon.* Т. 1–4. Paris, 1820–1821.

276. *Pascal A.* Les bulletins de la Grande Armée, precedes des rapports sur l'armée française depuis Toulon jusqu' à Waterloo. Т. 1–6. Paris, 1841–1844.

Литература

1. *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990.

2. *Абалихин Б. С.* О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 года // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 64–79.

2. *Ададуров В.* «Наполеонида» на сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007.

3. *Айрапетов О.* Внешняя политика Российской империи 1801–1914. М., 2006.

4. Александр I, Наполеон и Балканы. Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997.

5. *Андреев И.* Атаманцы в Пруссии в 1807 г. Оттиск из газеты «Донская речь» за 1889 год.

6. *Андреанов П. М.* Война 1814 г. от Рейна до Парижа. Одесса, 1914.

7. *Андреанов П. М.* От Немана до Рейна. Война 1813 г. Борьба за освобождение Европы от ига Наполеона. СПб., 1913.

8. *Андреанов П. М.* Преддверие великой годовщины. Борьба России с Францией до Отечественной войны. Одесса, 1911.

9. Анекдоты, черты из жизни графа Милорадовича. Киев, 1881.

10. *Анисимов Е.* Генерал Багратион: Жизнь и война. М., 2009.
11. *Баиов А. К.* Военное дело в эпоху императора Павла I // История русской армии и флота. Т. III. М., 1911. С. 3–22.
12. *Баиов А.* Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. СПб., 1913.
13. *Балк.* Наполеоновская подготовка сражений и управление ими // Варшавский военный журнал. 1901. № 4. С. 365–272.
14. *Безотосный В. М.* А была ли война Отечественной? // Родина. 2012. № 6. С. 4–8.
15. *Безотосный В. М.* Антинаполеоновские войны: борьба с прогрессом или агрессия? (Полемика с Н. А. Троицким) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. VII. Труды ГИМ. Вып. 179. М., 2008. С. 390–418.
16. *Безотосный В. М.* Антинаполеоновские коалиции и их противник // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 125–137.
17. *Безотосный В. М.* Армейский генералитет в правление императора Александра I // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. III. Труды ГИМ. Вып. 142. М., 2004. С. 27–59.
18. *Безотосный В. М.* Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С. 7–46.
19. *Безотосный В. М.* Все сражения русской армии 1804–1814: Россия против Наполеона. М., 2012.
20. *Безотосный В. М.* Генералитет при Александре I // Петр Андреевич Зайончковский: Сб. статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 659–675.
21. *Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999.
22. *Безотосный В. М.* Наполеоновские войны. М., 2010.
23. *Безотосный В. М.* На пути к реформам: русская армия в начале царствования Александра I // Россия и Франция в начале XIX столетия: Просвещение. Культура. Общество. М., 2004. С. 116–127.
24. *Безотосный В. М.* Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 60–71.
25. *Безотосный В. М.* О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. IV. Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 294–310.
26. *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.
27. *Безотосный В. М.* Рец. на кн.: *Соколов О.* Битва двух империй 1805–1812. М.; СПб., 2012 // Российская история. 2012. № 6. С. 170–173.
28. *Безотосный В. М.* Рец. на кн.: *Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 года: История темы // Отечественная история. 1993. № 2. С. 202–207.

29. *Безотосный В. М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: стратегия или геополитика. М., 2012.

30. *Безотосный В. М.* Российский титулованный генералитет в войнах против наполеоновской Франции в 1812–1815 годах // Отечественная история. 1998. № 2. С. 178–189.

31. *Безотосный В. М.* Французы в составе российского генералитета в 1812 году // Французский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 143–147.

32. *Безотосный В. М.* Эпизод из истории русской разведки // II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997. С. 9–15.

33. *Безотосный В. М., Яновский А. Д., Петров Ф. А.* Александр I – Napoléon. М., 2012.

34. *Безсонов И.* Битва в Малоярославце 12 октября 1812 года. Калуга, 1912.

35. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина // Русская литературная критика XIX века. М., 2007.

36. *Бескровный Л. Г.* Действия русской армии против Наполеона в Восточной Пруссии в 1806–1807 гг. М., 1946.

37. *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962.

38. *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974.

39. *Бесов А. Г.* Военная политика России в XIX веке. М., 2001.

40. *Бесов А. Г.* О хронологии и финансовых издержках Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 167–169.

41. *Бессонов В. А.* Тарутинское сражение. М., 2008.

42. *Бессонов В. А.* Тарутинское сражение // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. V. Труды ГИМ. Вып. 161. М., 2006. С. 101–154.

43. *Блиох И. С.* Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. I. СПб., 1882.

44. *Богданович М.* История войны за независимость Германии по достоверным источникам. Т. I–II. СПб., 1863.

45. *Богданович М.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. Т. 1–2. СПб., 1865.

46. *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I–III. СПб., 1859–1860.

47. *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. I–VI. М.; СПб., 1869–1871.

48. *Богданович М.* Положение дел в политическом отношении при открытии похода во Францию 1814 г. // Военный сборник. 1864. № 1. С. 3–22.

49. *Богоявленский С. К.* Император Александр I и великая княжна Екатерина Павловна // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Т. V. М., 1994.

50. *Божерянов И. Н.* Великая княгиня Екатерина Павловна четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. СПб., 1888.

51. *Бонналь*. Виленская операция. СПб., 1909.
52. *Бутурлин Д. П.* Картина осеннего похода 1813 г., в Германии, после перемирия, до обратного перехода французской армии чрез Рейн. СПб., 1830.
53. *Валлоттон А.* Александр I. М., 1991.
54. *Вандаль А.* Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. I–III. СПб., 1910–1913.
55. *Васильев А. А.* Обзор французских документов-трофеев Отечественной войны 1812 г., хранящихся в фонде и коллекциях Военно-ученого архива // Документальные реликвии российской истории: 200-летие Военно-ученого архива. М., 1998. С. 123–134.
56. *Васильев А. А., Ивченко Л. Л.* Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6–7. С. 62–67.
57. *Васильев И. Н.* Несостоявшийся реванш: Россия и Франция 1806–1807 гг. Т. 1–3. М., 2010.
58. Великие императоры Европы: Наполеон I и Александр I. М., 2000.
59. *Вершинин А. А.* Углицкий полк. 1708–1918. Ярославль, 2008.
60. *Вильпен де Д.* Сто дней или дух самопожертвования. М., 2003.
61. *Виноградов В. Н.* Странная Русско-турецкая война (1806–1812) и Бухарестский мир // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 169–203.
62. *Витмер А.* Бородинский бой // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 91–174.
63. Военно-статистический сборник. Вып. IV. (Россия). Отд. 1. СПб., 1871.
64. *Военский К.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011.
65. *Военский К.* Наполеон и борисовские евреи в 1812 году // Военный сборник. 1906. № 9. С. 211–220.
66. *Военский К.* Отечественная война в русской журналистике: Библиографический сборник статей, относящихся к 1812 году. М., 2007.
67. *Володина Т. А.* «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России в начале XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 147–161.
68. *Воронов И.* Кто управлял русскими войсками в июне 1812 г. // Русская старина. 1912. № 7. С. 145–163.
69. *Вороновский В. М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912.
70. Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.
71. Всемирная история. Т. VI. М., 1959.
72. *Гальберштадт Л. И.* Восточный вопрос // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. II. М., 1911. С. 92–121.

73. *Гельмерт Г.* Освободительная война 1813 г. в военно-исторической литературе прусского Генерального штаба // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 357–371.

74. *Герцен А. И.* Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 7. М., 1956.

75. *Горностаев М. В.* Ф. В. Ростовчин и М. И. Кутузов: взаимоотношения двух главнокомандующих в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, факты. М., 2003. С. 28–47.

76. *Гросул В. Я.* Общественные настроения в России во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов // Российская история. 2012. № 6. С. 117–128.

77. *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968.

78. *Гулишамбаров С. О.* Всемирная торговля в XIX в. Участие в ней России. СПб., 1898.

79. *Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т.* Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. М., 1995.

80. *Данилова А.* Пять принцесс: Дочери императора Павла I: Биографические хроники. М., 2001.

81. *Дегоев В. В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004.

82. *Дживелегов А. К.* Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915.

83. *Додолев М. А.* Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М., 2000.

84. *Достян И. С.* Рец. на кн.: История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995 // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 162–164.

85. *Елчанинов А. Г.* История военного искусства. Войны Бонапарта и Александра I. СПб., 1909.

86. *Жилин П. А.* Отечественная война 1812 года. М., 1988.

87. *Жомини Г.* Очерки военного искусства. Т. II. М., 1939.

88. *Жордания О. К.* Декабрист А. М. Муравьев и его записки «Мой журнал». Тбилиси, 1990.

89. *Журавский Д. П.* Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. СПб., 1859.

90. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882.

91. *Зак Л. А.* Англия и германская проблема. М., 1963.

92. *Зак Л. А.* Монархи против народов: Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966.

93. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М., 1973.

94. *Захарчук О. Н.* Франкфуртские предложения союзников 1813: Принято или отвергнуто Наполеоном (К вопросу о трактовке доселе неизвестного в российской историографии документа) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. X. Труды ГИМ. Вып. 187. М., 2010. С. 168–173.

95. *Звавич И. С.* Как была заключена Таурогенская конвенция // Ученые записки МГУ. Вып. 114. История. М., 1947. С. 26–41.
96. *Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966.
97. *Ивченко Л. Л.* Бородинское сражение: История русской версии событий. М., 2009.
98. *Ивченко Л.* Кутузов. М., 2012.
99. *Исдейл Ч. Д.* Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997.
100. *Исхюль С. Н.* Внешняя политика Россия и Германские государства (1801–1812). М., 2007.
101. История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995.
102. *Йена Д.* Екатерина Павловна: Великая княжна, королева Вюртемберга. М., 2006.
103. *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.
104. *Казаков Н. И.* Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год. М., 1962. С. 9–30.
105. *Казаков Н. И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 31–47; № 4. С. 42–55.
106. *Каминский Л. С., Новосельский С. А.* Потери в прошлых войнах (1756–1918). М., 1947.
107. *Калинин С. Е.* Сражение при Либертовольквице // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 187. Т. X. М., 2012. С. 152–168.
108. *Кани С. Б.* Освободительная война 1813 г. в немецкой исторической литературе // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 130–141.
109. *Карамзин Н. М.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. Л., 1984.
110. *Кастело А.* Наполеон. М., 2004.
111. *Карцов А.* Военно-исторический обзор войны 1813 года. СПб., 1858.
112. *Карцов Ю., Военский К.* Причины войны 1812 года. СПб., 1911.
113. *Кеммерер [Р.]*. Развитие стратегической науки в XIX столетии. М., 1938.
114. *Керсновский А. А.* История Русской армии. Т. 1. М., 1992.
115. *Кизеветтер А.* Исторические отклики. М., 1915.
116. *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 1912.
117. *Кириллина Л. А.* Штейн и Россия: 1812 год // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995.
118. *Киселева Е. В.* Александр I и реставрация Бурбонов во Франции // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995. С. 63–78.
119. *Колобакин Б.* Прейсиш-Эйлауская операция: Сражение при Прейсиш-Эйлау (26-го и 27-го января 1807 г.). СПб., 1911.
120. *Кочетков А. Н.* О так называемом «плане М. И. Кутузова» 1805 г. // Исторический архив. 1956. № 6. С. 153–160.
121. *Крейе Э. Э.* Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814. М., 2002.

122. *Клаузевиц*, 1806 год. М., 1938.
123. *Клаузевиц*, 1812 год. М., 1937.
124. *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983.
125. *Корнилов А.* Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11.
126. *Кузнецова Г. А.* Александр I и Наполеон в Тильзите // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 243–248.
127. *Ланфре П.* История Наполеона I. Т. 1–5. СПб., 1870–1877.
128. *Лапина И. Ю.* Земское ополчение России 1812–1814 гг. СПб., 2007.
129. *Лаптева Л. П.* Правда о «катастрофе на Моравских прудах» в Аустерлицком сражении // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 203–206.
130. *Лачинов В. П.* Александр I и Наполеон в Эрфурте // Русская старина. 1897. № 5. С. 233–259.
131. *Лашук А.* Наполеон: Походы и битвы 1796–1815. М., 2004.
132. *Левецкий Н. А.* Лейпцигская операция 1813 года. М., 1934.
133. *Левецкий Н. А.* Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.
134. *Леер Г. А.* Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года. М., 2012.
135. *Леер Г. А.* Записки стратегии. СПб., 1877.
136. *Леер Г. А.* Подробный конспект войны 1805 года. Ульмская операция. СПб., 1887.
137. *Леер Г. А.* Прикладная тактика. Вып. 1. СПб., 1877.
138. *Ленц Т.* Наполеон. М., 2008.
139. *Леттов-Форбек О.* История войны 1806 и 1807 гг. Т. 1–4. Варшава, 1896–1898.
140. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
141. *Ливен Д.* Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 31–57.
142. *Ливен Д.* Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VI. Труды ГИМ. Вып. 166. М., 2007. С. 305–337.
143. *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.
144. *Лиддел Гарт Б. Х.* Стратегия непрямых действий. М., 1957.
145. *Логин В. Т.* Диалектика военно-исторического исследования. М., 1979.
146. *Люшковский М.* Полководческое искусство Кутузова в кампаниях 1805–1811 гг. М., 1943.
147. *Максимов К. Н., Ощиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012.
148. *Мальшикин С. А.* Судьба архивных документов русской армии эпохи Отечественной войны 1812 года // Отечественная история. 2008. № 2. С. 80–89.

149. *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1973.
150. *Мартенс Ф. Ф.* Александр I и Наполеон: Последние годы их дружбы и союза // Вестник Европы. 1905. № 2–4.
151. *Мезенцев Е. В.* Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (Действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008.
152. *Мещеряков Г. П.* Общий курс истории военного искусства. Вып. 2. М., 1953.
153. *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982.
154. *Мирный В.* Отход 1-й армии к Дриссе // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11–12. С. 374–382.
155. *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
156. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846.
157. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1–4. СПб., 1839.
158. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 года. Ч. 1–2. СПб., 1840.
159. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1–2. СПб., 1836.
160. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844.
161. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1–2. СПб., 1836.
162. *Михневич Н. П.* Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах. СПб., 1888.
163. *Могилевский Н. А.* От Немана до Сены: Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012.
164. *Морозов Н.* Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 39–99.
165. *Мэхэн А.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793–1812). Т. 1–2. М.; Л., 1940.
166. *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 1–5. Рига, 1886–1892.
167. *Назаров Д. А.* Наполеоновские войны: Первые две войны императора Александра I с Францией // История русской армии и флота. Т. III. М., 1911. С. 23–86.
168. Наполеон и Лувр. Из собраний музеев Франции. Выставка в Государственном историческом музее. М., 2010.
169. *Нарочницкий А. Л.* Политика России на Балканах в 1801–1812 гг. в свете новой документальной публикации. М., 1966.

170. *Нафziger Д. Ф.* Сражение при Фер-Шампенуазе // Император. 2000. № 1. С. 28–32.
171. *Нечаев С. Ю.* В 1812 г. Наполеону пришлось несладко не только в России // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. V. Труды ГИМ. Вып. 161. М., 2006. С. 23–42.
172. *Нечаев С. Ю.* Почему вице-адмирал Сенявин отказался помогать генералу Жюно, и чем это для него закончилось // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. II. Труды ГИМ. Вып. 137. М., 2003. С. 23–42.
173. *Неупокоев В. И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX века. М., 1987.
174. *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. М., 1999.
175. *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 1–2. СПб., 1912.
176. *Николай Михайлович, вел. кн.* Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. СПб., 1901.
177. *Никулищев Б. А.* Марш-маневр Наполеона на Малоярославец // Военно-исторический сборник. 1911. № 2. С. 133–142.
178. Обзор кампании 1805 года в Германии и Италии. СПб., 1889.
179. *Огородников Ф. Е.* Военные средства Англии и революционные и наполеоновские войны. СПб., 1902.
180. *Оксман Г. В.* Марш-маневр М. И. Кутузова в кампанию 1805 г. // Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955. С. 52–85.
181. *Окунев Н. А.* Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 года. СПб., 1912.
182. *Олейников Д. И.* Бенкендорф. М., 2009.
183. *Омельянович.* План Пфуля // Военный сборник. 1898. № 2. С. 222–259.
184. *Орлов А. А.* Галломания в России (кон. XVIII — нач. XIX в.) // Франция и Россия в начале XIX столетия: Просвещение. Культура. Общество. М., 2004. С. 20–29.
185. *Орлов А. А.* Пребывание эскадры Д. Н. Сенявина в Англии в 1808–1809 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. III. Труды ГИМ. Вып. 142. М., 2004. С. 7–26.
186. *Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона: Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
187. *Орлов Н. А.* Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911. С. 69–119.
188. *Орлов Н. А.* Низложение Наполеона в 1814 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911. С. 120–155.
189. Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965.
190. *Павленко Н.* Некоторые эпизоды Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1941. № 5. С. 22–44.

191. *Панченко А. А.* Эйлау 1807 года: точки зрения на соотношение сил, ход и итоги сражения // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 2005. С. 29–40.
192. *Петухов В.* Бой под Вязьмой в связи с общим обзором Отечественной войны 1812 г. Вязьма, 1912.
193. *Печерин Я. И.* Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896.
194. *Писанко А. А.* Вяземский бой 22 октября 1812 г. М., 1912.
195. *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.
196. *Пичета В.* Война 1812 г. и народное хозяйство // Война и мир. М., 1912. С. 227–246.
197. *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М., 1954.
198. *Подмазо А. А.* «Преступление и наказание». Дело генерала Лошакова (к 200-летию Аустерлицкого сражения) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 7–22.
199. *Подмазо А. А.* Списки генералов по старшинству, как источники // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Факты. Малоярославец, 2003. С. 12–18.
200. *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.
201. *Полосин И. И.* Кутузов и пожар Москвы 1812 г. // Исторические записки. Т. 34. М., 1950. С. 122–165.
202. *Попов А. И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002.
203. *Попов А. И.* Первое дело под Красным. М., 2007.
204. *Попов А. И.* «Смоленские битвы»: Непредвиденная баталия или стычка, перешедшая в сражение. Т. 2. М., 2012.
205. *Попов А. И.* Смоленские баталии: Сражение за Смоленск. Т. 1. М., 2012.
206. *Попов А. Н.* Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1898. № 11. С. 397–419.
207. *Попов А. Н.* От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 1. С. 21–68; № 2. С. 261–307; № 3. С. 419–453; № 4. С. 608–640; № 10. С. 177–204; № 11. С. 353–365.
208. *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года: Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. Т. 1. М., 1905.
209. *Попов А. Н.* Славянская заря в 1812 году // Русская старина. 1892. № 12. С. 617–642.
210. *Попов А. Н.* Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 2. С. 145–184; № 3. С. 341–378.
211. *Потрашков С. В.* Генерал от кавалерии А. П. Торماسов в Отечественной войне 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 2001. С. 10–28.

212. *Предтеченский А. В.* Англомания // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб., 1999.
213. *Предтеченский А. В.* Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 222–244.
214. *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957.
215. *Пресняков А. Е.* Александр I. Пг., 1924.
216. *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918.
217. *Пугачев В. В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. М., 1962. С. 31–46.
218. *Рабинович Я. Н.* Неизвестное сражение при Прейсиш-Эйлау 26 января 1807 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2007. Т. 7. С. 28–33.
219. *Рахимов Р. Н., Сидорова Н. И.* 1812 год: Сражаясь с Наполеоном. Народы Башкирии в российской армии. Уфа, 2012.
220. *Рахимов Р. Н.* Башкиры и калмыки в Прусском походе 1807 г. // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 76–91.
221. *Ревякин А. В.* История международных отношений в Новое время. М., 2004.
222. *Регсдейл Х.* Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 гг. // Отечественная история. 2001. № 3. С. 3–25.
223. Рига и рижский отряд в октябре–декабре 1812 г. // Военный сборник. 1906. № 1. С. 24–42.
224. *Рогинский В. В.* Борьба за Скандинавию: Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М., 2012.
225. *Сагацкий И.* «Перлы» и «клоква» мемуаров барона де Марбо // Военная быль. 1965. № 73. С. 36–38.
226. *Сапожников А. И.* Войско Донское в наполеоновских войнах: Кампании 1805–1807 гг. М.; СПб., 2008.
227. *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998.
228. *Сивков К.* Влияние войны 1812 г. на духовную жизнь России // Война и мир. М., 1912. С. 210–226.
229. *Сивков К. В.* Финансы России после войн с Наполеоном // Отечественная война и русское общество. Т. VII. М., 1912. С. 124–136.
230. *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966.
231. *Сироткин В. Г.* Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея: К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 222–243.
232. *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов. Ч. 1–9. СПб., 1832.
233. *Слоон В.* Новое жизнеописание Наполеона I. Т. 1–2. СПб., 1896.

234. *Собко Е. М.* Великая княгиня Екатерина Павловна // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 135–139.
235. *Собуль А.* Герой, легенда и история // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. 1969. М., 1971. С. 233–254.
236. *Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб., 1999.
237. *Соколов О. В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I–II. М., 2006.
238. *Соколов О. В.* Битва двух империй 1805–1812. М.; СПб., 2012.
239. *Соколов О. В.* Погоня за миражом: Политическая обстановка и план Наполеона накануне войны // Родина. 1992. № 6–7. С. 18–21.
240. *Соловьев С.* Император Александр Первый. Политика — дипломатия. СПб., 1877.
241. Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9. С. 60–66.
242. *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.
243. Столетие Военного министерства. Т. II. Кн. 2. СПб., 1904; Т. III. Отд. 4. СПб., 1907; Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1902.
244. *Сучугова Н.* Дипломатическая миссия Джона Куинси Адамса в 1809–1814 годах. М., 2007.
245. *Тарле Е. В.* Континентальная блокада // Соч. Т. III. М., 1958.
246. *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1936.
247. *Тартаковский А. Г.* «Бюллетень» М. Ф. Орлова о поездке во французскую армию в начале войны 1812 г. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 416–438.
248. *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967.
249. *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996.
250. *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.
251. *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890.
252. *Татищев С. С.* Мировой раздел: от Тильзита до Эрфурта // Русский вестник. 1890. № 3, 4; 1891. № 2, 9, 11, 12.
253. *Терешкина Е. А.* Прусский вопрос во внешней политике России // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007. № 5. С. 3–32.
254. *Тиванов В. В.* Финансы русской армии (XVIII век — начало XX века). М., 1993.
255. *Тимощук В.* Брачные проекты Великих Княжон Екатерины Павловны и Анны Павловны // Русская старина. 1911. № 3. С. 521–537.
256. *Тотфалушин В. П.* Влияние французской военной доктрины на развитие русской армии и русского военного искусства // Новая и новейшая история: Проблемы общественной жизни. Саратов, 1991. С. 25–33.
257. *Трачевский А.* Новая история. Т. II. СПб., 1908.

258. *Трачевский А.* Франко-русский союз в эпоху Наполеона // Исторический вестник. 1891. № 6. С. 568–594.
259. *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994.
260. *Троицкий Н. А.* Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: Смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук. 2004. № 12. С. 72–83.
261. *Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 года: История темы. Саратов, 1991.
262. *Троицкий Н. А.* 1812: Великий год России. М., 1988.
263. *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002.
264. Труды императорского Русского Военно-исторического общества. Т. VI. Кн. 2. СПб., 1912.
265. *Туган-Барановский М. И.* Война 1812 г. и промышленное развитие России // Отечественная война и русское общество. Т. VII. М., 1912. С. 105–112.
266. *Турусов В. П.* Развитие дивизионной системы в русской армии начала XIX в. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VII. Труды ГИМ. Вып. 179. М., 2008. С. 48–71.
267. *Тюлар Ж.* Мюрат или пробуждение нации. М., 1993.
268. *Тюлар Ж.* Наполеон или миф о «спасителе». М., 1996.
269. *Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1996.
270. *Урланис Б. Ц.* История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994.
271. *Федосова Е. И.* Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980.
272. *Харкевич В.* Березина. СПб., 1893.
273. *Харкевич В.* 1812 год: от Немана до Смоленска. Вильно, 1901.
274. *Хатов А. И.* Поход российских императорских войск в Пруссию 1806 года. СПб., 1839.
275. *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX–XX веках (1800–1917). М., 1950.
276. *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона: Триумф и трагедия завоевателя. М., 1999.
277. *Чубарьян А. О.* Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987.
278. *Чуйкевич П. А.* Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810.
279. *Чуйкевич П.* Рассуждения о войне 1812 года. СПб., 1813.
280. *Чумиков А. А.* Вызов на дуэль князя Меттерниха императором Александром I // Русская старина. 1887. № 6. С. 639–642.
281. *Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925.
282. *Шебунин А.* Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века // Борьба классов. 1924. № 1–2.

283. *Шедивы Я.* Меттерних против Наполеона. М., 1991.
284. *Шейн И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002.
285. *Шейн И. А.* Издание и описание документов Военно-ученого и Лефортовского архивов накануне столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. // Отечественные архивы. 2002. № 1. С. 14–29.
286. *Шиканов В. Н.* Первая Польская кампания 1806–1807. М., 2002.
287. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. I–III. СПб., 1904–1905.
288. *Шолохов И. И.* Аустерлиц 1805 года. М., 1932.
289. *Языков А.* Батальон Е. И. Высочества великой княгини Екатерины Павловны. СПб., 1868.
290. *Яновский А. Д.* Российская дореволюционная историография кампании 1805 года // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 2005. С. 3–19.
291. *Adams M.* Napoleon and Russia. London, 2006.
292. *Alison A.* History of Europe from the Commencement of the French Revolution to the Restoration of the Bourbons in 1815. Vol. 1–16. London, 1847–1854.
293. *Aster C. H.* Die Gefechte und Schlachten bei Leipzig im Oktober 1813. Bd. 1–2. Dresden, 1852–1853.
294. *Aster C. H.* Die Kriegsereignisse zwischen Peterswalde, Pirna, Königstein und Priesten im August 1813 und Schlacht bei Kulm. Dresden, 1845.
295. *Beizke H.* Geschichte der deutaschen Freiheitskriege in dem Jahre 1813 und 1814. B. I–II. Berlin, 1854–1858.
296. *Bertaud J. P.* Le Consulat et de l'Empire 1799–1815. Paris, 2004.
297. *Bertier de Sauvigny G.* Metternich. Paris, 1986.
298. *Bezotosnyi V.* L'organisation de l'armée russe (1810–1812) // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. 12. Paris, 2012. P. 1377–1388.
299. *Bleibtreu C.* Die Völkerschlacht bei Leipzig. Leipzig, 1907.
300. *Blond G.* La Grande Armée. 1804–1815. Paris, 1979.
301. *Boudon J. O.* Histoire du Consulat et de l'Empire 1799–1815. Paris, 2000.
302. *Bowden S.* Napoleon and Austerlitz. Chicago, 1997.
303. *Bowden S.* Napoleon's Grande Armee of 1813. Chicago, 1990.
304. *Caemmerer R.* Geschichte des Frühjahrfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bd. 1–2. Berlin, 1909.
305. *Caemmerer R.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Strategischer Überblick. Berlin, 1907.
306. *Carlowitz W. J.* Die Völkerschlacht bei Leipzig vom 16–19 Oktober 1813. Leipzig, 1913.
307. *Chandler D. G.* The Campaigns of Napoleon. London, 1966.
308. *Chambray.* Histoire de l'expédition de Russie. T. 2–3. Paris, 1839.
309. *Craig G.* Problems of Coalition Warfare: The Military Alliance Against Napoleon, 1813–1814. Colorado Springs, 1965.

310. Das Jahr 1813. Berlin, 1963.
311. *Dodge T. A.* Napoleon. A History of the Art of War. Vol. 1–3. Boston; New York, 1906.
312. *Drexel F.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Regensburg, 1913.
313. *Driault E.* Austerlitz. La fin du Saint Empire (1804–1806). Paris, 1912.
314. *Driault E.* La politique orientale de Napoléon: Sébastiani et Gardane. 1806–1808. Paris, 1904.
315. *Duffy C.* Austerlitz 1805. London, 1999.
316. *Eltling J. R.* Swords Around a Throne: Napoleon's Grande Armée. London, 1988.
317. *Esdail Ch. J.* Napoleon's Wars. An International History 1803–1815. London, 2009.
318. *Esdail Ch. J.* The Wars of Napoleon. London, 1995.
319. *Fain A. J. F.* Manuscrit de mil huit cent douze. T. 1–2. Paris, 1827.
320. *Fain A. J. F.* Manuscrit de mil huit cent quatorze. Paris, 1823.
321. *Fain A. J. F.* Manuscrit de mil huit cent treize. T. 1–2. Paris, 1824–1825.
322. *Fitchett W. H.* How England Saved Europe. London, 1899.
323. *Foch F.* La bataille de Laon, mars 1814. Paris, 1921.
324. *Förster.* Geschichte der Befreiungskriege 1813, 1814, 1815. Bd. 1–3. Berlin, 1856–1861.
325. *Friederich R.* Geschichte des Herbstfeldzuges 1813. Bd. 1–3. Berlin, 1903–1906.
326. *Friederich R.* Die Befreiungskriege 1813–1815. Bd. 1–4. Berlin, 1911–1913.
327. *Friederich R.* Die Schlacht an der Katzbach. Berlin, 1913.
328. *Fugier A.* La Révolution française et l'Empire napoléonien. Paris, 1954.
329. *Fuller W.* Strategy and Power in Russia 1600–1914. New York, 1992.
330. *Grimsted P.* The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825. Berkeley; Los Angeles, 1969.
331. *Grolman K.* Geschichte des Feldzuges von 1814. Bd. 1–4. Berlin, 1842–1843.
332. *Guillaume de Vaudoncourt F.* Histoire des campagnes de 1814 et 1815 en France. T. 1–4. Paris, 1826.
333. *Hall C. D.* British Strategy in the Napoleonic War 1803–1815. Manchester, 1992.
334. *Hartley J.* Alexander I. London, 1994.
335. *Holleben H.* Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Berlin, 1904.
336. *Holz G.* 1813–1815. Österreich in den Befreiungskriegen. Vienna, 1912.
337. *Horne A.* How far From Austerlitz? Napoleon 1805–1815. London, 1996.

338. *Hourtoulle F. G.* Davout terrible. Paris, 1975.
339. *Hourtoulle F. G.* 1814. La campagne de France. Paris, 1999.
340. *Houssaye H.* Iéna et la campagne de 1806. Paris, 1912.
341. *Houssaye H.* 1815: Les Cent-Jours, Waterloo, La Terreur Blanche. T. 1–3. Paris, 1893–1905.
342. *Houssaye H.* 1814: l'Histoire de la Campagne de France. Paris, 1888.
343. *Jackson W.* Seven Roads to Moscow. London, 1957.
344. *Josselson M., Josselson D.* The Commander. A Life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980.
345. *Keep J.* Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia 1462–1874. Oxford, 1985.
346. *Kissinger H. A.* A World Restored. Metternich, Castlereagh, and the Problems of Peace. 1812–1822. Boston, 1957.
347. *Klausewitz K.* La campagne de 1813 et la campagne 1814. Paris, 1900.
348. *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. T. II. Kraków, 1937.
349. *Lachouque H.* Napoléon, 20 ans de campagnes. Paris, 1964.
350. *Lawford J.* Napoleon: The Last Campaign, 1813–1815. London, 1976.
351. *Leggiere M. V.* Napoleon and Berlin: The Franco-Russian War in North Germany, 1813. Stroud, 2002.
352. *Leggiere M. V.* The Fall of Napoleon. T. 1. The Allied Invasion of France. Cambridge, 2007.
353. *Le Donne J.* The Grand Strategy of the Russian Empire 1650–1831. Oxford, 2004.
354. *Leonard K. C.* Geschichtliche Darstellung der Schlacht bei Hanau am 30 Oktober 1813. Hanau, 1913.
355. *Lieven D.* Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009.
356. Leipzig 1813. Die Völkerschlacht im nationalen deutschen Völkes. Leipzig, 1953.
357. *Lentz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. T. 1–2. Paris, 2002–2004.
358. *Madelin L.* Histoire de Consulat et de l'Empire. T. 1–16. Paris, 1937–1953.
359. *Maurde F. N.* The Leipzig Campaign: 1813 – Napoleon and the «Battle of the Nations». London; New York, 1908.
360. *McConnell A.* Tsar Alexander I: Paternalistic Reformer. New York, 1970.
361. *Mikaberidze A.* The Russian Officer Corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792–1815. Staplehurst, 2005.
362. *Muir R.* Britain and the Defeat of Napoleon, 1807–1815. New Haven; Londres, 1996.
363. *Mundt A.* Die Freiheitskriege in Bildern. Munchen; Leipzig, 1913.
364. *Mir J. P.* La Bataille de Paris. 30 mars 1814. Paris, 2004.

365. *Mir J. P.* La Grande impériale et et la campagne de 1814. Dictionnaire des officiers tués ou blessés au combat. Paris, 2002.

366. *Mirus R.* Das Treffen bei Wartenburg am 3 Oktober 1813. Berlin, 1863.

367. *Müffling F. K.F.* Betrachtungen über die grossen Operationen und Schlachten der Feldzüge von 1813 und 1814. Berlin, 1825.

368. *Müffling F. K.F.* History of the Campaign of 1815. London, 1816.

369. *Müffling F. K.F.* Zur Kriegsgeschichte der Jahre 1813 und 1814. Bd. 1–2. Berlin, 1824.

370. *Nafziger G.* Napoleon at Dresden. The Battle of August 1813. Chicago, 1991.

371. *Nafziger G.* Napoleon at Leipzig. Chicago, 1996.

372. *Nafziger G.* Napoleon at Lutzen and Bautzen. Chicago, 1992.

373. *Naumann K.* Die Völkerschlacht bei Leipzig. Leipzig, 1863.

374. *Nicolson H.* The Congress of Vienna. London, 1946.

375. *Odeleben E. O.* Napoleons Feldzug in Sachsen in Jahre 1813. Dresden; Leipzig, 1816.

376. *Odeleben E. O.* Napoleons Feldzug in Sachsen im Jahre 1813. Eine treue Skizze dieses Krieges, des französischen Kaisers und seiner Umgebungen. Leipzig, 1840.

377. *Odeleben E. O.* Sachsen und seine Krieger in den Jahren 1812 und 1813. Leipzig, 1829.

378. Oesterreich in den Befreiungskriegen. Bd. 1–10. Leipzig; Wien, 1911.

379. *Oncken W.* Österreich und Preussen in Befreiungskriege. Bd. 1–3. Berlin, 1876–1879.

380. *Osten-Sacken und von Rhein O.* Militärisch-politische Geschichte der Befreiungskriege im Jahre 1813. Bd. 1–2. Berlin, 1903–1906.

381. *Osten-Sacken und von Rhein O.* Napoleon bei Bautzen. Napoleonische Strategie in den Tagen vor Bautzen und Napoleonische Schlachtenleitung bei Bautzen. Berlin, 1905.

382. *Pallmann R.* Die Schlacht bei Grossbeeren und General von Bülow. Berlin, 1872.

383. *Palmer A.* Alexander I: Tsar of War and Peace. London, 1974.

384. *Parker H. T.* Three Napoleonic Battles. Durham, 1944.

385. *Parkinson R.* The Fox of the North. Life of Kutusov, general of War and Peace. London, 1976.

386. *Pellet J.J.* Bataille de la Moskwa. Paris, s/a.

387. *Pelet J.J.* Des principes operations de la campagne de 1813. Paris, 1827.

388. *Perrin E.* Maréchal Ney. Paris, 1993.

389. *Petre F. L.* Napoleon at Bay, 1814. London, 1914.

390. *Petre F. L.* Napoleon's Campaign in Poland 1806–1807. London, 1907.

391. *Petre F. L.* Napoleon's Last Campaign in Germany, 1813. London, 1912.

392. *Petrie Ch.* When Britain Saved Europe: the Tale and the Moral. London, 1941.

393. *Pflugk-Harttung J.* Illustrierte Geschichte der Befreiungskriege. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1913.

394. *Pflugk-Harttung J.* Leipzig, 1813. Aus den Akten des Kriegsarchivs des grossen Generalstabes. Gotha, 1913.

395. *Pigeard A.* L'armée napoléonienne. Paris, 1993.

396. *Pirenne J. H.* La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. Vol. 1–2. Neuchâtel, 1946–1949.

397. *Plotho C.* Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814. Bd. 1–3. Berlin, 1817–1818.

398. *Plotho C.* Relation de la bataille de Leipzig. Paris, 1840.

399. *Plotho C.* Tagebuch während des Krieges zwischen Russland und Preussen einerseits, und Frankreich andererseits, in den Jahren 1806–1807. Berlin, 1811.

400. *Quistorp B.* Geschichte der Nord Armee im Jahre 1813. Bd. I–II. Berlin, 1894.

401. *Reboule F.* Campagne de 1813: Les préliminaires. T. 1–2. Paris, 1910–1912.

402. *Rehtwisch Th.* Bautzen 20 und 21 Mai 1813. Leipzig, 1912.

403. *Rehtwisch Th.* Geschichte der Freiheitskriege 1812 bis 1815. Bd. 1–3. Leipzig, 1910.

404. *Rehtwisch Th.* Groß-Görschen 2 Mai 1813. Leipzig, 1912.

405. *Rey M. P.* Alexandre I–er, le tsar qui vainquit Napoléon. Paris, 2009.

406. *Rey M. P.* L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris, 2012.

407. *Riley J.* Napoleon and the World War of 1813. Lessons in Coalition Warfighting. London, 2000.

408. *Rosebery A.* Napoleon. The last Phase. London, 1900.

409. *Rüstow W.* Der Krieg von 1805 in Deutschland und Italien. Zürich, 1859.

410. *Savant J.* Napoléon. Paris, 1974.

411. *Schulte A.* Die Schlacht bei Leipzig. Bonn, 1913.

412. *Scott W.* Life of Napoleon. Vol. 1–9. Edinburgh, 1827.

413. *Sherwig J.* Guineas and Gunpower. British Foreign Aid in the Wars and France, 1793–1815. Cambridge, 1969.

414. *Sloane W N.* Life of Napoleon Bonapart. Vol. 1–4. London; N. Y., 1896.

415. *Smith D.* 1813. Leipzig. Napoleon and the Battle of the Nations. Greenhill, 2006.

416. *Sporschil J.* Die grosse Chronik. Geschichte des Krieges des verbündeten Europa gegen Napoleon Bonaparte in den Jahren 1813, 1814 und 1815. Bd. 1–7. Leipzig, 1838–1843.

417. *Sokolnicki M.* Generał Michał Sokolnicki 1760–1815. Kraków; Warszawa, 1912.

418. *Sorel A. L.* 'Europe et la Révolution française. T. 1–9. Paris, 1885–1911.
419. *Straube F.* Frühjahrsfeldzug 1813: Die Rolle der russischen Truppen bei der Befreiung Deutschlands vom Napoleonischen Joch. Berlin, 1963.
420. *Stuart Ch.* Narrative of the War in Germany and France in 1813 and 1814. London, 1830.
421. *Stulz P.* Fremdherrschaft und Befreiungskampf: Die preussische Kabinettpolitik und die Rolle der Volksmassen in den Jahren 1811 bis 1813. Berlin, 1960.
422. *Tatischeff S.* Alexandre Ie et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801–1812. Paris, 1891.
423. *Thiers L. A.* Histoire du Consulat et l'Empire. T. 1–21. Paris, 1845–1869.
424. *Thiry J.* La campagne de Russie. Paris, 1969.
425. *Thiry J.* La Chute de Napoleon I-er. Paris, 1938.
426. *Tournès R.* La campagne de printemps en 1813. Lützen. Étude d'un manœuvre Napoléonienne. Paris, 1931.
427. *Tourovérov N.* Les cosaques et Napoléon // Toute l'histoire de Napoléon. 1951. № 1. P. 15–28.
428. *Treuenfeld B.* Das Jahr 1813. Bis zum Schlacht von Gross Görschen. Bd. 1–2. Leipzig, 1901.
429. *Tulard J.* Bibliographie critique des Mémoires sur le Consulat et l'Empire. Genève, 1971.
430. *Tulard J.* Le Grand Empire 1804–1815. Paris, 1982.
431. *Tulard J.* Les historiens de Napoléon. Paris, 2003.
432. *Tulard J.* Napoléon et la noblesse d'Empire. Paris, 1979.
433. *Ulmann H.* Geschichte der Befreiungskriege 1813 und 1814. Bd. 1–2. München; Berlin, 1914–1915.
434. *Webster Ch. K.* The Congress of Vienna. 1814–1815. London, 1963.
435. *Weil M. H.* Campagne de 1813: la cavalerie des armées alliées. Paris. 1886.
436. *Weil M. H.* La campagne de 1814. T. 1–4. Paris, 1891–1895.
437. *Weil M. H.* Le Prince Eugène et Murat, 1813–1814. T. 1–5. Paris, 1902.
438. *Westmortland J. F.* Military Operations, 1813–1814. Tyne Wear, 1996.
439. *Wilson R.* Brief remarks on the character and composition of Russian army and sketch of the campaigns in Poland in the years 1806 and 1807. London, 1810.
440. *Wuttke H.* Die Völkerschlacht bei Leipzig. Berlin, 1863.

Диссертации

1. *Азронов Л. В.* Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

2. *Власкин А. Г.* Национально-освободительное движение в Германии в 1813 г. и внешнеполитическая поддержка его Россией: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1964.

3. *Жучков К. Б.* Военно-политическое противостояние России и Франции в декабре 1812 — феврале 1813 гг.: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 2010.

4. *Ионов А. В.* Внешняя политика России в годы крушения наполеоновской империи (1812–1814 гг.): Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1983.

5. *Кухарук А. В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1999.

6. *Могилевский Н. А.* Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2011.

7. *Оксман Г. В.* Русская армия в кампании 1805 года: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1955.

8. *Сперанский В. Н.* Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812–1814 годах: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Горький, 1967.

9. *Целоруниго Д. М.* Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам: Диссертация на соискание ученой степени. канд. ист. наук. М., 1996.

10. *Шистеров М. В.* Отечественная война 1812 года в зарубежной историографии: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

Справочные издания

1. Заграничные походы российской армии: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 2011.

2. Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М., 2011.

3. Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. Т. 1–3. М., 2012.

4. Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004.

5. *Подмазо А. А.* Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815). М., 1997.

6. *Подмазо А. А.* Большая Европейская война 1812–1815: Хроника событий. М., 2003.

7. *Шиканов В. Н.* Генералы Наполеона: Биографический словарь. М., 2004.

8. *Six G.* Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire. Т. 1–2. Paris, 1934.

9. *Paulluel A.* Dictionnaire de l'Empereur. Paris, 1969.
10. *Pigeard A.* Dictionnaire de la Grande Armée. Paris, 2002.
11. *Tulard J.* Dictionnaire Napoléon. T. 1–2. Paris, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Участие России в кампаниях 1805–1807 гг. и начало реформ в российской армии	
§ 1. Россия и Европа. Влияние геополитических факторов на причины и характер наполеоновских войн	68
§ 2. Начало наполеоновских войн и складывание 3-й антифранцузской коалиции	83
§ 3. Кампания 1805 г. и изменение международной ситуации	100
§ 4. Кампании 1806–1807 гг. («Польская война») и начало военных реформ	152
Глава 2. Эра Тильзита	
§ 1. Военно-политический союз с Францией. Тильзитская политика Александра I	211
§ 2. Военная подготовка и предвоенные планы сторон в 1812 г.	248
Глава 3. Отечественная война 1812 года – «година бед, година славы»	
§ 1. Первый период войны. Тактика «выжженной земли»	281
§ 2. Бородино и оставление русскими Москвы. Политический просчет Наполеона	327
§ 3. Преследование Великой армии и ее гибель	359
Глава 4. Россия в заграничных кампаниях 1813–1815 гг. и цена победы	
§ 1. Кампания 1813 г. и образование 6-й антифранцузской коалиции	396
§ 2. Поход во Францию. Агония наполеоновской империи	482
§ 3. Венский конгресс и вторая кампания во Франции 1815 г.	542
§ 4. Цена и последствия победы для России	564
Заключение	590
Список источников и литературы	596

«Огонь с четырех углов, или Пятеро братьев» (Наполеон Бонапарт делит Европу между родственниками). Гравюра неизвестного художника. Нач. XIX в.

Великое сражение при Аустерлице. 2 декабря 1805 год. Раскрашенная литография по оригиналу Д.Л. Ругендаса. Первая четверть XIX в.

*Сражение при Прейсиш-Эйлау. 8 февраля 1807 год.
Литография Марэн-Лавиня по оригиналу И. Беланже 1840-е гг.*

*Сражение при Фридрихс-Валде. 14 июня 1807 год. Гравюра акватинтой Ж.П. Жазе
по оригиналу Ш. Верне. Первая четверть XIX в.*

*Переход наполеоновской армии через Неман 12 июня 1812 г.
Гравюра И. Клаубера по рис. Д. Бажетти. 1814*

Кто кого? Художник В.В. Мазуровский. Холст, масло. 1912

*Лейб-гвардии Измайловский полк в сражении при Бородине 26 августа.
Художник А.Е. Коцебу. Холст, масло. 1840-е гг.*

*Лейб-гвардии Литовский полк в Бородинском сражении.
Художник Н.С. Самокиш. Холст, масло. 1911*

*Сражение под Малоярославцем 12 октября 1812 г. Художник П. Хесс.
Холст, масло. 1851*

*Отступление французов через р. Березину. Художник П. Хесс.
Холст, масло. 1844*

*Атаман Платов в сопровождении казаков, калмыков и татар.
Гравюра А. Гревариуса по оригиналу Г. Шадова. 1813*

*Казачи в Гамбурге. 18 марта 1813 г. Гравюра Кристофа Зура по оригиналу
Корнелиуса Зура. 1814*

*Сражение при Кацбахе 26 августа 1813 г.
Раскрашенная гравюра А. Бартша по оригиналу И.А. Клейна. 1810-е гг.*

*Торжественное вступление войск союзников в Лейпциг, 19 октября 1813 г.
Рисунок неизвестного художника, сделанный на месте события*

Тяжело раненный генерал К.Ф.Й. Вреде принимает в Ганау союзных монархов. Раскрашенная гравюра по оригиналу неизвестного художника. 1-я четверть XIX в.

Внезапное нападение. 1813. Гравюра резцом, акватинта, раскрашенная акварелью. 1-я половина XIX в.

*М.И. Платов. Раскрашенная акварелью и гуашью литография
В. Адама. 1830-е гг.*

Фер-Шамтенауз. 13 марта 1814 г. Тоновая литография. 1-я половина XIX в.

Застава Клиши. Оборона Парижа. 18 марта 1814 г. Художник Э.Ж.О. Верне. Холст, масло. 1820

*Бивуак казаков на Елисейских полях в Париже.
Раскрашенная гравюра по оригиналу Г.Э. Отица. 1815*

*Священный союз (рукопожатие
монархов России, Австрии
и Пруссии). Литография
по оригиналу И.К. Бока.
1-я половина XIX в.*

*Александр I верхом на коне. Художник Ф. Крюгер.
Холст, масло. 1837*

М.И. Кутузов. Художник Дж. Доу. Холст, масло. 1829

*М.Б. Барклай де Толли.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло. 1829*

*П.И. Багратион.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло.
Не позднее 1825*

*М.А. Милорадович.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло.
Не позднее 1825
(гравирован 1823)*

*А.П. Ермолов.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло.
Не позднее 1825*

*Н.Н. Раевский.
Копия С.Ф. Бабкова
с оригинала Дж. Доу
1820-х гг. Холст,
масло. 1970*

*П.М. Волконский.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло.
Не позднее 1825*

*Х.А. Ливен.
Художник Т. Лоуренс.
Холст, масло.
1821–1825*

*А.Х. Бенкендорф.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло. 1822*

*Д.В. Давыдов.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло.
Не позднее 1828*

*П.П. Коновницын.
Акварель
А.Г. Варнека.
1815–1822*

*Евгений Вюртембергский. Художник Р. Лаушерт.
Холст, масло. 1850*

*А.А. Аракчеев.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло. 1824*

*А.Д. Балашев.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло.
Не позднее 1825*

*Л.Л. Беннигсен.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло.
Не позднее 1825*

*Ф.Ф. Винцингероде.
Художник Дж. Доу.
Холст, масло.
Не позднее 1825*

Г.Л. Блюхер. Раскрашенная гравюра А. Леграна

*Наследный принц
Карл Юхан
(Ж.Б.Ж. Бернадот).
Литография
Ф.С. Дельпеша по
оригиналу Мозеса.
1-я половина XIX в.*

*К.Ф. Шварценберг.
Гравюра Ф. Линона
по оригиналу Винерона.
Начало XIX в.*

*М.И. Платов.
Гравюра В. Сэя
по оригиналу Т.Филлипса.
1814*

*Типы русской кавалерии. Раскрашенный офорт неизвестного художника.
1-я половина XIX в.*

Казак русской регулярной армии. Цветная литография Аликса по оригиналу А.И. Зауервейда. 1-я половина XIX в.

Сцена из военно-походной жизни. Офорт неизвестного художника, раскрашенный акварелью. 1-я половина XIX в.

Штаб-офицер Малороссийского кирасирского полка. Раскрашенная акватинта Л.И. Кия. 1815

*Русская императорская гвардия. Казак и офицер кавалерии.
Гравюра Лакоста-старшего, раскрашенная акварелью. 1830-е гг.*

*Фейерверкер гвардейской пешей артиллерии 1811.
Художник М.И. Белоусов. Сер. XIX в.*

*Унтер-офицер
и рядовой егерских
полков. Раскрашенная
акватинта Л.И. Кия.
1816*

*Рядовой Изюмского
гусарского полка.
Раскрашенная
литография
Л.И. Кия. 1817*

«Родомysl девятого наcтающeго вeкa». Гравюра Н. Менцова по оригиналу Ф.П. Толстого. 1838

Научное издание

Эпоха 1812 года

Безотосный Виктор Михайлович

**Россия в наполеоновских войнах
1805–1815 гг.**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Корректор *Т. Г. Суворова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 07.11.2014.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 39,5.

Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс),

8(499)709-72-95 (отдел реализации)